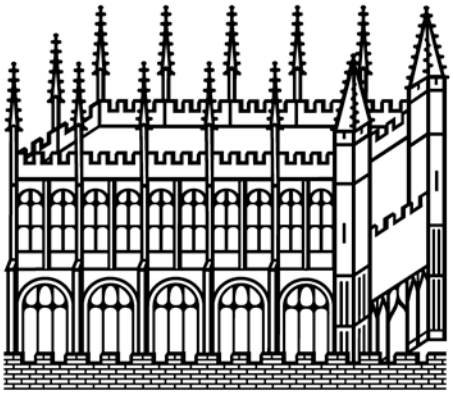


Bodleian Libraries

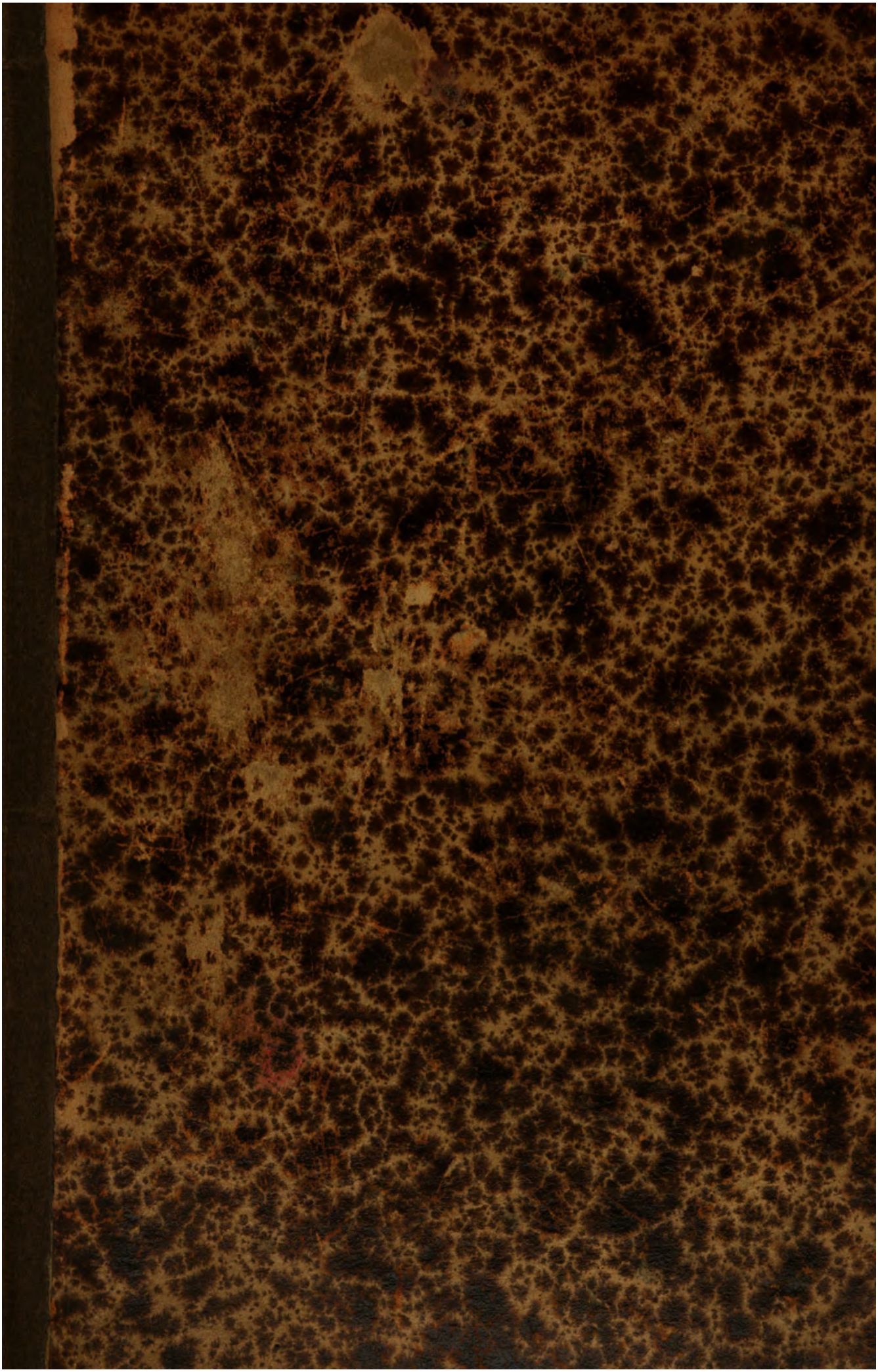
UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.



Bought from A. Strowe on report

Coll Cmpl P

24415 e. 141

Лев Владимирович Иславин

[illegible] Сочи, Мин
[illegible]

См. Маргиналии (?) 295

I

ЗАПИСКИ

КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ

ПИСАННЫЯ ЕЮ САМОЙ

Переводъ съ Англійскаго языка.

ЛОНДОНЪ.

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1859.

BODLEIAN
P
14 SEP 1967
LIBRARY

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Переводъ съ Англійскаго 'Записокъ Княгини Е. Р. Дашковой полученъ нами при слѣдующей отмѣткѣ:

Читатель этихъ "Записокъ" увидитъ изъ самаго сочиненія, какъ и когда онѣ изданы въ свѣтъ. Княгиня Дашкова посвятила ихъ своему молодому другу миссъ Уильмотъ, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобъ напечатать ихъ не прежде смерти автора. Но изданіе явилось въ Лондонѣ гораздо позже,—только черезъ тридцать лѣтъ послѣ кончины Дашковой, въ 1840 году.

М. Брадфордъ (издательница Записокъ и сестра миссъ Уильмотъ) объясняетъ это обстоятельство личными отношеніями къ родственникамъ покойной Дашковой. (см. Introduction, Memoires of Princess Dachkow). Она, конечно не хотѣла оскорбить укоромъ ихъ памяти своего друга или бросить на нихъ тѣнь подозрѣнія въ глазахъ царскаго правительства. Цари не любятъ истины даже въ прошедшемъ.

О достоинствахъ этихъ Записокъ нѣтъ нужды говорить. Русская офиціяльная Исторія полная вольнаго и невольнаго обмана, слишкомъ далека отъ того состоянія чтобъ пренебрегать голосомъ правды, гдѣ бы и кѣмъ бы онъ ни былъ поданъ. Записки Дашковой, нѣтъ сомнѣнія, составляютъ капитальный памятникъ въ ряду нашихъ лѣтописей. Въ нихъ говоритъ умная и образованная женщина, врагъ Петра III и другъ Екатерины II; она говоритъ о событіяхъ въ которыхъ большею частію, была сама участницей

или очевиднымъ свидѣтелемъ. Мы вѣримъ ей; ибо кто горячо ненавидитъ своевольную тиранію, тотъ горячо любитъ истину.

Остается прибавить, что полный переводъ этихъ записокъ уже давно былъ необходимъ для нашей исторіи. Онъ по нраву переходитъ съ чужой почвы на родную. К. М.

Приступая къ изданію Записокъ К. Дашковой мы сочли нужнымъ спросить мнѣнія Г. Герцена, издателя *Колокола и Полярной Звѣзды*,—онъ пишетъ въ своемъ отвѣтѣ:

"Записки Княгини Дашковой особенно важны теперь, послѣ напечатанія Записокъ Императрицы Екатерины II;: Записки Императрицы вдругъ прерваны на полуфразѣ въ началѣ 1759, такъ невольно и ждешъ продолженія ...особенно разсказа о 1762 году. Первая часть Записокъ Княгини Дашковой служитъ естественнымъ продолженіемъ и комментаріемъ Записокъ Екатерины II. Событія продолжаются съ тѣмъ же освѣщеніемъ у Дашковой, Екатерина растетъ и преображается подъ перомъ ея почитательницы.

Что касается до самой Дашковой, и о ея Запискахъ мнѣніе мое о нихъ такъ недавно было сказано въ III Книжкѣ Полярной Звѣзды, что я прошу позволеніе его повторить.

"Очень бы мнѣ хотѣлось, пишетъ Миссъ Катринъ Уильмотъ своимъ роднымъ въ Ирландію изъ деревни Дашковой, чтобъ вы могли взглянуть на самую Княгиню. Въ ней все, языкъ и платье—все оригинально; чтобъ она ни дѣлала, она рѣшительно ни на кого не похожа. Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слыхивала о такомъ. Она учитъ каменщиковъ класть стѣны, помогаетъ дѣлать дорожки, ходитъ кормить коровъ, сочиняетъ музыку, пишетъ статьи для печати, знаетъ до конца церковный чинъ и поправляетъ священника, если онъ не такъ молится, знаетъ до конца

театръ и поправляетъ своихъ домашнихъ актеровъ, когда они сбиваются съ роли; она докторъ, аптекарь, фельдшеръ, кузнецъ, плотникъ, судья, законникъ; она всякій день дѣлаетъ самыя противуположныя вещи на свѣтѣ, ведетъ переписку съ братомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи, съ учеными, съ литераторами, съ жидами, съ своимъ сыномъ, со всѣми родственниками. Ея разговоръ, увлекательный по своей простотѣ, доходитъ иногда до дѣтской наивности. Она нисколько не думая, говоритъ разомъ по французки, по итальянски, по русски, по англійски, путая всѣ языки вмѣстѣ.

"Она родилась быть министромъ или полководцемъ, ея мѣсто во главѣ государства".

Все это вѣрно, но Миссъ Уильмотъ забываетъ, что сверхъ того Дашкова родилась *женщиной и женщиной* осталась всю жизнь. Сторона сердца, нѣжности, преданности, была въ ней необыкновенно развита. Для насъ это особенно важно. Дашковою русская *женская личность*, разбуженная Петровскимъ разгромомъ, выходитъ изъ своего затворничества, заявляетъ свою способность и требуетъ участія въ дѣлѣ государственномъ, въ наукѣ, въ преобразованіи Россіи—и смѣло становится рядомъ съ Екатериной.

Въ Дашковой чувствуется та самая сила, не совсѣмъ устроенная, которая рвалась къ просторной жизни изъ подъ плесни московскаго застоя, что то сильное, многостороннее, дѣятельное петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическимъ воспитаніемъ и женственностью.

Екатерина II, дѣлая ее президентомъ Академіи, признала политическое равенство обоихъ половъ, совершенно послѣдовательное въ странѣ, принимавшей гражданскую правомѣрность женщинъ, остающихся на Западѣ прикрѣпленными къ мужьямъ или въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи.

Въ Русской исторіи бѣдной личностями, записки женщины, участвовавшей на первомъ планѣ въ переворотѣ 1762 года и видѣвшей возлѣ всѣ событія отъ смерти Елизаветы до тильзитскаго мира, чрезвычайно важны, тѣмъ больше, что мы очень мало знаемъ наше XVIII столѣтіе. Мы любимъ въ исторіи восходить гораздо дальше. Мы изъ за Варяговъ, Новгородцевъ, Кіевлянъ не видимъ вчерашняго дня; зубчатыя Кремлевскія стѣны заслоняютъ намъ плоскія линіи Петропавловской крѣпости. Разбирая отчетливо царскія грамоты, мы мало знаемъ, что писалось на ломаномъ русскомъ языкѣ въ Петербургскихъ канцеляріяхъ, въ то время какъ подъ окнами Зимняго Дворца ревела дикая крамола и мятежъ, угрожая Сибирью и смертью его жителямъ и тронъ не получилъ еще ту силу и прочность, которую онъ пріобрѣлъ не больше какъ *семдесять пять* лѣтъ тому назадъ. Протверживать исторію этихъ временъ, очень полезно и для правительства, чтобъ оно незабывалось, и для насъ, чтобъ мы не отчаявались.

Я желалъ бы хоть въ кратцѣ объяснить мою мысль.

Вся Европа, и что гораздо хуже всѣ Русскіе, принимаютъ императорскую власть въ ея современной формѣ, за такую несокрушимую всегдашность Русскаго быта, которая смѣется по праву надъ всѣми дерзновенными попытками и смѣло выдерживаетъ всякій натискъ, мощно и прочно уцѣпившись далеко развѣтвившимися корнями въ землю.

Императорская власть совсѣмъ напротивъ, устоялась и окрѣпла весьма недавно. Она и теперь носитъ на себѣ слѣды своего революціоннаго начала; въ ней и до сихъ поръ перепутаны безъ всякаго порядка, какъ въ промежуточныхъ слояхъ земнаго шара, гранитъ старины, наносные пески, осколки случайно захваченные сверху, всплывшіе снизу, мѣстами крѣпко слежавшіеся, но несоединенные химически.

Насъ вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Іоанна Васильевича, Успенскій Соборъ—но развѣ Наполеонъ не рядился въ мантію Карла Великаго и не надѣвалъ на свою голову желѣзной короны въ Миланѣ?—Все это поддѣлки въ родѣ Чатертона; почтенныя черты старости и минувшаго берутся въ займы для того, чтобы окружить новое—уваженіемъ и увѣрить въ его прочности, такъ сказать въ его вѣковѣчности.

Русское императорство развилось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность *иной жизни*. Это военная и гражданская диктатура гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ быть очень сильна, поглощать въ себя всѣ власти; но прочна она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства ее вызвавшія останутся тѣже и пока она сама вѣрна своему призванію.

Разумѣется встрѣчая при выходѣ съ парохода вычищенную и выбѣленную лейбъ-гвардію, безмолвную бюрократію, несущихся курьеровъ, неподвижныхъ часовыхъ, казаковъ съ нагайками, полицейскихъ съ кулаками, полгорода въ мундирахъ, полгорода дѣлающій фрунтъ и цѣлый городъ торопливо снимающій шляпу, и подумавъ, что все это лишено всякой самобытности и служитъ пальцами, хвостомъ, ногтями и когтями однаго человѣка, совмѣщающаго въ себѣ всѣ виды власти: помѣщика, папы, палача, родной матери и сержанта—можетъ закружится въ головѣ, сдѣлаться страшно, можетъ придти желаніе самому снять шляпу и поклониться, пока голова цѣла и вдвое того можетъ захотѣться сѣсть опять на пароходъ и плыть куда нибудь. Все это такъ, и все это чувствовалъ (кромѣ послѣдняго) достопочтенный вестфальскій баронъ Гакстгаузенъ.

Этотъ сурово-мрачный, подавляющій видъ грубой силы, приняло императорство особенно въ тридцатилѣтіе николаевскаго царствованія; страшать было у него въ принципѣ. Но тутъ невольно является вопросъ: Отъ чего же Николай не могъ въ эти тридцать лѣтъ забыть "дурные четверть часа," проведенные имъ *при защитѣ* Зимняго Дворца 14 Декабря 1825. Отъ чего, умирая, вспомнилъ онъ этотъ день и за него благодарилъ гвардію?

Отъ того, что онъ понялъ сначала своего воцаренія, что его тронъ только силенъ *силой*. Онъ ею одной и держался, но чувствовалъ, что въ штыкахъ, что въ матеріальномъ гнетѣ ничего нѣтъ прочнаго, и искалъ иныхъ опоръ. Опоры, на которыя онъ обратилъ вниманіе были вѣрны, рядомъ съ Самодержавіемъ, онъ поставилъ Православіе и Народность. Но это былъ протестъ противъ петровскаго направленія, котораго весь смыслъ состоялъ въ секуляризаціи царской власти и общеевропейскомъ образованіи. Николай становился въ прямое противурѣчіе съ живымъ началомъ петровскаго императорства, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что прямой результатъ его царствованія былъ глухой разрывъ между нимъ и Россіей. Еслибъ онъ прожилъ еще десять лѣтъ, его тронъ развалился бы самъ собою; все перестало идти, все повяло, стало сохнуть, отъ всего отлѣталъ духъ, безпорядки администраціи достигли чудовищныхъ размѣровъ. Его царствованіе была нелѣпость. Онъ понялъ, что идя по направленію Александра, должно было неминуемо измѣнить болѣе человѣческими формами—самодержавную власть, но этого онъ не хотѣлъ, а воображалъ, что онъ настолько независимъ отъ петровскихъ началъ, что онъ можетъ быть Петромъ и безъ нихъ.

Ему бы удалось можетъ быть, еслибъ въ самомъ дѣлѣ, какъ

думаютъ московскіе старовѣры, переворотъ Петра былъ слѣдствіемъ личной воли, геніальнаго каприза; но онъ вовсе не былъ случайностью, а служилъ отвѣтомъ на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы. Какъ иначе можно объяснить успѣхъ его?

Государственное развитіе Россіи шло медленно и было очень позднее, Русь жила на распашку и кой какъ собралась подгоняемая Татарами въ иконописное, т. е. суздальски-византійское Московское царство, формы его были неуклюжи и грубы, все шло неловко, апатично. Царская власть негодна была даже на защиту государства и въ 1612 году Россія была спасена безъ царя. А между тѣмъ *что то* говорило, что то *говорящее* до сихъ поръ въ сердцѣ каждаго изъ насъ, что подъ обвѣтшалыми и тяжелыми платьями, бездна силъ и мощи. Это *что то* и есть молодость, вѣра въ себя, сознаніе силы.

Крутой разрывъ со стариной оскорблялъ — но нравился, народъ любилъ Петра I, онъ его перенесъ въ легенды и сказки. Точно будто русскій человѣкъ догадался, что чего бы ни стоило надо было переломить лѣнь и крѣпкимъ государственнымъ строемъ стянуть нашу распущенность. Безчеловѣчная дрессировка Петра I и такихъ преемниковъ его какъ Биронъ, разумѣется поселяла ужасъ и отвращеніе, но все это переносили за открывавшуюся ширь новой жизни. Такъ какъ во Франціи переносили терроръ.

Петровскій періодъ сразу сталъ народнѣе періода царей московскихъ. Онъ глубоко взошелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства, не составляютъ его главной характеристики. Съ этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и

нашихъ бѣдствій; онъ сдержалъ свое слово и создалъ сильное государство. Народъ любитъ успѣхъ и силу.

Когда Александръ диктовалъ въ Парижѣ законы всей Европѣ одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потомъ? Воротиться опять за 1700 годъ и сочетать военный деспотизмъ съ отчуждающейся отъ всего человѣческаго царской властію. Этого хотѣлъ Николай, и больше никто.

Если народъ и ненавидитъ чуждое ему нѣмецкое правительство, вполнѣ заслужившее это, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ любилъ московское царство, онъ его забылъ черезъ одно поколеніе и совершенно не знаетъ теперь.

Что мѣшало послѣ Петра I возвратиться къ едва протекшимъ временамъ. Все петербургское устройство висѣло на ниткѣ. Пьяныя и развратныя женщины, тупоумные принцы, едва умѣвшіе говорить по русски, Нѣмки и дѣти садились на престолъ, сходили съ престола; дворцемъ шла самая близкая дорога въ Сибирь и на каторжную работу; горсть интригантовъ и кондотьеровъ завѣдывала государствомъ. Въ продолженіи всей этой сумятицы, мы не видимъ особеннаго желанія воротиться къ допетровскимъ временамъ. Напротивъ, то что постоянно остается во всѣхъ этихъ судорожныхъ перемѣнахъ, то что развивается вопреки ихъ и даетъ имъ рѣзкое единство, это именно *петровская идея*. Одна партія сбрасываетъ другую, пользуясь тѣмъ, что новый порядокъ не обжился, но кто бы ни одолѣвалъ, до Петровскихъ основаній никто не касался, а всѣ принимали ихъ, Меншиковъ и Бирономъ, Минихъ и самые Долгорукіе — хотѣвшіе ограничить императорскую власть, не въ самомъ же дѣлѣ прежней боярской думой. (*)

* О которой Кошихинъ такъ живописно отзывался, говоря, что Бояре въ ней молчатъ, уставя глаза свои въ браду для того, чтобы показать глубокомысліе.

— Елизавета и Екатерина II льстятъ православію, льстятъ народности для того, чтобъ овладѣть трономъ, но осѣвшись на немъ, онѣ продолжаютъ его путь. Екатерина II больше нежели кто нибудь.

Противудѣйствіе новому порядку дѣлъ послѣ его жестокаго водворенія, мы видимъ въ однихъ *неправославныхъ* раскольникахъ и въ страдательномъ неучастіи крестьянъ. Ворчливое упорство нѣсколькихъ стариковъ ничего не значитъ. Подавленная покорность всѣхъ "старовѣровъ" была признаніемъ своего безсилія. Еслибъ было что нибудь живое въ ихъ воззрѣніи, непремѣнно были бы попытки, положимъ неудачныя, невозможныя, но были бы. Всякія Анны Леопольдовны, Анны Іоановны, Елизаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны, находили людей отважныхъ и преданныхъ, подвергавшихся изъ за нихъ плахѣ и каторгѣ; погибающее казачество и смятое подъ ноги дворянства крѣпостное состояніе имѣло своего Пугачева, а Пугачевъ свои двѣсти тысячь войска; Киргиз-Кайсаки откочевали къ Китаю; крымскіе Татары соединились съ Турками; Малороссія громко роптала, все оскорбленное или придавленное императорствомъ заявляло свой протестъ — старо-русская партія въ Россіи—никогда. У ней не было ни языка, ни преданныхъ людей, ни Полуботки, ни Мазепы!

И только полтораста лѣтъ послѣ Петра, она находитъ себѣ представителя и вождя и этотъ представитель и вождь — Николай. Еслибъ ему церковной нетерпимостью и народной исключительностію удалось пересоздать императорскую власть и замѣнить ея диктаторіальный характеръ чисто монархическимъ или царскимъ — это было бы несчастіе, но оно было невозможно. Едва Николай умеръ, Россія рвется снова на петровскую дорогу — и вовсе не въ завоевательномъ, не въ

солдатскомъ направленіи его, а въ развитіи внутреннихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Петръ I былъ одинъ изъ раннихъ дѣятелей великаго XVIII столѣтія и дѣйствовалъ въ его духѣ, онъ былъ проникнутъ имъ какъ Фридрихъ II, какъ Іосифъ II. Его революціонный реализмъ беретъ верхъ надъ его царскимъ достоинствомъ — онъ деспотъ а не монархъ.

Мы всѣ знаемъ, какъ Петръ ломалъ старое и какъ устроивалъ новое. Тяжелому, неподвижному византійскому чину, онъ противупоставилъ трактирные нравы, скучная грановитая палата превратилась при немъ въ разгульный дворецъ; вмѣсто законнаго престолонаслѣдія, онъ разъ предоставилъ императору право назначать кого хочетъ, другой разъ писалъ сенату, чтобъ онъ самъ избралъ достойнѣйшаго, если онъ погибнетъ въ турецкомъ плѣну и за тѣмъ отнятую у роднаго сына корону отдалъ горничной, которая переходя изъ рукъ въ руки дошла до него. Онъ упразднилъ мѣсто святѣйшаго патріарха, запретилъ мощамъ являтся, и утеръ до суха всѣхъ скорбящія слезы чудотворныхъ иконъ. Въ странѣ упрямаго мѣстничества онъ посадилъ выше всѣхъ плебея Менщикова, водился съ иностранцами, даже съ арапами, напивался пьянъ съ матросами и шкиперами, буянилъ на улицахъ, словомъ, оскорблялъ всѣ стороны прежней, чопорной русской жизни и важный царскій формализмъ.

Онъ далъ тонъ, наслѣдники продолжали его, преувеличивая и искажая; полвѣка послѣ него длится одна непрерывная оргія вина, крови разврата l'ultimo atto, какъ выразился одинъ итальянскій писатель—d'una tragedia, representato nel un lupanar.

Какое тутъ православіе, какой тутъ монархически-рыцарской принципъ?

Если во второй половинѣ царствованія Екатерины, трагической характеръ блѣднѣетъ, *то локаль* остается тоть же; исторію Екатерины II нельзя читать при дамахъ. Монархически растленный Версаль, съ удивленіемъ смотрѣлъ на безпутство русскаго двора, такъ какъ на философскій либерализмъ Екатерины II, потому что Версаль не понималъ, что основанія императорской власти въ Россіи совсѣмъ не тѣ, на которыхъ зиждится французская королевская власть.

Когда Александръ сказалъ въ Тильзитѣ Наполеону, что онъ вовсе не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ приписываетъ наслѣдственности царской власти, Наполеонъ думалъ что онъ его обманываетъ. Когда онъ говорилъ мадамъ Стааль, что онъ только "счастливая случайность," она это приняла за фразу. А это была глубочайшая правда его.

Сердясь на трусость нѣмецкихъ государей, императоръ Александръ говорилъ въ своей прокламаціи 22 Февраля 1813 ихъ подданнымъ: "Страхъ удерживаетъ ваши правительства, не останавливайтесь на этомъ, если ваши государи подъ вліяніемъ малодушія и подобострастья ничего не сдѣлаютъ, тогда долженъ раздаться голосъ подданныхъ и заставить государей, которые влекутъ свои народы въ рабство и несчастіе—вести ихъ къ свободѣ и чести."

Дѣло въ томъ, что Александръ еще понималъ петровскую традицію своей власти, онъ былъ слишкомъ близокъ къ первой эпохѣ императорства, чтобъ представлять изъ себя гвардейскаго папу всѣхъ реакцій. Онъ даже съ явнымъ сомнѣніемъ и нерѣшительностью прочелъ доносы Шервуда и Майбороды.

Безъ сомнѣній и мыслей сѣлъ на его мѣсто Николай и сдѣлалъ изъ своей власти машину, которая должна была вести Россію вспять. Но императорство не сильно, какъ скоро оно

дѣлается консервативнымъ. Россія отрѣклась отъ всего человѣческаго, отъ покоя и воли, она шла въ нѣмецкую кабалу только для того, чтобъ выйдти изъ душнаго и тѣснаго состоянія, которое ей было не подъ лѣта. Вести ее назадъ тѣми же средствами невозможно.

Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитію народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованіи и можетъ держатся императорство. Масло, которымъ будутъ смазывать пароходы на новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, прочнѣе вѣнчаетъ на царство, нежели елей Успѣнскаго Собора.

Вѣрно ли понята нами императорская власть, ярко и живо показываютъ превосходныя Записки Дашковой.

Цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута, если бѣглый отчетъ нашъ объ ихъ содержаніи, заставитъ читателей взять въ руки самую книгу.

ПИСЬМО КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ, ПОСВЯЩЕННОЕ МИССЪ ГУПЛЬМОТЪ.

Приступая къ описанію своей жизни, я удовлетворяю вашему желанію, мой молодой и любезный другъ. Передъ вами картина жизни безпокойной и бурной, или точнѣе говоря, печальной и обремененной затаенными отъ міра тревогами сердца, которыхъ не могли побѣдить ни гордость, ни мужество. Въ этомъ отношеніи я могу назвать себя мученикомъ принужденія; я говорю мученикомъ, потому что скрывать свои чувства и казаться въ ложномъ свѣтѣ, — всегда было противно и невыносимо — тяжело для моей природы.

Уже давно мои друзья и родственники требовали отъ меня тотъ трудъ, который теперь посвящаю вамъ. Я отклонила всѣ ихъ просьбы, но не могу отказать вамъ. И такъ примите исторію моей жизни, грустную исторію, изъ которой легко было бы составить увлекательный романъ. Она съ вашимъ именемъ явится въ свѣтъ. Я писала ее

безъ приготовленія, такъ какъ я говорю, и съ полной откровенностью, устоявшей противъ всѣхъ горькихъ уроковъ опыта. Правда, я прошла молчаніемъ или только слегка коснулась тѣхъ душевныхъ потрясеній, которыя были слѣдствіемъ неблагодарности людей, обманувшихъ мою безграничную довѣренность имъ. Это единственные факты, обойденные мной; одно воспоминаніе о нихъ еще доселѣ приводитъ меня въ трепетъ.

Изъ моего разсказа будетъ видно, какъ опасно плыть на одномъ кораблѣ съ "великими міра сего," и какъ придворная атмосфера душитъ развитіе самыхъ энергическихъ натуръ; за всѣмъ тѣмъ, совѣсть, свободная отъ упрека, можетъ дать намъ достаточно силъ, — чтобъ обезоружить твердостью души свирѣпость тиранна и спокойно перенести самыя несправедливыя гоненія. Здѣсь же мы найдемъ примѣръ, какъ зависть и ея вѣрная подруга, — клевета, преслѣдуютъ насъ на извѣстной степени славы.

Когда уже было мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, когда я вынесла много несчастій, болѣзней, жестокое изгнаніе и, въ уединеніи, посвятила себя благу своихъ крестьянъ, мой взоръ въ первый разъ обратился къ прошедшему; и я увидѣла всю ложь и пристрастныя обвиненія, роспространенныя нѣкоторыми французскими писателями противъ Катерины большой; но съ тѣмъ вмѣстѣ, они не пощадили, по дорогѣ своего злословія и ея друга, Катерину маленькую. Въ этихъ панфлетахъ ваша Дашкова очернена всѣми пороками, совершенно чуждыми ея характеру; у однихъ она является женщиной самаго преступнаго честолюбія, у другихъ — грубой развратницей.

Послѣ этого легко понять, что самая нравственная жизнь, проведенная большею частію вдали отъ свѣта, чему

не многіе умѣютъ дать настоящую цѣну, тѣмъ меньше завидовать ей, и эта жизнь не могла укрыться отъ пера злонамѣреннаго панфлетиста. Хотя Екатерина II жалѣла и искала средствъ противъ зла, внесеннаго во Францію мистиками—и философами-самозванцами, хотя они боялись могущества великой и страшной царицы; но, вѣроятно, они думали отмстить за себя, съ озлобленіемъ нападая на женщину, не имѣвшую вліянія на правленіе и старались отнять у нея то, что для нея всего дороже, — чистую репутацію.

Такова впрочемъ, была моя горкая участь: когда судьба лишила меня нашей образованной государыни, когда я не могу больше пользоваться ея личнымъ расположеніямъ или радоваться счастію страны, управляемой ею, враги ея принесли меня на жертву ѣдкой клеветы.

Но конечно и это зло, какъ и все въ мірѣ, пройдетъ. По этому позвольте лучше поговорить съ вами, мой милый и юный другъ, о томъ, что ближе къ намъ, — о нашей взаимной и нѣжной дружбѣ; я не выразимо глубоко чувствую вашу довѣренность ко мнѣ; и вы не могли лучше доказать ее, какъ покинувь семейство и родину, чтобъ посѣтить меня здѣсь и утѣшить своимъ присутствіемъ старую женщину на закатѣ дней ея, которая, справедливо, можетъ похвалиться однимъ достоинствомъ, что она не прожила ни одного дня только для себя самой.

Нужно ли говорить о томъ, какъ дорого для меня ваше присутствіе;—какъ я уважаю и удивляюсь вашимъ талантамъ, вашей скромности, вашей врожденной веселости, соединенной съ чистыми побужденіями вашей жизни? Нѣтъ надобности говорить и о томъ, какъ вы облегчили, освѣжили мое существованіе. И гдѣ я возьму выраженій

способныхъ вѣрно передать эти впечатлѣнія? Поэтому я ограничусь однимъ простымъ увѣреніемъ, что я уважаю, люблю и удивляюсь вамъ, со всей силой любящаго сердца; вы его знаете и повѣрите что эти чувства только прекратятся съ послѣднимъ вздохомъ вашего искренняго друга,

Княгини Дашковой.

Троицкое 27 октября 1805 года.

ГЛАВА I.

Я родилась въ Петербургѣ, въ 1744 г., около того времени, когда императрица Елисавета возвратилась изъ Москвы, послѣ своей коронаціи. Государыня восприняла меня отъ купели, а племянникъ ея, велкій князь, впослѣдствіи императоръ Петръ III, былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Эту честь я могла бы приписать женитьбѣ моего дяди, канцлера, на двоюродной сестрѣ Елисаветы; но я больше обязана этимъ чувству дружбы ея къ моей матери, которая во время прежняго царствованія великодушно и, не льзя не прибавить, очень деликатно помогала великой княгинѣ деньгами; а она часто нуждалась въ нихъ, потому что сорила ихъ много, а получала мало.

Я имѣла несчастіе потерять свою мать, на второмъ году своего возраста; и узнала о ея прекрасныхъ качествахъ только отъ тѣхъ друзей и лицъ, которые съ чувствомъ признательности вспоминали о ней.

Во время этого событія я находилась у своей бабушки, въ одной изъ ея богатыхъ деревень. Съ трудомъ она разставалась со мной, когда я была по четвертому году, чтобъ отдать меня на воспитаніе въ менѣе ласкавыя руки. Впрочемъ, мой дядя канцлеръ, вырвалъ меня изъ теплыхъ

объятій этой доброй старухи и сталъ воспитывать вмѣстѣ съ своей единственной дочерью, потомъ графиней Строгоновой. У насъ были одни учители, однѣ комнаты, одна одежда. Всѣ внѣшнія обстоятельства, казалось, должны были образовать изъ насъ совершенно однаковыя существа; и при всемъ томъ, во всѣ періоды нашей жизни, между нами не было ничего общаго: эту черту не мѣшаетъ, между прочимъ, замѣтить тѣмъ педагогамъ, которые обобщаютъ системы воспитанія и методически предписываютъ правила относительно столь важнаго предмета, доселѣ, впрочемъ худо понятаго; и, если принять во вниманіе разнообразіе и глубину этого вопроса, то едва ли можно втиснуть его въ одну общую теорію.

Я не стану распространяться о фамиліи своего отца. Древность ея и блистательныя заслуги моихъ предковъ ставятъ имя Воронцовыхъ на такомъ видномъ мѣстѣ, что моей родовой гордости нечего больше желать въ этомъ отношеніи. Графъ Романъ, отецъ мой, второй братъ канцлера, былъ человѣкъ разгульный и, въ молодости лишился моей матери. Онъ мало занимался своими дѣлами, и потому также охотно передалъ меня дяди, какъ этотъ добрый родичъ, признательный къ моей матери и любившій своего брата, съ удовольствіемъ меня принялъ.

У меня были двѣ сестры, старшая Марья, послѣ замужества графиня Бутурлина, вторая Елисавета, въ послѣдствіи Полянская; онѣ скоро были замѣчены императрицей и еще въ дѣтствѣ назначены фрейлинами, жившими при дворѣ. Александръ, мой старшій братъ, безотлучно находился съ отцомъ, и я только его одного знала съ младенчества: мы имѣли случай часто видѣться, и такимъ образомъ между нами съ ранней поры возникла привязанность, которая съ годами обратилась въ взаимное довѣріе и дружбу, до настоящей минуты сохраненную. Мой младшій братъ, Семенъ, жилъ въ деревнѣ съ своимъ дѣдушкой и я рѣдко видѣла его, даже по возвращеніи его въ городъ. Сестеръ своихъ я еще

рѣже встрѣчала. Останавливаюсь на этихъ обстоятельствахъ, потому что они, въ нѣкоторомъ отношеніи, имѣли вліяніе на мой характеръ.

Мой дядя ничего не щадилъ, чтобъ дать намъ лучшихъ учителей; и, согласно съ тѣмъ временемъ, мы были воспитаны превосходно. Насъ учили четыремъ языкамъ, и по —французски мы говорили свободно; государственный секретарь преподавалъ намъ италіянскій языкъ, а Бехтеевъ давалъ уроки русскаго, какъ мы плохо ни запимались имъ. Въ танцахъ мы оказали большіе успѣхи, и нѣсколько умѣли рисовать.

Съ такими претензіями и наружнымъ свѣтскимъ лоскомъ, кто могъ упрекнуть наше воспитаніе въ недостаткахъ? Но что было сдѣлано для образованія характера и умственнаго развитія? Ровно ничего, Дядя не имѣлъ времени, а тетка —ни способности, ни призванія.

Я по природѣ была гордой, и эта гордость соединялась съ какой-то необыкновенной чувствительностью и мягкостью сердца; потому, однимъ изъ пламенныхъ моихъ стремленій было желаніе быть любимой всѣми, кто окружалъ меня, и притомъ также искренно, какъ я любила ихъ. Это чувство, когда мнѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, до такой степени укоренилось во мнѣ, что я, заискивая расположенія тѣхъ людей, которымъ мое юношеское и восторженное сердце было горячо предано, вообразила, что я не могу найдти ни взаимнаго сочувствія, ни отвѣта на свою любовь: вслѣдствіе этого я скоро разочаровалась и считала себя одинокимъ существомъ.

Въ такомъ странномъ настроеніи духа, мое разочарованіе въ дружбѣ послужило на пользу моему воспитанію, по крайней мѣрѣ въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо развитію моего разсудка. Около этого времени я заболѣла корью; по силѣ указа изданнаго по этому случаю, было запрещено всякое сношеніе съ дворомъ тѣхъ семействъ, которые страдали оспой, изъ опасенія заразить великаго

князя, Павла. Едва показались первые симптомы моей болѣзни, меня послали, за семдесятъ верстъ отъ Петербурга, въ деревню.

Во время этого случайнаго изгнанія, я находилась подъ надзоромъ одной нѣмки, жены русскаго маіора. Эти люди, одинаково холодные, не вызвали во мнѣ никакого юношескаго расположенія къ себѣ. Я не питала къ нимъ ни малѣйшей симпатіи, и когда болѣзнь ослабила мое зрѣніе, я лишилась послѣдняго утѣшенія—читать книги. Моя первоначальная рѣзвость и веселость уступили мѣсто глубокой меланхоліи и мрочнымъ размышленіямъ о всемъ, что окружало меня. Я сдѣлалась серьезной и мечтательной, рѣдко говорливой, и никогда безъ предварителкно-обдуманнаго плана не удовлетворяла своей любознательности.

Какъ только я могла приняться за чтеніе, книги сдѣлались предметомъ моей страсти. Байль, Монтескью, Буало и Вольтеръ были любимыми авторами; съ этой поры я стала чувствовать что время, проведенное въ уединеніи, не всегда тяготитъ насъ, и если прежде я искала съ дѣтскимъ увлеченіемъ одобренія со стороны другихъ, теперь я сосредоточилась въ самой себѣ и стала разработывать тѣ умственные инстинкты, которые могутъ поставить насъ выше обстоятельствъ. Прежде, чѣмъ я возвратилась въ Петербургъ, братъ мой, Александръ, отправился въ Парижъ; такъ я лишилась его нѣжнаго вниманія, и тѣмъ больше грустила, чѣмъ меньше встрѣчала сочувствія кругомъ себя. Впрочемъ, забываясь среди книгъ или развлеченная музыкой, я горевала только тогда, когда покидала свою комнату. Я просиживала за чтеніемъ иногда цѣлыя ночи, съ тѣмъ умственнымъ напряженіемъ, послѣ котораго слѣдовали безсонницы и на взглядъ казалась до того болѣзненной, что мой почтенный дядя безпокоился за мое здоровье, въ чемъ приняла участіе и императрица Елисавета. По приказанію ея, много разъ посѣтилъ меня первый ея медикъ, Бургавъ; онъ съ осо-

беннымъ вниманіемъ занялся мной и нашелъ, что общее здоровье еще не повреждено, и болѣзненное мое состояніе, возбудившее опасенія со стороны моихъ друзей, происходило больше отъ нравственнаго нерасположенія, чѣмъ отъ физическаго разстройства. Вслѣдствіе этого мнѣнія, стали осаждать меня тысячами вопросовъ, но я не призналась въ истинѣ, да едва ли и сама могла понять ее; но если бъ я и съумѣла объяснить, то скорѣй возбудила бы упреки, чѣмъ симпатію и участіе къ себѣ. Говоря объ особенностяхъ своего ума, я должна также упомянуть о той гордости и раздражительности, которыя, не встрѣтивъ осуществленія романтическихъ видѣній фантазіи, заставили меня искать этого воображаемаго счастія внутри себя. Такимъ образомъ я рѣшилась таить свои чувства и въ то время, когда мое лицо покрывалось блѣдностью и видимымъ изнеможеніемъ, что я приписывала слабости нервовъ и головнымъ болямъ, мой умъ постепенно мужалъ среди своихъ ежедневныхъ трудовъ. Въ слѣдующій годъ, перечитывая во второй разъ сочиненіе Гельвеція "о разумѣ," я была поражена мыслью, о которой упоминаю здѣсь потому, что она оправдалась передъ судомъ болѣе зрѣлаго моего размышленія: вотъ это мнѣніе: если бъ только произведеніе Гельвеція не сопровождалось вторымъ томомъ, гдѣ развивается теорія болѣе примѣненная къ принятымъ мнѣніямъ и существующему порядку вещей, его ученіе, въ послѣднихъ своихъ результатахъ, разстроило бы гармонію и связи образованныхъ обществъ.

Политика, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, особенно интересовала меня.* Всѣ иностранцы, артисты, литераторы и

* Примѣчаніе миссъ Уильмотъ. Княгиня разсказывала мнѣ, что еще въ дѣтствѣ она иногда получала позволеніе отъ своего добраго дяди—пересмотрѣть старыя дипломатическія бумаги, и это доставляло ей величайшее удовольствіе. А въ этомъ хламѣ было много очень любопытныхъ документовъ, изъ которыхъ два особенно рѣзко напечатлѣлись въ ея памяти—сильнѣе другихъ затронувъ дѣтское воображеніе. Первый документъ, письмо отъ персидскаго Шаха къ

посланники, посѣщавшіе домъ моего дяди, подвергались пыткѣ отъ моей неугамонной любознательности. Я распрашивала ихъ о чужихъ краяхъ, о формахъ правленій и законовъ: и сравненія, выводимыя изъ отвѣтовъ, пробудили во мнѣ горячее желаніе путешествовать. Но въ это время у меня не доставало духа пуститься въ такое предпріятіе; между тѣмъ мрачныя предчувствія скорби и горя, обыкновенные спутники нѣжныхъ темпераментовъ, рисовали передъ мной все мое будущее, и я содрагалась при созерцаніи тѣхъ золъ, съ которыми не въ силахъ была бы бороться. Шуваловъ, любовникъ Елисаветы, желавшій прослыть за мецената своего времени, узнавъ, что я страстно люблю читать книги, предложилъ мнѣ пользоваться всѣми литературными новостями, которыя постоянно высылались ему изъ Франціи. Это одолженіе было источникомъ безконечной радости для меня, особенно, когда я, въ слѣдующій, годъ, послѣ своего замужества, поселилась въ Москвѣ; въ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ не многимъ было больше того, что я уже перечитала и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣла въ своей собственной библіотекѣ, состоявшей почти

Екатеринѣ I, по случаю ея восшествія на престолъ. . Послѣ обычныхъ привѣтствій, Шахъ выражался почти такъ: "Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра, что Богъ не одарилъ тебя любовью къ крѣпкимъ напиткамъ; я, который пишу тебѣ, имѣю глаза, подобные рубинамъ, носъ, похожій на карбункулъ, и огнемъ пылающія щеки; и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдной постелѣ." Извѣстная наклонность императрицы попивать водку сообщаетъ этому письму особенный интересъ. Другой документъ открываетъ слѣдующій фактъ, и я передаю его собственными ея словами. Русскій дворъ однажды (я забыла въ какое царствованіе) послалъ посольство въ Китай поздравить его монарха, съ принятіемъ короны; посланникъ, принятый не совсѣмъ ласково, поспѣшилъ возвратиться домой, недовольный своей миссіей. Русское правительство, заблагоразсудивъ не сознаваться въ китайскомъ неуваженіи къ своей политикѣ, отправило другихъ — поблагодарить за лестный пріемъ перваго посла и заключить торговый трактатъ. Вотъ какой отвѣтъ былъ данъ китайскимъ владыкой: "Вы очень странный народъ; чванитесь пріемомъ вашихъ пословъ. Развѣ вы не слышали, что когда мы проѣзжаемъ верхомъ по улицамъ, то предупреждаемъ послѣдняго бродягу не смотрѣть на насъ."

изъ 900 томовъ; я употребила на эту коллекцію всѣ свои карманныя деньги. Энциклопедія и диксіонеръ Мореры были пріобрѣтены въ настоящемъ году; никогда и никакія, самыя изящныя и цѣнныя игрушки не доставляли мнѣ и половины того удовольствія, которое я чувствовала при этомъ пріобрѣтеніи. Любовь моя къ брату Александру, во время его путешествія, дала мнѣ случай завести съ нимъ правильную переписку. Каждый мѣсяцъ, два раза я увѣдомляла его о всѣхъ новостяхъ придворныхъ, городскихъ и военныхъ; этой корреспонденціи я обязана образованіемъ своего слога, хотя и не могу судить о его достоинствахъ.

Впродолженіе Іюля и Августа 1759 года, когда мой дядя, тетка и двоюродный братъ посѣтили государыню въ Царскомъ селѣ, я одна осталась въ городѣ, потому, что не совсѣмъ хорошо себя чувствовала, притомъ мои литературныя занятія и уединеніе больше и больше нравились мнѣ. За исключеніемъ италіянской оперы, которую я слушала одинъ или два раза, никогда не показывалась въ свѣтѣ; изъ частныхъ домовъ, я посѣщала семейство князя Голицына, гдѣ любили меня и жена и мужъ—очень умный и уважаемый старикъ; потомъ я бывала у Самариной, супруги одного изъ домашнихъ чиновниковъ моего дяди. Однажды вечеромъ Самарина пригласила меня къ себѣ; она была нездорова; я осталась у нея ужинать, и потому отпустила свою карету, съ тѣмъ, чтобъ къ одинадцати часамъ она воротилась и привезла мнѣ горничную дѣвушку проводить меня домой. Былъ чудесный лѣтній вечеръ, когда карета пріѣхала за мной, и такъ какъ улица, въ которой жила Самарина, была спокойная, то сестра ея предложила проводить меня пѣшкомъ до конца этой улицы; я охотно согласилась и приказала кучеру подождать меня тамъ. Едва мы прошли нѣсколько шаговъ, какъ передъ нами очутилась высокая фигура, мелькнувшая изъ другой улицы; воображеніе мое, подъ вліяніемъ луннаго свѣта превратило это явленіе во что-то колоссальное. Я испугалась и спросила свою спутницу, что такое это значитъ?—И въ пер-

вый разъ въ моей жизни, услышала имя князя Дашкова. Онъ повидимому очень коротко былъ знакомъ съ семействомъ Самариной; между нами завязался разговоръ; незнакомый князь случайно заговорилъ со мною, и его вѣжливый и скромный тонъ расположили меня въ его пользу. Въ этой нечаянной встрѣчѣ и взаимномъ, болѣе чѣмъ благопріятномъ нашемъ впечатлѣніи, а видѣла особенные слѣды провидѣнія, предназначившаго насъ другъ другу. Знакомство заведенное такъ оригинально, было трудно поддержать; и будь оно иначе и если бъ его имя было когда нибудь упомянуто въ домѣ моего дяди, то вѣроятно, по одному дѣлу, въ которомъ онъ былъ неудачно замѣшанъ, во мнѣ образовалось бы предубѣденіе противъ нашего союза. При такихъ обстоятельствахъ, наша неизвѣстность была общимъ нашимъ другомъ, и положила основаніе постепенно возраставшей любви. Князь скоро почувствовалъ, что его счастіе зависитъ отъ нашего соединенія и какъ только получилъ мое согласіе, немедленно попросилъ князя Голицына похлопотать за него у моего дяди и отца, но въ тоже время поручилъ хранить тайну до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ благословенія отъ своей матери, жившей въ Москвѣ.

Со стороны моихъ родственниковъ не было никакого возраженія, и его мать, которая давно желала видѣть его женатымъ и когда не успѣла соединить его съ дѣвушкой своего собственнаго выбора, душевно одобрила планъ его и согласилась на нашъ бракъ.

Въ одинъ вечеръ, незадолго до отъѣзда моего жениха въ Москву къ своей матери, Елисавета заѣхала къ намъ ужинать изъ италіянской оперы: его провожали только мой дядя и Шуваловъ. По ея предварительному желанію, я на этотъ разъ осталась дома, и князь Дашковъ находился со мной. Вниманіе государыни къ намъ было очень обязательное; впродолженіе этого вечера, отозвавъ насъ въ другую комнату, она необыкновенно ласково, какъ крестная мать, сказала намъ, что наша тайна ей извѣстна и что она желаетъ намъ

полнаго счастія. Она съ похвалой отзывалась объ уваженіи князя къ его матери и, отпустивъ насъ въ общество, сказала ему, что фельдмаршалу Бутурлину приказано уволить его въ Москву. Доброта, нѣжное расположеніе и участіе государыни въ нашей судьбѣ такъ глубоко тронули меня, что я не могла скрыть своего волненія. Императрица, замѣтивъ это, легонько ударила меня по плечу и поцѣловавъ въ щеку, примолвила. 'Оправься, мое милое дитя, иначе ваши друзья подумаютъ, что я выбранила тебя.' Никогда я не забуду этой сцены, которая на-всегда привязала меня къ этой добросердечной государынѣ.

Зимой также посѣтилъ и ужиналъ у насъ великій князь, потомъ Петръ III съ его супругой, впослѣдствіи Екатериной II. Благодаря многимъ посѣтителямъ моего дяди, я уже была извѣстна великой княгинѣ какъ молодая дѣвушка, которая проводитъ почти все свое время за ученіемъ, при чемъ, разумѣется, было прибавлено много и другихъ лестныхъ отзывовъ. Уваженіе, которымъ она впослѣдствіи почтила меня, было результатомъ этой дружеской предупредительности; я отвѣчала на него полнымъ энтузіазмомъ и преданностью, которая потомъ бросила меня въ такую непредвидѣнную сферу и имѣла больше или меньше вліянія на всю мою жизнь. Въ ту эпоху, о которой я говорю, навѣрное можно сказать, что въ Россіи нельзя было найдти и двухъ женщинъ которыя бы, подобно Екатеринѣ и мнѣ, серьезно занимались чтеніемъ; отсюда, между прочимъ возродилась наша взаимная привязанность, и такъ какъ великая княгиня обладала неотразимой прелестью, кому она хотѣла понравиться, то легко представить, какъ она должна была увлечь меня, пятнадцатилѣтнее и необыкновенно впечатлительное существо.

Впродолженіи этого памятнаго для меня вечера, великая княгиня почти исключительно говорила со мной и очаровала меня своей бесѣдой. По высокому тону ея чувствъ и степени образованія не трудно было замѣтить женщину рѣдкихъ дарованій, той счастливой природы, которая превзошла са-

мыя смѣлыя мои мечты. Вечеръ прошелъ быстро, но впечатлѣніе его сохранилось навсегда и отразилось въ ряду тѣхъ событій, о которыхъ я разскажу послѣ.

Когда Дашковъ возвратился изъ Москвы, онъ, не теряя ни минуты, представился всему нашему семейству; но по причинѣ болѣзни моей тетки, свадьба была отложена до Февраля. Едва она немного оправилась, насъ обвѣнчали въ самомъ искреннемъ кругу близкихъ людей; и когда тетка совершенно выздоровѣла, мы уѣхали въ Моску.

Здѣсь новый міръ открылся передо мной, новыя связи, новыя обстоятельства. Я говорила по русски очень дурно, и свекровь моя на бѣду, не говорила ни на одномъ иностранномъ языкѣ. Родственники моего мужа были большей частью люди стараго покроя, и хотя они любили меня, я однакожъ замѣтила, что будь я больше Москвитянкой, я нравилась бы имъ еще больше. По этому я ревностно стала изучать отечественный языкъ и такъ быстро успѣвала, что заслужила всеобщія рукоплесканія, со стороны моихъ родственниковъ; я искренно уважала ихъ и тѣмъ пріобрѣла ихъ дружбу, которая не измѣнилась даже послѣ смерти моего мужа.

ГЛАВА II.

Черезъ годъ, послѣ моего замужества, 21 февраля у меня родилась дочь, а въ маѣ мы провожали свою свекровь въ ея имѣніе — Троицкое. Книги и музыка были нашимъ непремѣннымъ удовольствіемъ; съ помощію ихъ время проходило легко. Въ іюлѣ князь Дашковъ и я отправились въ его Орловское помѣстье, и отсюда возвратились въ Москву; когда его отпускъ кончался, мы написали моему отцу въ Петербургъ, прося его похлопотать о новой отсрочкѣ.

Императрица Елисавета постарѣла и ослабла: куртизаны начали увиваться около наслѣдника. Это обстоятельство дало великому князю болѣе безусловный контроль, надъ преображенскимъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ, и въ которомъ князь Дашковъ служилъ вторымъ капитаномъ. Поэтому просьба его объ увольненіи еще на пять мѣсяцевъ была представлена Петру; безпокойство князя, по случаю моей второй беременности, заставило его требовать новой отсрочки. Наслѣдникъ, прежде чѣмъ далъ позволеніе, пожелалъ видѣть Дашкова въ Петербургѣ, можетъ быть за тѣмъ, чтобъ выразить ему свою особенную милость, какъ предполагалъ мой отецъ, и совѣтовалъ затю немедленно ѣхать. Я

безутѣшно грустила при этой разлукѣ,—мнѣ было такъ тяжело подумать о ней, что я перестала наслаждаться своимъ обычнымъ счастіемъ даже въ присутствіи мужа. Здоровье мое стало плохо, и 8 января, когда князь оставилъ Москву, я заболѣла лихорадкой, сопровождаемой припадками горячки. Это было слѣдствіемъ сильнаго нервическаго раздраженія; но я скоро выздоровѣла, и это зависѣло, по моему мнѣнію отъ того, что я не хотѣла принимать лекарствъ. Черезъ нѣсколько дней я чувствовала только небольшую слабость. Часто я плакала и еслибъ не боялась наскучить мужу постоянными повтореніями о своей печали, я писала бы ему безпрерывно; но милое вниманіе его меньшой сестры къ моему здоровью избавило меня отъ этой опасной жертвы.

Коснувшись этихъ чувствъ и страданій, я должна замѣтить, что мнѣ еще не было полныхъ семнадцати лѣтъ, и я въ первый разъ разставалась съ мужемъ, котораго я пламенно любила.

Великій князь принялъ Дашкова очень благосклонно. Онъ участвовалъ въ зимнихъ прогулкахъ Петра въ Ораніенбаумъ; къ сожалѣнію, эти разъѣзды, въ жестокіе холода, подвергли много мужа опасной простудѣ, послѣдствія которой могли быть роковыми. Когда наступило время возвратиться въ Москву, онъ былъ еще болѣнъ; не желая, однакожъ, разочаровывать нашихъ тревожныхъ ожиданій, онъ покинулъ Петербургъ и скакалъ день и ночь, не выходя изъ кареты до самой Москвы. Подъѣзжая къ городской заставѣ, онъ опять почувствовалъ сильное воспаленіе въ горлѣ; боясь испугать насъ своимъ появленіемъ въ такомъ болѣзненномъ состояніи, и будучи не въ силахъ произнести ни одного слова, онъ кое-какъ добрался до дома своей тетки, Новосильцовой, въ надеждѣ сколько нибудь оправиться у нея. Тетка, увидѣвъ больнаго племянника, немедленно уложила его въ постель. Между тѣмъ явился докторъ; онъ совѣтовалъ не выпускать паціента изъ комнатъ; поэтому

тетка приказала задержать лошадей, съ той цѣлью, чтобъ на слѣдующее утро, если князю будетъ лучше, отпустить его въ домъ матери, какъ будто съ нимъ ничего особеннаго не случилось.

Въ это самое время у насъ происходила другая сцена, о которой я доселѣ не могу вспомнить безъ содраганія.

Свекровь моя и сестра ея, княгиня Гагарина, помагавшая мнѣ при первыхъ родахъ, каждый вечеръ собирались вмѣстѣ съ акушеркой въ мою комнату и съ часу на часъ ожидали моего разрѣшенія; при мнѣ служила одна горничная, глупая дѣвчонка моихъ лѣтъ; когда я вышла изъ комнаты, она воспользовалась этимъ моментомъ, и скороговорной сообщила мнѣ о пріѣздѣ князя Дашкова въ Москву. Я вскрикнула; къ счастію, этого не слышали въ сосѣдней комнатѣ; между тѣмъ, вѣтряная служанка продолжала разсказывать мнѣ, что онъ находится въ домѣ тетки и что дано строгое приказаніе молчать объ этомъ.

Чтобъ представить мои муки въ эту минуту, не надо забывать, что для меня разлука съ молодымъ мужемъ была верхомъ несчастія, тѣмъ больше, что я легко увлекалась всѣмъ и съ трудомъ могла управлять своимъ чувствомъ, живымъ и пылкимъ отъ природы, какъ я ужъ объ этомъ сказала. Впрочемъ я употребила всѣ усилія, чтобъ успокоиться, и вошла въ свою комнату съ самымъ хладнокровнымъ видомъ; увѣривъ княгиню, что минута моего разрѣшенія должна послѣдовать позже, чѣмъ мы думали, я уговорила ее, вмѣстѣ съ теткой удалиться въ свои покои отдохнуть; при чемъ торжественно обѣщала позвать ихъ, въ случаѣ крайней надобности.

Вслѣдъ за тѣмъ, я побѣжала къ бабкѣ и умоляла ее именемъ неба проводить меня. Я и теперь не могу забыть этихъ кровью налитыхъ глазъ, этого дикаго взгляда, которымъ она оглянула меня. Старуха вполнѣ была убѣждена, что я спятила съ ума и на ея природномъ силезскомъ нарѣчіи начала безконечное увѣщаніе: "нѣтъ; я не хочу отвѣчать передъ

Богомъ за убійство невинныхъ." Не одинъ разъ я оставливала ее;—наконецъ, отчаявшись склонить, я сказала рѣшительно, что, если только не увижу князя своими собственными глазами, я не переживу своихъ сомнѣній о его несчастіи, и если она не согласится проводить меня къ теткѣ, никакая сила не удержитъ меня и я рѣшаюсь идти одна. Послѣ всего этого старуха сдалась; но когда я предложила ей идти пѣшкомъ, чтобъ не возбудить подозрѣній шумомъ саней и лошадей, она снова оторопѣла; я представила ей всю опасность и ужасъ въ случаѣ открытія нашего предпріятія, и тѣмъ окончательно убѣдила ее. Бабка уступила и, при помощи одного старика, жившаго въ домѣ и читавшаго молитвы моей свекрови, свела меня съ лѣстницы; но едва мы переступили нѣсколько ступней, какъ боли мои усилились; провожатые, перепугавшись, старались увести меня назадъ. Теперь я, въ свою очередь, была непреклонна и ухватилась за перила такъ, что ни сила, ни угроза не могли оторвать меня.

Наконецъ съ трудомъ мы сошли съ лѣстницы, и послѣ новыхъ мучительныхъ припадковъ, добрели до дома тетки.

Не знаю, какъ я поднялась по высокой лѣстницѣ, которая вела въ комнаты моего мужа. Одно помню, когда, при входѣ, я увидѣла его блѣднымъ и лежавшимъ на постелѣ, я грянулась безъ чувства на полъ, и въ этомъ положеніи была принесена домой, на носилкахъ, лакеями Новосильцевой; къ счастію, это похожденіе осталось тайной для моей свекрови. Вслѣдъ за тѣмъ начались страданія родовъ; они привели меня въ чувство. Было одинадцать часовъ ночи; я послала за теткой и свекровью и, черезъ часъ, родила сына Михаила. Первымъ моимъ побужденіемъ было—извѣстить князя о благополучномъ исходѣ; незамѣтно для другихъ я прошептала горничной приказаніе отправить добраго старика съ этой радостной новостью.

Въ послѣдствіи я часто вздрагивала при воспоминаніи этого вечера, и той сцены, которую Дашковъ передалъ послѣ.

Когда я показалась съ своей разнохарактерной свитой въ его комнатѣ, онъ принялъ меня за сновидѣніе но мечта скоро изчезла и глазамъ его представилась дѣйствительность, онъ увидѣлъ меня упавшей на полъ. Развлеченный опасностью моего положенія, негодующій за открытіе тайны, онъ вскочилъ съ постели и хотѣлъ слѣдовать за мной домой; но тетка его, поднятая на ноги тревогой всего дома, немедленно явилась и съ слезами на глазахъ заклинала его пожалѣть свою жизнь, и послушаться ея совѣта. Состояніе его было ужасное до той минуты, пока не извѣстили его о моемъ спасеніи: тогда онъ перешелъ отъ необузданнаго горя къ необузданной радости. Вспрыгнувъ съ постели онъ обнялъ моего посла, облобызалъ его съ восторгомъ, танцуя и плача попеременно; князь бросилъ старику кошелекъ съ золотомъ и приказалъ послать попа немедленно служить благодарственный молебенъ, на которомъ хотѣлъ самъ присутствовать; однимъ словомъ, во всемъ домѣ былъ торжественный праздникъ. Все было тихо до шести часовъ утра, это былъ обыкновенный часъ княгининой молитвы, и вдругъ почтовыя лошади подкатили съ Дашковомъ къ нашимъ дверямъ. Его мать, къ несчастію, не выходила; услышавъ стукъ экипажа, она бросилась встрѣтить сына на лѣстницѣ. Блѣдное лицо и подвязанное горло тотчасъ обличили его состояніе, и еслибъ онъ не заключилъ ее въ своихъ объятіяхъ, то произошла бы другая трагическая сцена. Мы такъ страстно любили его, что, эта самая любовь могла быть источникомъ домашняго несчастія: на этотъ разъ, такъ именно и случилось. Въ замѣшательствѣ, онъ провелъ свою мать вмѣсто ея комнаты въ мою, и наше свиданіе показалось ей вовсе не такъ восторженнымъ, какъ слѣдовало ожидать. Успокоившись, она приказала сдѣлать постель для своего сына въ комнатѣ смѣжной съ моей, и опасаясь за мое здоровье, запретила говорить намъ между собой. Эта предосторожность, конечно благоразумная, не нравилась мнѣ: я хотѣла быть его кормилицей и ежеминутно, собственнымъ своимъ глазомъ сторожить за постепен-

нымъ его выздоровленіемъ;—любовь находчива, и я придумала средства для нашихъ взаимныхъ сношеній. Каждымъ моментомъ, свободнымъ отъ постороннаго наблюденія, мы пользовались для коротенькой переписки, полной той нѣжности, которую болѣе холодные умы могли бы сочесть за дѣтскую глупость, хотя я искренно пожалѣла бы о бездушности этихъ критиковъ.

Сорокъ грустныхъ лѣтъ прошло со времени его потери, которые я имѣла несчастіе пережить послѣ своего обожаемаго супруга; и ни за какія блага міра, я не желала бы опустить воспоминаніе о самомъ мелочномъ обстоятельствѣ изъ лучшихъ дней моей жизни. Гонцемъ для нашей секретной кореспонденціи мы употребили старую посидѣлку, которой обязанность состояла въ томъ, чтобъ сидѣть по ночахъ у моей постели; съ полусонными глазами, едва державшаяся на ногахъ, она ковыляла изъ одной комнаты въ другую. По прошествіи трехъ дней, нашъ Меркурій, вѣроятно изъ жалости къ моимъ глазамъ, обратился въ доносчика: тайна была выдана нашей матери, которая прочла намъ приличное наставленіе и грозила спрятать чернила и бумагу. Къ счастію, мужъ мой скоро оправился, и получилъ позволеніе сидѣть у моего изголовя, пока я выздоровливала. Мы отмѣнили нашу поѣздку въ деревню, потому что думали скоро отправиться въ Петербургъ. Назначенный день для выѣзда много разъ откладывался, изъ уваженія къ настоятельнымъ просьбамъ его матери. Наконецъ мы поднялись, и прибыли въ Петербургъ 28 іюня день, которому суждено было, черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ, сдѣлаться замѣчательнымъ и славнымъ днемъ для моего отечества.

Это путешествіе было для меня величайшимъ наслажденіемъ. Я желала увидѣть своихъ родныхъ. которыхъ образъ жизни совершенно отвѣчалъ моимъ наклонностямъ и былъ такъ отличенъ отъ всего того, что окружало меня въ Москвѣ. Въ особенности мнѣ пріятно было посѣтить

моего дядю, гдѣ образованное и истинно—свѣтское общество было предметомъ моего удивленія, а великолѣпная обстановка его дома, украшеннаго въ европейскомъ вкусѣ, давало ему полное право называться княжеской палатой. Когда мы въѣхали въ городъ, каждый предметъ доставлялъ мнѣ новое удовольствіе. Петербургъ никогда не казался мнѣ такъ хорошъ, милъ и роскошенъ. Все было одушевлено жизнію моей собственной мысли; инстинктивно опустивъ окно кареты, я надѣялась встрѣтить въ каждомъ мимопрохожемъ друга или родственника и на всѣхъ смотрѣла глазами стараго знакомаго. Мной овладѣлъ лихорадочный восторгъ, прежде чѣмъ мы подъѣхали къ воротамъ. Устроивъ комнату для своей дочери, по сосѣдству съ собой, я поспѣшила видѣть отца и дядю, совершенно забывъ, что они жили на дачахъ. На слѣдующій день навѣстилъ насъ отецъ и сообщилъ намъ новое придворное распоряженіе, по которому офицеры гвардейскаго преображенскаго полка, приглашенные великимъ княземъ въ Ораніенбаумъ, должны были явиться туда съ ихъ женами: мы были поименованы въ числѣ гостей. Это приглашеніе было для меня очень непріятно; я не любила стѣсненія дворской жизни, при томъ мнѣ жалко было разставаться съ своей малюткой. Впрочемъ отецъ помогъ моему горю: онъ предложилъ намъ свой загородный домъ, между Ораніенбаумомъ и Петербургомъ, и мы очень удобно расположились въ немъ; на другой день мы отправились съ визитомъ во дворецъ. Наслѣдникъ, какъ только мы представились ему, обратился ко мнѣ, сколько я могу запомнить, съ слѣдующей рѣчью: "хотя вы и не хотѣли жить въ моемъ дворцѣ, но я надѣюсь видѣть васъ каждый день и думаю, что вы удѣлите мнѣ больше вашего времени, чѣмъ обществу великой княгини." Я ничего особеннаго не сказала на это; но рѣшилась бывать здѣсь только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, чтобъ не подать повода къ неудовольстію. Это самопожертвованіе было неизбѣжно, чтобъ видѣться съ

Екатериной и поддержать ея дружеское расположеніе, въ которомъ я каждый день больше и больше убѣждалась. Отчужденіе мое отъ партіи Петра и рѣшительное предпочтеніе его супругѣ было замѣчено, и онъ скоро далъ мнѣ почувствовать; однажды, отозвавъ меня въ сторону, онъ удивилъ меня своимъ замѣчаніемъ, вполнѣ достойнымъ его нехитрой головы и простаго сердца; выраженіе этого замѣчанія такъ далеко было по духу своему отъ его обыкновеннаго разговора, что я долго не переставала изумляться пока не открыла то лицо, которое, на этотъ разъ, правило его мозгомъ. "Дитя мое, сказалъ онъ, вамъ бы не мѣшало помнить, что водить хлѣбъ соль съ честными дураками, подобными вашей сестрѣ и мнѣ, гораздо безопаснѣе, чѣмъ съ тѣми великими умниками, которые выжмутъ изъ апельсина сокъ, а корки бросятъ подъ ноги." Я ничего не поняла изъ этого намека, и съ полной наивностью отвѣтила ему, что тетка его, императрица совсѣмъ иначе выражала свои желанія; —она совѣтовала платить дань равнаго почтенія, какъ великому князю, такъ и великой княгинѣ. Здѣсь я не могу не отдать справедливости моей сестрѣ, Елисаветѣ, которая хорошо знала различіе нашихъ характеровъ и не требовала отъ меня того раболѣпнаго вниманія къ себѣ, на какое она получила право, по своему положенію, отъ остальной придворной толпы. Между тѣмъ, я увидѣла, что всегда избѣгать общественнаго круга наслѣдника было невозможно. Это общество иногда принимало видъ казармы, гдѣ табачный дымъ съ его Голстинскими генералами были любимымъ развлеченіемъ Петра. Эти офицеры были большею частію капралы и сержанты Прусской арміи, истинные дѣти нѣмецкихъ сапожниковъ, самый нижній осадокъ народныхъ слоевъ; и эта сволочь нищихъ—генераловъ была по-плечу такого государя! Вечера, обыкновенно, окончивались, ужинами, пирами, въ залѣ, увѣшанной сосновыми вѣтвями и носившей нѣмецкое названіе, свойственное вкусу подобныхъ

украшеній и модной фразеологіи этого общества; разговоръ происходилъ на такомъ дикомъ полу-нѣмецкомъ языкѣ, что нѣкоторое знаніе его совершенно было необходимо, тому кто не хотѣлъ сдѣлаться посмѣшищемъ въ этой августѣйшей сходкѣ.

Иногда великій князь переносилъ свои праздники въ загородный домикъ, недалеко отъ Ораніенбаума, гдѣ, по причинѣ тѣсноты покоевъ, могло собираться не большое общество; здѣсь скучные вечера сокращались пуншемъ и чаемъ, въ облакахъ тобачнаго дыма, за чудовищной игрой въ *Campis*. Какой разительной контрастъ во всемъ этомъ былъ съ умнымъ, изящнымъ и благопристойнымъ обществомъ великой княгини. Подъ вліяніемъ такой прелести, я не могла ни на одну минуту колебаться въ выборѣ своей партіи; и если я видѣла со стороны Екатерины постоянно возраставшее расположеніе къ намъ, то ясно было и то, что искреннѣе меня и моего мужа никто не былъ ей преданъ.

Государыня жила въ Петергофѣ, гдѣ было позволено ей одинъ разъ въ недѣлю видѣть своего сына, Павла. На возвратномъ пути отсюда, она, обыкновенно, заѣзжала къ намъ и увозила меня съ собой проводить вмѣстѣ остатокъ вечера. Я получала отъ нея записки, если намъ что нибудь мѣшало видѣться лично; и такимъ образомъ завязалась между нами искренняя и откровенная переписка, которая продолжалась и послѣ, и за отсутствіемъ ея одушевляла и скрѣпляла мою задушевную привязанность Екатеринѣ; выше этой привязанности была одна любовь къ мужу и дѣтямъ.

Въ одно изъ собраній, данныхъ великимъ княземъ во дворцѣ, гдѣ присутствовала и Екатерина, сидѣвшая на концѣ стола, разговоръ упалъ на Челищева, гвардейскаго юнкера, котораго подозрѣвали въ любовныхъ связяхъ съ графиней Гендриковой, племянницей Петра; наслѣдникъ, чрезъ мѣру одушевленный винными парами, въ духѣ настоящаго прусскаго капрала, поклялся, что онъ, въ примѣръ другимъ офицерамъ, прикажетъ казнить его за эту дерзкую любовь съ

царской родственницей. Между тѣмъ, какъ Голстинскіе паризиты его выражали мимикой глубокое уваженіе къ велико-княжеской мудрости, я не не могла удержаться отъ замѣчанія, что рубить голову слишкомъ жестоко, что если-бъ и было доказано подозрѣніе, во всякомъ случаѣ такое ужасное наказаніе превышаетъ мѣру преступленія. "Вы совершенное дитя—сказалъ онъ—какъ это видно изъ вашихъ словъ; иначе вы знали бы, что отмѣнить смертную казнь—значитъ разнуздать всякую непокорность и всевозможные безпорядки."—"Но, государь, продолжала я, вы говорите о такомъ предметѣ и такимъ тономъ, что все это должно сильно обеспокоить настоящее собраніе; за исключеніемъ этихъ почтенныхъ генераловъ, почти всѣ, имѣющіе честь сидѣтъ за вашимъ столомъ, жили въ то царствованіе, въ которое не было и помину о смертной казни." "Ну что-жъ, возразилъ великій князь, это еще ничего не доказываетъ, или лучше потому-то именно у насъ нѣтъ ни порядка, ни дисциплины; но я повторяю, что вы дитя и ничего не смыслите въ этомъ дѣлѣ." За тѣмъ глубокое молчаніе, и бесѣда—если только можно назвать ее бесѣдой—осталась за мной и Петромъ. "Положимъ, государь, что вы правы; но нельзя же отрицать и того обстоятельства, что ваша вѣнценосная тетка еще живетъ и царствуетъ." Взоры всѣхъ мгновенно обратились на меня; великій князь, къ счастію моему, замолчалъ, высунувъ только языкъ, который онъ обыкновенно показывалъ попамъ въ церкви ради собственнаго развлеченія и когда былъ вообще не въ духѣ; что заставлило меня сдержать дальнѣйшія возраженія. Такъ какъ это происходило въ присутствіи многихъ гвардейскихъ офицеровъ и корпусныхъ кадетовъ, которыми управлялъ великій князь, то на другой день этотъ разговоръ молніей разнесся по Петербургу, и пріобрѣлъ мнѣ огромную популярность, которой я впрочемъ не дорожила. Лестный отзывъ великой княгини о моемъ спорѣ съ Петромъ утѣшилъ меня; но я въ это время еще не понимала всей опасности—

говорить истину царямъ; согласимся, что они сами, можетъ быть, и простили бы это преступленіе, но его никогда не простятъ куртизаны ихъ? Какъ бы то ни было, но это ничтожное обстоятельство и еще нѣсколько смѣлыхъ поступковъ, пріобрѣли мнѣ въ общественномъ мнѣніи репутацію отважнаго и твердаго характера; тому же я обязана довѣренностью и энтузіазмомъ, съ которымъ друзья Дашкова, гвардейскіе офицеры, стали съ этой минуты смотрѣть на меня.

Между тѣмъ здоровье императрицы быстро разрушалось; не надѣялись, чтобъ она могла пережить эту зиму. Я раздѣляла прискорбіе, которое чувствовали многіе изъ моихъ домашнихъ и въ особенности канцлеръ, не потому только, что я любила государыню, но я также ясно видѣла, чего должна была ожидать Россія отъ наслѣдника, — человѣка, погруженнаго въ самое темное невѣжество, беззаботнаго о счастіи его народа, готоваго управлять съ однимъ желаніемъ, — передразнивать Прусскаго Короля, котораго онъ величалъ въ кругу своихъ Голстинскихъ товарищей не иначе какъ "король мой господинъ."

Около половины декабря было объявлено, что Елисавета не проживетъ нѣсколькихъ дней. Я въ это время занемогла и лежала въ постели; но опасаясь за участь великой княгини, въ случаѣ перемѣны царствованія, рѣшилась дѣйствовать. 20 Декабря, въ полночь, я поднялась съ постели, завернулась въ теплую шубу и отправилась въ деревянный дворецъ, на Мойкѣ, гдѣ тогда жила Екатерина и прочіе члены царской семьи. Вышедъ изъ кареты, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца, я прошла пѣшкомъ къ заднему крыльцу, чтобъ невидимкой юркнуть въ комнаты великой княгини. Къ моему величайшему счастію, которое, можетъ быть, спасло меня отъ роковой ошибки въ неизвѣстномъ домѣ, я встрѣтила первую горничную, Катерину Ивановну. Такъ какъ она знала меня, то я попросила немедленно проводить меня въ комнаты великой княгини. "Она въ постели," сказала ста-

рушка. "Ничего, отвѣчала я, мнѣ непременно надобно говорить съ ней сей-часъ же." Служанка, которой была коротко извѣстна моя преданность ея госпожѣ, не смотря на неурочный часъ, не противилась больше и провела меня въ спальню. Екатерина знала, что я больна и потому не въ состояніи выходить въ такой холодъ, и притомъ ночью, да еще во дворецъ; она едва повѣрила, когда доложили о мнѣ. "Ради Бога, закричала она, если это дѣйствительно Дашкова, ведите ее ко мнѣ немедленно." Я нашла ее въ постели, и прежде чѣмъ успѣла раскрыть ротъ, "милая княгиня, сказала она прежде чѣмъ вы объясните мнѣ, что васъ побудило въ такое необыкновенное время явиться сюда, отогрѣйтесь; вы рѣшительно пренебрегаете своимъ здоровьемъ, которое такъ дорого мнѣ и Дашкову." За тѣмъ она пригласила меня въ свою постель и завернувъ мои ноги въ одѣяло, позволила говорить. "При настоящемъ порядкѣ вещей, сказала я, когда императрица стоитъ на краю гроба, я не могу больше выносить мысли о той неизвѣстности, которая ожидаетъ васъ съ новымъ событіемъ. Неужели нѣтъ никакихъ средствъ противъ грозящей опасности, которая мрачной тучей виситъ надъ вашей головой? Во имя неба, довѣрьтесь мнѣ; я оправдаю вашу довѣренность и докажу вамъ, что я болѣе, чѣмъ достойна ея. Есть ли у васъ какой нибудь планъ, какая нибудь предосторожность для вашего спасенія? Благоволите ли вы дать приказанія, и уполномочить меня распоряженіемъ?"

Великая княгиня, заплакавъ, прижала мою руку къ своему сердцу. "Я искренно, невыразимо благодарю васъ, моя любезная княгиня; и съ полной откровенностью, по истинѣ объявляю вамъ, что я не имѣю никакого плана, ни къ чему не стремлюсь и въ одно вѣрю, чтобы ни случилось, я все вынесу великодушно. Поэтому поручаю себя провидѣнію, и только на его помощь надѣюсь." "Въ такомъ случаѣ, сказала я, ваши друзья должны дѣйствовать за васъ. Что же касается до меня, я имѣю довольно силъ поставить ихъ всѣхъ подъ ваше знамя: и на какую жертву я не способна

для васъ?" "Именемъ Бога умоляю васъ, княгиня, продолжала Екатерина, не подвергайте себя опасности, въ надеждѣ остановить непоправимое зло. Еслибъ вы изъ-за меня потерпѣли несчастіе, я вѣчно буду жалѣть." "Все что я могу въ настоящую минуту сказать, — вѣрьте, что я не сдѣлаю ни одного шага впередъ, который бы повредилъ вамъ; какъ бы ни была велика опасность, она вся упадетъ на меня. Еслибъ моя слѣпая любовь къ вамъ привела меня даже къ эшафоту, вы не будете его жертвой." Великая княгиня, вѣроятно, продолжала бы и упрекнула меня въ неопытности и юношескомъ энтузіазмѣ, но я, прервавъ, поцаловала ея руку и увѣрила, что нѣтъ надобности далѣе рисковать продолженіемъ этого свиданія. Тогда она горячо обняла меня, и мы нѣсколько минутъ оставались въ объятіяхъ другъ у друга; наконецъ я встала съ постели и, оставивъ взволнованную Екатерину, поспѣшила сѣсть въ карету.

По пріѣздѣ домой, я нашла князя, только-что возвратившагося до крайности изумленнаго отсутствіемъ своего инвалида; но когда я сообщила ему свою рѣшимость помочь Россіи спасеніемъ великой княгини, онъ одобрилъ и рукоплескалъ моей энергіи, дружеской преданности, попросивъ только не подвергать здоровья опасности. Онъ провелъ этотъ вечеръ у моего отца; изъ разговора ихъ, переданнаго мнѣ Дашковымъ, при всей скромности моего отца, ясно было видно общее безпокойство по случаю близкой перемѣны: я совершенно была довольна этимъ извѣстіемъ, такъ что забыла и объ усталости, и о болѣзни, и о той опасности, которой подвергала себя.

ГЛАВА III.

Декабря 25, въ самый день рождества, императрица Елисавета скончалась; не смотря на обычное торжество праздника, Петербургъ встрѣтилъ это событіе печально; на каждомъ лицѣ отразилось чувство уныніе. Впрочемъ нѣкоторые увѣряютъ, что гвардія со всѣмъ иначе чувствовала; она весело шла во дворецъ присягать новому государю. Два гвардейскихъ полка, Семеновскій и Измайловскій, проходили подъ моими окнами; сколько я могла замѣтить, въ движеніи ихъ не было видно ни особенной торопливости, ни восторга; —это могъ подтвердить всякій житель города. Напротивъ, видъ солдатъ былъ угрюмый и несамодовольный; по рядамъ пробѣгалъ глухой, сдавленный ропотъ: если-бъ мнѣ была неизвѣстна причина этой суматохи, я ни одну минуту не сомнѣвалась бы въ томъ, что Императрица умерла.

Я еще не выходила изъ комнатъ, а дядя мой, канцлеръ, лежалъ больной въ постели; между тѣмъ, къ крайнему нашему удивленію, на третій день своего восшествія на престолъ, императоръ посѣтилъ моего дядю, а ко мнѣ прислалъ посла, желая видѣть меня вечеромъ во дворцѣ. Я извинилась подъ предлогомъ нездоровья, такъ точно, какъ и на слѣдующій день, когда приглашеніе повторилось. Спустя

два или три дня, сестра увѣдомила меня, что государь сердится на мои отказы и не хочетъ вѣрить справедливости ихъ предлоговъ. Чтобъ избѣжать непріятныхъ объясненій и выговоровъ, которые могли повредить моему мужу, я покорилась; и, навѣстивъ своего отца и дядю, поѣхала въ дворецъ. Императрица, о которой я слышала только отъ камердинера, никого не принимала. Пораженная настоящимъ горемъ, она уединилась въ своихъ покояхъ, и покидала ихъ только для исполненія религіознаго долга надъ тѣломъ умершей Государыни.

Какъ только я появилась на глаза Императора, онъ сталъ говорить со мной о предметѣ, близкомъ его сердцу и въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя было больше сомнѣваться на счетъ будущаго положенія Екатерины. Онъ говорилъ шопотомъ, полунамеками, но ясно, что онъ намѣренъ былъ лишить *ее* трона, и возвести на ея мѣсто *Романовну*, то есть, мою сестру. Такимъ образомъ объяснившись со мной, онъ далъ мнѣ нѣсколько полезныхъ уроковъ. "Если вы, дружокъ мой, сказалъ Петръ III, послушаетесь моего совѣта, то дорожите нами немного побольше; придетъ время, когда вы разскаетесь за всякое невниманіе, показанное вашей сестрѣ; повѣрьте мнѣ, я говорю ради вашей же пользы; вы не иначе можете устроить вашу карьеру въ свѣтѣ, какъ изучая желанія и стараясь снискать расположеніе и покровительство ея."

Въ эту минуту невозможно было ничего дѣльнаго сказать, и я притворилась, будто не поняла его и поспѣшила сѣсть съ нимъ за игру въ *Campis*. Въ этой игрѣ каждый имѣетъ нѣсколько *жизней*; кто *переживетъ*, тотъ и выигрываетъ. На каждый очокъ ставилось десять червонцевъ, сумма слишкомъ щедрая для моего кошелька, особенно когда Императоръ проигрывалъ, онъ вмѣсто того, чтобъ отдать свою *жизнь*, согласно съ правилами игры, вынималъ изъ кармана имперіалъ, бросалъ его въ пульку, и съ помощію этой уловки всегда оставался въ выигришѣ. Одна партія

кончилась, государь предложилъ другую, я отказалась. Онъ настаивалъ, я не соглашалась; тогда онъ предложилъ держать половину ставки противъ него; я и этого не хотѣла; наконецъ тономъ разсерженнаго ребенка (онъ считалъ меня не выше того) рѣшительно сказала, что я не такъ богата, чтобъ поддаваться обману; если-бъ государь игралъ подобно другимъ, тогда еще можно было бы попробовать. Императоръ добродушно проглотилъ мое рѣзкое выраженіе и отдѣлался обыкновеннымъ своимъ шутовствомъ;—послѣ этого я ушла. Обыкновенными участниками картежныхъ вечеровъ Петра III были двое Нарышкиныхъ, съ ихъ женами, Измайловъ, съ его супругой, Елисавета Дашкова, Мельгуновъ, Гудовичъ и Анжернъ, первый флигель-адъютантъ государя, графиня Брюсъ, и еще два-три имени, забытыхъ мной. Они всѣ съ удивленіемъ взглянули на меня, и когда я вырвалась изъ ихъ круга, они, подобно Голстинскимъ генераламъ въ Ораніенбаумѣ, въ одинъ голосъ произнесли: "Это бѣсъ, а не женщина!"

Мнѣ надо было проходить рядомъ комнатъ, гдѣ толпились другіе придворные; я замѣтила странную перемѣну въ костюмахъ; это былъ настоящій маскерадъ. Трудно было не улыбнуться, когда я увидѣла князя Трубецкаго, старика по крайней мѣрѣ, семидесяти лѣтъ, вдругъ принявшаго воинственный видъ, и, въ первый разъ въ его жизни, затянутаго въ полный мундиръ, перевязаннаго галунами подобно барабану, обутаго въ ботфорты съ шпорами, какъ будто сей-часъ готовился вступить въ отчаянный бой. Этотъ несчастный придворный адептъ, подобно уличнымъ бродягамъ, притворялся хилымъ, убогимъ, теперь ради какого-то личнаго разсчета, прикинулся страдающимъ подагрой, съ толстыми, заплывшими ногами, но едва объявили, что идетъ Императоръ, онъ шарикомъ вскочилъ съ кушетки, вооруженный съ ногъ до головы, и немедленно сталъ въ ряду Измайловцевъ, которымъ онъ былъ назначенъ лейтенантъ-полковникомъ, наскучившимъ всѣмъ своими приказаніями. Это страшное

привидѣніе было нѣкогда храбрымъ воиномъ,—обломкомъ Петровской Эпохи!

Въ то время, когда происходило шутовство при дворѣ новаго Императора, обычныя почести у гроба покойной Государыни шли своей очередью. Тѣло ея стояло шесть недѣль; около него поперемѣнно дежурили статсъ—дамы; императрица, какъ по чувству искренняго уваженія къ памяти своей тетки и благодѣтельницы, такъ и по желанію возбудить къ себѣ вниманіе со стороны общества, навѣщала прахъ Елисаветы каждый день. Иначе велъ себя Петръ III; онъ рѣдко заходилъ въ похоронную комнату, а если и бывалъ, то какъ будто для того, чтобъ показать всю пустоту и презрѣніе къ своему собственному достоинству. Онъ шепталъ и смѣялся съ дежурными дамами, передразнивалъ поповъ, и замѣчалъ недостатки въ дисциплинѣ офицеровъ и даже простыхъ часовыхъ, недостатки въ одеждѣ, въ повязкѣ галстуковъ, въ объемѣ буклей и въ покроѣ мундировъ.

Между иностранными министрами, находившимися въ то время въ Петербургѣ, очень немногіе пользовались авторитетомъ при дворѣ, не многіе также питали и расположеніе къ Императору. За исключеніемъ Прусскаго, одинъ Англійскій посланникъ, Кейтъ, былъ въ милости у Петра III. Князь Дашковъ и я жили на самой короткой ногѣ съ этимъ почтеннымъ старымъ джентельменомъ; онъ такъ нѣжно любилъ меня, что я, какъ будто въ самомъ дѣлѣ была его дочерью, — такъ онъ, обыкновенно, называлъ меня. Однажды, находясь въ его домѣ, гдѣ были только мы и Княгиня Голицына, Кейтъ заговоривъ объ Императорѣ, замѣтилъ, что онъ началъ свое царствованіе оскорбленіемъ народа и, вѣроятно, кончитъ его общимъ презрѣніемъ къ себѣ.

Между тѣмъ, государь пожелалъ ужинать у моего дяди, что было крайне непріятно Старику, потому что онъ едва могъ вставать съ постели; сестра моя, графиня Бутурлина, князь

Дашковъ и я хотѣли присутствовать за столомъ. Императоръ пріѣхалъ около семи часовъ, и просидѣлъ въ комнатѣ больнаго канцлера до самого ужина, отъ котораго онъ былъ уволенъ. Елисавета Дашкова, графиня Строгонова и я, чтобъ почтить ужинъ почетнаго гостя, стояли за стуломъ, или лучше бѣгали по комнатѣ, что было совершенно во вкусѣ Петра III, не большаго любителя церемоній. Мнѣ случилось стоять за кресломъ государя въ то время, когда онъ разговоривалъ съ Австрійскимъ посланникомъ, графомъ Мери. Рѣчь шла о томъ, какъ онъ нѣкогда былъ посланъ своимъ отцомъ, (въ то время Петръ еще жилъ въ Голстиніи, въ Килѣ) въ походъ противъ Богемцевъ, которыхъ онъ съ однимъ отрядомъ карабинеровъ и пѣхоты немедленно обратилъ въ бѣгство. Во время этого разказа, Австрійскій посланникъ, какъ я замѣтила, часто краснѣлъ и видимо смѣшался, не зная, какъ понимать государя—что онъ разумѣетъ подъ именемъ Богемцевъ,—блуждающихъ цыганъ, живущихъ воровствомъ и пророчествомъ или подданныхъ его Королевы; это замѣшательство могло быть тѣмъ серьезнѣе, что недавно было приказано вывесть русскія войска изъ Австріи,—приказаніе, очевидно, вовсе не миролюбиваго характера. Я наклонилась къ Императору и тихо по-русски попросила его не разсказывать такихъ исторій иностраннымъ министрамъ, потому что, сказала я, если бъ въ Киль зашли кочующіе цыгане, отецъ его, вѣрно, приказалъ бы выгнать ихъ, но не Великаго Князя, въ это время еще ребенка. "Вы дурочка, отвѣчалъ государь, обернувшись ко мнѣ, и любите перечить мнѣ." Петръ III, къ счастію моему, пилъ вина вдоволь и позабылъ мое возраженіе на его исторію.

Однимъ вечеромъ, я была во дворцѣ; государь къ концу своего любимаго разговора вѣчно о Прусскомъ королѣ, громко подозвалъ къ себѣ Волкова и заставилъ его подтвердить, какъ они часто смѣялись надъ тѣмъ, что секретныя распоряженія Елисаветы, отдаваемыя арміи въ Пруссію,

оставались безъ дѣйствія. Это открытіе очень изумило все общество, бывшее съ государемъ. Дѣло въ томъ, что Волковъ, главный секретарь верховнаго совѣта, въ заговорѣ съ великимъ княземъ, постоянно парализировалъ силу этихъ распоряженій, передавая копіи ихъ Прусскому королю; секретарь имѣлъ еще настолько совѣсти, что крайне смѣшался при такомъ объясненіи и отъ каждаго царскаго слова готовъ былъ повалиться со стула. Императоръ, однакожъ, не замѣтивъ общаго изумленія и съ гордостью вспоминалъ о томъ, какъ онъ дружески служилъ открытому врагу своей страны.

Между новыми придворными измѣненіями, французская мода замѣнила русскій обычай—низко кланяться т. е. нагибать голову въ поясъ. Попытки старыхъ барынь пригивать колѣна, согласно съ нововведеніемъ, были вообще очень неудачны и смѣшны; императоръ находилъ въ этомъ особенное для себя удовольствіе; чтобъ посмѣяться, онъ довольно регулярно ходилъ въ придворную церковь, къ концу обѣдни, и здѣсь-то онъ имѣлъ случай дать полную волю хохоту, смотря на гримасы и ужимки присядающихъ дамъ. Старуха Бутурлина, свекровь моей сестры, принадлежала къ числу этихъ мученицъ; однажды, помнится мнѣ, она чуть-чуть не хлопнулась на полъ; къ счастію, поддержалъ ее кто-то изъ добрыхъ людей.

Послѣ всѣхъ этихъ сценъ, описанныхъ мной, легко вообразить, какъ государь заботился о своемъ сынѣ и воспитаніи его. Старшій Панинъ, бывшій наставникомъ молодаго князя, часто выражалъ желаніе, чтобъ государь обратилъ вниманіе на успѣхъ ученія его питомца своимъ личнымъ присутствіемъ на экзаменѣ; но императоръ извинялся подъ тѣмъ наивнымъ предлогомъ: "что онъ ничего не смыслитъ въ этихъ вещахъ." Впрочемъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ двухъ его дядей, принцевъ Голстинскихъ, онъ рѣшился удовлетворить желанію Панина, и великій князь былъ представленъ ему. Когда испытаніе кончилось, государь

сказалъ громко своимъ дядямъ: "Господа, говоря между нами, я думаю, что этотъ плутишка знаетъ эти предметы лучше насъ." За тѣмъ, въ знакъ одобрѣнія онъ пожаловалъ его капраломъ гвардіи; Панинъ возражалъ противъ такой награды, убѣжденный, что она вскружитъ голову принца, и дастъ ему поводъ думать, что онъ уже человѣкъ. Императоръ, не сообразивъ этого на первый разъ, согласился отмѣнить свое распоряженіе, но поспѣшилъ вознаградить наставника чиномъ генерала отъ инфантеріи.

Чтобъ понять вполнѣ то впечатлѣніе, которое произвела на Панина эта царская милость, надобно представить великую, блѣдно-болѣзненную фигуру, искавшую во всемъ удобства, жившую постоянно при дворѣ, чрезвычайно щепетильную въ своей одеждѣ, носившую роскошный парикъ съ тремя распудренными и позади смотавшимися узлами, коротко, — образцовую фигуру, напоминавшую стараго куртизина временъ Людовика XIV. Капральскій тонъ, — составлявшій преобладающій характеръ Петра III, былъ болѣе всего ненавистенъ Панину. Поэтому, когда на слѣдующій день Мельгуновъ объявилъ ему эту почесть, Панинъ рѣшительно сказалъ, что если нѣтъ другихъ средствъ избѣжать этой слишкомъ высокой для него награды, онъ рѣшается немедленно бѣжать въ Швецію. Императоръ съ необычайнымъ удивленіемъ услышалъ о такомъ отказѣ. "Я всегда думалъ, сказалъ онъ, что Панинъ человѣкъ умный," но неговорите мнѣ больше о немъ" Впрочемъ государь уступилъ и на этотъ разъ своему неудачному выбору, помиривъ дѣло на томъ, что далъ Панину право на всѣ гражданскія отличія, соединенныя съ чиномъ генерала отъ инфантеріи.

Я должна упомянуть здѣсь о связи между княземъ Дашковымъ и Паниными. Двое изъ нихъ были двоюродными братьями моей свекрови, т. е. по законамъ русскаго родства, дядями моего мужа. Хотя у насъ это родство считается далекимъ, за всѣмъ тѣмъ его признаютъ въ ряду многихъ поколѣній : въ настоящемъ случаѣ, оно скрѣплялось

болѣе прочными узами любви и благодарности. Старшій братъ, когда я еще была ребенкомъ, служилъ при иностранныхъ миссіяхъ; мое знакомство съ нимъ не задолго до революціи отнюдь не было короткимъ; но потомъ возникла между нами дружба, которая послужила предлогомъ клеветы для моихъ враговъ, которую не могла обезоружить даже всѣмъ извѣстная, пламенная любовь къ моему мужу. Этотъ достойно уважаемый старый дядя прослылъ моимъ любовникомъ, а нѣкоторые называли его даже моимъ отцомъ; многіе, желая снять съ меня первой позоръ, бросали тѣнь на репутацію моей матери. Еслибъ Панинъ не оказалъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ услугъ моему мужу и дѣтямъ, я думаю, что послѣ всѣхъ этихъ сплетней, мнѣ трудно было бы удержаться отъ ненависти къ нему, какъ къ виновнику, хотя и не заслуженному, этой чорной клеветы. Говоря откровенно, я находила гораздо больше удовольствія въ обществѣ младшаго Панина, генерала, котораго солдатская откровенность и мужество характера, совершенно согласовались съ искренностью моей природы; и пока жила первая жена его, которую я душевно любила, я видѣла въ немъ гораздо больше, чѣмъ министра..... Но довольно—о предметѣ, слишкомъ тягостнымъ для меня даже по сю пору.

ГЛАВА IV.

Въ январѣ, 1762 года, случилось очень непріятное обстоятельство, и очень важное для меня по своимъ послѣдствіямъ. Однимъ утромъ, во время гвардейскаго парада, кокой-то полкъ проходилъ къ дворцу; императоръ, замѣтивъ его неправильный маршъ и вообразивъ, что имъ командуетъ князь Дашковъ, подбѣжалъ къ нему и въ духѣ настоящаго грубаго сержанта, выругалъ его за этотъ проступокъ. К. Дашковъ почтительно защищалъ себя; но когда императоръ снова сталъ обвинять его, онъ, естественно разгоряченный и встревоженный послѣднимъ выговоромъ, гдѣ замѣшивалась его честь, отвѣтилъ такъ энергично и жестко, что Петръ III немедленно далъ ему отставку, по крайней мѣрѣ также поспѣшно, какъ возвысилъ его.

Я сильно перепугалась, узнавъ объ этомъ произшествіи. Во всякомъ случаѣ оскорбленіе государя не могло пройдти безъ наказанія, особенно когда Петръ III былъ окруженъ такими совѣтниками, которые позаботились бы придумать болѣе хладнокровный подъ видъ служебнымъ интересамъ, а можетъ быть и жизни моего мужа. Поэтому дилемма была такого рода, что князю надо было выбирать одно

изъ золъ или остаться въ Петербургѣ и идти противъ царскаго гнѣва, и тѣмъ разумѣется еще больше возстановить его противъ себя или обречь себя добровольному изгнанію, пока какая нибудь политическая перемѣна не дастъ дѣлу другого направленія или пока не забудетъ царь. Друзья совѣтовали рѣшиться на послѣднее; я съ своей стороны, какъ ни велика была борьба съ сердцемъ, не противорѣчила ихъ мнѣнію. Мой умъ уже давно свыкся съ представленіемъ тѣхъ опасностей, которыми это царствованіе угрожало благу нашего отечества. Доказательствомъ этого безпокойства, между прочимъ, служило мое ночное посѣщеніе Екатерины; и хотя мои планы были чрезвычайно шатки, но одна мысль преслѣдовала мое воображеніе и одушевляла какой-то вдохновенной вѣрой, что революція недалека. Какъ бы ни было трудно и какъ бы ни вѣрна была опасность, я рѣшилась идти впередъ; благоразуміе, любовь, интересъ, — все заставляли уступить сердцемъ разлукѣ съ мужемъ. Дашковъ, успокоенный совѣтами его друзей, изыскивалъ болѣе благовидной предлогъ для своего удаленія. Въ это время, какъ мнѣ было извѣстно, еще не всѣ послы были назначены къ иностраннымъ дворамъ, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III, я попросила великаго канцлера похлопотать о назначеніи мужа въ одну изъ сосѣднихъ миссій. Просьба моя немедленно была исполнена, и Дашковъ получивъ приказаніе ѣхать въ Константинополь, тотчасъ же оставилъ Петербургъ. Съ каждой почтой я получала отъ него письма. Князь, путешествуя мѣшкотно, остановился въ Москвѣ и проводилъ свою мать до Троицкаго, лежавшаго по дорогѣ въ Кіевъ, гдѣ онъ находился еще въ началѣ іюля.

Императоръ продолжалъ свою обычную жизнь и, казалось, гордился своей ненавистью въ народѣ. Когда былъ заключенъ миръ съ Прусскимъ королемъ, къ которому его привязанность каждодневно выражалась какимъ нибудь безумнымъ поступкомъ, или смѣшнымъ подражаніемъ, восторгъ

императора былъ выше мѣры; и чтобъ отпраздновать наславу это событіе, онъ далъ великолѣпный пиръ, на которой были приглашены всѣ чины первыхъ трехъ разрядовъ и иностранные министры. Императрица сидѣла по срединѣ стола, на своемъ обычномъ мѣстѣ, а государь на другомъ концѣ, противъ Прусскаго посланника. Послѣ обѣда, Петръ III предложилъ тостъ при пушечной пальбѣ съ крѣпости. Первый тостъ — "за здоровье императорской фамиліи;" второй "за здоровье Прусскаго короля," и третій "за продолженіе счастливо заключеннаго мира." Когда императрица выпила бокалъ за здоровье царскаго семейства, Петръ III приказалъ своему генералъ-адъютанту Гудовичу, стоявшему позади его стула, подойдти и спросить Екатерину, почему она не встала, когда пила тостъ. Государыня отвѣчала, что такъ какъ императорская семья состоитъ изъ ея супруга, сына и ея самой, то она не думала, чтобъ это было необходимо. Гудовичъ, передавъ этотъ отвѣтъ, былъ снова посланъ сказать ей, что она "*дура*," и должна бы знать, что двое дядей, принцы Голстинскіе, также члены вѣнценосной семьи. Опасаясь, впрочемъ, чтобъ посолъ не смягчилъ выраженія, онъ повторилъ его громко, такъ что большая часть общества слышала его. Екатерина, сконфуженная и обиженная этой оскорбительно-неприличной выходкой, залилась слезами; но желая оправиться и разсѣять общее замѣшательство, она обратилась къ моему двоюродному брату, графу Строгонову, стоявшему за ея стуломъ, и просила его развлечь ее какой нибудь шуткой. Графъ, придворный юмористъ, всегда былъ готовъ удовлетворить желанію государыни; скрывъ свое собственное неудовольствіе, онъ весело сталъ разсказывать какой-то забавный анекдотъ, не совсѣмъ впрочемъ забывая о своихъ врагахъ, окружавшихъ императора, въ числѣ которыхъ находилась его жена, конечно, не пропустившая настоящаго случая представить поступокъ своего мужа въ дурномъ свѣтѣ. Какъ только конченъ былъ его разсказъ, Строгонову приказано было удалиться въ

загородный домъ, близь каменнаго острова и не выходить изъ него впредь до особеннаго разрѣшенія.

Произшествія этого дня быстро разнеслись по городу; и по мѣрѣ того, какъ Екатерина возбуждала къ себѣ сочувствіе и любовь, императоръ, по закону обратнаго дѣйствія, глубже и глубже падалъ въ народномъ мнѣніи.

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, оправданныхъ несчастной судьбой этого монарха, можно извлечъ поучительный примѣръ. Кажется, ничто не можетъ такъ сильно подрывать царской власти въ глазахъ народа, какъ самовольная тиранія; по этому я всегда считала ограниченную монархію, гдѣ государь подчиняется законамъ и въ нѣкоторомъ отношеніи отвѣчаетъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія, самымъ лучшимъ человѣческимъ правленіемъ.

По одному особенному случаю, императоръ, въ сопровожденіи двухъ Голстинскихъ принцевъ и обыкновенной своей свиты, навѣстилъ моего дядю, канцлера; будучи не совсѣмъ здорова, я рада была, что не могла учавствовать въ этой чести, говоря правду, вовсе неутѣшительной, точно такъ, какъ и Екатерина никогда не вмѣшивалась въ эти удовольствія, за исключеніемъ своихъ прогулокъ на чистомъ воздухѣ. На другой день, я съ удивленіемъ услышала о трагико-комической сценѣ, разыгранной Петромъ III и Гольстинскимъ принцемъ Георгомъ. Среди какогото спора, въ азартной защитѣ каждый своего мнѣнія, они обнажили мечи и бросились другъ на друга; старый баронъ Корфъ, родственникъ моей тетки, упалъ на колѣна между врагами и, закричавъ источнымъ голосомъ старой бабы, божился, что онъ не допуститъ ни одного удара, не умертвивъ себя здѣсь же на мѣстѣ. Это удачное посредничество барона, любимаго обоими соперниками и человѣка, въ самомъ дѣлѣ, достойнаго, остановило дряку, которая разрѣшилась однимъ дурнымъ послѣдствіемъ — безпокойствомъ моего больнаго дяди, извѣщеннаго теткой, въ самый моментъ начинавшейся схватки. Потомъ я слышала о многихъ потѣшныхъ перебранкахъ

между дядей и племянникомъ, пока государь не уѣхалъ инспектировать Кронштатскій флотъ, готовый выступить противъ Даніи. Это воинственное предпріятіе подконецъ такъ завертѣло его мозгомъ, что онъ не могъ отмѣнить его даже въ силу краснорѣчивыхъ и настоятельныхъ просьбъ Прусскаго короля.

Послѣ разлуки съ мужемъ, я не щадила никакихъ усилій, чтобъ одушевить, вдохновить и укрѣпить мнѣнія, благопріятныя осуществленію задуманной реформы. Самыми довѣренными и близкими ко мнѣ людьми были друзья и родственники князя Дашкова, Пасекъ, Бредихинъ — капитанъ преображенскаго полка, маіоръ Рославлевъ и братъ его, гвардейскій измайловскій капитанъ. Двухъ послѣднихъ я не имѣла случая часто видѣть до самого Апрѣля, когда мнѣ нужно было увѣриться въ чувствахъ солдатъ. Впрочемъ, чтобъ отвести всякое подозрѣніе, я продолжала вести обычный образъ жизни, изрѣдка посѣщая своихъ родныхъ и знакомыхъ, и свиду занятая всѣми требованіями моего пола и возраста казалась далека не тѣмъ что происходило: во глубинѣ моей души, — и горячо преданная государственнымъ интересамъ.

Какъ скоро опредѣлилась и окрѣпла моя идея о средствахъ хорошаго-организованнаго заговора, я начала думать о результатѣ, присоединяя къ моему плану нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, которыя своимъ вліяніемъ и авторитетомъ могли дать вѣсъ нашему дѣлу. Между ними былъ маршалъ Разумовскій, начальникъ измайловской гвардіи, очень любимый своимъ корпусомъ и, хотя жалуемый при дворѣ, но понимавшій всю неспособность царствующаго монарха и опасности его правленія. Правда, онъ любилъ Россію настолько, насколько природная его апатія позволяла ему что нибудь любить; но, богатый, осыпанный всевозможными почестями, лѣнивый, готовый отступиться отъ всякого опаснаго и сомнительнаго предпріятія, начто онъ могъ быть употребленъ въ настоящемъ случаѣ? Какъ, однакожъ, ни былъ тернистъ путь, избранный мной, я не рабѣла при встрѣчѣ съ трудностями. Однажды,

навѣстивъ Англійскаго посланника, я услышала отзывъ, что гвардейцы обнаруживаютъ расположеніе къ возстанію, въ особенности за Датскую войну. Я спросила Кейта, не возбуждаютъ ли ихъ высшіе офицеры. Онъ сказалъ, что не думаетъ; генераламъ и старшимъ военнымъ чинамъ нѣтъ выгоды возражать противъ похода, — въ которомъ ожидаютъ ихъ отличія. "Эти неосторожные слухи, замѣтилъ онъ, поведутъ за собой рядъ военныхъ наказаній, ссылки въ Сибирь, и тѣмъ дѣло кончится."

Я воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и переговорила съ нѣкоторыми офицерами полка Разумовскаго, уже вѣрившими въ меня, — съ двумя Рославлевыми и Ласунскимъ, коротко извѣстными маршалу; послѣдній изъ нихъ даже имѣлъ значительное вліяніе на него, если вѣрить молвѣ. Хотя они необнадеживали меня положительнымъ содѣйствіемъ Разумовскаго, я, однакожъ, поручила имъ намекнуть, при обыкновенномъ разговорѣ съ маршаломъ, на ропотъ полка и выразить подозрѣніе на-счетъ близкой перемѣны;— сначала, разумѣется, коснуться слегка, потомъ по мѣрѣ успѣха, сказать о готовомъ заговорѣ пояснѣй, а когда дѣло созрѣетъ вполнѣ, открыть себя наголо; такимъ образомъ онъ слишкомъ далеко очутится на дорогѣ нашихъ замысловъ, чтобъ обратиться въ доносчика. Чтобъ отрѣзать ему всякое отступленіе, я совѣтовала внушить ему, что знать наши намѣренія значитъ участвовать въ нихъ; и такъ какъ опасность придется дѣлить пополамъ, то для него столько же интересно, сколько и для насъ, въ случаѣ надобности, стать въ головѣ этого полка. Все шло по моему желанію, и нашъ стратегическій планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Другое лицо, безконечно важное для успѣха нашего дѣла, былъ Панинъ, воспитатель великаго князя; въ рукахъ его была вся сила и вліяніе, соединенныя съ такимъ отличнымъ постомъ. Впродолженіе весны я видѣла его у себя, и онъ, навѣщалъ меня такъ часто, какъ только позволяли ему его придворныя занятія. Я намекала ему на счетъ вѣроятности

и послѣдствій революціи, которая могла бы дать намъ лучшаго правителя и мимоходомъ старалась выпытать отъ него его собственное мнѣніе. Онъ всегда охотно разсуждалъ объ этихъ предметахъ, и иногда высказывалъ любимую мечту—посадить на тронъ своего юнаго питомца, установивъ форму правленія на основаніяхъ Шведской монархіи.

Молодой и слабый заговорщикъ не вдругъ могъ пріобрѣсть довѣренность осторожнаго и осмотрительнаго политика, подобнаго Панину; но, на перекоръ моей юности и пола, уваженіе ко мнѣ со стороны другихъ давало нѣкоторое право на вниманіе и Панина. Князь Рѣпнинъ, любимый его племянникъ, котораго я часто встрѣчала въ домѣ княгини Куракиной, зналъ меня хорошо; онъ представилъ меня нашему общему дяди, какъ женщину строго-нравственнаго характера, восторженнаго ума, какъ пламенную патріотку, чуждую личныхъ честолюбивыхъ разсчетовъ.

Благопріятное впечатлѣніе, которое могло зависѣть отъ такой рекомендаціи, было подкрѣплено, по видимому, ничтожнымъ обстоятельствомъ но доказавшемъ мнѣ искренность моего панегириста; въ минуту одного безумнаго припадка императора, онъ довѣрчиво обратился ко мнѣ за совѣтомъ и помощью. Пиръ, по случаю мира съ Пруссіей, о чемъ ужъ я сказала, сопровождался другимъ торжествомъ въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ государь, безъ церемоніи, на свой ладъ, угощалъ своихъ задушевныхъ пріятелей, Голстинскихъ генераловъ, Прусскаго посла, нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ и въ томъ числѣ Рѣпнина; государь далъ полную волю своему разгулу, пропировавъ здѣсь до четырехъ часовъ утра, когда его пьянаго безъ чувствъ уложили въ карету. Съ этой пирушки Рѣпнинъ прямо прискакалъ ко мнѣ. Я была поднята отъ сна стукомъ въ дверь моей спальни, и немедленно разбудила свою старую служанку, лежавшую близко меня. На вопросъ ея, сдѣланный самымъ брюзгливымъ тономъ, "кто это осмѣлился нарушить мой покой?" она доложила мнѣ, что князь Рѣпнинъ желаетъ видѣть меня. Я одѣлась, и вышла спросить, что

его привело ко мнѣ въ такое время. Онъ казался чрезвычайно взволнованнымъ, и, безъ дальнихъ околичностей, глубоко-отчаяннымъ голосомъ воскликнулъ, " Ну, моя милая кузина, все потеряно;—нашъ планъ разрушенъ;—сестра ваша, Елисавета, получила орденъ св. Екатерины, а я назначенъ министромъ-адъютантомъ, или министромъ-лакеемъ къ Прусскому королю." Это обстоятельство, которое служило прелюдіей низверженія императрицы, сильно поразило меня ; орденъ Св. Екатерины жаловался только принцессамъ королевской крови ; поразмысливъ, однакожъ, я отвѣчала, что не надо слишкомъ серьезно принимать дѣйствія и намѣренія, выходящія изъ такой головы, какова у Петра III. По этому я совѣтовала князю ѣхать домой и отдухнуть, а, между тѣмъ, какъ можно скорѣй сообщить объ этомъ Панину.

Когда онъ ушелъ, я глубоко призадумалась надъ разными проэктами, которые были то составляемы, то отвергаемы заговорщиками. Они казались мнѣ, большею частію, праздными мечтами, безъ твердыхъ началъ или убѣжденій. Въ одномъ пунктѣ всѣ единодушно сходились, въ томъ, что отплытіе императора въ Данію будетъ сигналомъ поразительнаго удара.

Многое еще оставалось сдѣлать до вожделѣнной минуты, и предположенное время наступало; вслѣдствіе того, при слѣдующемъ свиданіи съ Панинымъ, я рѣшилась сбросить всякую маску и открыть ему начисто сущность и силу нашего затвора. При первомъ удобномъ случаѣ, я заговорила съ нимъ о серьезномъ намѣреніи поднять революцію. Онъ слушалъ внимательно, и въ отвѣтъ началъ придираться къ формамъ, какъ надо приступить къ дѣлу и какъ ввести въ кругъ нашего дѣйствія сенатъ. Что авторитетъ этого государственнаго учрежденія помогъ бы намъ, — я этого не отвергала ; но спросила, можно ли безъ величайшаго риска искать его участія? Я также согласилась съ нимъ, что императрица взойдетъ на престолъ не иначе, какъ съ правомъ регента во

время малолѣтства ея сына; но я не допускала его сомнѣній относительно второстепенныхъ вопросовъ реформы. "Дайте совершиться, сказала я, и никто не заподозритъ его въ иномъ стремленіи, какъ въ настоятельной необходимости свергнуть зло съ перемѣной настоящаго правленія. "Тогда я назвала ему главныхъ участниковъ моего замысла — двухъ Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пасека, Бредихина, Баскакова, Гетрофа, князя Барятинскаго и Орловыхъ. Онъ удивился и струсилъ, увидѣвъ, какъ далеко я зашла въ своемъ предположеніи, и притомъ безъ всякаго предварительнаго переговора съ Екатериной. Я защищала свою скрытность въ этомъ случаѣ осторожностію относительно государыни; что было бы неумѣстно и даже опасно вводить ее въ наши планы еще незрѣлые и шаткіе.

Изъ всего, что сказалъ мой дядя въ это свиданіе, я замѣтила въ немъ и присутствіе мужества и желаніе стать съ нами, но онъ колебался при мысли о результатѣ реформы. Разставаясь съ нимъ, я просила его захватить на нашу сторону Теплова, который только-что вышелъ изъ крѣпости куда онъ былъ заключенъ Петромъ III. Его краснорѣчіе и умѣнье говорить народнымъ языкомъ были намъ полезны въ первыя минуты возстанія; а вліяніе его на Разумовскаго еще важнѣе были для нашей поддержки. Въ заключеніе, я убѣждала Панина не говорить ему о провозглашеніи великаго князя, а предоставить мнѣ это дѣло; такъ какъ наставнику свойственно дружить своему воспитаннику, то это могло подать поводъ къ недоразумѣніямъ, что же касается до меня, какъ всѣмъ извѣстнаго преданнаго друга императрицы, я могла объясниться, не возбуждая ни подозрѣнія, ни недовѣрія. Согласно съ тѣмъ, я впослѣдствіи сдѣлала это предложеніе; къ счастію, исполненіе его было остановлено рукой провидѣнія, хранившаго судьбу государства.

Между иностранцами, искателями счастія въ Петербургѣ, былъ одинъ Піемонтецъ, по имени Одартъ, который, по милости моего дяди, служилъ адвокатомъ въ коммерческой кол-

легіи. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, человѣкъ болѣзненный, живой и острый, хорошо образованный и ловкій интригантъ, но по причинѣ не знанія Русскаго языка, произведеній и внутреннихъ сообщеній, нашелъ себя безполезнымъ на этомъ мѣстѣ, и желалъ занять какую нибудь должность при императрицѣ. Съ этой цѣлью, онъ просилъ моего ходатайства; я рекомендовала его государынѣ въ качествѣ секретаря; но такъ какъ переписка ея ограничивалась одними родственниками, то она не хотѣла принять его, тѣмъ болѣе, что считала опаснымъ поручить иностранцу эту обязанность. Впрочемъ, я выхлопотала ему при ней мѣсто смотрителя нѣкоторыхъ доходовъ, опредѣленныхъ Петромъ III.

Я заговорила объ этой личности потому, что между ложными фактами, распространенными о революціи, Одарта считали моимъ главнымъ руководителемъ и совѣтникомъ. Въ одномъ изъ писемъ императрицы будетъ видно, что я познакомила его съ ней; правда и то, что я, ради его здоровья, доставила ему случай находиться при графѣ Строгоновѣ, когда онъ былъ загнанъ императоромъ на свою дачу; но Одартъ отнюдь не былъ моимъ повѣреннымъ и я рѣдко его видѣла, ни одного раза за три недѣли до переворота. Я была очень рада помочь ему, но никогда не спрашивала его совѣта; и я думаю, что онъ зналъ меня настолько, чтобъ не осмѣлиться сдѣлать мнѣ тѣхъ предложеній со стороны Панина, которыя взвели на него нѣкоторые Французскіе писатели въ своихъ безсмысленныхъ брошюрахъ.

Но я возвращаюсь къ своему главному разсказу. Новгородскій архіепископъ, извѣстный своей ученостью, любимый народомъ, и обожаемый духовенствомъ, конечно, не сомнѣвался въ томъ, чего могла ожидать церковь отъ такого повелителя, какъ Петръ III. Его собственныя опасенія на этотъ счетъ, уже давно возбужденныя въ немъ и въ которыхъ онъ не скрывался, ставили его въ нашихъ рядахъ, если не какъ дѣятельнаго участника, то по крайней мѣрѣ, какъ ревностнаго покровителя нашихъ замысловъ. Я съ удоволь-

ствіемъ услышала отъ князя Волконскаго, дяди моего мужа, по возвращеніи его изъ арміи, что духъ ропота обнаружился даже между солдатами; они были недовольны тѣмъ, что ихъ заставляли обратить оружіе противъ перваго ихъ союзника, Маріи Терезіи, въ пользу Прусскаго короля, съ войсками котораго они такъ долго бились. Я передала эту новость Панину, какъ доказательство, между прочимъ, и того обстоятельства, что князь Волконскій былъ не чужой намъ; впослѣдствіи онъ совершенно оправдалъ нашу надежду.

Нашъ кругъ съ каждымъ днемъ увеличивался численно; но планъ дѣйствія далеко не имѣлъ соотвѣтственнаго успѣха. При такомъ порядкѣ вещей, я половину времени проводила въ уединеніи на своей дачѣ близь Петербуга; и въ то время, какъ я скрывалась отъ всѣхъ своихъ друзей, подъ предлогомъ нездоровья, я старалась уяснять свои идеи и изыскивать болѣе практичныя и вѣрныя средства для достиженія задуманной цѣли.

Дача, о которой я говорю, находилась недалеко отъ города, близь краснаго кабачка, и составляла часть обширной болотистой почвы, нѣкогда покрытой густымъ кустарникомъ; Петръ III приказалъ ее раздѣлить между нѣкоторими помѣщиками. Посредствомъ осушенія и обработки этой безплодной земли, она была обращена богатыми владѣльцами въ плодоносную и прекрасную долину. Мой участокъ сначала былъ подаренъ одному Голстинскому генералу; не имѣя терпѣнія разработать его, онъ отказался отъ своего владѣнія, предоставъ его опять въ распоряженіе правительства, а себѣ избравъ другое. Въ числѣ прочихъ эта земля была предложена мнѣ; но недостатокъ денежныхъ средствъ, для самыхъ необходимыхъ расходовъ, которыми я нехотѣла безпокоить своего мужа, заставилъ было меня отказаться отъ нея, подобно Голстинскому генералу. Впрочемъ, отецъ мой, желая, чтобъ я приняла ее, предложилъ построить здѣсь домъ на собственный свой счетъ, и такимъ образомъ уладилъ дѣло, въ которомъ я сомнѣвалась.

Около этого времени случилось быть въ Петербургѣ сотни крестьянъ, принадлежащихъ моему мужу ; имъ позволялось въ извѣстное время года работать на самихъ себя ; изъ благодарности и любви къ ихъ великодушному помѣщику, эти добрые мужики, вызвались поработать четыре дня сряду на этомъ новомъ владѣніи, и потомъ каждый праздникъ поочереди продолжать свой трудъ. Съ помощью ихъ были прорѣзаны небольшіе каналы и поднята почва для постройки дома и его службъ. Но не смотря на то, что я начинала любить это первое поземельное пріобрѣтеніе, которое составляло мою собственность, я нехотѣла дать ему названія до тѣхъ поръ, пока не освящу его именемъ того святаго, въ день котораго увѣнчается успѣхомъ наше политическое предпріятіе.

Однажды провожалъ меня сюда верхомъ мой братъ графъ Строгоновъ ; намѣреваясь показать ему нѣкоторыя улучшенія, я попыталась пройдти, повидимому, по зеленому лугу; но, къ сожалѣнію, до самыхъ колѣнъ погрузла въ болото. Жестокая простуда и лихорадка была слѣдствіемъ того ; въ это время, я получила очень дружеское письмо отъ Императрицы, которая шутила надъ этимъ произшествіемъ, приписывая вину его невниманію моего прекраснаго кавалера — "обезьяны", какъ она называла его; названіе вполнѣ выражало неуклюжость Строгонова, соединенную съ расположеніемъ его къ шутовству. Я постаралась отвѣтить на это письмо и писала его въ минуту сильнаго лихорадочнаго припадка : за то чего въ немъ не было ! Вѣроятно, я говорила о своихъ революціонныхъ надеждахъ, и въ такомъ безсвязномъ, темномъ видѣ, съ такой смѣсью прозы и стиховъ, Французскаго и Русскаго, что Екатерина, намекнувъ впослѣдствіи на это письмо, спросила, какъ долго я была одержима духомъ пророчества? Что касается до моихъ пламенныхъ выраженій дружбы, она поняла и оцѣнила ихъ ; что же до моего намѣренія назвать свое имѣніе во имя вожделѣннаго дня, она рѣшительно не постигала моего желанія.

Въ это время Государыня часто писала мнѣ, и, по видимому съ болѣе спокойнымъ духомъ, менѣе встревоженная грядущими обстоятельствами, чѣмъ ея друзья, которыхъ ожиданія относительно близской перемѣны были гораздо серьезнѣе чѣмъ ея собственныя.

Между тѣмъ, встрѣтилось событіе, уронившее царское достоинство Петра III гораздо больше, чѣмъ какая нибудь изъ его обыкновенныхъ глупостей.

Въ царствованіе его тетки, Сербы, послѣдователи православной вѣры, подобно своимъ братьямъ по религіи, искавшимъ убѣжища въ Венгріи, въ Австрійскихъ владѣніяхъ, прислали къ Елисаветѣ депутатовъ, просившихъ у нея защиты и земли въ ея имперіи, чтобъ избавиться отъ преслѣдованій римско-католическаго духовенства, всесильнаго въ эпоху Маріи Терезіи. Хотя императрица была другомъ нѣмецкой королевы, но она, по религіозному чувству, уступила просьбѣ ихъ; благосклонно принявъ депутатовъ, она отвела Сербамъ нѣсколько превосходныхъ участковъ въ южной полосѣ Россіи. Кромѣ того, имъ дано было денежное вспоможеніе на переселеніе и для набора нѣсколькихъ гусарскихъ полковъ изъ среды своей. Но вотъ что случилось: одинъ изъ этихъ депутатовъ, по имени Хорватъ, тонкій интригантъ, вкрался въ довѣренность тѣхъ чиновниковъ, которымъ было поручено устройство новой колоніи, и захватилъ себѣ деньги, вмѣсто того, чтобъ употребить ихъ на помощь многимъ тысячамъ своихъ одноземцевъ, уже прошедшихъ на отведенное имъ мѣсто, онъ присвоилъ ихъ себѣ и сталъ поступать съ переселенцами, какъ господинъ съ своими рабами.

Угнетенный народъ жаловался государынѣ, которая послала князя Мещерскаго разсудить ихъ; но вслѣдствіе болѣзни и скорой смерти Елисаветы, въ связи съ другими препятствіями, дѣло, перенесенное въ Сенатъ, осталось нерѣшеннымъ. Хорватъ же услышавъ о кончинѣ императрицы, поспѣшилъ въ Петербургъ, и подарилъ по двѣ

тысячи дукатовъ каждому изъ трехъ сановниковъ, близкихъ къ престолу, и особенно любимыхъ Петромъ III. Въ числѣ ихъ онъ поставилъ Льва Нарышкина, знаменитаго придворнаго шута, генерала Мельгунова и генералъ-прокурора Глѣбова. Двое послѣдніе отважно сказали о своей взяткѣ императору и были превознесены его похвалами за откровенность ихъ поступка. "Вы честные ребята, сказалъ онъ, и если вы подѣлитесь со мной вашей добычей, я пойду самъ въ сенатъ и рѣшу дѣло въ пользу Хорвата. Государь сдержалъ слово; скрѣпилъ актъ, по которому Россія потеряла сто тысячь жителей, ничего болѣе не требовавшихъ, чтобъ идти вслѣдъ за своими соотечественниками, какъ исполненія обѣщаннаго покровительства. Когдаже Петръ III услышалъ о взяткѣ Нарышкина, не признавшагося въ ней, подобно своимъ товарищамъ, онъ отобралъ у него всю сумму сполна, присвоивъ ее себѣ, въ видѣ наказанія; довольный, онъ нѣсколько дней потомъ насмѣшливо спрашивалъ Нарышкина, что онъ сдѣлалъ съ полученной взяткой отъ Хорвата? Подобное воровство, грязное для всякаго частнаго человѣка, унизило императора въ общественномъ мнѣніи ниже шута и подвергло ихъ всѣхъ общему смѣху и презрѣнію.

Около того же времени, императоръ выкинулъ поразительный фарсъ, передъ лицомъ всего измайловскаго гвардейскаго полка. Маршалъ Разумовскій однажды былъ позванъ маневрировать своимъ полкомъ въ присутствіи императора, вслѣдствіе общаго приказа, по которому каждый командиръ обязанъ былъ показать свое искуство. Послѣ развода, при чемъ Разумовскій, человѣкъ вовсе не военныхъ способностей, заслужилъ высочайшее благоволеніе, государь, вполнѣ счастливый, отправился съ своей свитой обѣдать. Мимоходомъ онъ замѣтилъ своего любимаго негра (если не ошибаюсь, Нарциса), яростно сцѣпившагося съ другимъ служителемъ, и оборонявшагося и руками и ногами. Сначала Петръ III расхохотался, но когда увидѣлъ, что

соперникомъ чернаго любимца его былъ полковой мусорщикъ, лицо его тотчасъ измѣнилось и онъ съ досадой воскликнулъ: "Нарцисъ потерянъ для насъ навсегда." Что онъ разумѣлъ подъ этимъ—трудно было понять; Разумовскій спросилъ государя о причинѣ его неудовольствія: "какъ, сказалъ императоръ, развѣ вы, военный человѣкъ, не понимаете, что я больше не могу допустить его къ себѣ, послѣ этой позорной и унизительной драки съ мусорщикомъ." Маршалъ, прикинувшись партизаномъ царскаго горя, очень важно предложилъ смыть пятно съ негра, покрывъ его знаменами полка.

Эта идея, воскресившая Нарциса, съ восторгомъ была принята государемъ; поцѣловавъ Разумовскаго, онъ приказалъ привести негра. "Развѣ ты не знаешь, сказалъ онъ ему, что ты обезчесченъ, и навсегда удаленъ отъ насъ за это подлое соприкосновеніе съ мусорщикомъ?" Бѣднякъ, пѣнившійся злостью и не понявъ значенія этихъ словъ, началъ оправдываться, говоря, что онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ былъ наказать этого мерзавца, который бросился на него первый. Но когда, по приказанію Петра III, стали проводить его, три раза, подъ полковыми знаменами, негръ такъ стойко сопротивлялся, что четыре человѣка принуждены были держать его во время этой церемоніи.

Впрочемъ этого было мало. Императоръ требовалъ, чтобъ изъ Негра, выпустили нѣсколько капель крови, для омытія пятна его безчестія, и былъ удовлетворенъ только тогда, когда прикаснулись концемъ знамени къ его головѣ. Крики и завыванія бѣднаго Африканца противъ его господина и нелѣпость всей этой сцены была пыткой для офицеровъ, готовыхъ разразиться общимъ смѣхомъ; и дѣйствительно, трудно было удержаться отъ хохота, смотря на торжественную осанку царя, который, казалось, въ одно время работалъ надъ искупленіемъ чести своего лакея и своей собственной императорской славы.

Отецъ мой вовсе былъ не въ милости при настоящемъ дворѣ; и хотя государь оказывалъ нѣкоторое уваженіе моему дядѣ, канцлеру, но не слушался его политическихъ совѣтовъ. Являться каждое утро на парады, въ качествѣ капралъ-маіора, хорошо ѣсть, пить Бургонское, проводить вечера между шутами и извѣстными женщинами, и исполнять всякое приказаніе Прусскаго короля — вотъ что было счастіемъ и славой Петра III, и онъ процарствовалъ семь мѣсяцевъ. Самымъ великимъ его предпріятіемъ было желаніе отнять у Датскаго короля клочекъ земли, который онъ считалъ своей собственностью; и съ такой поспѣшностью дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, что даже не хотѣлъ отложить его до окончанія своей коронаціи.

ГЛАВА V.

Съ отъѣздомъ двора въ Петергофъ, въ началѣ лѣта, я была болѣе свободна, чѣмъ думала, и, отдѣлавшись отъ вечернихъ собраній императора, съ удовольствіемъ осталась въ городѣ. Въ это время многіе гвардейцы, негодуя на скорый походъ противъ Даніи, обнаруживали сильные признаки раздраженія и начали распускать молву, что жизнь императрицы въ опасности и что слѣдовательно присутствіе ихъ необходимо дома. Поэтому я уполномочила нѣкоторыхъ офицеровъ, изъ своей партіи, увѣрить солдатъ, что я каждодневно вижу государыню и ручаюсь извѣстить ихъ, когда настанетъ благопріятная минута возстанія.

За тѣмъ, грозная тишина воцарилась до 27 Іюня, до того знаменитаго дня, въ который приливы надежды и страха, восторга и скорби волновали грудь каждаго заговорщика. Когда я поразмыслю о событіяхъ этого дня, о славной реформѣ, совершенной безъ плана, безъ достаточныхъ средствъ, людьми различныхъ и даже противоположныхъ убѣжденій, подобно ихъ характерамъ, многіе изъ нихъ едва знали другъ друга, не имѣли между собой ничего общаго, за исключеніемъ одного желанія, увѣнчаннаго случайнымъ, но болѣе полнымъ успѣхомъ, чѣмъ можно было ожидать отъ самого

строгого и глубоко-обдуманнаго плана;—когда я поразмыслю о всемъ этомъ, нельзя не признать воли провидѣнія, руководившей шаткими и слабыми нашими стремленіями. Если-бъ участники искренно сознались, какъ много они обязаны случаю и удачѣ своимъ успѣхомъ, своимъ они должны бы менѣе гордиться собственными ихъ заслугами. Что касается до меня, я, положа руку на сердцѣ, говорю, что хотя мнѣ принадлежала первая доля въ этомъ переворотѣ—въ низверженіи неспособнаго монарха, за всѣмъ тѣмъ я изумляюсь факту: ни историческіе опыты, ни пламенное воображеніе восьмнадцати вѣковъ не представляютъ примѣра такого событія, какое осуществилось передъ нами въ нѣсколько часовъ.

Въ полдень 27 Іюня Григорій Орловъ привезъ мнѣ извѣстіе объ арестѣ капитана Пасека. Пасекъ и Бредихинъ были у меня вечеромъ наканунѣ, предупредивъ объ опасности, которой угрожало нетерпѣніе солдатъ, въ особенности гренадеровъ; повѣривъ распущеннымъ слухамъ относительно императрицы, они открыто говорили противъ Петра III и громко требовали, чтобъ ихъ вели противъ Голстинскихъ огрядовъ въ Ораніенбаумъ. Желая успокоить тревогу этихъ двухъ молодыхъ людей, я подтвердила имъ свою личную готовность встрѣтить опасность, и просила ихъ еще разъ увѣритьсолдатъ, прямо отъ меня, въ томъ, что императрица совершенно благополучна, живетъ на свободѣ въ Петергофѣ, и что они должны быть спокойны и покорны приказаніямъ другихъ, иначе дѣло будетъ проиграно. Пасекъ и Бредихинъ немедленно отправились въ казармы съ моимъ порученіемъ, но среди общей суматохи наша тайна дошла до свѣденія преображенскаго маіора, Войекова, который тотчасъ же арестовалъ Пасека, и такимъ образомъ ускорилъ счастливую развязку катастрофы.

Когда Орловъ извѣстилъ меня объ этомъ арестѣ, не зная ни причины, ни подробностей его, со мной находился Панинъ; съ свойственной его характеру флегмой и медлен-

ностью, а можетъ быть и изъ желанія скрыть отъ меня опасность, онъ, повидимому, считалъ это произшествіе менѣе серьезнымъ, чѣмъ я, и представлялъ его, какъ слѣдствіе какого нибудь военнаго проступка. Напротивъ, я приняла его за сигналъ рѣшительнаго дѣйствія, хотя и не могла убѣдить его въ этомъ мнѣніи. Между тѣмъ, Орловъ хотѣлъ немедленно идти въ казармы и обстоятельно разузнать, арестованъ-ли Пасекъ за государственное преступленіе или за военный проступокъ? въ первомъ случаѣ, онъ обѣщалъ возвратиться ко мнѣ со всѣми подробностями, и послать своего брата съ тѣмъ же увѣдомленіемъ къ Панину.

Когда Орловъ ушелъ, я попросила моего дядю оставить меня, подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ нуженъ былъ отдыхъ. Но какъ скоро онъ удалился, я накрылась мужскимъ широкимъ плащемъ и, такимъ образомъ перерядившись, пошла пѣшкомъ къ Рославлеву.

На дорогѣ я встрѣтила верховаго офицера, скакавшаго во весь галопъ по направленію ко мнѣ. Не знаю, какъ я узнала въ немъ Орлова, хотя никогда не видѣла ни одного изъ нихъ, кромѣ Григорія; но убѣжденная въ этомъ, я рѣшилась остановить его, назвавъ собственнымъ именемъ. Наѣздникъ сдержалъ лошадь, и, когда узналъ, кто говорилъ съ нимъ: "Княгиня—сказалъ онъ—я ѣхалъ увѣдомить васъ, что Пасекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ; четыре часовыхъ стоятъ у его дверей, и двое у каждаго окна его комнаты. Братъ мой побѣжалъ извѣстить Панина, а я передалъ уже эту новость Рославлеву." "Ну что послѣдній сильно былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ," спросила я? "Да, нѣсколько испугался—отвѣчалъ Орловъ—но зачѣмъ вы стоите на улицѣ? Позвольте мнѣ проводить васъ домой." "Мы безопаснѣе здѣсь—замѣтила я—чѣмъ дома, гдѣ трудно укрыться отъ наблюденія слугъ. Но теперь терять слова нечего. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они сію же минуту отправились въ Измайловскій полкъ и оставались при своихъ постахъ, съ цѣлью при-

нять императрицу въ окрестностяхъ города. Потомъ вы или одинъ изъ вашихъ братьевъ молніей летите въ Петергофъ и отъ меня просите государыню немедленно сѣсть въ почтовую повозску, которая уже приготовлена для нея, и явиться въ лагери измайловскихъ гвардейцевъ: они готовы провозгласить ее главой имперіи и проводить въ столицу. Скажите ей, что дѣло такой важности, что я даже не имѣла времени зайдти домой и извѣстить ее письменно; что я на улицѣ и изустно отдала вамъ порученіе привести ее безъ малѣйшаго замедленія. Можетъ быть, я сама пріѣду и встрѣчу ее."

Почтовая повозска, о которой я сказала, требуетъ нѣсколькихъ словъ моего разсказа. Послѣ того, какъ я видѣла у себя Пасека и Бредихина, и услышала отъ нихъ о тревожномъ состояніи солдатъ, можно было подумать, что они, не дожидаясь приказаній, начнутъ дѣло: на этотъ случай я написала Шкуриной, женѣ камеръ-лакея Екатерины, чтобъ она отправила къ своему мужу въ Петергофъ телегу на четырехъ почтовыхъ лошадяхъ, съ тѣмъ, чтобъ эти лошади были постоянно готовы для императрицы, если вдругъ присутствіе ея будетъ необходимо въ Петербургѣ; я хорошо знала, какъ трудно было бы ей, въ случаѣ надобности, достать себѣ придворную карету, безъ особеннаго позволенія Измайлова, министра двора, человѣка менѣе всѣхъ расположеннаго въ пользу государыни. Панинъ думалъ, что начало революціи еще далеко и неизвѣстно, и потому смѣялся надъ моей слишкомъ поспѣшной предосторожностью. Но еслибъ мы пренебрегли этими дальновидными мѣрами, Богъ знаетъ, когда и какъ были бы достигнуты наши надежды.

Отпустивъ Орлова, я возвратилась домой, но въ такомъ раздражительномъ настроеніи духа, что рѣшилась немного отдохнуть. Между тѣмъ, приказала приготовить къ вечеру мужское платье, но портной опоздалъ. Когда же я одѣлась, оно жало и стѣсняло мои движенія. Чтобъ не возбуждать подозрѣнія со стороны домашней прислуги, я легла въ постель,

но не прошло и часу, какъ была поднята страшнымъ стукомъ, въ ворота. Вскочивъ съ постели, я вышла въ ближайшую комнату и приказала принять, кто бы это ни былъ. Молодой человѣкъ, неизвѣстный мнѣ, явился и назвалъ себя младшимъ Орловымъ. Онъ пріѣхалъ спросить, (говорилъ онъ) не рано ли посылать за императрицей, и безпокоить ее слишкомъ поспѣшнымъ требованіемъ въ Петербургъ.

Я остолбенѣла. Это такъ взбѣсило меня, что я не могла сдержать своего гнѣва (при чемъ выразилась довольно энергично) противъ самовольнаго замедленія моихъ приказаній, данныхъ Алексѣю Орлову. "Вы упустили самое драгоцѣнное время, сказала я. Вы боялись потревожить государыню и рѣшились вмѣсто того, чтобъ своевременно явиться съ ней въ Петербургѣ, обречь ея жизнь темницѣ или одной съ нами участи на эшафотѣ. Скажите же своему брату, чтобъ онъ немедленно скакалъ въ Петергофъ и привезъ ее въ городъ, какъ можно скорѣй; иначе Петръ III предупредитъ ее и разрушитъ всѣ наши надежды на спасеніе Россіи и императрицы."

Орловъ, очевидно, былъ тронутъ моимъ протестомъ, и увѣрилъ меня, что братъ его сію же минуту исполнитъ мои порученія.

Когда онъ ушелъ, я предалась самому печальному раздумью. Мысль боролась съ отчаяніемъ и ужасными представленіями, я горѣла желаніемъ ѣхать на встрѣчу императрицы; но стѣсненіе, которое я чувствовола отъ моего мужскаго наряда, приковало меня, среди бездѣйствія и уединенія, къ постели. Впрочемъ, воображеніе безъ устали работало, рисуя повременамъ торжество императрицы и счастіе Россіи; но эти сладкія видѣнія быстро смѣнялись другими страшными мечтами. Малѣйшій звукъ будилъ меня, и Екатерина, идеалъ моей фантазіи, представлялась блѣдной, обезображенной. Эта потрясающая ночь, въ которую я выстрадала за цѣлую жизнь, наконецъ прошла; и съ какимъ не выразимымъ восторгомъ, я встрѣтила счастливое утро, когда узнала,

что государыня вошла въ столицу и провозглашена главой имперіи измайловскимъ полкомъ, который проводилъ ея въ Казанскій соборъ, среди огромнаго собранія войска и гражданъ, готовыхъ принести ей обѣтъ подданства.

Было шесть часовъ. Я приказала подать себѣ парадное платье, и поспѣшно отправилась въ лѣтній дворецъ, гдѣ предполагала найдти Екатерину. Трудно сказать, какъ я добралась до нея. Дворецъ былъ окруженъ множествомъ народа и войскъ, со всѣхъ концовъ города стекавшихся и соединившихся съ измайловцами; я принуждена была выйдти изъ кареты и пѣшкомъ пробиваться сквозь толпу. Но какъ скоро узнали меня нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ, я была поднята на рукахъ и отъ всюду слышала привѣтствія, какъ общій другъ и осыпана тысячами благословеній. Наконецъ очутилась въ передней съ вскруженной головой, съ изорванными кружевами, измятымъ платьемъ, совершенно растрепанной, вслѣдствіе сего тріумфальнаго прихода, и поторопилась представиться государынѣ. Мы были немедленно въ объятіяхъ другъ у друга. "Слава Богу"—вотъ все, что мы могли сказать въ эту минуту.

Потомъ она разсказала о своемъ побѣгѣ изъ Петергофа, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ передъ этимъ ударомъ. Я слушала ее съ біеніемъ сердца и въ свою очередь описала ей тоскливые часы, проведенные мной въ то же время, которые были тѣмъ тягостнѣе, что я не могла встрѣтить ее и слѣдить за успѣхомъ ея судьбы, блага или бѣдствій всей Россіи. Мы еще разъ обнялись, — и я никогда такъ искренно, такъ полно не была счастлива, какъ въ этотъ моментъ! Замѣтивъ, что императрица была украшена лентой Св. Екатерины и еще не надѣла Андреевской, — высшаго государственнаго отличія, (женщина не имѣла права на него, но царствующая государыня, конечно, могла украситься имъ), я подбѣжала къ Панину, сняла съ его плечь голубую ленту, и надѣла ее на императрицу, а ея Екатерининскую, согласно съ желаніемъ ея, положила въ свой карманъ.

Послѣ легкаго завтрака, государыня предложила двинуться въ головѣ войска въ Петергофъ, и пригласила меня сопутствовать ей. Съ этой цѣлью, желая переодѣться въ гвардейскій мундиръ, она взяла его у капитана Талызина, а я, слѣдуя примѣру ея, достала себѣ отъ лейтенанта Пушкина, — двухъ молодыхъ офицеровъ нашего роста. Эти мундиры, между прочимъ, были древнимъ національнымъ одѣяніемъ преображенскаго полка, со времени Петра Великаго, впослѣдствіи замѣненныхъ Прусскими куртками, введенными Петромъ III. Замѣчательно, что едва императрица вошла въ городъ, какъ гвардейцы, будто по командѣ, сбросили съ себя иностранный мундиръ, и одѣлись въ свое старое платье.

Когда императрица стала приготовляться къ своему походу, я уѣхала домой переодѣваться; а по возвращеніи моемъ, я застала ее въ совѣтѣ, разсуждавшемъ о будущемъ манифестѣ. Съ ней находились тѣ сенаторы, которые были тогда въ городѣ и Тепловъ, призванный въ качествѣ секретаря.

Такъ какъ извѣстіе о побѣгѣ императрицы изъ Петергова и о всѣхъ другихъ событіяхъ этого дня уже могли дойдти до Петра III, то я думала, что онъ двинется къ Петербургу, чтобъ остановить возстаніе войскъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, я рѣшилась сообщить свое мнѣніе государынѣ. Двое офицеровъ, стоявшихъ на часахъ у двѣрей совѣта, вѣроятно удивленные моимъ смѣлымъ движеніемъ или полагавшіе, что я имѣю право всегда являться на глаза Екатерины, безпрепятственно меня пропустили въ комнату. Я подошла къ государынѣ и на ухо сообщила ей свою мысль, совѣтуя принять всевозможныя мѣры противъ прихода Петра III. Теплову тотчасъ же было приказано написать указъ и разослать копіи его, вмѣстѣ съ другими инструкціями, въ двѣ главныя части, которыя должны были охранять два приступа къ городу, по водѣ единственные незащищенные пункты. Мое нечаянное появленіе въ совѣтѣ изумило почтенныхъ сенаторовъ, изъ которыхъ никто не

узналъ меня въ военномъ мундирѣ; Екатерина, замѣтивъ это, сказала имъ мое имя, прибавивъ, что она обязана моей дружбѣ, указаніемъ въ эту минуту, на одну очень необходимую предосторожность, которую они совершенно упустила изъ виду. Сенаторы единодушно встали съ своихъ мѣстъ, чтобъ поздравить меня, при чемъ я покраснѣла и отклонила отъ себя честь, которая такъ мало шла мальчику въ военномъ мундирѣ.

Когда засѣданіе кончилось, и отданы были приказанія относительно безопасности столицы, мы сѣли на своихъ лошадей, и по дорогѣ въ Петергофъ осмотрѣли двѣнадцать тысячь войска, кромѣ волонтеровъ, ежеминутно стекавшихся подъ наше знамя.

Въ красномъ кабачкѣ, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, мы отдохнули немного, чтобъ дать роздыхъ пѣхотному войску. Да и намъ необходимъ былъ покой, особенно мнѣ; ибо послѣднія пятнадцать ночей я едва смыкала глаза. Когда мы вошли въ тѣсную и дурную комнату, государыня предложила, не раздѣваясь, лечь на одну постель, которая, при всей окружающей грязи, была истинной роскошью для моихъ измученныхъ членовъ. Едва мы расположились на постели, завѣшенной шинелью, взятой у полковника Кара, я замѣтила маленькую дверь позади изголовья императрицы. Не зная, куда она вела, я попросила позволенія выйдти и увѣриться, все ли безопасно; удостовѣрившись, что эта дверь сообщалась тѣснымъ и темнымъ коридоромъ со внѣшнимъ дворомъ, я поставила у нея двухъ часовыхъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста безъ моего позволенія. Потомъ я возвратилась къ императрицѣ, которая перебирала какія-то бумаги; и такъ какъ мы не могли заснуть, то она прочитала мнѣ копію будущаго манифеста. Мы на досугѣ разсуждали о томъ, что надо было дѣлать, полныя восторга, отъ котораго далеко отлетѣла всякая тревожная мысль объ опасности.

ГЛАВА VI.

Между тѣмъ Петръ III, не захотѣвъ послѣдовать совѣту маршала Миниха, находился въ самомъ нерѣшительномъ состояніи. Онъ скакалъ взадъ и впередъ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ, уступивъ просьбамъ своихъ друзей, поплылъ въ Кронштадтъ, чтобъ овладѣть флотомъ. Императрица, впрочемъ, не забыла обратить вниманіе на это важное обстоятельство и расположить въ свою пользу морскую силу. Она послала адмирала Талызына командовать флотомъ во имя ея; увидѣвъ, что Петръ подъѣзжаетъ къ Кронштадскому берегу, Талызынъ не позволилъ ему высадиться. Несчастный царь принужденъ былъ плыть назадъ въ Ораніенбаумъ, отправивъ Измайлова къ Екатеринѣ съ самыми покорными предложеніями и обѣщаніемъ отречься отъ престола.

Посолъ этихъ переговоровъ встрѣтилъ насъ на дорогѣ въ Петербургъ; и какъ были отличны его языкъ и поведеніе отъ моего дяди, канцлера, который представился императрицѣ въ ту самую минуту, когда мы покидали городъ. Послѣдній возражалъ противъ поступка, начатаго Екатериной, и когда она не убѣждалась его словами, онъ оставилъ ее, не давъ присяги на подданство. "Будьте увѣрены,

мадамъ, сказалъ онъ хладнокровно и съ достоинствомъ великой души, что я никогда не присягну, ни словомъ, ни дѣломъ, вашему ложному правленію; а чтобъ увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставьте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ сторожемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню клятвѣ, данной императору, пока онъ существуетъ."

Нельзя было не удивляться этому мужеству моего почтеннаго дяди, руководимаго въ настоящемъ случаѣ однимъ строгимъ долгомъ къ своему государю; онъ не заискивалъ его милости, онъ не довѣрялъ его правленію, съ трудомъ повиновался ему и грустно смотрѣлъ на его будущее.

Государыня отослала назадъ генерала Измайлова, заклиная его уговорить Петра III покориться ея волѣ, изъ опасенія навлечь сопротивленіемъ страшное зло, обѣщая при томъ, что она съ своей стороны постарается устроить его жизнь возможно веселой въ резиденціи, имъ самимъ избранной около Петербурга.

Когда мы достигли Сергіевскаго монастыря, князь Голицынъ явился съ письмомъ отъ императора; между тѣмъ толпа, слѣдовавшая за нами, съ каждымъ часомъ прибывала, приходя съ противоположной стороны.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Петергофъ, Петръ III, въ сопровожденіи Измайлова и Гудовича, явился во дворецъ съ изъявленіемъ покорности. Онъ былъ, никому невидимый, введенъ въ отдаленной покой, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ; и такъ какъ онъ избралъ мѣстомъ своего будущаго пребыванія замокъ Ропшу, принадлежавшую ему, когда онъ еще былъ великимъ княземъ, то его немедленно отправили туда, подъ прикрытіемъ Алексѣя Орлова и подчиненныхъ ему, капитана Пасека, князя Ѳедора Барятинскаго, Баскакова, съ приказаніемъ охранять развѣнчаннаго монарха.

Я не видѣла его въ минуту паденія, хотя и могла бы; но мнѣ говорили, что онъ мало горевалъ о перемѣнѣ своего положенія. Прежде чѣмъ разстался съ Петер-

бургомъ, онъ написалъ двѣ или три небольшихъ записки императрицѣ; въ одной, какъ я узнала, онъ произнесъ ясное и рѣшительное отреченіе отъ короны; назвавъ нѣкоторыя лица, которыхъ онъ желалъ имѣть при себѣ, онъ не забылъ упомянуть о нѣкоторыхъ необходимыхъ принадлежностяхъ своего стола, между прочимъ просилъ отпускать ему вдоволь Бургонскаго, табаку и трубокъ.

Но довольно объ этомъ злосчастномъ государѣ, котораго природа создала для самыхъ низшихъ рядовъ жизни, а судьба ошибкой вознесла на престолъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ совершенно пороченъ, но тѣлесная слабость, недостатокъ воспитанія и естественная наклонность ко всему пошлому и грязному, если бъ онъ продолжалъ царствовать, могли имѣть для его народа не менѣе гибельные результаты, чѣмъ самый необузданный порокъ.

Впродолженіе всего этого дня, начиная съ вечера на канунѣ, я почти вовсе не отдыхала; впрочемъ, умъ и страсти такъ были заинтересованы настоящими обстоятельствами и событіями, что я чувствовала усталость только тогда, когда переставала дѣйствовать. Этотъ вечеръ я провела въ разнообразныхъ хлопотахъ, то на одномъ, то на другомъ концѣ дворца; потомъ между гвардейцами, разставленными на часахъ у разныхъ входовъ; возвращаясь, между прочимъ, отъ Голстинской принцессы, родственницы императрицы, съ просьбой дозволить ей видѣть государыню, я чрезвычайно изумилась, замѣтивъ Григорія Орлова, растянувшагося во весь ростъ на диванѣ, (кажется, онъ ушибъ себѣ ногу), въ одной изъ царскихъ комнатъ; передъ нимъ лежалъ огромный пакетъ бумагъ, который онъ собирался распечатать; я замѣтила, что это были государственные акты, сообщенные изъ верховнаго совѣта, что мнѣ приводилось часто видѣть у моего дяди въ царствованіе Елисаветы. "Что такое съ вами?" спросила я его съ улыбкой. "Да вотъ императрица приказала распечатать это," отвѣчалъ онъ. "Невозможно, сказала я; не льзя раскрывать ихъ до тѣхъ

поръ, пока она не назначитъ лицъ, официально уполномоченныхъ для этого дѣла и я увѣрена, что ни вы, ни я, не можемъ имѣть притязанія на это право."

Въ ту самую минуту мы были прерваны докладомъ, что солдаты, томимые жаждой и усталые, вломились въ погреба и наполнили каски венгерскимъ виномъ. думая, что это водка. Я немедленно вышла, чтобъ возстановить порядокъ; къ крайнему моему удивленію, при всеобщей суматохѣ, при совершенномъ отсутствіи дисциплины, моя рѣчь такъ подѣйствовала, что они , выливъ вино на землю, положили свои кивера на мѣсто и удовольствовались утолить жажду изъ ближайшаго ручья. Я бросила имъ всѣ деньги, какія были со мной, и вывороти́ла карманы, чтобъ показать, что я отдала имъ все, что могла; въ тоже время обѣщала, что, по возвращеніи въ городъ, будутъ открыты кабаки и они могутъ пить, сколько душѣ угодно, на казенный счетъ. Эта реторика была совершенно въ ихъ вкусѣ, и они весело разошлись.

Коснувшись этого пункта, я вспомнила, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ было напечатано, будто я получала отъ императрицы и отъ иностранныхъ дворовъ деньги, на подмогу своимъ революціоннымъ проэктамъ; клевета совершенно ложная. Отъ государыни я никогда не просила и не приняла ни одного рубля, и хотя Французскій министръ открывалъ мнѣ неограниченный кредитъ на этотъ случай но я всегда отвѣчала, что для нашей революціи мы не имѣемъ нужды ни въ какихъ иностранныхъ пособіяхъ.

Проходя къ императрицѣ черезъ ту комнату, гдѣ Григорій Орловъ лежалъ на софѣ, я нечаянно замѣтила столъ, накрытый на три прибора. Обѣдъ былъ поданъ, и Екатерина пригласила меня обѣдать вмѣстѣ. Вошедъ въ залу, я съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣла, что столъ былъ придвинутъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Орловъ. На моемъ лицѣ отразилось непріятное чувство, что не скрылось отъ Екатерины. "Что съ вами?" спросила она. "Ничего, отвѣ-

чала я, кромѣ пятнадцати безсонныхъ ночей и необыкновенной усталости:" тогда она посадила меня рядомъ съ собой, какъ будто въ укоръ Орлову, который изъявилъ желаніе оставить военную службу. "Подумайте, какъ бы это было неблагодарно съ моей стороны, если бъ я позволила ему выйдти въ отставку. Я, конечно, была не совсѣмъ согласна съ ея мнѣніемъ и прямо замѣтила, что она, какъ государыня, имѣетъ много другихъ средствъ выразить свою признательность, не стѣсняя ни чьихъ желаній.

Съ этого времени, я въ первый разъ убѣдилась, что между ними была *связь*. Это предположеніе давно тяготило и оскорбляло мою душу.

Послѣ нашего обѣда и отъѣзда Петра III въ Ропшу, мы отправились въ Петербургъ и по дорогѣ провели два часа въ загородномъ домѣ князя Куракина, гдѣ Екатерина и я опять отдыхали на одной постели. Отсюда мы проѣхали въ Екатерингофъ, гдѣ насъ встрѣтило огромное стеченіе народа; онъ собрался на случай борьбы за насъ съ Голстинской гвардіей, ненавистной всей націи.

За тѣмъ послѣдовала сцена, выше моего описанія, превосходнѣе моего достоинства. Когда мы въѣхали въ столицу, проходя по ней торжественной процессіей, улицы и окна были загромождены зрителями; радостныя привѣтствія оглашали воздухъ; военная музыка и звонъ колоколовъ сливался съ веселымъ говоромъ толпы, бѣжавшей за поѣздомъ; двери церквей были отворены настежъ, и въ глубокой перспективѣ виднѣлись группы священниковъ, стоявшихъ за блистательными алтарями; религіозная церемонія освятила народный восторгъ!

Какъ, однакожъ, ни была одушевлена и поразительна сцена вокругъ меня, но она почти меркла передъ моей собственной мыслью, полной энтузіазма; я ѣхала возлѣ императрицы, участвуя въ благословеніяхъ революціи, не запятнанной ни одной каплей крови; съ тѣмъ вмѣстѣ, объруку со мной была не только добрая монархиня, но и пер-

вый мой другъ, которому я содѣйствовала, цѣной жизни, освободиться отъ гибельной неволи и взойдти на престолъ возлюбленной родины.

Когда мы приблизились къ подъѣзду лѣтняго дворца, мой духъ изнемогъ подъ вліяніемъ быстраго ряда событій; желая знать впечатлѣнія этого дня на моего отца и дядю и видѣть свое дитя, я попросила государыню отпустить меня въ одной изъ придворныхъ каретъ; она позволила, но съ тѣмъ, чтобъ я какъ можно скорѣй возвратилась: я прежде заѣхала къ дядѣ, такъ какъ его домъ былъ ближе, и нашла этого достойнѣйшаго старика совершенно спокойнымъ. Онъ говорилъ, что низверженіе Петра III было событіемъ весьма вѣроятнымъ; но разговоръ его особенно живо коснулся опасности—слишкомъ безусловно довѣряться дружбѣ царей; она, замѣтилъ онъ, также непродолжительна, какъ и вѣроломна. Онъ убѣждалъ меня своимъ собственнымъ опытомъ, доказавшимъ, что самыя чистыя побужденія, самыя справедливыя дѣйствія не всегда защищаютъ отъ ядовитой зависти и интриги, даже близъ трона такого монарха, который признавалъ его заслуги и которому онъ былъ преданъ съ раннихъ лѣтъ жизни.

Отсюда я отправилась къ моему отцу и, къ крайнему своему изумленію, застала его домъ, оцѣпленный сотнею солдатъ. Это произошло вслѣдствіе ложно-понятаго усердія Какавинскаго, присланнаго сюда защитить его отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, такъ какъ казармы ихъ находились по-сосѣдству. Но этотъ офицеръ, вѣроятно, испуганный многочисленной дворней моего отца, произвольно созвалъ весь этотъ отрядъ на помощь, зная въ то же время что въ городѣ, послѣ отъѣзда императрицы въ Петергофъ, осталось войска не больше, чѣмъ это было необходимо для охраненія дворца и великаго князя. Незадолго передъ мной приходилъ унтеръ-офицеръ отъ лейтенантъ-полковника, Вадковскаго, оставленнаго начальникомъ гарнизона въ Петербургѣ, и требовалъ тридцать человѣкъ изъ этого отряда

на смѣну другихъ, простоявшихъ на часахъ вдвое больше опредѣленнаго времени, по глупости Какавинскаго. Я просила его немедленно исполнить это требованіе; проходя по дому, и видя у каждой двери часоваго, я повторила ему, что онъ не понялъ приказаній государыни, которая поставила его здѣсь на службу моему отцу, а не для ареста его, какъ измѣнника: потомъ, обратившись къ солдатамъ, сказала имъ, что напрасно мучили ихъ, и если бъ изъ нихъ осталось здѣсь десять или двѣнадцать человѣкъ, этого было бы совершенно достаточно впредь до новыхъ распоряженій.

Отецъ принялъ меня безъ всякого ропота и неудовольствія. Онъ жаловался на обстоятельство, о которомъ я сейчасъ упомянула и былъ недоволенъ тѣмъ, что дочь его Елисавета, находилась съ нимъ подъ одной кровлей. Въ первомъ случаѣ я успокоила его, объяснивъ, что виной стѣсненія его было недорозуменіе Какавинскаго и что къ вечеру не будетъ въ его домѣ ни одного солдата. Что же касается до втораго обстоятельства, я умоляла его поразсудить о критическомъ положеніи моей сестры, для которой домъ его обратился въ единственно-честное убѣжище, какъ онъ нѣкогда былъ естественнымъ ея пріютомъ. Скоро, впрочемъ, прибавила я, ваше покровительство ей будетъ ненужно и тогда, если бъ на то была ваша обоюдно-добрая воля, можно разстаться совершенно прилично.

Я не могла долго пробыть у дяди и отца, потому что обѣщала скоро возвратиться къ императрицѣ; притомъ мнѣ еще было необходимо зайдти домой, чтобъ увидѣть дочь и снять военный мундиръ. Отецъ жалѣлъ о томъ, что я такъ скоро покидала его и съ трудомъ отпустилъ меня къ сестрѣ, которую я хотѣла навѣстить. Никогда онъ не принималъ больше участія въ ея судьбѣ; къ сожалѣнію, чувства его, каковы бы они ни были, отнюдь неоправдывались рѣшительнымъ неуваженіемъ дочери къ своему

отцу и тѣмъ презрѣніемъ, которое онъ вынесъ вслѣдствіе ея поведенія въ общемъ мнѣніи.

Когда я вошла въ комнату своей сестры, она начала горько оплакивать бѣдствія этого дня и свое собственное несчастіе. Относительно личныхъ непріятностей, я совѣтовала ей утѣшиться; увѣривъ въ полной готовности служить ей, я въ тоже время замѣтила,—государыня такъ добра и благородна, что поможетъ ей, безъ всякого съ моей стороны участія. Въ этомъ отношеніи моя увѣренность была совершенно основательна; хотя императрица сочла отсутствіе Елисаветы Даниловой необходимымъ во время коронаціи, но она постоянно посылала ей гонцевъ съ увѣреніемъ своего покровительства. Сестра вскорѣ удалилась въ подмосковскую деревню отца; когда же, послѣ коронованія, дворъ оставилъ Москву, она переселилась сюда и жила здѣсь до своего замужества съ Полянскимъ; вмѣстѣ съ нимъ она переѣхала въ Петербургъ. Императрица была крестной матерью ея старшаго сына, а черезъ нѣсколько лѣтъ, дочь ея, по моей просьбѣ, была назначена фрейлиной.

Простившись съ сестрой, я спѣшила поцѣловать свою крошку Настасью. Эти разъѣзды такъ много унесли времени, что я не успѣла переодѣться. При выходѣ изъ дома, служанка напомнила мнѣ, что въ моемъ карманѣ была красная лента, съ бриліантовымъ значкомъ. Это былъ екатерининскій орденъ императрицы; я взяла его съ собой.

Когда я вошла въ переднюю, проводившую въ комнаты государыни, мнѣ встрѣтились Григорій Орловъ и Какавинскій. Увидѣвъ Екатерину, я тотчасъ поняла, что Орловъ былъ мой врагъ и кромѣ его никто бы не ввелъ этого послѣдняго къ императрицѣ. Она стала упрекать меня за то, что я говорила по-французски съ этимъ офицеромъ въ присутствіи солдатъ и хотѣла распустить ихъ по своимъ мѣстамъ. Отвѣтъ мой былъ энергичный, выраженный на лицѣ не совсѣмъ ласковой миной. "Съ тѣхъ поръ, какъ

вы на престолѣ, сказала я, въ это короткое время ваши солдаты показали такую довѣренность ко мнѣ, что я не могла оскорбить ихъ, на какомъ бы языкѣ ни говорила." И чтобъ покончить дальнѣйшее объясненіе, подала ей красную ленту. "Погодите, сказала она; вы конечно согласитесь, что вы не въ правѣ распускать солдатъ съ ихъ постовъ." "Правда, отвѣчала я; но неужели на перекоръ требованію Вадковскаго, я должна была позволить этому дураку Какавинскому дѣлать все, что ему ни вздумалось, и оставить безъ стражи вашъ дворецъ." "Ну ладно, прибавила она, дѣло кончено; мое замѣчаніе относится къ вашей торопливости, а это за ваши услуги," повѣсивъ мнѣ екатерининскую ленту на плечо. Вмѣсто того, чтобъ принять ее на колѣнахъ, я возразила: "простите мнѣ, государыня; я думаю, что уже настало время, когда истина должна быть прогнана отъ васъ; позвольте мнѣ, однакожъ, сказать, что я не могу принять этого отличія; какъ простымъ украшеніемъ я не дорожу имъ; какъ награда, оно не стоитъ ничего для меня, которой заслуги, хотя и оцѣнены нѣкоторыми, но никогда не продавались и не будутъ продаваться съ торгу." Екатерина горячо обняла меня, примолвивъ: "По крайней мѣрѣ, дружба имѣетъ нѣкоторыя права, и неужели вы не позволите мнѣ воспользоваться ея удовольствіемъ въ настоящую минуту?" Я поцѣловала ея руку въ знакъ признательности.

Такимъ образомъ я была затянута въ мундиръ, съ алой лентой черезъ плечо, безъ звѣзды, съ шпорой на одномъ сапогѣ, и съ видомъ пятнадцатилѣтняго мальчика.

Государыня сказала мнѣ, что она уже приказала отправить гвардейскаго лейтенанта къ князю Дашкову, желая немедленнаго возвращенія его въ Петербургъ. Такое вниманіе съ ея стороны, и въ такое время, такъ утѣшило меня, что я тотчасъ же забыла о прошломъ неудовольствіи. Также отдано приказаніе, продолжала она, отвести для насъ комнаты во дворцѣ, которыя завтра будутъ готовы для меня;

я попросила только подождать мужа и вмѣстѣ съ нимъ переѣхать-во дворецъ.

Вскорѣ за тѣмъ, когда всѣ стали расходиться, я поспѣшила домой и, раздѣливъ ужинъ съ своей маленькой Настасіей, бросилась въ постель. Но волненіе духа и крови, послѣ чрезмѣрной дѣятельности, не давали мнѣ покойно уснуть, и я провела всю ночь въ лихорадочныхъ грезахъ больнаго воображенія и раздраженныхъ нервовъ.

Я забыла упомянуть въ своемъ мѣстѣ объ одномъ небольшомъ разговорѣ съ императрицей, во время возвращенія нашего изъ Петергофа, когда государыня, графъ Разумовскій, князь Волконскій и я сошли съ лошадей, сѣли въ карету и спокойно ѣхали въ Петербургъ. Екатерина, съ необыкновенно-ласковымъ тономъ, обратившись ко мнѣ, сказала. "Чѣмъ я могу отблагодарить васъ за ваши услуги?" "Чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшей изъ смертныхъ, отвѣчала я, не много нужно;—будьте матерью Россіи и позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ." "Все это конечно, продолжала она, составляетъ мою непременную обязанность; но мнѣ хотѣлось бы облегчить себя отъ чувства признательности, которымъ я обязана вамъ." "Я думаю, что обязанности дружбы не могутъ тяготить насъ." "Хорошо, хорошо, сказала Екатерина, обнимая меня, вы можете требовать отъ меня, что угодно; но я никогда не успокоюсь, пока вы не скажите мнѣ, и я желала бы знать именно теперь, что я могу сдѣлать для вашего удовольствія." "Въ такомъ случаѣ, государыня, вы можете воскресить моего дядю, хотя онъ живъ и здоровъ." "Что это такое значитъ?" спросила она. Я растерялась въ самомъ началѣ своей просьбы, и потому предложила потребовать объясненія отъ князя Волконскаго. "Я думаю, сказалъ онъ, что княгиня Дашкова разумѣетъ генерала Леонтьева, отлично служившаго противъ Пруссіи; онъ потерялъ седьмую часть своихъ помѣстій, и четвертую изъ его прочей собственности, по интригамъ его жены, которая по законамъ не имѣетъ права на это

имѣніе впредь до его смерти." Императрицѣ было извѣстно желаніе Петра разорять тѣхъ изъ офицеровъ, которые усердно служили противъ Прусскаго короля; она поняла несправедливость и обѣщала поправить ее. "Воскресеніе его, сказала она, будетъ предметомъ моего перваго указа, который я подпишу." "И я совершенно буду вознаграждена вами; генералъ Леонтьевъ единственный братъ и задушевный другъ княгини Дашковой, моей свекрови." Я тѣмъ больше была довольна, что могла, въ это время, оказать услугу семейству моего мужа и отклонить отъ себя всякую личную награду, противную моимъ внутреннимъ убѣжденіямъ.

На слѣдующій день Панинъ получилъ графское достоинство, съ пенсіономъ въ пять тысячь рублей; князь Волконскій и графъ Разумовскій тотъ-же пенсіонъ; а прочіе заговорщики перваго класса по шести сотъ крестьянъ на каждаго, и по двѣ тысячи рублей или вмѣсто крестьянъ двадцать четыре тысячи рублей. Я удивилась, встрѣтивь свое имя въ этомъ спискѣ, но рѣшилась отказаться отъ всякого подарка; за это безкорыстіе упрекали меня всѣ участники революціи. Мои друзья впрочемъ, скоро заговорили другимъ тономъ; наконецъ, чтобъ остановить всякія сплетни и не оскорбить государыню, я росписалась въ безчестіи. Составивъ счетъ всѣмъ долгамъ моего мужа, я нашла, что сумма ихъ равняется почти двадцати четыремъ тысячамъ рублямъ, и потому перенесла на его кредиторовъ права получить эти деньги изъ дворцовой казны.

На четвертый день послѣ революціи, Бецкій просилъ свиданія съ императрицей и получилъ его. Я въ это время была одна съ Екатериной, — когда онъ вошелъ и, къ общему нашему изумленію, ставъ на колѣна, умолялъ ее признаться, чьему вліянію она обязана своимъ восшествіемъ на престолъ? "Всевышнему и избранію моихъ подданныхъ," отвѣчала государыня. "Послѣ этого, сказалъ онъ съ видомъ отчаянія, я считаю несправедливымъ носить это отличіе," причемъ онъ хотѣлъ снять Александровскую ленту съ плеча; но импе-

ратрица удержала его и спросила, чего онъ хочетъ? "Я несчастнѣйшій изъ людей, продолжалъ Бецкій, когда вы не признаете во мнѣ единственное лицо, которое приготовило вамъ корону. Не я ли возбуждалъ гвардію? Не я ли сыпалъ деньгами въ народъ?"

Мы думали, что онъ сошелъ съума, и начали было безпокоиться; но вдругъ императрица, съ обыкновенной своей ловкостью, обративъ протестъ въ комическую сцену и превознося самохвальство генерала до высочайшей степени, сказала: "я въ полнѣ признаю ваши безмѣрныя одолженія и такъ какъ я обязана вамъ вѣнцемъ, то кому же лучше, какъ не вамъ я могу поручить приготовить его для моей коронаціи? Поэтому я полагаюсь въ этомъ дѣлѣ на вашу распорядительность, и подъ ваше начальство отдаю всѣхъ бриліянщиковъ моей имперіи."

Бецкій въ восторгѣ вскочилъ и, послѣ тысячи благодарностей, поторопился убраться изъ комнаты, побѣжавъ, вѣроятно, разсказывать о наградѣ, соотвѣтственной его достоинству. Мы отъ всей души хохотали надъ этой выходкой, которая въ одно время показываетъ геніальную находчивость и ловкость Екатерины и крайнюю глупость Бецкаго.

ГЛАВА VII.

Въ это время Петербургскій дворъ представлялъ особенный интересъ; революція вызвала на сцену новые характеры; многіе изгнанники, сосланные въ Сибирь въ царствованіе Анны*, въ регенство Бирона и при Елисаветѣ были прощены Петромъ III и каждодневно возвращались. Нѣкоторые изъ нихъ занимая государственные должности въ прежнія царствованія и зная закулисныя ихъ тайны, напоминая своими несчастіями былыя времена, наконецъ обратившіе на себя общее любопытство и вниманіе, вдругъ послѣ глухой неизвѣстности и политическаго замиранія, выступили на сцену въ яркомъ свѣтѣ и знаменитости.

* Примѣчаніе миссъ Ульмотъ. Имя императрицы Анны Ивановны напоминаетъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, которые я слышала изустно отъ княгини Дашковой; они стоятъ того, чтобъ помѣстить ихъ здѣсь.

Извѣстно, что въ царствованіе Петра I, было обыкновеніемъ этого деспота наказывать провинившихся дворянъ, приказывая имъ быть дураками. Съ этой минуты несчастная жертва, при всемъ здравомъ умѣ, дѣлался посмѣшищемъ всего двора. Осужденному дураку позволялось говорить все, что попало, съ однимъ, однакожъ, условіемъ, что его можно было, при извѣстномъ случаѣ, вытянуть плетью или угостить пинкомъ; все, что онъ ни дѣлалъ, было предметомъ общаго смѣха; его слезы обращались въ шутки, надъ его сарказмами зубоскалили или толковали ихъ, какъ чудо шутовской смѣтливости. Анна Ивановна пошла дальше Петра; она соединила съ этой жестокостью всю по-

Въ числѣ ихъ явился и канцлеръ Бестужевъ. Я была представлена ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, уязвившихъ Орловыхъ. "Это молодая княгиня Дашкова, сказала Екатерина; могли ли вы вообразить, что я буду обязана престоломъ дочери графа Романа Воронцова."?

За четыре года я видѣла Бестужева одинъ разъ и только мелькомъ. Меня поразило его умное, или лучше скрытно-лукавое лицо; на вопросъ мой, я въ первый разъ услышала имя этого знаменитаго характера. Я остановливаюсь на этомъ обстоятельствѣ потому, что въ нѣкоторыхъ разсказахъ о революціи меня обвиняли въ заговорѣ съ нимъ противъ Петра III, хотя мнѣ было не болѣе четырнадцати лѣтъ, во время изгнанія его. Послѣ этого понятно, до какой степени многіе Французскіе писатели доводятъ неуваженіе къ истинѣ, невѣжество фактовъ, — какъ будто они согласились лишить исторію всякого авторитета и наставленія, обративъ ее въ безумную клевету и жалкую ложь.

Между этими привидѣніями общаго воскресенія были еще двое, не менѣе замѣчательные люди —фельд-маршалъ Минихъ и Лестокъ. Я помнила ихъ съ дѣтства, видѣвъ въ домѣ моего дяди, который чрезвычайно былъ приверженъ имъ. Первый, восьмидесятилетній старикъ отличался рыцарской вѣжливостью, еще больше замѣтной по сравненію съ грубыми манерами нѣкоторыхъ изъ нашихъ революціонеровъ. Онъ

шлость обстановки своего шутовства. Однажды она указала, что князь Г..... долженъ обратиться въ насѣдку, въ наказаніе за какой-то мелочной проступокъ; съ этой цѣлью, она приказала приготовить большое лукошко, наложить въ него соломы, яицъ и поставить это гнѣздо на виду въ одной изъ придворныхъ комнатъ. Потомъ было приказано князю, подъ угрозой смерти, сѣсть въ это лукошко и кудакать курицей.

Таже царица очень любила графиню Чернышеву, и часто призывала ее потѣшать себя анекдотами. Бѣдная женщина заболѣла; ноги ея такъ сильно отекли, что она положительно не могла стоять передъ императрицей. Анна Ивановна, вѣроятно, полагала невозможнымъ, чтобъ подданная могла устать въ ея присутствіи, продолжала забавляться на счетъ ея страданій, нисколько не думая облегчить ихъ. Впрочемъ, однажды замѣтивъ, что Чернышева совершенно изнемогла и съ трудомъ держалась на ногахъ, она сжалилась надъ

сохранилъ всю характеристическую твердость ума, всю свѣжесть своихъ способностей. Его разговоръ необычайно интересовалъ меня, и я съ особенной гордостью пользовалась его снисходительностью и добротой въ этомъ отношеніи. Я смотрѣла на этихъ двухъ стариковъ, какъ на живыя лѣтописи минувшихъ временъ; и сравнивая настоящее съ прошедшимъ, мой умъ обогащался новыми познаніями, хотя неопытность еще доселѣ обманывала меня юношеской мечтой — видѣть въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ священный храмъ добродѣтели.

Но среди любопытныхъ событій этой эпохи, вдругъ душа моя съ ужасомъ встрепенулась отъ страшной дѣйствительности: я говорю о трагической смерти Петра III. Извѣстіе объ этой катастрофѣ такъ оскорбило меня, такую мрачную тѣнь бросило на славную реформу, что я хотя и далека была отъ мысли считать Екатерину участницей въ преступленіи Алексѣя Орлова, за всѣмъ тѣмъ не могла войдти во дворецъ до слѣдующаго дня. Я нашла Императрицу разстроенной, видимо огорченной подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній. "Я невыразимо страдаю при этой смерти — сказала она; вотъ ударъ, который роняетъ меня въ грязь." "Да, мадамъ—отвѣчала я—смерть слишкомъ скоропостижна для вашей и моей славы."

Между тѣмъ, вечеромъ, разговоривая въ передней съ нѣкоторыми лицами, я имѣла неосторожность сказать, что

ней, не желал, впрочемъ, прекратить своей потѣхи. "Ты можешь наклониться на этотъ столъ, сказала она; служанка заслонитъ тебя и такимъ образомъ я не буду видѣть твоей позы."

Въ другомъ случаѣ императрица изъявила желаніе видѣть Русскій танецъ, и приказала четыремъ изъ первыхъ Петергбургскихъ красавицъ исполнить его въ своемъ присутствіи. Мать княгини Дашковй, замѣчательно-граціозная плясунья, была въ числѣ этой партіи; какъ, однакожъ, онѣ ни желали угодить царской волѣ, но испуганныя строгимъ взглядомъ государыни, смѣшались и позабыли фигуру танца; среди общей суматохи имератрица встала съ креселъ и, приблизившись къ нимъ съ полнымъ достоинствомъ, отвѣсила каждой по громкой пощечинѣ и велѣла снова начинать, что онѣ и исполнили чуть живыя отъ страха.

Алексѣй Орловъ конечно согласится, что съ этой поры намъ не возможно даже дышать однимъ воздухомъ и что едва ли у него достанетъ дерзости подойдти ко мнѣ, какъ къ знакомой. Отселѣ Орловы сдѣлались моими неумолимыми врагами ; и надо отдать справедливость Алексѣю Орлову ; не смотря на его обычную наглость, впродолженіи двѣнадцати лѣтъ онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова.

Какъ ни былъ очевиденъ поводъ къ подозрѣнію Императрицы, устроившей или только допустившей убійство своего мужа, мы имѣемъ ясное опроверженіе этого подозрѣнія—его уничтожаетъ собственноручное письмо Алексѣя Орлова, писанное имъ немедленно послѣ злодѣянія. Его слогъ и безсвязность, не смотря на пьяное состояніе автора, обнаруживаютъ страхъ и укоры совѣсти ; онъ умоляетъ о прощеніи въ раболѣпныхъ выраженіяхъ.

Это письмо было тщательно сбережено Екатериной II, вмѣстѣ съ другими важными документами, въ особенной шкатулкѣ ; по смерти ея, Павелъ приказалъ графу Безбородко разобрать и прочитать эти бумаги въ своемъ присутствіи. Когда было окончено чтеніе этого письма, Павелъ, перекрестившись, воскликнулъ : " Слава Богу ! теперь разсѣяны послѣднія мои сомнѣнія относительно матери въ этомъ дѣлѣ." Императрица и молодая Нелидова присутствовали при этомъ; государь также велѣлъ прочитать письмо великимъ князьямъ и графу Ростопчину.

Кто уважалъ память Екатерины II, для того ничего не могло быть отраднѣе этого открытія. Мои убѣжденія, на этотъ счетъ, не нуждались въ доказательствахъ ; за всѣмъ тѣмъ я радовалась находкѣ подобнаго акта, который заставлялъ молчать самую отвратительную клевету, тяготѣвшую на женщинѣ, при всѣхъ ея слабостяхъ, никогда не способной даже подумать о такомъ преступленіи.

Свиданіе мое съ княземъ Дашковымъ было верхомъ моей радости ; оно обновило мое существованіе, послѣ такого бурнаго періода жизни, исполненной постоянныхъ раз-

драженій для души и тѣла. Императрица немедленно отпраздновала пріѣздъ его самымъ лестнымъ образомъ для князя, назначивъ его командиромъ кирасирскаго полка, въ которомъ она сама считалась полковникомъ.

Этотъ полкъ, при Елисаветѣ и Петрѣ III, былъ первымъ гвардейскимъ полкомъ и почти исключительно управлялся Нѣмцами. Поэтому, назначеніе Русскаго въ головѣ его, было явленіемъ утѣшительнымъ для всего войска; князь Дашковъ съумѣлъ такъ хорошо поставить себя въ отношеніи къ своимъ сослуживцамъ, что юноши наперерывъ искали мѣстъ въ этомъ корпусѣ, и такъ какъ князь не щадилъ никакихъ расходовъ на лошадей и обмундировку, то этотъ полкъ скоро сталъ самымъ лучшимъ, самымъ избраннымъ въ цѣлой арміи.

Мы, не теряя времени, перебрались въ дворецъ; почти каждый день обѣдали съ императрицей, а ужинали въ своихъ собственныхъ комнатахъ, приглашая десять или двѣнадцать человѣкъ изъ нашихъ знакомыхъ каждый вечеръ.

Мечты мои относительно царской дружбы почти изчезли, и мнѣ можно остановиться дольше, чѣмъ слѣдовало, бы на воспоминаніи тѣхъ задушевныхъ минутъ, въ которыя обольстительная власть императрицы часто смѣшивалась съ ребяческими шалостями.

Я пламенно любила музыку, а Екатерина напротивъ. Князь Дашковъ, хотя сочуствовалъ этому искусству, но понималъ его не больше императрицы. Не смотря на то, она любила слушать мое пѣніе; когда я продолжала его, она, обыкновенно, подавая секретной знакъ Дашкову, затягивала съ нимъ дуетъ, что называлось на ея языкѣ—небесной музыкой; и такимъ образомъ, ни тотъ, ни другая, не смысля ни одной ноты, составляли концертъ, самый дикій и невыносимо раздирающій уши, вторя другъ другу, со всѣми ужимками и самымъ торжественнымъ видомъ и гримасами артистовъ. Она также искусно подражала мяуканью кошки

и блеянію зайца, всегда придумывая наполовину комическія и сентиментальныя выраженія, сообразно случаю; иногда, вспрыгивая, подобно злой кошкѣ, она нападала на перваго мимопроходившаго, растопыривая руку въ видѣ лапы и завывая такъ рѣзко, что намѣстѣ Екатерины великой былъ видѣнъ забавный паяцъ.

Я думаю, что никто въ мірѣ не обладалъ, въ равной степени съ Екатериной быстротой ума, неистощимымъ разнообразіемъ его источниковъ, и главнѣе всего, прелестью манеры и умѣньемъ скрасить самое обыкновенное слово, придать цѣну самому ничтожному предмету.

Эти мемуары должны быть зеркаломъ не только моей жизни, но и того духа, который вліялъ на меня; поэтому я желаю разсказать еще одинъ случай, гдѣ я испытала неудовольствіе со стороны Государыни; ему придали гораздо больше значенія, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, и обратили его въ злонамѣренную сплетню. Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ, я не скрою ничего, что знаю; и что бы ни писали люди, пользующіеся, за неимѣніемъ другого авторитета, обыденной молвой, я должна оговориться, что совершеннаго разрыва между мной и Екатериной никогда не было. Что касается до денежныхъ вознагражденій, полученныхъ мной за услуги, но заподозрѣнныхъ съ противной точки зрѣнія, мнѣ достаточно напомнить, что Императрица хорошо знала меня, ей было извѣстно и то, что своекорыстіе всего дальше было отъ моего сердца. Подобные разсчеты такъ были чужды мнѣ, что наперекоръ всезаражающему придворному эгоизму, который образовалъ мнѣ враговъ изъ людей обязанныхъ мной, и на-зло всѣхъ опытовъ человѣческой неблагодарности, въ теченіе всей моей жизни, я смѣло могу утверждать, что скромныя мои средства всегда были готовы на пользу другимъ.

Между примѣрами неблагодарности, глубоко огорчившей меня, былъ, между прочемъ, поступокъ молодого офицера

Михаила Пушкина, я разскажу его подробно, потому что съ нимъ соединялось неудовольствіе императрицы, о которомъ я сейчасъ замѣтила.

Этотъ молодой человѣкъ, котораго отецъ былъ какимъ-то чиновникомъ, потерявшимъ мѣсто за дурное поведеніе, былъ лейтенантомъ въ одномъ полку съ княземъ Дашковымъ: мой мужъ часто помогалъ ему деньгами. Юношество любило Пушкина за его умъ и умѣнье хорошо говорить ; это обстоятельство и обыкновенная фамиліарность между офицерами, заставила князя, безъ дальнихъ разсужденій, допустить его въ число своихъ друзей. По просьбѣ Дашкова, передъ самой нашей свадьбой, я выручила его изъ непріятнаго и очень неловкаго дѣла, въ которое онъ замѣшался съ главнымъ французскимъ банкиромъ Гейнберомъ. Пушкинъ вмѣсто того, чтобъ заплатить долгъ этому послѣднему, вытолкалъ его изъ своего дома. Вслѣдствіе этого оскорбленія, столь несправедливаго, было начато слѣдствіе, въ кокоромъ Гейнбера жарко поддерживалъ Французскій посланникъ, маркизъ Лопиталь. Такъ какъ мнѣ часто случалось встрѣчать Маркиза въ домѣ моего дяди, то я попросила его окончить процессъ ; онъ охотно согласился и написалъ князю Меньшикову, начальнику Пушкина, увѣдомивъ его, что дѣло съ Гейнберомъ рѣшено полюбовно, и потому можно считать его навсегда оконченнымъ. —

Съ этого времени, карьера этого молодаго человѣка была предметомъ нашихъ заботъ ; однажды, въ царствованіе Петра, императрица разговаривая со мной о своемъ сынѣ, захотѣла помѣстить около него, по совѣту Панина, нѣсколькихъ хорошихъ юношей, въ качествѣ сверстниковъ, въ особенности знающихъ иностранные языки и литературы ; я отрекомендовала ей Пушкина, какъ самаго способнаго мальчика. Спустя нѣсколько недѣль, онъ пойманъ былъ въ шалости самого скандалезнаго свойства, и хотя я лично не любила его, но по настоянію своего мужа, возбудила

къ нему участіе Екатерины и тѣмъ спасла его отъ бѣды.

Вскорѣ за тѣмъ, не задолго до восшествія на престолъ императрицы я проводила съ ней одинъ вечеръ въ Петергофѣ, когда Панинъ привелъ сына показать ей ; между прочимъ замѣтивъ о чрезмѣрной застѣнчивости и даже дикости своего питомца, что наставникъ приписывалъ совершенному отчужденію великаго князя отъ его однолѣтковъ, онъ опять въ числѣ другихъ напомнилъ о Пушкинѣ, о которомъ говорилъ своему дядѣ князь Дашковъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

Услышавъ это имя, императрица тотчасъ замѣтила, что хотя она не обвиняетъ прямо Пушкина въ его послѣднемъ поступкѣ, однакожъ дѣло его до того было гласнымъ, что по одному уже подозрѣнію, онъ неможетъ быть допущенъ къ ея сыну.

Искренно одобривъ возраженіе Екатерины и прибавивъ, что мы рекомендовали его прежде этого произшествія, при всемъ томъ, я просила ее поразмыслить, не ложно ли онъ обвиненъ и что было бы очень жалко, если бъ молодой человѣкъ, по одной сомнительной молвѣ, потерялъ надежду быть полезнымъ на своемъ мѣстѣ.

Таковы были наши одолженія въ отношеніи къ Пушкину, и вотъ какъ онъ отплатилъ за нихъ.

Когда Екатерина была уже на престолѣ, а мы жили въ дворцѣ, однажды по-вечеру былъ приглашенъ къ намъ Пушкинъ ; онъ явился какъ обыкновенно въ дурномъ расположеніи духа ; я замѣтила ему о томъ и спросила о причинѣ. Онъ сказалъ, что дѣла его съ-часу-на-часъ идутъ хуже и, не смотря на мое обѣщаніе, онъ теряетъ всякую надежду получить мѣсто при великомъ князѣ. Я утѣшала его, желая разогнать его черныя думы, при чемъ старалась увѣрить, что если это мѣсто не достанется ему, то государыня назначитъ его на другое, и мое ходатайство въ его пользу всегда будетъ готово. Я утѣшила и обнадежила его съ той увѣренностью, что онъ положится на

мое обѣщаніе—такъ или иначе пособить ему. Но что же вышло? Едва онъ оставилъ меня, какъ встрѣтилъ Зиновьева, которому съ той же грустной физіономіей, разказалъ о своемъ несчастіи, и что будто это несчастіе происходитъ отъ недовѣрія къ нему императрицы вслѣдствіе распущенныхъ о немъ дурныхъ слухахъ, какъ онъ это сейчасъ узналъ отъ меня. Зиновьевъ немедленно предложилъ ввести его къ Григорію Орлову, своему другу. Предложеніе очень охотно было принято, и Пушкинъ попалъ подъ покровительсвто любовника. Орловъ спросилъ его въ чемъ дѣло; Пушкинъ съ мастерскимъ краснорѣчіемъ повторилъ ему свою исторію; первый замѣтивъ въ немъ человѣка, способнаго клеветать на меня, принялъ сторону Пушкина и обѣщалъ ему успѣхъ, желая доказать, какъ мало значитъ для императрицы мое ходатайство.

Въ тотъ же вечеръ князь Дашковъ получилъ письмо и что особенно удивило насъ, оно было отъ того же Пушкина, написанное въ видѣ оправданія въ томъ, что Зиновьевъ представилъ его Орлову, что здѣсь происходилъ разговоръ, — онъ не совсѣмъ хорошо его помнитъ, — но розговоръ такого свойства, что можетъ имѣть вредныя послѣдствія для меня. Чувствуя по пословицѣ — "шапка на ворѣ горитъ," онъ хотѣлъ отречься отъ всего, что наговорилъ Орлову и обѣщалъ подтвердить свое оправданіе письменно на слѣдующее утро.

Я такъ презирала подобныя продѣлки, что совѣтовала не упоминать объ этомъ; но Дашковъ сочелъ неприличнымъ отказать ему въ такомъ невинномъ оправданіи.

На другое утро, я обычнымъ порядкомъ явилась къ императрицѣ; рѣчь немедленно упала на Пушкина: "Съ чего вы взяли, спросила Екатерина, разрушать довѣріе подданнаго, внушая ему что онъ потерялъ въ моихъ глазахъ доброе мнѣніе о себѣ, и что я причиной несчастія Пушкина?"

Изумленная этимъ обвиненіемъ, раздраженная неблаго-

дарностью я съ трудомъ удержалась отъ гнѣва, и ограничилась только однимъ возраженіемъ, что императрицѣ хорошо извѣстны мои хлопоты помочь ему ; послѣ того я предоставляю ей самой судить о его подлости; я только одного не понимаю, какимъ образомъ слово утѣшенія могло быть обращено въ ябеду, Относительно же внушенія недовѣрія ея подданному, я такъ была далека отъ всякой подобной мысли, что напротивъ убѣждала его надѣяться, если онъ неуспѣетъ получить мѣсто при великомъ князѣ, найдти другое по милости царской, и быть полезнымъ своимъ дарованіемъ правительству.

На этомъ прекратился нашъ разговоръ, и я думаю, мое объясненіе удовлетворило императрицу, хотя я глубоко была уязвлена слишкомъ поспѣшнымъ и незаслуженнымъ ея выговоромъ.

Когда я увидѣла своего мужа, онъ сказалъ: " ты права относительно этого бездѣльника Пушкина; мой слуга былъ у него именно въ то время, которое онъ назначилъ, и онъ отказался прислать письменное подтвержденіе, избѣгая, разумѣется, опасности оказаться лжецомъ подъ собственно-ручной росписки."

" Намъ остается одно, отвѣчала я, забыть этого коварнаго негодяя ; онъ никогда не былъ достоенъ твоей дружбы."

Послѣдующее его поведеніе оправдало мое мнѣніе и низость его характера. Опредѣленный съ помощію Орловыхъ, начальникомъ коллегіи мануфактуръ, онъ сталъ поддѣлывать банковые билеты, за что былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ дни свои.

ГЛАВА VIII.

Возвращаюсь къ болѣе общественнымъ дѣламъ. Коронація императрицы въ это время была предметомъ общаго вниманія; въ сентябрѣ дворъ отправился въ Москву; я ѣхала въ одной каретѣ съ Екатериной, а князь Дашковъ находился въ ея свитѣ. По дорогѣ, каждый городъ и деревня весело встрѣчали государыню.

За нѣсколько верстъ отъ Москвы мы, остановившись въ Петровскомъ, на дачѣ графа Разумовскаго, гдѣ собрались должностныя лица и толпы городскихъ жителей, въ ожиданіи пріѣзда императрицы.

Князь Дашковъ поспѣшилъ навѣстить свою мать, отъ которой возвратился на другое утро; я, съ своей стороны, горѣла нетерпѣніемъ обнять моего Мишу, сына, котораго я за годъ передъ тѣмъ оставила на попеченіе своей свекрови; поэтому я просила Екатерину отпустить меня до вечера. Она старалась уговорить остаться дома, подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ необходимо отдохнуть послѣ усталости. Я, однакожъ, рѣшилась подождать не долѣе полудня. Послѣ обѣда, когда я собралась ѣхать, императрица отозвала меня и мужа въ другую комнату, и очень осторожно и нѣжно предупредила, что мой Мишинька умеръ.

Это несчастіе было для меня выше всякой мѣры. Я бросилась въ домъ, гдѣ онъ скончался и не могла больше возвратиться въ Петровское и жить во дворцѣ, тѣмъ болѣе участвовать въ церемоніяхъ торжественнаго въѣзда въ Москву. Императрицу я посѣщала каждый день, но избѣгала всѣхъ общественныхъ собраній, продолжая жить въ домѣ старой княгини Дашковой; ея любовь и доброе расположеніе ко мнѣ были источникомъ моего утѣшенія.

Въ это же самое время Орловы, съ ихъ обыкновеннымъ пронырствомъ, искали случая унизить меня. Они устроили церемоніялъ вѣнчанія; на основаніи нѣмецкаго этикета, введеннаго Петромъ I, военное сословіе первенствовало, на подобныхъ выставкахъ; поэтому они назначили мнѣ мѣсто въ соборѣ, не какъ другу императрицы украшенному орденомъ Св. Екатерины, а какъ женѣ полковника, — которая могла быть допущена въ самыхъ низшихъ рядахъ.

Внутри собора была поставлена высокая платформа для зрителей этого класса; съ нея ясно былъ видѣнъ каждый посѣтитель: такимъ образомъ замыслъ Орловыхъ вполнѣ достигалъ своей цѣли. Мои друзья единодушно совѣтовали мнѣ не являться; поблагодаривъ, я замѣтила имъ, что былобы странно увлекаться самолюбіемъ въ то время, когда всѣ мои дружескія и патріотическія надежды готовы осуществиться; та же самая гордость, которую враги стараются оскорбить, возвыситъ меня среди толпы, и въ виду церемоніи, которой я скорѣе дамъ, чѣмъ приму отъ нея истинное достоинство. Увы! кто могъ разсчитывать на безчувственность этикета въ такую минуту!

Забывая всѣ личныя чувства, я искренно встрѣтила 22 Сентября, день коронаціи. Раннимъ утромъ я вошла къ императрицѣ и, за отсутствіемъ больнаго великаго князя, находилась близь нея во время процессіи въ соборъ; по приходѣ, я заняла свое скромное мѣсто, между неизвѣстными людьми, нисшихъ военныхъ рядовъ. Можетъ быть, убѣж-

денія мои въ этомъ отношеніи не были поняты тѣми, кто измѣрялъ мои чувства спискомъ календаря, но какъ я ни была молода, истинная норма всякаго отличія для меня заключалась въ личномъ достоинствѣ; и если было трудно унизить меня, то конечно потому, что я полагала настоящимъ униженіемъ нашу собственную безнравственность.

Когда кончилось вѣнчаніе, императрица возвратилась во дворецъ, и сѣла подъ царскимъ балдахиномъ.

Началось длинное производство; между первыми назначеніями, князь Дашковъ былъ пожалованъ камергъ-геромъ, что дало ему чинъ бригадира и не лишиго полка; я была опредѣлена статсъ-дамой. —

Москва представляла рядъ безпрерывныхъ праздниковъ. Народъ, казалось, веселился, отъ души, и почти вся зима прошла среди пировъ и праздниковъ. Мы не раздѣляли ихъ по причинѣ семейнаго горя. Младшая сестра моего мужа занемогла и не смотря на крѣпкое тѣлосложеніе, только продолжившее ея страданія, наконецъ скончалась жертвой невѣжества своего медика. Я тяжело скорбѣла за эту милую дѣвушку, которая передъ смертью не отпускала меня отъ себя ни днемъ ни ночью; кромѣ того, мое собственное хилое здоровье и беременность заставили избѣгать всего, что выходило за кругъ этой траурной жизни Князь Дашковъ, оплакивая смерть любимой сестры и утѣшая горюющую мать, также не имѣлъ ни времени, ни желанія являться въ общество; и чтобъ не безпокоить себя приходомъ посѣтителей мы никого не принимали, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родственниковъ.

При такой отшельнической жизни, придворныя событія были намъ извѣстны мало, кромѣ обще-гласныхъ произшествій, какъ напримѣръ, просьбы Бестужева, которую онъ представилъ Екатеринѣ относительно второго ея брака.

Этотъ шарлатанскій актъ, облеченный въ форму національнаго адреса, умолялъ императрицу почтить усердныя желанія любезныхъ ея подданныхъ избраніемъ супруга,

достойнаго ея царской руки; этому акту мужественно и благородно противодѣйствовалъ мой дядя, канцлеръ. Когда Бестужевъ принесъ ему адресъ, подписанный многими сановниками, дядя просилъ не безпокоить его даже именемъ этого глупаго и опаснаго проекта. За всѣмъ тѣмъ Бестужевъ началъ читать бумагу, при чемъ канцлеръ всталъ съ креселъ и, разсердившись противъ нелѣпости такой просьбы, вышелъ изъ комнаты.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ приказалъ подать себѣ карету и, не смотря на то, что былъ болѣнъ, отправился во дворецъ; онъ немедленно хотѣлъ видѣть императрицу и просить ее отвергнуть предложеніе, придуманное Григоріемъ Орловымъ и основанное на его собственныхъ честолюбивыхъ замыслахъ. Канцлеръ требовалъ аудіенцію, которая тотчасъ была дана ему. Онъ явился и говорилъ вслѣдствіе открытія, сдѣланнаго ему Бестужевымъ, который хотѣлъ придать своей собственной вздорной фабрикаціи санкцію всего народа, будто желающаго для себя и для своей монархини царя. Такая мѣра, продолжалъ онъ, оскорбитъ ея подданныхъ; они имѣютъ много причинъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, не желать такого ей мужа, а себѣ повелителя, какъ Григорій Орловъ.

Императрица отвѣчала ему такъ; "Я никогда не уполномочивала этого стараго интриганта на этотъ поступокъ; что же касается до васъ, я вижу въ вашемъ откровенномъ и честномъ поведеніи слишкомъ много приверженности ко мнѣ, хотя вы всегда не впопадъ ее употребляете."

Мой дядя возразилъ, что онъ дѣйствуетъ по долгу совѣсти, и, увѣренъ, что государыня сама, по доброй волѣ, отклонитъ это гибельное обстоятельство. За тѣмъ онъ ушелъ.

Такая твердость со стороны канцлера удивила всѣхъ и пріобрѣла ему новое уваженіе въ общественномъ мнѣніи; но Бестужевъ приписалъ ее предварительному согласію съ императрицей, которая будто бы хотѣла съ помощію этого протеста, отдѣлаться отъ настойчивости Орлова. Это подозрѣніе, впрочемъ, было совершенно ложное, потому что болѣзнь не

выпускала моего дядю изъ комнаты и не позволяла ему заниматься дѣлами. Во вякомъ случаѣ чистота его характера защищаетъ его отъ всякого нареканія въ подложномъ поступкѣ.

Между тѣмъ, Григорій Орловъ разочарованный въ своихъ заносчивыхъ мечтахъ, былъ возведенъ въ достоинство князя Германской имперіи; и въ то время какъ канцлеръ обличалъ интригу его адептовъ, другіе, негодуя на его надменныя желанія, искали паденія временщика. Въ числѣ ихъ находился Гетрофъ, одинъ изъ самыхъ безкорыстныхъ заговорщиковъ противъ Петра III; изящныя манеры и прекрасная его наружность разжигала ревность, возбужденную безкорыстіемъ его въ душѣ Орловыхъ. Одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Гетрофа, Ржевскій, участникъ революціи со стороны обѣихъ партій, пользовался обоюднымъ ихъ довѣріемъ, но любившій больше всего личную пользу, измѣнически открылъ Алексѣю Орлову замыслъ Гетрофа, который готовилъ вопіющій протестъ противъ просьбы Бестужева, и успѣлъ скрѣпить его подписью всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ Екатеринѣ взойдти на престолъ; въ то же время онъ предупредилъ его, что въ случаѣ не удачи протеста, любимцу угрожаетъ месть. Гетрофъ былъ арестованъ; Алексѣй Орловъ допрошивалъ его, говорятъ, съ крайнимъ безстыдствомъ и жестокостью, при чемъ Гетрофъ съ гордостью произнесъ, что онъ первый лучше вонзилъ бы ножъ въ сердце Григорія Орлова, и послѣ того умеръ, чѣмъ согласился бы признать его своимъ монархомъ и быть свидѣтелемъ бѣдствій страны, только-что освобожденной отъ тиранна.

При другомъ слѣдствіи, производимомъ Суворовымъ, отцемъ славнаго фельдмаршала, Гетрофъ былъ спрошенъ, не имѣлъ ли онъ сношеній со мной и какія мои мнѣнія въ этомъ отношеніи: "я три разъ, отвѣчалъ онъ, являлся къ княгинѣ Дашковой, съ намѣреніемъ попросить ея совѣта, но она никого не принимала. Но если бъ я увидѣлъ ее, вполнѣ открылъ бы свои чувства, и убѣжденъ, что она

посовѣтовала бы все, что долженъ внушать истинный патріотизмъ и нелицемѣрное великодушіе."

Этотъ благородный отвѣтъ Гетрофа былъ подъ секретомъ сообщенъ Суворовымъ моему мужу, когда они на другой день встрѣтились во дворцѣ; Суворовъ, обязанный отцемъ Дашкова, съ удовольствіемъ ему передалъ столь лестный отзывъ обо мнѣ.

Возвращаюсь къ своимъ домашнимъ дѣламъ. По смерти моей сестры, уговорили княгиню Дашкову переѣхать съ печальнаго пепелища въ домъ ея брата, генерала Леонтьева; между тѣмъ я продолжала жить инвалидомъ въ городѣ, среди хандры и безполезныхъ занятій.

Наконецъ, 12 мая стараго стиля, родился у меня сынъ, а на другой день мой мужъ заболѣлъ скорлатиной, которой онъ часто подвергался. При такомъ порядкѣ вещей, черезъ три дня, императрица прислала Дашкову письмо съ своимъ секретаремъ, Тепловымъ.

Дяди мои, Панины, сидѣли у насъ, когда явился Тепловъ; не желая встрѣтиться съ ними, или ему приказано было исполнить порученіе съ глазу на глазъ, онъ попросилъ Дашкова выйдти на улицу, чтобъ здѣсь переговорить съ нимъ.

Князь лежалъ въ постели, въ одной комнатѣ со мной; онъ потихоньку всталъ, одѣлся въ шинель, сошелъ съ лѣстницы и принялъ отъ Теплова письмо Екатерины слѣдующаго содержанія:

"Я отъ всей души желала бы не забыть заслуги княгини Дашковой вслѣдствіе ея собственной забывчивости; напомните ей объ этомъ, князь, такъ какъ она позволяетъ себѣ угрожать мнѣ въ своихъ разговорахъ."

Я ничего не знала объ этомъ дѣлѣ до вечера, когда я подслушала совѣщанія Паниныхъ съ мужемъ въ его спальнѣ и замѣтила безпокойное выраженіе лица моей сестры, Александры, проходившей черезъ мою комнату къ брату. Эта грустная тайна въ высшей степени встрево-

жила меня; я боялась, что болѣзнь мужа приметъ дурной оборотъ; поэтому желала видѣть своихъ дядей; они подошли къ постели, и чтобъ успокоить меня, передали мнѣ содержаніе царскаго письма.

Я гораздо больше была недовольна Тепловымъ, который вызвалъ мужа изъ постели, подвергая его опаснасти, чѣмъ несправедливостью этого страннаго обвиненія. Впрочемъ, я желала прочитать письмо. Генералъ Панинъ сказалъ, что Дашковъ поступилъ съ этимъ письмомъ, такъ какъ онъ самъ сдѣлалъ бы въ подобномъ случаѣ, разорвавъ его въ клочки и отвѣтивъ на него очень рѣзко.

Я чувствовала себя, сверхъ ожиданія, въ спокойномъ состояніи духа и не роптала на императрицу; при такихъ врагахъ, какими она была окружена, всегда надо было ожидать подобныхъ несправедливостей. Поэтому я хладнокровно поручила графу Панину спросить Екатерину, когда ей угодно будетъ назначить крещеніе моего ребенка, такъ такъ какъ она обѣщала быть крестной его матерью. Сдѣлавъ это предложеніе, я хотѣла знать, вспомнитъ ли она о своемъ обѣщаніи среди ложныхъ обвиненій, которыми старались взмутить ее противъ меня.

Когда дяди удалились, князь Дашковъ вошелъ въ мою комнату; не смотря на его видимое хладнокровіе и желаніе разсѣять мой страхъ, я изумилась его исхудалому лицу, такъ что, когда онъ возвратился въ постель, я долго не могла заснуть. Наконецъ я забылась подъ вліяніемъ лихорадочнаго сна, но меня разбудилъ крикъ и буйныя пѣсни пьяной толпы подъ окномъ; эта толпа высыпалась на улицу послѣ увеселеній Орловыхъ, которыхъ домъ къ несчастію былъ по-сосѣдству съ нашимъ. Неистовыя вакханаліи, съ кулачными бойцами были любимымъ развлеченіемъ Орловыхъ. Я такъ испугалась, потрясенная этимъ шумомъ, что тотчасъ же почувствовала параличъ въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Предвидя опасность, я послала кормилицу за полковымъ лекаремъ, нашимъ домашнимъ другомъ, приказавъ провести его такъ,

чтобъ не будить мужа. Когда онъ пришелъ и взглянулъ на меня, потерялъ всякую надежду и немедленно потребовалъ на помощъ доктора и князя Дашкова: я, однакожъ, никого не впустила къ себѣ до шести часовъ утра: въ это время совершенно отчаялись въ моей жизни; поэтому я позвала князя, поручила ему дѣтей, умоляя его всего больше позаботиться о воспитаніи ихъ; потомъ поцѣловала его, въ знакъ вѣчной нашей разлуки.

Взоръ, выраженіе лица, съ которымъ онъ принялъ мой холодный поцѣлуй, доселѣ живутъ въ моемъ сердцѣ; и эта предсмертная минута была для меня почти счастіемъ; но Богу угодно было отвести ударъ, который я ожидала съ тихой покорностью, и продолжить мою безутѣшную жизнь, по смерти моего милаго мужа.

Императрица и великій князь были воспріемниками моего сына, названнаго Павломъ; но они не спросили о моемъ здоровьѣ ни прежде, ни послѣ церковнаго обряда.

Вскорѣ за тѣмъ дворъ возвратился въ Петербургъ. Мое выздоровленіе шло очень тихо, и я продолжала жить въ Москвѣ, принимая съ нѣкоторой пользой, холодныя ванны, до іюля. Между тѣмъ Дашковъ обязанъ былъ соединиться съ своимъ полкомъ въ Петербургѣ и Дерптѣ, гдѣ онъ стоялъ, а я переѣхала на дачу, въ семи верстахъ отъ Москвы.

Дѣвица Каменская и сестры ея дѣлили мое уединеніе до декабря, когда, чувствуя себя совершенно здоровой, я вмѣстѣ съ Каменской отправилась въ Петербургъ къ своему мужу. Мы поселились въ наемномъ домѣ.

ГЛАВА IX.

Я пишу исторію своей жизни, а не исторію своего времени; потому я не считаю нужнымъ подробно говорить о политическихъ событіяхъ этой эпохи; я коснусь ихъ въ той мѣрѣ, въ какой необходимо для ясности моего разсказа.

Смерть Августа, короля Польскаго и электора Саксонскаго, открыла широкое поле дипломатическимъ интригамъ Европы. Саксонская династія хотѣла удержать Польскую корону въ своихъ рукахъ; Прусскій король домогался другихъ цѣлей. Нѣкоторые изъ магнатовъ Посполитой Рѣчи, подкупленные золотомъ и обѣщаніями Саксоніи, поддерживали права этого дома; между тѣмъ какъ другіе, руководимые болѣе патріотическими побужденіями и подозрительно посматривая на опасную политику, утвердившую, наперекоръ конституціоннымъ началамъ, почти наслѣдственно польскій престолъ за Саксонской династіей, упорно стояли за національное избраніе. Вѣнскій кабинетъ, заискивая дружбы со стороны Русской императрицы, объявилъ себя въ пользу избранія, можетъ быть имѣя въ виду притязанія князя Чарторижскаго, такъ какъ Екатерина еще не обнаружила своихъ желаній—представить Понятовскаго кандидатомъ упраздненнаго престола. Когда ея намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ совѣту, князь Орловъ

воспротивился ему;—военный министръ, графъ Захарій Чернышевъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, замѣтивъ возраставшее вліяніе Орлова, хотя не открыто, но стали на его сторонѣ, и употребили всевозможныя средства остановить движенія войскъ и тѣмъ помѣшать исполненію желаній Екатерины.

Наконецъ, когда наступило время собранія, она поставила князя Дашкова въ головѣ войска, посланнаго въ Польшу; этимъ выборомъ она хотѣла разрушить интригу Орловыхъ и дать лучшую опору своимъ собственнымъ интересамъ. Согласно съ тѣмъ, она отдала Дашкову тайныя приказанія и отправила его такъ секретно, что почти никто не зналъ о его назначеніи до самаго отъѣзда.

Князь, обрадованной такимъ довѣріемъ, принялся за дѣло съ необыкновеннымъ усердіемъ и дѣятельностью, и восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями, поставленными на пути его. Князь Волконскій, главнокомандующій арміею, первый былъ посланъ въ Польшу поддержать народный вопросъ; ему приказано было не двигаться дальше Смоленска. Князь же Дашковъ прошелъ до самой Варшавы, предводительствуя корпусомъ, достаточнымъ для достиженія предположенной цѣли этого похода; власть, данная ему, прежде чѣмъ онъ достигъ мѣста назначенія, была такъ безгранична, что генералы и бригадиры, изъ которыхъ нѣкоторые были старше его, безусловно подчинялись ему.

Сильная раздражительность души и двойное безпокойство за отсутствующаго мужа и больную дочь снова разстроили мое здоровье; мнѣ была предписана перемѣна воздуха; къ счастію я получала съ каждой почтой очень важныя письма отъ мужа, и потому не хотѣла слишкомъ далеко удаляться отъ Петербурга. Съ позволенія своего брата, князя Куракина, я заняла одну изъ его загородныхъ дачъ, ту саму прекрасную Гатчину, которая по смерти его, была куплена императрицей. Она тогда не имѣла того близкаго сообщенія съ Петербургомъ, которое впослѣдствіи было установлено.

Я жила здѣсь, съ двумя дѣтьми и Каменской, совершенной отшельницей, до самого пріѣзда государыни изъ Риги, и выѣзжала изъ дома только для верховыхъ прогулокъ по окрестностямъ; избѣгая большихъ расходовъ и не принимая къ себѣ почти никого, въ отсутствіе мужа, я заняла только одно крыло этой обширной дачи, гдѣ была устроена холодная ванна для моихъ дѣтей. Большую же часть покоевъ я уступила генералу Панину, назначенному теперь сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта; онъ оставался здѣсь до отъѣзда Екатерины въ Ригу, куда онъ сопровождалъ ее. Когда онъ жилъ со мной, каждое утро являлось къ нему множество просителей по дѣламъ службы; но хотя мы занимали одинъ домъ, у насъ было отдѣльное хозяйство и особенные входы на противоположныхъ концахъ зданія.

Дядя вставалъ для занятій раньше меня, и потому я не видѣла и не слышала никого, кто приходилъ къ нему; я отнюдь не догадывалась, что въ числѣ его посѣтителей былъ Мировичъ, — личность, замѣчательная безумнымъ замысломъ посадить на тронъ юнаго Ивана, съ младенчества заключеннаго въ Шлиссельбургской крѣпости. Посѣщенія Мировича возбудили подозрѣнія противъ меня, и бросили новую ложную тѣнь на мой характеръ и убѣжденія, и безъ того уже извращенныя. Я, разумѣется, досадовала, забывъ о томъ, что я слишкомъ много сдѣлала для Екатерины и слишкомъ мало для своей личной пользы, чтобъ избѣжать зависти и клеветы.

Скоро, послѣ возвращенія государыни изъ Риги, я перебралась въ Петербургъ; Генералъ Панинъ, какъ только онъ устроился въ собственномъ домѣ, соединился съ своей любезной женой, прежде жившей въ Москвѣ. Я была искреннимъ другомъ этой уважаемой женщины, съ которой я провела много времени, за отсутствіемъ ея мужа, занятаго или при дворѣ, или разъѣздами по разнымъ порученіямъ. Съ единственной природной кротостью, она соединяла достоин-

ства, завидныя для ея пола; но слабое здоровье вслѣдствіе грудныхъ болѣзней, увеличившихся съ переѣздомъ ея въ Петербургъ, заставили ее ограничиться самымъ тѣснымъ кругомъ близкихъ людей, среди которыхъ она была чудомъ прелести; къ сожалѣнію она не долго прожила.

Дядя мой, Панинъ, говоря мнѣ однажды о Мировичѣ, сообщилъ, что катастрофа, рѣшившая участь несчастнаго Ивана, была доведена до свѣденія императрицы въ Ригѣ, письмомъ Алексѣя Орлова. Она прочитала его съ большой тревогой, сообщивъ содержаніе первому секретарю, Элагину; въ концѣ этого письма было упомянуто, что Мировича часто видѣли приходившимъ рано по-утру въ домъ княгини Дашковой ; когда Элагинъ выслушалъ императрицу, замѣтилъ онъ, что это ложь; невозможно, сказалъ онъ, чтобъ Дашкова жившая въ уединеніи стала заговоривать съ такимъ лицомъ какъ Мировичъ; она, должна была принять его за дурака, еслибъ только коротко знала.

Справедливый и честный порывъ Элагина въ защиту мою не остановился на томъ; онъ немедленно явился въ домъ генерала Панина и увѣдомилъ его объ этомъ обстоятельствѣ. Дядя объяснилъ эти таинственныя посѣщенія, уполномочивъ Елагина увѣрить императрицу, что Мировичъ дѣйствительно часто бывалъ у него, но по своему дѣлу, производившемуся въ сенатѣ, и что если бъ государыня желала подробно познакомиться съ этимъ загадочнымъ характеромъ, никто не въ состояніи удовлетворить ея любопытству въ такой степени, какъ онъ; потому что Мировичъ долго служилъ въ его полку. Элагинъ, не теряя времени доложилъ Екатеринѣ о всемъ этомъ; она послала за моимъ дядей, и если я была совершенно оправдана, то конечно обязана тѣмъ отвратительному портрету Мировича, въ которомъ представилъ его Панинъ; ибо въ человѣкѣ безъ всякого воспитанія, надменномъ своимъ невѣжествомъ и не способнымъ даже оцѣнить послѣдствій своего предпріятія, трудно ей было не узнать разительную характеристику Григорія Орлова.

Грустно и жалко было видѣть ложное вліяніе, отуманившее мозгъ Екатерины до того, что она готова была подозрѣвать самыхъ истинныхъ патріотовъ и самыхъ преданныхъ ей друзей; и когда казнили Мировича, я не имѣя причинъ оплакивать участь его, благословила свою судьбу за то, что никогда не видѣла его; иначе эта первая голова, на моей памяти упавшая подъ топоромъ въ Россіи, безъ сомнѣнія преслѣдовала бы мое воображеніе.

Судъ его, веденный чрезвычайно гласно, при полномъ сенатѣ, въ присутствіи всѣхъ президентовъ и вице-президентовъ департаментовъ и всѣхъ дивизіонныхъ генераловъ Петербурга, открывалъ дѣло въ ясномъ свѣтѣ передъ цѣлой Россіей. Конечно вслѣдствіе необыкновенной удачи послѣдняго переворота, Мировичу казалось низверженіе Екатерины предпріятіемъ легкимъ; и вообразивъ прослыть героемъ, онъ рѣшился предоставить корону съумашедшему принцу.

Вообще думали и писали въ Европѣ, что все это дѣло ни больше, ни меньше, какъ ужасная интрига Екатерины, которая будто бы подкупила Мировича на это злодѣяніе, и потомъ пожертвовала имъ. Во время моего перваго путешествія, въ 1770 году, мнѣ часто случалось говорить объ этомъ заговорѣ и защищать императрицу отъ двойной клеветы. Особенно Франція убѣдила меня въ томъ, что народы съ завистью взирающіе на колоссальную силу Россіи, обратили ее какъ бы для политическаго равновѣсія, въ предметъ всякой клеветы противъ ея образованной и дѣятельной царицы. Помнится, разговаривая объ этомъ произшествіи въ Парижѣ, я выразила удивленіе подобно тому, какъ прежде Г-ну и Г-жѣ Неккеръ, въ Спа, что трудно понять, какимъ образомъ Французы, имѣвшіе министромъ кардинала Мазарини, затрудняются въ объясненіе этого факта, когда ихъ собственныя лѣтописи полны подобныхъ тайнъ и трагическихъ придворныхъ событій.

Графъ Ржевскій, Польскій посланникъ, былъ единственный

иностранецъ, принимаемый въ мой домъ; отъ него я узнавала новости о своемъ мужѣ. Онъ говорилъ мнѣ, какъ дѣятельно князь Дашковъ привелъ въ исполненіе планы императрицы, и какія важныя услуги онъ оказалъ Понятовскому; что его поведеніе и усердная служба пріобрѣли ему общую довѣренность и любовь въ войскѣ. Это все, по его словамъ, хорошо извѣстно Екатеринѣ и она не нахвалится своимъ маленькимъ фельдмаршаломъ, какъ она называла его. Но Богу не угодно было продолжить его жизнь, чтобъ воспользоваться наградой за его услуги и безкорыстіе, вездѣ и всегда отличавшее его.

Въ сентябрѣ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ было получено извѣстіе о возшествіи на престолъ Понятовскаго, курьеръ, отправленный графомъ Кейзерлингомъ, нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ, привезъ печальнѣйшее извѣстіе. Дашковъ, слѣдуя усиленными маршами и не давая себѣ отдыха, не смотря на лихорадку, скончался жертвой ея, посвятивъ всю свою жизнь ревностному и неутомимому исполненію своихъ обязанностей. Это событіе, самое ужасное въ моей жизни, грустной вѣстью разнеслось по всему городу, прежде чѣмъ оно дошло до меня.

Однимъ утромъ, тетка моя, жена генарала Панина. заѣхала ко мнѣ и предложила прогуляться въ ея каретѣ. Она была болѣе чѣмъ обыкновенно блѣдна, — и на лицѣ ея отражалось внутреннее волненіе. Я пожалѣла, что болѣзнь ея сильно возрастаетъ и потому готова была сопутствовать ей куда угодно, не подозрѣвая того, что истинножалкимъ существомъ въ эту минуту я сама была. Мы пріѣхали въ ея домъ, гдѣ встрѣтили насъ двое дядей, также съ печальнымъ и озабоченнымъ лицомъ. Роковая тайна была готова, но прошелъ обѣдъ и никто не осмѣлился заикнуться о ней. Наконецъ, мало по-малу, со всей теплотой дружескаго участія, я выслушала ее и совершенно омертвѣла.

Въ этомъ безчувственномъ, но относительно счастливомъ

состояніи, я пробыла нѣсколько часовъ. Наконецъ я опамятовалась, и только теперь сознала всю тяжесть моего несчастія. Я обняла своихъ дѣтей, которыхъ мнѣ привезли, съ глубокой тоской, и снова оцепѣнѣла; и въ этомъ полуживомъ, полумертвомъ состояніи оставалась нѣсколько дней. Моя тетка—эта рѣдкая женщина, въ первыя минуты моего горя не только послала за моими дѣтьми и слугами, но уложила меня въ своей постелѣ и, при всемъ своемъ нездоровьи, не отходила отъ меня ни днемъ, ни ночью, пока не миновала опасность.

Дѣвица Каменская была не менѣе добра и внимательна и только съ помощію ихъ и моего искуснаго и добросовѣстнаго доктора, Краузе, жизнь моя была спасена — но, къ чему? Я ожила для слезъ о своей потери и горькихъ думъ на дальнемъ пути жизни.

Изъ этого летаргическаго состоянія я была поднята для новой дѣятельности новымъ приливомъ скорби. Обязанная горячимъ участіемъ теткѣ, теперь я въ свою очередь, стояла у ея постели. Она сильно заболѣла и уже болѣе не вставала. Каждый день я являлась въ ея спальню, до тѣхъ поръ, пока я имѣла несчастіе лишиться этого добраго друга.

Едва я устроилась въ своемъ домѣ, въ которомъ поселилась послѣ похоронъ тетки, какъ узнала о разстроенномъ состояніи Дашкова. Его щедрость, и можетъ быть, надежда на вознагражденіе за его послѣднія услуги, запутали его въ большіе долги и расходы; онъ давалъ деньги и поручительства за нисшихъ офицеровъ, чтобъ облегчить, сколько возможно, обременительныя нужды своихъ сослуживцевъ во время похода.

Въ отсутствіе моего брата, Александра, жившаго уполномоченнымъ министромъ въ Голландіи, я жалѣла о немъ, какъ о единственномъ членѣ нашего семейства, котораго искренняя и неизмѣнная любовь ко мнѣ могла быть дѣйствительнымъ утѣшеніемъ въ эту пору. Въ двадцать лѣтъ

я осталась одна, безутѣшная въ своемъ несчастіи, и если меня не щадила клевета, заражающая верхніе слои жизни, то съ другой стороны я осуждена была бороться съ трудностями и лишеніями, отравляющими нисшіе ряды человѣческаго существованія.

Единственную опору и покровительство я находила въ дружбѣ моихъ дядей, графовъ Паниныхъ; старшаго изъ нихъ просилъ мой умирающій мужъ—принять подъ свою опеку дѣтей и поправить его разстроенныя дѣла, причемъ онъ завѣщалъ ему удовлетворить своихъ многочисленныхъ заимодавцевъ, безъ особеннаго обремененія для его семейства. Эта просьба благодаря доброму расположенію дяди не осталась напрасной.

Оба брата взялись за исполненіе возложенной на нихъ обязанности и настояли на томъ, чтобъ я вмѣстѣ съ ними приняла опеку надъ дѣтьми и ихъ собственностью; переселившись въ подмосковское имѣнье, я могла лучше заняться имъ и устроить его интересы, чѣмъ они; потому что, при всей ихъ благонамѣренности, они не въ состояніи были успѣшно управлять помѣстьемъ изъ Петербурга.

Старшій Панинъ, зная, что Императрица только выжидала случая помочь мнѣ, предупредилъ ее о состояніи моихъ финансовъ и просилъ уполномочить насъ, какъ попечителей, указомъ на продажу нѣкоторой части имѣнія, чтобъ расплатиться съ долгами мужа. Меня удивило подобное распоряженіе, и когда Екатерина утвердила его, я рѣшительно отвергла предложеніе, соглашаясь лучше питаться цѣлую жизнь хлѣбомъ и водой, чѣмъ продать хоть одинъ дюймъ изъ наслѣдственныхъ помѣстій моихъ дѣтей.

Первую зиму моего вдовства я провела въ Петербургѣ, среди недуговъ и печали. Не смотря на то, я усердно занялась своими новыми обязанностями, привела къ точной цифрѣ всѣ долги Дашкова и тремъ главнымъ кредиторамъ отдала въ счетъ уплаты всѣ свои бриліанты и серебро, оставивъ себѣ нѣсколько ложекъ и вилокъ, необхо-

димыхъ для четырехъ лицъ ; съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилась вести самую строгую экономію, чтобъ, безъ вреда своимъ дѣтямъ, и безъ всякого пособія со стороны императрицы раздѣлаться съ кредиторами.

Въ началѣ зимы, до снѣжнаго пути я хотѣла отправиться въ Москву ; но моя собственная болѣзнь, потомъ нездоровье малютки удержало меня до первыхъ числъ марта. Прибывъ сюда, я немедленно желала поселиться въ нашемъ сосѣднемъ имѣніи ; къ сожалѣнію, домъ его совершенно развалился. Но такъ какъ строевой метеріалъ еще былъ годенъ, то я построила изъ него небольшую деревянную хижину, такъ скоро срубленную, что въ началѣ лѣта я могла въ нее перебраться.

Серебро и драгоцѣнныя бездѣлушки, какъ я ужъ сказала, были обращены въ уплату долговъ ; теперь я ограничила свои годичные расходы пятью стами рублей, и съ этой суммой должна была сообразоваться въ своемъ образѣ жизни. Я была сама нянькой, кормилицей и гувернаткой своихъ дѣтей ; и такимъ образомъ къ концу пяти лѣтъ, по смерти Дашкова, съ помощію неослабной экономіи и постояннымъ надзоромъ за имѣніемъ дѣтей, я расплатилась со всѣми долгами.

Обращаясь къ этому періоду моей жизни, я немогу не отдать справедливости своимъ материнскимъ заботамъ, строго выдержаннымъ и терпѣливому выполненію всѣхъ обязанностей, соединенныхъ съ несчастіемъ, не смотря на то, что я была двадцатилѣтняя вдова, привыкшая съ юности къ роскоши.

Но это такъ, и всякая жертва, вознагражденная сознаніемъ чистой совѣсти, была источникомъ самого лучшаго утѣшенія для меня.

На второмъ году моего затворничества, я испытала нѣкоторое неудовольствіе со стороны моихъ родственниковъ: домъ, въ которомъ я прежде жила въ Москвѣ, по моему мнѣнію, принадлежалъ вмѣстѣ съ другимъ наслѣдственнымъ

имѣніемъ моимъ дѣтямъ; но вслѣдствіе какой-то ошибки или недосмотра въ купчей, онъ былъ перекупленъ отцомъ Дашкова и отказанъ въ распоряженіе его матери; а она, заключивши себя на-всегда въ монастырь, передала его своей внучкѣ, дѣвицѣ Глѣбовой. Лично для меня въ этомъ не было большой потери; за всѣмъ тѣмъ, мнѣ крайне необходимо было имѣть жилище на зиму въ самомъ городѣ; поэтому я принуждена была купить небольшой участокъ земли съ полуразвалившимся строеніемъ, и на мѣстѣ его поставить другое деревянное зданіе, болѣе удобное для меня, чѣмъ то, котораго я лишалась. Хотя я нисколько не сердилась на свою свекровъ, но во всякомъ случаѣ она поступила несправедливо; чтобъ не упоминать объ этомъ предметѣ, я дала себѣ обѣщаніе никогда не произносить въ ея присутствіи слово “ домъ ”; это обѣщаніе кажется, только одинъ разъ было нарушено чрезъ два или три года послѣ, и вотъ по какому случаю; комнаты ея въ монастырѣ требовали нѣкоторой поправки; внукъ ея Глѣбовъ не имѣлъ у себя свободныхъ покоевъ; я съ большимъ удовольствіемъ предложила ей поселиться по сосѣдству со мной въ домѣ, который я незадолго передъ тѣмъ очень дешево купила.

ГЛАВА X

Въ 1768 г. я просила позволеніе отправиться за границу, надѣясь, что перемѣна воздуха и окружающаго міра будетъ благопріятна слабому здоровью моихъ дѣтей, но просила напрасно; мои письма оставались безъ отвѣта. Впрочемъ, этимъ лѣтомъ я предприняла прогулку въ Кіевъ, часто сворачивая съ прямой дороги для осмотра любопытныхъ мѣстъ и предметовъ по окрестностямъ; всего интереснѣе показались мнѣ Нѣмецкія колоніи, населенныя императрицей. Въ Кіевѣ я встрѣтила радушный пріемъ со стороны генералъ-губернатора Воейкова, родственника моего мужа, отлично—образованнаго человѣка; онъ болѣе полжизни провелъ на дипломатическомъ поприщѣ при разныхъ дворахъ, много путешествовалъ и научился понимать людей въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Его увлекательная бесѣда, согрѣтая веселостью добраго старика, была полна ума и жизни. Я каждый день бывала у него; и онъ былъ моимъ проводникомъ въ пещеры, вырытыя въ центрѣ горы, на которой расскидывалась часть города. Въ этихъ подвалахъ хранятся мощи святыхъ, уже нѣсколько вѣковъ умершихъ и какимъ-то чудеснымъ образомъ нетлѣнныхъ.

Онъ также показалъ мнѣ соборъ Печерскаго монастыря,

BIBLIOTHECA BODLEIANA

замѣчательный по его древней мозаикѣ на стѣнахъ. Въ одной изъ богатыхъ церквей, столь многочисленныхъ въ этомъ городѣ, уцѣлѣла фресковая живопись, представляющая соборы, бывшіе въ Кіевѣ до отдѣленія Русской іерархіи отъ Константинопольской. Здѣсь есть и академія, въ которой образуется нѣсколько сотъ юношей на казенный счетъ.— Между школьниками доселѣ сохранился обычай росходиться вечеромъ толпами по городу и пѣть псалмы и гимны подъ окнами ; жители бросаютъ имъ деньги, и студенты отдаютъ въ нихъ точный отчетъ своимъ наставникамъ.

Лучь науки заброшенъ въ Кіевъ изъ Греціи раньше, чѣмъ онъ засвѣтилъ надъ многими изъ европейскихъ народовъ, которые нынѣ такъ щедро расточаютъ моимъ соотечественникамъ названіе "варваровъ." Здѣсь даже имѣютъ понятіе о философіи Ньютона, которую римско-католическое духовенство не хотѣло допустить во Франціи.

Впродолженіе трехмѣсячнаго путешествія, я проѣхала около трехъ тысячь верстъ, и была довольна тѣмъ, что оно совершенно отвѣчало моей цѣли и не требовало большихъ издержекъ.

Въ слѣдующемъ 1769 году, я отправилась въ Петербургъ и была намѣрена выхлопотать позволеніе уѣхать за границу. Какъ Русская дворянка, я имѣла полное право путешествовать, гдѣ мнѣ угодно ; но какъ статсъ-дамѣ императорскаго *портрета*, мнѣ необходимо было получить позволеніе. Впрочемъ я отложила просьбу до личнаго свиданія съ государыней, и рѣшилась представить ее въ годовщину революціи, празднуемую въ Петергофѣ.

Въ день этого торжества я пріѣхала во дворецъ, и во время бала, чтобъ занять болѣе видное мѣсто, я постаралась замѣшаться въ кругъ иностранныхъ министровъ ; когда я разговоривала съ нѣкоторыми изъ нихъ, къ намъ подошла императрица. Сказавъ нѣсколько словъ посланникамъ, она обратилась ко мнѣ. Пользуясь этимъ случаемъ, я просила ее отпустить меня на два года въ чужіе краи, по причинѣ

хилаго здоровья моихъ дѣтей. "Я очень жалѣю—сказала Екатерина—что вы хотите оставить насъ; впрочемъ, вы можете располагать собой, какъ вамъ угодно."

Когда императрица отошла, я поручила камергеру, Талызину, попросить министра графа Панина, изготовить мнѣ паспортъ, такъ какъ согласіе Екатерины уже дано. Уладивъ это обстоятельство, я спѣшила возвратиться въ Москву, чтобъ устроить свои дѣла и собраться въ путешествіе.

Относительно издержекъ, о чемъ позаботились мои дяди и друзья, я уже разсудила. Рѣшившись путешествовать подъ именемъ Михалковой—назвавъ себя по имени одной деревни, принадлежавшей моимъ дѣтямъ—я подвела свои будущіе расходы къ возможно-малой суммѣ. Инкогнито какъ не льзя лучше согласовалось съ моими финансами и главнымъ планомъ путешествія. Я хотѣла видѣть собственными глазами вещи, съ намѣреніемъ остановиться тамъ, гдѣ больше удобствъ для воспитанія дѣтей; я была убѣждена, что дома, баловство родственниковъ, лакейская лесть и главное недостатокъ въ учителяхъ разрушили бы всѣ мои надежды и планы, самые близкіе моему сердцу.

Возвратившись въ Петербургъ, въ декабрѣ, я въ томъ же мѣсяцѣ готова была оставить отечество. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, въ одно утро, посѣтилъ меня помощникъ государственнаго секретаря, посланный ко мнѣ императрицей съ подаркомъ въ четыре тысячи рублей. Я была изумлена и не могла удержаться отъ гнѣва при такой презрѣнной подачкѣ, за всѣмъ тѣмъ сочла неудобнымъ раздражать Екатерину рѣзкимъ отказомъ. Поэтому я просила секретаря подождать нѣсколько минутъ и, показавъ ему два небольшіе списка нѣкоторыхъ необходимыхъ вещей для моего путешествія, поручила ему оставить итогъ ихъ на моемъ столѣ, а остальные положить себѣ въ карманъ.

Такимъ образомъ я разсталась съ Петербургомъ въ декабрѣ. Со мной ѣхали дѣти, Каменская и Воронцовъ, мой близкій родственникъ, состоявшій при нашемъ посольствѣ въ Гагѣ.

Мы остановились на нѣсколько дней въ Ригѣ, гдѣ наняли Русскую повозку до Берлина; но прежде, чѣмъ оставили Кенигсбергъ, гдѣ мы провели цѣлую недѣлю съ графиней Керзерлингъ, нашъ возокъ сняли съ полозьевъ и поставили на колеса, что очень затруднило нашу поѣздку по Прусскимъ песчанымъ дорогамъ.

Въ Дантцигѣ, пробывъ двѣ ночи, мы остановились въ русской отели, самой лучшей въ городѣ. Вошедъ въ столовую, я замѣтила двѣ картины, изображавшія двѣ битвы, проигранныя нашими войсками въ сраженіяхъ съ Пруссіей; на нихъ были разбросаны группы убитыхъ и умирающихъ солдатъ, или на колѣнахъ умоляющихъ о пощадѣ побѣдоносныхъ Пруссаковъ. Мнѣ показался слишкомъ обиднымъ этотъ позоръ моихъ соотечественниковъ, выставленный передъ путешественниками всѣхъ націй, посѣщавшими эту отель, и я серьезно выговорила Ребендеру, нашему уполномоченному, за дозволеніе выставлять публично подобныя картины. Но онъ важно отвѣчалъ, что совершенно не въ его волѣ преслѣдовать подобныя злоупотребленія. "Мадамъ, сказалъ онъ, вы не одни обижаетесь этими картинами: Алексѣй Орловъ, проѣзжая Дантцигомъ, жилъ въ той же отели и не менѣе васъ былъ оскорбленъ ими." "Но почему же онъ не купилъ ихъ, сказала я, и не бросилъ въ огонь? Еслибъ я была также богата, какъ онъ, я немедленно поступила бы такъ; но за неимѣніемъ этого, я должна приступить къ другому средству, можетъ быть, столь же успѣшному."

Когда резидентъ ушелъ отъ насъ, я попросила двухъ молодыхъ людей, Волчкова и Штелина, служившихъ при Русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ и провожавшихъ насъ сюда, купить мнѣ масляныхъ красокъ, голубой, зеленой, красной и бѣлой; послѣ ужина, затворивъ двери, эти молодые люди, знакомые съ искусствомъ живописи, помогли мнѣ подкрасить на этихъ картинахъ голубыя и бѣлыя мундиры Прусскихъ побѣдителей въ зеленые и красные — Русскихъ солдатъ. Эта работа стоила намъ цѣлой ночи, и возбудила не малое любопытство

между домашними слугами, которые, конечно, замѣтили, что наша комната была освѣщена до утра и обратилась въ пріютъ какой-то таинственной забавы. Что касается до меня, я дрожала и радовалась съ дѣтскимъ увлеченіемъ. На другой день я въ той же комнатѣ приготовила свои уложенные чемоданы, и подъ этимъ предлогомъ никого въ нее не впускала, кромѣ своихъ спутниковъ и участниковъ моего дурачества.

Мы, однакожъ, отправились изъ Дантцига не прежде, какъ я увѣдомила Ребендера объ искупленіи патріотической чести съ помощію кисти; и долго смѣялись, думая, какъ изумится хозяинъ отели, увидя чудесную перемѣну въ судьбѣ двухъ сраженій, на его картинахъ.

Въ Берлинѣ я пробыла два мѣсяца, самымъ пріятнымъ образомъ. Князь Долгорукій былъ посланникомъ при этомъ дворѣ, человѣкъ достойно всѣми любимый и уважаемый. Мы обязаны ему единственнымъ вниманіемъ, которымъ онъ почтилъ насъ дружески и радушно, безъ всякой парадности и желанности.

Чѣмъ я обратила вниманіе королевы и принцессы—не знаю; но онѣ, вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ и его ласковой супругой часто просили нашего посланника привезти меня ко двору. Я извинялась подъ предлогомъ Прусскаго этикета, который не допускалъ въ королевскій дворецъ никого подъ ложнымъ именемъ; и я сочла бы страннымъ съ моей стороны измѣнять своему инкогнито ради чести быть при дворѣ. Графъ Финкерштейнъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, доложилъ королю о моемъ извиненіи. "Скажите ей, отвѣчалъ Фридрихъ, что этотъ этикетъ глупая вещь; княгиня Дашкова можетъ быть принята въ нашемъ дворцѣ подъ всякимъ именемъ и какъ ей угодно."

На слѣдующій день я обѣдала въ домѣ Англійскаго посланника, мистера Митчельса, гдѣ встрѣтила графа Финкерштейна и узнала отъ него о благосклонномъ отвѣтѣ Фридриха. Отказываться дальше было невозможно; поэтому я разорилась на черное новое платье и поѣхала во дворецъ.

Король необыкновенно ласково принялъ меня и оставилъ ужинать. Принцъ и его жена также были очень милы, и съ этого времени, впродолженіе всего моего пребыванія въ Берлинѣ, я получала постоянныя приглашенія отъ королевской семьи, такъ что рѣдко могла навѣщать другихъ знакомыхъ.

Если не ошибаюсь, королева и ея сестра полюбили меня по поводу слѣдующаго обстоятельства. Онѣ обѣ говорили очень дурно, такъ что камергеръ, обыкновенно, служилъ толмачемъ между ними и иностранцемъ, который представлялся имъ. Къ счастію, я такъ скоро угадывала ихъ мысль и такъ развязно отвѣчала имъ, что недостатокъ ихъ едва былъ замѣтенъ въ моемъ присутствіи; вслѣдствіе чего онѣ были совершенно довольны и, конечно, пользовались этимъ счастіемъ очень рѣдко.

Вдовствующая сестра королевы была мать Оранской принцессы и наслѣдника Фридриха великаго; я говорю *великаго*, потому что онъ вполнѣ заслуживаетъ этого эпитета, если только военный геній и постоянныя заботы его о народномъ счастіи, передъ которыми смирялись даже собственныя его страсти, даютъ ему право на это названіе.

Наступала пора пить воды въ Э-ла-Шапели и Спа; поэтому я съ сожалѣніемъ оставила Берлинъ, о которомъ всегда буду вспоминать съ особеннымъ удовольствіемъ. Мы проѣхали черезъ Вестфалію, и она показалась мнѣ вовсе не такъ грязной, какъ представилъ ее баронъ Баръ въ своихъ очень умныхъ письмахъ.

Мы остановились въ Ганноверѣ именно на столько времени, сколько было необходимо для починки нашихъ каретъ. Въ самый вечеръ нашего пріѣзда давали здѣсь оперу; мы отправились съ Каменской въ театръ, оставивъ больнаго Воронцова дома. Надо замѣтить, что единственный нашъ слуга былъ Русскій, не знавшій ни одного иностраннаго языка, и слѣдовательно не способный выдать нашего инкогнито. Я нарочно приняла эту предосторожность, ибо

Мекленбургскій принцъ Эрнестъ сказалъ мнѣ, что старшій братъ его, правитель города, хотѣлъ узнать, кто мы такіе,—чего я вовсе нежелала въ Гановерѣ. Когда насъ ввели въ ложу, здѣсь уже сидѣли двѣ дамы; онѣ очень вѣжливо пропустили насъ и мы заняли лучшія мѣста. Послѣ перваго акта явился къ намъ изъ королевской ложи, какъ я замѣтила, молодой офицеръ. Обратившись къ намъ, а не къ сосѣдкамъ нашимъ, онъ сказалъ съ нѣкоторой небрежностью въ голосѣ и манерѣ: "вы, кажется, иностранки?" "Да," отвѣчала я.—"Его высочество желаетъ знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить."—"Я думаю, что въ этомъ нѣтъ особеннаго интереса ни для васъ, ни для его высочества; и, пользуясь правомъ, женщины, мы можемъ на этотъ разъ смолчать и оставить вашъ вопросъ безъ отвѣта." Онъ, повидимому, сконфузился и вышелъ изъ ложи. Наши сосѣдки посмотрѣли на насъ съ удивленіемъ. Мой отказъ, конечно, былъ немного грубъ но я не могу сдерживать своей антипатіи къ подобному нахальству дураковъ. Къ концу піесы, я просила Каменскую не противорѣчить мнѣ и, обратившись къ Гановерскимъ дамамъ, сказала имъ, что хотя мы и не отвѣчали на глупый вопросъ королевскаго адъютанта, при всемъ томъ, изъ уваженія къ ихъ вѣжливости, мнѣ не хотѣлось бы скрыть отъ нихъ, что я театральная пѣвица, а моя подруга танцовщица; мы пріѣхали сюда искать выгодныхъ мѣстъ на сценѣ. Каменская взглянула на меня во всю ширину своихъ глазъ, а наши любезныя леди, перемѣнивъ тонъ, поворотились къ намъ задомъ, какъ только было можно, покруче.

Наша стоянка въ Гановерѣ продолжалась такъ недолго, что я ничего не могу сказать о немъ, развѣ только то, что здѣсь, кажется, воспитывается хорошая порода лошадей, даже крестьянскихъ, и земля прекрасно воздѣлана.

Въ Э-ла-Шапель я наняла домъ, противъ самыхъ бань. Съ этимъ мѣстомъ соединяются пріятныя воспоминанія моего знакомства съ двумя превосходными Ирландцами,

Колиномъ и полковникомъ Неджентомъ; оба они были въ отставкѣ и первоначально служили въ Голландіи. Эти джентельмены (послѣдній изъ нихъ былъ братъ Вѣнскаго посланника) каждый день находились въ нашемъ обществѣ, которого они были душой и украшеніемъ.

Изъ Э я поѣхала въ Спа, гдѣ провела время также очень пріятно. Между прочимъ, я познакомилась здѣсь съ мистрисъ Гамильтонъ, дочерью Туанскаго архіепископа и съ мистеромъ Тайсдэлемъ, генералъ-прокуроромъ Ирландіи. Эти связи скоро обратились въ искреннюю дружбу которую не измѣнило ни время, ни отсутствіе и которая въ теченіе тридцати пяти лѣтъ сохранила для насъ всю первоначальную прелесть.

Здѣсь же я познакомилась съ Неккерами. Но мой истинно-дружескій кружокъ состоялъ почти исключительно изъ Англичанъ; въ числѣ ихъ были лорды Сёссексъ. Съ большимъ трудомъ я выучилась Англійскому языку, хотя я немного знала его и прежде; и этимъ обязана дружбѣ мистрисъ Гамильтонъ и Морганъ; онѣ приходили ко мнѣ каждое утро читать Англійскія книги и поправлять мое произношеніе, и я, съ помощію ихъ, Французскаго и Нѣмецкаго языка, оказала быстрые успѣхи.

Семейство Тайсдэля возвращалось осенью домой; я рѣшилась вмѣстѣ съ ними посѣтить Англію, на нѣсколько недѣль, предполагая наступающую зиму провести съ мистрисъ Гамильтонъ, въ Провансѣ, куда она поджидала своего дряхлаго отца. Такимъ образомъ я проводила своихъ друзей до Калэ и отсюда мы поплыли въ Дувръ. Я въ первый разъ путешествовала по морю и едва ли кто больше меня страдалъ отъ морской болѣзни, не смотря на всѣ услуги и заботы моей милой мистрисъ Морганъ.

Прибывъ въ Лондонъ, я поселилась въ домѣ, приготовленномъ мнѣ нашимъ посланникомъ, графомъ Пушкинымъ, пососѣдству съ нимъ,—и имѣла счастіе встрѣтить въ его первой супругѣ добрѣйшую женщину, одну изъ самыхъ лучшихъ друзей.

Въ Лондонѣ я наслаждалась обществомъ мистрисъ Морганъ и графини Пушкиной, пока первая не уѣхала съ своимъ отцомъ въ Дублинъ. Тогда оставивъ своихъ дѣтей подъ надзоръ Пушкиной, достойной такого довѣрія, я осмотрѣла Оксфордъ, Басъ и Бристоль.

Разлучившись въ первый разъ, не больше какъ на тринадцать дней, съ дѣтьми, я съ каждой почтой получала письма отъ своего сына; онъ лепеталъ мнѣ на своемъ дѣтскомъ языкѣ о лошадиныхъ породахъ, о томъ, что видѣлъ съ помощію Пушкиной, о своихъ визитахъ герцогинѣ Квинсбёри, и все это описывалъ съ удивительнымъ мастерствомъ для семилѣтняго мальчика.

По возвращеніи въ Лондонъ, я оставалась здѣсь только десять дней и все это время отдала обозрѣнію въ высшей степени интересной для иностранца столицы. Я не была при дворѣ, и завела немного знакомствъ; между прочимъ познакомилась съ герцогомъ и герцогиней Нортумберлэндъ.

ГЛАВА XI.

Къ несчастію для такого жалкого мореплавателя, какъ я, наше обратное плаваніе въ Кале было очень неудачно. Вѣтеръ хорошо бы служилъ намъ по направленію къ Индіи, но былъ такъ противенъ и буренъ для нашего переѣзда, что мы принуждены были двадцать шесть часовъ провести въ каютѣ.

Волны хлыстали въ окна корабля, угрожая каждую минуту потопить насъ; дѣти мои, необыкновенно перепуганные, горько плакали. Я рѣшилась, въ настоящемъ случаѣ, дать имъ почувствовать всѣ выгоды храбрости надъ трусостью; съ этой цѣлью я указала имъ на матросовъ, которые мужественно одолѣвали опасности, и потомъ, замѣтивъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, надобно поручать себя волѣ Провидѣнія, я приказала замолчать. Они повиновались, сверхъ всякаго чаянія, покорно и, не смотря на порывы вѣтра и качку, заснули глубокимъ сномъ, между тѣмъ, какъ я внутренно трепетала за нихъ.

Наконецъ мы достигли Кале, совершенно благополучно и отправились, по Брюссельской дорогѣ, въ Провансъ. Въ Брюсселѣ мы остановились только на нѣсколько дней и отсюда, безъ всякой перемежки, поѣхали въ Парижъ.

Въ Парижѣ я находилась не болѣе трехъ недѣль, жила вдали отъ свѣта, занятая обозрѣніемъ церквей, монастырей, статуй, картинныхъ галерей и вообще всѣхъ памятниковъ искуства. Я избѣгала всякихъ знакомствъ, исключая знаменитаго Дидро. Въ театры я являлась такъ, чтобъ не быть замѣченной—одѣтая въ изношенное черное платье, старомодный чепчикъ, и садилась среди народа, въ партерѣ.

Однимъ вечеромъ, почти передъ отъѣздомъ изъ Парижа, я сидѣла наединѣ съ Дидро, когда служанка доложила о мадамъ Неккеръ и Жофрэнь. Дидро, съ обыкновенной его живостью, не давъ мнѣ произнести ни одного слова, приказалъ отказать.

"Но, сказала я, мадамъ Неккеръ моя знакомая, а Жофрэнь переписывается съ Русской императрицей, и потому я очень была бы рада познакомиться съ ней."

"Да вѣдь вы увѣряли меня, продолжалъ Дидро, что не болѣе двухъ или трехъ дней останетесь въ Парижѣ! Поэтому она увидитъ васъ два или три раза никакъ не больше, и слѣдовательно характера вашего не узнаетъ. Нѣтъ, я не хочу, чтобъ мой идолъ былъ преданъ злословію. Еслибъ вы прожили здѣсь два или три мѣсяца, я первый бы познакомилъ васъ съ мадамъ Жофрэнь—она превосходная женщина; но будучи трубой Парижа, она затрубитъ о вашемъ характерѣ, не узнавъ его хорошенько, на что я вовсе не согласенъ."

Убѣжденная замѣчаніемъ Дидро, я велѣла дѣвушкѣ сказать, что я не здорова. Этого, однакожъ, было мало; на другое утро я получила отъ Неккеръ записку; она писала о страстномъ желаніи ея друга увидѣть меня и познакомиться съ той личностью, о которой она составила самое высокое понятіе. Я отвѣчала, что болѣзненное мое состояніе лишаетъ меня удовольствія принять ихъ, тѣмъ больше, что я хотѣла бы сохранить ихъ лестное мнѣніе о себѣ и не потерять ихъ нѣжнаго пристрастія къ моей особѣ.

Вслѣдствіе этого я принуждена была просидѣть весь день

дома, и послала карету за Дидро. Послѣ утреннихъ прогулокъ, отъ восьми до трехъ часовъ по полудни, я, обыкновенно, сама подъѣзжала къ его двери и брала его съ собой обѣдать, заговориваясь съ нимъ иногда за полночь.

Однажды, мнѣ помнится, мы коснулись въ разговоръ крѣпостнаго состоянія въ Россіи. "Вы знаете, сказала я, что у меня не рабская душа; слѣдовательно я не могу быть и тираномъ; поэтому я имѣю нѣкоторое право на ваше довѣріе относительно этого вопроса. О свободѣ нашихъ крестьянъ я нѣкогда разсуждала съ вами; и потому старалась, по возможности, облегчить положеніе моихъ мужиковъ, предоставивъ имъ побольше воли. Но опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ прекращается надъ ними власть помѣщика, начинается произволъ правительства, или лучше, самоуправство каждаго мелкаго чиновника, который подъ маской службы дозволяетъ себѣ и грабить и развращать ихъ. Богатство и счастіе крѣпостныхъ людей составляетъ единственный источникъ нашего собственнаго благосостоянія и матеріальной прибыли; при такой аксіомѣ надо быть дуракомъ, чтобы истощать родникъ личнаго нашего интереса. Помѣщики образуютъ переходную власть между престоломъ и крѣпостнымъ сословіемъ, и потому для насъ выгодно защищать послѣднее отъ хищнаго произвола провинціальныхъ начальниковъ.

"Но, княгиня, возразилъ Дидро, вы не можете оспоривать меня въ томъ, что свобода необходима ихъ образованію и развитію промышленныхъ силъ."

"Если-бъ государь, разбивъ цѣпи, приковывающія крѣпостныхъ къ ихъ помѣщикамъ, въ то же время ослабилъ кандалы, наложенные его деспотической волей на дворянское сословіе, я первая бы подписала этотъ договоръ своей собственной кровью. Но вы извините меня, если я замѣчу, что вы смѣшиваете дѣйствіе съ причиной; образованіе ведетъ за собой свободу, а не свобода творитъ образованіе; первое безъ второй никогда не въ состояніи породить анархію

и возмущенія. Когда нисшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщены, тогда они сами захотятъ быть свободными; потому что поймутъ, какъ надо пользоваться свободой безъ вреда для другихъ и плодами ея, столь неизбѣжными каждому цивилизованному обществу."

"Вы отлично доказываете, милая княгиня, но я еще далеко не убѣжденъ."

"Въ нашихъ основныхъ законахъ, продолжала я, существуютъ нѣкоторыя гарантіи противъ тиранства помѣщиковъ, хотя Петръ I уничтожилъ многія изъ нихъ и, между прочимъ, главную оборону бѣднаго крестьянина, жаловаться на своего владѣтеля. Впрочемъ, въ настоящее царствованіе, губернаторъ, съ согласія маршала и дворянскаго предводителя можетъ наказать жестокаго помѣщика, лишая его власти управленія и отдавая имѣніе его подъ опеку другаго лица, избраннаго самими же дворянами." Этотъ предметъ сильно занималъ мою мысль и я могу объяснить его слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ слѣпца, лежащаго на скалѣ, висящей надъ бездной; естественный недостатокъ лишаетъ его возможности видѣть всю опасность его положенія, но онъ можетъ пользоваться благомъ другихъ чувствъ— онъ веселъ, онъ ѣсть, пьетъ, спитъ, слушаетъ чириканье птицъ и самъ поетъ, въ минуты безсознательнаго самодовольствія. Но вдругъ является окулистъ, и, не освободивъ его отъ прежняго положенія, снимаетъ съ его глазъ повязку. Что должно послѣдовать за тѣмъ? Потокъ открытаго свѣта только долженъ увеличить несчастіе прозрѣвшаго слѣпца; онъ перестанетъ ѣсть, пить или спать, и весь погрузится въ созерцаніе окружающей его пропасти, которой избѣжать ему невозможно. На нѣкоторое время онъ забудется, а потомъ, въ цвѣтѣ силъ, предастся отчаянію."

Дидро, по какому то механическому движенію, вскочилъ съ креселъ, пораженный меткостью моего объясненія. Онъ быстро заходилъ по комнатѣ и, въ припадкѣ страстнаго увлеченія, произнесъ: "Вы удивительная женщина! Вы

разомъ опрокинули всѣ мои идеи, которыя я лелѣялъ двѣнадцать лѣтъ." Это истинная характеристика Дидро, которому я не переставала удивляться даже въ бурныхъ порывахъ его пламенной природы.

Искренность и теплота его сердца, блескъ генія, вмѣстѣ съ его вниманіемъ и уваженіемъ ко мнѣ, привязала меня къ этому человѣку на всю его жизнь, и даже въ настоящую минуту я свято чту память его. Міръ не съумѣлъ оцѣнить достойно этого необыкновеннаго человѣка. Простота и правда проникали каждое дѣйствіе его, и главная задача всей его жизни состояла въ томъ, чтобъ содѣйствовать благу своихъ ближнихъ. Если онъ иногда увлекался заблужденіями, то никогда не шелъ противъ своихъ убѣжденій; впрочемъ не мнѣ превозносить его рѣдкія качества; это было дѣломъ болѣе достойныхъ почитателей его.

Въ одинъ вечеръ, также въ присутствіи Дидро, мнѣ доложили о Рюльерѣ. Этотъ господинъ состоялъ въ миссіи барона Бретёля, въ Петербургѣ, гдѣ я часто видѣла его, какъ у себя, такъ и въ домѣ Каменской.

Я изъявила желаніе принять его; но Дидро, схвативъ меня за руку, съ необыкновеннымъ жаромъ сказалъ: "Одну минуту княгиня; позвольте мнѣ узнать, думаете ли вы возвратиться въ Россію, когда кончится ваше путешествіе?"

"Но что за вопросъ! сказала я; неужели вы считаете меня въ правѣ лишать моихъ дѣтей, отечества?

"Въ такомъ случаѣ, не пускайте Рюльера, а почему?—я скажу вамъ послѣ."

Это движеніе было такъ живо и искренно, что я невольно повиновалась ему, и немедленно приказала отказать очень любезному знакомому, вполнѣ полагаясь на предусмотрительность Дидро.

"Вы развѣ не знаете, продолжалъ онъ, что Рюльеръ написалъ мемуары о Русской революціи?"

" Нѣтъ, отвѣчала я; но если это такъ, то тѣмъ больше вы подстрекаете мое желаніе видѣть его."

Я разскажу вамъ, сказалъ Дидро, содержаніе ихъ. Вы представлены во всей прелести вашихъ талантовъ, въ полной красѣ женскаго пола. Но императрица обрисована совершенно въ иномъ свѣтѣ, точно такъ, какъ Польскій король, съ которымъ связь Екатерины раскрыта до послѣдней подробности. Вслѣдствіе этого императрица поручила Бецкому и вашему уполномоченному князю Голицыну перекупить это сочиненіе; торгъ, однакожъ, такъ глупо былъ поведенъ, что Рюльеръ успѣлъ сдѣлать три копіи своего сочиненія и одну передать въ кабинетъ иностранныхъ дѣлъ, другую въ библіотеку мадамъ де Граммонъ, а третью поднесъ Парижскому архіепископу. Послѣ этой неудачи, Екатерина поручила мнѣ заключить условіе съ Рюльеромъ; но все что я могъ сдѣлать, взять съ него обѣщаніе не издавать этихъ записокъ, во время жизни какъ автора, такъ и государыни. Теперь вы видите, что вашъ пріемъ, сдѣланный Рюльеру, далъ бы авторитетъ его книгѣ, въ высшей степени противной императрицѣ, тѣмъ больше что ее уже читали у мадамъ Жофрэнь, у которой собираются всѣ наши знаменитости, и всѣ замѣчательные иностранцы, и слѣдовательно эта книга уже въ полномъ ходу: это впрочемъ не мѣшаетъ мадамъ Жофрэнь быть другомъ Понятовскаго, котораго она, во время пребыванія его въ Парижѣ, осыпала всевозможными ласками и потомъ писала ему, какъ своему любимому сыну."

" Но какъ же это согласить съ здравымъ смысломъ?" спросила я.

" Что касается до этого, отвѣчалъ Дидро, мы мало заботимся о томъ во Франціи; думаемъ и дѣйствуемъ подъ вліяніемъ минутныхъ впечатленій; нашего легкомыслія не исправляетъ ни старость, ни продолжительные опыты жизни."

Послѣ этого Рюльеръ еще два раза толкнулся въ мои двери, но его не пустили. Меня глубоко тронула эта искренная дружба Дидро, и не осталась безъ хорошихъ

послѣдствій, когда я по прошествіи пятнадцати мѣсяцевъ, возвратилась въ Петербургъ; здѣсь я узнала отъ одного лица, нѣкогда обязаннаго моей услугой и близкаго Ѳедору Орлову, что Дидро по отъѣздѣ моемъ изъ Парижа, писалъ императрицѣ; онъ превознесъ до небесъ мою задушевную преданность ей, упомянувъ и о томъ, что я рѣшительно отказалась принять Рюльера и тѣмъ уронила авторитетъ его книги гораздо ниже, чѣмъ она упала бы отъ критики десяти Вольтеровъ или пятнадцати бѣдныхъ Дидро. Онъ даже не заикнулся мнѣ о своемъ намѣреніи увѣдомить императрицу, руководствуясь единственно своей прозорливостью и дружбой ко мнѣ; я никогда не перестану вспоминать съ величайшею признательностію этого деликатнаго поступка.

Прежде чѣмъ я думала оставить Парижъ, мнѣ хотѣлось видѣть Версаль, и я желала отправиться туда одна, никому не говоря объ этомъ. Не смотря на доказательства Готинскаго, нашего уполномоченнаго, представившаго мнѣ тысячи затрудненій ускользнуть отъ наблюденія французской полиціи, я все таки рѣшилась; да помилуйте говорилъ Готинскій, какъ бы ни былъ мелокъ иностранецъ, но онъ не можетъ повернуться въ Парижѣ безъ того, чтобъ не знали о всякомъ его движеніи.

За всѣмъ тѣмъ, я попросила Готинскаго вывести своихъ лошадей за городъ; потомъ давъ занятіе своему Французскому слугѣ на нѣсколько часовъ, я взяла съ собой своего Русскаго лакея и одного стараго маіора, лечившагося въ Парижѣ, сѣла съ дѣтьми въ карету и приказала кучеру вести насъ за городъ, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ; подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ дожидался Готинскій, я соединилась съ нимъ и покатила въ Версаль. Уполномоченный проводилъ насъ до дверей Версальскаго сада, куда мы вошли и гуляли до самого обѣда.

Около этого времени, король съ своимъ семействомъ обѣдалъ въ общественномъ мѣстѣ. Мы замѣшались въ толпу, состоявшую впрочемъ изъ лучшаго общества и

вмѣстѣ съ ней очутились въ сальной и оборванной комнатѣ: сюда скоро явился Лудовикъ XV, дофинъ и дофина, потомъ двѣ другія его дочери Аделаида и Викторія, сѣли за столъ и кушали съ большимъ апетитомъ.

Всякое замѣчаніе, выраженное мной моимъ спутникамъ, коментировалось нѣкоторыми достойными дамами, стоявшими близъ насъ; напримѣръ когда я замѣтила, что принцесса Аделаида пила супъ изъ чашки, вдругъ обратились ко мнѣ два-три голоса:

"Неужели король и королева въ вашей странѣ не то же дѣлаютъ?"

"Въ моей странѣ, нѣтъ ни короля, ни королевы," отвѣчала я.

"Такъ вы должны быть Нѣмка," сказалъ мнѣ кто-то изъ нихъ.

"Можетъ быть," отвѣчала я, и отвернулась, чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ распросовъ.

Когда кончился королевскій обѣдъ, мы юркнули въ карету и прибыли въ Парижъ, такъ что никому не было извѣстно, гдѣ мы были; мы отъ всей души потѣшались надъ прославленной бдительностію Французской полиціи.

Герцогъ Шуазёль, въ то время государственный министръ, едва повѣрилъ, когда ему разсказали о нашемъ похожденіи. Онъ былъ хорошо знакомъ всѣмъ Русскимъ, какъ неумолимый врагъ императрицы и ея правленія; онъ посылалъ мнѣ черезъ нашего уполномоченнаго разные комплименты, приглашая посѣтить одинъ изъ его блистательныхъ вечеровъ, который онъ хотѣлъ составить нарочно для меня; но я благодарила и извинялась, что Михалкова вовсе не заслуживаетъ вниманія такой великолѣпной личности, еслибъ даже досуги и позволили ей участвовать на его праздникахъ.

ГЛАВА XII.

Пробывъ въ Парижѣ менѣе трехъ недѣль, я отправилась въ Прованс. Здѣсь, къ полному моему удовольствію, я поселилась въ превосходномъ домѣ маркиза Гидона, заранѣе приготовленномъ для меня Воронцовымъ; еще болѣе была рада встрѣтиться здѣсь съ другомъ, мистрисъ Гамильтонъ, съ которой находился отецъ ея архіепископъ, братъ ея деканъ Райдеръ и родстенница ихъ леди Райдеръ.

Прованскій парламентъ былъ уже распущенъ, и потому Э представлялъ величайшія удобства; между моими знакомыми Англичанами здѣсь жили также леди Карлиль и ея сестра Оксфордъ.

Зима прошла очень пріятно, я продолжала совершенствоваться въ Англійскомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ Гамильтонъ посѣтила Монпелье, Марсель, Тьеръ и бѣжала по берегамъ королевскаго канала.

Между тѣмъ навѣщали меня письма Дидро; одно изъ нихъ, въ которомъ онъ описывалъ борьбу Версальскаго кабинета съ Прованскимъ парламентомъ и закрытіе послѣдняго, особенно достойно замѣчанія; въ немъ проглядываетъ та живая и глубокая мысль, которая составляла главный нервъ его генія. По выраженію чувствъ, возбужденныхъ этимъ

событіемъ и по предчувствію его неизбѣжныхъ послѣдствій, письмо Дидро было полнымъ предсказаніемъ будущей Французской революціи.

Въ началѣ весны, мы рѣшились заглянуть въ Швейцарію; къ несчастію, время нашего путешествія сошлось съ тѣмъ періодомъ, когда Піемонтская принцесса собиралась ѣхать въ Парижъ, передъ ея бракосочтаніемъ съ графомъ д' Артуа; вслѣдствіе чего мы не могли достать себѣ почтовыхъ лошадей, потому что всѣ онѣ были наготовѣ для принцессы и ея свиты; почтмейстеръ былъ до того несговорчивъ, что требовалъ отъ насъ двойные прогоны и въ той же мѣрѣ плату за вещи.

Мы не хотѣли уступить и потому отложили свою поѣздку на нѣсколько дней; между тѣмъ нашъ почтмейстеръ сдѣлался менѣе настойчивъ, снабдилъ меня пятью лошадями и четырьмя быками, за что я впередъ заплатила по разсчету за шестнадцать лошадей; мои спутники на другой или на третій день согласились на тѣ же условія.

Наша дорога лежала черезъ Ліонъ; когда мы пріѣхали сюда, городъ готовилъ роскошный праздникъ, по случаю прибытія Піемонтской принцессы, и хотя я вовсе не думала быть свидѣтелемъ этого торжества, но не желая разстаться съ Гамильтонъ и противурѣчить ея сестрѣ Райдеръ, хотѣвшей видѣть все замѣчательное на пути, согласилась пробыть въ Ліонѣ до окончанія его народнаго торжества.

Въ путешествіи нашемъ отъ Э до Ліона ничего особенно-замѣчательнаго не случилось. Въ Ліонѣ мы осмотрѣли нѣкоторыя фабрики, которыя вступили въ состязаніе другъ съ другомъ, чтобъ поднести Піемонтской принцессѣ самые лучшіе образцы своихъ мануфактурныхъ произведеній.

Французскій герцогъ, капитанъ гвардіи, посланный передовымъ, уже пріѣхалъ и очень вѣжливо приказалъ, чтобъ квартира, нанятая мной, оставалась въ моемъ распоряженіи.

Наконецъ сама великолѣпная принцесса явилась. Ее приняли съ восторгомъ, каждый спѣшилъ выставить себя

впередъ, передъ будущимъ членомъ королевской фамиліи.

Патріотическій энтузіазмъ еще былъ національной гордостью ; идея о монархѣ и гильотинѣ еще такъ была темна, что Людовикъ, хотя исподтишка и называли его "королемъ по ошибкѣ," былъ предметомъ народнаго обожотворенія.

Герцогъ, о вѣжливости котораго я сказала, но имя его, къ сожалѣнію, забыла, предложилъ мнѣ ложу въ театрѣ; я отправилась вмѣстѣ съ Райдеръ, Гамильтонъ и Каменской на одно изъ первыхъ представленій, на которое была приглашена Піемонтская гостья. Но когда мы вошли въ свою ложу, въ ней уже были четыре Ліонскихъ дамы; онѣ, подобно статуямъ, остолбѣнѣли при взглядѣ на насъ, не слушая нашего проводника, который не одинъ разъ повторилъ имъ, что эта ложа отдана знаменитымъ иностранкамъ. Спорить не стоило, и потому я и Гамильтонъ, оставивъ Райдеръ и Каменскую на заднемъ планѣ съ этими неблаговоспитанными женщинами, рѣшились уйдти, не предвидя всѣхъ трудностей нашего выхода.

Подъ портикомъ театра, мы очутились среди гвардейскихъ солдатъ ; чтобъ остановить народъ, ломившійся впередъ, они выставили ружейные штыки, и въ припадкѣ усердія или шалости, такъ щедро надѣляли ударами направо и налѣво, что я не миновала толчка ; вѣроятно, за нимъ послѣдовали бы и другіе, еслибъ я не объявила своего имени.

Титулъ княгини имѣлъ свое дѣйствіе ; раздались тысячи извиненій, что дало мнѣ истинное понятіе о Французской вѣжливости. Я замѣтила, что они лучше поступили бы, если бъ вмѣсто уваженія къ имени "княгиня," обратили вниманіе на мой полъ. Чтобъ искупить ошибку, и предупредить жалобу, одинъ часовой провелъ насъ сквозь толпу, съ полнымъ раскаяніемъ за себя и за своихъ товарищей.

Наконецъ леди Райдеръ согласилась оставить Ліонъ, и мы направились къ Швейцаріи. Я не стану описывать эту восхитительную страну ; ея красоты уже извѣстны міру изъ

сочиненій другихъ болѣе талантливыхъ авторовъ;я скажу только о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностяхъ, съ которыми успѣла познакомиться. Главнымъ лицомъ былъ Вольтеръ.

Черезъ день, послѣ нашего пріѣзда въ Женеву, я послала попросить у него позволенія посѣтить его, вмѣстѣ съ моими друзьями. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ; за всѣмъ тѣмъ, съ удовольствіемъ готовъ былъ принять меня и позволилъ явиться, съ кѣмъ угодно.

Въ назначенный вечеръ, Гамильтонъ, Райдеръ, Каменская, Воронцовъ Кэмбель и я отправились въ его домъ. За ночь передъ тѣмъ, ему пустили кровь и, не смотря на крайнюю слабость, онъ запретилъ говорить о томъ, чтобъ не остановить нашего визита.

Когда мы вошли въ его комнату, онъ лежалъ въ большихъ креслахъ истомленный и, по видимому, страдающій. Я подошла къ нему и упрекнула его въ томъ, что онъ позволилъ безпокоить себя въ такую минуту; всего лучше онъ докажетъ намъ свое уваженіе, прибавила я, если повѣритъ, что мы умѣемъ цѣнить его здоровье и ради удовольствія видѣть его, можемъ подождать нѣсколько дней.

Онъ смѣшалъ меня, поднявъ съ театральнымъ жестомъ руку и тономъ удивленія произнесъ: "Что я слышу? Даже ея голосъ — голосъ ангела!" *

Я пришла удивляться Вольтеру, и вовсе не думала слушать отъ него такую приторную лесть: я высказала ему свою мысль; за тѣмъ нѣсколько вѣжливыхъ фразъ, и потомъ мы заговорили о Русской императрицѣ.

Пробывъ у него довольно долго, я хотѣла возвращаться домой; но онъ очень настоятельно просилъ зайдти къ его племянницѣ мадамъ Денисъ, гдѣ онъ пригласилъ насъ отъ-

* Я должна напомнить моимъ читателямъ, что этимъ запискамъ суждено явиться въ свѣтъ послѣ моей смерти; поэтому было бы несправедливо обвинять меня въ тщеславіи: какъ здѣсь, такъ и вездѣ я передаю буквально слова другихъ.

ужинать. Мы согласились; Вольтеръ не замедлилъ присоединиться къ намъ.

При разительномъ контрастѣ племянницы съ дядей, мадамъ Денисъ показалась мнѣ самой обыкновенной женщиной.

Вольтеръ былъ принесенъ въ столовую слугой и поставленъ на колѣни въ его большихъ креслахъ, на задокъ которыхъ онъ оперся и въ этомъ положеніи, противъ меня, пробылъ все время ужина. Можетъ быть, это стѣсненіе его или присутствіе въ нашемъ кругу двухъ генераловъ-фермеровъ изъ Парижа, которыхъ портреты висѣли въ нижней залѣ, значительно разочаровали меня въ ожиданіяхъ этого посѣщенія.

Когда мы прощались, Вольтеръ просилъ меня видѣться съ нимъ почаще, пока я въ Женевѣ. Я обѣщала навѣстить его когда нибудь утромъ и побесѣдовать наединѣ въ его кабинетѣ или въ саду; онъ былъ очень радъ, но я избѣгала частыхъ визитовъ. Въ это время Вольтеръ былъ другимъ существомъ; онъ дѣйствительно показался мнѣ тѣмъ, чѣмъ я представляла его по сочиненіямъ.

Въ Женевѣ мы также познакомились съ Губеромъ, "птицеловомъ," какъ, обыкновенно называли его за любовь къ охотѣ на коршуновъ. Онъ былъ необыкновенно-умный человѣкъ, обладавшій самыми разнообразными талантами; онъ былъ поэтъ, музыкантъ, живописецъ, и съ свѣтской любезностью соединялъ всю прелесть вполнѣ благовоспитаннаго добряка. Вольтеръ сильно побоивался его, потому что Губеръ зналъ многія слабости философа и живо воспроизводилъ ихъ въ глазахъ фернейскаго чуда. Они часто состязались въ шахматы; Вольтеръ почти всегда проигрывалъ, и при этомъ обыкновенно сердился.

Губеръ имѣлъ у себя любимую собачку, съ которой онъ забавлялся на счетъ другихъ; онъ бросалъ ей кусокъ сыру, который она, повертѣвъ ворту, выбрасывала его съ совершеннымъ подрожаніемъ Вольтеру, такъ что иной могъ принять ее за миніятюръ славнаго бюста Пигаля.

Мы часто проводили свои вечера на Женевскомъ озерѣ. Губеръ руководилъ нашими прогулками, навязывая Русскій флагъ на мачту Швейцарской лодки. Онъ былъ очарованъ нашими заунывными пѣснями, которыя я съ Каменской пѣла ему, и которыя онъ, благодаря удивительному слуху, скоро перенялъ.

Съ истиннымъ сожалѣніемъ мы оставили Женеву и многихъ нашихъ друзей. Между нами было семейство Веселовскаго, одного Русскаго, который былъ посланъ Петромъ I въ Вѣну и немедленно отозванъ; не желая подвергаться жестокости строгаго царя, онъ оставилъ навсегда отечество, убѣжавъ въ Голландію; потомъ женился и устроился въ Женевѣ. Старшая его дочъ была замужемъ за Крамеромъ, славнымъ живописцемъ, который былъ сначала знаменитымъ другомъ, а потомъ врагомъ Вольтера.

Покидая Швейцарію, мы взяли двѣ большихъ лодки, чтобы плыть внизъ потеченію Рейна; въ одной помѣщались наши кареты, вещи и кухонный приборъ; въ другой, раздѣленный на маленькія каюты, мы сами сидѣли; женщины спали подъ занавѣсомъ, укрываясь отъ глазъ матросовъ и слугъ, а джентльмены выходили на берегъ проводить ночи.

Если представлялся намъ какой нибудь замѣчательный предметъ, мы приставали къ берегу и осматривали его. Каменская и я ходили въ черныхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпахъ, очень оригинальныхъ, и иногда, ради потѣхи, закупали провизію для стола у тумѣстныхъ жителей. Кэмпбель былъ нашимъ толмачемъ въ этомъ случаѣ; но онъ ошибался часто и я рѣшилась побѣдить въ себѣ стыдъ и начала говорить понѣмецки; послѣ нѣсколькихъ опытовъ, по общему признанію, я сдѣлалась для всѣхъ переводчикомъ и во все время нашего путешествія.

Мы предприняли хорошую прогулку къ славному Карлсруе, загородному имѣнію, принадлежавшему Баденскому маргарфу, куда насъ подвезли двѣ нанятыя кареты; но едва

мы достигли гостинницы, какъ придворный управитель сообщилъ намъ желаніе ихъ высочествъ — видѣть насъ во дворцѣ.

Я извинилась, потому что вовсе не была приготовлена къ такому визиту, предполагая провести нѣсколько часовъ въ паркѣ, въ своемъ дорожномъ костюмѣ. Прошло не болѣе часу, когда мы увидѣли великолѣпную карету, въ шесть лошадей, подъѣхавшую къ дверямъ сада, съ придворнымъ конюшимъ, который передалъ намъ очень любезное приглашеніе маргафини. Она знаетъ, сказалъ онъ, что подъ именемъ Михалковой путешествуетъ княгиня Дашкова, съ которой она желала бы познакомиться; и такъ какъ она приняла орденъ Св. Екатерины отъ Русской императрицы, то этотъ залогъ дружбы служитъ достаточнымъ поводомъ моего посѣщенія; если жъ маргафиня не будетъ имѣть удовольствія видѣть насъ, то, по крайней мѣрѣ, она проситъ воспользоваться ея каретой для прогулки по саду, гдѣ конюшій ея покажетъ вамъ все замѣчательное.

Невозможно было отказаться на такое милое приглашеніе; мы сѣли въ карету; между тѣмъ я старалась объяснить своему проводнику, какъ я глубоко чувствую такое обязательное вниманіе геніальной и образованной маргафини.

Мы въѣхали въ первую аллею парка, и навстрѣчу намъ показался другой подобный нашему экипажъ. Въ немъ маргафъ и маргафиня Баденскіе, наслѣдный принцъ, и другія придворныя кареты, съѣхавшись, остановились; маргафиня поклонилась намъ и, съ непритворной добротой и лаской, предложила сама показать мнѣ лучшія мѣста сада, "которымъ мы, прибавила она, дѣйствительно гордимся."

Я немедленно вышла изъ кареты и, обмѣнявшись мѣстомъ съ наслѣдникомъ, поѣхала съ ея высочествомъ по чудесному парку; я, однакожъ, не могла вполнѣ наслаждаться имъ, увлеченная умнымъ разговоромъ маргафини; между тѣмъ мы подъѣхали къ дворцу, и я не подумала извиниться въ томъ, что хотѣла отклонить мое посѣщеніе ея высочеству.—

Очаровательный концертъ, великолѣпный ужинъ, но главнѣе всего бесѣда и искреннее гостепріимство нашихъ знаменитыхъ друзей, оживили этотъ пріятный вечеръ. Намѣреваясь проститься, мы были предупреждены, что наши слуги уже во дворцѣ, гдѣ приготовлены намъ постели и, если намъ не угодно пробыть дольше, то остается только назначить часъ; завтракъ, лошади и проч. все будетъ готово на другое утро.

Я и мои друзья, переночевавъ здѣсь съ истиннымъ конфортомъ, рано, до зари, оставили дворецъ, подарившій насъ такимъ непредвидѣннымъ удовольствіемъ.

Въ другой разъ мы отдалились отъ Рейнскихъ береговъ въ Дюссерльдорфъ, чтобъ взглянуть на его славную картинную галерею; но о предметахъ, столь извѣстныхъ всѣмъ, я не стану распространяться.

Въ Франкфуртѣ мнѣ пріятно было встрѣтить Вейнахтъ, вдову одного банкира, жившаго двѣнадцать лѣтъ въ Россіи. Я близко знала ее еще въ дѣтствѣ и, ради прошлыхъ воспоминаній, рѣшилась удѣлить ея обществу одинъ или два дня лишнихъ: воображеніе любитъ обращаться къ прошедшему, жить первыми и юношескими мечтами.

Въ томъ же городѣ я познакомилась съ младшимъ Орловымъ, Владиміромъ, пустымъ юношей; все, что онъ вынесъ изъ нѣмецкихъ университетовъ,—это надменную увѣренность въ своемъ необыкновенномъ образованіи. Вслѣдствіе этого онъ принялъ заносчивый и педантическій тонъ, въ чемъ я убѣдилась изъ нѣкоторыхъ диспутовъ—я не говорю разговоровъ—которые мнѣ привелось имѣть съ нимъ. Спорить съ кѣмъ бы то ни было—составляло его наслажденіе и, повидимому, главный предметъ его жизни; не было ни одного дикаго софизма Ж. Ж. Руссо, въ которомъ бы онъ ни подмѣтилъ глубокой истины, и нагло ни присвоилъ его себѣ, со всею чужеядностью этого краснорѣчиваго, но опаснаго писателя.

Трудно было вообразить, чтобъ впослѣдствіи назначили

его въ головѣ Петербургской академіи наукъ, и потомъ смѣнили одной изъ его креатуръ, Домашневымъ, человѣкомъ глупымъ и ничтожнымъ подобно Орлову ; и еще меньше я могла вообразить, что современемъ мнѣ придется быть ихъ преемницей.

ГЛАВА XIII.

Возвратившись въ Спа, я познакомилась съ Мекленбургъ-Стрелицкимъ принцемъ Эрнестомъ, Карломъ Шведскимъ, впослѣдствіи герцогомъ Судерманскимъ, который занималъ часть той отели, гдѣ я жила въ Э-ла-Шапель.

Молодой принцъ страдалъ ревматизмомъ, и для излеченія былъ посланъ въ Спа, въ сопровожденіи своего дядьки, Шверина, и двухъ офицеровъ, капитана Гамильтона и другого. Онъ жилъ очень умѣренно, вѣроятно, вслѣдствіе самыхъ ограниченныхъ путевыхъ издержекъ. Я видѣла его каждый день, и совершенно освоилась съ образомъ мыслей его. Онъ не любилъ королеву, свою мать; главной его мечтой была мысль современемъ взойдти на престолъ въ силу того обстоятельства, что старшій братъ его былъ бездѣтный.

Эти свѣдѣнія относительно молодаго принца пригодились мнѣ послѣ: во время нашей войны съ Швеціей я подала идею императрицѣ, что герцогъ Судерманскій, адмиралъ флота, легко можетъ быть отвлеченъ отъ интересовъ короля и противопоставленъ ему.

Когда наступало время разлуки съ моими друзьями—они возвращались въ Англію, а я въ Россію—мы грустно

разставались. Однажды, вечеромъ мы бродили въ "Promenade de sept heures" и горевали надъ этимъ печальнымъ остаткомъ; передъ нами лежало основаніе просторнаго дома, только-что застроеннаго. Я остановилась при взглядѣ на него, и въ надеждѣ еще разъ побывать здѣсь, о чемъ мечтала и мистрисъ Гамильтонъ, торжественно обѣщала ей черезъ пять лѣтъ возвратиться въ Спа и поселиться въ этомъ самомъ домѣ, если только она согласиться здѣсь увидѣться со мной. Обѣщаніе взаимно было исполнено, въ буквальномъ смыслѣ; по прошествіи этодо періода, я наняла именно тотъ домъ и приготовилась встрѣтить въ немъ пріѣздъ моего друга.

Наконецъ, сказавъ другъ другу печальное "прости," я возвратилась въ Дрезденъ, гдѣ пробыла недолго, занимаясь большей частью осмотромъ и изученіемъ удивительнаго собранія художественныхъ произведеній.

Электорскій музеумъ составлялъ второй предметъ любопытства; но въ эту пору онъ находился въ жалкомъ положеніи, потому что главное его богатство было отдано въ залогъ Голландіи, снабдившей Дрезденскій дворъ займомъ денегъ.

Въ Берлинѣ съ прежнимъ гостепріимствомъ я была принята королевской семьей; той же предупредительностью и вниманіемъ обязана князю Долгорукому. Отсюда я немедленно поѣхала въ Ригу, гдѣ ожидали меня письма отъ моего брата Александра и управляющаго, подробно описавшаго ужасное опустошеніе заразы, господствовавшей въ Москвѣ. Братъ мой принужденъ былъ укрыться въ своемъ селѣ Андреевскомъ; опасеніе за его жизнь гораздо больше обезпокоило меня, чѣмъ бѣдственное положеніе моего собственнаго дома.

Изъ отчета управляющаго я узнала, что смерть унесла сорокъ-пять человѣкъ изъ моихъ крестьянъ. Страшная болѣзнь, какъ думали, способна была заражать все въ домѣ; поэтому не могли послать моихъ вещей въ Петербургъ, и

пережившіе слуги должны были выдержать шестинедѣльный карантинъ, прежде чѣмъ ихъ отпустили въ Петербургъ.

Это несчастіе такъ сильно поразило меня, что я заболѣла и пролежала въ Ригѣ три недѣли, подъ вліяніемъ самой тягостной тоски.

Въ это время я написала своей сестрѣ Полянской, попросивъ ее пополнить мой недостатокъ въ прислугѣ и дать мнѣ пріютъ въ ея домѣ, пока я не пріищу себѣ квартиры. Домъ, который я имѣла въ Петербургѣ, былъ проданъ Панинымъ, согласно съ моимъ желаніемъ; я думала этой продажей покрыть издержки моего путешествія, на которое не доставало моихъ общихъ доходовъ съ дѣтьми; но, къ несчастію, дядя подъ вліяніемъ Талызиной уступилъ этотъ домъ одному изъ ея пріятелей за половину настоящей цѣны.

Наконецъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, я поселилась у своей сестры, а Каменская возвратилась къ себѣ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, императрица прислала спросить о моемъ здоровьѣ и моихъ дѣлахъ; извѣщенная о послѣднемъ несчастіи моего имѣнія, она подарила мнѣ, по случаю моихъ потерь, десять тысячь рублей.

Я рада была увидѣть своего отца; хотя отъ него я и не ожидала помощи въ настоящимъ случаѣ, но, что было въ тысячу разъ отраднѣй для меня, я встрѣтила со стороны его полное доказательство любви и уваженія, которыхъ на долгое время лишила меня ложная и ядовитая клевета, о чемъ, впрочемъ нѣтъ надобности распространяться теперь; я говорю, нѣтъ надобности распространяться объ этой клеветѣ, потому что отецъ убѣдился въ неправдѣ придуманныхъ нареканій; притомъ, что за радость оправдываться въ обстоятельствахъ, которыхъ ложь потеряла для меня всякое значеніе. Но я долго скорбѣла отъ ея отравляющихъ послѣдствій: ибо лишиться добраго мнѣнія въ глазахъ такого человѣка, какъ мой отецъ, было для меня верхомъ несчастія, еслибъ даже онъ не имѣлъ святого права на любовь своей дочери;

вмѣстѣ съ этимъ правомъ, у него были качества во всякомъ случаѣ достойныя уваженія; съ дравымъ и образованнымъ умомъ онъ соединялъ благородный и добрый характеръ, и совершенно былъ чуждъ того чванства и жеманности, которыя, обыкновенно, отмѣчаютъ слабыя и мелкія душонки.

По пріѣздѣ къ сестрѣ, я была не совсѣмъ здорова и не выходила изъ дому; но не льзя было не замѣтить, что горизонтъ моей жизни началъ проясняться съ тѣхъ поръ, какъ Григорій Орловъ потерялъ привилегію любовника Екатерины. Такъ какъ мнѣ не возможно было скоро перебраться въ Москву, по причинѣ разстройства въ домашнемъ хозяйствѣ, то я наняла себѣ небольшой домъ въ Петербургѣ, купила мебель, завелась необходимой прислугой и устроилась здѣсь, хотя и не совсѣмъ удобно.

Какъ только я оправилась, явилась ко двору и очень ласково была встрѣчена Екатериной. Вслѣдъ за тѣмъ, императрица прислала мнѣ шестьдесять тысячь рублей, для покупки имѣнія въ мою собственность. Можетъ быть, она доселѣ не знала, что за исключеніемъ клочка земли близь Петербурга и дома въ Москвѣ, я болѣе ничего не имѣла въ мірѣ; или, вѣроятно, освободившись отъ вліянія Орлова, она хотѣла показать мнѣ свое благоволеніе, обставивъ меня болѣе удобной жизнію. Какъ бы то ни было, этотъ подарокъ удивилъ меня; вмѣстѣ съ тѣмъ, я замѣтила перемѣну въ ея обращеніи со мной; оно было совершенно не то, которое я привыкла видѣть въ ней впродолженіе первыхъ десяти лѣтъ, отъ ея восшествія на престолъ.

Эти деньги помогли мнѣ выручить моего отца изъ затруднительнаго положенія; я заплатила за него тридцать три тысячи рублей, вслѣдствіе жалобы, поданной на него.

Въ началѣ весны, я переѣхала на свою маленькую дачу, гдѣ вдругъ тяжело заболѣлъ мой сынъ гнилой лихорадкой, такъ что я отчаялась въ его жизни. Медики, лечившіе его, не успѣвали: я поручила имъ посовѣтоваться съ молодымъ докторомъ, Роджерсономъ, который недавно прибылъ изъ

Шотландіи. Онъ былъ присланъ ко мнѣ въ полночь и, хотя не скрылъ опасной болѣзни моего сына, то отнюдь и не отчаявался за его выздоровленіи.

Семнадцать дней я не отходила отъ постели больнаго; и благодаря провидѣнію и искуству этого превосходнаго медика, по прошествіи этого времени, мой Павлуша былъ внѣ всякой опасности. Съ этой минуты я начала уважать Роджерсона, который современемъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ моихъ друзей.

Въ то время, какъ я сидѣла въ спальнѣ своего больнаго сына, генералъ Потемкинъ возвратился изъ арміи съ извѣстіемъ о славной побѣдѣ надъ Турками и о предложеніи самого выгоднаго для насъ мира.

Не смотря на все мое желаніе поздравить императрицу съ ея блистательнымъ успѣхомъ, я не могла явиться во дворецъ; но написала ей письмо и приложила картину Анджелики Кауфманъ, представлявшей прекрасную Греческую фигуру; подарокъ мой отвѣчалъ содержанію письма, въ которомъ я говорила въ пользу Греціи и ея политическаго возстановленія. Въ Россіи это былъ первый опытъ Кауфманъ, очаровательной артистки и еще болѣе очаровательной женщины; я радовалась, что императрицѣ чрезвычайно поправилась картина.

Осенью этого года (1773), я отправилась въ Москву, и нашла старую княгиню Дашкову удивительно здоровой для ея возраста. Деньги, подаренныя мнѣ императрицей, я отдала въ вѣрное сохраненіе на пользу моей дочери, такъ чтобъ наслѣдственное состояніе моего сына осталось неприкосновеннымъ; сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, я переѣхала въ Троицкое, откуда черезъ каждыя двѣ недѣли возила моихъ дѣтей въ Москву на свиданіе съ ихъ бабушкой. Въ одинъ изъ этихъ визитовъ, я познакомилась, въ домѣ моего дяди Еропкина, съ генераломъ Потемкинымъ, которому суждено было съиграть такую баснословную роль въ Россіи, получить степень князя отъ Германскаго императора, послѣ

того, какъ Екатерина приблизила его къ себѣ въ качествѣ друга и любимца.

Графъ Румянцевъ былъ уполномоченъ заключить миръ съ Турками; въ 1775 году, государыня пріѣхала въ Москву отпраздновать это событіе съ необычайной роскошью. Фельдмаршалъ Румянцевъ былъ осыпанъ почестями и наградами, вмѣстѣ съ прочими генералами арміи, выше обыкновенной щедрости Екатерины. Братъ мой Семенъ, былъ произведенъ, а полкъ его былъ удостоенъ чести называться гвардейскимъ гренадерскимъ.

Императрица, во время своего пребыванія въ Москвѣ, предпринимала нѣсколько путешествій, въ окрестныя провинціи; между прочимъ, она посѣтила Калугу, остановившись не на долго въ прекрасномъ имѣніи моего дяди, графа Ивана Воронцова. Я не участвовала въ этихъ поѣздкахъ, потому что неотлучно находилась съ свекровью, Дашковой, которая послѣ трехнедѣльной тяжкой болѣзни, умерла на моихъ рукахъ.

Въ послѣднее время ея любовь ко мнѣ, ея одобреніе всѣхъ моихъ распоряженій относительно дѣтей вполнѣ вознаграждали за всѣ мои хлопоты Послѣднее ея желаніе состояло въ томъ, чтобъ похоронить ее въ Спасскомъ Монастырѣ, среди фамильныхъ гробовъ, гдѣ погребенъ и ея мужъ. Я просила позволеніе на то, но напрасно; не задолго передъ тѣмъ было издано новое постановленіе, въ силу котораго было запрещено обывательямъ Москвы хоронить покойниковъ въ чертѣ города, исключая одного монастыря, въ видѣ снисхожденія людямъ богатымъ и суевѣрнымъ, не хотѣвшимъ разстаться съ городомъ даже по смерти.

Не имѣя положительно никакой возможности выполнить завѣщаніе свекрови, я полубольная рѣшилась проводить ея прахъ до монастыря, въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ лежали предки ея мужа. Эти грустные проводы я предприняла, какъ непремѣнную свою обязанность: послѣ смерти моего мужа я поставила себѣ правиломъ и никогда

неизмѣняла ему—дѣйствовать въ отношеніи къ его родным точно такъ, какъ дѣйствовалъ бы онъ самъ, руководимый чувствомъ уваженія и преданности своему семейству.

Съ самаго возвращенія моего изъ-за границы, я жила большею частію въ уединеніи, не смотря на увеличившіяся средства моей жизни, по милости государыни; расходы мои были самые ограниченные; я хотѣла съ помощію благоразумной экономіи дать воспитаніе своему сыну въ иностранномъ университетѣ.

Прежде чѣмъ императрица оставила Москву, я просила ее о позволеніи опять уѣхать въ чужіе краи съ спеціальною цѣлію — воспитанія дѣтей. Екатерина согласилась, но приняла мою просьбу необыкновенно холодно, вѣроятно, недовольная тѣмъ, что я искала образованія за границей, когда она гордилась его развитіемъ дома; можетъ быть это неудовольствіе вытекало изъ другого источника, о которомъ я не знала. Нѣтъ сомнѣнія, что я не имѣла никакого повода оставлять Екатерину, за исключеніемъ одного случая, когда жители Москвы были допущены къ цѣлованію ея руки, въ публичной залѣ, нарочно для того назначенной.

По поводу этого обстоятельства, принцъ Ангальтскій, близкій родственникъ императрицы, сказалъ мнѣ съ нѣкоторымъ жаромъ: " я этого ожидалъ; это совершенно гармонируетъ со всѣмъ остальнымъ; но повѣрьте прійдетъ время, измѣнятся обстоятельства и вамъ отдадутъ справедливость."

Я разсчитывала пробыть за границей девять или десять лѣтъ, чтобъ въ это время вполнѣ окончить образованіе сына; поэтому я сочла необходимымъ сначала устроить свою дочь, За нее посватался Бригадиръ Щербининъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный женихъ. Онъ былъ человѣкомъ серьезнаго, но мягкаго характера, что ручалось за спокойствіе моей дочери въ семейномъ быту. Хотя этотъ бракъ не совсѣмъ удовлетворялъ моимъ материнскимъ желаніямъ, но онъ представлялъ ту единственную выгоду, что моя дочь еще нѣкоторое время останется подъ моимъ надзоромъ.

Я намѣрена была взять ихъ съ собой въ путешествіе: эта мысль охотно была принята отцомъ моего зятя, особенно, когда я обѣщала, что они будутъ жить со мной, и что на содержаніе ихъ достанетъ однихъ процентовъ состоянія моей дочери.

По случаю этого брака поднялись противъ меня пересуды и возгласы, которыми я вполнѣ пренебрегла *съ полнымъ сознаніемъ всей нельпости ихъ;* были и другія непріятности, но, не желая раскрывать старыхъ ранъ, я пройду ихъ молчаніемъ и разскажу о своемъ путешествіи.

Мы отправились по дорогѣ въ Псковъ, съ намѣреніемъ заглянуть въ богатое имѣнье старшаго Щербинина. На пути случилось съ нами непріятное обстоятельство. Слуга Танеевой, находившійся при насъ, упалъ съ козелъ и прежде чѣмъ замѣтили это, пара саней переѣхала черезъ него. Достать лекаря не было никакой возможности; бѣдный малый былъ ужасно раненъ въ бокъ и руку, хотя кости остались цѣлы; дальше ѣхать онъ не могъ. Ему необходимо было пустить кровь; вспомнивъ, что въ портфелѣ моего сына былъ Англійскій ланцетъ, я просила кого нибудь изъ нашихъ спутниковъ приступить къ операціи; никто не взялся. Тогда я рискнула сама попробовать; и, побѣдивъ на время чувство отвращенія, я открыла вену такъ удачно, что къ величайшему моему удовольствію, жизнь больнаго была спасена.

Скоро за тѣмъ мы прибыли въ помѣстье Щербинина, куда собрались многіе изъ новыхъ родственниковъ моей дочери; но это общество такъ утомило меня, что я поспѣшила выѣхать въ Гродно, въ Ливонію.

Путешествіе наше по этому варварскому и дикому краю, покрытому непроходимой грязью и бѣдностью было въ высшей степени утомительно; къ тому же мой сынъ заболѣлъ корью. Въ дополненіе несчастія, намъ пришлось пробираться сквозь лѣса, по такой глухой дорогѣ, что я принуждена была нанять тридцать козаковъ — прорубать намъ проходъ. Наконецъ мы достигли Гродно, гдѣ я имѣла счастіе найдти

отличнаго лекаря, присланнаго изъ Брюсселя и служившаго въ кадетскомъ Гродненскомъ корпусѣ. Здѣсь я должна была пробыть пять недѣль, потому что мадамъ Щербинина захватила отъ брата ту же самую болѣзнь.

Путь нашъ лежалъ черезъ Вильну въ Варшаву. Здѣсь праздновали юбилей, и если мы не нашли никакого пріятнаго для себя общества, то я тѣмъ больше была рада пользоваться умной и веселой бесѣдой короля; онъ приходилъ ко мнѣ два или три раза въ недѣлю, просиживая со мной наединѣ долгое время; между тѣмъ какъ его племянникъ, князь Станиславъ, очень милый и образованный молодой человѣкъ, генералъ Комаржевскій и прочая свита, оставались въ другой комнатѣ съ моими дѣтьми. Ради этого любезнаго пріема, я пробыла въ Варшавѣ больше чѣмъ думала.

Признаюсь, Станиславъ Понятовскій произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Съ благороднымъ и нѣжнымъ сердцемъ онъ обладалъ высоко-образованнымъ умомъ. Его пламенная любовь къ изящнымъ искусствамъ была строго классической; и его разговоръ объ этихъ предметахъ былъ и занимателенъ и глубокъ. Вѣроятно, его природные инстинкты вовсе не прельщали его этимъ избитымъ величіемъ, на которое судьба такъ неудачно призвала его. Какъ частное лицо, онъ и по врожденнымъ наклонностямъ и по воспитанію, могъ бы быть счастливѣйшимъ смертнымъ; но какъ глава буйнаго народа и вѣтряной конституціи, онъ никогда не могъ пріобрѣсть народную любовь, потому что Поляки не были способны оцѣнить ни его характера, ни его положенія. Для аристократіи онъ былъ предметомъ постоянной зависти; они такъ оплели его своими интригами, что онъ былъ принужденъ запутаться въ неприличные споры съ двумя сильными магнатами; по убѣжденіямъ онъ немогъ оправдывать себя, но необходимость извиняетъ его.

Мое знакомство съ этой прекрасной, но несчастной личностью и съ его любезнымъ племянникомъ, которые уважали память моего мужа, заставило меня пожалѣть Варшаву, — хотя я ѣхала въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ, по-старому, я встрѣтила самое радушное гостепріимство. Отсюда я написала своему банкиру въ Спа, приготовить мнѣ тотъ самый домъ въ "promenade de sept heures," который за пять лѣтъ передъ тѣмъ, былъ въ нашихъ глазахъ построенъ, и въ которомъ я точно была первымъ жильцемъ, по прошествіи условленнаго времени.

Я скоро увидѣла своего друга, мистрисъ Гамильтонъ, которая съ своей стороны почти также была вѣрна обѣщанію: разлука наша не измѣнила искренней дружды.

Во время нашего пребыванія въ Спа, Щербининъ получилъ письма отъ отца и матери; они требовали немедленнаго возврата его въ Россію. Онъ колебался и скучалъ, но волей-не-волей долженъ былъ покориться родительскому приказанію; между тѣмъ, дочь моя осталась со мной, не желая разставаться съ семействомъ.

ГЛАВА XIV.

Я составила себѣ планъ помѣстить сына въ Эдинбургскій университетъ, и устроиться въ этомъ городѣ на все время его академическаго курса. Съ этой цѣлью я написала ректору Робертсону, знаменитому историку, предупредивъ его о своемъ желаніи отдать тринадцатилѣтняго мальчика въ университетъ, подъ его покровительство; съ тѣмъ вмѣстѣ я просила совѣта и наставленія его во всемъ, что было необходимо для достиженія моей цѣли.

Робертсонъ, отвѣчая мнѣ, совѣтовалъ подождать два или три года, за-тѣмъ, чтобъ дать молодому Дашкову болѣе зрѣлыя приготовительныя знанія; но не смотря на его юность, я такъ вѣрила въ его прилежаніе и успѣхи, что безъ всякой похвальбы, извѣстила Робертсона о познаніяхъ моего сына; онъ уже отлично зналъ Латинскій языкъ, значительно познакомился съ математикой, исторіей и географіей; кромѣ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, онъ настолько понималъ Англійскій, что могъ на немъ читать, хотя говорилъ еще съ затрудненіемъ.

По окончаніи сезона на водахъ Спа, мы отправились въ Англію и, остановившись на самое короткое время въ Лондонѣ, двинулись въ Шотландію. На дорогѣ, мы провели

нѣсколько дней въ домѣ лорда Сёссексъ, гдѣ я познакомилась съ мистеромъ Уильмотъ, отцемъ моего юнаго друга, по просьбѣ котораго я рѣшилась написать эти мемуары. Мистеръ Уильмотъ провелъ съ нами все время нашего пребыванія у Сёссексъ.

Въ Эдинбургѣ я наняла себѣ квартиру въ домѣ Голигодъ, въ древнемъ дворцѣ Шотландскихъ королей; здѣсь я часто вспоминала исторію легкомысленной и несчастной Маріи Стюартъ; печальная судьба ея напечатлѣвалась на каждомъ окружающемъ предметѣ; ея кабинетъ, лѣстница, примыкавшая къ моей спальнѣ, съ которой былъ брошенъ ея любовникъ-италіянецъ—все это постоянно рисовало въ моемъ воображеніи участь погибшей королевы.

Я не стану описывать того удовольствія, съ которымъ услышала отзывъ Робертсона, присудившаго, послѣ испытанія моего сына, что онъ совершенно готовъ вступить въ университетъ и начать обыкновенное классическое образованіе. Я необыкновенно была утѣшена этимъ обстоятельствомъ и въ то время, какъ мой сынъ продолжалъ свое ученіе, я не упустила столь благопріятнаго случая познакомиться съ тѣми знаменитыми писателями, которыхъ произведенія были славой Англіи.

Я имѣла удовольствіе сблизиться съ Робертсономъ, Адамомъ Смитомъ, Фергюсономъ и Блэромъ. Когда жила я въ Эдинбургѣ, они каждую недѣлю были у меня два или три раза, и я столько же удивлялась ихъ познаніямъ и талантамъ, сколько скромности и простотѣ манеръ. При всемъ различіи своихъ ученыхъ направленій, при всей самостоятельности и соревнованіи другъ другу, эти почтенные люди жили совершенно друзьями; ихъ обхожденіе, не имѣвшее ни тѣни притворства, ихъ разговоръ чуждый всякого педантизма, былъ поучительный и вмѣстѣ привлекательный.

Къ числу моихъ женскихъ знакомствъ, принадлежала герцогиня Бюрлей, леди Фрэнсисъ Скоттъ, леди Лотіанъ и

Марія Ирвинъ; и это время было самымъ спокойнымъ и счастливымъ періодомъ моей жизни.

Во время лѣтнихъ каникулъ, мы отправились въ Гайлэндсъ. Пріѣздъ Гамильтонъ сообщилъ новую радость моимъ удовольствіямъ. Путешествіе въ горную Шотландію сопровождалось для меня сильной простудой, и я начала страдать ревматизмомъ. Впрочемъ окруженная друзьями и больше всего довольная осуществленіемъ одной изъ задушевныхъ своихъ надеждъ-успѣшнымъ ученіемъ сына, я почти забывала свои физическія боли.

За всѣмъ тѣмъ, когда въ слѣдующемъ году моя болѣзнь усилилась, докторъ Кёленъ совѣтовалъ мнѣ пить воды Букстина и Матлока, и потомъ купаться въ Скарбору. Вслѣдствіе этого въ началѣ каникулъ я оставила Шотландію, чтобъ попробовать предписанное леченіе. Меня проводила Гамильтонъ; ея любви и нѣжнымъ заботамъ, можно сказать, я обязана жизнію, будучи близка къ смерти въ Скарбору.

Не могу также, безъ глубокой признательности вспомнить о леди Мёльграфъ, о томъ благородномъ участіи, которое она принимала въ моемъ безнадежномъ положеніи.

Она жила по сосѣдству, оплакивая недавнюю потерю своего любимаго мужа; услышавъ о моей опасной болѣзни и судя по собственному опыту, что я должна была чувствовать при мысли покинуть дѣтей вчужѣ вдали отъ родныхъ и друзей, она безъ церемоніи явилась у моей постели; со всей готовностію и рѣдкимъ великодушіемъ предложила имъ пріютъ въ своемъ домѣ, и личное покровительство въ случаѣ ихъ сиротства. Мало того, она торжественно увѣрила меня, что если суждено совершиться несчастію, она никакъ не разстанется съ ними до тѣхъ поръ, пока опекуны не возьмутъ ихъ назадъ въ Россію.

Эта черта характера можетъ служить самой лучшей похвалой леди Мёльграфъ. Трудно выразить чувство моей благодарности за это утѣшеніе. Я пользовалась вниманіемъ

этой достойной леди, пока мое выздоровленіе было внѣ всякого сомнѣнія; и когда я могла путешествовать, она упросили меня свернуть съ прямого пути и отдохнуть нѣсколько дней въ ея домѣ, до пріѣзда въ Шотландію.

Это посѣщеніе, столь обязательное по долгу признательности и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное, я охотно приняла, и возвратилась въ Эдинбургъ къ самому началу университетскаго курса.

Хотя и послѣ того я часто испытывала припадки ревматизма и вообще недомагала, за всѣмъ тѣмъ, какъ мать не позволяла себѣ ослабѣвать въ моихъ непремѣнныхъ заботахъ о сынѣ; и въ этомъ отношеніи, я такъ блистательно успѣвала, такъ полно вознаграждались мои жертвы, что нравственное самодовольсъвіе облегчило мои недуги и я весело проводила время въ кругу своихъ друзей.

Я старалась пріохотить сына не тольло къ серьезнымъ занятіямъ, но также къ свѣтской развязности и гимнастическимъ упражненіямъ, что укрѣпило его здоровье и удивительно развило силы. Черезъ каждые два дня онъ бралъ уроки верховой ѣзды и фехтованія, и одинъ разъ въ недѣлю въ моемъ домѣ назначался танцовальный вечеръ: это освѣжало его школьные труды.

Живя исключительно для дѣтей и поставивъ постоянной задачей своей жизни уединеніе, теперь возможное, я почти не жалѣла о своей собственной бѣдности и скудномъ состояніи своихъ дѣтей. И такъ какъ въ Шотландіи всѣ необходимые предметы жизни были дешевы, то я не имѣла нообходимости прибѣгать къ чрезвычайнымъ займамъ у моихъ банкировъ Гюнтера и Форбса, исключая одного случая, когда я хотѣла посѣтить Ирландію, по окончаніи курса моего сына. На это путешествіе я заняла у нихъ двѣ тысячи фунтовъ, которые скоро уплачены были имъ изъ Голландіи, хотя я и раздѣлалась съ долгомъ безъ всякаго затрудненія, при всемъ томъ, я обязана ихъ дружбѣ многими одолженіями, — за которыя ни чѣмъ инымъ, кромѣ благодарности заплатить не могу.

Въ маѣ 1779 года мой сынъ выдержалъ публичное испытаніе. Аудиторія была безпримѣрно многочисленная; отвѣты его на всѣ вопросы были такъ основательны, что вызвали невольное рукоплесканіе со стороны посѣтителей; такое одобреніе почти вовсе не было въ обычаѣ на университетскихъ экзаменахъ. Онъ получилъ степень магистра искусствъ; само собою разумѣется, что мой материнскій восторгъ не зналъ мѣры при этомъ успѣхѣ; я не стану останавливаться на этой счастливой минутѣ моей жизни, но буду продолжать свой разсказъ путешествія въ Ирландію, которое я предприняла въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Въ городѣ Донигадѣ соединилась со мной мистрисъ Гамильтонъ и Морганъ, которыя показали мнѣ гигантскіе Косуи и Колеринь; первый изъ нихъ, дѣйстительно заслуживалъ взгляда. Въ Дублинѣ приготовили мнѣ очень удобный и прекрасный домъ, въ которомъ я остановилась. Мое пребываніе въ этомъ городѣ походило на сонъ, впродолженіи цѣлаго года. Не было желанія, которое бы не находило удовлетворенія, благодаря вниманію Гамильтонъ, Морганъ и ихъ семействъ.

Сынъ мой продолжалъ свои классическія чтенія каждое утро съ Гринфильдомъ, взятымъ мной изъ Эдинбурга; при томъ мы нашли хорошихъ учителей въ Дублинѣ; они преподавали ему Италіянскій языкъ и танцованіе. Вечера наши всегда проходили въ умномъ и благовоспитанномъ обществѣ, одушевленномъ свободой манеры, свойственной Ирландскому характеру. Я по прежнему устроивала танцовальные вечера въ своемъ домѣ для развлеченія дѣтей, и нерѣдко посѣщала театръ.

Съ гордостью я говорю о томъ уваженіи, которымъ удостоила меня леди Арабелла Денни, знаменитая своими благотворительными заведеніями; ея общественныя заслуги были оцѣнены и съ благодарностію признаны самимъ парламентомъ. Мы часто ходили къ ней пить чай; ея умъ и симпатичный характеръ съ каждымъ посѣщеніемъ

больше и больше привязывалъ насъ къ этой прекрасной женщинѣ.

Въ числѣ многихъ благодѣтельныхъ учрежденій леди Денни, Магдалинскій госпиталь былъ главнымъ предметомъ ея попеченій и, не смотря на престарѣлый возрастъ, съ неослабнымъ вниманіемъ надзирала надъ нимъ. Я нѣсколько разъ съ ней посѣтила это заведеніе ; довѣряя моимъ бѣднымъ способностямъ, она однажды поручила мнѣ переложить гимнъ на музыку, за тѣмъ, чтобъ пѣть его въ Магдалинской Капеллѣ, на пользу благотворительныхъ цѣлей. Ея желаніе было закономъ для меня ; я составила арію въ четыре голоса ; послѣ двухнедѣльнаго приготовленія, она была пропѣта въ присутствіи многочисленнаго собранія, которое съ любопытствомъ пришло послушать, на что способна Русская медвѣдица въ музыкальномъ искусствѣ. Я посѣтила Арабеллу въ тотъ же вечеръ, и была принята съ особеннымъ радушіемъ, до-того небывалымъ. Она съ удовольствіемъ разсказала о музыкальной мессѣ, замѣтивъ, что успѣхъ ея зависѣлъ отъ моей аріи.

Съ наслажденіемъ я присутствовала въ Дублинскомъ парламентѣ, слушая его славныхъ ораторовъ, среди которыхъ Гратанъ былъ самымъ замѣчательнымъ.

Въ лѣтнее время, я ѣздила съ своими друзьями осматривать озера Киларна, Килкенни, Лимерикъ, великолѣпный Коркскій Портъ, и другіе интересные предметы. По сосѣству съ Коркомъ я завернула въ Лоту, прекрасное романтическое мѣстоположеніе, принадлежавшее Роджерсу, дяди моего друга Гамильтонъ ; здѣсь я встрѣтила самое обязательное гостепріимство со стороны этого почтеннаго семейства.

Въ началѣ 1780 года я оставила Ирландію и по дорогѣ Голигедъ пріѣхала въ Лондонъ. Вскорѣ послѣ моего прибытія, я была представлена ко двору ; королевская фамилія обласкала меня самымъ благосклоннымъ пріемомъ. При этомъ удобнымъ случаѣ, я не преминула поблагодарить ее за то удовольствіе, которымъ я пользовалась въ Англіи и за

величайшія выгоды воспитанія моего сына въ одномъ изъ Британскихъ университетовъ. Королева въ свою очередь похвалила меня, какъ любящую мать, прибавивъ, что теперь она больше, чѣмъ когда нибудь, убѣдилась въ истинѣ лестныхъ отзывовъ обо мнѣ. Я не хотя согласилась, выразивъ взаимное благопріятное мнѣніе о ея собственномъ семействѣ. Она сказала мнѣ, что семья ея очень большая и что если я желаю видѣть ее вмѣстѣ, она прикажетъ привести дѣтей изъ Кью.

Я поблагодарила за такое снисходительное вниманіе. Леди Голдернессъ была послана за ними, съ тѣмъ, чтобъ привести ихъ въ Лондонъ и извѣстить меня о прибытіи ихъ. Я явилась, и съ наслажденіемъ любовалась группой прекраснѣйшихъ малютокъ.

Въ Лондонѣ я не долго прожила; но объѣхала нѣкоторыя части Англіи, бросивъ взглядъ на Бристоль, Басъ и другіе многолюдные города. Возвращаясь черезъ Дондонъ на Континентъ, я простилась съ королевской семьей и въ Маргатѣ сѣла на корабль, чтобъ плыть въ Остенде.

Отсюда мы отправились въ Брюссель; оставивъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ нашихъ слугъ и облегчивъ себѣ отъ лишнихъ вещей, мы проѣхали черезъ Антверпенъ въ Голландію, посѣтивъ Роттердамъ, Дельфтъ, Гагу, Лейденъ, Гарлемъ, Утрехъ и учрежденіе братьевъ Гергнгутеровъ.

Послѣ этой прогулки, возвратившись въ Гагу я опять увидѣлась съ принцессой Оранской, которую я давно любила и уважала. Я сначала извинилась въ томъ, что не могла предупредить ея посѣщенія, выраженнаго мнѣ черезъ посла; потому что со мной не было ничего кромѣ дорожнаго платья; но придворная дама Дункельманъ была прислана — просить меня — явиться такъ, какъ я одѣта, безъ всякой церемоніи. Вслѣдствіе этого позволенія, я охотно поѣхала ужинать къ принцессѣ, взявъ съ собою дѣтей; за ужиномъ служила только одна леди. Въ похвалу ея, между прочимъ, достаточно сказать, что она пользовалась полной довѣренностью Прусской коро-

левы, поручившей ей воспитаніе своей дочери, и уваженіемъ Фридриха II, который постоянно переписывался съ ней.

Принцъ Оранскій участвовалъ въ нашемъ обществѣ и, не смотря на обыкновенную свою сонливость, провелъ съ нами цѣлый вечеръ. Онъ сидѣлъ около меня, замѣтивъ очень любезно, что я произвела въ немъ необыкновенную перемѣну; мнѣ оставалось только пожалѣть, что я вызвала его на такое самопожертвованіе.

Пока я была въ Гагѣ, каждый вечеръ ужинала съ королевой, и отсюда возвратилась въ Брюссель. Здѣсь я встрѣтила князя Орлова съ женой, готовыхъ отправиться въ Швейцарію, гдѣ они искали совѣта доктора Трессо относительно болѣзни княгини Орловой. Я сдѣлаю маленькое отсутленіе по случаю этой встрѣчи.

Проѣзжая Голландіей я провела два дня въ Лей-денѣ, чтобъ видѣться съ нѣкоторыми изъ старыхъ знакомыхъ. Первый мой визитъ былъ семейству Гобіюса, знаменитаго медика, уважаемаго мной. Позвонивъ, я вызвала слугу, который сказалъ, что господина его нѣтъ дома. "Это невозможно, замѣтила я; я знаю, что онъ сегодня не выходилъ изъ дома; увѣренная, что мое посѣщеніе не обезпокоитъ его, прошу доложить, что княгиня Дашкова пріѣхала напомнить ему о себѣ."

Докторъ, услышавъ изъ сосѣдней комнаты мой голосъ, вышелъ, ростворивъ передъ собой дверь, черезъ которую я увидѣла въ его кабинетѣ Орловыхъ, вѣроятно пріѣхавшихъ посовѣтоваться съ нимъ. Удивленіе мое было необычайное, потому что я не слышала о ихъ путешествіи, другими словами говоря, я не знала, что князь получилъ свою любовную отставку. И это понятно, переписка моя съ Россіей была очень не большая и я рѣдко входила въ подробности настоящаго порядка вещей. Относительно счастливаго правленія Екатерины я нисколько не сомнѣвалась; по этому, разлучаясь съ своими родными и друзьями, я просила ихъ писать мнѣ только о ихъ личномъ благополучіи.

Гобіюсь радъ былъ видѣть меня; но не желая нарушать его занятій, я поспѣшила уйдти отъ него и прежде чѣмъ возвратилась къ себѣ, прогулялась по городу.

Едва мы усѣлись за обѣдъ, какъ явился князь Орловъ. Физіономія ли моя, къ несчастію, очень вѣрно передававшая всякое движеніе души, облегчили неудовольствіе при этомъ импровизированномъ и вовсе не утѣшительномъ визитѣ, или онъ, по обыкновенію, былъ подъ вліяніемъ своей необузданной заносчивости; но разговоръ и манеры его удивили всѣхъ насъ.

"Я пришелъ, были первыя слова его, не какъ врагъ, но какъ другъ и союзникъ."

Всѣ молчали; Орловъ, посмотрѣвъ внимательно на моего сына, потомъ обратившись ко мнѣ, можетъ быть, съ нѣкоторымъ чувствомъ раскаянія за его прошлое поведеніе, сказалъ: "Я вижу, по мундиру, что вашъ сынъ записанъ въ кирасирскій полкъ; я же командиръ конной гвардіи (и замѣчу, что путешествую единственно ради здоровья моей жены); если вамъ угодно, я напишу императрицѣ, чтобъ она перевела молодаго Дашкова въ мой корпусъ; онъ дастъ ему, какъ вы знаете, двѣ лишнихъ степени по службѣ."

Я поблагодарила его и, вставъ изъ-за стола и извинившись передъ обществомъ, попросила его войдти со мной въ особенную комнату, гдѣ очень рада была поговорить съ нимъ объ этомъ; но напередъ рѣшилась отвергнуть его предложеніе со всей возможной деликатностью, чего, вѣроятно, онъ вовсе не понялъ.

Поблагодаривъ его за доброе желаніе моему сыну, я сказала, что о производствѣ его уже написано военному министру, князю Потемкину; до полученія отвѣта его, я не смѣю измѣнить своихъ первоначальныхъ распоряженій, потому что эта поспѣшность можетъ вызвать неудовольствіе со стороны государыни и оскорбить князя Потемкина.

"Что же въ этомъ за оскорбленіе ему,?"—возразилъ Орловъ, очевидно немного уязвленный.

Я очень хорошо понимала, въ какихъ отношеніяхъ должны находиться эти люди; и потому, повторивъ, что мнѣ необходимо получить отвѣтъ отъ военнаго министра, прекратила безполезный разговоръ, спросивъ его, куда я должна адрессовать ему письмо, когда увѣдомятъ меня изъ Петербурга; съ тѣмъ вмѣстѣ, я обѣщала воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ, при первомъ возможномъ случаѣ, который, вѣроятно, не замедлитъ представиться.

"Вы можете разсчитывать на меня, сказалъ Орловъ такого прекраснаго молодаго человѣка, какъ Дашковъ, трудно найдти."

Это замѣчаніе о красотѣ моего сына привело меня въ негодованіе, и послѣ заставило не даромъ безпокоиться.

Дѣло въ томъ, что въ Брюсселѣ я опять встрѣтила Орловыхъ, съ которыми находились Мелиссино, дѣвица Протасова, одна изъ фрейлинъ и Каменская. Они всей семьей немедленно явились ко мнѣ; признаюсь, кромѣ старика Мелиссино, очень образованнаго и любезнаго, котораго я нѣкогда каждодневно видѣла у себѣ, мнѣ непріятно было принимать остальныхъ.

Впрочемъ, вѣжливость требовала нѣкотораго вниманія къ гостямъ; Орловъ, бросивъ взглядъ на моего сына, поразилъ меня самымъ нелѣпымъ восклицаніемъ: "какъ жалко, Дашковъ, что меня не будетъ въ Петербургѣ, когда вы явитесь туда; я увѣренъ, что при первомъ вашемъ появленіи ко двору вы заступите мѣсто настоящаго любовника, и я съ удовольствіемъ помогъ бы вамъ; тогда, нѣтъ сомнѣнія, вы утѣшили бы насъ отставныхъ."

Не давъ времени собраться съ духомъ моему сыну, и крайне раздраженная этой неприличной выходкой, я отослала его въ другую комнату, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо написать доктору Бюртэню и попросить назначить слѣдующее утро для посѣщенія окружныхъ холмовъ, замѣчательныхъ по своимъ геологическимъ

остаткамъ. Когда онъ ушелъ, я рѣзко замѣтила князю Орлову, что онъ не долженъ говорить о подобныхъ вещахъ семнадцатилѣтнему юношѣ и оскорблять достоинство императрицы. Что же касается до любовниковъ ея, о которыхъ я всего меньше думала, попросила его не упоминать о нихъ ни въ моемъ, тѣмъ больше въ присутствіи моего сына, воспитаннаго мной въ правилахъ совершеннаго уваженія къ государынѣ, какъ къ его крестной матери и императрицѣ; больше этого онъ ничего не долженъ знать. Отвѣтъ Орлова, разумѣется, былъ грубый и потому не стоитъ здѣсь повторять его.

Къ счастію, отставленный фаворитъ скоро покинулъ Брюссель, гдѣ я пробыла еще двѣ недѣли, для нѣкоторыхъ сдѣлокъ съ моимъ банкиромъ. Мы провели это время большею частію въ ботаническихъ занятіяхъ на сосѣднихъ горахъ, съ моимъ пріятелемъ Бюртенемъ, гдѣ встрѣтились намъ многія растѣнія, неизвѣстныя въ Россіи.

Изъ Брюсселя, черезъ Лиль я поѣхала въ Парижъ, расположившись въ отели "de la Chine." Я рада была слышать что Орловы уже отправились въ Швейцарію, со всей своей свитой, за исключеніемъ Мелиссино и его жены; они остались позади.

Съ удовольствіемъ я увидѣлась съ Дидро, который принялъ меня съ прежнимъ радушіемъ. Я также возобновила знакомство съ Малешербъ и его сестрой, съ мадамъ Неккеръ и со многими другими изъ моихъ старыхъ друзей.

Между иностранцами въ это время было много въ Парижѣ Русскихъ семействъ, знакомыхъ мнѣ; между прочимъ, графъ Солтыковъ съ женой, впослѣдствіи фельдмаршалъ и Московскій губернаторъ; Самойловъ, племянникъ князя Потемкина, и графъ Андрей Шуваловъ. Послѣдній жилъ два года въ Парижѣ, и если бъ онъ оставался здѣсь не долго, вѣроятно, его уважали бы больше, потому что менѣе узнали бы настоящій его характеръ.

Такъ какъ мнѣ привелось познакомиться съ этимъ человѣкомъ, вовсе не на дружеской ногѣ, то—я не считаю лишнимъ представить очеркъ его. Онъ былъ неоспоримо умный человѣкъ, живой и удивительно плодовитый стихотворецъ. Онъ былъ довольно порядочно образованъ, особенно хорошо зналъ Французскую литературу, отлично Французскій языкъ и могъ по пальцамъ пересчитать всѣхъ Французскихъ поэтовъ: не ему не доставало здороваго смысла и быстроты соображенія. Полный самолюбія и гордости, онъ былъ надмѣненъ и грубъ съ нисшими и, по закону обратнаго дѣйствія, раболѣпенъ передъ высшыми, готовый благотворить всякого дневнаго идола. Наконецъ тщеславіе дотого вскружило ему голову, что онъ умеръ безъ теплой слезы даже въ кругу своего семейства.

ГЛАВА XV.

Мое время въ Парижѣ было потрачено хуже, чѣмъ я думала, въ взаимныхъ визитахъ, большею частію церемонныхъ, и слѣдовательно невыносимо-скучныхъ, тѣмъ больше, что я дорожила каждымъ днемъ, не думая долго оставаться на берегахъ Сены.

Меня много разъ приглашали явиться въ Версаль; но я отказывалась, говоря, что придворная сфера вовсе не моя, гдѣ я всегда считала себя простой Нинетой. Между тѣмъ, мнѣ сказали, что королева желаетъ видѣть меня. Я впрочемъ извинилась, не желая дожидаться въ гардеробной, на основаніи этикета, по которому Французскія пересы становились впереди иностранныхъ посѣтительницъ; какъ статсъ-дама Русской императрицы, я не хотѣла унижать чести своего двора и моего очень виднаго положенія при немъ, явившись въ Версаль на заднемъ планѣ.

Однимъ утромъ, во время завтрака съ Рейналемъ, котораго я часто посѣщала, мадамъ Сабранъ извѣстила меня, что королева желаетъ видѣться со мной въ Версалѣ, у мадамъ Полиньякъ; сюда мнѣ предложили придти, въ извѣстное время и, безъ всякой церемоніи, на свободѣ побесѣдовать съ королевой.

Въ назначенный день, я отправилась съ сыномъ и дочерью, и нашла королеву уже здѣсь. Она съ милой предупредительностью вышла къ намъ навстрѣчу и, посадивъ меня около себя на софѣ, а дѣтей неподалеку за круглымъ столикомъ, такъ ласково обошлась съ нами, что мы совершенно были очарованы и вели себя какъ дома. Между прочимъ она похвалила моего сына и дочь за ихъ ловкость въ танцахъ; я слышала, сказала она, что они превосходно пляшутъ. "Что же до меня, прибавила королева, я очень жалѣю, что скоро принуждена проститься съ этимъ любимымъ развлеченіемъ."

Но почему же, мадамъ, вы считаете это необходимымъ? возразила я.

"Да потому, что у насъ не принято танцовать женщинѣ послѣ двадцати пяти лѣтъ."

Забывъ совершенно, что королева чрезвычайно любила игру, я съ истинной небрежностью придворной Нинеты сказала:" я не понимаю смысла такого принужденія; пока есть охота и пока служатъ ноги, къ чему отказывать себѣ въ удовольствіи, которое гораздо естественнѣе, чѣмъ любовь къ игрѣ."

Королева вполнѣ согласилась съ моимъ мнѣніемъ и мы продолжали разговоривать о разныхъ разностяхъ; мое неловкое замѣчаніе, кажется, прошло безъ всякого впечатленія на государыню.

Не то было въ высшемъ Парижскомъ обществѣ; на другой день не было ни одного кружка, гдѣ бы не толковали о моемъ промахѣ; тѣмъ больше я досадовала за свою ошибку, которая впрочемъ пріобрѣла мнѣ популярность во всѣхъ столичныхъ котеріяхъ, что въ ней искали упрека противъ самой королевы.

Мы возвратились домой въ одной изъ придворныхъ каретъ; послѣ, гдѣ бы я ни встрѣтилась съ мадамъ Полиньякъ или Сабранъ, всегда получала отъ нихъ вѣжливое привѣтствіе со стороны королевы, которая доставила

моему сыну случай видѣть Сэнъ-Сирское заведеніе, закрытое для большинства посѣтителей.

Дидро, не смотря на упадокъ своего здоровья, каждый день бывалъ у меня. Утреннее время мы проводили въ обзорѣ произведеній лучшихъ артистовъ, исключая только тѣхъ дней, когда сынъ занимался математикой съ ученикомъ д'Аламбера, или танцовалъ съ Гарделемъ; вечера, въ которые я оставалась дома, проводила въ кругу нашихъ знакомыхъ.

Гудонъ, статуистъ, отнялъ у меня не малую долю времени, снимая съ меня, по желанію моей дочери, бронзовой бюстъ во весь ростъ. Когда онъ былъ оконченъ, я замѣтила артисту, что онъ слишкомъ польстилъ оригиналу: вмѣсто простой Нинеты, онъ обратилъ меня въ пышную Французскую герцогиню, съ голой шеей и прилизанной прической.

Въ домѣ мадамъ Неккеръ я познакомилась съ Отёнскимъ епископомъ, также съ Гильберомъ, прославленнымъ авторомъ одного трактата о тактикѣ; здѣсь же я встрѣтилась съ Рюльеромъ, котораго знала еще въ Россіи въ эпоху революціи. Замѣтивъ его замѣшательство, вѣроятно, вслѣдствіе того, что я прежде не хотѣла принять его у себя, обратилась къ нему, какъ къ старому знакомому, котораго была рада видѣть: "хотя, сказала я, мадамъ Михалкова была никому недоступна; но княгиня Дашкова самого выгоднаго мнѣнія о васъ и съ гордостію позволяетъ себѣ думать, что ея друзья 1762 года навсегда останутся друзьями; и потому она будетъ рада видѣть васъ, съ однимъ, однакожъ, условіемъ, что она должна отказать себѣ въ удоволствіи читать вашу книгу, какъ бы она ни была интересна."

Рюльеръ, повидимому, былъ очень доволенъ моимъ приглашеніемъ, и часто навѣщалъ меня. Меня увѣрили Малешербъ, Неккеръ и многіе другіе, кто читалъ эту книгу, и даже самъ Дидро, котораго искренности я болѣе

всего вѣрила, что въ этомъ сочиненіи мое имя было представлено въ самомъ свѣтломъ видѣ. Напротивъ, императрица являлась, какъ мнѣ разсказывали изъ нѣкоторыхъ страницъ, далеко не привлекательнымъ образомъ.

Легко понять мое удивленіе, когда черезъ двадцать лѣтъ послѣ, въ періодъ Французской революціи, въ эту эпоху озлобленія, борьбы партій и цинизма, когда люди говорили, писали и дѣлали подъ вліяніемъ бурныхъ страстей, легко понять мое удивленіе, говорю я, когда эта книга вышла въ свѣтъ подъ именемъ "Мемуары о революціи 1762 года," Рюльера, и я увидѣла себя въ ней наложницей графа Панина и предметомъ другихъ безсмысленныхъ и противорѣчивыхъ клеветъ. Нѣкоторые общеизвѣстные факты такъ были извращены, что трудно было вѣрить, чтобъ эта книга была собственнымъ произведеніемъ Рюльера. Кто же, напримѣръ, при всемъ невѣжествѣ въ нашемъ правленіи, могъ утверждать, что во время бракосочетанія императрицы, было договорено, въ случаѣ смерти государя, верховную власть передать въ руки его жены. Положительно невозможно, чтобы Рюльеръ, человѣкъ умный, долго служившій на дипломатическомъ поприщѣ, имѣвшій подъ рукой самые достовѣрные источники, хорошо знавшій мой нравственный характеръ и любовь къ мужу, былъ способенъ такъ плоско нападать на мою репутацію и вообще написать подобное произведеніе.

Какъ ради своей чести, такъ ради чести Рюльера, я утѣшала себя мыслію, что это была поддѣлка, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые эпизоды были вставлены недобросовѣстнымъ издателемъ; и въ этомъ я такъ глубоко была убѣждена, что никогда не думала обвинять Рюльера въ этой грязной клеветѣ, которую ни онъ и никто изъ моихъ знакомыхъ не могъ принять за истину.

Однажды я услышала отъ Дидро, что Фалькопетъ и его воспитанница Колло были въ Парижѣ; знакомая съ этими замѣчательными артистами по Петербугу, гдѣ они работали

надъ памятникомъ Петра I, я попросила ихъ къ себѣ въ слѣдующій вечеръ. Они оба пришли, и во время разговора я узнала отъ Кольо, что она недавно выдержала изъ за меня жаркій диспутъ съ гувернанткой дѣтей графа Шувалова.

Любопытно было знать, какимъ образомъ я сдѣлалась предметомъ спора между ними, — и потому просила объяснить мнѣ дѣло.

Мой соперникъ, сказала Кольо, который былъ безъ сомнѣнія отголоскомъ сомого графа, увѣрялъ меня, что вы питаете честолюбивую надежду приготовить изъ своего сына любовника императрицѣ, и что все воспитаніе его вы направляли къ этой цѣли; чтобы нанести мнѣ послѣдній ударъ, оставалось только пустить эту молву въ люди.

Кольо, коротко знавшая меня и то уваженіе, которымъ я пользовалась въ Россіи въ нравственномъ отношеніи, съ негодованіемъ опровергала эту ложь. Что же касается любовниковъ, я думаю, что ей какъ и всему Петербургу было извѣстно мое явное презрѣніе къ этимъ паразитамъ; сама Екатерина, когда я находилась съ ней наединѣ въ присутствіи ея друга, съ такимъ уваженіемъ смотрѣла на меня, что принуждена была сдерживать себя, обращаясь съ своимъ любовникомъ не иначе, какъ обыкновенно съ придворнымъ офицеромъ.

За всѣмъ тѣмъ, эта клевета обезпокоила меня въ томъ отношеніи что она основана была на разсчетѣ возбудить ревность настоящаго фаворита и тѣмъ остановить служебную карьеру моего сына; тѣмъ тягостнѣе было, что онъ могъ пострадать изъ-за меня, хотя я, на самомъ дѣлѣ, нисколько не была въ томъ виновата; все это крайне удивило Кольо, пока я не объяснила ей моего безпокойства и не указала источника его въ злобѣ графа Шувалова. Мои сомнѣнія еще больше подтверждались тѣмъ, что князь Потемкинъ не отвѣчалъ на мое письмо, чего онъ, по моему мнѣнію, не осмѣлился бы сдѣлать, развѣ только подъ вліяніемъ равнодушія императрицы ко мнѣ и моимъ близкимъ.

Какъ скоро Кольо ушла, я послала за Мелиссино, чтобъ

немедленно его видѣть. Онъ добродушно явился и когда выслушалъ о моемъ горѣ, старался утѣшить меня. "Вы ошибаетесь, сказалъ онъ, придавая такъ много значенія этой нелѣпой сплетнѣ; я понимаю ея начало и отъ всей души отвергаю, будучи свидѣтелемъ самого лучшаго опроверженія въ вашемъ жесткомъ отвѣтѣ князю Орлову, въ Брюсселѣ. Но еслибъ вы хотѣли сдѣлать какое нибудь замѣчаніе вы можете передать его общему нашему другу Самойлову; онъ возвращается въ Петербургъ. Я слышалъ, что Орловъ держалъ съ нимъ пари за обѣдомъ у Шувалова, что Дашковъ непремѣнно будетъ любовникомъ Екатерины. Самойловъ видѣлся со мной сегодня и намѣревался навѣстить васъ завтра; если позволите, я самъ приду къ вамъ вмѣстѣ съ нимъ, и какъ свидѣтель многихъ скандальныхъ исторій Орлова и вашего выговора, даннаго ему въ Брюсселѣ, могу вполнѣ потвердить ложь, совершенно недостойную вашихъ тревогъ."

На другой день пришелъ Самойловъ; я завела рѣчь объ этомъ предметѣ, замѣтивъ, что подобный слухъ можетъ во многомъ повредить будущему положенію моего сына. Самойловъ увѣрилъ меня, что князь Орловъ и графъ Шуваловъ, (послѣдняго какъ поэта, можно въ этомъ случаѣ простить), всегда находятъ особенное наслажденіе изобрѣтать самыя нелѣпыя вещи. "И если они, прибавилъ онъ, употребляютъ подобныя развлеченія для себя, то совершенно не думаютъ о послѣдствіяхъ ихъ для другихъ."

"Но какимъ же образомъ, замѣтила я, убѣдить публику, что эта выдумка Орлова такъ скоро овладѣла довѣріемъ Шувалова и возбудила его опасное краснорѣчіе? или, какимъ образомъ прекратить эти слухи, безъ объясненія о предметѣ, совершенно недостойномъ вниманія императрицы и я могла бы прибавить, не менѣе достойномъ, за исключеніемъ одного случая, и моего собственнаго замѣчанія."

"Повѣрьте мнѣ, сказалъ Самойловъ, государыня знаетъ васъ слишкомъ хорошо, чтобъ не согласиться съ этой клеветой.

Во всякомъ случаѣ, я буду въ Петербургѣ прежде васъ и, если вамъ угодно, могу передать своему родственнику, князю Потемкину, все, что я теперь слышалъ отъ васъ, въ видѣ предварительныхъ мѣръ противъ замысла Орлова. Это будетъ, заключилъ онъ, съ моей стороны простымъ долгомъ уваженія къ вашему характеру."

Я искренно поблагодарила его за доброе расположеніе, и душевно приняла предложеніе его. Въ тоже время, я не могла не замѣтить о непонятной небрежности со стороны его дяди, оставившаго меня безъ отвѣта на мое письмо; князь Потемкинъ, конечно, знаетъ, что я не привыкла къ подобному неряшеству даже со стороны коронованныхъ головъ.

Самойловъ во всѣхъ отношеніяхъ защищалъ своего дядю, увѣряя, что онъ неспособенъ на такую невѣжливость и что, вѣроятно, эта остановка зависѣла отъ неисправности почты.

Ревность, съ которой этотъ молодой человѣкъ взялся оправдать меня, заставила меня показать ему мое маленькое вліяніе,—и я была очень рада воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ. Мой сынъ получилъ отъ двора особенное позволеніе осмотрѣть нѣкоторыя модели плановъ и укрѣпленій, что хотѣлось, какъ я знала, видѣть и Самойлову. Поэтому я пригласила его участвовать съ нами, потомъ отобѣдать у насъ, и вечеромъ, ѣхать съ нами въ оперу. На все это онъ согласился, и, казалось былъ совершенно доволенъ.

Я коротко познакомилась съ маршаломъ Бирономъ, который далъ мнѣ позволеніе брать его ложу въ оперѣ и въ Французскомъ театрѣ. Этотъ благородный старикъ, бывшій левъ Французскаго двора и самый пріятный собесѣдникъ, такъ влюбился въ мою дочь, что она могла говорить ему и заставлять его дѣлать все, что ей было угодно. Однажды я увидѣла, что онъ, по ея капризу, прыгалъ по комнатѣ, весело попѣвая извѣстную пѣсню:

" Quand Byron voulut danser,
Quand Byron voulut danser, etc."

Въ началѣ марта мы покинули Парижъ и черезъ города Верденъ, Метцъ, Нанси и Безансонъ отправились въ Швейцарію; по дорогѣ, мы заѣзжали въ укрѣпленныя мѣста, съ той цѣлью, чтобъ мой сынъ могъ нѣсколько познакомиться съ военной фортификаціей, имѣя позволеніе отъ двора осматривать и изслѣдовать всѣ общественные предметы.

Въ Люневилѣ мы видѣли смотръ жандармовъ, который былъ назначенъ нарочно для нашего удовольствія.

Изъ Нёфшателя провожалъ насъ Остервальдъ, знаменитый споромъ съ Фридрихомъ Великимъ за народныя права. Этотъ почтенный старикъ, любимый въ обществѣ за его умъ и добродѣтели, прославленный мужествомъ своего характера, показалъ намъ любопытные предметы въ окрестностяхъ. Онъ водилъ насъ въ деревню Локль, къ "Горячему Ключу" и на вершины горъ, господствующихъ надъ окружающей сценой; его умный и пріятный разговоръ еще больше содѣйствовалъ нащему удовольствію. Я купила въ его типографіи нѣсколько книгъ, его собственныхъ сочиненій въ которыхъ участвовала его дочь; эти книги были отправлены въ Амстердамъ, къ моему банкиру.

Я встрѣтила многихъ изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ въ Бернѣ и Женевѣ. Въ послѣднемъ городѣ я видѣлась съ Крамерами и старымъ другомъ Губеромъ, о которомъ я ужъ говорила. Онъ подарилъ мнѣ портретъ Вольтера, имъ самимъ нарисованный, и за тѣмъ мы не безъ взаимнаго сожалѣнія разстались.

Между прочимъ, Женева и Лозанна напомнили мнѣ о моемъ другѣ Гамильтонъ и ея очаровательномъ обществѣ, которымъ я имѣла счастіе пользоваться въ первое свое путешествіе.

Черезъ Савою, между отраслями Монъ-Блана, мы проѣхали въ Туринъ, и были хорошо приняты при дворѣ Сардинскаго короля и королевы. За отсутствіемъ Русскаго посланника въ это время, насъ представилъ Англійскій министръ, сынъ лорда Бьюта и племянникъ М'Кензи, я

познакомилась съ нимъ еще въ Лондонѣ; по приказанію короля намъ показали въ Туринѣ все, что, обыкновенно, интересуетъ путешественниковъ.

Во время нашего пребыванія здѣсь, одинъ молодой Ливонскій дворянинъ, студентъ королевской военной академіи, былъ обвиненъ за какія-то шалости и дурное поведеніе; его хотѣли выгнать изъ заведенія и отослать домой. Я вступилась за него, и выхлопотала ему прощеніе. Потомъ призвавъ его къ себѣ, очень строго пожурила и отдала подъ покровительство Британскаго уполномоченнаго Стюарта, впредь до распоряженій очень уважаемаго отца его въ Россіи, которому я погрозила написать.

Сардинскій монархъ особенно гордился своимъ Александрійскимъ укрѣпленіемъ, и всего больше цитаделью, которую никто изъ иностранцевъ не могъ посѣтить безъ особеннаго позволенія короля. Онъ далъ это позволеніе моему сыну, который, проѣздомъ черезъ Александрію, могъ осмотрѣть все укрѣпленіе, безъ всякаго ограниченія.

Изъ Турина нашъ путь лежалъ черезъ Нови въ Геную, гдѣ мы провели нѣсколько дней и взглянули на все достойное въ окрестностяхъ Милана. Графъ Фирміянъ, императорскій министръ, управлялъ этимъ герцогствомъ; я нашла въ немъ человѣка честнаго, образованнаго и горячо любимаго народомъ. Наше знакомство съ нимъ было неоцѣненно, потому что безъ его совѣта и помощи мы не могли бы, по крайней мѣрѣ, безъ затрудненія осмотрѣть плѣнительныя озера Маджоре и Лугано и острова Борромео. Онъ провезъ насъ самымъ удобнымъ путемъ; на дорогѣ нельзя было найдти почтовыхъ лошадей, онъ доставилъ намъ вольнонаемныхъ. Такимъ образомъ, безъ особеннаго лишенія и неудобства, мы совершили самую интереспую поѣздку, очарованные великолѣпіемъ природы и воспоминаніемъ объ этомъ истинномъ земномъ раѣ.

Громадное, недостроенное зданіе, воздвигнутое на этой счастливой землѣ однимъ изъ членовъ Борромейской фамиліи,

было слишкомъ обширнымъ для загородной резиденціи даже короля. Планъ его только могъ явиться въ фантастической головѣ папскаго племянника; потому что въ эти дни папа былъ всемогучь, и его доходы равнялись необыкновенной его роскоши.

Въ два дня мы проѣхали Парму, Плаченцію, Модену и на болѣе долгое время расположились въ Флоренціи, гдѣ картинная галерея, церкви, библіотеки и кабинетъ естественной исторіи великаго герцога удержали насъ болѣе недѣли.

Его высочество приказалъ подарить мнѣ нѣсколько экземпляровъ не только мѣстныхъ окаменѣлостей, имѣя у себя дуплеты ихъ, но и другихъ частей свѣта, собранныхъ Козьмой Медичисомъ, коего геній озарилъ Италію на зарѣ возрожденія наукъ.

Изъ Флоренціи мы отправились въ Пизу. Коммисаръ этого мѣстечка далъ мнѣ обѣдъ, и проводилъ насъ на площадь дома Розальмина, гдѣ мы увидѣли старинную игру 'Il Juoco del Ponte,' которая была приготовлена нарочно для насъ. Двѣ партіи, названныя по именамъ приходовъ ихъ 'Santa Maria' и 'Santo Antonio' вступили въ бой на огромномъ мосту, одѣтыя въ каски и латы, съ длиннымъ развивающимся платьемъ сверхъ вооруженія. Единственнымъ ихъ оружіемъ, какъ оборонительнымъ такъ и наступательнымъ, были плоскія дубинки, каждая съ двумя рукоятями.

Пизанцы до страсти любятъ эту игру, и высшее сословіе часто принимаетъ въ ней участіе. Прежде она давалась каждое пятилѣтіе, но теперь выходитъ изъ употребленія, потому что великій герцогъ прямо не запретилъ ее, но остановилъ, назначивъ съ каждой стороны по сорока восьми депутатовъ, отвѣтственныхъ за послѣдствья ея, какія только могутъ случиться; эти депутаты обязаны вознаградить за всѣ поврежденія, обезпечивъ семейства пострадавшихъ, кто бы ни участвовалъ въ битвѣ, Пизанцы, Флорентинцы или Лигурнцы.

Эта игра, конечно, часто приводила къ спорамъ, и даже окапчивалась дуелями. Не только туземные сеньоры, но и

жены ихъ, вмѣшивались въ состязаніе и, въ этотъ день, носили цвѣта враждующихъ партій. Поэтому матери и дочери ссорились между собой, если игра ставила ихъ подъ различныя знамена.

Изъ Пизы мы отправились въ ея бани, гдѣ провели самую жаркую пору и время свирѣпствующаго повѣтрія (maleria), столь гибельнаго для путешественниковъ. Я наняла лучшій домъ и, получивъ позволеніе брать книги изъ герцогской бибіотеки, и изъ монастырскихъ архивовъ, назначила постоянныя чтенія, систематически распредѣленныя. Въ восемь часовъ утра, послѣ легкаго завтрака, мой сынъ, дочь и я сама садились въ сѣверной комнатѣ и поперемѣнно читали. Около одинадцати, когда наступалъ невыносимый жаръ, мы закрывали окна и продолжали заниматься при свѣчахъ. Когда же солнце переходило за полдень, мы открывали окна и, по вечерамъ, гуляли на берегахъ канала. Здѣсь мы дышали свѣжимъ воздухомъ; но прогулка наша была отравляема вонью; я приказала, на собственный счетъ, вычистить каналъ, посыпать дорожки пескомъ и разставить скамейки вдоль берега, на извѣстныхъ разстояніяхъ.

Погода стояла чрезвычайно жаркая; хотя ночь и защищала насъ отъ палящаго солнца, за всѣмъ тѣмъ, какъ будто злой духъ леталъ надъ Пизой и вытягивалъ съ помощью пневматической машины весь воздухъ, которымъ должны были дышать Пизанцы.

Но не смотря на эти неудобства, я провела девять недѣль на Пизанскихъ купальняхъ съ величайшимъ наслажденіемъ; потому что, говоря безъ похвальбы, мой сынъ, съ помощью нашихъ чтеній и его ревностнаго прилежанія, пріобрѣлъ въ это время больше познаній, чѣмъ люди его состоянія пріобрѣтаютъ въ цѣлый годъ.

Іюня 28, стараго стиля, въ день восшествія на престолъ императрицы, я дала балъ въ общественной залѣ; на немъ присутствовали жители Пизы, Лукки и Лигурна. Посѣтителей этого праздника было не менѣе четырехъ сотъ шестиде-

сяти человѣкъ; пиръ былъ прекрасный, и стоилъ мнѣ очень недорого. За исключеніемъ этого вечера и поѣздки, предпринятой съ тѣмъ, чтобъ посмотрѣть на гондольеровъ въ Арно, наше время прошло здѣсь вообще очень скромно.

Изъ Пизы, черезъ Лукку, мы посѣтили Лигурнъ, гдѣ остались на нѣкоторое время.

Одинъ предметъ особенно занялъ мое вниманіе—это карантинный госпиталь, устроенный великимъ герцогомъ Леопольдомъ. Меня восхитила идея такого благодѣтельнаго учрежденія, и въ особенности порядокъ и гармонія во всѣхъ частяхъ его. Начальникъ этого заведенія, по приказанію герцога, показалъ намъ все и, повидимому, былъ удивленъ нашей смѣлостью, при посѣщеніи заведенія, которое въ настоящее время считалось заразительнымъ. Меня впрочемъ не удержало это опасеніе, потому что постояннымъ моимъ правиломъ было не поддаваться чувству страха, на пути полезныхъ изысканій, тѣмъ больше въ этомъ случаѣ, которымъ я воспользовалась, чтобъ укрѣпить подобное мужество въ моихъ дѣтяхъ. Такія ничтожныя препятствія постоянно встрѣчаются путешественнику; глупость и лѣность могутъ преувеличивать ихъ и такимъ образомъ губить и время и благопріятныя обстоятельства.

При этомъ посѣщеніи, однакожъ, я взяла нѣкоторыя необходимыя предосторожности; проходя по комнатѣ, мы спрыскивали свои платья и носовые платки винегромъ, и обоняли камфорные духи. Достойный начальникъ провожавшій насъ, можетъ быть не совсѣмъ охотно, показалъ всѣ части зданія и такъ-какъ ему велѣно было отвѣчать на всѣ наши вопросы, то казалось, отъ него потребовали отчета въ нашихъ наблюденіяхъ.

Я съ энтузіазмомъ удивлялась этому заведенію; зная о безграничныхъ завоеваніяхъ Екатерины, поставившихъ насъ въ соприкосновеніе съ южными народами и слѣдовательно съ эпидемическими болѣзнями, я съ удовольствіемъ представила императрицѣ подробный отчетъ объ администраціи

Лигурискаго карантина. И сдѣлала это не столько изъ убѣжденія осуществить свою мысль, сколько изъ желанія польстить нашему проводнику.

Въ нѣсколько дней, планъ и всѣ его подробности были принесены ко мнѣ начальникомъ, который представилъ ихъ отъ имени великаго герцога. Я поручила ему покорно благодарить государя за такое полезное свѣдѣніе и обѣщала, при первомъ удобномъ случаѣ, сообщить его императрицѣ.

Дѣйствительно я отослала этотъ планъ съ Львовымъ, который возвращался изъ своего путешествія въ Петербургъ. Въ тоже время я написала Екатеринѣ, попросивъ ее убѣдительно о производствѣ моего сына, и выразивъ безпокойство относительно моего письма, оставленнаго безъ отвѣта, военнымъ министромъ ея, княземъ Потемкинымъ, котораго я просила о томъ же предметѣ, за восемъ мѣсяцевъ раньше. Это странное молчаніе ея министра, прибавила я, нисколько не оскорбляетъ моего самолюбія—оно выше униженія,—но возбуждаетъ во мнѣ грустныя сомнѣнія относительно благоволенія самой государыни. Въ этомъ слугаѣ я умоляла ее успокоить меня; и если она не лишаетъ меня своего участія въ моихъ дѣлахъ, то я прошу ее предоставить моему сыну выгоды старшинства, на что онъ имѣетъ право послѣ зачисленія своего въ гвардію на двѣнадцатомъ году возраста и послѣ трудовъ своего воспитанія, которое можетъ дать ему не менѣе отличія въ отечествѣ, какъ и во всѣхъ частяхъ Европы. Въ заключеніе письма я смѣло и живо просила увѣдомить о результатѣ моихъ ожиданій.

ГЛАВА XVI.

Черезъ Сіену мы отправились въ Римъ. Здѣсь первымъ моимъ знакомствомъ былъ кардиналъ Берни, человѣкъ умный, добрый и благовоспитанный. Я любила его общество, пользуясь имъ попеременно то въ моемъ, то въ его домѣ. Однажды я прочитала ему одно изъ поэтическихъ писемъ его, найденныхъ мной въ полномъ собраніи его сочиненій, но онъ казалось, былъ недоволенъ тѣмъ.

Здѣсь же я познакомилась съ Байерсомъ, отлично-образованнымъ Англичаниномъ, страстнымъ поклонникомъ искусствъ, ради ихъ прожившемъ въ Римѣ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Благодаря его руководительству я избавилась отъ назойливыхъ чичероне, столь необходимыхъ каждому иностранцу,

Въ соборѣ св. Петра я видѣла Папу, Пія VI. Онъ говорилъ со мной очень ласково, и съ удовольствіемъ слушалъ, когда я похвалила его за благородное предпріятіе, только-что исполненное,—возобновить старую дорогу черезъ Понтинскія болота. Я сказала намѣстнику св. Петра, что мнѣ не только желательно видѣть этотъ трудъ, но я надѣюсь первая проѣхать этимъ путемъ въ Неаполь.

"Будьте такъ добры,—извѣстите меня о своемъ отъѣздѣ; за нѣсколько дней впередъ, сказалъ онъ, я могу приготовить вамъ лошадей; потому что тамъ еще нѣтъ ни почты, ни другихъ необходимыхъ удобствъ."

Затѣмъ онъ началъ говорить о драгоцѣнныхъ памятникахъ искусства въ Римѣ, и говорилъ съ большимъ знаніемъ этого дѣла.

Идея основать въ Ватиканѣ музеумъ, кажется, вполнѣ принадлежитъ ему, и онъ уже собралъ много прекрасныхъ картинъ, статуй и вазъ.

Я немного потеряла времени въ Римѣ на свѣтскія церемоніи, но съ любовію занималась развитіемъ своего эстетическаго чувства. Въ восемь часовъ утра, а иногда раньше, мы отправлялись осматривать замѣчательные предметы искусства и древности, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, и рѣдко возвращались домой до трехъ или четырехъ часовъ; около этого времени мы обѣдали и потомъ принимали къ себѣ гостей-артистовъ. Въ числѣ ихъ между прочимъ, были двое Гэккертовъ, которые часто приносили съ собой—одинъ гравировальные снаряды, другой—карандаши. Гамильтонъ постоянно являлся съ красками и такимъ образомъ мой домъ, въ одну минуту, обращался въ художественную студію, и разговоръ принималъ характеръ чисто-артистическій. Я прислушивалась къ ихъ мнѣніямъ объ искусствѣ, которымъ мы занимались по утрамъ; притомъ мой сынъ бралъ уроки акварельной живописи.

Кромѣ того мнѣ посчастливилось сблизиться съ мистрисъ Дэмеръ, знаменитой скульпторкой, умной и глубоко-образованной леди, которая подъ видомъ скромности скорѣе старалась скрыть, чѣмъ выставить на показъ свои познанія. Она путешествовала съ теткой, леди Уильямъ Кэмпбель. Не одинъ разъ я посѣтила Тиволи и виллу Адріана; но что особенно привлекало мое вниманіе и удивленіе—это классическая архитектура св. Петра. Изъ всѣхъ классиче-

скихъ предметовъ, она больше всего нравилась мнѣ; каждую досужную минуту я посвящала этому великому зданію, изучая различныя части прекрасныхъ пропорцій его.

Однажды я встрѣтила здѣсь молодаго Русскаго живописца, получившаго первоначальное воспитаніе въ Петербургской академіи художествъ; я почла за удовольствіе отрекомендовать его нѣкоторымъ сеньорамъ, подъ покровительствомъ которыхъ онъ получилъ доступъ снимать копіи съ болѣе рѣдкихъ картинъ.

Однимъ утромъ, возвращаясь съ обыкновенной своей прогулки, за часъ передъ обѣдомъ, мы встрѣтили Байерса; онъ предложилъ ѣхать въ виллу Фарнезе—посмотрѣть любопытные остатки древней скульптуры, сложенные въ погребахъ; не смотря на ихъ обезображенное состояніе, по увѣренію нашего проводника, они были въ высшей степени замѣчательны и болѣе интересны, чѣмъ самые окончанные образцы, видѣнные нами. Мы отправились. Расхаживая въ подвалахъ, я оступилась, какъ показалось мнѣ, о серпентинный обломокъ; обратившись къ Байерсу, я смѣясь замѣтила,—посмотрите, я ушибла себѣ ногу о камень, который этого не стоилъ.

"Я очень жалѣю, сказалъ онъ; но вы ошибаетесь, принимая этотъ обломокъ за серпентину. Это тотъ славный изумрудъ, который былъ привезенъ Козьмѣ Медичису изъ Африки, однимъ изъ ученыхъ людей, посылаемыхъ имъ для изслѣдованія подобныхъ предметовъ. Все что вы видите здѣсь, вмѣстѣ съ другими рѣдкостями дворца, по наслѣдству Фарнезе перейдетъ въ руки Неаполитанскаго короля; и такъ какъ здѣсь не знаютъ ему цѣны, то онъ вѣроятно будетъ купленъ за серпентинный антикъ, или за какую нибудь другую маловажную вещь. Если вы хотите пріобрѣсть его въ свою собственность; то между нами, я приготовилъ бы вамъ пару такихъ столовъ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ королевскомъ дворцѣ всей Европы."

Мнѣ тотчасъ представилась мысль подарить ихъ императрицѣ, и я попросила Байерса купить дрогоцѣнный изумрудъ. Два столика были немедленно сдѣланы и я, черезъ годъ, отослала ихъ изъ Лигурна въ Петербургъ; но не смотря на мою искреннюю и убѣдительную просьбу, Екатерина не хотѣла принять ихъ. Тогда я предложила ихъ великому князю Александру, и теперь они хранятся между сокровищами Московскаго Кремля.

Съ удовольствіемъ я помогала Байерсу въ расположеніи богатаго его кабинета " рѣзныхъ камней," который онъ не хотѣлъ дѣлить и продавать по частямъ. Екатерина, вслѣдствіе моей рекомендаціи купила его весь.

Послѣ всесторонняго и тщательнаго осмотра Рима и его окрестностей, не забывъ даже взглянуть на породу лошадей, необыкновенно смѣшныхъ и на театры, которые были отвратительно скучны, потому что женскія роли исполнялись мужщинами, мы по вновь открытой дорогѣ двинулись въ Неаполь.

Въ Террачинѣ мы остановились ради новаго порта, надъ болотами; къ нему примыкала прекрасно выведенная каменная стѣна, съ большими мѣдными кольцами, правильно развѣшанными на ней, для причалки кораблей, высматривавшихъ такъ опрятно по своей новизнѣ и недавнему употребленію въ морѣ. Намѣреваясь послать императрицѣ планъ и размѣры этого порта, какъ предмета очень интереснаго я поручила Байерсу составить чертежи, но по секрету, потому что самъ папа еще не имѣлъ этого плана у себя.

По прибытіи въ Неаполь, я совершенно была довольна домомъ, нанятымъ для меня; онъ прекрасно былъ расположенъ по набережной, съ грандіознымъ видомъ на Капри и Везувій. Здѣсь я встрѣтилась съ нѣкоторыми изъ старыхъ друзей, — съ нашимъ чрезвычайнымъ посломъ, графомъ Андреемъ Разумовскимъ, съ мистрисъ Дэмеръ, ея теткой и почтеннымъ маститымъ кавалеромъ Сакрамотца.

Наши утреннія занятія, обыкновенно, оканчивались въ мастерской Дэмеръ. Здѣсь она постоянно работала рѣзцомъ и допускала въ свое святилище только самыхъ близкихъ друзей; она такъ искренно любила искусство и науку, что старалась избѣгать всякого шума и грома о своихъ талантахъ; однимъ утромъ помнится мнѣ, она чрезвычайно смѣшалась, когда я замѣтила въ ея комнатѣ Греческую книгу, исписанную на поляхъ собственными ея замѣтками.

"Такъ вы хорошо знаете, сказала я, Греческій языкъ; и если вы скрывали это отъ меня, чтобъ пощадить мое невѣжество, то я должна вамъ признаться, что я, дѣйствительно, ничего въ этомъ не смыслю.

Она покраснѣла, какъ будто пойманная на мѣстѣ преступленія.

Я познакомилась съ Англійскимъ посланникомъ сёромъ Уильямомъ Гамильтономъ и его супругой; въ ихъ домѣ сошлась съ аббатомъ Галіани и нѣкоторыми учеными и артистами.

Гамильтонъ обладалъ богатымъ и обширнымъ собраніемъ различныхъ остатковъ древности; но я позавидовала въ немъ только одному предмету, кольцу съ аёролитомъ. Этотъ родъ минерала, такъ подробно описанный Плиніемъ, признавался учеными за чистѣйшую выдумку славнаго натуралиста; таково упорство философофъ и таково правило невѣжества-отвергать дѣйствительность того, чего мы не можемъ доказать. Камень безъ сомнѣнія очень рѣдкой и едва ли не самый лучшій въ мірѣ.

Дворъ въ это время находился въ Катцертѣ, гдѣ мы представлены были королю Неаполитанской дамой, герцогиней Феролетой и приняты очень ласково. Мой сынъ иногда участвовалъ въ королевской охотѣ, но чаще занимался со мной искусствами и древностьями, при чемъ я купила нѣсколько картинъ, эстамповъ и скульптурныхъ произведеній.

Вечера наши всегда проводились въ домѣ Англійскаго министра и такимъ образомъ, среди утреннихъ занятій и отдыха въ кругу образованнаго общества, у насъ не было скучнаго времени, лишеннаго развлеченія или труда.

Съ безконечнымъ любопытствомъ я осматривала неоцѣненныя сокровища Геркуланума и Помпеи, въ Портикахъ. Относительно Помпеи я однажды осмѣлилась замѣтить королю, что было бы очень интересно открыть весь городъ со всѣми его улицами, домашней обстановкой, колесницами, со всѣмъ что погребено пепломъ, потомъ все это очистить и разставить въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ каждая вещь найдена; тогда передъ нами явилась бы полная картина древности, способная пробудить удивленіе всей Европы; и если допускать посѣтителей за извѣстную плату, то она не только окупитъ всѣ расходы, но еще будетъ обильнымъ источникомъ доходовъ.

Король, вѣроятно, забывъ, что я говорю поиталіянски, обратился къ одному изъ своихъ придворныхъ и сказалъ, что я прекрасно понимаю вещи и что мое предложеніе очень умное и болѣе достойное вниманія, чѣмъ общепринятая рутина антикваріевъ, присяжныхъ поклонниковъ древности. Очевидно было, что король отнюдь не обидѣлся моимъ смѣлымъ замѣчаніемъ; не возражая мнѣ, онъ сказалъ: "есть одно многотомное сочиненіе съ гравюрами всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ, открытыхъ въ Помпеѣ; если вы найдете что нибудь достойное вашего пріема, я прикажу представить вамъ."

Я искренно поблагодарила за такой подарокъ, который былъ гораздо интереснѣе его похвалъ.

Восходъ мой на вершину Везувія едва не стоилъ мнѣ жизни. Я была не совсѣмъ здорова, когда предприняла его, и до того изнемогла, что опасно заболѣла. Никогда не имѣя ни малѣйшаго довѣрія медицинскому искусству, и тѣмъ меньше Неаполитанскимъ лекарямъ, я рѣшительно

сопротивлялась всякому лекарству. Наконецъ уступая просьбѣ своихъ дѣтей и леди Дэмеръ, я стала лечиться у одного Англичанина, Друммонда; онъ не былъ практикъ по профессіи, но пользовалъ своихъ больныхъ соотечественниковъ съ большимъ успѣхомъ и усердіемъ.

На перекоръ моему предразсудку, въ настоящемъ случаѣ я должна была признать, что обязана жизнію медику. Климатъ и діета скоро поправили мое здоровье и я по прежнему продолжала свои утреннія путешествія. Окончательно воскресило меня самое дѣйствительное средство-вниманіе императрицы.

Прискакалъ курьеръ съ отвѣтомъ на мое письмо, отправленное изъ Лигурно; Екатерина увѣряла меня въ своемъ непремѣнномъ и душевномъ сочувствіи къ моему семейству и обѣщала, по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, устроить моего сына на блестящей карьерѣ, назначить его камеръ-юнкеромъ, что давало чинъ Бригадира. Она благодарила меня за планъ госпиталя, отзывалась о немъ съ похвалой и вообще подарила меня письмомъ самымъ любезнымъ.

Я не медлила ни минуты отвѣчать ей. Выразивъ полную мою признательность за ея доброту, я убѣдительно просила измѣнить намѣреніе ея относительно принятія моего сына ко двору.

Его воспитаніе, замѣтила я, располагаетъ его къ дѣятельной жизни, и, сообразно его наклонностямъ къ военной службѣ и зачисленіемъ въ гвардейскій полкъ, онъ страстно желаетъ продолжать свое поприще и надѣется достигнуть высшихъ степеней; это составляетъ и мое собственное лучшее желаніе. Въ заключеніе письма я обѣщала возвратиться въ Россію менѣе чѣмъ черезъ годъ и имѣть счастіе увидѣться съ государыней.

Съ этого времени я стала готовиться къ возврату. Поэтому поспѣшивъ видѣть остальное и простившись съ королевской семьей, мы покинули Неаполь и снова отправились въ Римъ. Здѣсь я опять увидѣлась съ кардина-

ломъ Берни и Байерсомъ и пробыла въ ихъ любезномъ обществѣ долѣе, чѣмъ надѣялась, потому что въ скоромъ времени ожидали прибытія въ Римъ великаго князя Павла съ его женой.

Я сочла неприличнымъ уѣхать отсюда, не дождавшись ихъ, и потому рѣшилась отсрочить отъѣздъ, чтобъ встрѣтить почетныхъ гостей и представить имъ моего сына и дочь.

Когда только великій князь отправился въ Неаполь, мы выѣхали изъ Рима въ Лоретто. Здѣсь мы остановились на тридцать шесть часовъ, осмотрѣли драгоцѣнныя ризы Мадонны,—приношенія столь многихъ монарховъ; меня изумилъ подборъ изумрудовъ единственной красоты, подаренный Испанскимъ королемъ.

Въ Болоньѣ мы пробыли два дня съ половиной, и посѣтили ея знаменитый университетъ. Заѣхавъ въ Феррару на двое сутокъ, мы продолжали нашъ путь въ Венецію.

Уполномоченный нашъ въ этой республикѣ, графъ Марути, принялъ насъ въ свой собственный домъ, убранный съ необыкновенной роскошью, по случаю нашего пріѣзда. Такимъ гостепріимствомъ, я, конечно, была обязана графу за нѣкоторыя услуги, оказанныя ему моимъ дядей, канцлеромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его личному тщеславію. Онъ недавно получилъ отъ нашего двора орденъ св. Анны; между многочисленными украшеніями его палаццо, повсюду виднѣлась звѣзда и анненская лента, — въ живописи и въ скульптурѣ. Впрочемъ не мнѣ критиковать слабости этого человѣка, благодаря которому, я пріобрѣла здѣсь двѣ превосходныхъ картины Каналетти.

Въ Венеціи я запаслась гравюрами первостепенныхъ художниковъ, къ дополненію уже начатой мной коллекціи, которая заключала образцы постепеннаго развитія искусства, во всѣ періоды исторіи его.

Мы объѣзжали въ гондолѣ церкви и монастыри, богатые

живописью; но все это давно извѣстно; описанія и подробности этой монументальной страны занимаютъ цѣлые фоліанты; потому я не стану повторять сказаннаго и вдругъ перенесу моего читателя черезъ Падую, Виченцу и Верону изъ Венеціи въ Вѣну.

ГЛАВА XVII

Въ Вѣнѣ мы были встрѣчены нашимъ посланникомъ графомъ Димитріемъ Голицынымъ; его вниманіе и радушіе заставили насъ скоро забыть утомленіе и неудобства, соединенныя съ путешествіемъ черезъ Тирольскія горы. Онъ предусмотрѣлъ и приготовилъ намъ всевозможный конфортъ съ тѣмъ рѣдкимъ добродушіемъ, за которое его любили въ этомъ городѣ, гдѣ онъ былъ почти свой. Манеры его были стараго Французскаго кургизана; и хотя онъ не отличался природными способностями, но практическое знаніе людей, соединенное съ утонченнымъ свѣтскимъ лоскомъ, упрочило за нимъ надолго этотъ важный постъ. Съ помощію его, мы скоро познакомились со всѣмъ аристократическимъ обществомъ Вѣны.

Императоръ Іосифъ, въ это время, страдалъ глазной болѣзнію и принужденъ былъ, избѣгая солнечнаго свѣта, заключиться въ кабинетѣ. Я не надѣялась найдти доступъ къ нему, хотя графъ Кегловичъ, одинъ изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, близкій къ государю, передалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ отъ императора, повидимому, желавшаго видѣть меня.

Князь Кауницъ первый министръ, заѣхалъ ко мнѣ и оставилъ карточку:—такой чести, какъ я узнала послѣ, онъ удостоивалъ немногихъ. Эта надутая личность долго занимала высшія государственныя должности и, впродолженіи большей части своей жизни безъ контроля распоряжалась какъ своими такъ и государственными дѣлами. При Маріѣ Терезіи, онъ не зналъ границы своимъ прихотямъ, и императрица не противорѣчила, зная, что подъ ея державой не было ни однаго человѣка, равнаго ему въ знаніи политики и въ умѣньи руководить ею. Въ настоящее правленіе, онъ пользовался тѣмъ же безграничнымъ довѣріемъ, уполномоченный на все и управляя всѣмъ, по собственной волѣ; однимъ словомъ Кауницъ былъ, что называется, лицомъ привилигированнымъ.

Разсказываютъ анегдотъ о неприличной безцеремонности Кауница относительно одного знаменитаго лица, бывшаго у него однажды гостемъ. Папа Пій VI, находясь въ Вѣнѣ, былъ приглашенъ обѣдать въ его домъ; между тѣмъ Кауницъ, ни сколько не стѣсняясь этимъ посѣщеніемъ, отправился утромъ въ деревню и занимался верховой ѣздой дольше обыкновеннаго, такъ что не успѣлъ явиться въ назначенный часъ и принять Папу. Наконецъ, прихрамывая и съ хлыстикомъ въ рукѣ, онъ представился Пію VI, подождавшему его; прежде чѣмъ былъ поданъ обѣдъ, Кауницъ продолжалъ щеголять передъ своимъ почетнымъ гостемъ въ утреннемъ платьѣ и показывать ему хлыстомъ нѣкоторыя замѣчательныя картины.

Я отдала визитъ Кауницу и скоро получила приглашеніе обѣдать у него; я согласилась, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ обѣдъ былъ назначенъ раньше, и притомъ безъ всякого замедленія, оговорившись, что здоровье не позволяетъ мнѣ отступать отъ этой регулярности.

Надо замѣтить, что онъ очень любилъ поступать наперерокъ тому лицу, которое начинало съ нимъ знакомство на какихъ бы то ни было условіяхъ; за всѣмъ тѣмъ, когда

я вошла въ его домъ, въ три часа съ половиной, онъ ожидалъ меня.

За столомъ онъ говорилъ о предметахъ, близкихъ моему отечеству и, между прочимъ, обратилъ разговоръ на Петра I. Ему, замѣтилъ онъ, Россія обязана, какъ своему политическому творцу, величайшими благодѣяніями. Я опровергала это мнѣніе, приписывая его заблужденіямъ и предразсудкамъ иностранныхъ писателей, которые распространили его съ той цѣлью, чтобъ превознести похвалами себя или свои націи; Петръ I окружалъ себя иностранцами; очевидно, слава его творчества и трудовъ, въ нѣкоторой степени, должна отразиться на его помощникахъ."

"Задолго до этого монарха, сказала я, Россія славилась великими завоеваніями; Казань, Астрахань, Сибирь и богатая и воинственная "Золотая Орда," покорились нашему оружію; что же касается до искусствъ, они давно были введены и покровительствуемы въ Россіи. Мы можемъ похвастаться историками, которые оставили намъ гораздо больше манускриптовъ, чѣмъ вся Европа вмѣстѣ."

"Но вы кажется, забываете сказалъ Кауницъ, что Петръ I ввелъ Россію въ политическій союзъ съ другими Европейскими государствами, и только со времени его мы начали признавать ея существованіе."

"Послушайте, отвѣчала я, такая обширная страна, какъ Россія, надѣленная всѣми источниками силы и богатства, не нуждается на пути своего величія въ иностранной помощи; если управлять ею хорошо, она не только неприступна въ своей собственной мощи, но въ состояніи располагать судьбой другихъ народовъ, какъ ей угодно. Притомъ, извините меня, если я замѣчу, что это непризнаніе Россіи до Петра, было скорѣе невѣжествомъ и глупостью Европейскихъ народовъ—упустить изъ виду такую страшную силу. Впрочемъ, я готова признать заслуги этого необыкновеннаго человѣка. Онъ былъ геній, дѣятельный и неутомимый на поприщѣ улучшенія своей

строны; но эти достоинства были омрачены недостаткомъ воспитанія и буйствомъ его самовольныхъ страстей. Жестокій и грубый, онъ все, что было подчинено его власти, топталъ безъ различія, какъ рабовъ, рожденныхъ для страданій. Если бъ онъ обладалъ умомъ великаго законодателя, онъ, по примѣру другихъ народовъ, предоставилъ бы промышленнымъ силамъ, правильной реформѣ времени постепенно привести насъ къ тѣмъ улучшеніямъ, которыя онъ вызвалъ насиліемъ; или, если бъ онъ умѣлъ оцѣнить добрыя качества нашихъ предковъ, онъ не сталъ бы уничтожать оригинальность ихъ характера иностранными обычаями показавшимися ему несравненно выше нашихъ. Относительно законовъ, этотъ монархъ, отбросивъ рутину своихъ предшественниковъ, такъ часто измѣнялъ свои собственные, иногда единственно потому, что такъ ему хотѣлось, уронилъ ихъ уваженіе и они потеряли половину своей силы. Какъ рабы, такъ и владѣльцы ихъ были въ равной мѣрѣ жертвой его необузданной тираніи. Первыхъ онъ лишилъ общиннаго суда, ихъ единственной защиты отъ самопроизвольнаго угнѣтенія; у вторыхъ онъ отнялъ всѣ привилегіи. И за что? Чтобъ прочистить дорогу военному деспотизму—самому гибельному и ненавистному изъ всѣхъ формъ правленія. Его тщеславное намѣреніе поднять Петербургъ волшебнымъ жезломъ своей воли, до того было безжалостнымъ распоряженіемъ, что тысячи работниковъ погибли въ болотахъ.

Мало этого, дворяне были обязаны не только доставлять людей для поспѣшнаго исполненія этого труда, но и строить домы по плану императора, нуждались ли они въ нихъ или нѣтъ—все равно. Одно изъ его произведеній, стоившее, правда, необыкновенныхъ усилій и росходовъ, достойно было бы славы своего творца, если бъ только оно отвѣчало своему назначенію—я говорю объ адмиралтействѣ и морской верфи на берегамъ Невы; но никакіе труды не могли сдѣлать эту рѣку судоходной для

военныхъ и даже купеческихъ кораблей, съ самымъ умѣреннымъ грузомъ. При Екатеринѣ II, замѣтила я, Петербургъ процвѣлъ въ четверо больше, какъ по красотѣ такъ и обширности общественныхъ зданій, царскихъ дворцовъ, и постройка ихъ не стоила намъ ни усиленныхъ налоговъ, ни чрезвычайныхъ мѣръ, никакого стѣсненія."

Слова мои, казалось, произвели нѣкоторое впечатлѣніе на князя Кауница; желая, можетъ быть, заставить меня говорить дальше, онъ замѣтилъ:—за всѣмъ тѣмъ отрадно видѣть великаго монарха, работающаго съ топоромъ въ рукѣ на верфи.

"Вашему превосходительству, сказала я, угодно шутить; вы, конечно, лучше другихъ знаете, что монарху нѣтъ времени заниматься дѣломъ простаго ремесленника. Петръ I имѣлъ средства нанять не только корабельщиковъ и плотниковъ, но адмираловъ, откуда угодно; по моему мнѣнію, онъ забылъ свои обязанности, когда губилъ время въ Саардамѣ, работая самъ и изучая Голландскіе термины которыми онъ, какъ это видно изъ его указовъ и морской фразеологіи, засорилъ Русскій языкъ. Въ томъ же духѣ изъ тѣхъ же странныхъ побужденій, онъ посылалъ своихъ дворянъ заграницу—лично изучать искуства и ремесла, какъ напримѣръ, садоводство, ветеринарное и рудокопное дѣло, чего у насъ самихъ не было; я думаю, съ большей пользой дворяне могли посылать своихъ собственныхъ людей за этими познаніями, и потомъ учить имъ дома."

На этомъ я остановилась; Кауницъ молчалъ; я, безъ сожалѣнія, перешла къ другому предмету, опасаясь слишкомъ откровенно высказаться относительно ложно-понятыхъ заслугъ Петра I.

На слѣдующій день графъ Кегловичъ сообщилъ мнѣ, что Кауницъ передалъ въ нѣсколькихъ словахъ весь мой разговоръ императору.

Съ моей стороны, конечно, было справедливымъ дѣломъ

опровергнуть предразсудокъ министра, съ тѣмъ жаромъ, какой внушала любовь къ истинѣ и отечеству; но мое самолюбіе никогда не простиралось такъ далеко, чтобъ считать свой разговоръ достойнымъ особеннаго вниманія Кауница и его государя.

При всемъ томъ, именно съ этого времени Кегловичъ съ особеннымъ интересомъ распрашивалъ меня о времени нашего отъѣзда. За день до него, графъ убѣдительно упрашивалъ меня пробыть въ Вѣнѣ еще нѣсколько дней, потому что императоръ еще не совсѣмъ поправился. Я отвѣчала ему, что мнѣ невозможно удовлетворять всѣмъ личнымъ своимъ желаніямъ, что я путешествую не для собственнаго удовольствія, но для пользы своего сына; еще бывши въ Италіи, я просила Прусскаго короля взять моего сына съ собой на предстоящій военный смотръ и, получивъ его милостивое согласіе, должна немедленно отправиться въ Берлинъ. Сегодня вечеромъ, прибавила я, мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на прекрасное собраніе по естественной исторіи въ императорской галереѣ и потомъ ужинать у князя Голицына; здѣсь я надѣялась увидѣть Іосифа, пользуясь послѣднимъ благопріятнымъ случаемъ, такъ какъ завтра я непременно должна оставить Вѣну.

Послѣ обѣда, мы пришли въ императорскую галерею, и прежде чѣмъ я успѣла осмотрѣться, передъ мной былъ государь, съ шолковымъ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ. Онъ подошелъ къ намъ съ необыкновенно-кроткимъ видомъ и выразилъ сожалѣніе, что, не смотря на все его желаніе, онъ не могъ познакомиться со мной прежде: я оторопѣла при такомъ добродушномъ обращеніи. Онъ заговорилъ о Екатеринѣ, съ тѣмъ уваженіемъ, которое я вполнѣ раздѣляла съ нимъ. Это коротенькое свиданіе произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе.

Прощаясь, государь извинился, что такъ долго удержалъ меня отъ моихъ любимыхъ занятій въ галереѣ, и просилъ

принять что нибудь изъ дуплетовъ. Я не желала злоупотребить такимъ великодушнымъ позволеніемъ, но выбрала нѣсколько вещей изъ Венгерскихъ рудниковъ и другихъ провинцій.

Вечеромъ мы ужинали у нашего посланника, и на другое утро были по дорогѣ въ Прагу. Здѣсь мы пробыли недолго: молодой Дашковъ, межъ тѣмъ, старался составить нѣкоторое общее понятіе объ Австрійской тактикѣ, осмотрѣть Прагскую крѣпость и другое укрѣпленіе воздвигнутое на Богемской границѣ. А я въ это время собирала образчики окаменѣлаго дерева и куски мрамора, купленнаго очень недорого.

Изъ Праги мы подвинулись въ Дрезденъ, гдѣ прожили нѣскодько дней, посѣщая блистательные вечера князя Сакена. Картинная галерея, по прежнему, была предметомъ нашего наслажденія. Здѣсь я узнала, что собраніе графа Бруля было куплено императрицей; оно прибавило нѣсколько новыхъ предметовъ къ богатому кабинету живописи и скульптуры, основанному въ Россіи Екатериной, любительницей и покровительницей искусствъ.

Время военныхъ смотровъ, назначенныхъ Прусскимъ королемъ, приближалось; поэтому мы торопились явиться въ Берлинъ. Королевская фамилія приняла насъ, по обыкновенію, очень гостепріимно; мой сынъ былъ представленъ ей княземъ Долгорукимъ, принимавшимъ всегда самое живое участіе въ моемъ семействѣ. Онъ ввелъ молодаго Дашкова ко всѣмъ иностраннымъ министрамъ, взялъ его съ собой въ Потсдамъ, гдѣ графъ Гоерцъ, генералъ-адъютантъ, представилъ его королю.

Фридрихъ великій обласкалъ моего сына, и съ удовольствіемъ пригласилъ его въ своей свитѣ на парадъ.

Вскорѣ король переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ, на площади большаго парка, собралось до сорока двухъ тысячь войска.

Во время самого смотра, какъ я узнала, женщинамъ было запрещено присутствовать и подходить къ королю.

Впрочемъ Фридрихъ сдѣлалъ исключеніе изъ общаго правила для меня. Онъ желалъ видѣть и говорить со мной, и если мнѣ угодно взглянуть на народъ, принцессѣ было поручено привести меня въ паркъ и указать мѣсто, гдѣ я могла встрѣтиться съ королемъ. Графу Финкерштейну было приказано предупредить принцессу о днѣ, часѣ и мѣстѣ, назначенномъ Фридрихомъ.

Въ одно утро, ея высочество, впослѣдствіи Прусская королева, заѣхала ко мнѣ и повезла меня въ паркъ; Достигнувъ условленнаго мѣста, она, къ величайшему моему удивленію, высадила меня одну изъ кареты:

"Здѣсь, моя милая княгиня, король желаетъ съ вами говорить; что же до меня, я не имѣю ни малѣйшей охоты видѣть этого стараго брюзгу, и поѣду дальше."

Я очень была рада встрѣтиться съ княземъ Долгорукимъ, который принялъ меня здѣсь. Черезъ полчаса, прежде чѣмъ были распущены войска, подъѣхалъ ко мнѣ король, слезъ съ лошади и, снявъ шляпу, продолжалъ нѣсколько минутъ разговаривать; войска, разумѣется, крайне удивились, потому что въ первой разъ видѣли Фридриха, разговаривающимъ съ женщиной во время военныхъ упражненій. Наконецъ король ушелъ, и принцесса снова взяла меня съ собой.

На другой день, за ужиномъ съ королевой, обращавшейся со мной на истинно-дружеской ногѣ, что, впрочемъ, я испытала отъ всѣхъ членовъ королевской семьи, принцесса Генріета очень важно замѣтила, что исторія не умолчитъ о мнѣ, какъ о единственной личности, въ пользу которой Фридрихъ нарушилъ свою дисциплину.

Мой сынъ провожалъ короля въ его военныхъ разъѣздахъ; вслѣдствіе этого мы разстались, условившись встрѣтиться на извѣстномъ пунктѣ по сѣверной дорогѣ. Такъ я была принуждена, съ крайнимъ сожалѣніемъ, оставить Берлинъ. Я пріѣхала къ назначенному этому пункту, въ моей каретѣ, въ то самое время, когда покидалъ его король. Онъ очень любезно поклонился мнѣ мимоходомъ, замѣтивъ, какъ я потомъ слы-

шала, князю Долгорукому, что только одна мать можетъ такъ точно разсчитать время разлуки съ своимъ любимымъ сыномъ.

Князь Долгорукій былъ пламенный поклонникъ Фридриха и, все что онъ видѣлъ въ его военной системѣ, старался изучить.

Черезъ день послѣ, мы были на пути къ Кенигсбергу, гдѣ долженъ былъ проѣзжать король. Здѣсь я была очень рада услышать отъ генерала Моллендорфа, что Фридрихъ назвалъ моего сына молодымъ человѣкомъ, обѣщающимъ со временемъ отличнаго знатока своего дѣла.

Въ Кенигсбергѣ мы остановились на нѣсколько дней и потомъ, черезъ Мемель, отправились въ Ригу, гдѣ также пробыли недолго, по просьбѣ генерала Броуна. Здѣсь, въ столицѣ Ливоніи, имя моего отца было въ большомъ уваженіи. Онъ нѣкогда поддерживалъ Ливонскихъ дворянъ въ сенатѣ, какъ безпристрастный защитникъ ихъ преимуществъ, когда Русскіе помѣщики потеряли ихъ собственныя. Впрочемъ благоразуміе Екатерины не допустило этого различія между ея подданными, равнаго состоянія: она впослѣдствіи поставила и Русскихъ и Ливонскихъ дворянъ на одну степень.

Оставивъ Ригу, мы только одну ночь провели въ дорогѣ и благополучно возвратились въ Петербургъ.

Здѣсь оканчивается мое путешествіе, совершенное съ самыми скромными средствами и требовавшее всей силы материнской любви. Воспитаніе моего сына было предметомъ всѣхъ моихъ желаній, выше всѣхъ препятствій и жертвъ. Я желала сохранить его нравственныя начала неприкосновенными, спасти его отъ тысячи обольщеній, столь неизбѣжныхъ для молодаго человѣка дома. Вслѣдствіе этого, я рѣшилась увезти его за границу; рѣшившись одинъ разъ оставить Россію, я убѣждена была, что Англійское воспитаніе всего лучше отвѣчало его развитію. Разумѣется, я предвидѣла, что исполненіе моего плана не могло миновать долговъ; но я надѣялась легко раздѣлаться съ ними, съ помощію

небольшихъ лишеній и строгой экономіи, при моей скромной жизни, вдали отъ свѣта.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ убѣжденій, я оставила отечество, и теперь вступаю въ него съ восторгомъ, видя счастливое осуществленіе своихъ задушевныхъ надеждъ....

ГЛАВА XVIII.

Въ Іюлѣ, 1782 года я возвратилась въ Петербургъ; не имѣя здѣсь дома, я поселилась на своей дачѣ, Киріановѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города. Сестра моя, Полянская и ея дочъ немедленно пріѣхали ко мнѣ. Онѣ были единственными родственниками, оставшимися въ живыхъ въ Петербургѣ; отецъ мой жилъ въ Владимирѣ губернаторомъ.

Черезъ два дня, по пріѣздѣ, я узнала, что князь Потемкинъ почти каждый день бывалъ у своей племянницы, графини Скавронской, жившей по сосѣдству со мной; я послала къ нему слугу съ просьбой, чтобы племянникъ его павѣстилъ меня; черезъ него я желала передать его свѣтлости порученіе къ императрицѣ. На другой день, князь Потемкинъ явился самъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ дома; мы были у графа Панина.

Впрочемъ, на другое утро онъ прислалъ своего племянника, генерала Павла Потемкина; я просила его сообщить своему дядѣ, чтобъ онъ выхлопоталъ мнѣ особенное позволеніе представиться съ дѣтьми императрицѣ, въ Царскомъ Селѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ, я поручила ему узнать о результатѣ просьбы, поданной графомъ Румянцевымъ въ военную коллегію относительно опредѣленія моего сына его адъютантомъ и,

наконецъ, хотѣла знать, какой постъ онъ можетъ занять въ арміи.

Черезъ два дня посѣтилъ меня генералъ Потемкинъ и увѣдомилъ, что его дядя доложилъ Екатеринѣ о моемъ пріѣздѣ и, вслѣдствіе приказанія ея, приглашаетъ меня съ дѣтьми обѣдать въ царскомъ селѣ, въ слѣдующее воскресенье; здѣсь же, прибавилъ онъ, вы узнаете подробности касательно производства князя Дашкова.

Но я не могла воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ императрицы, потому что наканунѣ мой сынъ тяжело заболѣлъ лихорадкой и всю ночь провелъ въ бреду. Опасаясь за его жизнь, я забыла о своей собственной болѣзни и всю ночь провела у постели его, не взявъ предосторожности надѣть чулки, хотя чувствовала ревматизмъ въ колѣнкахъ.

На другой день я поспѣшила видѣть генерала Потемкина, на нѣсколько минутъ. Это сдѣлала я изъ уваженія къ императрицѣ, притомъ мнѣ хотѣлось узнать что нибудь о назначеніи своего сына.

По прошествіи четырехъ дней — въ это время я принимала къ себѣ только сестру свою Полянскую — и друга нашего, доктора Роджерсона, мой сынъ былъ внѣ всякой опасности. Тогда я сама начала чувствовать ревматическіе припадки; они скоро прошли, но полное мое выздоровленіе продолжалось долго.

Это зависѣло, какъ я думаю, отъ моего страстнаго желанія увидѣтся съ Екатериной, потому что откладывая день за день, я считала это время совершенно потерянымъ для своего сына. Черезъ доктора Роджерсона, который видѣлъ государыню каждое воскресенье, я извѣстила ее о своей болѣзни, не позволявшей мнѣ сойдти съ постели.

Едва поправившись немного, я не медлила посѣтить царское село : на что материнская любовь неспособна? Съ трудомъ я вошла въ карету, и хотя мы ѣхали тихо и съ частыми раздыхами, за всѣмъ тѣмъ это путешествіе утомило меня.

Наконецъ, я переступила во дворецъ, въ пріемную залу, черезъ которую императрица, обыкновенно, проходила въ церковь. Я рѣшилась подождать здѣсь, но Екатерина вышла ко мнѣ навстрѣчу. Пріемъ былъ самый искренній и благосклонный.

Какъ статсъ-дама, я не задумалась представить свою дочь; а гофъ-мейстеръ провелъ моего сына. Государыня, замѣтивъ мое тревожное состояніе и слабость и, проводя рядомъ комнатъ, иногда сокращала шагъ и останавливалась.

Возвращаясь изъ церкви, я слишкомъ была утомлена, чтобы провожать Екатерину; оставшись позади и пропустивъ ея свиту, я пошла—себѣ спокойно.

Проходя тронной залой, я была встрѣчена княземъ Потемкинымъ, который спросилъ меня, чего я желаю относительно князя Дашкова и какой его чинъ въ арміи. "Государыня, отвѣчала я, уже знаетъ о моихъ желаніяхъ; что же касается до его чина, то я думаю, вашему превосходительству, какъ военному министру, это лучше знать. Вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ, какъ онъ зачисленъ былъ императрицей юнкеромъ въ кирасирскій полкъ; въ то же время дано приказаніе производить его по порядку; о результатѣ этого распоряженія я не знаю; мнѣ тоже неизвѣстно, принята или нѣтъ просьба графа Румянцева объ опредѣленіи моего сына адъютантомъ его."

Князь рѣзко оставилъ меня и мнѣ непріятно было, что онъ тотчасъ же уѣхалъ въ городъ. Вслѣдъ за тѣмъ маршалъ двора извѣстилъ, что императрица проситъ меня съ дѣтьми остаться обѣдать у нея.

Со временъ Петра I нашъ придворной этикетъ былъ устроенъ на нѣмецкій ладъ, предоставивъ военному сословію извѣстныя преимущества и совершенно отдѣливъ его отъ другихъ состояній. Зная, что юнкеръ не имѣетъ чести сидѣть за однимъ столомъ съ царицей, я изумилась такому приглашенію,

Желая отдохнуть, я сѣла, въ ожиданіи обѣда, въ комнатѣ,

смѣжной съ той, гдѣ императрица, обыкновенно, играла въ шахматы.

Когда былъ поданъ обѣдъ, Екатерина, проходя черезъ комнату, обратилась ко мнѣ и громко сказала, такъ чтобъ слышала вся ея свита : " Я нарочно хотѣла оставить вашего сына юнкеромъ еще на одинъ день, и въ этомъ качествѣ пригласила его обѣдать съ собой, за тѣмъ, чтобъ показать мое отличное вниманіе, съ которымъ я ставлю вашихъ дѣтей выше всѣхъ другихъ."

Этотъ комплиментъ имѣлъ свое дѣйствіе ; онъ былъ выраженъ неподражаемо - деликатно и такъ ловко поправилъ забытое обѣщаніе.

За обѣдомъ, Екатерина посадила меня около себя и говорила исключительно со мной. Хотя я была хорошо настроена и чувствовала себя недурно, но не могла ничего ѣсть, что не миновало замѣчанія государыни. Она сказала, что мнѣ необходимо немного отдохнуть, и что комнаты уже приготовлены для меня. Я очень была рада встрѣтить такое милое вниманіе, и собралась съ силами сопутствовать императрицѣ во время вечерней ея прогулки ; она опять примѣнялась къ моей слабой походкѣ, сознала меня и при каждомъ поворотѣ давала отдохнуть. По окончаніи прогулки, я сѣла въ карету и отправилась въ Петербургъ, боясь быть вдали отъ дома въ своемъ настоящемъ положеніи.

На другой день я получила отъ Екатерины копію съ указа, по которому мой сынъ произведенъ капитаномъ Семеновскаго гвардейскаго полка, что давало ему чинъ лейтенантъ-полковника. Я была необычайно рада ;—Дашковъ еще больше. Спокойствіе духа и прекрасная лѣтняя погода поправили мое здоровье скорѣе, чѣмъ я надѣялась.

Когда дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, на этотъ разъ раньше обыкновеннаго, я явилась поблагодарить Екатерину за производство сына. Императрица приняла меня также благосклонно, какъ въ царскомъ селѣ ; на слѣдующій вечеръ, она пригласила въ Эрмитажный театръ—честь, доступная

немногимъ, потому что онъ былъ очень тѣсенъ и отдѣлка его еще не окончена.

На слѣдующій день я повезла своихъ дѣтей на обѣдъ къ первому министру, графу Панину, котораго дача была недалеко отъ насъ. Во время самого обѣда явился офиперъ и подалъ мнѣ письмо отъ князя Потемкина, написанное по приказанію императрицы; въ этомъ письмѣ Екатерина предложила мнѣ назначить, по собственному моему выбору, имѣніе, за исключеніемъ поземельной казенной собственности, которая, по силѣ новаго распоряженія, признавалась не отчуждаемой.

Я искренно благодарила императрицу за ея доброе желаніе, но въ то же время отвергнула всякій выборъ съ своей стороны, предоставивъ ей самой назначить, что вполнѣ удовлетворитъ меня.

Черезъ два дня, я получила другое письмо отъ князя; онъ увѣдомилъ меня, что ограниченія относительно пріобрѣтенія коронныхъ земель не простираются на Бѣлоруссію; напротивъ, государыня желала бы отдать ихъ подъ управленіе Русскихъ дворянъ; если такое пріобрѣтеніе согласуется съ моими желаніями, то я могу выбрать себѣ свободные участки, болѣе плодородные, чѣмъ въ самой Россіи.

Отвѣчая на письмо, я возразила такъ: "Если наслѣдственные владѣтели принимаютъ отвѣтственность передъ правительствомъ въ употребленіи такихъ правъ, перешедшихъ къ нимъ отъ предковъ, то собственники крестьянъ и земель, творимые по одной милости государя, еще строже должны отвѣчать за свои обязанности. Мои распоряженія въ управленіи имѣніемъ дѣтей именно основывались на этомъ убѣжденіи; къ счастію, польза ихъ доказывается возрастающей промышленностью, благосостояніемъ и счастіемъ крестьянъ, подвластныхъ мнѣ; но могу-ли льстить себя надеждой на тотъ же успѣхъ въ управленіи полупольскаго и полуеврейскаго народонаселенія, не знакомая ни съ ихъ образомъ жизни, ни съ языкомъ; и заботясь объ улучшеніи

ихъ, я не найду и половины удовольствія въ такомъ владѣніи."

Мы обмѣнялись нѣсколькими письмами по этому предмету; въ заключеніе я объявила, что все, что императрица ни признаетъ моей собственностью, я принимаю ее, какъ неожиданный и незаслуженный даръ.

Черезъ два дня я получила письмо отъ перваго секретаря, графа Безбородко, съ приложеніемъ копіи съ указа, по которому мнѣ жаловалось помѣстье Круглово, съ двумя тысячами пятью стами мужиковъ. Это имѣніе прежде принадлежало гетману Огинскому, и въ его рукахъ было очень обширнымъ, занимавшимъ много земли, на обоихъ берегахъ рѣки Друтцы, но при первомъ раздѣлѣ Польши, когда эта рѣка положена была границей Бѣлоруссіи, многіе лѣса и деревни, самая лучшая часть имѣнія, осталась на Польской территоріи.

Кажется, императрица не знала объ этомъ раздробленіи земли и была увѣрена, что все Круглово принадлежитъ мнѣ и что подарокъ ея равняется тѣмъ имѣніямъ, которыя она раздавала своимъ первымъ министрамъ. Это, между прочимъ, было замѣтно изъ ея словъ, когда я пріѣхала поблагодарить ее. "Я очень счастлива, сказала она, что такое обширное имѣніе перешло въ ваши руки; Огинскій, какъ неблагодарный владѣтель, не заслуживалъ его."

Этотъ Огинскій былъ долго врагомъ Россіи, иногда открытымъ и наконецъ, многимъ обязанный Екатеринѣ, отказался дать присягу на владѣніе своихъ земель въ Бѣлоруссіи, покоренной императрицей. Я часто вспоминала о замѣчаніи ея; на слѣдующій годъ посѣтивъ свое помѣстье, я увѣрилась окончательно, что Екатерина не имѣла никакого понятія о состояніи его; къ крайнему своему удивленію, я нашла крестьянъ лѣнивыми, грязными и преданными отчаянному пьянству, такъ что они едва походили на людей.

Въ имѣніи не было достаточно лѣсу даже для обыкновеннаго отопленія; чтобъ выкурить немного водки, необходимо было обращаться въ сосѣднія владѣнія; здѣсь не было ни одного парома для перевозки необходимыхъ вещей, и на

десять человѣкъ приходилась одна корова, на пять крестьянъ одна лошадь. Кромѣ того, народонаселеніе, со включеніемъ всѣхъ грудныхъ дѣтей, было сто шестидесятью семью душами меньше двухъ тысячь пяти сотъ: ясное доказательство воровства и небрежности чиновниковъ, которые ради личныхъ выгодъ готовы скрыть или покровительствовать всякому злоупотребленію, небезполезному для ихъ кармана. Поэтому-то государственные крестьяне находятся гораздо въ худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ прочія сословія въ Россіи.

Относительно недостатка въ числѣ крѣпостныхъ, утвержденныхъ за мной указомъ, я могла бы жаловаться сенату, и онъ вознаградилъ бы меня, ни сколько не безпокоя императрицу, но я разсудила умолчать. Впродолженіе первыхъ двухъ лѣтъ, я употребила весь капиталъ, какимъ только могла располагать, на улучшеніе своего новаго помѣстья.

Но возвращаюсь къ своему прерванному разсказу. Маршалъ двора сообщилъ мнѣ, что я могу посѣщать домашніе концерты Екатерины, на которыхъ никто даже статсъ-дамы, не могли присутствовать безъ особеннаго разрѣшенія государыни. Я упоминаю объ этомъ, какъ объ особенномъ расположеніи ко мнѣ Екатерины въ ту пору, на самомъ дѣлѣ ничтожномъ, но стоившемъ мнѣ нѣсколькихъ враговъ и возбудившемъ противъ меня придворную зависть, хотя состояніе мое далеко было незавидное.

Въ первый же вечеръ я отправилась на эти концерты; едва вошла въ комнату, какъ императрица обратилась ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: "почему же, княгиня, вы одни?" Я не совсѣмъ поняла ее; но она тотчасъ же прибавила: "почему вы безъ дѣтей; мнѣ очень жалко, что вы за отсутствіемъ ихъ будете здѣсь не въ своей тарелкѣ."

Понявъ смыслъ этого замѣчанія, я сердечно поблагодарила ее за вниманіе.

У меня не было въ Петербургѣ дома; чтобъ избѣжать лишнихъ расходовъ на наемъ квартиры и сберечь что нибудь для своего сына, я продолжала жить на дачѣ до глубокой

осени. Однажды императрица спросила, неужели я живу до сихъ поръ за городомъ? Я отвѣчала утвердительно; она замѣтила, что жить въ такую позднюю осень и притомъ въ холодномъ домѣ, недавно затопленномъ водой, очень опасно для моего здоровья: "потому что, прибавила она, ваша дача —чистое болото, очень способное для развитія ревматизма; поэтому я очень желала бы купить домъ герцогини Курляндской, какъ весьма удобное для васъ помѣщеніе, еслибъ только я не была убѣждена, что вашъ собственный выборъ будетъ лучше моего. Потрудитесь, пожалуйста, заглянуть; если онъ понравится вамъ, я дарю его въ вашу собственность."

Увѣривъ императрицу въ своей глубокой признательности за ея доброту, я обѣщала на слѣдующей недѣлѣ посмотрѣть нѣкоторые домы, не говоря объ имени покупателя. Во-первыхъ, я осмотрѣла домъ, указанный Екатериной; онъ стоялъ на одной изъ лучшихъ улицъ, обширный и превосходно отдѣланный; цѣна его была пятьдесять восемъ тысячь рублей. Потомъ я видѣла домъ на Мойкѣ, принадлежавшій Нелединской и очень прилично обставленный; за него просили восемнадцать тысячь рублей. Дальше я не справлялась, остановившись на послѣднемъ; я сказала Нелединской, что впродолженіе недѣли будетъ рѣшено, куплю ли я этотъ домъ или нѣтъ, попросивъ ее составить смету мебели, которая должна остаться при этомъ домѣ. На всѣ мои требованія она согласилась; но въ концѣ недѣли, когда я явилась заключить купчую, къ крайнему моему удивленію, Нелединская уже выѣхала изъ дома и вывезла большую часть мебели. Оставленный здѣсь слуга сообщилъ мнѣ, что никакой смѣты не было сдѣлано.

Хотя я была разсержена такимъ обманомъ, и вовсе не считала эту женщину способной на такой поступокъ, но услышавъ отъ князя Голицына, что онъ самъ видѣлъ изъ окна, какъ переносилась мебель въ другой, нанятый ею домъ, я рѣшилась поступить такъ, чтобъ не давать повода сплетничать въ городѣ насчетъ своей простоты или плутовства

Нелединской. Я послала сказать ей, что такъ какъ она не сдержала своего обѣщанія, то и я освобождаю себя отъ всякого обязательства; въ вознагражденіе же за ея переѣздъ и наемъ квартиры, я беру ея домъ на годъ—за четыре тысячи рублей, съ платой самой выгодной для нея.

Это предложеніе имѣло и другой разсчетъ, который я задумала осуществить при дворѣ черезъ князя Потемкина; именно, вмѣсто дома, мнѣ хотѣлось выхлопотать у императрицы опредѣленіе дочери Полянской фрейлиной, что было близко къ моему сердцу и составляло одно изъ пламенныхъ желаній моей сестры.

Въ слѣдующее свиданіе съ Екатериной, она спросила меня, нашла ли я домъ по своему вкусу? "Я пока наняла себѣ квартиру," отвѣчала я. "Но почему же вы не купили, возразила государыня? "Да потому, сказала я, улыбаясь, что покупка дома такое же серьезное дѣло, какъ выборъ мужа; надо долго разсуждать прежде, чѣмъ рѣшиться."

Такимъ образомъ покупка дома была на время отложена, чему я была рада, хотя другіе удивлялись, зная, что императрица уполномочила меня въ этомъ отношеніи самымъ свободнымъ выборомъ. Каждый преслѣдовалъ меня распросами и совѣтами. Одинъ изъ друзей серьезно увѣрялъ, что я прослыву дурой при дворѣ, подобно тому какъ уже одурачила меня Нелединская. "Кто же знаетъ, сказалъ онъ, ваши побужденія, и кто пойметъ ихъ!"

Мой отвѣтъ на всѣ эти замѣчанія, въ которыхъ иногда проглядывало болѣе иронiи, чѣмъ дружбы, походилъ на отвѣтъ одного глупаго Нѣмецкаго барона, нѣкогда мнѣ знакомаго; онъ мучилъ каждаго, подходившаго къ нему, говоромъ на Французскомъ языкѣ, въ которомъ онъ чуть-чуть смыслилъ, и когда ему замѣтили, что онъ говоритъ непонятно. "Чтожъ мнѣ до этого за дѣло, отвѣчалъ онъ, если я понимаю самъ себя."

ГЛАВА XIX.

Поселившись въ нанятомъ домѣ, я скоро убѣдилась, что покупать его не было никакой выгоды. Дѣла мои шли очень тихо; я была совершенно довольна своимъ домашнимъ обиходомъ и два раза въ недѣлю являлась ко двору.

Однажды вечеромъ мы собрались въ кружокъ, въ ожиданіи прихода императрицы; разговоривая, межъ собой, мы мимоходомъ коснулись вопроса о предназначеніи человѣческой жизни; кто-то замѣтилъ, что счастіе служитъ удѣломъ однихъ; другіе, напротивъ, повидимому рождены для постоянной борьбы съ препятствіями и неудачами. Я подтвердила истину этого замѣчанія, въ которомъ убѣждали меня многіе случаи. "Я по собственному опыту, сказала я, знакома съ геніемъ зла, преслѣдующаго свои жертвы, повсюду, на сушѣ и на водѣ; чтобъ дополнить мѣру моихъ несчастій, остается только сгорѣть моему дому."

Странное предчувствіе: въ тотъ же самый вечеръ, когда я возвратилась домой, получила письмо изъ Москвы, отъ своего управляющаго въ селѣ Троицкомъ; онъ извѣщалъ меня, что работники, окончивъ постройку моего дома, по неосторожности забыли въ одной комнатѣ горящія дрова; отъ нихъ перешло пламя къ строевому лѣсу и произошелъ пожаръ, обратившій все зданіе въ кучу пепла.

Относительно моей племянницы Полянской, князь Потемкинъ обѣщалъ исполнить просьбу. Въ то же время, онъ совѣтовалъ мнѣ не откладывать дальше покупку дома; иначе императрица, замѣтилъ онъ, можетъ подумать, что я отказываюсь отъ ея предложенія подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ не оставаться въ Петербургѣ. Поэтому я отправилась посмотрѣть домъ недавно умершаго, придворнаго банкира Фредрихса, и заключила купчую съ его вдовой, за тридцать тысячь рублей.

Когда я доложила о томъ императрицѣ, она замѣтила,— что давно уже приказано ея кабинету заплатить за домъ, чего бы онъ ни стоилъ. И надобно отдать ей въ этомъ случаѣ справедливость: узнавъ, что я далеко не сполна воспользовалась ея щедростью, она немедленно спросила, отчего же я предпочла такой дешевый домъ дворцу герцогини Курляндской, который Екатерина сама назначила и рекомендовала мнѣ.

Опасаясь, чтобъ деликатность моя не была принята за жеманность, я отвѣчала, что купленный мной домъ я выбрала на Англійской набережной, гдѣ я родилась; и такъ какъ одна государыня можетъ дать цѣну моему существованію, то я хотѣла соединить идею о милости ея съ самымъ мѣстомъ моего рожденія: это было главнымъ побужденіемъ моего выбора.

Въ настоящемъ случаѣ, я очень глупо распорядилась съ своимъ безкорыстіемъ; купленный мной домъ былъ вовсе не омеблированъ, и хотя я сократила расходы государыни почти на половину; за всѣмъ тѣмъ, не сказавъ ни слова, я принуждена была на собственный счетъ купить мебель; какъ она ни была проста и экономична, но мнѣ пришлось занять три тысячи рублей. Впрочемъ, я дала себѣ слово (къ сожаленію, не сдержала этого слова) въ послѣдній разъ дѣйствовать такимъ простакомъ, и слушаться больше разсудка, чѣмъ языка.

Любовникъ Ланской былъ холодно-вѣжливъ въ отношеніи ко мнѣ; можетъ быть потому, что я съ своей стороны не

вызывала его на особенное расположеніе; впрочемъ, онъ оказывалъ мнѣ обыкновенное вниманіе, очевидно подъ вліяніемъ внушеній самой императрицы. Когда графъ Андрей Шуваловъ возвратился въ Петербургъ, онъ немедленно сдѣлался нахлѣбникомъ молодаго любимца и не упускалъ ни одного случая излить на меня желчь своей злости.

Со стороны князя Потемкина я всегда пользовалась добротой и уваженіемъ. Вскорѣ послѣ устройства моего дома, онъ извѣстилъ меня, что императрица, услышавшая о моихъ долгахъ, желаетъ не только освободить меня отъ нихъ, но предупредить мои нужды и на будущее время; она хотѣла бы вновь выстроить и убрать мой Московскій домъ.

Я убѣдительно просила Потемкина отклонить намѣреніе Екатерины, и лучше вспомнить о моемъ желаніи относительно моей племянницы Полянской; мнѣ совѣстно смотрѣть на нее, прибавила я, послѣ 1762 года, измѣнившаго ея судьбу подъ моимъ вліяніемъ: и этого тягостнаго чувства не искупятъ всѣ сокровища импетатрицы.

До 24 Ноября это дѣло оставалось нерѣшеннымъ; въ этотъ день Екатерина была имяннинница. Послѣ придворнаго бала, даннаго по этому случаю, я, противъ обыкновенія, провела остатокъ вечера внѣ комнатъ самой государыни; увидѣвъ адъютанта князя Потемкина, я попросила его сходить и сказать своему генералу, что я не выйду изъ дворца до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ своего обѣщанія, не пришлетъ мнѣ копію съ указа, который включитъ племянницу мою въ число фрейлинъ.

Остававшіеся со мной въ одной комнатѣ были очень удивлены, что я, послѣ общаго разъѣзда, не трогалась съ мѣста; они догадывались о причинѣ и результатѣ моихъ ожиданій, и я выиграла дѣло, столь близское моему сердцу, хотя потеряла обѣщанную уплату долговъ и постройку дома въ Москвѣ: при этомъ я еще разъ могу назвать себя дурой.

Спустя добрый часъ, тотъ же адъютантъ возвратился съ копіей въ рукѣ и прочиталъ мнѣ приказаніе возвести моло-

дую Полянскую въ достоинство фрейлины Я побѣжала съ этой новостью къ сестрѣ, которая ужинала въ этотъ вечеръ у графа Воронцова; она была въ полномъ восторгѣ отъ новаго назначенія, дававшаго ея дочери положеніе и вѣсъ въ свѣтѣ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ былъ данъ новый придворный пиръ, не помню, по какому обстоятельству; императрица, обходя общество, перемолвила нѣсколько словъ съ нѣкоторыми статсъ-дамами и иностранными министрами, потомъ обратившись ко мнѣ, сказала, "У меня есть до васъ княгиня, особенное дѣло; но теперь, я вижу, не льзя говорить о немъ." За тѣмъ она оставила меня и снова заговорила съ посланниками на другой сторонѣ залы; потомъ вдругъ, остановившись въ небольшомъ кругу, соединившимся среди комнаты, она подала мнѣ знакъ подойти къ ней. Я приблизилась, и если бъ упала прямо съ облаковъ, я менѣе удивилась бы, чѣмъ въ ту минуту, когда императрица предложила мнѣ мѣсто директора академіи искусствъ и наукъ.

Мое безмолвіе (я не могла на первый разъ ничего сказать) заставило Екатерину повторить свое предложеніе, сопровождаемое тысячью самыхъ лестныхъ выраженій.

"Нѣтъ, государыня, сказала я наконецъ, не по моимъ силамъ эта обязанность; если вы шутите, то я могла бы еще принять ради насмѣшки надъ собой это мѣсто, но никогда не соглашусь унижать ваше личное достоинство и умѣнье избирать людей, вступая въ такую должность, для которой я вовсе не способна."

Императрица желая убѣдить меня, приняла мой отказъ за выраженіе не совсѣмъ искренней привязанности, къ ней. Я думаю, каждый, кто подходилъ къ Екатеринѣ, чувствовалъ вліяніе неотразимаго ея краснорѣчія и ловкости, когда она хотѣла овладѣть волей и умомъ извѣстнаго лица.

Со мной ей не было надобности употреблять этихъ средствъ; вслѣдствіе моей непоколебимой преданности, я всегда готова была повиноваться Екатеринѣ, лишь бы она не требовала отъ

меня обязанностей выше моего собственнаго долга. Въ настоящемъ случаѣ, она напрасно расточала свое искусство. "Назначьте меня, отвѣчала я, директоромъ вашихъ прачекъ, и вы увидите, какъ ревностно я отслужу вамъ свою службу."

"Ну вотъ вы начали сами шутить, возразила императрица, обрекая себя на такое смѣшное дѣло."

"Вы, государыня, сказала я, хорошо знаете мой характеръ, и за всѣмъ тѣмъ вы недостаточно взвѣсили цѣну такого предложенія. По моему мнѣнію, человѣкъ даетъ достоинство своему мѣсту, и если бъ я была поставлена въ головѣ вашихъ прачекъ, я смотрѣла бы на свое назначеніе какъ на самое завидное и почетное изъ придворныхъ мѣстъ. Положимъ, что я не занималась мытьемъ бѣлья; но ошибки, какъ слѣдствіе моего невѣжества въ этомъ дѣлѣ, нисколько не повредили бы вамъ; напротивъ, директоръ академіи наукъ не можетъ сдѣлать ни одного ложнаго шага, который бы ни былъ вреденъ самъ по себѣ, и не подрывалъ довѣрія къ государынѣ, опредѣлившей его."

Императрица, не смотря на мои возраженія, настаивала, напомнивъ мнѣ о моихъ предшественникахъ, занимавшихъ это мѣсто съ меньшими способностями, чѣмъ мои.

"Тѣмъ хуже, сказала я, для тѣхъ, которые такъ мало уважали себя, принимая обязанность выше своихъ силъ."

Взоръ всего собранія обратился къ намъ.

"Хорошо, хорошо, сказала Екатерина, оставимъ вопросъ, какъ онъ есть; что же касается до вашего отказа, онъ тѣмъ больше убѣждаетъ меня въ томъ, что лучшаго выбора я не могу сдѣлать."

Этотъ разговоръ бросилъ меня почти въ лихорадку; и на лицѣ, вѣроятно, отразилось сильное душевное волненіе, потому что окружавшая насъ толпа, съ безконечнымъ самодовольствіемъ, какъ я замѣтила, подумала, что между нами произошло что нибудь очень непріятное.

Старая графиня Матюшкина, рѣдко умѣвшая сдержать свое любопытство, очень желала допытаться, о чемъ шелъ

такой одушевленный разговоръ съ Екатериной. "Вы видите, сказала я, мое необыкновенное волненіе, и впрочемъ виной его единственная доброта и расположеніе ко мнѣ государыни."

Я пламенно желала поскорѣй уѣхать съ бала и, прежде чѣмъ лечь въ постель, написать императрицѣ и еще сильнѣй выразить причины моего отказа. Возвратившись домой, я тотчасъ же принялась за письмо, которое, и болѣе хладнокровнаго монарха, чѣмъ Екатерина, могло бы оскорбить. Я сказала ей прямо, что частная жизнь государыни можетъ пройдти незамѣченной передъ судомъ исторіи, но вредная и безразсудная раздача общественныхъ должностей никогда не пройдетъ, что, по самой природѣ, какъ женщина, я не могу руководить академіей наукъ; по недостатку своего образованія, я никогда не искала ученыхъ отличій, хотя въ Римѣ представлялся мнѣ случай купить его за нѣсколько дукатовъ. Было около полуночи, когда я окончила свое письмо; послать его императрицѣ было поздно; но волнуемая нетерпѣніемъ, какъ можно скорѣй,— отвязаться отъ этого нелѣпаго предложенія, я отправилась въ домъ князя Потемкина, у котораго никогда въ жизни не была, и приказала доложить ему о себѣ; если онъ въ постелѣ, разбудить его.

Дѣйствительно, онъ уже спалъ. Я разсказала ему, что было въ этотъ вечеръ между мной и императрицей.

"Я ужъ слышалъ объ этомъ отъ государыни, сказалъ онъ, и хорошо знаю ея послѣднія намѣренія. Она непремѣнно желаетъ поручить академію наукъ вашей дирекціи."

"Но вѣдь это не возможно, возразила я; какимъ образомъ я могу принять эту обязанность, не унизивъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ? Вотъ мое письмо къ императрицѣ, въ которомъ я отказываюсь; прочитайте его, князь, и потомъ я запечатаю и вручу его вамъ; вы передадите его Екатеринѣ утромъ, какъ только она проснется."

Князь Потемкинъ, пробѣжавъ, разорвалъ его въ клочки. Изумленная и разсерженная, я спросила, какъ онъ смѣлъ разорвать мое письмо, написанное императрицѣ.

"Успокойтесь, княгиня, сказалъ онъ, и послушайте меня. Вы искренно преданы государынѣ, въ этомъ никто не сомнѣвается; зачѣмъ же вы хотите безпокоить и огорчать ее предметомъ, который въ эти послѣдніе два дня исключительно занималъ ея мысль, и на которомъ она твердо рѣшилась? Если вы, дѣйствительно, неумолимы, вотъ перо, чернило и бумага,—напишите новое письмо, но, поверьте мнѣ, что я совѣтую вамъ, какъ человѣкъ, преданный вашимъ интересамъ. Кромѣ того, я долженъ прибавить, что императрица, опредѣляя васъ на это мѣсто, имѣетъ въ виду удержать васъ въ Петербургѣ и за тѣмъ имѣть случай чаще видѣться съ вами; говоря правду, вѣдь она утомлена этимъ сборищемъ дураковъ, которые ее вѣчно окружали."

Мой гнѣвъ, очень рѣдко продолжительный, почти прошелъ. Я согласилась написать болѣе умѣренное письмо, которое я хотѣла послать съ своимъ слугой, чтобъ передать его государынѣ черезъ одного изъ ея придворныхъ лакеевъ, какъ только она встанетъ поутру; въ заключеніе я умоляла князя употребить все свое вліяніе, чтобъ разубѣдить императрицу въ такомъ безпримѣрномъ и странномъ назначеніи.

Пріѣхавъ домой, я сѣла за другое письмо и, не смотря на раздраженное состояніе, кончила его въ томъ же платьѣ, которое надѣла съ утра для придворнаго бала. Въ семъ часовъ письмо было отправлено, и я получила на него отвѣтъ;* замѣтивъ о моемъ раннемъ пробужденіи, императрица насказала мнѣ очень много лестныхъ и обязательныхъ фразъ, но ни одного слова объ отказѣ, который она, очевидно, сочла не стоющимъ никакого замѣчанія.

* См. Переписку Екатерины. Это письмо начинается слѣдующими словами: "Вы раньше меня встаете, прекрасная княгиня"....

Къ вечеру того же дня, я получила письмо отъ графа Безбородко и съ тѣмъ вмѣстѣ копію съ указа, уже переданнаго сенату и опредѣлившаго меня директоромъ академіи наукъ; въ силу того же указа была уничтожена прежняя коммиссія, съ общаго согласія всѣхъ профессоровъ, недовольныхъ дурнымъ управленіемъ послѣдняго директора Домашнева.

Окончательно сбитая съ толку, я приказала запереть дверь и никого не принимать; сама начала расхаживать по комнатамъ, обсуживая всѣ трудности вновь возложенной на меня обязанности; между другими послѣдствіями, по всей вѣроятности, она должна породить многія недоразумѣнія между мной и императрицей. Въ письмѣ Безбородко заключались слѣдующія строчки: "Ея величество приказала мнѣ извѣстить васъ, что вы можете свободно являться, утромъ или вечеромъ для совѣщаній съ государыней о дѣлахъ вашего управленія; она всегда готова отстранить всякое затрудненіе, могущее случиться на пути вашей дѣятельности."

Такимъ образомъ я очутилась въ положеніи вьючнаго животнаго, запряженнаго въ непривычное ярмо, безъ всякого опредѣленнаго руководительства моихъ трудовъ, даже безъ коммиссіи, которая, на первый разъ, могла быть полезна, сообщивъ мнѣ первоначальный толчекъ.

Первымъ моимъ дѣломъ, послѣ этого назначенія, была отсылка копіи съ указа въ академію; я хотѣла, чтобъ коммиссія еще два дня засѣдала, чтобъ немедленно довела до моего свѣденія отчетъ о различныхъ отрасляхъ академической дѣятельности, о состояніи типографіи, вмѣстѣ съ именаии библіотекарей и смотрителей разныхъ кабинетовъ, чтобъ начальники каждаго отдѣленія представили мнѣ на другой день рапортъ о своихъ должностяхъ и о всемъ, что подлежитъ ихъ управленію. Въ то же время я просила коммиссію сообщить мнѣ все, что она признаетъ болѣе важнымъ относительно обязанностей директора; прежде чѣмъ я намѣрена

была приступить къ своей должности, мнѣ необходимо было составить хоть общее понятіе о ней; въ заключеніе, я увѣрила почтенныхъ членовъ академіи въ полномъ моемъ уваженіи къ ихъ ученому обществу, столь отличному по своимъ заслугамъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, я думала съ самого начала избѣжать всякого повода къ взаимному неудовольствію и зависти ученыхъ академиковъ.

На другое утро я присутствовала за туалетомъ императрицы, когда, обыкновенно, собирались секретари ея и начальники различныхъ управленій для выслушанія приказаній. Съ удивленіемъ я увидѣла между ними Домашнева; онъ предложилъ мнѣ свои услуги, желая познакомить меня съ дѣлами моей новой обязанности. Меня изумила дерзость этого человѣка; за всѣмъ тѣмъ я вѣжливо отвѣчала ему, что главнымъ моимъ правиломъ будетъ сбереженіе интересовъ и довѣрія академіи и, чтобъ дѣйствовать безпристрастно, я должна въ наградахъ и отличіяхъ ея руководиться единственно одними истинными заслугами; что же касается всего другого, замѣтила я, моя неопытность заставляетъ меня обратится за совѣтами къ самой государынѣ, которая такъ великодушно обѣщала помочь мнѣ.

Въ ту самую минуту, когда я говорила съ Домашневымъ, императрица полурастворила дверь; но, замѣтивъ насъ, тотчасъ же захлопнула ее и позвонила въ колокольчикъ своему дежурнему слугѣ: онъ пригласилъ меня въ кабинетъ Екатерины.

"Очень рада васъ видѣть, княгиня, сказала императрица; но скажите, пожалуйста, о чемъ говорилъ вамъ это животное —Домашневъ?"

"Онъ давалъ мнѣ, отвѣчала я, нѣкоторыя наставленія по академіи; хотя безкорыстіе мое, въ кругу новой дѣятельности, кажется, не имѣетъ надобности въ его урокахъ; но относительно ученыхъ достоинствъ едва ли я не проиграю въ сравненіи съ его опытностью. Не знаю, государыня,

благодарить ли васъ за такое лестное мнѣніе обо мнѣ, или напротивъ, жалѣть за такое неслыханное и странное назначеніе женщины директоромъ ученаго общества."

Императрица увѣряла, что она не толко вполнѣ довольна своимъ выборомъ, но гордится имъ.

"Да все это очень лестно, мадамъ, сказала я; но трудъ—руководить слѣпую волю—скоро наскучитъ вамъ."

"Перестаньте, пожалуйста, возразила она, смотрѣть на это дѣло съ такой смѣшной точки зрѣнія, и не говорите мнѣ больше объ этомъ."

Оставивъ царскій кабинетъ, я встрѣтилась съ придворнымъ маршаломъ, которому императрица приказала позвать меня за домашній ея обѣдъ. Съ этого дня меня просили всегда являться безъ церемоніи; разумѣется, при всей неограниченной свободѣ, я больше сообразовалась съ своими наклонностями и приличіемъ, чѣмъ съ добрымъ желаніемъ государыни.

Послѣ того начались поздравленія съ царской милостью и вниманіемъ; нѣкоторые, впрочемъ, изъ моихъ знакомыхъ знавшіе, что я вовсе не радовалась такому непредвидѣнному отличію, удержались отъ комплиментовъ, которые еще больше ставили меня въ замѣшательсто. Общее же впечатлѣніе этого назначенія возбудило зависть; потому что такой почетный постъ считали вовсе не свойственнымъ лицу, отнюдь неприготовленному для дворцовой политики.

На третій день, послѣ опредѣленія моего, въ воскресенье посѣтили меня профессоры, инспекторы и другіе чиновники академіи. Я обѣщала явиться на слѣдующій день въ академію и предупредила ихъ что во всѣхъ случаяхъ, когда бы они ни захотѣли переговорить со мной о дѣлахъ, дверь моего дома всегда радушно отворена имъ.

Весь этотъ вечеръ я провела въ занятіяхъ, перечитавъ нѣкоторые изъ представленныхъ рапортовъ, съ величайшимъ желаніемъ выбраться на свѣтъ среди сплетеній этого непроходимаго лабиринта; я напередъ знала, что всякій мой шагъ

будетъ предметомъ критики, которая не проститъ мнѣ ни одной, самой ничтожной ошибки.

Я также озаботилась познакомиться съ именами лучшихъ членовъ академіи и, на другое утро, прежде чѣмъ явилась въ нее, заѣхала къ знаменитому Эйлеру; онъ зналъ меня уже давно, и всегда былъ добръ и почтителенъ ко мнѣ. Недовольный поведеніемъ Домашнева, онъ удалился изъ Академіи и посѣщалъ ее только для того, чтобъ, единодушно съ другими академиками противурѣчить гибельнымъ распоряженіямъ директора, о чемъ не одинъ разъ доходили письменныя жалобы до Екатерины.

Этотъ ученый, нѣтъ сомнѣнія, былъ одинъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка. Кромѣ того, онъ былъ хорошо образованъ по каждой отрасли наукъ; его умственныя силы и неутомимая дѣятельность были такъ велики, что онъ, даже послѣ потери зрѣнія, не оставилъ своихъ обычныхъ трудовъ; съ помощію Фусса, мужа своей внучки, читавшаго ему и писавшаго подъ его диктовку, онъ подготовилъ множество матеріаловъ, которые долго обогощали академическія изданія даже послѣ смерти его.

Я попросила Эйлера проводить меня въ академію, чтобъ, подъ его руководствомъ представиться въ первый разъ въ головѣ ученаго собранія, обѣщавъ никогда не безпокоить его подобной просьбой въ обыкновенныхъ случаяхъ. Знаменитый математикъ кажется охотно принялъ мое предложеніе и, въ сопровожденіи своего сына, непремѣннаго секретаря и внука, руководившаго славнаго слѣпца, въ моей каретѣ отправился въ академію.

Какъ только я вошла въ сборную залу, обратившись къ обществу профессоровъ и членовъ, извинилась въ своемъ ученомъ невѣжествѣ, но засвидѣтельствовала высокое уваженіе къ наукѣ; присутствіе Эйлера, замѣтила я, показавшаго мнѣ путь въ академію, надѣюсь, можетъ служить торжественнымъ ручательствомъ моихъ словъ.

Послѣ этой коротенькой рѣчи, я сѣла въ кресло, замѣтивъ,

что Штелинъ, такъ называемый профессоръ аллегоріи, помѣстился около меня. Этотъ господинъ, котораго ученыя притязанія, можетъ быть, не превышали его назначенія, получилъ это необыкновенное званіе въ царствованіе Петра III, и съ тѣмъ вмѣстѣ чинъ статскаго совѣтника, который равнялся генералъ-маіору и, по мнѣнію его, давалъ ему неоспоримое первенство между прочими членами академіи. Обернувшись къ Эйлеру, я сказала: "садитесь, милостивый государь, гдѣ хотите; на какомъ бы стулѣ вы ни сѣли, онъ всегда будетъ первый."

Эта импровизованная дань уваженія его талантамъ, произвела всеобщій восторгъ и одобрѣніе. Не было ни одного профессора (за исключеніемъ аллегорическаго), который бы ни сочувствовалъ моему отзыву и съ слезами на глазахъ не признавалъ заслугъ и первенства этого почтеннаго характера.

Изъ академической залы, я прошла въ канцелярію, гдѣ былъ поданъ мнѣ списокъ всѣхъ экономическихъ предметовъ заведенія. Чиновники были на своихъ мѣстахъ. Я замѣтила имъ, что за стѣнами академіи носится слухъ о великихъ безпорядкахъ послѣдняго директора, который, будто, не только разорилъ академическую казну, но и ввелъ ее въ долги.

"Поэтому, сказала, я, давайте общими силами уничтожать злоупотребленія; и такъ какъ нѣтъ надобности приводить въ упадокъ какую бы то ни было отрасль академіи, чтобъ поправить ея общее состояніе, то употребимъ всѣ данныя намъ средства помочь ей изъ собственныхъ же ея источниковъ. Съ этой цѣлью, я не хочу обогощать себя на ея счетъ и отнюдъ не позволю своимъ подчиненнымъ разорять ее взятками; и если я увижу, что ваше поведеніе совершенно отвѣчаетъ моему желанію, я не замедлю наградить ревностнаго и достойнаго повышеніемъ въ чинъ или прибавкой жалованья."

Академія сначала каждогодно издавала коментаріи въ двухъ томахъ in quarto; потомъ они сократились въ одинъ

томъ, и наконецъ вовсе были прекращены, за недостаткомъ печатнаго шрифта. Типографію я нашла въ ужасномъ безпорядкѣ и среди совершенной бездѣятельности. Первой моей заботой было—возстановить ее и обзавестись необходимыми шрифтами; вскорѣ послѣ того, снова явились два тома академическихъ записокъ, составленныхъ, большею частью, изъ статей Эйлера.

Князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ сената, спросилъ императрицу, нужно ли приводить меня къ присягѣ, что требуется отъ всѣхъ коронныхъ чиновниковъ.

"Безъ сомнѣнія, отвѣчала Екатерина; я не тайкомъ назначила княгиню Дашкову директоромъ академіи; хотя я не нуждаюсь въ новомъ доказательствѣ ея вѣрности мнѣ и отечеству, но этотъ торжественный актъ мнѣ очень угоденъ; онъ даетъ гласность и санкцію моему опредѣленію."

Вслѣдствіе этого князь Вяземскій прислалъ ко мнѣ своего секретаря сказать, чтобъ я на другой день явилась, въ сенатъ для произнесенія присяги. Мысль о такомъ публичномъ обрядѣ не со всѣмъ была мнѣ по-сердцу, хотя я знала, что все, что служитъ въ Россіи, сверху и до-низу, клянется въ своей вѣрности. Въ назначенный часъ, я вошла въ сенатъ; проходя въ церковь той залой, въ которой совѣщались сенаторы, я нашла ихъ въ полномъ собраніи, на своихъ мѣстахъ. Они встали, когда я явилась и нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ вышли ко мнѣ на встрѣчу.

"Господа, сказала я, вы, конечно, не меньше моего изумляетесь настоящему моему появленію среди васъ,—я иду присягать императрицѣ, которая такъ давно правитъ всѣми моими чувствами. Но долгъ, обязательный для всѣхъ, не можетъ обойдти и меня; вотъ объясненіе этого единственнаго явленія, что женщина находится въ кругу вашего августѣйшаго собранія."

Когда кончился обрядъ, причемъ я, по обыкновенію, стѣснялась застѣнчивостью и неловкостью своего положенія, я воспользовалась этимъ случаемъ и просила генералъ-прокурора снабдить меня тѣми документами, въ которыхъ

объяснялись причины академическихъ неурядицъ; посредствомъ ихъ, я хотѣла ближе ознакомиться съ жалобами противъ отставнаго директора, съ его защитой и протестомъ и такимъ образомъ объяснить свою собственную дѣятельность.

Съ величайшимъ трудомъ я устроила два источника академическихъ доходовъ—экономическую сумму и деньги, получаемыя изъ государственнаго казначейства. Оба источника были истощены, и отчеты ихъ, вмѣсто того, чтобъ вести ихъ отдѣльно, были смѣшаны и запутаны.

Академія была въ долгу у различныхъ книгопродавцевъ, Русскихъ, Французскихъ и Голландскихъ; не докладывая императрицѣ о вспомоществованіи, я предложила академіи пустить въ продажу книги собственнаго ея изданія, тридцатью процентами ниже обыкновенныхъ цѣнъ. Изъ этого источника я уплатила долги, по мѣрѣ возраставшаго прибытка дополняла недоимки казеннаго фонда, которымъ завѣдывалъ государственный казначей, князь Вяземскій. Когда недостатки уравновѣсились, я старалась увеличить экономическую сумму, находившуюся подъ безусловнымъ контролемъ директора, равно какъ и средства увеличенія ея; и такъ какъ трудно было предвидѣть всѣ случаи расходовъ, то употребленіе ея не опредѣлялось никакимъ положительнымъ актомъ; такъ, на пр. изъ этой суммы выдавались случайныя награды, производилась покупка новыхъ изобрѣтеній и дополнялись недоимки другихъ фондовъ.

Въ академическихъ аудиторіяхъ я застала семнадцать студентовъ и двадцать одного ремесленника, получавшихъ воспитаніе на казенный счетъ. Я увеличила число тѣхъ и другихъ,—первыхъ довела до пятидесяти, а вторыхъ до сорока; я успѣла удержать Фусса (молодаго человѣка, внука Эйлера, желавшаго оставить академію), увеличивъ жалованье его, такъ какъ и другаго достойнаго академика Жоржа.

Менѣе чѣмъ въ годъ я нашла возможность возвысить оклады всѣхъ профессоровъ и открыть три новыхъ каѳедры—математическую, геометрическую и естественной исторіи,—для всѣхъ, желающихъ посѣщать лекціи, чи-

танныя на Русскомъ языкѣ. Я часто сама слушала ихъ, и съ радостію убѣдилась въ томъ, что это учрежденіе принесло большую пользу сыновьямъ бѣдныхъ дворянъ и нисшихъ гвардейскихъ офицеровъ. Вознагражденіе, получаемое каждымъ профессоромъ въ концѣ курса, равнялось двумъ стамъ рублямъ, отпускаемымъ изъ экономическихъ суммъ.

ГЛАВА XX.

Въ началѣ 1783 года, князь Потемкинъ отправился въ армію; мой сынъ, котораго онъ повидимому, любилъ и уважалъ, сопутствовалъ ему на берега Дуная. Проѣзжая Бѣлоруссіей, они свернули съ дороги, чтобъ взглянуть собственными глазами на мое имѣніе Круглово и оцѣнить достоинство его, которому одни придавали слишкомъ много значенія, а другіе считали его ниже дѣйствительной стоимости.

Потемкинъ написалъ мнѣ объ этомъ предметѣ, совѣтуя не унывать и увѣряя, что помѣстье можетъ современемъ приносить хорошіе доходы. Онъ далъ приказаніе бригадиру Бауеру, управляющему его собственнаго имѣнія, смѣжнаго съ моимъ, озаботиться по дѣламъ моего владѣнія больше, чѣмъ я могла ожидать отъ коронныхъ чиновниковъ, улучшить его непосредственнымъ надсмотромъ на мѣстѣ, или письменными сношеніями со мной." Здѣсь, кромѣ того, есть деревня, писалъ князь, названная вашимъ именемъ "Дашкова," которую слѣдовало бы вамъ отдать, въ вознагражденіе за убыль тѣхъ крестьянъ, которыхъ вы не получили согласно назначенію указа."

Въ самомъ дѣлѣ, было бы не трудно устроить это дѣло;

Польскій король, обязанный моему мужу, не замедлилъ бы исполнить мою просьбу, договорившись съ своей сестрой, владѣвшей этой деревней и однимъ дворяниномъ будущимъ пожизненнымъ наслѣдникомъ ея,—тѣмъ больше, что оба они нисколько не дорожили этимъ имѣніемъ; но князь Потемкинъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобъ я писала объ этой сдѣлкѣ къ Польскому королю или нашему посланнику, графу Стакельбергу, желая самъ заняться этимъ дѣломъ. Кончилось тѣмъ, что Дашкова никогда не была моей и Круглово на всегда осталось безъ дополненія крестьянъ его.

Разлука съ сыномъ, всегда находившемся при мнѣ, была тягостна; но я поставила правиломъ всегда жертвовать личнымъ удовольствіемъ дѣйствительной или воображаемой пользѣ своихъ дѣтей; поэтому я отнюдь не мѣшала ему отправиться въ дѣйствующую армію, что по моему мнѣнію, могло быть полезно настоящей служебной карьерѣ его. Я часто слышала отъ него и отъ другихъ, что Потемкинъ удостоилъ моего сына самаго лестнаго вниманія и уваженія, чему удивлялись тѣ, кто зналъ безпечный характеръ великаго князя—этого баловня слѣпой судьбы.

Что касается до меня, я была довольно спокойна. Одно обстоятельство нарушало мой домашній миръ—хлопоты и утомительныя заботы въ кругу академической дѣятельности, въ особенности, когда я задумала преобразовать заведеніе, и улучшить его матеріальное состояніе.

На слѣдующее лѣто, великій князь Павелъ и его жена возвратились изъ чужихъ краевъ. Они часто давали вечера въ Гатчинѣ, и приглашаемые гости оставались тамъ по нѣскольку дней сряду, пользуясь гостепріимствомъ наслѣдника; меня многіе увѣряли, что эти вечера нисколько не были обременительны для посѣтителей. Я рѣдко бывала, извиняясь недосугами и занятіями по академіи, также далекимъ разстояніемъ Гатчины отъ Стрѣльны, гдѣ я тогда жила по волѣ государыни.

Наконецъ великій князь убѣдительно просилъ мена по-

сѣтить одинъ изъ вечеровъ; я замѣтила ему, что свобода и общество Гатчинскихъ собраній всегда доставляло мнѣ величайшее удовольствіе, но у меня мало досужнаго времени; есть на то и другая причина. Все, что дѣлается въ Гатчинѣ, сказала я, немедленно переносится въ царское село, и обратно, великому князю сообщаютъ о всемъ, что происходитъ во дворцѣ Екатерины. Такимъ образомъ, отдалившись отъ Гатчинскихъ собраній, я отняла у императрицы право задавать мнѣ такіе вопросы, на которые я не хотѣла бы отвѣчать, а у Павла право подозрѣвать меня какъ сплетницу между матерью и сыномъ: поэтому я отказала себѣ въ удовольствіи бывать у великаго князя, и онъ первый долженъ былъ согласиться съ уважительной причиной моего отказа.

На основаніи этого такта, я вела себя въ продолженіи десяти лѣтъ, никогда не посѣщая великаго князя, за исключеніемъ тѣхъ церемоніальныхъ случаевъ, когда собирался у него весь дворъ. Императрица, зная это, никогда не распрашивала меня о своемъ сынѣ, и если осуждала (иногда это случалось) его поведеніе, я всегда прекращала рѣчь оговоркой, что постороннее лицо не должно мѣшаться въ эти дѣла, развѣ только въ случаѣ ея особенныхъ приказаній и по долгу повиновенія.

Этотъ честный и прямой поступокъ въ отношеніи къ великому князю не былъ оцѣненъ, какъ мы увидимъ послѣ, —не защитилъ меня отъ гоненій Павла I, который преслѣдовалъ всѣхъ, кого онъ заподозрилъ въ измѣнническомъ оскорбленіи себя.

Около этого времени, графъ Андрей Шуваловъ, какъ я ужъ сказала, возвратился изъ Парижа и старался возстановить противъ меня и моего сына любовника Лапского. Однажды, во время бесѣды, императрица замѣтила, какъ легко пріобрѣтаются въ Италіи копіи съ лучшихъ художественныхъ оригиналовъ; я пожалѣла, при этомъ, что мнѣ никогда не удалось достать въ Петербургѣ бюстъ государыни, при всемъ

моемъ желаніи имѣть его. Императрица приказала принести одинъ, сдѣланный замѣчательнымъ Русскимъ артистомъ Шубинымъ и просила меня принять его.

Ланской, увидѣвъ это, громко сказалъ: "Какъ! это мой бюстъ: онъ принадлежитъ мнѣ."

"Вы ошибаетесь, возразила Екатерина, и я прошу княгиню Дашкову взять его."

Ланской замолчалъ, но бросилъ на меня бѣшеный взглядъ, на который я отвѣтила взглядомъ полнаго презрѣнія. Съ этой минуты его озлобленіе постоянно выражалось въ мелочныхъ спорахъ со мной, что не ускользнуло отъ наблюденія самой Екатерины, и она рѣшилась положить имъ конецъ.

На поприщѣ своей академической администраціи, я скоро пришла въ непріятное столкновеніе съ княземъ Вяземскимъ; онъ по временамъ не обращалъ никакого вниманія на мои представленія о производствѣ нѣкоторыхъ заслуженныхъ членовъ академіи и не сообщалъ мнѣ требуемыхъ документовъ, касательно описанія различныхъ мѣстностей Россіи, на основаніи которыхъ я хотѣла составить лучшія карты. Наконецъ онъ осмѣлился спросить моего казначея, доставлявшаго ему ежемѣсячный отчетъ о казенныхъ расходахъ по академіи, почему онъ не принесъ также отчета объ экономической суммѣ. Услышавъ объ этомъ, я тотчасъ же подала просьбу объ отставкѣ, увѣдомивъ императрицу, что Вяземскій хочетъ подвергнуть меня отвѣтственности, никогда не лежавшей на директорѣ, отъ самого основанія академіи и даже во время моего предшественника, всѣмъ извѣстнаго взяточника. Въ то же время я напомнила ей, что только вслѣдствіе моей убѣдительной просьбы я получила отъ нея позволеніе лично представлять ей каждый мѣсяцъ отчетъ объ экономической казнѣ, при чемъ часто слышала похвалы ея о цвѣтущемъ состояніи капитала; поэтому, я никогда не соглашусь дозволить генералъ-прокурору мѣшаться въ дѣла директора академіи, тѣмъ менѣе подозрѣвать мое безкорыстіе.

Вслѣдъ за тѣмъ князь Вяземскій получилъ выговоръ отъ императрицы, а я не замедлила позабыть о его глупости. Кстати, этотъ государственный человѣкъ былъ усердный и дѣловой чиновникъ, аккуратный и исправный въ своихъ обязанностяхъ, но необразованный и чрезвычайно мстительный. Онъ долго не прощалъ мнѣ за то, что я принимала на службу къ себѣ тѣхъ людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ и лишилъ послѣдняго куска насущнаго хлѣба. Было и другое обстоятельство, озлобившее его противъ меня; вотъ оно. Академія предприняла изданіе новаго журнала, въ которомъ иногда помѣщались статьи императрицы и мои; между другими сотрудниками находился адвокатъ Козадовлевъ, писавшій стихи и прозу, какой бы сатирическій листокъ ни появился въ этомъ журналѣ, князь Вяземскій относилъ его къ себѣ или своей женѣ; особенно онъ возсталъ противъ нашего изданія, когда въ немъ сталъ участвовать Державинъ, потерявшій мѣсто по милости Вяземскаго; онъ въ каждой строчкѣ повсюду читаемаго поэта видѣлъ черту вдохновенной мести.

Поэтому, во многихъ случаяхъ, я начала испытывать недоброжелательство Вяземскаго; изъ личнаго неудовольствія, онъ старался затруднять меня на пути общественной пользы, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мои стремленія были самыми справедливыми, какъ, напримѣръ, приготовленіе новыхъ и точныхъ картъ провинцій, границы которыхъ никогда не были означены въ очеркахъ ихъ, со времени послѣдняго раздѣленія имперіи. Это новое раздѣленіе Россіи на области, какъ первый шагъ къ введенію порядка и цивилизаціи въ такой обширной странѣ, было истинно-великимъ дѣломъ Екатерины. Вслѣдствіе его дороги сдѣлались болѣе безопасны и удобны; внутренняя торговля оживилась, и частное благосостояніе скоро проявилось въ улучшеніи городовъ. Въ разныхъ областяхъ были построены на государственный счетъ соборы и прекрасные домы для воеводъ; но что главнѣе всего, императрица (не забывшая меткой старой русской

пословицы: "до Бога высоко, а до царя далеко") учредила мѣстные суды и полицію, и тѣмъ обезпечила народное довѣріе и спокойствіе; до сей поры, чтобъ добраться до судебнаго мѣста, надобно было проѣхать двѣ или три тысячи верстъ.

Князь Вяземскій не только задерживалъ или вовсе недоставлялъ документовъ по своему вѣдомству, но медлилъ доставкой даже тѣхъ свѣдѣній, которыя, по моей просьбѣ, присылались въ академію областными намѣстниками; безпокоить государыню постоянными жалобами мнѣ не хотѣлось, поэтому я вооружилась всѣмъ возможнымъ терпѣніемъ.

Въ іюлѣ мой сынъ возвратился изъ дѣйствующаго войска, посланный съ депешами, возвѣстившими объ окончательномъ подданствѣ Крыма Русской имперіи. Мое удивленіе и радость при этомъ свиданіи, разумѣется, были невыразимы. Онъ пробылъ въ Петербургѣ недолго и снова отправился въ армію, съ чиномъ полковника. Я была очень довольна этимъ новымъ повышеніемъ Дашкова, потому что оно удаляло его изъ гвардіи, отъ обольщеній столичной жизни и давало ему возможность развить свою дѣятельность и способности на поприщѣ военно-полевой службы.

Однажды я гуляла съ императрицей по Царско-сельскому саду; рѣчь зашла о красотѣ и богатствѣ Русскаго языка; я выразила мое удивленіе, почему государыня, способная оцѣнить его достоинство и сама писатель, никогда не подумала основать Русскую академію.

Я замѣтила, что только нужны правила и хорошій словарь, чтобъ поставить нашъ языкъ въ независимое отношеніе отъ иностранныхъ словъ и выраженій, не имѣющихъ ни энергіи, ни силы, свойственныхъ нашему слову.

"Я удивляюсь сама, сказала Екатерина, почему эта мысль до сихъ поръ не приведена въ исполненіе; подобное учрежденіе для усовершенствованія Русскаго языка, часто занимало меня, и я уже отдала приказаніе относительно его."

"Это подлинно удивительно, продолжала я; ничего не

можетъ быть легче, какъ осуществить этотъ планъ. Образцевъ для него очень много. и вамъ остается только избрать изъ нихъ самый лучшій."

"Пожалуйста, представьте мнѣ, княгиня, прибавила императрица, очеркъ какого нибудь."

"Кажется, было бы лучше, отвѣчала я, если бъ вы приказали одному изъ своихъ секретарей составить для васъ планъ Французской, Берлинской и нѣкоторыхъ другихъ академій, съ замѣчаніями о тѣхъ особенностяхъ, которыя можно лучше согласить съ геніемъ и нравами вашей имперіи."

"Я повторяю мою просьбу, сказала Екатерина; примите на себя этотъ трудъ; я привыкла полагаться на вашу ревность и дѣятельноссь, и потому съ довѣріемъ приступлю къ исполненію предмета, къ стыду моему, такъ долго не осуществленнаго."

"Этотъ трудъ не великъ, государыня, и я поста аюсь выполнить ваше желаніе возможно-скоро; но у меня нѣтъ нужныхъ книгъ подъ рукой, и я вполнѣ убѣждена, что кто нибудь изъ вашихъ секретарей сдѣлалъ бы это лучше моего."

Императрица настаивала на своемъ желаніи, и я не сочла нужнымъ возражать дальше.

По возвращеніи домой вечеромъ, я стала разсуждать, какъ бы лучше исполнить это порученіе и прежде нежели пошла спать, начертила нѣкоторый планъ, желая передать въ немъ идею будущаго заведенія; я послала этотъ проэктъ императрицѣ, думая тѣмъ удовлетворить ея желанію. и отнюдь не считая его достойнымъ принятія и практическаго примѣненія. Къ крайнему моему удивленію, Екатерина, лично возвративъ мнѣ этотъ наскоро-набросанный планъ, утвердила его собственной подписью, какъ вполнѣ официальный документъ и вмѣстѣ съ нимъ издала указъ, опредѣлившій меня президентомъ академіи въ зародышѣ. Копія съ этого указа была немедленно сообщена сенату.

Хотя это распоряженіе носило характеръ особенной рѣшимости и настойчивости со стороны императрицы въ отно-

шеніи ко мнѣ, не смотря на то, я черезъ два дня отправилась въ Царское село просить ее избрать другаго президента. Не надѣясь успѣть въ своей попыткѣ, я сказала Екатеринѣ, что моихъ академическихъ суммъ достаточно будетъ для поддержанія новаго учрежденія и что всѣ расходы ея могутъ пока ограничиться одной покупкой дома. Эти деньги, прибавила я въ объясненіе, будутъ взяты изъ тѣхъ пяти тысячь рублей, которые она изъ своей собственной шкатулки ежегодно отпускала на переводъ классическихъ писателей.

Императрица удивилась и утѣшилась, надѣясь въ то же время, что переводы не прекратятся.

"Само собою разумѣется, сказала я, переводы пойдутъ своимъ порядкомъ, и я думаю лучше, чѣмъ прежде, съ помощію студентовъ академіи наукъ, и подъ надзоромъ и редакціей профессоровъ. Такимъ образомъ эти пять тысячь рублей, о которыхъ прежніе директоры забыли или лучше, издавая очень не много переводовъ, клали ихъ по своимъ карманамъ, теперь могутъ быть употреблены съ пользой. Я надѣюсь имѣть честь скоро представить вамъ полную смѣту всѣхъ необходимыхъ издержекъ на устройство новой академіи; и, не исключая указанной мной суммы, мы тогда увидимъ, чего не достанетъ для удовлетворенія менѣе существенныхъ потребностей, какъ, напримѣръ, медалей и мундировъ, что, по моему мнѣнію, почти неизбѣжно для награды и отличія достойныхъ учениковъ."

Въ этой смѣтѣ я назначила жалованье двумъ секретарямъ по девяти сотъ рублей, двумъ переводчикамъ по четыреста пятидесяти каждому. Притомъ необходимо было имѣть казначея и четырехъ солдатъ-инвалидовъ для топки печей и ухода за домомъ. Всѣ эти расходы я подвела къ тремъ тысячамъ и тремъ стамъ рублямъ, изъ чего удѣлялось тысяча семъ сотъ рублей на покупку дровъ, бумаги и книгъ, но ничего не осталось на медали и другія отличія.

Императрица вовсе не привыкла къ такимъ умѣреннымъ смѣтамъ и, я думаю, больше изумилась, чѣмъ осталась до-

вольна моимъ разсчетомъ; она изъявила готовность дополнить недостатки, и я опредѣлила ихъ суммой въ тысячу двѣсти пятьдесятъ рублей. Вознагражденіе президента и случайныя пособія служебному штату не были упущены изъ вида при этой смѣтѣ, хотя, въ настоящее время, я не назначила себѣ ни одной копѣйки; такимъ образомъ учрежденіе самого полезнаго заведенія, въ полномъ составѣ своемъ, обошлось императрицѣ не дороже, чѣмъ покупка нѣсколькихъ орденскихъ звѣздъ.

Чтобъ досказать все о Русской академіи, я не считаю лишнимъ упомянуть еще о нѣсколькихъ подробностяхъ. Во-первыхъ, съ помощію трехлѣтняго капитала, пожалованнаго императрицей на переводы классиковъ и не выданныхъ Домашневу, т. е. съ помощію пятнадцати тысячь рублей, въ сложности съ суммой, сбереженной изъ экономическаго комитета, я построила два дома на дворѣ того же зданія, которое Екатерина отвела для академіи, что увеличило доходъ ея почти двумя тысячами рублей; кромѣ того, я омеблировала академію и мало-по-малу собрала значительную библіотеку, предоставивъ ей между тѣмъ пользоваться моей собственной; положила капиталъ въ сорокъ девять тысячь рублей въ воспитательный домъ; начала, окончила и издала диксіонеръ, и все это совершила впродолженіе одинадцати лѣтъ. При этомъ я не упоминаю о новомъ академическомъ зданіи, столь замѣчательномъ въ свое время; оно было построено подъ моимъ руководствомъ, но на казенный счетъ и потому я не ставлю его въ числѣ своихъ собственныхъ предпріятій.

Кстати я должна замѣтить, что при дворѣ носились самые невыгодные и оскорбительные толки о моей дѣятельности. Впрочемъ просвѣщенная часть общества отдавала болѣе чѣмъ должную дань справедливости моей ревности и распорядительности; основаніе Русской академіи и удивительно быстрое изданіе перваго отечественнаго словаря приписывали исключительно моимъ заслугамъ.

Послѣдній трудъ былъ предметомъ очень жаркой критики,

въ особенности относительно методы расположенія словъ, притой согласно этимологической, а не алфавитной системѣ. На это возражали, что диксіонеръ былъ запутанъ и худо приспособленъ къ народному употребленію;—это возраженіе было сдѣлано мнѣ самой государыней и потомъ подхвачено съ радостію придворными куртизанами. Когда Екатерина спросила меня, почему мы не приняли болѣе простой методы, я отвѣчала, что въ первомъ лексиконѣ какого бы то ни было языка такая система не-представляетъ ничего страннаго; она облегчаетъ трудъ отыскивать и узнавать корни словъ; за всѣмъ тѣмъ, академія, въ теченіи трехъ лѣтъ, повторитъ изданіе, расположитъ его по алфавиту и, во всѣхъ отношеніяхъ, усовершенствуетъ.

Я не понимаю какимъ, образомъ императрица, способная соображать самые разнообразные и даже глубокіе вопросы, не соглашалась съ моимъ мнѣніемъ; но я знаю только, что это разнорѣчіе мнѣ наскучило; при всемъ не желаніи объявлять въ академическомъ совѣтѣ неудовольствіе царицы противъ нашего труда, я, однакожъ, рѣшилась поставить вопросъ въ первомъ засѣданіи, не касаясь другихъ предметовъ, за которые меня лично обвиняли.

Всѣ члены, какъ и надобно было ожидать, выразили единодушное мнѣніе, что первый словарь невозможно иначе расположить, и что второе изданіе будетъ полнѣй и въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ слѣдующій разъ, я передала императрицѣ общій отзывъ академиковъ и доказательство ихъ. Государыня осталась при своемъ мнѣніи, заинтересованная въ это время диксіонеромъ, или лучше, компиляціей Палласа. Это былъ родъ лексикона, около сотни языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые ограничивались десятью или двадцатью слѣдующими словами—*земля*, *воздухъ*, *вода*, *отецъ*, *мать* и проч. Этотъ ученый филологъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по Россіи и открытіями по естественной исторіи, желая польстить литературному самолюбію Екатерины, довелъ расходы по напечатанію своего,

такъ называемаго сравнительнаго диксіонера до двадцати тысячь рублей, не считая тѣхъ издержекъ, которыя употребилъ императорскій кабинетъ на разсылку гонцевъ въ Сибирь, Камчатку и проч., чтобъ собрать нѣсколько голыхъ, случайно пойманныхъ словъ на различныхъ говорахъ.

Какъ, однакожъ, ни былъ слабъ и неудовлетворителенъ нашъ словарь, но его превознесли, какъ въ высшей степени замѣчательный: для меня лично онъ послужилъ источникомъ большихъ непріятностей и горя.

ГЛАВА XXI.

Чтобъ развлечь себя среди утомительныхъ занятій, я отправилась въ свой загородный домъ, обстроенный мной изъ камня, и отказалась на это время отъ общества и городскихъ визитовъ. Управленіе двумя академіями совершенно лишало меня досуговъ. Мое участіе въ составленіи диксіонера состояло въ наборѣ всѣхъ словъ, начинающихся первыми тремя буквами нашей азбуки. Каждую суботу мы собирались вмѣстѣ для отысканія корней тѣхъ словъ, которыя были уже подготовлены нѣкоторыми членами. Такимъ образомъ, все мое время, съ обыкновеннымъ еженедѣльнымъ посѣщеніемъ въ Царское село, было занято сполна.

Впродолженіе зимы 1783 года, мой сынъ получилъ двухмѣсячный отпускъ для свиданія со мной; въ то время, я, съ утвержденія императрицы, передала ему все наслѣдственное его имѣніе, за исключеніемъ той частички, которая выдѣлялась на мою долю; и такимъ образомъ я освободила себя отъ хлопотъ по управленію собственными его дѣлами. Теперь онъ лично располагалъ большимъ состояніемъ, чѣмъ отецъ оставилъ намъ всѣмъ,—не имѣя на себѣ ни одного рубля долговъ. Послѣ того я могу съ чистою совѣстію сказать себѣ и другимъ, что мой надзоръ не былъ дуренъ, и въ этой истинѣ никто не отказывалъ мнѣ изъ другихъ опекуновъ.

Лѣтомъ императрица собралась въ Финляндію, и такъ убѣдительно просила меня сопутствовать ей, что какъ будто предвидѣла съ моей стороны особенную жертву въ этомъ путешествіи. Напротивъ, я приняла предложеніе очень охотно. Мнѣ хотѣлось взглянуть на Финляндію и разсѣять меланхолію, уже давно тяготившую меня. Я также желала познакомиться съ Шведскимъ королемъ, который обѣщалъ переплыть въ Фредриксгамъ, и сравнить его съ герцогомъ Сударманскимъ; съ этимъ послѣднимъ я уже была знакома. Во всякомъ случаѣ, быть свидѣтелемъ свиданія двухъ образованныхъ монарховъ-сосѣдей было очень любопытно. Вслѣдствіе всего этого, я радостно согласилась провожать Екатерину.

Въ самый день нашего отъѣзда, посѣтилъ меня Шведскій уполномоченный, министръ Нокенъ, собиравшійся оставить Петербургъ для встрѣчи своего государя. Онъ явился ко мнѣ съ объявленіемъ, что король его желаетъ украсить меня орденомъ большаго почетнаго креста и съ тѣмъ вмѣстѣ засвидѣльствовалъ его удовольствіе, что я, съ которой онъ желалъ давно познакомиться, сопутствую императрицѣ въ Финляндію.

" Послѣднее желаніе, сказала я министру, слишкомъ лестное для меня ; что же касается до орденскаго отличія, я умоляю васъ отсовѣтовать своему государю такое намѣреніе: вопервыхъ, какъ простая придворная Нинета, я не успѣю порядочно повѣсить черезъ плечо подобное украшеніе, которое я уже имѣю; вовторыхъ, такое отличіе еще никогда не давалось женщинѣ; поэтому оно не замедлитъ породить враговъ, раздразнить завистниковъ, не доставивъ того удовольствія, за которое я глубоко благодарю, но считаю себя недостойной его."

Наконецъ я просила Нокена увѣрить короля, что никто больше меня не цѣнитъ его доброты, и если я рѣшилась отклонить отъ себя предложенную почесть, то единственно изъ уваженія къ его характеру и просвѣщенному уму.

Въ тотъ же вечеръ мы оставили дворецъ, и переѣхали на шлюбкѣ по другую сторону рѣки, въ Выборгскую часть, гдѣ ожидали насъ дворцовые дорожные экипажи.

Мы увидѣли древнюю столицу Финляндіи, Выборгъ, гдѣ отвели намъ помѣщенія въ разныхъ улицахъ. Мнѣ достался очень хорошій и, главное, очень чистый домъ. На слѣдующій день, судьи и весь чиновный людъ, дворяне и военные, представились императрицѣ, которая приняла ихъ съ обыкновенной своей добротой и чарующей лаской.

Я позабыла сказать въ своемъ мѣстѣ, что мы провели одну ночь на загородной царской дачѣ, гдѣ очень удобно расположились во дворцѣ. Я также должна упомянуть имена тѣхъ лицъ, которыя находились въ свитѣ государыни. Изъ женщинъ я была одна; изъ мужщинъ—любовникъ Ланской, графъ Иванъ Чернышевъ, графъ Строгоновъ, Чертковъ и всѣ шестеро сидѣли въ одной каретѣ съ Екатериной. Кромѣ того съ нами были Нарышкинъ, главный конюшій, Безбородко, первый секретарь, и Стрекаловъ, директоръ кабинета; два гофмейстера были посланы впередъ на Шведскую границу—встрѣтить короля и предупредить о пріѣздѣ императрицы.

На другой день, ночью, мы въѣхали въ Фридрихсгамъ, гдѣ мы заняли квартиры хуже, чѣмъ прежде. Черезъ день явился король. Онъ немедленно посѣтилъ Екатерину, а свита его, оставшаяся въ передней комнатѣ, была представлена мнѣ. Мы познакомились; между тѣмъ, вошли монархи, и Екатерина отрекомендовала меня королю.

Обѣдъ кончился очень весело; послѣ того монархи имѣли частное совѣщаніе, которое происходило между ними каждый день, пока мы жили въ Фридрихсгамѣ. Признаюсь, я не думаю, чтобъ въ подобныхъ свиданіяхъ между коронованными собесѣдниками могла существовать искренность. Не смотря на умъ, самую утонченную вѣжливость и здравый смыслъ, истощенные въ этихъ совѣщаніяхъ, гроза наступала съ

другой стороны. Политика отравляетъ всѣ задушевныя отношенія властителей.

Шведскій король, подъ именемъ графа Гаги, навѣстилъ меня на третій день. Я приказала сказать, что нѣтъ меня дома и, вошедъ къ императрицѣ, доложила ей объ этомъ отказѣ.

Екатерина не совсѣмъ была довольна имъ; я старалась извиниться подъ тѣмъ предлогомъ, что король, послѣ своего путешествія въ Парижъ, дотого заразился его салоннымъ духомъ, что моя искренность и простота ему крайне не понравились бы. За всѣмъ тѣмъ, императрица просила принять его на слѣдующій день и продолжить свиданіе возможно-дольше.

Думая, что Екатерина хотѣла сама освободиться на нѣкоторое время отъ своего вѣнценоснаго друга, я послушалась и приняла графу Гагу. Разговоръ нашъ не былъ лишенъ интереса. Король обнаружилъ умъ, образованіе и яркую рѣчь; при всемъ томъ, сквозь этотъ лоскъ, повсюду выглядывала царская рутина и, что всего хуже, рутина короля-путешественника, усвоившаго самыя ложныя понятія о всемъ, что онъ видѣлъ въ чужихъ краяхъ. Извѣстно, что подобнымъ туристамъ открываютъ одну красную сторону въ народной жизни, и всѣ ихъ свѣдѣнія ограничиваются только этой фантастической стороной.

Другое зло въ путешествіяхъ этихъ людей заключается въ томъ, что на каждомъ шагу окружаетъ ихъ глупость и лесть, особенно тамъ, гдѣ хотятъ снискать ихъ благоволеніе. Потомъ возвращаясь домой, они требуютъ отъ своихъ подданныхъ уже полнаго обоготворенія.

Поэтому я никогда не совѣтовала бы царямъ путешествовать въ чужіе краи. Гораздо лучше имъ объѣзжать провинціи своихъ владѣній, и если только они хотятъ познакомиться съ настоящимъ положеніемъ страны,—отбросить всякій внѣшній парадъ, неизбѣжный съ ихъ саномъ и очень разорительный для ихъ подданныхъ.

Во время нашего разговора, я не могла не замѣтить, что король насквозь былъ пропитанъ Французской лестью и потому былъ самый пристрастный судья этой страны. Я позволила себѣ иногда противорѣчить мнѣнію его, и подтверждала свои мысли личными наблюденіями, собранными внутри и на границахъ Франціи, впродолженіе моего двукратнаго посѣщенія ея. Я осмѣлилась даже замѣтить, что мое положеніе, въ этомъ отношеніи, было выгоднѣй королевскаго, потому что стоило ли труда обманывать меня—самое рядовое лицо, и потому, думаю, что я видѣла предметы въ истинномъ ихъ свѣтѣ.

Графъ Армфельдъ, знаменитый своимъ паденіемъ и несчастіями послѣ смерти этого короля, гонимый герцогомъ Судерманскимъ, находился при нашемъ свиданіи, и всегда подтакивалъ моимъ замѣчаніямъ. Я была очень рада развязаться съ этимъ визитомъ, и поспѣшила пройдти въ комнаты императрицы вмѣстѣ съ королемъ.

На слѣдующій день, король собрался въ обратный путь, раздавъ подарки свитѣ императрицы. Мнѣ онъ оставилъ, на память дружбы, брилліантовый перстень съ своимъ портретомъ. Въ одно и тоже время Екатерина и Густавъ выѣхали изъ Фридрихсгама. Государыня проѣхала прямой дорогой въ Царское село, и прибыла наканунѣ дня своего восшествія на престолъ. Я не замедлила сорвать брилліанты съ королевскаго портрета, замѣнить ихъ маленькими перлами, а алмазы подарить своей племянницѣ Полянской, которая въ ряду другихъ фрейлинъ присутствовала на придворномъ праздникѣ.

Вскорѣ, послѣ нашего прибытія въ Царское село, я выдержала самое смѣшное нападеніе со стороны любовника, Ланского; стоитъ разсказать о немъ. Князю Барятинскому, главному гофмейстеру было приказано послать въ академическую газету описаніе нашего путешествія, со всѣми его подробностями. Когда онъ сказалъ мнѣ объ этомъ, я напомнила ему, что академіи давно уже велѣно мной немедленно

печатать все, что ни будетъ прислано за его подписью; и потому путешествіе государыни не иначе помѣстится въ газетѣ, какъ за скрѣпой его или маршала Орлова. Въ этихъ объявленіяхъ я запретила измѣнять до послѣдней буквы.

Ланской жаловался, что газета, сообщая путешествія императрицы, ея стоянки и обѣды, ни о комъ не упомянула, кромѣ меня.

"Я должна отослать васъ за объясненіемъ, сказала я, къ князю Барятинскому; эта публикація не мной была составлена; отъ него же вы узнаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я управляю академіей, въ газетѣ не было отпечатано ни одной придворной новости, безъ особеннаго распоряженія и собственной подписи его или Орлова."

"И все таки, возразилъ онъ, вы однѣ стоите въ объявленіи съ императрицей."

"Я же сказала вамъ, что вы должны жаловаться на это князю Барятинскому. Что же касается до меня, я не занимаюсь и не читаю этихъ статей."

Наперстникъ Екатерины продолжалъ твердить одно и то же, пока не наскучилъ мнѣ своей нелѣпостью. "Кажется, вы въ состояніи, милостивый государь, понять, заключила я, что какъ ни велика честь обѣдать съ государыней,—что я умѣю цѣнить,—но эта честь нисколько ни новая и ни обычайная для меня; я пользовалась ею отъ колыбели. Послѣдняя императрица Елисавета была моей крестной матерью, и ни одинъ разъ въ недѣлю заглядывала въ нашъ домъ. Я часто обѣдала на ея колѣнахъ и, когда была побольше, садилась за однимъ столомъ съ ней. Послѣ того, съ какой стати я буду гоняться за этой почестью на листахъ газеты, когда я и по рожденію и по привычкѣ, давно знакома съ ней."

Кажется, на этомъ долженъ былъ прекратиться разговоръ; но нѣтъ; Ланской опять обратился къ своей жалобѣ. Видя, что зала, въ которой мы спорили, начала наполнятся народомъ. "Остановитесь, сказала я ему такъ громко, чтобъ

слышали другіе; есть личности, которыхъ благородная жизнь стремится къ одному общественному благу, и за всѣмъ тѣмъ, онѣ не всегда пользуются блистательнымъ счастіемъ и довѣріемъ; но по крайней мѣрѣ, онѣ имѣютъ право на пощаду со стороны нахаловъ, на спокойное и справедливое продолженіе своего поприща, которое даетъ имъ болѣе прочное положеніе, чѣмъ тѣмъ случайнымъ метеорамъ, которые сверкнутъ и потомъ исчезнутъ въ ничтожествѣ."

Въ то самое время вошла императрица, и избавила меня отъ этой безсмысленной претензіи.

Мои слова были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, предсказаніемъ; менѣе чѣмъ черезъ годъ Ланской умеръ.

Въ слѣдующее лѣто, мистрисъ Гамильтонъ навѣстила меня изъ Ирландіи; и я чрезвычайно была обрадована свиданіемъ съ своимъ любезнымъ другомъ. Она была представлена императрицѣ, которая съ особеннымъ благоволеніемъ приняла ее въ Царскомъ селѣ, куда иностранцы рѣдко допускались.

Я испросила отпускъ на три мѣсяца, чтобъ проводить Гамильтонъ въ Москву. Показавъ ей любопытные предметы маститой столицы, я повезла ее въ свое любимое помѣстье, Троицкое, гдѣ я хотѣла бы жить и умереть; къ крайнему моему удовольствію, Гамильтонъ осталась довольна этимъ очаровательнымъ мѣстомъ и хотя она, какъ Англичанка привыкла къ превосходнымъ паркамъ и садамъ своего отечества, не менѣе того она удивлялась и хвалила мои собственныя, которые я сама развела, гдѣ каждое дерево, каждый кустъ былъ посаженъ на моихъ глазахъ.

Я задала своей гостьѣ сельскій праздникъ, который восхитилъ ее. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Троицкаго, была выстроена на моей землѣ новая деревня; по этому случаю, я собрала всѣхъ крестьянъ, принадлежавшихъ этой деревнѣ, приказала надѣть имъ праздничное платье, съ разными украшеніями, обыкновенными въ нашихъ сельскихъ костю-

махъ. Погода была великолѣпная, и я заставила ихъ плясать на лугу и пѣть наши народныя пѣсни.

Такой праздникъ былъ совершенно новымъ явленіемъ для Гамильтонъ; она очарована была чисто національной сценой, красотой нарядовъ и живописнымъ положеніемъ группъ, веселившихся передъ ней.

Чтобъ вполнѣ довершить нашу народную пирушку, насъ угощали русскими яствами и напитками. Все это вмѣстѣ произвело такое пріятное впечатлѣніе на Гамильтонъ, что нашъ маленькій деревенскій праздникъ понравился ей больше, чѣмъ самые роскошные придворные балы.

Когда мои добрые мужики начали пить за мое здоровье, я представила имъ своего друга и просила выпить и за его здоровье, сказавъ имъ при этомъ, что новая наша деревня будетъ называться "Гамильтонъ;" за тѣмъ я пожелала имъ всего счастія на новосельи. Наконецъ поднесла имъ хлѣбъ и соль, по старому обычаю, строго соблюдаемому во всей Россіи и означающему, что въ этихъ первыхъ предметахъ нашей жизни никогда не будетъ недостатка въ ихъ новомъ жилищѣ. Крестьяне разошлись такъ весело, такъ любо, что еще досель жители "Гамильтоны" не забыли этого дня. Мой другъ принималъ жаркое участіе въ судьбѣ этого села; онъ нѣсколько разъ посѣщалъ его крестьянъ и часто справлялся о ихъ житьѣ-бытьѣ, до послѣднихъ дней своей жизни.

Изъ Троицкаго мы отправились въ Круглово, близъ Могилева, подаренное мнѣ императрицей; и такимъ образомъ Гамильтонъ имѣла случай видѣть большую часть Московской, Калужской, Смоленской и Могилевской губерній.

Мы возвратились въ Петербургъ не раньше, какъ подъ конецъ осени, когда въ академіи наукъ, обыкновенно, читались тѣ сочиненія, которыя въ предъидущемъ году были присланы разными учеными для соисканія академическихъ премій, раздаваемыхъ, согласно правиламъ программы, черезъ годъ.

У меня вовсе не было охоты выставляться на показъ въ

нашихъ ученыхъ конференціяхъ, тѣмъ менѣе, во время публичныхъ засѣданій; при всемъ томъ, по настоянію Гамильтонъ, желавшей видѣть меня на каѳедрѣ, какъ директора, я согласилась взойдти. Въ назначенный день для раздачи призовъ и публичнаго засѣданія, о чемъ было объявлено въ газетахъ, въ академію собралось множество народа; и въ числѣ посѣтителей были даже посланники и ихъ жены, въ качествѣ зрителей и слушателей. Я взошла на каѳедру и произнесла рѣчь, самую лаконическую. Не смотря на то, что я говорила не болѣе пяти или шести минутъ, но мое волненіе, столь обыкновенное при этихъ случаяхъ, было такъ велико, что я принуждена была тушить въ себѣ чувство стыда стаканомъ холодной воды,

Я рада была окончанію засѣданія, и съ тѣхъ поръ никогда больше не являлась на каѳедрѣ.

Около того времени мы услышали о смерти отца Щербинина. Ложный другъ моей дочери, умирая, совѣтовалъ ей искать соединенія съ своимъ мужемъ, съ которымъ она уже давно разлучилась, и я увѣрена, что этотъ совѣтъ клонился къ тому, чтобъ, удаливъ ее отъ моего вліянія, легче отобрать у нея денежные и бриліантовые подарки. Когда я узнала, что Щербинина получила письмо такого содержанія, я не хотѣла вмѣшиваться съ своимъ материнскимъ авторитетомъ въ дѣла своей дочери, но употребила всѣ усилія, внушаемыя дружескимъ и нѣжнымъ сочувствіемъ, чтобъ доказать ей все лицемѣріе этого совѣта. Слезы, безполезныя наставленія и глубокая скорбь разстроили мое здоровье. Въ самомъ дѣлѣ, я предвидѣла все, что впослѣдствіи случилось; кромѣ того, мнѣ хорошо была извѣстна расточительность своей дочери; уже поэтому одному не льзя было не опасаться за дурныя послѣдствія ея новаго шага. Правда, она обѣщала оставить Петербургъ и жить или съ родственниками своего мужа или въ своемъ имѣніи.

Я не могу вспомнить безъ величайшаго огорченія о нѣкоторыхъ событіяхъ этого дѣла, и потому должна умолчать

о нихъ. Довольно сказать, что я заболѣла, такъ что моя сестра и Гамильтонъ серьёзно опасались за мою жизнь. Этотъ ударъ такъ сильно поразилъ мою нервную систему, что когда я въ состояніи была прогуливаться и посѣщать дачу, воспоминаніе столь знакомыхъ мнѣ предметовъ почти совершенно изчезло изъ памяти; моя душа оживала подъ вліяніемъ одной тоски и безутѣшнаго раздумья о будущихъ, столь же грустныхъ обстоятельствахъ.

Однажды я отправилась съ сестрой и своимъ другомъ гулять; мы подъѣхали къ дачѣ, и вылезли изъ экипажа въ лѣсу, примыкавшемъ къ моему имѣнію. Случилось такъ, что на этой сторонѣ я еще не построила никакого зданія; два простыхъ столба, съ перекладиной, служили воротами пропускавшими на мою землю. Карета проѣхала впереди; я вошла въ ворота по слѣдамъ Полянской и Гамильтонъ и, вдругъ, тяжелое бревно, сорвавшись сверху, упало мнѣ на голову.

На крикъ моихъ спутницъ сбѣжались дѣвушки, собиравшія грибы неподалеку въ лѣсу. Я упала на землю и, совѣтуя успокоиться своимъ друзьямъ, сняла ночной колпакъ и шляпу, которая, вѣроятно, спасла мнѣ жизнь, и просила осмотрѣть рану, такъ какъ я чувствовала боль отъ ушиба. На головѣ, однакожь, не было никакого внѣшняго признака; за всѣмъ тѣмъ, Гамильтонъ предложила скорѣе сѣсть въ карету и возвратиться въ городъ, для немедленнаго совѣта съ докторомъ Роджерсономъ. Я, впрочемъ, хотѣла немного походить, чтобъ дать лучшее кругообращеніе крови и отлить ее къ ногамъ. Когда мы пріѣхали домой, явился докторъ и съ болѣе чѣмъ обезпокоеннымъ видомъ спросилъ меня, чувствовала ли я какіе нибудь болѣзненные припадки. Я отвѣчала съ улыбкой, что чувствовала, но совѣтовала ему не бояться за меня, потому что есть демонъ, хранящій меня и заставляющій тянуть жизнь наперекоръ мнѣ самой.

Ушибъ не оставилъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Не отъ физическихъ болей и страданій мнѣ суждено было умереть; другіе, нравственные удары сильнѣй поражали меня.

Здоровье мое мало-по-малу поправлялось; но отъѣздъ Гамильтонъ, въ слѣдующее лѣто 1785 года, снова навѣяло на меня уныніе, разсѣваемое только съ помощію постоянной дѣятельности по управленію двумя академіями и надзора за постройками начатыми на моей дачѣ. Я иногда работала вмѣстѣ съ каменьщиками, помагая имъ собственной рукой выводить стѣны.

Зимой, на короткое время пріѣхалъ въ Петербургъ князь Дашковъ, вмѣстѣ съ Потемкинымъ. Нелѣпый слухъ, что мой сынъ избирается любовникомъ Екатерины, снова сталъ носиться. Однажды Самойловъ, племянникъ князя Потемкина, заѣхалъ ко мнѣ спросить, дома ли Дашковъ. Не заставъ его, онъ прошелъ въ мои комнаты и, послѣ понятной прелюдіи, сказалъ мнѣ, что дядя его желаетъ видѣть у себя моего сына, немедленно послѣ обѣда.

"Все что вы сказали мнѣ, отвѣчала я, не должно бы касаться моего слуха. Можетъ быть, вамъ поручено говорить съ княземъ Дашковымъ; что же до меня, при всей моей любви и преданности Екатеринѣ, я слишкомъ уважаю себя, чтобъ принимать участіе въ подобномъ дѣлѣ; и если желаніе ваше исполнится, я въ одномъ случаѣ воспользуюсь вліяніемъ моего сына,—чтобъ взять заграничный паспортъ и уѣхать изъ Россіи на нѣсколько лѣтъ."

Между тѣмъ отпускъ Дашкова кончился, и онъ возвратился въ свой полкъ: съ отъѣздомъ его мое безпокойство уменьшилось; я видѣла сына внѣ опасности.

ГЛАВА XXII.

Въ эту зиму я много перенесла домашнихъ невзгодъ, которыя, обыкновенно, потрясали мое здоровье. Весной, я получила позволеніе оставить городъ на два мѣсяца, и въ это время посѣтила Троицкое, заѣхала въ Круглово; хотя я пробыла здѣсь не болѣе недѣли, но замѣтила, что мое помѣстье во многомъ было улучшено. Крестьяне находились въ менѣе жалкомъ и апатичномъ состояніи; лошади и скотъ вдвое увеличились у нихъ противъ прежняго и они сами видѣли, что сдѣлались гораздо счастливѣй, чѣмъ прежде, подъ управленіемъ Польскаго или Русскаго правительства.

Дѣятельность въ кругу двухъ академій служила развлеченіемъ моихъ мыслей, озабоченныхъ глубоко-скорбными впечатлѣніями со стороны другихъ обстоятельствъ.

Около этого времени вспыхнула война съ Швеціей; продолженіе ея ярко разоблачило мощный характеръ и душевныя качества Екатерины, столь справедливо признанныя за ней историками ея царствованія.

Во время этой войны случилось со мной произшествіе, не лишенное интереса. Я ужъ говорила о своемъ знакомствѣ съ герцогомъ Судерманскимъ, братомъ Шведскаго короля. Этотъ принцъ командовалъ флотомъ; вскорѣ по-

слѣ открытія враждебныхъ дѣйствій, онъ прислалъ переговорный флагъ въ Кронштадтъ, съ письмомъ къ адмиралу Грегу, прося его принять и передать мнѣ небольшой ящикъ съ письмомъ на мое имя. Адмиралъ, какъ иностранецъ и мой искренній другъ, вдвойнѣ считалъ себя обязаннымъ поступить въ этомъ случаѣ съ величайшей осторожностью; онъ отправилъ посылку прямо въ государственный совѣтъ. Императрица, почти каждый разъ засѣдавшая въ этомъ совѣтѣ, приказала отослать пакетъ ко мнѣ, не распечатывая ни письма, ни ящика. Я жила въ ту пору на дачѣ, и не безъ удивленія услышала о приходѣ посла изъ государственнаго совѣта. Ящикъ и письмо были поданы: въ первомъ заключалась посылка доктора Франклина, второе было очень вѣжливымъ извѣщеніемъ со стороны герцога Судерманскаго о томъ, какъ моя собственность, вмѣстѣ съ плѣннымъ кораблемъ перешла въ его руки; не измѣнивъ нисколько чувству уваженія, прибавилъ онъ, которое вы внушили мнѣ послѣ перваго нашего знакомства на водахъ Спа, я не думалъ, чтобъ война, такъ неестественно поссорившая двухъ государей, почти кровныхъ родственниковъ, могла нарушать частную дружбу; поэтому я поспѣшилъ отправить посылку въ собственныя ваши руки.

Отпустивъ подателя, я сказала ему, что немедленно сама явлюсь во дворецъ и донесу государынѣ о свойствѣ принятыхъ депешъ. Согласно съ тѣмъ, я отправилась въ городъ, или лучше, прямо во дворецъ: вошедъ въ гардеробную императрицы, я просила дежурнаго лакея доложить Екатеринѣ, и, если она не занята, дозволить мнѣ видѣть ее и показать нѣкоторыя бумаги, полученныя мной утромъ. Императрица приняла меня въ спальнѣ, гдѣ она работала за письменнымъ столомъ. Передавъ въ ея руки письмо герцога Судерманскаго, "а другія бумаги, сказала я, отъ доктора Франклина и отъ секретаря философскаго общества Филадельфіи, въ которомъ я принята, вовсе не позаслугамъ, однимъ изъ членовъ."

Когда императрица прочитала письмо Шведскаго принца, я спросила ее о дальнѣйшихъ приказаніяхъ: "не отвѣчайте, пожалуйста, на него, и прекратите эту переписку."

"Эта кореспонденція, отвѣчала я, ограничивается единственно этимъ письмомъ, которое я получила отъ него впродолженіе двѣнадцати лѣтъ, и хотя оставить это письмо безъ отвѣта не со всѣмъ прилично съ моей стороны, но я готова, какъ теперь такъ и всегда безпрекословно повиноваться вашей волѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, позвольте мнѣ напомнить вамъ о томъ портретѣ, въ которомъ я нѣкогда обрисовала этого герцога и вы, конечно, согласитесь, что онъ оказалъ мнѣ эту честь не ради "моихъ прекрасныхъ очей" (pour mes beaux yeux), и едва ли не для того, чтобъ открыть этимъ путемъ договоръ о его личныхъ интересахъ, совершенно противоположныхъ его королю-брату."

Но императрица не хотѣла слышать о продолженіи этой переписки; черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ, мое заключеніе о характерѣ и намѣреніяхъ принца совершенно оправдалось.

Прощаясь съ государыней, я получила отъ нея приглашеніе провести этотъ вечеръ и посмотрѣть новую піесу, которую представляли въ эрмитажѣ.

Я явилась пораньше и, проходя залой, гдѣ собрались мужщины, была встрѣчена Ребендеромъ, царскимъ конюшимъ, добрымъ и честнымъ человѣкомъ, въ полномъ значеніи этого слова. Онъ подошелъ ко мнѣ поздороваться и замѣтилъ, что онъ догадывается о причинѣ моего настоящаго посѣщенія.

"Очень вѣроятно, сказала я; завсѣмъ тѣмъ, мнѣ было бы пріятно знать отъ васъ самихъ, что именно вы думаете объ этомъ."

"Я получилъ письмо изъ Кіева и узнаю изъ него, что свадьба вашего сына уже совершилась во время отдыха его полка, проходившаго черезъ этотъ городъ."

Легко понять, какъ озадачила меня эта непредвидѣнная новость. Я думала, что провалюсь сквозь землю; но у

меня, однакожъ, еще достало силъ спросить объ имени жены Дашкова. Это Алторова, отвѣчалъ Ребендеръ, и, замѣтивъ измѣненіе на моемъ лицѣ, мой бѣдный другъ вообразилъ, что я вдругъ заболѣла, не подозрѣвая того, какъ глубоко потрясли меня слова его.

"Ради Бога, закричала я, стаканъ воды."

Онъ бросился за водой, и я въ нѣсколько минутъ достаточно оправилась и сказала ему истинный поводъ моего сегодняшняго визита въ дворецъ, и что я въ первой разъ отъ него услышала о женитьбѣ моего сына, во всякомъ случаѣ мало предвѣщающей добра.

Ребендеръ необычайно смѣшался, будучи невольнымъ подателемъ такого грустнаго извѣстія; но я просила его позабыть объ этомъ и помочь мнѣ провести вечеръ въ присутсвіи императрицы. Большихъ усилій мнѣ стоило—скрыть свои настоящія чувства.

Мое волненіе было слишкомъ явнымъ, чтобъ могло ускользнуть отъ наблюденія окружающей придворной толпы, которая очень охотно выдала бы меня за государственнаго преступника, пойманнаго въ измѣнѣ, еслибъ государыня не обращалась ко мнѣ часто съ своей рѣчью; примѣтивъ мой задумчивый и весьма разсѣянный видъ, она старалась развеселить меня своими собственными шутками, которыми она мастерски владѣла.

Я отказалась отъ ужина съ императрицей и спѣшила уѣхать домой. Рана, нанесенная материнскому сердцу, была слишкомъ глубока и неизлечима. Нѣсколько дней я могла только плакать; за тѣмъ началась нервическая лихорадка. Я сравнивала поведеніе моего мужа относительно меня съ женитьбой моего сына, и тѣмъ болѣе сокрушалась, что, кажется, за всѣ мои пожертвованія въ пользу дѣтей, за неусыпныя заботы о воспитаніи сына, я покрайней мѣрѣ заслуживала отъ него того уваженія, которымъ отецъ его почтилъ въ подобномъ случаѣ свою мать.

Такъ прошли два мѣсяца, и наконецъ я получила письмо

отъ князя Дашкова; когда уже всѣ сплетники Петербурга давно знали о его свадьбѣ, онъ просилъ у меня позволенія на нее. Я между тѣмъ успѣла собрать достаточно свѣдѣній относительно его молодой жены и семейства ея, и тѣмъ больше отчаявалась въ его выборѣ; признаюсь, уронить меня ниже въ общемъ мнѣніи никто не могъ, и одна мысль о насмѣшкахъ надъ моимъ участьемъ въ этомъ бракѣ лишала меня чувствъ.

Письмо его сопровождалось примирительной запиской со стороны маршала графа Румянцева въ которой его сіятельство распространился о предразсудкахъ рожденія, непостоянствѣ и шаткости богатства и очень нелѣпо (чтобъ не сказать хуже этого, потому что мое знакомство съ нимъ отнюдь не давало ему права на такое вмѣшательство) вздумалъ совѣтовать мнѣ въ самую критическую минуту между сыномъ и матерью.

Я отвѣчала ему довольно вѣжливо, но саркатически сказала, что между многими глупостями, наполняющими мою голову, я никогда не думала съ энтузіазмомъ о привилегіяхъ высокаго рода; и еслибъ обладала хоть нѣкоторой долей краснорѣчія, такъ щедро расточаемаго его превосходительствомъ, я всегда отдала бы полное преимущество благовоспитанности и, какъ непремѣнному его послѣдствію, доброму характеру передъ всѣми блестящими, но ломкими предметами дѣтскаго честолюбія.

Сыну я отвѣтила въ немногихъ словахъ. "Когда вашъ отецъ, писала я, намѣренъ былъ жениться на графинѣ Катеринѣ Воронцовой, онъ полетѣлъ на почтовыхъ въ Москву, чтобъ испросить согласія у своей матери. Вы уже обвѣнчаны; мнѣ это извѣстно давно; я знаю также и то, что моя свекровь не болѣе меня заслуживала имѣть друга въ своемъ сынѣ."

Томительная тоска продолжала тяготить меня; я совершенно потеряла апетитъ и видимо угасала. Среди домашняго одиночества, я считала себя одинокой въ цѣломъ мірѣ, потерявъ утѣшеніе тѣхъ, чья любовь была единственной путеводной звѣздой на пути моихъ прежнихъ невзгодъ.

Къ зимѣ, почувствовавъ себя лучше въ физическомъ отно-

шеніи, я обратилась опять къ своей академической дѣятельности; продолжала заниматься диксіонеромъ, предприняла новый трудъ который академія присудила исключительно моимъ заслугамъ, т. е. точное опредѣленіе всѣхъ словъ, относящихся къ политикѣ, правленію и нравственности.

Эта послѣдняя рябота, для меня вовсе нелегкая, много потребовала вниманія и каждый день служила мнѣ громоотводомъ печальныхъ думъ, осаждавшихъ меня. Я навсегда разсталась съ свѣтомъ, исключая моихъ свиданій съ императрицей одинъ или два раза въ недѣлю, въ самомъ небольшомъ и близкомъ ея кругу.

Весной, я удалилась на дачу моего отца, отстоявшую отъ города дальше, чѣмъ моя собственная; здѣсь мое уединеніе никѣмъ не нарушалось; являлись не многіе, но и тѣмъ отказывали. Все лѣто я провела въ такомъ мучительномъ нравственномъ состояніи, что если устояла противъ замысловъ отчаянія, то обязана тѣмъ милости провидѣнія. Покинутая дѣтьми, я считала свою жизнь бременемъ и пламенно желала сбросить его, если-бъ только явилась на помощь посторонняя рука, способная избавить меня отъ безнадежнаго существованія. Это нравственное настроеніе продолжалось или лучше возрасло на слѣдующій годъ, когда я получила позволеніе осмотрѣть свои помѣстья подъ Москвой и въ Бѣлоруссіи.....

. . . . . *

Прошедшее, настоящее и будущее одинаково отуманились передъ мной, и не представляли ни одной свѣтлой точки, на которой бы могла остановиться мысль. Самыя страшныя видѣнія фантазіи овладѣвали мной. Я съ трепетомъ припоминаю, что въ числѣ моихъ думъ была мечта о самоубійствѣ; и если-бъ не освѣжала моей души религія, эта

* Примѣчаніе издат. Брадфордъ. Здѣсь опускаются двѣ или три страницы, изъ рукописи Дашковой; онѣ разсказываютъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, глубоко и тяжело печалившихъ ее; но такъ какъ эти обстоятельства относятся къ ея частной, домашней жизни и притомъ въ нихъ замѣшиваются еще живыя личности, то издатель сочелъ нужнымъ опустить ихъ.

послѣдняя опора человѣческаго несчастія, послѣднее убѣжище для души, томимой отчаяніемъ, я не могла поручиться за то, чѣмъ окончилась бы моя агонія. Въ одномъ увѣрена, что ни убѣжденіе противъ нелѣпаго акта самоуничтоженія, ни сила разсудка не могли спасти меня : я слишкомъ страдала, чтобъ слушаться разума, гордости или другого человѣческаго побужденія. Я искала, отъ всей души искала смерти, но не хотѣла подвергаться ей добровольно, отъ своей собственной руки. Одна религія могла спасти меня.

ГЛАВА XXIII.

Въ эту зиму я менѣе, чѣмъ обыкновенно страдала ревматизмомъ, развитію котораго содѣйствовало болотистое мѣстоположеніе моей дачи. Я была въ состояніи предпринимать прогулки въ каретѣ и, по прежнему, два раза въ недѣлю обѣдала съ императрицей.

Слѣдующій разсказъ остался въ моей памяти отъ нашихъ разговоровъ за однимъ изъ этихъ обѣдовъ. Графъ Брюсъ, дежурный генералъ - адъютантъ, толкуя о храбрости, удивлялся отвагѣ солдатъ, которые, въ его виду, всходили на стѣны одного города, подъ самымъ жаркимъ огнемъ. " Ничего нѣтъ удивительнаго, сказала я ; самый отчаянный дуракъ, можетъ на минуту быть храбрецомъ и пуститься въ атаку, зная, что она скоро кончится. Притомъ, извините меня, графъ, не въ этомъ состоитъ истинная военная храбрость ; настоящее геройство заключается, съ полнымъ самоотверженіемъ и сознаніемъ всѣхъ опасностей и трудовъ въ готовности встрѣтить и рѣшимости одолѣть ихъ. Если-бъ стали пилить какой нибудь членъ вашего тѣла острымъ деревяннымъ ножомъ и вы вынесли бы боль терпѣливо, я сочла бы васъ болѣе мужественнымъ, чѣмъ того воина, который неподвижно простоитъ нѣсколько часовъ передъ непріятелемъ.

Императрица поняла меня; но графъ повелъ доказательство, не совсѣмъ ясное, и указалъ на самоубійство, какъ образецъ храбрости. Впродолженіе дальнѣйшаго разговора, когда я опровергала мнѣніе Брюса, съ особеннымъ одушевленіемъ, можетъ быть, вслѣдствіе близкаго настроенія моей собственной души, императрица ни на одну минуту не свела глазъ съ меня.

Когда я окончила свой разсказъ, далеко не исчерпанный, обратилась къ императрицѣ и съ улыбкой увѣрила ее, что никогда и ничто не заставитъ меня ни искать, ни замедлять моей смерти. Наперекоръ софизмамъ Ж. Ж. Руссо, идеала моей юности, я всегда буду того мнѣнія, что страдать гораздо достойнѣе истиннаго мужества, чѣмъ искать ненормальнаго облегченія отъ страданій.

Императрица спросила, въ чемъ же состоитъ этотъ софизмъ Руссо и гдѣ я вычитала его?

"Въ "Новой Элоизѣ," отвѣчала я, онъ утверждаетъ, что не надобно бояться смерти, потому что пока мы живемъ, смерти быть не можетъ, а когда умираемъ, насъ больше нѣтъ."

"Онъ очень опасный писатель, прибавила государыня; его слогъ кружитъ и сбиваетъ съ толку головы молодыхъ людей."

"Я никогда не могла добиться свиданія съ нимъ, бывши въ Парижѣ въ одно время съ нимъ. Онъ прикидывался вѣчнымъ *инкогнито*, между тѣмъ его пожирала жажда славы и, наполняя міръ толками о своей личности, онъ показалъ шарлатанскую скромность, дѣйствительно невыносимую. Его произведенія, какъ вы замѣтили, безъ сомнѣнія опасны, потому что незрѣлые умы легко увлекаются софизмами его, принимая ихъ за силлогизмы.

Съ этого дня, императрица не пропускала ни одного случая, чтобъ дать новое направленіе моимъ мыслямъ; и я, разумѣется, не была равнодушна къ такой добротѣ.

Однажды утромъ мы были наединѣ; Екатерина попросила меня написать маленькую драму на Русскомъ языкѣ, для

эрмитажнаго театра. Напрасно я увѣряла, что у меня нѣтъ и тѣни таланта для такого сочиненія. Государыня настаивала и призналась мнѣ, что подобное занятіе, какъ она убѣдилась по собственному опыту, заинтересуетъ и развлечетъ меня.

Наконецъ я принуждена была согласиться, съ однимъ, однакожъ, условіемъ, что императрица просмотритъ первые два акта и поправитъ ихъ, или просто велитъ бросить въ огонь.

Такимъ образомъ, договорившись, я принялась за работу въ тотъ же вечеръ. На слѣдующій день я кончила первые два дѣйствія и отвезла ихъ императрицѣ. Піеса была названа именемъ главнаго лица Н..... думая что это названіе, выражавшее дѣйствующій характеръ, никого не оскорбитъ, тѣмъ больше, что мой герой былъ самымъ общимъ мѣстомъ, т. е. человѣкъ вовсе безъ характера; такими-то безцвѣтными существами и наполнено наше Петербургское общество.

Императрица отвела меня въ свой кабинетъ и заставила тутъ же прочитать, что было слишкомъ почетно для моего сочиненія. Надъ многими сценами она хохотала и, по снисхожденію или по особенному расположенію ко мнѣ, произнесла самый лестный отзывъ о моемъ опытѣ. Я обрисовала планъ третьяго акта, въ которомъ готовилась развязка драмы. На это она возразила, и настаивала на пяти актахъ. По моему мнѣнію, такая піеса казалась слишкомъ растянутой и, не говоря о моей усталости, она ослабила бы интересъ дѣйствія. За всѣмъ тѣмъ, я послушалась и окончила ее, возможно-скоро; потомъ два дня употребила на четкую переписку и отдала ее императрицѣ. Вскорѣ за тѣмъ, ее съиграли въ Эрмитажѣ и было приказано отпечатать.

Въ началѣ слѣдующаго года, я испросила у государыни позволеніе уволить моего сына въ отпускъ на три мѣсяца, для путешествія въ Варшаву, гдѣ онъ долженъ былъ расплатиться съ долгами своей сестры и проводить ее на родину. По этому случаю, я отдала всѣ свои деньги и

шесть мѣсяцовъ жила долгами, пока не собрала своихъ доходовъ.

Сынъ мой съѣздилъ, исполнилъ порученіе и перевезъ сестру въ Кіевъ, гдѣ онъ квартировалъ. Изъ Кіева я узнала о всѣхъ этихъ подробностяхъ. Казалось цѣлые годы я не получала отъ дѣтей ни одной строчки, и такъ какъ никто и ничто не замѣнило ихъ мѣста въ моемъ сердцѣ, то легко представить, какъ было тяжело для меня это отчужденіе.

Братъ мой, Александръ, имѣлъ у себя на службѣ, въ комерческомъ департаментѣ и таможнѣ, молодаго человѣка, Радищева, получившаго образованіе въ Лейпцигѣ и особенно уважаемаго Воронцовымъ. Однажды, въ Русской академіи явился панфлетъ, гдѣ я была выставлена, какъ доказательство, что у насъ есть писатели, но они плохо знаютъ свой родной языкъ: этотъ панфлетъ былъ написанъ Радищевымъ. Въ немъ заключалась біографія и панегирикъ Ушакову, товарищу автора по Лейпцигскому университету. Въ тотъ же вечеръ я сказала объ этомъ сочиненіи своему брату, который немедленно послалъ въ книжную лавку за панфлетомъ. По моему мнѣнію, Радищевъ обнаружилъ въ своей брошюрѣ притязаніе на авторство, но въ ней не было ни слога, ни идеи, за исключеніемъ кой-какихъ намековъ, которые въ эту пору могли показаться опасными. Спустя нѣсколько дней, мой братъ замѣтилъ мнѣ, что я слишкомъ строго осудила Радищева; прочитавъ его, онъ находитъ, что авторъ слишкомъ превознесъ своего героя, ничего замѣчательнаго не сдѣлавшаго и не сказавшаго во всю свою жизнь, за всѣмъ тѣмъ, не льзя обвинять книгу ни въ чемъ дурномъ.

"Можетъ быть, дѣйствительно, сказала я, мой судъ слишкомъ строгъ; но такъ какъ вы любите автора, то я должна вамъ сказать, что особенно озадачило меня при чтеніи произведенія его: если человѣкъ жилъ только для того, чтобъ ѣсть, пить и спать, онъ могъ найдти себѣ панегириста только въ писателѣ, готовомъ сочинять все, очерти

голову; и эта авторская манія, вѣроятно, современемъ подстрекнетъ вашего любимца написать что нибудь очень предосудительное."

Такъ это и случилось. Въ слѣдующее лѣто, когда я жила въ Троицкомъ, братъ извѣстилъ меня письмомъ, что мое предсказаніе относительно Радищева вполнѣ оправдалось,— онъ написалъ сочиненіе такого свойства, что его приняли за наботъ къ революціи; вслѣдствіе чего онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь.

Нисколько не радуясь исполненію своего зловѣщаго предсказанія, я искренно сожалѣла о судьбѣ Радищева, особенно потому, что братъ принималъ живое участіе въ положеніи этого молодаго человѣка, и слѣдовательно глубоко былъ огорченъ неосторожностію и гибелью его. Въ то же время, я предвидѣла, что настоящій любовникъ постарается, при этомъ удобномъ случаѣ, обвинить покровителя на счетъ покровительствуемаго.

Попытка была сдѣлана ловко, но не достигла своей послѣдней цѣли: умъ Екатерины еще не совсѣмъ покорился господствовавшей надъ ней партіи.

За всѣмъ тѣмъ мой братъ упалъ въ немилость и, подъ вліяніемъ интригъ генералъ-прокурора, работавшаго за-одно съ его врагами, сталъ въ такое непріятное отношеніе къ двору, что подъ предлогомъ нездоровья и необходимой перемѣны воздуха, испросилъ увольненіе на годъ. Отпускъ былъ данъ. Когда онъ оставилъ Петербургъ, я чувствовала себя совершенно одинокой въ обществѣ людей, съ каждымъ днемъ больше и больше ненавистныхъ для меня. Впрочемъ я надѣялась на его возвращеніе по прошествіи означеннаго срока; но и въ этомъ ошиблась: прежде, чѣмъ кончился годъ, онъ просилъ и получилъ полную отставку. Это было въ 1794 году; такъ онъ заключилъ свою общественную карьеру, честную и полезную для его отечества.

Черезъ полтора года, послѣ увольненія отъ службы моего брата, вдова одного изъ нашихъ знаменитыхъ трагиковъ

(Княжнина) просила меня напечатать, въ пользу ея дѣтей, послѣднюю трагедію мужа, еще непзданную въ свѣтъ. Эта просьба была представлена мнѣ однимъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи (Козадавлевымъ); я сказала ему, что съ моей стороны не будетъ никакаго препятствія, если онъ просмотритъ піесу и завѣритъ меня, что въ ней нѣтъ ничего противнаго нашимъ законамъ или религіи,—и тѣмъ охотнѣе я поручила ему эту рецензію, что онъ былъ совершенный знатокъ отечественнаго языка и очень строгій судья въ цензурномъ отношеніи.

Козадавлевъ доложилъ мнѣ, что трагедія основана на историческомъ фактѣ, происходившемъ въ Новгородѣ, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго ни по мыслямъ, ни по языку, и что развязкой піесы служитъ торжество монарха надъ покореннымъ Новгородомъ и бунтомъ.

На основаніи этого доклада, я приказала напечатать трагедію (Вадимъ), облегчивъ расходы бѣдной вдовы сколько возможно больше. Не льзя не изумляться, какимъ образомъ, эта ничтожная вещь могла поднять таакую нелѣпую суматоху при дворѣ.

Графъ Иванъ Салтыковъ, въ цѣлую жизнь не прочитавшій ни одной книги, по наслышкѣ отъ кого нибудь утверждалъ, что трагедія, будто прочитанная имъ, очень опаснаго содержанія для настоящаго времени, и, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, побѣжалъ къ любовнику, чтобъ сообщить ему свое мнѣніе. Не знаю, читала ли ее Екатерина или Зубовъ; но вскорѣ за тѣмъ явился ко мнѣ полицеймейстеръ и очень вѣжливо попросилъ позволенія войдти въ книжные магазины, принадлежавшіе академіи и, согласно съ приказаніемъ императрицы, отобрать всѣ экземпляры трагедіи, признанной по мнѣнію Екатерины, за очень опасное сочиненіе.

Я допустила его, замѣтивъ при томъ, что едва ли онъ найдетъ хоть одинъ оттискъ; но такъ какъ эта піеса помѣщена въ послѣднемъ томѣ "Русскаго театра," издаваемаго въ пользу самой академіи, то, если угодно, онъ можетъ вырвать ее изъ

книги; за тѣмъ я прибавила, что очень смѣшно считать опаснымъ это несчастное произведеніе, которое, на самомъ дѣлѣ, гораздо менѣе враждебно монархической власти, чѣмъ многія Французскія трагедіи, представляемыя въ Эрмитажѣ.

Послѣ обѣда, никто другой, какъ Самойловъ, генералъ-прокуроръ сената пришелъ ко мнѣ съ выговоромъ отъ императрицы за напечатаніе этого труда. Чего хотѣли—оскорбить или испугать меня этой цензурой,—я не знаю; но преслѣдователи мои не успѣли ни въ томъ, ни въ другомъ. Я отвѣчала графу Самойлову очень холодно и твердо, выразивъ удивленіе, на какомъ основаніи императрица могла заподозрить меня въ желаніи распространять что нибудь враждебное ея интересамъ; и когда онъ сообщилъ мнѣ намекъ Екатерины на произведеніе Радищева, съ которымъ она сравнила опасную трагедію Княжнина, я повторила, что лучше сравнили бы ихъ, особенно послѣднюю піесу, возбудившую съ ихъ стороны, столько мести, съ ходячими Французскими драмами, представляемыми, какъ на общественныхъ такъ и частныхъ театрахъ. Относительно либеральнаго ея направленія, я просила принять во вниманіе, что она предварительно была отдана на просмотръ одному изъ академическихъ совѣтниковъ, прежде чѣмъ Княжниной было позволено печатать ее въ свою пользу; поэтому, я надѣюсь, что мнѣ не будутъ больше говорить объ этомъ.

Въ тотъ же вечеръ я не замедлила навѣстить Екатерину. Когда я вошла въ комнату, на лицѣ ея, видимо, выражалось неудовольствіе. Я подошла къ ней и спросила о здоровьи. "Все хорошо, отвѣчала она; но скажите, пожалуйста, что я вамъ сдѣлала, что вы распространяете противъ меня и моей власти такія опасныя правила?"

"И неужели вы считаете меня способной на это дѣдо?" воскликнула я.

"Знаете-ли, что я думаю объ этой трагедіи: ее надобно сжечь рукой палача."

Это выраженіе было вовсе не въ характерѣ Екатерины, и

потому я съ удовольствіемъ примѣтила, что она говорила языкомъ другаго лица, руководившаго мнѣніемъ ея.

" Но что это значитъ, государыня? возразила я ; будетъ-ли она сожжена палачемъ или нѣтъ—не я буду краснѣть за нее. Но, ради Бога, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на поступокъ, столь несообразный съ вашимъ характеромъ, позвольте мнѣ прочитать вамъ эту гонимую драму; вы увидите, что развязка ея именно въ томъ духѣ, въ какомъ вы и всякій доброжелатель вашей власти желалъ бы ее. Въ то же время прошу васъ вспомнить, что заступаясь за піесу, я не авторъ и не заинтересованный издатель ея."

Дальше возражать было нечего, и потому разговоръ кончился. Затѣмъ императрица сѣла за карточный столъ и я послѣдовала ея примѣру.

На другое утро, я пришла съ офиціальнымъ рапортомъ къ государынѣ и напередъ рѣшилась доложить за урядъ съ другими и потомъ просить уволить меня отъ должности, если она не приметъ меня съ обычнымъ довѣріемъ, не допуститъ въ свою туалетную брилліантовую комнату* и не станетъ говорить со мной попрежнему запросто.

Въ сборной залѣ встрѣтилъ меня Самойловъ, только что вышедшій изъ кабинета государыни ; онъ шопотомъ замѣтилъ мнѣ вести себя хладнокровно, ибо императрица покажется скоро ; " кажется, она нисколько не гнѣвается противъ васъ, прибавилъ онъ."

Я отвѣчала обыкновеннымъ тономъ голоса, такъ, чтобъ слышали близь стоявшіе здѣсь : " Милостивый государь, я не имѣю особеннаго повода горячиться—потому что мнѣ не за что упрекать ни себя, ни другихъ; что же касается государыни, мнѣ остается жалѣть, если она сердится или подозрѣваетъ меня. Впрочемъ, я такъ привыкла къ не-

* Въ этой комнатѣ лежали большая и малая брилліантовыя короны и другія дрогоцѣнныя вещи. Здѣсь, обыкновенно, императрица принимала меня, послѣ того, какъ я входила въ ея уборную комнату, и здѣсь мы оставались наединѣ, безъ всякой церемоніи, въ то время. когда чесали ей волосы.

справедливости, что какъ бы она ни была велика, меня трудно удивить."

Вскорѣ за тѣмъ вышла императрица и, давъ поцѣловать руку своимъ утреннимъ посѣтителямъ, обратилась ко мнѣ и, съ обычной лаской, сказала: "Очень рада видѣть васъ, княгиня; пожалуйста, идите за мной."

Надѣюсь, что читатели этихъ записокъ повѣрятъ мнѣ и не упрекнутъ меня въ тщеславіи, если я скажу, что это ласковое приглашеніе было пріятно мнѣ не столько за себя, сколько за императрицу; потому что мнѣ было бы больно, въ противномъ случаѣ, оставить академію и Петербургъ, что отнюдь не отнеслось бы къ чести Екатерины.

Довольная тѣмъ, что цензурная бездѣлица не разлучила меня съ государыней, я едва вошла въ слѣдующую комнату, какъ съ жаромъ протянувъ руку, просила Екатерину дать мнѣ поцѣловать свою и забыть прошлое.

"Но вѣдь поистинѣ, сказала императрица—

"Да, да, государыня, продолжала я, перервавъ ея рѣчь и повторивъ Русскую пословицу: "сѣрая кошка пробѣжала межъ насъ; не зовите ее черной."

Императрица согласилась, что дѣло не стоило особеннаго вниманія и, засмѣявшись, обратила разговоръ на другой предметъ. Я осталась обѣдать при дворѣ и замѣтила, что на ея душѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда гнѣва. Обѣдъ шелъ очень весело; въ особенномъ припадкѣ юмора, я, повидимому, заразила имъ и Екатерину; она отъ всего сердца хохотала при всякой ничтожной шуткѣ, которыя я расточала съ рѣдкой веселостью.

ГЛАВА XXIV.

Современная политика носила самый утѣшительный характеръ. Шведская война кончилась. Война съ Турками, казалось, обѣщала самые счастливые результаты, чему, нѣтъ сомнѣнія, содѣйствовала храбрость нашихъ солдатъ и искусство нѣкоторыхъ отличныхъ полководцевъ. Мирный договоръ съ Портой былъ близокъ къ развязкѣ, не смотря на интриги и постоянныя сплетни Французскаго кабинета, который не успѣлъ убѣдить Турокъ нарушить его: у нихъ надолго была отбита охота мѣряться своими силами съ Русскимъ войскомъ, на полѣ битвы. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть своего брата и побывать въ своихъ помѣстьяхъ. Съ этими желаніями соединялась полная рѣшимость сложить съ себя служебныя обязанности и удалиться отъ шума царской столицы; но я рѣшилась разстаться съ Петербургомъ не прежде, какъ раздѣлавшись съ кредиторами моей дочери и уплативъ банковый долгъ въ тридцать двѣ тысячи рублей, занятыхъ для покрытія издержекъ по заграничному путешествію.

Съ этой минуты я хотѣла провести остатокъ жизни спокойно и среди уединенныхъ занятій сельскимъ хозяйствомъ; поэтому я задумала продать свой домъ въ Петербургѣ, но не покидать города, пока не развяжусь съ

съ денежными обязанностями, столь не совмѣстными съ полнымъ спокойствіемъ и независимостью.

Здѣсь приходится мнѣ напомнить о Щербининѣ. Онъ перевелъ на свою жену очень небольшое состояніе, такъ точно, какъ на двоюродную сестру Б..... Его мать и родныя сестры вытянули у сената право распоряжаться остальнымъ имѣніемъ его и, вѣроятно, не безъ надежды забрать себѣ въ руки подаренныя доли. Надо замѣтить, что люди, обвиненные закономъ въ неспособности управлять своимъ имѣніемъ, передаютъ это право попечителямъ, пользуясь, однакожъ, довольно широкимъ кругомъ личнаго участія въ этой опекѣ; Щербинину стоило только попросить и исполнить нѣкоторыя формальности, чтобъ возвратить себѣ это право. Но онъ не сдѣлалъ этой попытки, будучи вполнѣ убѣжденъ матерью и сестрой въ томъ, что онѣ однѣ лучше соблюдутъ его интересы.

Когда дѣла Щербинина приняли такой оборотъ, я сочла необходимымъ строго разобрать долги своей дочери, за которыя я поручилась, прежде чѣмъ отпустила ее заграницу. Потребовавъ всѣ векселя и расписки, розданныя ею, я хотѣла убѣдиться въ ихъ дѣйствительной силѣ и въ удостовѣреніи ихъ собственной ея подписью. Между векселями, представленными мнѣ, находились многіе, подписанные вмѣстѣ мужемъ и женой, сообразно требованію предметовъ, исключительно употребляемыхъ Щербининымъ.

Отвѣчать за всѣ эти обязательства безъ исключенія, было бы глупо. Поэтому я отнеслась къ опекунамъ имѣнія его, и отъ нихъ-то узнала, что переводъ доли, выдѣленной мужемъ Щербининой, состоялся и признанъ по всѣмъ формамъ закона.

Если бъ было какое нибудь сомнѣніе или затрудненіе относительно этого пункта, то слѣдовало просить сенатъ, который могъ уничтожить или признать подаренную собственность.

Между тѣмъ, я просила ихъ разсмотрѣть векселя, присланъ-

ные мнѣ, и по совѣсти рѣшить, какіе изъ нихъ должны быть уплачены мной, какіе—ими, по случаю собственныхъ займовъ Щербинина и наконецъ, какіе должны быть очищены нами вмѣстѣ.

Вопросъ былъ перенесенъ въ сенатъ. Я нисколько не искала рѣшенія въ пользу своей дочери, и, говоря откровенно, отнюдь не желала его, ибо была убѣждена, что моя дочь была главной участницей въ расточеніи мужниnаго состоянія. Я, однакожъ, замѣтила генералъ-прокурору, отъ котораго зависѣло рѣшеніе этого вопроса, что мнѣ желательно было бы поскорѣй окончить дѣло и, если я выиграю его, то немедленно приму надлежащія мѣры и отправлюсь въ Москву.

Мой домъ уже перешелъ въ чужое владѣніе и я, пополамъ съ горемъ, обитала въ обширныхъ пустыхъ хоромахъ своего отца, съ самой необходимой прислугой; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я была одна, и подобно романической героинѣ, казалась осужденной геніемъ зла на вѣчное заключеніе въ этомъ заколдованномъ дворцѣ.

Наконецъ рѣшеніе сената состоялось, и я была свободна. Оно было утверждено императрицей и окончилось въ пользу моей дочери. Я уплатила большую часть росписокъ, нѣкоторыя отложила на извѣстный срокъ, поручившись лично за удовлетвореніе ихъ претензій.

Управленіе этимъ имуществомъ моей дочери, теперь переданное мнѣ, вовсе не было выгодно для меня. Напротивъ, оброкъ, возложенный на крестьянъ былъ такъ не великъ, что нимало не обременялъ ихъ, но доходовъ его едва доставало на уплату однихъ процентовъ, съ тѣхъ суммъ, которыя я признала обязательнымъ долгомъ.

Устроивъ такимъ образомъ денежныя спекуляціи, я просила письмомъ Екатерину уволить меня отъ академическихъ должностей и позволить, какъ статсъ-дамѣ, отлучиться отъ двора на два года, для поправленія хилаго здоровья и домашнихъ дѣлъ.

Императрица не хотѣла слышать о моей рѣшительной

отставкѣ, но отпустила на два года изъ столицы. Напрасно я доказывала, что академіямъ не совсѣмъ удобно имѣть отсутствующаго начальника. Государыня настаивала и хотѣла назначить особеннаго депутата, съ тѣмъ, чтобъ онъ исполнялъ заочныя мои распоряженія, а я продолжала дѣйствовать въ качествѣ дѣйствительнаго директора и пользоваться всѣми выгодами своего положенія.

Графу Безбородкѣ она выразила сожалѣніе о моемъ удаленіи отъ двора. Я также разставалась не безъ грусти: хотя уже давно утѣшала меня мысль о жизни уединеной и надежда на свиданіе съ моимъ братомъ, за всѣмъ тѣмъ разлука съ Екатериной и, можетъ быть, послѣдняя разлука щемила мое сердце; я страстно и безкорыстно любила ее, прежде чѣмъ она надѣла корону; я любила Екатерину въ то время, когда она могла быть для меня менѣе полезной по своей власти, чѣмъ я—ей по своимъ заслугамъ; и хотя она никогда, въ отношеніи ко мнѣ, не обнаружила того искренняго расположенія, какое лежало въ глуби ея сердца, при всемъ томъ я всегда чувствовала къ ней ту вдохновенную и юношескую любовь, которая соединила меня съ ней неразрывнымъ союзомъ.

Съ какою гордостью, съ какимъ наслажденіемъ я всегда останавливала взоръ на честныхъ дѣлахъ жизни и царствованія Екатерины! И въ нихъ-то я старалась угадать этотъ смѣлый и гибкій умъ, который ставилъ ее въ моемъ воображеніи выше всѣхъ Русскихъ монарховъ.

Я недавно читала два сочиненія на Русскомъ языкѣ; первое называется: "Жизнь Екатерины великой;" другое — "Анекдоты царствованія Екатерины II." Оба они написаны въ патріотическомъ духѣ и съ чувствомъ преданности государынѣ. Впрочемъ надо замѣтить, что въ обоихъ допущена очень грубая ошибка; въ нихъ говорится, что Екатерина знала Греческій и Латинскій языкъ и что въ числѣ новѣйшихъ языковъ, она предпочитала Французскій, какъ самый легкій для разговора.

Я положительно утверждаю, что императрица не знала ни Латинскаго, ни Греческаго и если она говорила съ иностранцами на Французскомъ предпочитательно своему родному Нѣмецкому, то единственно потому, что ей хотѣлось заставить Россію забыть, что она была Нѣмка. И въ этомъ она вполнѣ успѣла: я слышала отъ многихъ Русскихъ мужиковъ, которые называли ее *землячкой* и *матушкой*.

Разговорывая съ ней о Европейскихъ литературахъ и языкахъ, я часто слышала отъ нея, что богатство и энергія Нѣмецкаго языка неизмѣримо выше Французскаго, и если бъ первому дать гармонію послѣдняго, онъ непременно былъ бы языкомъ всеобщимъ. По мнѣнію ея, Русскій языкъ, соединяя въ себѣ богатство, силу и нервъ Нѣмецкаго съ музыкальностію Италіянскаго, сдѣлается современемъ капитальнымъ языкомъ всего міра.

Наконецъ, собравшись въ путь я отправилась провести послѣдній вечеръ съ Екатериной въ Таврическомъ дворцѣ. Она встрѣтила меня съ необыкновенной лаской, и я не знала, какъ разстаться. Въ извѣстной часъ, императрица удалилась; я хотѣла проститься съ ней наединѣ; проходя въ ея кабинетъ, я встрѣтилась въ дверяхъ съ великимъ княземъ Александромъ и его доброй супругой. Князь Зубовъ разговоривалъ съ ними.

Я тихонько попросила его пропустить меня—проститься съ Екатериной (можетъ быть въ послѣдній разъ), такъ какъ я назначила выѣхать завтра. "Подождите не много," сказалъ онъ, и вдругъ изчезъ. Я думала, что онъ пошелъ доложить Екатеринѣ о моемъ желаніи, но прошло полчаса и посолъ не являлся. Я вошла въ ближайшую комнату и приказала одному камеръ-лакею попросить государыню дозволить мнѣ поцѣловать руку ея передъ отъѣздомъ. Еще проходитъ четверть часа, и наконецъ является посолъ просить меня къ Екатеринѣ.

При входѣ въ ея кабинетъ, я замѣтила угрюмое вы-

раженіе на лицѣ, вмѣсто обыкновеннаго свѣтлаго взгляда ея и, въ ожиданіи самого нѣжнаго *прости*, я встрѣтила самый холодный и даже рѣзкій пріемъ: "Добраго пути, мадамъ," пробормотала она.

Кто привыкъ строго судить себя, тотъ не сознаетъ оскорбленія, ни въ томъ случаѣ, когда его дѣлаетъ, ни въ томъ, когда принимаетъ. Въ этомъ именно положеніи я теперь находилась. Отнюдь не думая, чтобъ причиной этой нечаянной перемѣны была я сама, мнѣ представилось, что государыня получила какое нибудь печальное извѣстіе, сильно встревожившее ее: пожелавъ ей въ душѣ счастія и здоровья, я вышла.

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ проститься Новосильцовъ, родственникъ Марьи Савишны, одной изъ домашнихъ и очень довѣренныхъ женщинъ Екатерины. Я спросила его, не пріѣзжалъ ли вчера ночью курьеръ съ непріятными новостями, которыя такъ странно измѣнили Екатерину, когда я разставалась съ ней. Новосильцовъ отвѣчалъ, что онъ только -что изъ дворца и вполнѣ увѣренъ, что тамъ нѣтъ никакихъ дурныхъ извѣстій и что императрица въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Я терялась въ заключеніяхъ.

Но въ это самое время принесено письмо отъ императорскаго секретаря, Трощинскаго, и оно разрѣшило мою загадку. При письмѣ былъ приложенъ счетъ портнаго, подписанный моей дочерью и мужемъ ея, и съ тѣмъ вмѣстѣ самое жалобное прошеніе, написанное съ мастерской лестью и интересомъ для Екатерины. Секретарь увѣдомлялъ меня, отъ имени государыни, что она удивляется, какимъ образомъ я оставляю Петербургъ, не исполнивъ обѣщанія — уплатить дочерніе долги.

Говоря по правдѣ, я кипѣла злобой, читая это письмо и тутъ же рѣшилась расквитаться съ Петербургомъ на-всегда. Трощинскому я отвѣтила, что для меня не менѣе удивительно то, что императрица могла заподозрить, чтобъ я была способна уронить себя такъ низко въ ея глазахъ; что я возвращаю

росписку и, если государыня потрудится просмотрѣть ее, она увидитъ, что дочери моей не было никакой надобности заказывать для себя такія вещи; что эти мундиры, ливреи и т. под. были сдѣланы Щербининымъ для себя самого и своихъ слугъ; что я нисколько не обязана платить за своего зятя, котораго средства, даже теперь, совершенно равны моимъ; что я между тѣмъ, отослала этого портнаго къ опекунамъ Щербинина, которые въ моемъ присутствіи поручились заплатить этотъ долгъ—по прошествіи двухъ мѣсяцевъ;*—чѣмъ вполнѣ удовлетворенъ заимодавецъ; и если бъ онъ или кто нибудь другой продиктовалъ новую жалобу, съ цѣлію оскорбить меня, предоставляю судить императрицѣ: неужели, въ самомъ дѣлѣ, я должна отвѣчать за нее?

Послѣдній намекъ оправдался. Эта просьба, какъ впослѣдствіи оказалось, была наушничествомъ князя Зубова; онъ составилъ ее, онъ же, въ тотъ вечеръ, оставивъ меня, представилъ ее императрицѣ въ ту самую минуту, когда я должна была проститься съ ней.

Это было послѣднее мое свиданіе съ Екатериной II. И хотя поступокъ Зубова былъ памятенъ мнѣ на цѣлую жизнь, за всѣмъ тѣмъ, я приняла его какъ обыкновенно, въ Петербургѣ, послѣ восшествія на престолъ Александра и потомъ въ Москвѣ, послѣ коронаціи, между тѣмъ какъ другіе круто отвернулись отъ него.

Наконецъ я оставила Петербургъ, подъ вліяніемъ самыхъ противоположныхъ чувствъ, и еслибъ только я способна была разлюбить Екатерину, вовсе неутѣшительныхъ для нея.

Я поѣхала окольнымъ путемъ, намѣреваясь побывать въ Бѣлоруссіи и собрать деньги, предназначенныя для уплаты долговъ моей дочери. Здѣсь я провела восемь дней и только недѣлю прожила въ Троицкомъ, пламенно желая скорѣй увидѣться съ братомъ.

Дорога къ нему вела черезъ Москву, и здѣсь я осталась не

* Этотъ долгъ былъ, дѣйствительно, уплаченъ Щербининымъ черезъ два или три мѣсяца.

дольше, чѣмъ это было необходимо для того, чтобъ отдать приказанія отдѣлать нижній этажъ въ домѣ, возможно просто, но со всѣми удобствами для зимнаго житья.

Такимъ образомъ я считала свою служебную карьеру оконченной. Хотя я далека отъ того, чтобъ гордиться ея блистательнымъ успѣхомъ, зависѣвшимъ отъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ но, нельзя же безусловно согласиться и съ порицателями моей дѣятельности въ кругу двухъ академій. Я твердо убѣждена, что только тотъ въ состояніи бороться съ несчастіемъ, кто умѣетъ побѣждать свое личное самолюбіе и ограничивать эгоизмъ извѣстными предѣлами.

Дружба брата и сельскій трудъ были единственными предметами моихъ настоящихъ желаній, и я встрѣчала новый образъ жизни не только съ удовольствіемъ, но и съ какимъ то невозмутимымъ спокойствіемъ; одно чувство мутило мой душевный миръ, чувство сожаленія, что люди, всего болѣе мной любимые и уважаемые, дѣйствовали недостойно самихъ себя и были слишкомъ несправедливы ко мнѣ.

Мое свиданіе съ братомъ доставило ему величайшее наслажданіе, и время, проведенное нами вмѣстѣ, было самымъ пріятнымъ временемъ. Дружба и кровные узы давно соединили наши сердца, тѣмъ крѣпче, что между нами образовалась симпатія вслѣдствіе одинаковыхъ обстоятельствъ. Каждый изъ насъ проходилъ служебное поприще, и каждый бѣжалъ отъ свѣта съ одинаковыми чувствами и опытами; мы совершенно понимали, сочувствовали другъ другу въ образѣ мыслей и воззрѣніи на прошедшее.

Мой братъ былъ человѣкъ умный и образованный, но сдержанный, серьезный, точный и даже холодный въ обществѣ. Эта разница въ нашихъ характерахъ и манерахъ отнюдь не нарушала гармоніи нашихъ дружескихъ отношеній.

Время моего посѣщенія прошло счастливо и очень быстро. Я должна была возвратиться въ Москву, осмотрѣть свои комнаты, прилично отдѣланныя и обставленныя печами для принятія меня и друзей моихъ, прежде чѣмъ настанутъ холода.

Я наблюдала за всѣми этими работами, и скоро снова увидѣлась съ братомъ въ Москвѣ, который въ этотъ годъ переѣхалъ въ городъ раньше, чѣмъ обыкновенно.

На слѣдующее лѣто, онъ навѣстилъ меня въ Троицкомъ, и былъ восхищенъ изящной его обстановкой. Сады, огороды и зданія, которыми я украсила мѣстоположеніе его, были совершенно во вкусѣ моего брата. Когда я, осенью, пріѣхала къ нему, онъ далъ мнѣ полную власть распоряжаться въ новой распланировкѣ его имѣнія и въ разведеніи садовъ, которые я уже начала въ предъидущемъ году.

Лѣтомъ 1796 года я побывала въ своемъ Могилевскомъ помѣстьѣ, гдѣ я получила много писемъ изъ Петербурга, извѣщавшихъ меня о всемъ, что говорилось и дѣлалось при дворѣ. Нѣкоторыя лица желали моего возвращенія въ столицу и доносили, что императрица не одинъ разъ собиралась писать ко мнѣ, чтобъ вызвать меня въ Петербургъ и поручить отвезти великую княгиню Александру въ Швецію, въ случаѣ бракосочетанія ея съ королемъ.

Меня также увѣдомляли московскіе родственники, жалѣвшіе о моемъ отсутствіи; они увѣряли, что императрица уже отправила гонца просить меня въ Петербургъ. Эта новость побудила меня поскорѣй возвратиться въ Троицкое, откуда я еще разъ написала Екатеринѣ просьбу о моей полной отставкѣ или, по крайней мѣрѣ, о продолженіи моего отсутствія.

Въ отвѣтъ я получила самое доброе письмо; мнѣ дано позволеніе еще остаться на годъ. Желая, однако жъ, удостовѣриться, не была ли принята эта просьба съ дурной стороны, я написала нѣкоторымъ искреннимъ друзьямъ— передать мнѣ по чести, что говорила императрица и какъ она вообще думаетъ о мнѣ. Они отвѣчали, что Екатерина постоянно повторяетъ, что никому она не желала бы поручить сопровождать свою внучку въ Швецію, кромѣ меня.

"Я увѣрена, говорила она, что княгиня Дашкова любитъ меня настолько, чтобъ не отказать мнѣ въ этой задушевной просьбѣ; въ такомъ случаѣ я буду совершенно спокойна за свою молодую королеву."

ГЛАВА XXV.

По возвращеніи изъ Круглова въ Троицкое я занялась новыми постройками. Четыре дома были окончены и я развела цвѣтники,—совершенный рай, по крайней мѣрѣ для меня. Здѣсь не было ни одного дерева, ни одного куста, посаженнаго если не моей собственной рукой, то подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ и указаніемъ. Мы особенно любимъ труды собственнаго произведенія,— и потому я искренно была убѣждена, что мое Троицкое самое очаровательное загородное мѣсто, какое только я видѣла гдѣ-либо.

Высшее достоинство его заключалось въ счастливомъ положеніи крестьянъ. Впродолженіе сороколѣтняго моего владѣнія, число ихъ возросло отъ восьми сотъ сорока до тысячи пяти сотъ пятидесяти девяти. Я говорю о мужскомъ полѣ, который, обыкновенно, одинъ принимается у насъ въ счетъ; женская половина увеличилась, по моему предположенію въ той же пропорціи, и если нѣкоторыя дѣвушки, съ замужествомъ, переходили въ другія помѣстья, то молодые люди, обратно, избирали себѣ женъ на сторонѣ, въ сосѣднихъ деревняхъ.

Я продолжала постепенно обогощать библіотеку новыми

пріобрѣтеніями, и теперь она была очень велика. Нижній этажъ моего дома былъ устроенъ для моего житья осенью, во время которой, обыкновенно, усиливался мой ревматизмъ, —плодъ путешествія по Шотландскимъ озерамъ. Я не избѣжала его и въ этотъ годъ, и особенно страдала въ октябрѣ и первыхъ числахъ ноября, когда припадки достигли высшихъ размѣровъ, какіе только возможны въ Россіи, и едва не свели меня въ могилу.

Городничій города Серпухова, Григорьевъ, почтенный и честнѣйшій человѣкъ, другъ мой, зашелъ однажды вечеромъ ко мнѣ. Когда онъ явился, я испугалась его встревоженнаго и блѣднаго лица: "Скажите ради Бога, что съ вами?" воскликнула я.

"Развѣ вы не слыхали о несчастіи? сказалъ онъ.—Императрица скончалась."

Дочь моя, находившаяся со мной, бросилась поддержать меня, боясь, что я упаду.

"Нѣтъ, не бойся, сказала я, за мою жизнь; умереть въ эту горькую минуту было бы слишкомъ большимъ счастьемъ. Судьба бережетъ меня для болѣе черныхъ дней; я осуждена видѣть паденіе и бѣдствіе Россіи въ той же мѣрѣ, въ какой она была доселѣ счастлива и велика."

Общее потрясеніе организма сопровождалось мучительными спазмами, и я болѣе трехъ недѣль была предметомъ сожалѣнія для всѣхъ, окружавшихъ меня. Съ этой поры жизнь была для меня въ тяжесть.

Предчувствія мои, къ сожалѣнію, скоро сбылись. Ужасъ и общее безпокойство забили сердцемъ каждаго. Не было ни одного семейства, которое бы ни оплакивало въ своемъ кругу падшей жертвы. Мужъ, отецъ, дядя боялись за жену, сына и наслѣдника: одно слово деспота могло забросить ихъ въ тюрьму или въ снѣга Сибири.

До меня не замедлило дойдти извѣстіе объ указѣ новаго царя, которымъ онъ отрѣшилъ меня отъ должности. Я просила Самойлова, все еще генералъ-прокурора Сената, по-

благодарить покорно государя за освобожденіе меня отъ бремени, выше силъ моихъ.

Написавъ письмо съ этой цѣлію, я готовилась великодушно встрѣтить преслѣдованіе, ожидавшее меня: но здѣсь представилась дилемма, трудная для рѣшенія. Первое извѣстіе о моей отставкѣ получено съ письмомъ *Данаурова*, безъ всякаго другаго имени. Такъ какъ я совершенно не знала, кто это такой "Данауровъ," то мнѣ трудно было отвѣчать на его письмо; не признать приказанія Павла I значило оскорбить императора; отвѣтить на письмо, не поставивъ имени моего кореспондента, его чина и званія, значило выразить къ нему презрѣніе и тѣмъ нажить себѣ новаго врага. Вслѣдѣтвіе всего этого, я написала своему родственнику, князю Куракину, любимцу новаго двора, прося его увѣрить Данаурова, что я не отвѣчала ему тотъ часъ же единственно по незнанію его полнаго адреса; что же касается до содержанія письма его, я признаю распоряженіе государя особенной для себя милостью.

Объ этомъ произшествіи я извѣстила брата Александра, и отъ него, къ крайнему удивленію, узнала, что сей Данауровъ былъ ни больше, ни меньше, какъ сынъ однаго изъ клюшниковъ, служившихъ у моего дяди, канцлера, и послѣ женитьбы его на Колмычкѣ, одной изъ горничныхъ моей тетки былъ повышенъ въ смотрители погреба и главнаго ключара по всему дому.

Каждодневные слухи объ арестахъ и ссылкахъ доходили даже до моихъ ушей, не смотря на то, что друзья мои старались скрыть отъ меня печальныя новости, чтобъ не прибаблять новыхъ ранъ на сердцѣ.

Смерть Екатерины была потрясающимъ событіемъ. Я блѣднѣла при взглядѣ на жалкую перемѣну дѣлъ и тотъ общій тероръ, который оцѣпенилъ всю націю; не было ни одного благороднаго семейства, которое бы ни оплакивало кого нибудь изъ своихъ членовъ—въ изгнаніи или тюрьмѣ.

Физическія и нравственныя страданія тяготили мое су-

шествованіе, желая сколько нибудь облегчить себя, я согласилась переѣхать въ Москву,—не для совѣта съ докторами, потому что я ни на волосъ не вѣрила имъ, но чтобъ попробовать, не успокоятъ ли волненія крови и не дадутъ ли правильнаго обращенія ей припущенныя піявки.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ постели, среди спазмовъ, я въ состояніи была двинуться изъ Троцкаго, въ надеждѣ немедленно возвратиться для исполненія одного дѣла, задуманнаго мной. Въ Москву я пріѣхала около девяти часовъ утра, на 4 декабря; многіе изъ родныхъ тревожно ожидали моего свиданія, опасаясь за мое прискорбіе о смерти Екатерины II.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ братъ Александръ. Я принуждена была лечь въ постель, и въ это самое время вошелъ генералъ-губернаторъ Измайловъ. Онъ, повидимому, торопился, и, присѣвъ, сказалъ въ полголоса, что въ силу императорскаго приказанія, онъ считаетъ долгомъ объявить, мнѣ, чтобъ я немедленно выѣхала изъ города въ деревню, и вспоминала тамъ объ эпохѣ 1762 года.

Я отвѣтила въ слухъ передъ своими друзьями, что этотъ годъ я никогда не забывала, и, безусловно повинуясь волѣ монарха, отнюдь не отказываюсь вспоминать о томъ, въ чемъ нѣтъ для меня ни упрека, ни раскаянія; и если разсматривать дѣло безпристрастно, едва ли оно не даетъ мнѣ права на лучшее положеніе, чѣмъ то, на которое обрекаетъ меня государь. Потомъ я попросила генерала обратить вниманіе на то, что болѣзнь лишаетъ меня возможности выѣхать немедленно; что я пріѣхала для необходимой медицинской операціи и что завтра вечеромъ или послѣ завтра утромъ непремѣнно оставлю Москву. Измайловъ поклонился и ушелъ.

Всѣ, бывшіе со мной въ одной комнатѣ, за исключеніемъ меня самой, грустили и негодовали. Мой братъ такъ глубоко былъ тронутъ, что мнѣ стоило не малаго труда успокоить его.

Обѣщаніе было исполнено буквально. Я покинула Москву 6 декабря; но здоровье мое колебалось между жизнію и смертію; при всемъ томъ, я регулярно писала своему брату и нѣкоторымъ изъ родственниковъ; они и въ-особенности братъ совѣтовали не отчаяваться и беречь здоровье, увѣряя, что поведеніе Павла относительно меня было исполненіемъ нѣкотораго долга къ памяти его отца. "Подождите до коронаціи, прибавилъ онъ, и вы увидите, что государь совершенно перемѣнится."

Я выпишу свой отвѣтъ на это письмо, какъ одно изъ многихъ моихъ предсказаній, сбывшихся впослѣдствіи. "Вы говорите мнѣ, любезный другъ, что Павелъ послѣ коронаціи оставитъ меня въ покоѣ. Повѣрьте мнѣ, что вы сильно ошибаетесь въ его характерѣ. Когда тираннъ одинъ разъ поразилъ свою жертву, онъ поражаетъ ее до тѣхъ поръ, пока совершенно не добьетъ. Я знаю что моимъ преслѣдованіямъ не будетъ конца, и потому готова съ полнымъ самоотверженіемъ и надеждой на Бога вынести ихъ всѣ. Сознаніе невинности и чувство негодованія передъ лицомъ опасностей, угрожающихъ моей личной независимости, надѣюсь, замѣнятъ мнѣ мужество, пока до васъ и другихъ близкихъ моему сердцу, не коснется его злоба; но будь, что будетъ, никакія обстоятельства не принудятъ меня сказать или сдѣлать что либо унизительное для меня."

Болѣзнь не покидала меня; среди безпрерывныхъ агоній, лишенная возможности двигаться, я лежала въ постели или переносилась на носилкахъ, и только въ короткіе промежутки могла читать; такимъ образомъ у меня было довольно времени обдумать свое положеніе и рѣшиться на дальнѣйшія дѣйствія. Уѣхать за границу, если позволятъ, было единственнымъ моимъ желаніемъ; но любовь къ сыну удерживала меня. Дѣла его, о которыхъ онъ мало заботился, были разстроены; онъ надѣялся единственно на меня въ уплатѣ своихъ долговъ, и если бъ я, вмѣсто личнаго управленія своимъ имѣніемъ, истратила все, что имѣла,

заграницей, онъ могъ быть доведенъ до крайнихъ недостатковъ.

Взглядъ на прошедшее былъ не безъ утѣшенія. Извѣстная твердость характера и безкорыстіе устоявшія противъ различныхъ опытовъ, если не искупали всѣхъ недостатковъ, то по крайней мѣрѣ послужили вѣрной опорой въ несчастіи. Я всегда держала себя на сторожѣ съ любовниками Екатерины; съ нѣкоторыми изъ нихъ я была вовсе не въ ладу, что побуждало ихъ ставить меня въ двусмысленныя отношенія къ императрицѣ, раздувая между нами вражду и я, вслѣдствіе своей врожденной вспыльчивости нерѣдко забывалась и вызывала со стороны ея заслуженное негодованіе.

Между моими врагами-фаворитами былъ графъ Момоновъ, желавшій, подобно своимъ предшественникамъ, поссорить меня съ Екатериной; будучи похитрѣй своихъ собратьевъ, онъ замѣтилъ, что я на обыкновенную удочку не поддамся; поэтому онъ избралъ самый удачный способъ—пропускать меня и моего сына сквозь свои собственные тиски и, признаюсь, едва не успѣлъ въ своей цѣли. Къ счастію, моя привязанность къ императрицѣ основывалась на уваженіи. Опытъ доказалъ мнѣ, какъ мало я была обязана доброжелательству царскаго гарема, отнюдь не преклоняясь, подобно остальному стаду, передъ любовниками, и когда они были въ силѣ, я даже не хотѣла признавать ихъ вліянія; за всѣмъ тѣмъ, мнѣ ясно было видно, когда Екатерина дѣйствовала въ отношеніи ко мнѣ подъ вліяніемъ ихъ интригъ и когда слушалась внушеній своего собственнаго сердца.

Прискорбіе о невозвратимой потери, понесенной нами съ смертію императрицы, было чуждо для меня угрызеній совѣсти, когда я размышляла о своемъ участіи въ прошлыхъ событіяхъ; напротивъ, воспоминаніе о нихъ, при настоящемъ моемъ горѣ и общемъ унынія страны, скорѣе успокоивали и примиряли мой духъ.

Съ первой минуты своего восшествія на престолъ, Павелъ

обнаружилъ яростную ненависть и презрѣніе къ памяти своей матери; онъ спѣшилъ опрокинуть все, что она успѣла сдѣлать. Благоразумныя мѣры ея политики смѣнились самыми произвольными и безумными капризами. Назначенія и увольненія отъ общественныхъ должностей слѣдовали такъ быстро, что едва газета успѣвала объявить объ опредѣленіи извѣстнаго лица, какъ его опять лишалъ мѣста произволъ императора. Нерѣдко должностный человѣкъ не зналъ, къ кому должно обратиться. За общимъ ужасомъ, распространеннымъ безнаказаннымъ злоупотребленіемъ деспота, подорвавшимъ не только общественное, но и частное довѣріе, послѣдовало роковое оцѣпененіе, угрожавшее ниспроверженіемъ основнаго двигателя всѣхъ добродѣтелей,—любви къ отечеству.

Съ надорваннымъ сердцемъ, трепещущая отъ страха за своихъ друзей, родныхъ и отечество, я замирала при видѣ тѣхъ мрачныхъ картинъ зла, которыя рисовались въ воображеніи, и жила только одной надеждой,—что жизни уже осталось не много.

Предчувствіе, что императоръ не пощадитъ меня, скоро сбылось. Полковникъ Лаптевъ, дальній родственникъ моей бабушки, которому я нѣкогда помогла по службѣ, пришелъ повидѣться со мной и провести у меня вечеръ наканунѣ отъѣзда его въ полкъ, отъ котораго онъ съ трудомъ отлучился. Просидѣвъ съ нимъ до полночи, я просила его идти отдохнуть. Около трехъ часовъ утра, меня разбудила дѣвушка, которая сказала, что Лаптевъ получилъ письмо на мое имя и желаетъ говорить со мной. Будетъ еще время, отвѣчала я горничной; да и ему необходимъ покой послѣ дороги. Тогда доложили мнѣ, что письмо было нарочно послано изъ Москвы.

Увѣренная, что оно принесло мнѣ новую казнь, я позвала Лаптева, вручившаго мнѣ письмо отъ генералъ-губернатора Измайлова. Оно заключало приказаніе императора, въ силу котораго я должна была оставить Троицкое и переѣхать въ имѣніе моего сына, лежавшее въ сѣверной части Новгородской губерніи и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій Павла.

Я просила позвать къ себѣ дочь и, продиктовавъ ей отвѣтъ къ Московскому губернатору, увѣдомила его, что я не замедлю исполнить волю монарха и совершенно равнодушно смотрю, гдѣ бы мнѣ ни было суждено прозябать или кончить дни свои, но считаю долгомъ предупредить, что мнѣ невозможно отправиться немедленно на мѣсто, вовсе неизвѣстное мнѣ. Не зная ни мѣста ссылки, ни дороги къ нему, я могу заблудиться и потому выѣду не раньше, какъ дождусь гонца изъ Москвы, посланнаго достать мнѣ проводника въ глухое помѣстье моего сына.

Не легко было успокоить дочь, которая упала ко мнѣ на колѣна, заливаясь слезами. Кто-то разбудилъ миссъ Бэтси, милую англичанку, жившую въ моемъ семействѣ, и сообщилъ ей печальную вѣсть, всполошившую весь домъ. Увидѣвъ ее, трепещущую, подобно листу плакучей ивы, я просила ее заступить мое мѣсто въ домѣ и остаться въ Троицкомъ или переѣхать въ Москву,—на какое угодно время.

Она отвѣчала, что никакая человѣческая сила не поборитъ ея твердой рѣшимости сопровождать меня въ ссылку. Я обняла ее, и мы заплакали, какъ дѣти.

Лаптевъ, передавъ мое письмо курьеру и отправивъ съ нимъ слугу въ городъ, возвратился и совершенно спокойно объявилъ, что онъ намѣренъ проводить меня до самого мѣста.

Я спорила съ нимъ и жарко протестовала противъ такого поступка, доказывая ему самыя печальныя послѣдствія его и вѣчное мое раскаяніе, если онъ погибнетъ ради меня. Я напоминала ему, что онъ уже и безъ того просрочилъ отпускъ нѣсколькими днями, что мое путешествіе по проселочнымъ дорогамъ и на собственныхъ клячахъ, вѣроятно, будетъ замедлено и протянуто на неопредѣленное время, что его примутъ, на пути со мной, за дезертёра и что, наконецъ, такое теплое участіе его къ моему несчастію, можетъ оскорбить императора и стоить ему разжалованія въ солдаты. Сколько я ни убѣждала Лаптева, но напрасно. Солдатъ,

полковникъ, генералъ—все равно и безразлично было для него въ эту минуту.

"Я надѣюсь, сказалъ онъ, вы не прогоните меня; и если вы не дадите мнѣ мѣста между вашими слугами, я поѣду за вашей кибиткой и ничто не удержитъ меня отъ намѣренія видѣть мѣсто вашего заточенія."

Хорошо зная настойчивый и упорный характеръ моего молодаго друга, я больше не препятствовала ему, боясь еще больше испортить дѣло и подвергнуть его страшной отвѣтственности за участіе къ моему изгнанію. Я принуждена была уступить его желанію, чѣмъ онъ остался совершенно доволенъ, доказавъ свое искреннее расположеніе ко мнѣ, если только оно нуждалось въ доказательствѣ.

Одно обстоятельство особенно обезпокоивало его на мой счетъ. По сосѣдству со мной поселился какой-то таинственный пришлецъ, часто заглядывавшій въ мой домъ и деревню, записывая все, что видѣлъ и слышалъ. Въ пьяномъ видѣ, этотъ загадочный воришка открылъ тайну; —это былъ шпіонъ, посланный развращать моихъ слугъ, съ цѣлію узнать отъ нихъ все, что происходило вокругъ меня, какъ напр, имена моихъ домашнихъ, гостей, посѣтителей и проч.; потомъ онъ признался, что планъ, заранѣе составленный, заключался въ томъ, чтобъ схватить меня на дорогѣ, разлучить съ друзьями и сослать въ самый отдаленный край Сибири.

Такимъ образомъ, я невольно находилась во власти каждаго шпіона. Недовольный изъ моихъ слугъ могъ уничтожить мое благополучіе, составивъ свое собственное, обратившись въ доносчика—что было самымъ выгоднымъ торгомъ этого времени.

Одинъ изъ крестьянъ той деревни, куда мнѣ приказано удалиться, къ счастію находился въ Москвѣ; онъ былъ избранъ моимъ вожатаемъ. Извѣстіе о моей новой ссылкѣ уже дошло для княгини Долгорукой, которая осталась со мной до самого моего выѣзда изъ Троицкаго.

Въ это время жили со мной дочери двухъ двоюродныхъ сестръ, Исленьева и Кочетова; послѣднюю отдали родители подъ безусловный мой надзоръ. Не смотря на всю прелесть ея общества и искреннее желаніе сопутствовать мнѣ въ изгнаніе, я не хотѣла принять такой жертвы, потому что здоровье ея было самое нѣжное и требовало попеченій и медицинскихъ средствъ, недоступныхъ той глуши, куда изгоняли меня. Поэтому я написала отцу ея въ Москву, попросивъ его взять назадъ свою дочь и ея сестру. Онъ прибылъ за день до моего отъѣзда, и на слѣдующій увезъ своихъ родственницъ. Онъ обѣщалъ отослать Исленьеву къ ея матери и часто извѣщать меня о своей дочери.

ГЛАВА XXVI.

Княгиня Долгорукая,—одна изъ моихъ друзей, была вовсе не дюженнаго характера; но женщина замѣчательнаго ума и хорошаго поведенія; я особенно дорожила ея искренней и теплой дружбой. По пріѣздѣ ко мнѣ, она дѣятельно занялась приготовленіемъ моего будущаго комфорта, уложивъ собственными руками множество вещей, необходимыхъ и даже роскошныхъ для моей жизни въ крестьянской избѣ. Одна всевозможно утѣшала меня въ присутствіи и старалась скрыть свою собственную грусть; за всѣмъ тѣмъ, тайныя слезы ея лились потокомъ. Наканунѣ моего отъѣзда, я кое-какъ добрела до ея комнаты и увидѣла ее въ глубоко-скорбномъ состояніи.

Нѣжно поцѣловавъ княгиню, я упрекнула ее за малодушіе, столь несвойственное ея мощному духу; будьте покойны, сказала я, если черезъ двадцать четыре часа я останусь живой, если черезъ нѣсколько станцій не привезутъ назадъ моего трупа и небо сохранитъ меня для дальнѣйшихъ испытаній, путешествіе и перемѣна воздуха укрѣпятъ меня и мы еще разъ увидимся.

Такъ и сбылось. Я возвратилась изъ ссылки и снова увидѣлась съ Долгорукой; но по прошествіи двухъ лѣтъ

она сошла въ могилу, и мнѣ суждено было еще долго оплакивать потерю этого благороднаго существа.

Въ день моего отъѣзда, 1796 года, 26 декабря, я полубольная была приведена въ церковь. Посовѣтовавъ друзьямъ и приказавъ прислугѣ не тревожить меня напраснымъ сожалѣніемъ, я съ трудомъ простилась и поспѣшила сѣсть въ дорожную кибитку. Пускаясь въ неизвѣстный путь, я совершенно не думала о своемъ будущемъ положеніи; меня не безпокоила даже послѣдняя молва, что будто на половинѣ дороги меня нечаянно схватятъ и заключатъ въ отдаленный и глухой монастырь.

Ничего подобнаго, однакожъ, не случилось; и день за день силы мои поправлялись. Сомнѣнія моихъ знакомыхъ относительно моего путешествія въ кибиткѣ, къ котрой я вовсе не привыкла, также были не основательны; движеніе и тряска не только укротили ревматическія боли, но возстановили дѣятельность желудка и дали апетитъ къ пищѣ.

Первую ночь нашего путешествія мы провели въ хижинѣ одного мужика; Лаптевъ, замѣтивъ, что онъ разговаривалъ съ неизвѣстнымъ лицомъ, проходившимъ и подсматривавшимъ за нами, спросилъ его, кто это такой?

Хозяинъ нашъ, немножко подъ хмѣлькомъ, отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, за кого и принять его: одинъ разъ онъ назвалъ себя спутникомъ княгини, а "вотъ теперь онъ съ важнымъ видомъ приказалъ мнѣ заглянуть въ комнату ея, тамъ ли она, взаправду, находится."

Лаптевъ, съ свойственной ему запальчивостью обратился къ шпіону и спросилъ его, - какое ему дѣло до княгини и какъ онъ смѣетъ посылать всякого въ ея комнату и безпокоить ее. Шпіонъ довольно ясно выразился насчетъ своего ремесла; онъ слѣдилъ за мной по приказанію не императора, а Архарова; боясь, чтобъ я не узнала объ этомъ обстоятельствѣ, онъ грозилъ Лаптеву опасными послѣдствіями, если онъ доведетъ до моего свѣдѣнія это дѣло.

На другой день, прежде чѣмъ мы доѣхали до Твери, два

разъ угрожала намъ рѣшительная гибель; между прочимъ, поднялась страшная буря, засыпавшая дорогу снѣгомъ, и мы принуждены были семнадцать часовъ блуждать ощупью. Ни одного признака человѣческаго жилья не было видно; и когда наступила ночь, усталыя лошади едва переступали. Намъ оставалось или похоронить себя въ снѣгу, или умереть отъ холода, или сдѣлаться добычей хищныхъ звѣрей, и напуганному воображенію казалось одна изъ этихъ крайностей неизбѣжной. Слуги обробѣли; одни плакали, другіе молились и каялись.

Я приказала кучеру остановиться и подождать до разсвѣта; въ надеждѣ, что вѣтеръ спадетъ, лошади отдохнутъ, и мы наткнемся на какое нибудь человѣческое жилье и потомъ отъищемъ свою дорогу.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ, возница вообразилъ, что вдали засверкалъ огонекъ. Онъ послалъ одного смѣтливаго моего слугу къ тому мѣсту, откуда виднѣлся свѣтъ; посолъ освѣдомился и черезъ полчаса воротился съ радостнымъ извѣстіемъ, что недалеко отъ насъ находится деревня. Мы поплелись къ ней, и наконецъ нашли безопасный пріютъ для себя и своихъ животныхъ, избавившись такимъ образомъ отъ ужасной и, можетъ быть, продолжительной смерти.

Мы далеко сбились съ своего пути, потому что въ двадцать девять часовъ проѣхали только шесть верстъ. По прибытіи въ Тверь, мы превосходно помѣстились въ квартирѣ, приготовленной для насъ губернаторомъ Поликарновымъ. Этотъ почтенный человѣкъ немедленно навѣстилъ меня; когда я поблагодарила его за вниманіе и выразила опасеніе, чтобъ его доброта не навлекла на него злобы мстительнаго царя, онъ отвѣчалъ: я не хочу знать о частныхъ отношеніяхъ между государемъ и вами; мнѣ только извѣстно, что о вашемъ изгнаніи не было издано никакого указа; поэтому позвольте мнѣ дѣйствовать относительно васъ, какъ человѣку, всегда искренно уважавшему вашъ характеръ." Городъ Тверь былъ полонъ въ

это время гвардіи, проходившей въ Москву для коронаціи, что не помѣшало добродушному начальнику губерніи присылать намъ превосходный ужинъ съ своего стола.

На другое утро мы двинулись впередъ. Лошади у насъ были однѣ и тѣже, и потому мы должны были часто останавливаться, часто не проѣзжая болѣе шести верстъ.

Въ Краснохолмѣ мы имѣли счастіе встрѣтить въ начальникѣ благовоспитаннаго и обязательнаго человѣка. Это былъ нѣкто Краузе, городничій, племянникъ знаменитаго медика; онъ помогъ намъ запастись необходимой провизіей, которую трудно было достать на дорогѣ. Послѣ легкаго сна и отдыха, даннаго лошадямъ, мы поднялись ранней зарей и поѣхали дальше.

Въ этотъ день, мы вполнѣ убѣдились, что шпіонъ, слѣдившій за нами во все время нашей поѣздки, былъ наушникомъ молодаго Архарова и доносилъ своему наемнику о всемъ, что наблюдалъ вокругъ насъ.

Архаровъ—это былъ Русскій инквизиторъ императора Павла,—обязанность, отнюдь не отвратительная его мелочной и рабской душенкѣ, лишенной всякаго человѣческаго чувства. Лаптевъ вошелъ въ избу, въ то самое время, когда шпіонъ изъ нея вышелъ, забывъ на столѣ открытое письмо, адресованное Архарову. Въ немъ говорилось о моихъ недугахъ, о Лаптевѣ, сопровождавшемъ меня и еще кой о чемъ, вѣроятно, для пополненія своего разсказа; между прочимъ о томъ, что одинъ изъ моихъ лакеевъ укралъ шубу у крестьянина—что было чистѣйшей ложью, потому что всѣ они были одѣты очень тепло, между тѣмъ, скажу мимоходомъ, слуга нашего полицейскаго воришки казался жалкимъ горемыкой.

Послѣ этого мы были осторожны; отворяли двери, когда останавливались въ крестьянскихъ избахъ, чтобъ увѣриться, не подслушиваетъ ли насъ агентъ Архарова.

Скоро овладѣлъ мной дѣйствительный страхъ; поводомъ этого новаго безпокойства было одно обстоятельство, пу-

гавшее меня до самого возвращенія въ Троицкое, гдѣ я узнала отъ брата, что мой сынъ внѣ опасности. По прибытіи моемъ въ Весеготскъ, меня посѣтилъ вновь назначенный городничій и въ тоже время предшественникъ его, опредѣленный покойной императрицей, въ награду за его военныя заслуги и девять ранъ, полученныхъ въ разныхъ битвахъ; Павелъ I лишилъ его должности единственно потому, чтобъ очистить мѣсто родственнику Аракчеева, одного изъ самыхъ усердныхъ и преданныхъ исполнителей его тираніи.

Такая вопіющая несправедливость, конечно, вызывала самыя горькія жалобы со стороны отрѣшеннаго; принимая участіе въ его положеніи, я старалась по-возможности, утѣшить горюющаго старика, но ни какъ не могла заставить его говорить о другихъ предметахъ: онъ постоянно думалъ о своемъ несчастіи. Наконецъ я придумала средство,—попросивъ обоихъ городничихъ проводить мою дочь и миссъ Бэтси на ярмарку, самую знаменитую въ это время во всей Россіи. Едва они ушли, какъ явился офицеръ съ письмомъ отъ моего сына. Онъ поручилъ отдать его мнѣ прямо въ руки, и освѣдомившись такимъ образомъ о моемъ здоровьѣ, проѣхать въ Коротову—мѣсто моей ссылки,—чтобъ приготовить крестьянъ къ моему пріему и о всемъ этомъ извѣстить его.

Если бъ громъ упалъ на голову, я была бы поражена менѣе, чѣмъ полученіемъ такого письма. Я знала неумолимую строгость государя относительно военной дисциплины; извѣстно, что онъ выбранилъ Суворова и Репнина за то, что они отправили къ нему свои депеши съ офицерами. Представивъ все это, я опасалась за сына, который, за носылку офицера съ письмомъ, къ гонимой матери и за нарушеніе царскаго указа, легко могъ подвергнуться гоненію его и побывать въ Сибири.

Я спросила офицера, видѣли ли его въ городѣ и не встрѣтилъ ли онъ на дорогѣ городничаго. Онъ увѣрялъ, что его

никто не видѣлъ. Я совѣтовала ему немедленно отправиться въ Коротову, отъ которой мы находились только въ тридцати-трехъ верстахъ, гдѣ я надѣялась скоро увидѣть его. Выѣхать изъ города незамѣченнымъ было главнымъ дѣломъ.

Когда мои дѣти возвратились съ ярмарки, мы сѣли въ кареты и поздно вечеромъ достигли мѣста своего назначенія.

Моя изба была довольно просторная; противоположная комната была отведена для кухни, а лучшая хижина, не подалеку была приготовлена для моей дочери.

Я немелленно послала за Шридманомъ, посломъ моего сына, и когда онъ уѣхалъ, я узнала отъ своего слуги, что этотъ офицеръ не только велъ себя всѣмъ на показъ, но имѣлъ глупость сообщить о своемъ поступкѣ городничему, который отобралъ у него пасспортъ.

Ни днемъ, ни ночью я не могла успокоиться; во снѣ постоянно мнѣ видѣлся сынъ, сосланный въ Сибирь. Я умоляла брата и другихъ друзей извѣстить меня о положеніи Дашкова, но не совсѣмъ довѣряла ихъ утѣшительнымъ письмамъ, и безпокоилась до тѣхъ поръ, пока не узнала, что онъ дѣиствительно, назначенъ командиромъ полка.

У Павла I были свѣтлые промежутки справедливости; онъ даже проявлялъ нѣкоторую смышленность и благородство. Онъ услышалъ отъ городничаго о поступкѣ Шридмана, и нисколько не разсердился на моего сына; когда же ему донесли, черезъ шпіоновъ Архарова, что многіе изъ моихъ друзей, навѣщали меня въ ссылкѣ, онъ сказалъ: "Ничего нѣтъ удивительнаго; въ это-то время и надо доказать дружбу или благодарность княгинѣ Дашковой тѣмъ, кто любилъ ее прежде."

Ссылка относительно моего личнаго состоянія была легка и удобовыносима. Я жила въ просторной и, сверхъ ожиданія, опрятной избѣ. Правда три моихъ горничныхъ спали въ одной со мной спальнѣ; но благодаря ихъ вниманію, уваженію и чистотѣ, я не чувствовала никакого неудобства;

притомъ миссъ Бетси устроила темнозеленую занавѣску, отдѣлявшую меня отъ служанокъ.

По прибытіи моемъ въ Коротову, пріемъ мой сопровождался небольшой церемоніей; я опишу ее, потому что въ ней выразилась черта народнаго характера и при настоящемъ моемъ положеніи, чрезвычайно тронула меня. Между Русскими помѣщиками есть обычай, идти прямо въ церковь по пріѣздѣ въ деревню; попы служатъ благодарственный молебенъ и потомъ являются въ домъ господина, съ поздравленіемъ; при чемъ они благословляютъ его крестомъ, помѣщикъ цѣлуетъ крестъ и потомъ руку священника. Такъ было и со мной; какъ только я вышла изъ саней, попъ явился въ мою горницу и, совершивъ религіозный обрядъ, вмѣсто того, чтобъ протянуть мнѣ свою руку, умолялъ съ слезами на глазахъ позволить ему поцѣловать мою. Не чинъ вашъ, моя матушка, я уважаю, сказалъ онъ; нѣтъ, — слава вашихъ добродѣтелей глубоко проникаетъ мое сердце. Я говорю вамъ во имя всей деревни. Вашъ сынъ добрый баринъ, потому что вы хорошо его воспитали, потому-то мы и счастливы; для васъ несчастіе жить между нами,—мы жалѣемъ о томъ; но для насъ благодать видѣть васъ, какъ ангела—хранителя."

Я устала и ослабѣла; но это неожиданное, наивное и задушевное выраженіе любви этихъ добрыхъ крестьянъ, никогда не знавшихъ меня и при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ одушевило, осчастливило меня; прервавъ рѣчь достойнаго пастыря, я обняла его, какъ друга. Мои спутники были до слезъ тронуты этой сценой и послѣ сказали, что никогда во время самаго полнаго счастія, они не чувствовали ко мнѣ такого уваженія, какъ въ эту минуту.

ГЛАВА XXVII.

Первымъ моимъ дѣломъ, по пріѣздѣ, было — отослать Лаптева назадъ; я постоянно безпокоилась за него; къ счастію, судьба пощадила его пасть жертвой безграничной признательности и расположенія ко мнѣ. Императоръ услышавъ о его поступкѣ, съ величайшей похвалой сказалъ: "Это не изъ числа вашихъ голоштанниковъ; это человѣкъ, умѣющій носить панталоны"—любимая поговорка Павла I, когда онъ хотѣлъ выразить удивленіе къ сильному характеру.

Стрѣлковый баталіонъ, которымъ командовалъ Лаптевъ, былъ въ числѣ уничтоженныхъ полковъ; но императоръ далъ ему другой и затѣмъ вскорѣ пожаловалъ его орденомъ мальтійскаго креста.

Остановившись въ Твери, проѣздомъ въ Коротеву, я написала своему двоюродному брату князю Рѣпнину, съ цѣлію, дать почувствовать несправедливость моего изгнанія; въ то же время я напомнила ему о своихъ чувствахъ въ отношеніи Петра III, которые онъ зналъ и могъ подтвердить государю и всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ,—что я никогда не искала личнаго возвышенія или отличія своего семейства въ паденіи монарха. Я назвала мѣсто своей ссылки и указала на извѣстныхъ чле-

новъ академіи, душевно преданныхъ мнѣ, и которымъ онъ могъ безопасно вручить свое письмо; пока я не пришлю въ Петербугъ нарочнаго гонца за полученіемъ другихъ писемъ.

Отвѣтъ тѣмъ удобнѣе было передать, что ему благопріятствовало слѣдующее небывалое распоряженіе царя. Прежде приводили къ присягѣ на вѣрноподданство однихъ дворянъ; остальная часть общества, гражданскіе чиновники и крѣпостные люди не присягали. Павелъ I, по какому-то капризу, приказалъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, не исключая крестьянъ, отобрать клятву покорности.

Эта новая мѣра замутила всей Россіей. Крѣпостные приняли ее за освобожденіе отъ своихъ помѣщиковъ; и многія деревни начали бунтовать, отказываясь отъ работъ и отъ платежа оброку. Императоръ началъ усмирять бунтъ вооруженной силой; въ имѣніяхъ Апраксина и княгини Голицыной, урожденной Чернышевой, возстаніе мужиковъ до такой степени разгорѣлось, что ихъ приводили къ покорности пушечнымъ огнемъ; многіе погибли жертвой непонятой мѣры, вовлеченные въ ошибку безумной выходкой императора.

Духъ мятежа, прорвавшійся такъ непредвидѣнно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поддерживался нижними чиновниками —самымъ мерзскимъ сословіемъ въ государствѣ; — они обходили богатыя помѣстья и увѣряли бѣдныхъ и невѣжественныхъ мужиковъ, что если они объявлены казенными крестьянами, то прежніе ихъ владѣтели не имѣютъ на нихъ никакого права.

Къ чему клонились эти нелѣпые толки—трудно отгадать; но двое изъ этой шайки распространили этотъ слухъ по всей архангельской губерніи и въ сѣверной полосѣ Новгорода; и не задолго, до моего прибытія въ Коротову, они поджигали крестьянъ Дашкова, обѣщая имъ, за какую-то ничтожную сумму, перевести ихъ подъ власть лучшаго помѣщика. Мужики приняли предложеніе съ негодованіемъ

и объявили, что они теперь счастливѣе, чѣмъ будутъ въ рукахъ государства.

При такомъ положеніи дѣлъ, императоръ послалъ князя Рѣпнина въ эти бунтовавшія провинціи. Войско проходило городомъ, лежавшимъ близь той деревни, гдѣ я жила; Рѣпнинъ вручилъ свое письмо сельскому священнику и приказалъ подъ строгимъ секретомъ доставить его мнѣ. Попъ буквально исполнилъ порученіе. Однажды я смотрѣла изъ окна и замѣтила неизвѣстнаго мнѣ церковника, который шелъ прямо къ моему жилищу. Я бросилась къ двери и немедленно увидѣла передъ собой посла, который передавъ мнѣ письмо, просилъ всего больше надѣяться на Бога и за-тѣмъ изчезъ.

Князь Рѣпнинъ горько сожалѣлъ, что не можетъ оказать мнѣ ни малѣйшей помощи, но посовѣтовалъ написать императрицѣ и попросить ея ходатайства передъ императоромъ. Я долго не рѣшалась послѣдовать его совѣту, потому что чувствовала отвращеніе просить милости у государыни, вовсе не питавшей ко мнѣ расположенія. И если бъ осуждена была страдать одна, я, вѣроятно, лучше согласилась бы на всегда остаться въ настоящемъ положеніи, чѣмъ умолять о возвращеніи въ Троицкое Но мою ссылку добровольно раздѣляли другіе и, гдѣ же?—въ крестьянской хижинѣ, подъ шестидесятымъ градусомъ сѣверной широты, среди болотъ и непроходимыхъ лѣсовъ, которые, впродолженіе короткаго и ненастнаго лѣта, отрѣзовали всякій удобный выходъ окрестной черты деревни и брзпрерывно держали насъ въ заключеніи. Моя дочь, миссъ Бетси, служанки—всѣ страдали и, можетъ быть, страдали больше, чѣмъ я, подкрѣпляемая, на пути незаслуженнаго гоненія, гордымъ чувствомъ невинности, одушевлявшей меня силой, энергіей и совершенной покорностью своей судьбѣ.

Печальная наша жизнь еще больше отуманилась, когда зимой, замерзли озера и открылось сообщеніе съ окрестными

провинціями. По деревнѣ, подъ моими окнами безпрерывно проходили несчастные ссыльные изъ Петербурга въ Сибирь. Однажды, я увидѣла барскую кибитку, остановившуюся у дверей сосѣдней избы; я послала слугу освѣдомиться, кому она принадлежала. Незнакомецъ спросилъ, отъ кого посланъ слуга и, когда услышалъ мое имя, изъявилъ желаніе увидѣться со мной, назвавшись близкимъ родственникомъ.

Хотя мнѣ и не совсѣмъ было удобно принимать посѣтителей, но, подумавъ, что можетъ быть, онъ нуждался въ моей помощи, я попросила его къ себѣ. Между прочимъ, мнѣ было желательно знать, какъ онъ доводится мнѣ сродни. По мѣрѣ объясненія, рѣчь незнакомца заминалась и на лицѣ его пробѣжала конвульсивная дрожь. "Вы вѣрно больны, сказала я, и, кажется, страдаете."

"Не такъ сильно, едва проговорилъ онъ, какъ придется, вѣроятно, впослѣдствіи, до конца жизни."

Тогда онъ разсказалъ свою исторію: его замѣшали, вмѣстѣ съ другими товарищами его—гвардейцами, въ уголовное дѣло за оскорбительныя рѣчи противъ императора; прочіе сосланы въ Сибирь, а онъ былъ преданъ пыткѣ, и съ переломанными членами, отрѣшенный отъ службы, сосланъ въ Вологду, въ имѣніе своего дяди, взявшаго его на поруки.

Продолжать свиданіе, безъ всякой надежды помочь, было слишкомъ тяжело; я могла только пожалѣть о несчастіи. Но взглядъ на этого молодаго человѣка, изуродованнаго орудіемъ пытки, съ разбитыми нервами, долго пугалъ мое воображеніе.

Вскорѣ послѣ того, посѣтила меня Воронцова съ дочерью. Она приходилась мнѣ не близкой родственницей, но женщиной вполнѣ уважаемой мной. Младшій сынъ ея, достойный человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова, юности былъ отданъ на мое попеченіе и до шестнадцатилѣтняго возраста, до поступленія его въ армію съ чиномъ маіора, воспитанъ подъ моимъ руководствомъ. Добрыя

нравственныя начала и прекрасное поведеніе съ глубокимъ уваженіемъ къ матери составляли главныя черты его характера и были гордостью и утѣшеніемъ для матери. Безъ благодарности къ моимъ заботамъ о его воспитаніи, она старалась при всякомъ удобномъ случаѣ выразить свое вниманіе ко мнѣ. Поселившись не подалеку отъ меня, она пробыла цѣлую недѣлю въ моей деревнѣ. Нѣсколько книгъ, привезенныхъ изъ Троицкаго, карандаши, послужившіе намъ для рисованія окружныхъ сценъ, на робочемъ столѣ, за неимѣніемъ бумаги, развлекали наши скучные часы; наконецъ другія занятія и шутки одного козачка, служившаго при мнѣ, прогоняли черныя думы, тѣмъ больше, что мы всѣ начали мало-по-молу привыкать къ своей жизни.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я услышала отъ крестьянъ, что по случаю распутицы, ближайшая рѣка, обыкновенно, прибывала и заливала берега на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ; паромовъ или дощаниковъ для переправы здѣсь вовсе не было, за исключеніемъ утлыхъ рыбачьихъ лодокъ; у насъ не было каретъ на колесахъ и нельзя было достать ихъ. Вслѣдствіе всего этого я рѣшилась прежде наступленія разлива, написать письмо къ императрицѣ.

Я умоляла ее попросить императора дозволить мнѣ возвратиться въ Троицкое, гдѣ я могла бы пользоваться медицинской помощью и заключиться въ своемъ домѣ, не отлучаясь отъ него безъ особеннаго позволенія; такимъ образомъ, мы избавились бы отъ стѣсненій и всевозможныхъ неудобствъ, переносимыхъ нами въ крестьянской избѣ.

Въ томъ же пакетѣ я послала незапечатанное письмо къ императору; и должна сказать правду, что оно было написано скорѣе въ презрительномъ, чѣмъ въ покорно-умоляющемъ тонѣ. Я описала свое хилое здоровье, и выразила полное равнодушіе къ тому, гдѣ бы ни осудили меня

умереть; и въ самомъ дѣлѣ, о себѣ я не хлопотала, но не могла безъ сожаленія и упрека смотрѣть на положеніе своихъ близкихъ, такъ великодушно раздѣлившихъ со мной страданія ссылки.

Поведеніе мое, прибавила я, при жизни его матери, не было отмѣчено ни однимъ дурнымъ намѣреніемъ противъ личности или власти государя, и наконецъ я просила объ одномъ, дозволить мнѣ переѣхать въ Троицкое и тамъ заключиться въ уединеніи; если государь считаетъ меня недостойной и этой милости, то я прошу его ради моихъ горюющихъ слугъ и друзей.

Эти письма были отправлены по почтѣ и, разумѣется, мы тревожно ожидали отвѣта.

Послѣ я слышала отъ людей, жившихъ въ то время въ Петербургѣ и хорошо знавшихъ о всемъ, что происходило во дворцѣ; письмо мое къ государю угрожало намъ самыми ужасными послѣдствіями. Къ счастію непостоянство императора, котораго головой кружилъ вихорь ребяческой воли и случайное замедленіе курьера, готоваго отправиться ко мнѣ съ послѣднимъ роковымъ ударомъ, измѣнили жестокой приговоръ на милость.

Когда императрица получила письмо и представила мужу другое, на его имя адресованное, онъ разсвирѣпѣлъ и, съ бранью прогнавъ ее отъ себя, сказалъ, что онъ вовсе не желаетъ потерять престолъ подобно своему отцу и читать мои письма. Въ припадкѣ злобы онъ отправилъ курьера, съ приказаніемъ—отобрать у меня перья, чернила, бумагу и запретить мнѣ переписываться и сноситься съ кѣмъ-бы то ни было, за исключеніемъ только тѣхъ лицъ, которыя жили вмѣстѣ со мной.

Послѣ этой неудачной попытки, государыня обратилась къ дѣвицѣ Нелидовой, любовницѣ Павла I; она отдала письмо меньшему великому князю Михаилу и повела его вмѣстѣ съ государыней къ императору. Онъ принялъ

письмо кротко и, прочитавъ его, поцѣловалъ своего сына: "Вы—женщины сказалъ онъ, знаете, какъ разжалобить."

Марья Ѳедоровна и Нелидова осыпали размягченнаго деспота тысячами ласкъ, и онъ тутъ же написалъ мнѣ по-русски отвѣтъ. Вотъ буквальный переводъ его:

"Княгиня Катерина Романовна, вы желаете переѣхать въ свое Калужское имѣніе;—переѣзжайте; вашъ добро-желательный и совершенно-преданный вамъ,

"Павелъ."

Архарову, военному губернатору Петербурга, было немедленно приказано отправить другого курьера чтобъ остановить перваго, посланнаго совершенно съ инымъ порученіемъ и уже бывшаго на пути къ Калугѣ. По невниманію, или по злонамѣренности, Архаровъ, старшій братъ Московскаго губернатора, назначилъ вторымъ гонцомъ только что возвратившагося курьера изъ Сибири, куда онъ отвезъ одного гвардейскаго офицера въ ссылку.

Трудно было предположить, чтобъ онъ, проскакавъ взадъ и впередъ не менѣе четырехъ тысячь верстъ и, снова, безъ отдыха отправленный въ догоню, въ состояніи былъ нагнать перваго. Но судьба, казалось, устала преслѣдовать меня; послѣдній посолъ настигъ своего предшественника и воротилъ его назадъ.

Когда онъ подъѣхалъ къ воротамъ, я сидѣла у окна; увидѣвъ кибитку, окруженную моими слугами, я вышла навстрѣчу императорскому гонцу. Напрасно миссъ Бетси умоляла его объявить о новостяхъ, привезенныхъ имъ. Онъ не могъ сказать, потому что ничего не зналъ; но съ нимъ былъ царскій указъ къ княгинѣ Дашковой. Ему показали на меня, и онъ подалъ письмо.

Прежде чѣмъ я сломила печать, миссъ Бетси бросилась къ моимъ ногамъ: "не будемъ унывать, милая княгиня,—сказала она, вѣдь и въ Сибири есть Богъ."

Когда я раскрывала пакетъ, она вся поблѣднѣла и затряслась; я попросила ее успокоиться, чтобъ дать мнѣ прочитать

письмо. Пробѣжавъ его, я объявила, что намъ позволено возвратиться въ Троицкое; Бетси чуть не обезумѣла отъ радости; она упала на землю, и я приказала отнести ее въ постель.

Тогда я приказала дать курьеру вина и закуску, но онъ отказался отъ питья и ѣды, попросивъ уголокъ, гдѣ бы онъ могъ соснуть, изнуренный безсонницей нѣсколькихъ дней сряду.

Счастливая новость, необычайно обрадовавшая всѣхъ моихъ слугъ, была передана дочери. На другое утро, я спросила курьера, что онъ получаетъ въ годъ; заплативъ ему почти двойное годовое жалованье, я отпустила его, и онъ весело покинулъ Коротову, гдѣ все радовалось, за исключеніемъ меня самой. Я одна была бы хладнокровна и равнодушна, еслибъ не безпокоилась за Бетси. За первымъ припадкомъ, ея послѣдовала лихорадка; впродолженіи болѣзни, она изъ всѣхъ окружающихъ ее лицъ меня одну узнавала, и я рѣдко отходила отъ ея постели,—только для отправленія писемъ и нѣкоторыхъ дорожныхъ приготовленій; желая налегкѣ и скорѣе ѣхать, когда поправится Бетси, я впередъ послала нѣкоторыхъ слугъ.

Курьеру я поручила отдать незапечатанное письмо Архарову, съ тѣмъ, чтобъ онъ препроводилъ его Лепехину, непремѣнному секретарю академіи наукъ, одному изъ добрыхъ моихъ друзей; я написала ему о послѣднемъ происшествіи и приложила свой адресъ въ Троицкое; но Архаровъ имѣлъ глупость уничтожить его.

Воспользовавшись отъѣздомъ одного крестьянина въ Петербургъ, я послала съ нимъ нѣсколько писемъ моимъ друзьямъ въ Англію, на имя мистера Глина, Англійскаго купца, жившаго въ Россіи. Въ восемь дней, пока продолжалась лихорадка миссъ Бетси, я приготовилась въ путь,—и желала, какъ можно скорѣй, увидѣть Троицкое. Между тѣмъ, миссъ Бетси, хотя и не совсѣмъ выздоровѣла, но въ состояніи была ѣхать; такимъ образомъ, въ концѣ марта, среди страшныхъ морозовъ, мы покинули мѣсто ссылки.

Я не могу не засвидѣтельствовать на этихъ страницахъ благодарности тѣмъ бѣднымъ крестьянамъ, которые съ необыкновеннымъ усердіемъ помогали мнѣ. Возвращаясь два раза въ недѣлю съ базара, изъ сосѣдняго города они приносили мнѣ все, что можно было достать лучшаго для моего стола, и ни зачто не хотѣли брать денегъ. Не задолго до моего отъѣзда, я узнала, что женщины, каждый день приходившія съ запасомъ пироговъ и яицъ, договорились между собой являться ко мнѣ поочереди, чтобъ имѣть случай повидѣть меня и освѣдомиться о моемъ здоровьѣ.

Я часто спрашивала, какимъ образомъ онѣ могутъ любить меня, когда уже давно потеряли во мнѣ свою госпожу: отвѣтъ всегда былъ одинъ и тотъ же: "когда мы были твои, тогда посчастливѣли и разбогатѣли; ты дала намъ добраго барина, своего сына; хоть онъ и прибавилъ намъ оброку, все же мы платимъ меньше, чѣмъ наши сосѣди своимъ помѣщикамъ."

ГЛАВА XXVIII.

На перемѣнныхъ лошадяхъ, которыми снабдили меня добрые крестьяне, мы возвратились гораздо скорѣе, чѣмъ ѣхали сюда. Девятой день нашего путешествія былъ днемъ истинной радости. Когда мы подъѣзжали къ Троицкому, гдѣ каждый изъ моихъ слугъ имѣлъ жену, мать, дѣтей или пріятелей, нами овладѣлъ безграничный восторгъ. Къ вечеру я услышала торжественные возгласы; передъ нами струилась рѣка Пратва, текущая въ моемъ имѣніи. Кучеръ первый привѣтствовалъ ея знакомыя воды; при этой первой встрѣчѣ съ родной землей, я выбросила послѣднія деньги изъ кошелька.

Поздравленіямъ и радости не было конца! Всѣ забыли о прошлыхъ страданіяхъ; всѣ спѣшили —, но увы! наши бѣдныя лошади еще слишкомъ далеко были отъ яслей, чтобъ раздѣлять общій восторгъ. Имъ осталось работать еще одинъ день; растаявшія снѣга затруднили нашу ноѣздку на саняхъ, и мы принуждены были провести лишнюю ночь въ дорогѣ.

На десятый день мы прибыли въ Троицкое. Подъѣхавъ къ церкви, я увидѣла ее полную народу, собравшагося изъ шестнадцати деревень и поселовъ, принадлежавшихъ мнѣ.

Послѣ молебна, крестьяне цѣловали у меня руку и поздравили съ пріѣздомъ; но я не имѣла силъ поздороваться со всѣми, и потому попросила ихъ отложить эту церемонію до будущаго, болѣе удобнаго времени.

Меня глубоко тронуло это выраженіе искренней привязанности и общаго задушевнаго веселья; но я такъ ослабѣла, и утомилась, что мнѣ крайне необходимъ былъ отдыхъ.

На другой день я послала вѣстоваго въ Москву къ моему брату, увѣдомить его о своемъ пріѣздѣ; также написала своимъ племянницамъ княгинѣ Долгорукой и Маврокордато, чтобъ узнать отъ нихъ о здоровьѣ своихъ друзей, знакомыхъ и объ участи своего сына.

Къ крайнему удовольствію, я убѣдилась, что всѣ близкіе моему сердцу миновали общихъ ударовъ господствовавшей тиранiи.

Мой домъ въ Москвѣ обратили въ казарму, въ которой очень удобно расположился одинъ офицеръ и восемьдесятъ семь солдатъ. Благодаря предусмотрительности управляющаго, главный корпусъ зданія не былъ занятъ; онъ заперъ и запечаталъ всѣ двери, сказавъ, что я уѣхала изъ дому поспѣшно и оставила на его отвѣтственность всѣ свои вещи. Это благоразумное распоряженіе избавило меня отъ расходовъ, столь неизбѣжныхъ въ томъ случаѣ, когда бы здѣсь побывалъ одинъ изъ Гатчинскихъ генераловъ: мебель и домъ все было бы загрязнено и переломано.

Моя загородная дача была обречена той же участи. Въ ней обитали девяносто рядовыхъ и шесть унтеръ-офицеровъ. Такимъ образомъ кромѣ расходовъ, по случаю этихъ произвольныхъ распоряженiи чужой собственностью, изъ моего имѣнiя переправили въ Москву три тысячи бревенъ, и все еще было мало.

Вслѣдствіе этихъ насилій и самоуправства, я рѣшилась, впрочемъ не безъ сожалѣнія, сбыть съ рукъ московское

владѣніе. Оно служило мнѣ въ зимнюю пору, своимъ прекраснымъ садомъ, за которымъ я ухаживала тридцать лѣтъ. Въ немъ были проведены алеи, дорожки, всегда опрятныя и чистыя; я могла гулять здѣсь цѣлый годъ, потому что зимой ихъ очищали отъ снѣга и посыпали пескомъ. Впрочемъ это удовольствіе стоило мнѣ не дешево, особенно послѣ посѣщенія такихъ гостей, каковы были Гатчинскіе гвардейцы. Притомъ, я не знала, позволятъ ли мнѣ посѣщать Москву, гдѣ, признаюсь, не хотѣла бы жить; потому что, по возвращеніи въ Троицкое, всѣ достойные друзья и родственники, навѣстили меня здѣсь; наконецъ мнѣ не безъизвѣстно было и то, что во всѣхъ большихъ городахъ, особенно въ Москвѣ, была организована строгая система шпіонства, тѣмъ болѣе опасная, что она доставляетъ самыя надежныя средства попасть въ милость у подозрительнаго и неумолимаго тиранна.

Лѣтомъ я спокойно начала свои сельскіе труды, и такъ какъ у меня не было помощника въ этомъ дѣлѣ, то время было занято сполна. Дневное утомленіе съ избыткомъ вознаграждалось раннимъ и глубокимъ сномъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что я вставала утромъ всегда въ тотъ самый часъ, въ который подняли меня по случаю извѣстія о ссылкѣ въ Коротову. Днемъ я спала рѣдко, за исключеніемъ одного часа послѣ обѣда. Въ ненастные дни, я не выходила изъ комнатъ, рисуя въ это время чертежи плановъ для новыхъ построекъ и разведенія садовъ или занималась въ своей библіотекѣ.

Мнѣ хотѣлось пріобрѣсти нѣкоторыя новыя заграничныя изданія; съ этой цѣлію, я отдала приказаніе и назначила годовую сумму; но ввозъ иностранныхъ книгъ былъ почти совершенно прекращенъ, хотя былъ открытъ свободный пропускъ всѣмъ панфлетамъ, клевегавшимъ на Екатерину вторую; но друзья не присылали мнѣ подобныхъ сочиненій. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, ходившіе по Москвѣ, достигали и до меня. Если бъ моя жизнь про-

должилась еще немного, я не положила бы пера безъ того, чтобъ не прибавить къ этимъ запискамъ,* не достойнымъ вниманія потомства, но не лишеннымъ интереса для моихъ друзей, нѣсколько опроверженій этой лжи, придуманной ненавистью.

Въ 1798 году князь Дашковъ находился въ Петербургѣ. Императоръ почти не разлучался съ нимъ; и эта любовь доходила до такого царскаго каприза, что когда мой сынъ не обѣдалъ при дворѣ, государь сердился. Дашковъ проводилъ многіе часы на-единѣ съ Павломъ I, и часто съ нимъ заходилъ въ комнаты императрицы, когда она, кромѣ Нелидовой, никого, даже великихъ князей, не принимала къ себѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мой сынъ немедленно просилъ великаго князя Александра выхлопотать мнѣ позволеніе жить въ Москвѣ и посѣтить другія помѣстья. Я, однакожъ, убѣдительно совѣтовала ему не думать обо мнѣ, но позаботиться о его собственномъ благополучіи. Во всякомъ письмѣ, я просила его объ этомъ, увѣряя, что я довольна своей жизнью въ Троицкомъ и предпочитаю его всѣмъ другимъ мѣстамъ въ Россіи; что же касается до моихъ помѣстій, мое управленіе крестьянами, обязанными самымъ умѣреннымъ оброкомъ, не требуетъ личнаго надзора. Поэтому я убѣждала его не хлопотать за меня напрасно.

Не смотря на то Дашковъ продолжалъ напоминать о мнѣ великому князю, но прошелъ мѣсяцъ, и обѣщанія Александра не были исполнены. Онъ также говорилъ объ этомъ съ Николаи, директоромъ академіи наукъ, самымъ довѣреннымъ лицомъ у императрицы, у которой онъ былъ первымъ секретаремъ.

Однажды случилось Николаи находиться въ кабинетѣ государыни; она разговоривала съ Нелидовой о блестя-

* Прим. Ульмотъ. Это намѣреніе Дашковой никогда не осуществилось.

щемъ положеніи Дашкова при дворѣ и о вліяніи его на императора, при чемъ, она выразила удивленіе, что сынъ не хочетъ употребить своего содѣйствія для полнаго прощенія матери. Николаи, услышавъ это, сказалъ, что Дашковъ не одинъ разъ умолялъ великаго князя объ этой милости и глубоко сокрушается, что данныя ему обѣщанія до сихъ поръ остаются безъ исполненія. Онъ пошелъ дальше, и намекнулъ, какъ было бы великодушно и благородно, если бъ государыня и Нелидова поддержали своимъ вліяніемъ просьбу великаго князя.

Директоръ академіи наукъ передалъ этотъ разговоръ моему сыну. Черезъ нѣсколько дней князь Алексѣй Куракинъ навѣстилъ Дашкова, и отъ имени императора предложилъ ему даръ въ пять тысячъ мужиковъ. Онъ отъ всей души благодарилъ государя за его доброту, но замѣтилъ, что онъ ничего другаго не желалъ бы, какъ свободы своей матери.

На другое утро Куракинъ, во время гвардейскаго парада, подошелъ къ Дашкову и объявилъ ему, что государь далъ мнѣ полную свободу, и приказалъ увѣдомить меня о томъ.

Письмо князя Куракина было такого содержанія:

"Любезнѣйшая тетушка,

Я считаю особеннымъ для себя счастіемъ увѣдомить васъ, по приказанію государя, что вы совершенно свободно можете располагать мѣстомъ своего жительства, — посѣщать свои имѣнія, жить, гдѣ угодно и даже бывать съ столицѣ, когда отлучается отсюда царская фамилія; но если она здѣсь, вы можете жить не иначе, какъ за городомъ."

Когда императоръ явился на парадъ, мой сынъ хотѣлъ упасть передъ нимъ на колѣна; но Павелъ I, предупредивъ его, облобызалъ; Дашковъ, въ пылу благодарнаго чувства, забывъ, что императоръ, былъ низкаго роста, приподнялъ его отъ земли, чтобъ ловчѣй возвратить ему поцѣлуй. И потомъ оба заплакали. Въ первый и въ

послѣдній разъ гвардейцы были свидѣтелями такой сентиментальности царя.

Расположеніе Павла I къ моему сыну продожалось до самого отъѣзда его изъ Петербурга. Государь совѣтовался съ нимъ о всѣхъ военныхъ замыслахъ и предъпринимаемой имъ войнѣ. Онъ заставлялъ его составлять въ своемъ кабинетѣ чертежи стратегическихъ плановъ, расположенія войскъ сосѣднихъ державъ и рѣшился назначить его командиромъ корпуса, стоявшаго въ это время въ Кіевѣ. Онъ даже далъ ему нѣсколько бланковыхъ подписей, чтобъ, въ случаѣ надобности, употребить ихъ по собственному желанію. Въ то же время были посланы инструкціи къ Константинопольскому и Вѣнскому посланникамъ, графу Разумовскому и Тамарѣ— войдти въ сношенія съ княземъ Дашковымъ, а адмиралу Черноморскаго флота было приказано дѣйствовать согласно съ его совѣтами.

Послѣ того, мой сынъ былъ посланъ прямо изъ Петербурга въ Кіевъ, гдѣ ему поручено было исполнять всѣ чрезвычайныя распоряженія и доносить о томъ императору.

Послѣ такой безпредѣльной довѣренности и горячей любви, кто бы могъ подумать, что Дашковъ менѣе чѣмъ черезъ годъ получитъ отставку? Но это такъ было; и за что же? За то, что Дашковъ донесъ князю Лапухину, генералъ-прокурору Сената, что нѣкто *Альтести* (*Altesti*), заключенный въ Кіевскую крѣпость, былъ невиненъ въ преступленіи, въ которомъ его обвинили.

Этотъ человѣкъ былъ преданъ суду за то, что будто онъ поселилъ нѣсколькихъ солдатъ, въ качествѣ хлѣбопашцевъ, на земляхъ, подаренныхъ ему Екатериной II. Обвиненіе было ложное; въ его имѣніи не было ни одного солдата. Но Альтести, въ прошлое царствованіе пользовался особеннымъ покровительствомъ и безграничной, хотя можетъ быть, и не безукоризненной довѣренностью Зубова, у котораго онъ служилъ секретаремъ: въ этомъ одномъ заключалась вся его вина. Вѣроятно, князь Лапухинъ, докладывая государю мнѣніе

моего сына, избралъ неудачную минуту, когда онъ былъ не въ духѣ. Могло статься и то, что генералъ-прокуроръ искалъ нарочно этого случая, потому что это былъ человѣкъ фальшивый, скрытный и мстительный. Какъ бы то ни было, но императоръ написалъ Дашкову слѣдующее письмо:

"Такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла, не относящіяся до васъ, то вы увольняетесь отъ службы. "Павелъ."

Мой сынъ, не повѣривъ курьеру, просилъ императора послать къ нему болѣе довѣренное лицо, чтобъ вручить ему бланковыя подписки и другія важныя бумаги. Павелъ I не торопился отправленіемъ новаго посла; Дашковъ поручилъ очередному курьеру, ѣхавшему въ Петербургъ, отдать государю всѣ официальныя документы и письма его. Потомъ, устроивъ наскоро свои дѣла въ Кіевѣ, удалился отсюда въ свое Тамбовское имѣніе.

ГЛАВА XXIX.

Въ слѣдующее лѣто я посѣтила свое Бѣлорусское помѣстье, гдѣ пробыла нѣсколько недѣль. Имѣніе было разорено моимъ управляющимъ, родомъ Полякомъ, который надѣялся, что меня сошлютъ въ Сибирь.

Поправивъ немного положеніе крѣпостныхъ, я поставила въ головѣ ихъ одного изъ Русскихъ крестьянъ. На возвратномъ пути отсюда, я провела шесть недѣль у брата; здѣсь я занималась улучшеніемъ его усадебъ; разсадила новыя деревья и кустарники, перенесла на другое мѣсто старыя, дурно разведенныя и тѣмъ придала болѣе красоты его садамъ.

Проводя каждый день по нѣскольку часовъ вмѣстѣ, мы часто разговаривали о предметѣ, обще—грустномъ для насъ, о несчастіи отечества и опасномъ положеніи каждаго частнаго лица; ибо тотъ, кто самъ ускользалъ отъ всепоражающей тиранніи Павла, тотъ оплакивалъ судьбу друга, родственника или сосѣда.

Не знаю почему, но въ моемъ умѣ зародилась полная увѣренность, что 1801 годъ будетъ роковымъ годомъ для императора. Я не могла дать отчета въ этомъ убѣжде-

ніи, но часто повторяла его брату, и эта идея глубоко проникала мою душу.

Въ началѣ этого года, братъ напомнилъ мнѣ: "ну вотъ, наступилъ и вашъ обѣтованный годъ," сказалъ онъ.

"Ну да, отвѣчала я, онъ только начинается; и вы увидите, что мое предсказаніе сбудется до исхода его."

Въ самомъ дѣлѣ, 12 марта стараго стиля, провидѣніе, прекративъ дни Павла I, избавило народъ отъ государственныхъ и семейныхъ бѣдствій, которыя, подъ вліяніемъ всевозможныхъ преслѣдованій и деспотическаго гнета, прогрессивно распространялись по всей имперіи.

Не разъ я благодарила судьбу за то, что она, поставивъ меня въ число его жертвъ, избавила отъ постыдной обязанности находиться при дворѣ такого монарха, Да и что я могла дѣлать при немъ, лишенная способности притворяться, этой главной способности въ жизни царей и клевретовъ ихъ; я,—на лицѣ которой выражалось всякое движеніе души,—чувство досады, презрѣнія и гнѣва. Это обстоятельство, конечно, спасло меня отъ многихъ и многихъ неудовольствій и бѣдъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Павелъ I, хотя и не былъ совершенно злымъ существомъ, но его безуміе превосходило всякую мѣру; какъ императоръ онъ проявлялъ его въ безграничномъ злоупотребленіи своей власти; какъ солдатъ, онъ былъ жалкимъ рабомъ Прусскаго капральства.

По временамъ, Павелъ I являлся подозрительнымъ трусомъ и постоянно боялся воображаемыхъ заговоровъ противъ его жизни. Его дѣла были взрывами минутныхъ впечатлѣній и, къ несчастію, почти всегда носили на себѣ характеръ жестокости и обиды. Никто не подходилъ къ нему безъ страха, съ примѣсью полнаго презрѣнія къ деспоту.

Какая разительная противоположность между жизнію окружавшихъ его рабовъ, забитыхъ страхомъ капризной воли, и жизнію людей, стоявшихъ близъ трона Екатерины II. Въ ея пріемахъ было что-то поражающее, и за всѣмъ

тѣмъ каждый приближался къ ней безъ раболѣпія и боязни. Она внушала къ себѣ своимъ присутствіемъ уваженіе, соединенное съ любовью и благодарностью. Привѣтливая, веселая, она забывала о своемъ достоинствѣ въ частномъ обществѣ; но если и были забыты ея внѣшнія отличія, то каждый питалъ чувство почтенія къ ея природному превосходству.

Мой братъ, возвратившись въ Москву, многимъ разсказывалъ о моемъ пророчествѣ и тѣмъ возбудилъ всеобщее любопытство, на которое мнѣ нечего было отвѣчать; я уже сказала, что эта мысль безсознательно волновала мое воображеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ братъ получилъ письмо отъ новаго государя, который просилъ его возвратиться немедленно въ Петербургъ и принять участіе въ правительственныхъ дѣлахъ. Ко мнѣ, въ Троицкое также былъ присланъ гонецъ, мой племянникъ Татищевъ,* съ приглашеніемъ явиться ко двору. Впрочемъ для меня эта честь уже миновала: въ мой возрастъ, съ моими понятіями о придворной жизни и при моемъ нездоровьѣ было бы странно вновь выступать на сцену.

Я не удерживала своего племянника болѣе трехъ дней, чтобъ дать ему возможность пробыть подольше у матери и родственниковъ въ Москвѣ. Убѣдивъ его какъ можно скорѣе возвратиться къ своему посту, изъ опасенія потерять его по случаю непредвидѣнныхъ перемѣнъ новаго царствованія, я вручила ему письмо къ государю; поблагодаривъ его за добрую память, я отказалась немедленно явиться въ столицу подъ предлогомъ плохаго здоровья, но съ первой возможностію обѣщала представиться двору.

Съ этой цѣлью, въ концѣ апрѣля я оставила Троицкое, по дорогѣ навѣстила своего брата прежде чѣмъ отправилась

* Татищевъ былъ членъ департамента иностранныхъ дѣлъ, камергеръ, управлявшій всѣмъ, что относилось до Азіятскихъ державъ.

въ Петербургъ. Здѣсь мы условились, чтобъ онъ выѣхалъ недѣлей раньше: во-первыхъ, я хотѣла собраться съ силами для предстоящаго путешествія; во-вторыхъ избѣжать остановки на почтовыхъ станціяхъ послучаю недостатка лошадей.

Въ маѣ я прибыла въ Петербургъ. Если мнѣ было пріятно видѣть государя, котораго я давно привыкла любить, то еще пріятнѣе было встрѣтить его красавицу—жену. Ея умъ, образованіе, скромность и необычайная симпатичность, признакъ дружелюбной природы, соединялись съ тактомъ и благоразуміемъ выше ея лѣтъ: она плѣняла всѣхъ своими прекрасными качествами, и поруски уже говорила правильно, безъ малѣйшаго признака иностраннаго акцента. Но къ сожалѣнію, я замѣтила, что Александра окружали молодые люди, готовые осмѣивать стариковъ, которыхъ императоръ уже началъ избѣгать, вслѣдствіе извѣстной застѣнчивости, можетъ быть происходившей отъ его глухоты.

Четыре года Павловскаго царствованія, поучительные для его дѣтей одной солдатчиной, были потеряны для нихъ относительно истиннаго образованія. Покойный государь обращалъ вниманіе ихъ исключительно на гвардейскіе парады и военную форму. Я предвидѣла, что настоящій добродушный императоръ, руковидимый чувствомъ справедливости и уваженія къ человѣческому достоинству, заранѣе воспитаннаго въ немъ, не безъ упрека и сожалѣнія смотрѣлъ на упадокъ Россіи подъ рукой его отца.

Я оставила Петербургъ въ концѣ Іюля, проѣхавъ въ Бѣлоруссію, чтобъ приготовиться къ коронаціи, запастись платьемъ и экипажами, вовсе забытыми въ послѣдніе семь лѣтъ.

Съ этой цѣлью я заняла въ банкѣ сорокъ четыре тысячи рублей, изъ которыхъ девятнадцать тысячь пять сотъ употребила на погашеніе заемнаго письма моего сына, одинадцать тысячь на уплату долга моего племянника Татищева, а остальное пошло на поправку дома и на то, чтобъ явиться при

коронаціи, если не въ блестящемъ, то по крайней мѣрѣ, въ приличномъ видѣ.

Передъ отъѣздомъ, я взяла съ государя обѣщаніе, что, по случаю предстоящаго производства, моя племянница Кочетова будетъ назначена фрейлиной, а князь Урусовъ, только-что женившійся на моей родственницѣ Татищевой, будетъ опредѣленъ камеръюнкеромъ.

Я пріѣхала въ Москву двумя недѣлями раньше царской семьи. Въѣздъ императора въ старую столицу былъ великолѣпный. Болѣе пятидесяти придворныхъ каретъ и множество другихъ экипажей тянулись въ процессіи.

Послѣ царскихъ каретъ слѣдовалъ экипажъ, въ которомъ сидѣла Амелія, сестра императрицы и я, какъ старшая статсъ-дама двора. Потомъ ѣхали статсъ-дамы и фрейлины, а за ними тянулись сановники.

Государь прямо остановился у Кремлевскаго собора, гдѣ отслушалъ обѣдню. Впрочемъ, у меня нѣтъ особеннаго желанія описывать эту церемонію; всѣ коронаціи походятъ другъ на друга; я одно замѣчу, что молодой монархъ и его прелестная супруга возбудили общую любовь къ себѣ въ жителяхъ Москвы.

Впродолженіе этого царскаго праздника, я до крайности утомилась. Хотя слобода, гдѣ поселился императоръ, отстояла отъ моего дома около десяти верстъ, но я почти каждый день являлась во дворецъ, и учащала свои визиты потому что надѣялась, въ нѣкоторомъ отношеніи, быть полезной императрицѣ Елисаветѣ; я знакомила ее съ характерами нѣкоторыхъ лицъ и сообщила нѣсколько не лишнихъ замѣчаній о томъ, какъ лучше вести себя въ отношеніи къ подданнымъ, которыхъ она любила.

Эти посѣщенія не только хорошо были приняты, но, какъ я слышала отъ брата, заслужили самые лестные отзывы со стороны государыни, слѣдовательно не совсѣмъ были и безполезны. Впрочемъ только вслѣдствіе этого убѣжденія и горячей моей привязанности къ Елисаветѣ,

я могла обрѣчь себя скукѣ, всѣмъ стѣсненіямъ этикета, всей тяжести душной придворной атмосферы; всякіе личные разсчеты были далеки отъ меня.

Послѣ отъѣзда двора въ Петербургъ, я очень была рада начать свою обычную жизнь, и потому, какъ обыкновенно, въ началѣ марта удалилась въ Троицкое.

На слѣдующій годъ я снова побывала въ своемъ Бѣлорусскомъ имѣніи, гдѣ окончила и освятила церковь, воздвигнутую посреди главной площади Круглова. Въ то же лѣто мой братъ Семенъ возвратился въ Петербургъ изъ Англіи, гдѣ онъ былъ уполномоченнымъ министромъ при Екатеринѣ II и частнымъ жителемъ при Павлѣ I; ради его пріѣзда я отправилась въ Петербургъ въ іюлѣ.

Всѣ лица, окружавшія юнаго царя, при всемъ разнообразіи ихъ мнѣній, сходились въ одной мысли—унижать правленіе и характеръ Екатерины II. Я чувствовала невыразимую досаду, когда на счетъ покойной императрицы до небесъ возносили Петра I. Я не сдерживала своихъ чувствъ въ этомъ отношеніи и, можетъ быть, иногда выражала ихъ слишкомъ горячо.

Однажды, я помню, почти всѣ министры новаго и нѣсколько разноцвѣтнаго правительства, и многіе изъ частныхъ друзей и фаворитовъ императора обѣдали у моего брата (Александра); рѣчь зашла о царствованіи Екатерины II; дѣла ея безпощадно критиковали, смѣшивая злоупотребленія князя Потемкина съ собственными распоряженіями государыни и нисколько не различая невѣжества и вѣроломства ея министра съ чистотой и глубиной ея намѣреній, всегда клонившихся къ благу страны. Этотъ разговоръ такъ глубоко оскорбилъ и встревожилъ меня, что я рѣшилась защитить ее со всей искренностью и жаромъ, что не мало озадачило все общество. Нѣкоторые изъ моихъ родственниковъ согласились съ моимъ мнѣніемъ. Но эта горячая защита и рѣзкая оппозиція моихъ противниковъ стоила мнѣ болѣзни, съ которой я возвра-

тилась домой и нѣсколько дней прохворала. Впродолженіе этого времени, двери мои постоянно осаждались посѣтителями обоего пола, пріѣзжавшими справиться о здоровьѣ; и я приписываю это необыкновенное вниманіе ревности, съ которой эти лица, одинаково со мной, отстаивали честь и довѣріе покойной императрицы. Мой разговоръ пошелъ по всему городу; отсюда, между прочимъ, вытекало участіе къ моей болѣзни—и цѣна, которую я придавала этому участію.

Впрочемъ Петербургъ во многомъ измѣнился. Между выскочками и первыми актерами на сценѣ были люди двухъ цвѣтовъ—якобинскаго и сѣро-солдатскаго; я говорю солдатскаго, потому что каждый военный, начиная отъ солдата и до генерала, занимался единственно шагистикой и ружистикой; и такъ какъ требованія дисциплины постоянно измѣнялись, то каждый долженъ былъ старое забыть и учиться новому.

Глубокой осенью я воротилась въ Москву и потомъ въ Троицкое, откуда я не могла надолго отлучаться, потому что на мнѣ лежали обязанности архитектора, садовника и, на случай нужды, если почва требовала особеннаго ухода, обязанность фермщика,

Нѣсколько слѣдующихъ лѣтъ моей жизни я пройду молчаніемъ; впрочемъ, они и не имѣютъ особеннаго интереса. И если мои душевныя скорби были такого свойства, что я охотно желала бы скрыть ихъ отъ самой себя, то тѣмъ менѣе считаю нужнымъ передавать ихъ читателю.

Не могу однако жъ не упомянуть, что императоръ принялъ на себя долгъ, сдѣланный мной въ банкѣ.

Въ концѣ Августа 1803 года я имѣла счастіе встрѣтить у себя миссъ Уильмотъ, двоюродную сестру мистрисъ Гамильтонъ, дочери Туамскаго архіепископа. Миссъ Уильмотъ явилась въ Троицкое, окруживъ меня всѣми тихими удовольствіями, въ которыхъ я такъ давно нуждалась для пробужденія своего нравственнаго существованія; ея

бесѣда, чтенія, ея кроткій и симпатичный характеръ оживили мою дряхлую старость. Родители такъ превосходно воспитали ее, что она была предметомъ общаго удивленія для всѣхъ, кто зналъ ее.

Я не умѣю выразить вполнѣ той благодарности, которою я обязана моему молодому другу,—за довѣренность ея отцевъ, за ея собственную великодушную рѣшимость навѣстить престарѣлую женщину, неспособную раздѣлять ея удовольствій и уже наскучившую самой жизнію. Такой поступокъ выше всѣхъ моихъ похвалъ. Она озарила лучемъ новой радости мое уединеніе.—да, это такъ, если бъ.. . . . . и не зависѣло отъ нея.

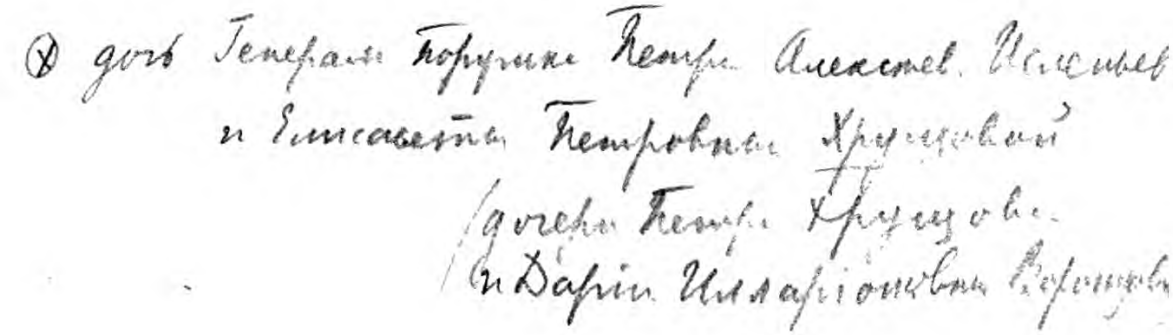
Я ужъ сказала, что эти записки принадлежатъ ей; я отказалась писать ихъ по просьбѣ родственниковъ и друзей, но уступила ея пламенному желанію. Поэтому она одна можетъ располагать ими, съ однимъ однако жъ условіемъ, что бъ прежде моей смерти онѣ не являлись въ свѣтъ.

Относительно содержанія ихъ, я могу увѣрить, что безпристрастная истина водила моимъ перомъ. Опустивъ нѣкорыя оскорбительныя событія для другихъ, я, можетъ быть, не отдала должной справедливости себѣ; но отъ этихъ пропусковъ, читатель ничего не теряетъ. Если позволитъ мнѣ жизнь, я намѣрена изложить нѣсколько анекдотовъ о Екатеринѣ II, исчислить ея добрыя дѣла и провести паралель между ею и Петромъ I, котораго сравниваютъ съ этой знаменитой царицей, поставившей Россію въ самое видное, почетное и грозное положеніе передъ лицомъ западнаго міра.

Въ заключеніе скажу, что я, съ своей стороны, сдѣлала все доброе. по силамъ, и никому не сдѣлала зла; единственнымъ орудіемъ моей мести за всю несправедливость, интриги и клеветы, взведенныя противъ меня, было забвеніе или презрѣніе ихъ; я исполнила свой долгъ такъ, какъ въ состояніи была понять его; съ честнымъ сердцемъ

и чистыми намѣреніями я вынесла много сокрушительныхъ ударовъ и, если бъ не поддерживало меня безупречная совѣсть, я конечно пала бы подъ ними; наконецъ скажу, что я смотрю на свою близкую смерть безъ страха и тревоги.

Троицкое. Окт. 27. 1805 года.



ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мнѣ остается (говоритъ Брадфордъ) прибавить нѣсколько строчекъ отъ себя о послѣднихъ дняхъ моего любезнаго друга. По возвращеніи въ Англію, въ концѣ 1808 года, я часто получала письма отъ княгини Дашковой или племянницы ея, Исленьевой; изъ нихъ отнюдь не льзя было предугадать о скорой смерти ея. Первое безутѣшное извѣстіе о кончинѣ моего друга дошло до меня въ письмѣ отъ племянницы Дашковой, теперь графини Пемброкъ. Единственныя подробности, сообщенныя объ этомъ событіи графу Воронцову, отцу ея, состояли въ томъ, что она въ половинѣ сентября 1809 года была слабѣе обыкновеннаго; въ день Рождества ее схватила лихорадка, окончившая дни ея 4 января (ст. ст) 1810 года.

Черезъ двѣ или три почты послѣ того я услышала отъ леди Пемброкъ, что на мое имя присланъ изъ Москвы пакетъ съ четырьмя письмами отъ княгини, и съ однимъ отъ банкира, которому онѣ были адресованы: изъ нихъ я окончательно убѣдилась въ смерти Дашковой. Я не-

медленно написала Исленьевой и другимъ знакомымъ, умоляя ихъ передать мнѣ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о болѣзни ея, но ихъ собственное ли горе и сочувствіе моему несчастію, или непривычка писать, остановили ихъ отвѣты; можетъ быть и нечего было сказать больше того, что я знала; какъ бы то ни было, но я никогда не провѣдала объ этихъ обстоятельствахъ, хотя не упускала ни одного благопріятнаго случая узнать о нихъ.

Четыре письма, о которыхъ я сказала, были послѣдними письмами княгини; онѣ не давали ни малѣйшаго повода предчувствовать ея близкой кончины. Правда, онѣ были проникнуты грустнымъ чувствомъ, но это чувство запечатлѣвало и всѣ другія письма, получаемыя мной отъ нея изъ Россіи; въ нихъ часто выражалась тоска о нашей разлукѣ, нѣжное пристрастіе ко мнѣ, на которое я отвѣчала взаимнымъ сочувствіемъ и едва ли бы покинула моего друга, если бъ не заставилъ меня долгъ къ родителямъ и крайняя необходимость (изъ моего послѣдующаго разсказа читатель увидитъ нѣкоторыя обстоятельства) возвратиться въ Англію, съ чѣмъ была совершенно согласна сама Дашкова.

Такія письма, запечатлѣнныя чувствомъ самой задушевной любви, слишкомъ святы для моего сердца, чтобъ я охотно передала ихъ публикѣ. За всѣмъ тѣмъ, я старалась побѣдить въ себѣ отвращеніе, и представить читателю въ ряду избранной кореспонденціи Дашковой одну черту, особенно отмѣчающую ея нравственной характеръ и дополняющую ея портретъ; послѣдній и полный очеркъ его раскроется дальше; я рѣшилась передать въ своемъ собственномъ разсказѣ нѣкоторыя событія, связанныя съ жизнію княгини Дашковой, съ той цѣлью, чтобъ бросить свѣтъ на Петербургское правительство, по случаю задержанія моихъ бумагъ передъ отъѣздомъ изъ Россіи и оправдать одно высоко-поставленное лицо отъ всякого враждебнаго чувства къ княгинѣ, по поводу этого обстоятельства.

Письма княгини слѣдующія: онѣ были писаны обыкновенно, на французскомъ, я перевела ихъ, но сохранила Англійскія выраженія, которыми она часто ихъ перемѣшивала.

25 октября. (Ст. Ст.)

Вчера. мой большой пакетъ былъ отправленъ вамъ на имя мистера Гоеса; надѣюсь, вы получите его исправно, какъ и маленькую записочку, вложенную въ конвертъ леди Пемброкъ. Настоящее же письмо, которое я теперь пишу, будетъ послано вамъ передъ моимъ отъѣздомъ или по прибытіи въ Москву.

Но что мнѣ сказать вамъ, мое милое дитя, менѣе печальнаго! я грущу, тяжело грущу, слезы ручьемъ текутъ, и я никакъ не могу привыкнуть къ мысли о вашемъ отсутствіи. Я старалась развлечь себя занятіями, постройкой мостовъ, рожденіемъ нѣсколькихъ сотенъ деревьевъ въ моемъ саду, — занятіями, столь пріятными для меня и заслужившими общее удивленіе своимъ успѣхомъ; но они только на минуту разгоняютъ мои печальныя думы и отнюдь не могутъ замѣнить вашей потери для меня.

28 окт.

Послѣднія два дня я провела дурно, и потому не продолжала моего грустнаго дневника. Я написала графу Михаилу по случаю послѣдняго вашего письма, сообщивъ ему все, что вы говорили насчетъ его отца и что говорится въ самомъ письмѣ о полученіи портрета сына его. Но на этомъ прервали меня, и заставили читать или слушать одну судейскую ябеду. Прощай мой ангелъ, да сохранитъ тебя Богъ.

29 Окт.

Какъ все перемѣнилось въ Троицкомъ! театръ закрылся; на немъ не дается ни одного представленія. Фортъ-піано молчитъ; горничныя перестали пѣть пѣсни. Всѣ жалѣютъ о васъ и моемъ унынiи. Но кчему я говорю о томъ? Вы окружены родными, лелѣющими васъ и которыхъ вы любите. Ваши дни проходятъ среди полныхъ наслажденій. Страдать— суждено мнѣ одной; и когда я знаю, что вы счастливы, мнѣ не на что жаловаться. Прощайте, неоцѣненый другъ.

30 Окт.

Недавно я слышала отъ Гоеса, что онъ писалъ Американскому консулу въ Петербургъ, прося его выслать мнѣ нѣсколько писемъ, адресуемыхъ на его имя, (кстати вы должны знать, что я рѣшительно не знаю, что дѣлать съ письмомъ этого консула); но онъ отвѣчалъ, что съ часу на часъ ожидаетъ пакетовъ, въ котырыхъ будутъ и ко мнѣ письма. Такъ надежда еще разъ меня обманула; можетъ быть завтра или въ середу я получу какую нибудь вѣсть отъ своего милаго друга. И такъ, до завтра—я покидаю перо.

31 Окт.

Почта пришла, но увы! только одно одно получаю. Какая давящая тоска овладѣваетъ мной; слезы падаютъ на мою бумагу; кстати, я получила очаровательное письмо отъ великой княгини Катерины (Ольденбургской), исполненное самыхъ лестныхъ выраженій ея дружбы и уваженія ко мнѣ. Она въ Твери, гдѣ ея мужъ губернаторомъ. Прощай.

3 Ноября.

Ваше письмо отъ 27 апрѣля передо мной, и хотя оно

послано прежде того, которое я получила отъ леди Пемброкъ, но мнѣ пріятно читать вашу рукопись и думать, какъ вы въ этотъ день вспоминали и занимались мной. Я не могу понять, что это за человѣкъ, который долго былъ въ немилости при дворѣ и старался подняться на мой счетъ; на случай, еслибъ вы не получили моего перваго письма, повторяю вамъ относительно этого предмета,—я просила передать императору, что моя пламенная любовь къ отечеству и личная привязанность къ нему съ самого его младенчества,—должны быть выше всякихъ подозрѣній; что остановка вашихъ бумагъ была оскорбленіемъ, направленнымъ единственно противъ меня*; еслижъ они хотѣли схватить мои записки, то въ этомъ случаѣ дѣло касалось только моей скромности, предупредившей меня напечатать ихъ при жизни. Къ этому я присоединила много другихъ истинъ и нѣсколько замѣчаній, какъ напр., я жаловалась на дурной выборъ визирей, которые, въ свою очередь, окружаютъ себя продажными пашами и проч. и проч. Мнѣ отвѣчали, что осмотръ вашихъ бумагъ былъ общимъ правиломъ, предписаннымъ для всѣхъ, отъѣзжающихъ изъ Россіи; что въ этомъ не было замѣшано никакой личности; что относится до меня, онъ ничего больше не желалъ, какъ моего спокойствія и что тоже самое было наказано Тутолмину, который долженъ стараться исполнять всякую законную мѣру къ моему удовольствію, но довольно. Я хорошо знаю, что это моя участь — навлекать на себя злобу себялюбивыхъ рабовъ.

Что же до моего путешествія въ Англію, въ случаѣ мира и возможности,—я желаю его отъ всей души; по чтобъ осуществить его, мое здоровье не должно такъ быстро упадать, какъ въ настоящее время. Тысячу разъ благодарю васъ, мой добрый ангелъ, за обѣщаніе—въ противномъ случаѣ, посѣтить меня. Вы желаете, чтобъ я напомнила о графѣ Михаилѣ; хорошо, я скажу вамъ, что въ послѣднее время я получила отъ него два письма и одно отъ сестры его.

* Брадфордъ. Подробности этого дѣла разсказаны въ концѣ книги.

6 Ноября.

Повидимому установившаяся зима, распустилась въ эти два дня, хотя не къ добру, ибо для нашего климата она необходима. Не знаю, когда я въ состояніи буду съѣздить въ Москву; завтра будетъ отправлено это письмо, и дай Богъ, чтобъ оно застало васъ вполнѣ благополучной. Прощайте, мое милое дитя. Да благословитъ васъ провидѣніе!.

Послѣднее письмо было писано за два мѣсяца до смерти княгини.

Единственно возможнымъ для меня внѣшнимъ знакомъ уваженія къ памяти Дашковой былъ годовой трауръ дочери, оплакивающей свою мать, — освятившую это имя своей нѣжной, безграничной любовью ко мнѣ...

Обстоятельства, заставившія ее передать въ мои руки эти записки, — столь лестное предпочтеніе, оказанное мнѣ, объяснены въ предисловіи, и болѣе подробно будутъ разсказаны въ моемъ прибавленіи.

Здѣсь я должна замѣтить, что выставляя свое имя въ печати, я исполняю тѣмъ долгъ въ отношеніи къ моему уважаемому другу; и потому только я рѣшаюсь разсказать о своемъ личномъ участіи въ давно—минувшихъ событіяхъ, которыя, при воспоминаніи о ней, оживляютъ передо мной тотъ міръ, гдѣ я радовалась или грустила.

И я исполняю этотъ долгъ съ особеннымъ наслажденіемъ; я плачу имъ должную и пріятную дань памяти моего друга, и если я доживу до той поры, когда отдадутъ полную справедливость Дашковой, для меня не можетъ быть лучшаго утѣшенія.

М. Б.

ПИСЬМА

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

и

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА КЪ ДѢВИЦѢ ЛЕВШИНОЙ. (*)

1.

Моя милая княгиня, я съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ извѣстить васъ съ моимъ камердинеромъ; примите увѣреніе въ моемъ нѣжномъ къ вамъ вниманіи и увѣдомьте о своемъ здоровьѣ; я цѣню его въ той мѣрѣ, въ какой чувствую и дорожу вашимъ непремѣннымъ и горячимъ расположеніемъ ко мнѣ Я расчитываю на вліяніе ваше и вашего отца, въ пользу подателя этого письма; онъ проситъ смягчить наказаніе его крестнаго брата (справедливость его онъ не отвергаетъ), котораго сенатъ при-

* Слѣдующія первыя двадцать пять писемъ Екатерины II къ княгинѣ Дашковой писаны большею частью до восшествія ея на престолъ и не за долго до удара 1762 года; онѣ случайно избѣжали пламени; прочая же переписка отъ этого времени почти вся была сожжена изъ предосторожности. Тѣ письма, которыя начинаются датой 19 Августа 1782 года, княгиня получила отъ императрицы въ періодъ своего управленія академіями искусствъ и наукъ.

говорилъ къ отдачѣ въ солдаты. Вашъ отецъ, которому я посылаю поклонъ, услышитъ всѣ подробности этого дѣла отъ него самого; мнѣ остается увѣрить васъ въ искреннемъ и душевномъ расположеніи,

вашъ преданный другъ

ЕКАТЕРИНА.

Передайте мой поклонъ князю; я очень жалѣю о его страданіяхъ отъ невыносимаго жара.

2.

(писано карандашомъ).

Мнѣ грустно было, милая княгиня, услышать о послѣднемъ приключеніи, которое случилось съ вами на балу въ прошлый вечеръ; кажется, вовсе не было надобности ушибать ногу къ довершенію другихъ огорченій. Я немедленно послала справиться о васъ, но вы уже уѣхали. Что касается до меня, я очень больна сегодня и думаю, что наказана за вчерашнее притворство. Поэтому не надѣюсь быть въ оперѣ; но напекоръ всему, пишу къ вамъ за тѣмъ, чтобъ узнать о вашемъ здоровьѣ. Передайте князю мое ласковое слово и примите увѣреніе въ дружбѣ и уваженіи отъ

вашего вполнѣ преданнаго друга

ЕКАТЕРИНЫ.

3.

Милая княгиня, я не только обязана вамъ письмомъ, но и многими извѣстіями переданными черезъ Лефорта.

Для меня такъ дорого ваше доброе расположеніе, что я рѣшительно умираю со скуки, когда вы оставили меня. Поистинѣ, трудно найдти вамъ равную здѣсь, когда во всей Россіи едва ли отъищется другъ, болѣе достойный васъ. Это письмо засвидѣтельствуетъ вамъ то, что поручено Лефорту разсказать вамъ лично; а именно,—я не была ни глуха, ни хрома, ни безчувственна; но еслибъ и соединяла въ себѣ всѣ эти три совершенства, все-таки не льзя не восхищаться вашимъ характеромъ. Я надѣюсь скоро лично засвидѣтельствовать вамъ свое уваженіе и дружбу.

Тысячу всевозможныхъ добрыхъ желаній князю.

4.

Какіе стихи и какая проза! И въ семнадцать лѣтъ! Я прошу, нѣтъ, я умоляю васъ не пренебрегать такимъ рѣдкимъ талантомъ. Можетъ быть, я не совсѣмъ строгій вашъ судья, особенно въ настоящемъ случаѣ, моя милая княгиня,—когда вы съ такимъ лестнымъ пристрастіемъ ко мнѣ обратили меня въ предметъ вашего прекраснаго сочиненія. Обвиняйте меня въ тщеславіи, въ чемъ угодно, но я не знаю, когда я читала такое правильное и поэтическое четверостишіе. Не меньше того я цѣню его, какъ доказательство вашей любви; и сердцемъ и головой отдаю полную вамъ справедливость. Только заклинаю продолжать любить меня; будьте увѣрены, что моя пламенная дружба никогда не измѣнитъ вашему сочувствію. Я съ наслажденіемъ ожидаю тотъ день, который вы обѣщали провести со мной на слѣдующей недѣлѣ, и притомъ надѣюсь, что вы будете почаще повторять свои посѣщенія, такъ-какъ дни становятся короче. Посылаю вамъ книгу, о которой я говорила; держите ее у себя, сколько хотите. Передайте князю мой поклонъ за его привѣтствіе, которое онъ отдалъ мнѣ, проходя подъ моимъ окномъ. Ваше обоюдное расположеніе ко мнѣ вдвойнѣ радуетъ ме-

ия, и вы можете судить по собственному опыту о моей безконечной благодарности.

5.

Можетъ быть, я ошиблась въ своихъ догадкахъ но, къ счастію, не совсѣмъ поддалась своимъ дурнымъ совѣтникамъ, въ числѣ которыхъ М..... занимаетъ первое мѣсто. Вообще, я считаю крайней глупостью бросаться, очертя голову, въ руки враговъ. Если мои друзья не могутъ безопасно видѣть меня, я хотѣла бы лучше лишить себя удовольствія встрѣчаться съ ними, чѣмъ приносить ихъ въ жертву своего эгоистическаго желанія. Не смотря, однакожъ, на всю предосторожность, столь необходимую для меня, я не хочу совершенно отказываться отъ независимости, безъ которой нѣтъ характера. Если вы найдете мое мнѣніе — неумѣстнымъ и опаснымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, то вспомните, что мои принципы основаны не на общихъ взглядахъ и побужденіяхъ, а на довольно вѣрномъ знаніи человѣческаго сердца и характера. Забудьте, милая княгиня, весь этотъ вздоръ, и бросьте его въ огонь; съ тѣмъ вмѣстѣ примите увѣреніе въ моей искренней любви къ вамъ.

6.

Вы ни слова не сказали въ послѣднемъ письмѣ о моей рукописи. Я понимаю ваше молчаніе; но вы совершенно ошибаетесь, если думаете, что я боюсь довѣрять ее вамъ. Нѣтъ, любезная княгиня, я замедлила ея посылкой единственно потому, что хотѣла окончить статью, подъ заглавіемъ "О различіи духовенства и парламента." И хотя, собственно, не стоило труда, но я желала привести свои мысли въ порядокъ. Такимъ образомъ, во всей прелести, т. е со всѣми недостатками, которыми я и сама недоволь-

на, посылаю вамъ вчернѣ, дурно-написанную и еще хуже составленную рукопись. Пожалуйста, не кажите ее никому и возвратите мнѣ, какъ можно скорѣй. То же самое обѣщаюсь сдѣлать и съ вашимъ сочиненіемъ и книгой, сей-часъ полученными. Надѣюсь, что на будущій недѣлѣ вы посѣтите меня. Я лично увѣрю васъ въ моей безграничной преданности и счастіи быть

вашимъ неизмѣннымъ другомъ.

7.

Возвращаю вамъ и манускриптъ и книгу. За первый я очень благодарна вамъ. Въ немъ весьма много ума, и мнѣ хотѣлось бы знать имя автора. Я съ удовольствіемъ бы желала имѣть копію съ этой записки, хотя сама не въ состояніи переписать ее; это истинное сокровище для тѣхъ, кто близко принимаетъ къ сердцу общественные интересы. Что же сасается до замѣтокъ относительно спора между парламентомъ и духовенствомъ, онѣ ограничиваются одними общими мѣстами, приправленными желчной критикой, безъ чувства и слога. Но теперь нѣсколько словъ о моемъ писаніи; послушайте, милая княгиня, я серьезно разсержусь на васъ, если вы покажите кому нибудь мою рукопись, исключительно вамъ одной довѣренную. На этотъ разъ я не дѣлаю исключенія даже въ вашу пользу, особенно въ силу того убѣжденія, что жизнь наша не въ нашей волѣ. Вы знаете, какъ я вѣрю вашей искренности; скажите же мнѣ поправдѣ, неужели вы съ этой цѣлію продержали мои листки цѣлые три дня, что можно было прочитать не болѣе, какъ вполчаса. Пожалуйста, возвратите ихъ мнѣ немедленно, ибо я начинаю безпокоиться, зная по опыту, что въ моемъ положеніи всякая бездѣлица можетъ породить самыя неблагопріятныя послѣдствія. Итакъ избавьте меня отъ лишняго безпокойства и примите одинъ

разъ и на всегда увѣреніе въ неизмѣнномъ уваженіи и признательности.

8.

Милая княгиня, я не знаю, почему вы остались особенно довольны моимъ прошлымъ пріемомъ. Впрочемъ, я увѣрена, что если онъ доставилъ вамъ удовольствіе, то это потому, что въ немъ участвовало мое искреннее къ вамъ расположеніе. Я люблю, уважаю, благодарю васъ; и надѣюсь, что вы не усумнитесь въ истинѣ этихъ чувствъ. Спасибо вамъ за присланную рукопись. Простуженное и распухлое лицо помѣшало мнѣ видѣться съ вами сегодня; врочемъ надѣюсь быть завтра на балу, и встрѣтиться съ вами. Тысячу привѣтствій князю!

9

Поздравляю васъ, милая княгиня, со днемъ вашего ангела, и желаю вамъ всевозможнаго счастія. Въ прошлый вечеръ, только вы однѣ развеселили меня, доказавъ ничтожной и смѣшной игрой—réveiller le chat,—что въ вашихъ рукахъ все получаетъ значеніе и интересъ. Возвращаю вамъ записку съ благодарностію и должна сказать вамъ "прости," мой неоцѣненный другъ. Извините, что я забыла поблагодарить васъ за "волосяныя лопости."

10.

Я послала вашу просьбу, милая княгиня, " великому ловчему," графу Разумовскому; онъ обѣщалъ немедленно исполнить ваше желаніе. Я рада случаю услужить вамъ, хотя не надѣюсь расплатиться съ вами вполнѣ за вашу постоянную и истинную преданность. Жалѣю о нездоровьѣ князя; передайте ему мой поклонъ, и вѣрьте моей дружбѣ къ вамъ обоимъ.

11.

Одинадцать часовъ, вечеромъ въ субботу.

Сей-часъ получила ваше письмо, милая княгиня, и готова вѣрить, что лицо, о которомъ вы пишите, заслуживаетъ довѣрія и добраго мнѣнія; но князь Дашковъ знаетъ, что я не могу видѣть его иначе, какъ въ обществѣ и говорить съ нимъ открыто. Не менѣе благодарю васъ за добрыя желанія и прошу васъ и больнаго князя вѣрить моей искренней любви къ вамъ.

12.

Проклятый кашель, замучившій меня въ этомъ мѣсяцѣ, еще больше усилился отъ тревоги на прошлой недѣлѣ, и я не столько по нездоровью, сколько изъ предосторожности, принуждена была эти два дня пролежать въ постели. Не находя, впрочемъ никакого облегченія, я встала въ прежнемъ состояніи и намѣрена завтра и послѣ завтра выйдти. Я останавливаюсь на этихъ мелочахъ, милая княгиня, потому что знаю ваше нѣжное вниманіе ко мнѣ. Благодарю за прекрасный маленькій альманахъ. Приложеніе его я передала Гетману, и скоро надѣюсь увѣрить васъ въ моей душевной преданности.

Свидѣтельствую полное уваженіе нашему великому посланнику.

13.

Милая княгиня, я сдѣлаю съ своей стороны все, что отъ меня зависитъ, въ пользу вашего плана; но я думаю, что много я сдѣлать не могу. Я душевно сокрушалась за васъ, услышавъ о послѣднихъ вашихъ непріятностяхъ; но утѣшаюсь надеждой, что это въ послѣдній разъ. Я самого выгоднаго мнѣнія о вашемъ старшемъ братѣ; онъ кажется

мнѣ молодымъ человѣкомъ необыкновенной будущности. Притомъ, въ его любезномъ расположеніи ко мнѣ очень много сходства съ его сестрой. Какъ безпредѣльно я должна любить васъ! Но этого мало; я глубоко уважаю васъ, и въ этомъ чувствѣ всякій, кто знаетъ васъ и хоть чуть-чуть способенъ отличать вещи, долженъ согласиться со мной. Князю слово моего искренняго провѣта. Что же касается до Одарта, я не могу отвѣчать положительно; не имѣя у себя ни одного учрежденія, я не могу назначить его въ другое вѣдомство.

14.

Милая княгиня, я очень обязана вамъ за присланныя мнѣ два извѣстія; впрочемъ, не безпокойтесь, я не имѣю никакого сношенія съ О. С... Что же до другого, я очень хорошо знаю его характеръ, и разговоръ нашъ никогда не заходитъ дальше обыденныхъ предметовъ. Ваша вѣрность и любовь, неоцѣненная княгиня, глубоко трогаютъ меня, и я почту себя счастливой, если хоть нѣсколько сумѣю отблагодарить васъ. Впрочемъ; я не хотѣла бы слишкомъ много злоупотреблять вашей добротой.

Человѣкъ, отъ котораго вы получили свое извѣстіе, долженъ быть Салдернъ. Свиданіе съ Брагдъ насмѣшило меня.

15.

Не могу представить, кто вамъ сообщилъ такое извѣстіе; конечно, было бы трудно найдти письма, которыя не сушествовали, еще труднѣе открыть источники свѣдѣній въ настоящемъ случаѣ, въ которомъ я торжественно объявляю себя лицомъ постороннимъ. Императоръ прочиталъ каждое письмо и знаетъ все, что нужно знать: онъ, разумѣется, видитъ, что все это бредъ невѣжества и глупости. Я ничего не понимаю относительно бумагъ, найденныхъ у

Англійскаго консула: скажите мнѣ, что вы знаете объ этомъ. Если заподозрили въ его поступкѣ заднюю мысль, то, раумѣется, по внушенію врага его, Кейта. Но это не мое дѣло. Я предаю огню всѣ ваши письма.

16.

Я толко-что получила вашъ 3 N., и спѣшу возвратить вамъ книгу и начало Китайскаго журнала. Я очень жалѣю, милая княгиня, о вашемъ нездоровьѣ, тѣмъ болше, что оно такъ серьёзно. Я не упущу благопріятнаго случая навести самыя тщательныя справки, по крайней мѣрѣ, въ томъ, въ чемъ могу. Поклонитесь князю. Вы получите послѣдніе листы Китайского журнала, какъ только я прочитаю его.

17.

Спасибо вамъ за Китайскій журналъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что умное правительство не должно держать въ секретѣ ни своихъ финансовыхъ источниковъ, ни доходовъ. Можеть быть, потому-то экономическая система ихъ и основана на твердыхъ и постоянныхъ началахъ, что они считаютъ первые безграничнымъ средствомъ. Отвѣчая на другой предметъ вашего писма, гдѣ вы говорите о необыкновенномъ разговорѣ съ....., я не могу не улыбнуться, думая о вашемъ доказатедьствѣ, очень честномъ съ вашей стороны, противъ такого слобаго противнина. Ваша горячность въ защиту истины и справедливости ие будетъ забыта; она доказываетъ, если только нужно доказательство, что добродѣтель первая черта вашего характера. Можно сказать, что я люблю и уважаю васъ за нее; это чувство раздѣляютъ со мной всѣ, кто знаетъ васъ. Поклонъ князю.

18.

Милая княгиня, я была бы недостойна вашей любви, еслибъ не сочувствовала ежедневно доказательствамъ ея. Нѣтъ изъ моего сердца никогда не изгладятся эти впечатленія. Я не понимаю, за что хотятъ выставить меня неблагодарной, когда я нисколько не боюсь представить много примѣровъ совершенно другаго рода, и, думаю, что даже ваша сестра не станетъ отвергать ихъ. Извините, что я позабыла поблагодарить васъ за конфеты, которыя впрочемъ я еще не отвѣдала, потому что во время поста сладкое не въ моемъ вкусѣ. Впрочемъ вы узнаете мое мнѣніе о нихъ въ свое время. Непременно послѣдую вашему совѣту, внушенному благоразуміемъ и стремленіемъ, способнымъ тронуть и менѣе чувствительное сердце чѣмъ мое. Я ничего не скажу о лестныхъ выраженіяхъ вашего письма, ибо не хочу разочаровывать васъ относительно моихъ воображаемыхъ совершенствъ и въ вашей любви ко мнѣ; поэтому молчу; притомъ вы засдуживаете этой хитрости съ моей стороны, увѣривъ себя въ качествахъ, вовсе не свойственныхъ мнѣ. Мое почтеніе князю; онъ долженъ быть очень утомленъ послѣдними двумя перестрѣлками.

19.

Ваше письмо изъ Москвы, милая княгиня, слишкомъ лестное для меня одолженіе. Если я сдѣлаюсь избалованной, и тщеславной, кого же мнѣ обвинять въ томъ, кромѣ васъ и вашихъ друзей? чтобъ спасти себя отъ этого нареканія, я постоянно повторяю себѣ: "старайся, по крайней мѣрѣ, осуществить доброе мнѣніе, которое имѣютъ о тебѣ." И когда начинаю недовѣрять себѣ, что часто случается, тогда призываю на помощь всю свою храбрость, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ томъ, что счастіе и благо Россіи всего дороже моему сердцу; оно одно будетъ предметомъ всѣхъ моихъ будущихъ думъ. Кажется, услуги Одарта будутъ полезны мнѣ, и я надѣюсь найдти ему какое нибудь мѣсто. Но во-

первыхъ скажите мнѣ, не можете ли вы заставить своего дядю рекомендовать его мнѣ? Если нѣтъ, пусть дѣло идетъ своимъ порядкомъ. Я предоставляю вамъ устроить съ нимъ денежныя условія; но пока онъ не оставитъ своего перваго поста, пусть объ этомъ никто не знаетъ, кромѣ насъ. Я, въ самомъ, дѣлѣ, мало знакома съ его обстоятельствами, чтобъ рѣшится назначить ему *когда и какъ*; онъ всегда пользовался покровительствомъ вашего дяди, то не мѣшало бы посовѣтоваться съ нимъ. Между тѣмъ мѣсто, предназначенное ему, останется незанятымъ. Сокрушаюсь, что отѣздъ нашего посланника опечалилъ васъ Мнѣ вдвойнѣ больно за это обстоятельство, потому что вы знаете, какъ близко я принимаю все, что до васъ касается. Дружба, благодарность и уваженіе— всѣ связи, соединяющія меня съ вами, я пополамъ дѣлю съ нашимъ великимъ посломъ*.

20.

Милая княгиня, я только—что получила ваше письмо и вполнѣ одобряю вашъ поступокъ только пусть будетъ такъ, чтобъ меня не обвиняли въ удаленіи Одарта отъ должности. Какъ бы вы не устроили съ нимъ, я безусловно во всемъ росписываюсь, и могу обѣщать, что онъ не умретъ съ голоду при мнѣ. Письмо ваше такъ грустно настроено, что я совѣтовала бы вамъ менѣе сокрушаться о разлукѣ съ нашимъ посланникомъ; я увѣрена, что онъ возвратиться къ намъ по добру и поздорову; по крайней мѣрѣ, я желаю этого ради общаго нашего утѣшенія.

21.

Никогда я не получила отъ васъ такого милаго письма. Обѣщавъ возвратить вамъ манускриптъ въ ваши собственныя

* Князь Дашковъ былъ опредѣленъ Петромъ III посланникомъ въ Константинополь.

руки, я сдержу свое слово буквально. Ваше доброе мнѣніе слишкомъ интересно для меня, и я дорожу имъ во всѣхъ случаяхъ. Впрочемъ, вы охотно освобождаете меня отъ обязательства въ пользу моего сына; чувствую всю вашу доброту. Признаюсь, меня глубоко тронула народная привязанность, которую я встрѣтила въ прошлый разъ. Были минуты, когда восклицанія толпы разражались энтузіазмомъ. Никогда мое самолюбіе не встрѣчало такого общественнаго сочувствія, тѣмъ болѣе лестнаго, что лесть здѣсь вовсе была неумѣстна. Ясно видно изъ вашихъ собственныхъ справокъ, какъ оно озадачило другихъ. Я часто провожала покойную императрицу въ подобныхъ случаяхъ, но никогда не видѣла такого выраженія народной любви. Кажется, во всемъ этомъ проглядывало болѣе, чѣмъ голосъ партіи, что, разумѣется, будетъ пріятно слышать всѣмъ нашимъ друзьямъ. Поблагодарите вашего любезнаго мужа за память обо мнѣ, и увѣдомьте его объ этомъ обстоятельствѣ. Я охотно извиняю вамъ чувствительность, но берегитесь, милая княгиня слабости. Вспомните стихъ мадамъ Десульеръ:

Je suis d'être né ni Grec ni Romain,
Pour garder quelque chose d'humain.

Эта чувствительность есть доказательство нѣжнаго сердца и я увѣрена, что вашъ умъ поставитъ ее въ приличныя границы. Мнѣ не хотѣлось бы допустить васъ до уныній; это, право, недостойно вашего характера. Прощайте! я люблю васъ искренно, и не согласна съ вами, если вы думаете, что управлять вашимъ сердцемъ легко. Выбросьте эту мысль изъ головы.

22.

Милая княгиня, я получила вашу послѣднюю записочку на сонъ грядущій. Посылать мужчину или женщину въ

такой часъ, значило бы возбуждать подозрѣніе; потому приходите ко мнѣ въ пять часовъ, послѣ обѣда, черезъ маленькій подъѣздъ, и тогда мы рѣшимъ, останетесь ли вы ужинать или пробудете сомной, чтобъ не тревожить нашего августѣйшаго общества. Что же касается до вашей репутаціи, она чище любаго календаря святыхъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю нашего свиданія, и очень жалѣю, что ваше письмо не дошло въ свое время.

23.

Глубоко сокрушаюсь, что ваше больное горло помѣшало вамъ навѣстить меня. Но скажите, пожалуйста, какимъ образомъ вы зашли въ озеро нимфъ?* Конечно я пожурила бы васъ, еслибъ не сочувствовала подобнымъ приключеніямъ въ девятнадцать лѣтъ—вашего возраста. Впрочемъ чтобъ наказать васъ за это неосторожное похожденіе, столь вредное для васъ, я предскажу, конечно не на радость вамъ, что черезъ два года вы совершенно излечитесь отъ такихъ шалостей: между тѣмъ, отпускаю вамъ вину за искренное признаніе, съ однимъ, однакожъ, условіемъ, что впередъ вы не будете рисковать здоровьемъ. Моя старушка Катерина Ивановна никогда не мечтала, чтобъ письма адресуемыя подъ ея именемъ, принадлежали ей; она тотчасъ доставляетъ ихъ мнѣ запечатанными и отнюдь не подозрѣваетъ содержанія ихъ. Даю вамъ слово, что я готова подраться съ этими куклами, которыя водятъ васъ по грязи и болотамъ и такъ мало заботятся о вашемъ сохраненіи; я вовсе не хочу терять друга, подобного вамъ. Увы! не всѣ разлуки печальны†. Нѣтъ сомнѣнія, онѣ должны сокрушать васъ и замедлятъ ваше выздоровленіе. Какъ мы утѣшимся? Я уничтожила ваше

* Брадфордъ. Это намекъ на происшествіе разсказанное выше, когда княгиня, гуляя по своей дачѣ близь Петербурга, завязла въ болотѣ, принявъ его за земельную лужѣйку.

† Примѣч Брадфордъ. Здѣсь она намекаетъ на отъѣздъ Петра III въ Данію, куда онъ собирался въ это время.

мечтательное письмо и, при свиданіи, поговоримъ о содержаніи его.

24.

Если завтра будетъ хорошая погода, извѣстите меня, можете ли вы отправиться со мной въ Катерингофъ и скажите, какъ лучше—верхомъ или въ коляскѣ. Я спрашиваю потому, что вы, кажется, вчера ушибли ногу; мнѣ желательно предупредить всякое усиліе, вредное для вашего здоровья, зная, что вы готовы на всѣ жертвы ради меня; поэтому позвольте мнѣ немножко позаботиться о васъ, ради моего собственнаго блага. Но пожалуйста не стѣсняйтесь отвѣтомъ; если завтра не льзя, мы отложимъ прогулку до слѣдующей суботы. Чтобъ развеселить васъ, я заключу письмо увѣреніемъ, столь понятнымъ для васъ, въ своей неизмѣнной преданности вамъ.

25.

Я только-что возвратилась изъ манежа, и такъ устала отъ верховой ѣзды, что трясется рука; едва въ состояніи держать перо. Между пятью и шестью часами я намѣрена ѣхать въ Катерингофъ, гдѣ я переодѣнусь, потому что было бы неблагоразумно въ мужскомъ платьѣ ѣхать по улицамъ. Я совѣтую вамъ отправиться туда въ своей каретѣ, чтобъ не ошибиться въ торопливости своего кавалера и явиться въ качествѣ моего любовника. Мы можемъ пробыть вмѣстѣ, по обыкновенію, долго, хотя не останемся ужинать. По вашей вчерашней запискѣ и до полученія нынѣшней, я готова была побраниться со всѣми, кто осмѣлился бы не признать меня вашимъ другомъ. Впрочемъ, совершенно преданная вамъ.

Одарта я рада видѣть. Сегодня въ манежѣ былъ со мной одинъ изъ вашихъ забавныхъ рыцарей, графъ Строго-

новъ. Прощайте, милая княгиня; вамъ нечего будетъ ни ѣсть, ни пить,—въ нашемъ обществѣ, но вы будете довольны моей радостью видѣть васъ.

26.

(Извлеченіе изъ письма Екатерины въ графу Строгонову.)

"Объ уваженіи къ моей милой княгинѣ, которая не забываетъ меня ни въ какомъ случаѣ, я одно могу сказать, что я безконечно благодарна ей. Я вполнѣ увѣрена, что доказательства ея дружбы далеко не выражаютъ ея безпредѣльной привязанности ко мнѣ. Впрочемъ, я такъ глубоко чувствую ея дружбу, что едва ли можно чувствовать глубже. Я совершенно ей предана, и это единственная дань, которую могу заплатить ей. Понимаете ли вы?

N. B. Между этими и слѣдующими письмами, кажется, промежутокъ девятнадцати лѣтъ.

Петербургъ. 22 дек. 1781 года

Княгиня, благодарю васъ за планъ и чертежи новаго лаццарето, устроеннаго великимъ герцогомъ Тосканскимъ и присланнаго вами мнѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что вы не только всегда занимаетесь благомъ вашего отечества, но также ревностно преданы мнѣ лично. Увѣрена, что тѣми же чувствами проникнуты ваши дѣти, въ которыхъ я принимаю двойнѣ живое участіе, будучи любима обоими ихъ родителями. Я приказала зачислить своего крестника въ гвардію, въ тотъ полкъ, который вы предпочтете. Увѣряя васъ въ

моемъ неизмѣнномъ уваженіи, остаюсь искренно—преданная вамъ.

ЕКАТЕРИНА.

Царское село. 19 авг. 1782 г.

Мнѣ пріятно слышать, что вы остались довольны устройствомъ дома, который я приготовила вамъ въ городѣ и на дачѣ. Съ тѣмъ, вмѣстѣ, я вѣрю вашей неизмѣнной преданности мнѣ. Надѣюсь услышать все это лично въ слѣдующее воскресенье.

Понедѣльникъ 8 часовъ утра.

Вы раньше меня просыпаетесь, моя прекрасная леди; ваше письмо пришло къ моему завтраку. Отвѣчая вамъ, я начинаю свой день болѣе пріятно, чѣмъ обыкновенно. И такъ, вопервыхъ вы не рѣшительно отказываетесь отъ моего предложенія; разумѣйте что угодно подъ словомъ *неспособность*, но я иначе толкую его, когда предлагаю вамъ извѣстное мѣсто. То, что вы называете моимъ *правомъ*, для меня носитъ болѣе точное названіе *благодарности*. Вы приписываете мнѣ совершенно новое достоинство, будто я превзошла самую "госпожу природу," надѣливъ васъ силой новаго характера. Какъ бы то ни было, примите увѣреніе, что я вовсѣхъ случаяхъ готова съ радостью помочь вамъ и словомъ и дѣломъ.

11 іюня, 1783 г.

Вы просили меня извѣстить васъ, когда я назначу свое путешествіе въ Финляндію; согласно вашему желанію, имѣю честь увѣдомить, что я отправляюсь въ будущій четвергъ. Я разсчитывала видѣть васъ вчера, но вы не пришли, и потому я пишу вамъ это письмо.

Четвергъ. Утро. 16 нояб. 1783 г.

Прошу васъ, мадамъ, прислать мнѣ кореспонденцію извѣстнаго портнаго,* и посланныя мной статьи еще не напечатаны?

Царское село. 7 мая. 1784 г.

Я получила ваше письмо и двѣ книги утромъ, одна изъ нихъ, подъ заглавіемъ "Природа и Искусство," будетъ полезна, и я не нахожу недостатковъ въ бумагѣ. Печать, какъ вы замѣтили справедливо, гораздо лучше оригинала. Желаю вамъ пріятнаго путешествія и прошу вѣрить моей искренней признательности и дружбѣ, отвѣчающими вашему расположенію ко мнѣ.

Царское село. 6 янв. 1787 года.

Мадамъ, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ вы дѣйствовали умно и благоразумно. Письменное "прости," конечно, самое лучшее. Тѣмъ, которые одарены дѣйствительной чувствительностью, нѣтъ надобности выставлять ее на показъ. Въ самомъ дѣлѣ, если кто нуждается въ храбрости, чтобъ уѣхать, тому чувствительность вовсе не умѣстна, и въ этомъ я думаю, мы съ вами согласны. Я совершенно увѣрена въ вашей привязанности ко мнѣ и, надѣюсь, что и вы не ошибетесь въ моей признательности вамъ. Я не премину писать, хотя относительно моего здоровья, кажется, вы не станете много безпокоиться. Прощайте, мадамъ, истинно преданная.

Кіевъ. Февраля 3. 1787 г.

Сегодня утромъ я получила ваше письмо, вмѣстѣ съ

* Сочиненія Екатерины на Русскомъ языкѣ, помѣщенныя въ періодическомъ изданіи. Брадфордъ.

періодическимъ изданіемъ; 29 этого мѣсяца я благополучно пріѣхала сюда. Во время путешествія, я давала балы во всѣхъ городахъ, черезъ которые проѣзжала, и повсюду встрѣчала лестный пріемъ со стороны народа. "Ученый," сопровождающій насъ, совершенно въ своей тарелкѣ; онъ весь день ходитъ по церквямъ и другимъ любопытнымъ мѣстамъ. Сынъ вашъ здѣсь, и, кажется, совершенно здраствуетъ. Прощайте, милая мадамъ, совершенно преданная вамъ.

27 мая 1788 г.

Я приказала письмо короля перевести. Между тѣмъ, я прошу васъ поблагодарить его за книгу, хотя я не могу прочитать ее, не зная Англійскаго языка.

27 іюня. 1789 г.

Мадамъ, развлеченная множествомъ хлопотъ, я надѣюсь, на ваше извиненіе, что не могла немедленно отвѣчать на ваше письмо отъ 25 числа. Красовицкій вышлетъ посылку Бернульи изъ Берлина къ вамъ; прошу васъ поблагодарить его отъ моего имени за безпокойство. Я очень цѣню вашу доброту, и съ благодарностью принимаю ваше желанье на-завтра. Надѣюсь, что вы вѣрите моей благодарности.

Царское село. Іюля 21. 1789 г.

Мадамъ, послѣдній невѣжа не можетъ не удивляться необычайному труду, изданному въ свѣтъ Русской академіей и занимавшему вниманіе ученыхъ болѣе шести лѣтъ. Искренно поздравляю васъ, и такъ какъ у меня страсть къ предисловіямъ, то я сполна прочитаю его въ вашемъ диксіонерѣ. Перелистывая его, я замѣтила мнѣніе нашей академіи о множествѣ предметовъ, выражаемое то утвердительно, то отрицательно и множество словъ, вовсе не до-

ступныхъ знанію народа. Почетный отзывъ академіи о маленькомъ лексиконѣ "Сравненіе всѣхъ языковъ въ мірѣ" составитъ его карьеру, на которую онъ едва ли могъ надѣяться, доставивъ только дюжину словъ вашему безсмертному произведенію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вправѣ гордиться и этой ничтожной услугой своему младшему толстому брату. Съ полнымъ уваженіемъ, достойнымъ васъ, остаюсь преданная вамъ.

Жалѣю, что въ предисловіи встрѣчаются ошибки; между прочимъ, обратите вниманіе на страницѣ XI, гдѣ ихъ очень много; но позвольте мнѣ, не мѣшать своей болтовнѣй, славѣ академическаго словаря.

6 іюня. 1791 года.

Сейчасъ получила вашъ отчетъ за послѣдній мѣсяцъ и прекрасный рѣзной камень вмѣстѣ съ нимъ, за что искренно благодарю. Съ удовольствіемъ принимаю его, какъ одно изъ многихъ доказательствъ вашего уваженія; но принимаю съ однимъ условіемъ, милая статсъ-дама, что онъ дѣйствительно не тотъ знаменитый антикъ Михаила Анджело Буанаротти, который, по словамъ Манфокона, вполнѣ описавшаго его, принадлежитъ кабинету первыхъ королей Франціи. Я думаю, что свѣдѣнія, присланныя вамъ изъ Италіи на этотъ счетъ, не стоютъ перевода; не знаю, на чьей сторонѣ правда, но я вѣрю моему авторитету. Есть люди, которые могутъ знать или не знать эти вещи, но они не желаютъ ни себя, ни другихъ вводить въ заблужденіе. Будьте здоровы. Ваши чувства, я знаю, всегда неизмѣнны ко мнѣ.

22 ноября. 1794.

Не легко, мадамъ, выручить вашу дочь изъ Москвы. Она въ домѣ Англійскаго министра, который поручился

за нее въ небольшой суммѣ денегъ, и самъ Уильфортъ (Уайторсъ) заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Поэтому я думаю, опекуны вашей дочери должны прежде уладить это дѣло съ нимъ, такъ чтобъ снабдить ее достаточной суммой для путешествія. Мое вмѣшательство въ этомъ случаѣ было бы несправедливо.

N. B. Слѣдующія письма императрицы къ княгинѣ Дашковой, неизвѣстно, когда писаны.

"Между бумагами присланными вами ко мнѣ, есть одна, которую я искала и не могла найдти; она оканчивается словами "le ris tenta le rat" и проч. и проч. Поищите ее, пожалуйста, и пришлите поскорѣй. Что же касается до опыта моего друга Канонъ, я ничего не сдѣлаю безъ его совѣта. И такъ какъ онъ никогда не оскорбилъ ни одного человѣческаго существа въ мірѣ, то я думаю, невинность его ужаснется отъ правилъ, предписанныхъ вами. Очень жалѣю, что вы нездоровы.

Мадамъ, я прочитала небольшую статью, прилагаемую при этомъ письмѣ, и ничего не нахожу для возраженій, развѣ только критики продерутся къ перво-священнику и храму въ послѣдней сценѣ, такъ какъ Баша и Киргисъ Магометане: эта сцена слишкомъ языческая, и потому разрушаетъ однообразіе дѣйствія. Надѣюсь, что вы перестанете жаловаться на свое здоровье.

Мадамъ, я сейчасъ получила ваше письмо, вмѣстѣ съ копіей труда, увѣнчаннаго академической преміей; но я

не нашла въ вашемъ пакетѣ отчета, обѣщаннаго вами. Посылаю вамъ листы моего большаго словаря.

Я сейчасъ получила письмо, посланное вами черезъ князя Потемкина и прошу вѣрить, что я употреблю всѣ заботы о судьбѣ вашего сына. Такъ какъ я только что вышла изъ бани, то могу принять только васъ. Поэтому передайте князю мое желаніе ему добраго путешествія. Хотя вы разстаетесь съ нимъ грустно, но не принимайте этого слишкомъ близко къ сердцу и постарайтесь быть великодушны и вѣрить моему неизмѣнному участію во всемъ, что относится до васъ.

Мадамъ, только-что получила ваше письмо и списокъ картинъ; жалко одно, что онѣ попорчены въ каретѣ; отлагаю удовольствіе видѣть ихъ до будущаго пріѣзда въ городъ.

Позвольте мнѣ лично явиться къ вамъ* и поздравить васъ съ днемъ ангела: съ тѣмъ вмѣстѣ благодарю васъ *прозой* за прекрасные стихи, оставленные у меня на столѣ, вмѣстѣ съ печатью и ея оттискомъ. Жалѣю, что вамъ нездоровится.

Я крайне огорчена, что болѣзнь держитъ васъ въ домѣ. Большое спасибо за письмо Лаланда, которое такъ интересно. Пожалуйста, пріобрѣгите для меня славный камео Юпитера Серапійскаго. Что же касается до вазы‡ и ея антиковъ,

* При этомъ письмѣ былъ посланъ портретъ императрицы къ Дашковой.

‡ Екатерина желала имѣть вазу, украшенную антиками, принадлежавшую Екатеринѣ I находившуюся въ это время въ академическомъ музеумѣ. Княгиня Дашкова охотно предложила купить ее и "предметы естественной исторіи" были деньгами, выданными за нее. Брадфордъ.

я желала бы принять ее изъ вашихъ собственныхъ рукъ и въ замѣнъ предметовъ натуральной исторіи, которые Стрекаловъ въ состояніи только достать изъ банка, въ началѣ января. Охотно принимаю ваше ласковое слово, до удовольствія видѣть васъ лично.

Прошу княгиню Дашкову, если она одобритъ, помѣстить въ ея новый журналъ, встрѣченный такъ благопріятно, приложенное здѣсь предисловіе.

Съ благодарностью возвращаю очень интересное письмо Лаланда о асролитахъ. Пока они не запаслись рѣшетами, вѣрно надобно предоставить ихъ волѣ вѣтровъ. Вѣрьте моему непремѣнному уваженію.

Благодарю васъ за письмо и переводъ "Мессіяды" Клопштока; признаюсь, я никогда не могла понять ее даже въ оригиналѣ, но, думаю ей обрадуются наши мистики и даже воспользуются во благо вашихъ торговыхъ разсчетовъ. Я сочувствую вашимъ страданіямъ и душевнымъ и тѣлеснымъ. Прощайте. Я прикажу переслать камень Байерса съ курьеромъ.

Справляясь о вашемъ здоровьѣ, позвольте мнѣ также справиться, что любопытнаго заключается въ послѣднемъ пакетѣ Кассини, присланномъ въ кадемію, относительно кометы; напримѣръ, какъ онъ думаетъ, когда она явится

черезъ восемь или девять дней. Если ничто не помѣшаетъ вамъ, увѣдомьте меня немедленно. Доброй ночи.

Мадамъ, я думаю, вы остались довольны статьями Канона; если такъ, то не отвергнете приложенную здѣсь бездѣлицу. Bambinelli* очень хотѣлъ бы знать, будетъ ли помѣщена эта статья въ осьмой книжкѣ. Если мое желаніе исполнится, вы будете чувствовать себя лучше.

Вчера я получила ваше письмо вмѣстѣ съ бумагами; съ одинаковымъ удовольствіемъ прочитала, какъ выраженіе вашихъ чувствъ ко мнѣ, такъ и отчетъ объ учрежденіи, которое вы стараетесь устроить. Перечитывая извѣстную бумагу съ особеннымъ вниманіемъ, я нахожу ее менѣе предосудительной, чѣмъ думала прежде. Еслибъ можно было напечатать ее вмѣстѣ съ отвѣтами, сатира была бы менѣе язвительна, хотя она подасть поводъ къ тѣмъ же, если только не къ большимъ глупостямъ. Нѣтъ сомнѣнія, это произведеніе великаго камергера, который мститъ за портретъ "нерѣшительнаго человѣка" во второмъ томѣ..... Замѣтьте, что четырнадцатый пунктъ введенъ два раза, можетъ быть съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ замѣтить уничтоженный, не нарушая порядка. Не его ли эта предосторожность, жалкая, но очень похожая на великаго камергера, который, обыкновенно, дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ?

---

* Это намекъ на одно придуманное названіе, подъ которымъ императрица и нѣкоторыя лица изъ ея общества были извѣстны, какъ авторы. Одинъ изъ дворскихъ куртизановъ подписывался подъ своими статьями *Canon*. Это былъ Нарышкинъ.

Возвращая вамъ бѣдное произведеніе, конечно вышедшее изъ-подъ пера автора вопросовъ, я имѣю честь приложить листокъ, приготовленный для печати; я прибавила къ нему только одно замѣчаніе и, кажется, очень неважное.

Очень жалѣю, что ваша простуда лишаетъ меня удовольствія видѣть васъ. Признаюсь, я совершенно не знала исторіи вашего ботаническаго сада. Если вы желаете избрать мѣсто, для этого сада, безъ ущерба для другого лица или учрежденія, я охотно отведу его академіи, которая можетъ садить и сѣять на немъ, сколько ей угодно. И если вы превратитесь въ подсолнечникъ, я уподоблюсь пророку, отдыхавшему въ Ниневіи подъ тѣнью этого или нѣкотораго другаго растѣнія, безконечно довольная.

[Княгиня Дашкова, произнесла рѣчь въ академіи и похвалила въ ней императрицу; копію съ этой рѣчи, она послала Екатеринѣ, которая помѣтила на ней слѣдующія замѣчанія:]

Для большей скромности не мѣшало бы замѣнить слово *никто* словомъ *не всѣ*. Уничтожьте, пожалуйста, выраженіе "несравненная," иначе этой иперболой вы напомните мадамъ Секонда, крестницу президента Монтескью. Уничтожьте также "благодѣтельное божество," такая апотеоза вовсе не въ духѣ христіянской религіи, и я думаю, что мнѣ не бывать въ святыхъ, послѣ ограниченій земныхъ интересовъ нашего духовенства. Я ничего не могу сказать противъ суботы; всѣ дни недѣли равны для меня, только одно воскресенье болѣе тягостно по своимъ церемоніяльнымъ представленіямъ. Я просмотрѣла сочиненіе, присланное Голицынымъ изъ Вѣны; оно очень надуто, и, кажется, авторъ не совсѣмъ ясно понимаетъ свой предметъ. Что же до рѣчи Р...., я написала крупными буквами: "въ сторону."

J'ai l'honneur d'être:
Tout ce qu'il faut au bas d'une lettre.

Возвращаю вамъ трудъ, дѣйствительно прекрасный. Въ немъ нѣтъ ничего поверхностнаго и ничего лишняго. Послѣ завтра мы поговоримъ объ историческихъ статьяхъ для восьмаго тома. Я приказала выдать Эйлеру-сыну двѣсти рублей, согласно съ вашимъ желаніемъ. Прощайте. Очень жалѣю о вашемъ нездоровьѣ, впрочемъ надѣюсь скоро видѣть васъ. Трудъ егермейстера дѣлается многотомнымъ и превосходнымъ.

Возвращаю вамъ стихи; они очень хороши. Исторія будетъ готова въ концѣ этой недѣли.

Я получила вашъ отчетъ и, признаюсь, очень была удивлена вашимъ вопросомъ; кажется, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, о чемъ вы спрашиваете. Не только вы, но всѣ, добросовѣстно исполняющіе ввѣренныя имъ объязанности, конечно, имѣютъ право на мое одобреніе; я не помню случая, когда бы я отказала въ немъ. Прошу васъ не ошибаться на счетъ моихъ чувствъ въ отношеніи къ вамъ, какъ я не ошибаюсь насчетъ вашей преданности мнѣ. Съ удовольствіемъ выслушаю ваши предложенія, относительно употребленія суммъ, сбереженныхъ для академіи вашей экономіей. Очень жалѣю, что болѣзнь ваша не проходитъ.

Жалко, что вы недовольны моей резолюціей относительно академическихъ отчетовъ. Успокойтесь, пожалуйста. Послѣ завтра я надѣюсь уладить дѣло и притомъ такъ, что ни интересъ, ни справадливость не пострадаютъ. Между тѣмъ, вѣрьте, что я не сомнѣваюсь ни въ вашемъ расположеніи, ни въ дружбѣ, которыя всегда для меня дороги.

Нынѣ послѣ обѣда я прочитала съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ новое произведеніе. Статья очень интересная, и еслибъ такія піесы почаще являлись, Русскій театръ поцвѣлъ бы. Я не имѣю причинъ откладывать представленіе ея послѣ пасхи. Возвращаю вамъ ее, въ надеждѣ скоро видѣть на сценѣ; благодарю васъ за вниманіе и доброе мнѣніе обо мнѣ. Въ одномъ мѣстѣ есть повтореніе; я отмѣтила это мѣсто карандашемъ. И такъ возвращаю вамъ драму, согласно вашему желанію, совершенно увѣренная, что публика приметъ ее благосклонно.

Не показывайте ее ни одному живому существу; когда вы прочитаете, возвратите мнѣ рукопись. *N. B.* На послѣдней страницѣ есть хронологическая ошибка въ бракѣ Генриха II.

Субота. Вечеромъ, 6 часовъ.

Вчера я получила письмо, и два разсужденія, которыя я осуждена вами прочитать. Мнѣ помѣшали отвѣчать вамъ немедленно; а потомъ, извините, забыла. Впрочемъ, благодарю васъ; и позвольте попросить васъ справиться въ академіи, что показывалъ барометръ 26 и 27 января этого года, и въ какомъ состояніи онъ сегодня 26 марта. Отъ всей души желаю вамъ здоровья.

Только что получила ваше письмо и немедленно справлюсь о своихъ финансахъ, найдется ли достаточная сумма, чтобъ уплатить предложенную вами покупку. Будьте вполнѣ увѣрены, что какъ въ настоящемъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, я готова сдѣлать все для вашего удовольствія. Я приказала напечатать двѣсти экземпляровъ комедіи. Только девяносто были присланы. Не забудьте, что остальныя сто десять слѣдуютъ мнѣ.

Каталогъ за каталогъ; посылаю вамъ одинъ, отнюдь не лишній для вашей коллекціи рѣзныхъ камней. Когда мы увидимся, поговоримъ о содержаніи вашего письма. Стрекаловъ можетъ заплатить банковымъ билетомъ за голову Сераписа.

Душа моя, я только-что получила ваше письмо со всѣми его прекрасными приложеніями. Рапортъ, съ перечнемъ манускриптовъ я желала бы продержать немного; мнѣ хочется пробѣжать ихъ на досугѣ, что я не могу сдѣлать теперь. Возвращаю вамъ письмо къ автору "Былей и Небылицъ;" его, конечно, можно напечатать, но такъ, чтобъ не честить въ нихъ автора "Лебедемъ, поющимъ послѣднюю пѣснь;" въ имени его, между прочимъ, я никогда не ошибалась. Поэтому посылаю отрывокъ и прошу помѣстить его прежде предсмертной оды моего друга "Лебедя" въ силу которой авторъ "Былей и Небылицъ" можетъ объявить, что всѣ жаркіе споры объ этихъ вопросахъ отселѣ кончены.

Читая о піесѣ "Педларъ," я готова побожиться, что это мое сочиненіе; такъ оно сходно съ моимъ произведеніемъ. Критика его столько же справедлива, сколько строга; но берегитесь отвѣта. Чтобъ облегчить васъ, я намѣрена наложить амбарго на всѣ листы, присылаемые ко мнѣ; но отмѣчать секретарской печатью тѣ, которые уже напечатаны—не совсѣмъ легкое дѣло. Благодарю васъ за отзывъ о Каноиѣ.

Открывая письмо фельдмаршала Мюнриха, я нашла въ немъ другое; привыкнувъ получать по два и по три въ

одномъ конвертѣ, я совершенно безсознательно сорвала печать и, къ крайнему удивленію, увидѣла, что письмо адресовано на ваше имя. Поэтому отправляю его вамъ, и прошу великодушно извинить меня. Надѣюсь, что оно доставитъ вамъ удовольствіе, и вы конечно благоволите отвѣчать на него. Вы должны быть довольны честію, а я воспользуюсь его умозрѣніями; но я принуждена положить перо и лишить васъ тѣхъ полезныхъ замѣчаній, которыя собиралась написать.

Сейчасъ получила вашъ отчетъ, съ приложеніемъ письма и списка словъ, за что очень обязана вамъ. Расположите эти слова точно въ томъ порядкѣ, какъ они стоятъ въ Иберо-Кельтскомъ языкѣ, вычисленные Соймоновымъ въ его перечнѣ, представленномъ академіи.

Скажите Бакмейстеру, чтобъ онъ не хлопоталъ списывать слова Сибирскихъ нарѣчій; я уже имѣю списокъ ихъ. Я не хотѣла бы перевода Герберштейна на Русскій языкъ; въ его разсказѣ ужасно много отвратительныхъ вещей. Я не читала Стриковскаго, потому что онъ доселѣ изданъ только на Польскомъ и на Латинскомъ языкѣ. Вѣрьте моей дружбѣ.

Недавно явилась Русская трагедія "Вадимъ Новгородскій," напечатанная въ академической типографіи, какъ видно по заглавію. Это слишкомъ строгій и горькій урокъ верховной власти. Остановите продажу ея, пока я прочитаю. Доброй ночи. А вы читали ее?

Здѣсь найдете много прекрасныхъ фантастическихъ пред-

метовъ, которые я посылаю вамъ, въ отвѣтъ на вашу рѣчь; вѣрьте, что все къ лучшему въ этомъ самомъ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ.

Благодарю васъ за отпечатанные листы, которые вы прислали мнѣ при письмѣ; очень рада слышать, что книга, отправленная вамъ, оказалась не безполезной, и еще больше довольна тѣмъ, что вы согласны вычеркнуть многія слова въ этихъ листахъ. Когда всѣ иностранные и пошлые термины будутъ уничтожены, сокращеніе будетъ незначительно. Было бы желательно, чтобъ въ этомъ перечнѣ словъ было прибавлено объясненіе значенія ихъ и производства. Тогда онъ не будетъ такъ тощъ и сухъ, и принесетъ пользу. Въ настоящемъ же его видѣ, я признаю его не больше, какъ общеупотребляемый словарь. Признаюсь, я не понимаю и половины словъ. Притомъ, собственныя имена съ ихъ уменьшительными не много придаютъ красоты языку. Французская академія очистила свой языкъ уничтоженіемъ всѣхъ его барбаризмовъ.

Въ прошлую ночь я получила письмо, которое вы благоволили прислать мнѣ. Князь Рѣпнинъ можетъ быть увѣренъ, что я при первомъ удобномъ случаѣ не замедлю назначить преемника Гольцу. Я не имѣю причинъ безпокоиться за себя, и далеко не способна трусить. Однимъ этимъ замѣчаніемъ ограничусь въ этомъ отношеніи. Понятно, что есть много людей, которыхъ я ничѣмъ не могу удовлетворить. Одни слишкомъ властолюбивы, другіе желаютъ, чтобъ ихъ враги имѣли поменьше власти. Многіе жалѣютъ о потерѣ общественныхъ интересовъ и

должностей; но такъ какъ у меня одно желаніе,—желаніе общаго добра и блага каждаго отдѣльнаго лица, то, я думаю, что моя польза заключается въ общественномъ счастіи; остальное поручаю провидѣнію.

Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte.

Князь Рѣпнинъ можетъ быть увѣренъ въ моемъ почтеніи и въ удовольствіи видѣть его, а вы, княгиня, въ заслуженномъ вами уваженіи. Пошлите ему это письмо, если найдете удобнымъ.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II.

КЪ

ДѢВИЦѢ ЛЕВШИНОЙ.

Эти письма не имѣютъ ни какой связи съ содержаніемъ записокъ, и потому я считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ въ защиту ихъ. Издатель вполнѣ увѣренъ, что онѣ будутъ приняты благопріятно, какъ характеристика доброты и веселаго нрава императрицы. Едва ли кто обладалъ искусствомъ нравиться въ такой высокой степени, какъ Екатерина II. Она умѣла примѣняться къ каждому возрасту, характеру, затрогивать самыя тайныя пружины сердца и находить неистощимый юморъ въ источникѣ своего гибкаго ума. Эти четыре письма были писаны къ Левшиной, изъ благороднаго семейства, оставшейся сиротой по четвертому году и опредѣленной въ этомъ возрастѣ въ Смольной монастырь, основанный императрицей. Левшина была одна изъ первыхъ воспитанницъ; вслѣдствіе этого обстоятельства, или изъ участія къ ея сиротству, или за ея хорошее поведеніе и успѣхи, можетъ быть, въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ вмѣстѣ, императрица отличила ее въ числѣ другихъ питомицъ института.

Я слышала отъ племянницы Дашковой, которая воспитывалась въ томъ же монастырѣ и сообщила мнѣ копіи этихъ писемъ, что Смолянки съ энтузіазмомъ говорили о посѣщеніяхъ Екатерины въ это заведеніе.

Чтобы понять нѣкоторые термины въ этихъ письмахъ, какъ напрм. *кофейный голубой* и проч., надобно замѣтить,

что младшія дѣвушки, первые три года, по правиламъ института носили платья *кофейнаго* цвѣта; потомъ онѣ переходили во второе отдѣленіе и назывались *голубыми*; далѣе въ третьемъ отдѣленіи одѣвались въ *сѣрый* цвѣтъ и наконецъ, въ послѣднемъ классѣ, въ *бѣлый*. Левшина была на переходѣ изъ третьяго отдѣленія въ высшее, когда получила первое и второе письмо, а третіе и четвертое въ старшемъ классѣ. Окончивъ свое воспитаніе въ институтѣ, она была принята ко двору фрейлиной, за тѣмъ вскорѣ вышла за мужъ и умерла молодой.

1.

Прочитавъ ваше прекрасное письмо, я готова была приказать заложить карету и немедленно ѣхать въ монастырь, но не пеняй, моя милая смуглая Левушка, что холодъ удержалъ меня. Правда, я по-временамъ прыгаю, но не такъ много, какъ вы. И хотя ты очень милая дѣвушка, но воздухъ вашихъ коридоровъ слишкомъ свѣжъ для меня въ этомъ мѣсяцѣ. Какъ только пройдутъ холода, я непремѣнно пріѣду и буду участвовать во всѣхъ твоихъ разнообразныхъ занятіяхъ, если, впрочемъ, позволятъ мои (вѣдь я также не безъ занятій). Передай мой поклонъ подругамъ; а *сѣрыхъ* моихъ сестеръ прошу тебя поцѣловать. Скажи имъ, что я радуюсь ихъ успѣхамъ, а чтобъ доказать это, предупреди ихъ, что я намѣрена провести у васъ цѣлый вечеръ за игрой въ "лисицу и гусей". Слово привѣта мадамъ Лажонъ, которой вы очень многимъ обязаны и которая любитъ васъ нѣжно.

КАТЕРИНА.

2.

Скажи мнѣ, Левушка, развѣ не довольно съ тебя твоей собственной милой болтовни, если бъ я и въ состояніи была болтать съ тобой о всякой всячинѣ? Сначала и до конца, ты пишешь все, что ни забредетъ тебѣ въ голову.

Ты поздравляешь меня со днемъ ангела, журишь зачѣмъ я поѣхала за городъ, приглашаешь пріѣхать и посмотрѣть вашъ отвратительный садишко, и чего ты не наговорила мнѣ? Чтобъ отвѣчать на все, мнѣ надо исписать цѣлую десть бумаги. Поэтому извини меня, хотя я охотно готова слушать отъ тебя все, что угодно. Твое перо, языкъ и сердце удивительно успѣваютъ; и потому-то я горячо люблю тебя. Ахъ! Левушка, ваша театральная субретка, вовсе не очаровательна. И неужели ты въ самомъ дѣлѣ, каждый день отмѣриваешь двѣсти двадцать одну ступеньку, чтобъ издали взглянуть на мой дворецъ, который вы не любите за то, что онъ такъ далеко разлученъ съ вами. Спасибо тебѣ за всѣ лестныя выраженія, и за исскуство, съ которымъ ты смѣшишь даже степенныхъ монашенокъ и вызываешъ ихъ изъ келій своими шутками; благодарю и за многія другія вещи. Вѣрно мадамъ Крупильякъ * бережетъ свою бумагу для процессовъ; рукопись ея очень мелка, и комплименты очень заучены. Впрочемъ, она хорошо играетъ свою роль и даже умѣетъ подсмѣяться надъ солнцемъ, когда желаетъ ему чести затмѣнія; такова сила привычки. Лиза, милая Лиза, вмѣсто того, чтобъ быть совершенно счастливой, такъ часто выходя за-мужъ за своего вѣрнаго Евфемона, и не смотря на ласковое поздравленіе меня съ праздникомъ, также попрекаетъ меня дворцомъ, блестящимъ золотомъ. Но что сказать о самомъ Евфемонѣ, который, разоривъ подданныхъ съ своими буйными друзьями, предлагаетъ мнѣ свое сердце! Ну хорошо, я выйду за него, на-зло Лизы и мадамъ Крупильякъ, которую я современемъ готовлю въ невѣсты господина Фрейенфата,— чтобъ отмстить за оскорбленіе моего дворца; и во время свадьбы я заставлю дѣвицу Барешову открыть балъ, въ наказаніе за то, что она сравниваетъ Петербургскій снѣгъ съ Царскосельскимъ.

* Это имя, какъ и вышеупомянутое субретка и нѣкоторыя другія означаютъ героинь театральныхъ піесъ, игранныхъ воспитанницами монастыря.

Явленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой я очень близко наблюдаю, и въ ту самую минуту, когда она всего меньше ожидаетъ того; скоро, можетъ быть, даже очень скоро. Молите Бога, чтобъ скорѣй прошелъ ледъ; а между тѣмъ поцѣлуйте за меня, и всѣхъ заразомъ, маленькихъ шалуній и не забудьте поблагодарить за ихъ ласки ко мнѣ. Передайте поклонъ Лафондъ.

3.

Вотъ мой отвѣтъ на ваши два письма; замѣтьте кстати, что первое написано такъ мелко, что если вы усовершенствуетесь въ этомъ искусствѣ, я скоро принуждена буду купить пару очковъ, для чтенія вашихъ писемъ. Но съ очками или безъ очковъ, вѣрьте, что онѣ всегда будутъ приняты мной. Скажите отъ меня мадамъ Лафондъ, что высокая дѣвица, въ бѣломъ платьѣ, съ носомъ попугая и темнымъ лицомъ, та самая что привѣтствовала меня при входѣ въ монастырь и провожала цѣлой батарей *охъ* и *ахъ*, попросите сказать ей, что письма ея нравятся мнѣ; но такъ какъ я люблю природу безъ всякого усилія и стѣсненія, то милая Левушка, со всей ея рѣзвостью и шалостями совершенно въ моемъ вкусѣ. Продолжайте, продолжайте; ровно черезъ три года я пріѣду и возьму васъ изъ монастыря; тогда кончатся и слезы и вздохи. На-зло себѣ вы увидите что то же Царское село, о которомъ вы такъ невыгодно отзываетесь, понравится вамъ (я знаю, вы любите истину) и вы найдете его несравненно лучше лѣтняго дворца. Я, конечно, хорошо помню, какъ въ немъ однажды прыгали рои моихъ бѣлыхъ друзей (между тѣмъ какъ разноперыя птички летали по стѣнамъ), вскружившихъ головы почти всему городу. Прошу замѣтить, къ какимъ послѣдствіямъ иногда ведутъ движенія молодыхъ дѣвушекъ. Съ этого самаго дня городъ былъ наводненъ *de vers*, не тѣми,

которые грызутъ листья на моихъ рѣдкихъ деревахъ, нѣтъ, а тѣми, которые родятся въ головѣ поэтовъ, вдохновенныхъ предметами, дѣйствующими на ихъ воображеніе. Когда нибудъ я пріѣду въ городъ взглянуть, какъ Лафонъ устроила клѣтки и углы въ своемъ мѣщанскомъ жилищѣ, которое вы мнѣ описали.

Благодаря вашему попеченію, я надѣюсь, что котята, о которыхъ вы говорите постоянно, не станутъ безпокоить васъ *мяуканьемъ*, выражаясь языкомъ вашего общества, или лучше вашимъ собственнымъ. Не печалься, если Бетцкій настаиваетъ, чтобъ вы учились плавать. Въ его возрастѣ въ дѣлѣ занятій, требующихъ и силы и ловкости, люди способны болѣе говорить, чѣмъ дѣлать. Поймайте его,—совѣтую вамъ—на словѣ, и онъ больше смѣшается, чѣмъ вы. Онъ отвѣтитъ: "хорошо, очень хорошо," и отложитъ свой проэктъ до другого дня. Вы можете спросить у этого учителя плаванія, зачѣмъ онъ поставилъ въ моей комнатѣ зимняго дворца Турецкую софу. Онъ, подлинно, размѣщаетъ все въ моихъ покояхъ, по собственной фантазіи, за исключеніемъ извѣстной любимой мебели сдѣланной Молчановой; этой мебели я сама отвела мѣсто, или лучше вы назначили его и притомъ навсегда. Если вамъ покажется моя мысль темной, попросите директрису объяснить ее; она хорошо знаетъ эту дѣвушку и потому можетъ отвѣчать вамъ. Серенада, которую вамъ задалъ князь Орловъ, по моему мнѣнію, не дурная мысль. Онъ любитъ дурачиться и очень расположенъ къ вамъ, извѣстной ему отъ колыбели. Онъ также любитъ отечество и вашъ институтъ, устроенный на благо его. Онъ въ-особенности любитъ васъ: и знаете ли за что? За то что васъ не льзя не любить.

И такъ, не довольно ли на этотъ разъ? Да, поздравьте отъ меня вашихъ кафейныхъ куколъ, приголубьте голубыхъ обезьянъ, поцѣлуйте сѣрыхъ сестеръ и обнимите крѣпко своихъ бѣлыхъ рѣзвушекъ, моихъ старыхъ друзей. Передайте Лафонъ глубочайшее уваженіе, и когда будете

передавать, выразите на лицѣ всевозможныя чувства, которыми она васъ напитала.

4.

Я думаю, что изъ вашего письма можно вывести для заключенія; вопервыхъ, вы горюете, когда не видите меня, во вторыхъ, вы, напротивъ, очень веселы, когда видите меня. Увы! погода дождливая. Путешествіе въ Москву печалитъ васъ; слезы ручьемъ текутъ и, когда я видѣла васъ, въ послѣдній разъ, слѣды ихъ были замѣтны; но на-перекоръ старой пословицѣ: "когда женщина начинаетъ плакать, все плачетъ съ ней" я совершенно спокойна. Посудите, какъ міръ несправедливъ и какъ онъ глумится надъ нашей чувствительностью. Конецъ концовъ, осушите ваши слезы; по возвращеніи изъ Москвы, я пріѣду въ монастырь и увезу васъ съ собой. Тогда вы будете постоянно со мной и на свободѣ; подобно нѣкоторымъ изъ нашихъ придворныхъ сорокъ, скоро выучитесь тарантить. Поклонитесь отъ меня Лафонъ и пожелайте скорѣй выздоровѣть. Мое душевное и тѣлесное привѣтствіе остальному обществу. Замѣтьте, что мое чистописаніе хуже вашего, а орфографія лучше.

КАТЕРИНА.

ПИСЬМА

КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Обстоятельства, при которыхъ писаны первыя два письма, ясно показываютъ ихъ дату. Одно было адресовано ректору Робертсону о предметѣ, столь сильно занимавшемъ княгиню и вызвавшимъ всю энергію матери—о воспитаніи ея сына. Оно было написано вскорѣ послѣ переѣзда ея въ Англію, когда она намѣрена была отправиться въ Эдинбургъ и помѣстить Дашкова въ число воспитанниковъ университета.

Это письмо представляетъ особенный интересъ, не только по выраженію силы и нѣжности материнскихъ чувствъ, но и рѣшимости характера въ исполненіи столь важной обязанности; изъ него же открывается меткій взглядъ княгини на планъ ученія, систему его, составленные ею самой и провѣренные судомъ ученаго и опытнаго ея друга.

Другое письмо сыну, написанное къ концу академическаго курса, заключаетъ совѣты относительно путешествіи Дашкова съ цѣлію дальнѣйшаго усовершенствованія, совѣты въ высшей степени полезные, достойные лучшихъ наставниковъ юношества даже нашего времени, и вниманія самыхъ взыскательныхъ и любопытныхъ путешественниковъ.

Достоинство этихъ письмъ, по ихъ откровенности, здровому уму, вѣрнымъ воззрѣніямъ, честности и глубокимъ соображеніямъ, не надлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; что же касается до оцѣнки авторскаго таланта ихъ, не нада забывать, что онѣ писаны (болѣе семидесяти лѣтъ

до насъ,) когда предметы ученаго воспитанія не были такъ хорошо поняты и организованы, какъ въ настоящее время; онѣ были писаны женщиной, которую не льзя измѣрять въ дѣлѣ образованія съ другимъ поломъ и которой отечество шло позади другихъ Европейскихъ народовъ. Впрочемъ, княгиня Дашкова не подходитъ подъ уровень своей страны и эпохи. По образованію и въособенности по своимъ свѣтлымъ взглядамъ, она, по выраженію Абата Рейналя, "была выше своего вѣка;" ея жизнь не могла захлохнуть въ самые мрачные, и не могла остаться незамѣченной въ самые ясные дни.

Поэтому не мѣшаетъ напомнить читателю, что истинное понятіе объ этихъ письмахъ можно составить не по настоящему, а по тому времени, когда онѣ вышли изъ подъ пера княгини.

1.

Ректору Робертсону.

Лондонъ. 5 окт.

М. Г. искренно благодарю васъ за письмо, которое я имѣла удовольствіе получить; осмѣливаюсь пояснить вамъ нѣкоторые пункты моего перваго письма, которое, какъ видно изъ вашего отвѣта, не совсѣмъ ясно.

Я никогда не думала удалять сына отъ своей крови и надзора; потому что вполнѣ убѣждена, что я вовсе не та мать, которой легко разставаться съ дѣтьми; напротивъ, думаю, что моя нѣжная любовь къ нимъ будетъ самымъ вѣрнымъ хранителемъ нравственнаго и физическаго ихъ блага; вовторыхъ образъ моей жизни отнюдь не стѣсняется присутствіемъ дѣтей. Поэтому мы можемъ ужиться вмѣстѣ. Но если бъ я рѣшилась помѣстить сына внѣ своего дома, конечно, я предпочла бы вашъ; потому что на васъ однихъ я могу положиться въ этомъ дѣлѣ, столь близкомъ сердцу матери.

Уважая мистера Робинсона, я въ тоже время умѣю цѣнить его, какъ знаменитаго ученаго и твердо вѣрю, что онъ безконечно будетъ полезенъ на пути образованія моего сына. Съ тѣмъ вмѣстѣ, я думаю, что его профессорскія лекціи были бы дорогоцѣнны для молодаго Дашкова; но я ни за что не хочу разлучиться съ сыномъ и отдавать его въ чужіе руки, ибо не столько дорожу его познаніями, сколько характеромъ и нравственностью.

Впрочемъ, я не лишаю себя надежды что если вы не позволите моему сыну пользоваться вашимъ руководствомъ, то, по крайней мѣрѣ, не откажите мнѣ, какъ матери, въ совѣтахъ относительно этого предмета. Представляю на ваше усмотрѣніе планъ и курсъ ученія, предположенные мной для сына; мнѣ желательно знать ваше мнѣніе, плодъ вашей опытности и высокаго образованія, и согласно съ нимъ направить или измѣнить мои собственныя идеи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, прошу вѣрить, что ваши совѣты я приму за самое искреннее доказательство вашего лестнаго уваженія ко мнѣ.

Надобно замѣтить, что карьера молодаго дворянина въ Россіи очень почетная и во многомъ отличается отъ другихъ странъ, гдѣ придворная милость и интрига служатъ единственнымъ средствомъ повышенія. У насъ, каждый, имѣющій право на отличіе, долженъ начинать свою службу съ раннихъ лѣтъ. Поэтому, вы видите что мой сынъ не можетъ посвятить болѣе четырехъ лѣтъ общему развитію, не связанному съ его служебнымъ назначеніемъ. Если къ этимъ четыремъ годамъ прибавить еще два для путешествія, то мой сынъ (ему теперь тринадцать лѣтъ) на двадцатомъ году приступитъ къ исполненію своихъ обязанностей, и я ничего больше не желала бы какъ видѣть его возвышеніе тѣмъ же честнымъ путемъ, какимъ шли предки его къ своему превосходству. Отвергая и презирая всякое низкое орудіе въ достиженіи этой цѣли, мнѣ необходимо открыть ему прямую и

вѣрную дорогу, предотвратить всякое препятствіе, могущее остановить или замѣдлить его карьеру. Кромѣ обязанностей матери, на мнѣ лежатъ другія, а именно, долгъ опекуна моего сына. Въ силу послѣдняго обстоятельства, я должна согласить настоящее съ будущимъ, согласить его воспитаніе съ мѣстными обычаями, если только онѣ есть въ моемъ отечествѣ.

Вотъ, сёръ, очеркъ плана ученія, составленный мной съ указаніемъ, что Дашковъ знаетъ и чѣмъ продолжаетъ заниматься.

Языки. Латинскій: трудности его уже пройдены.

Англійскій: Дашковъ совершенно понимаетъ прозаическихъ писателей и недурно—поэтовъ.

Немецкій: Онъ понимаетъ все, что читаетъ.

Французскій: Съ этимъ языкомъ онъ знакомъ, какъ съ своимъ роднымъ.

Литература. Онъ познакомился уже съ лучшими произведеніями, и его эстетическое чувство развито больше, чѣмъ можно ожидать отъ его возраста. Я скорѣй боюсь за его слишкомъ рѣзкую критику, что составляетъ главную черту его умственнаго развитія.

Математика. Самая важная отрасль знанія. Онъ уже успѣлъ въ ней, такъ что въ состояніи рѣшать самыя сложныя задачи, но я желаю передать ему и алгебру.

Гражданская и военная архитектура. Мнѣ бы хотѣлось преподать ему эту науку въ полномъ ея объемѣ.

Исторія и Государственныя учрежденія. Онъ знаетъ всю общую исторію, частную исторію Германіи, Франціи и Англіи. Онъ долженъ еще разъ пройдти и дома особенно заниматься ими съ своимъ гувернеромъ.

Потомъ я желала бы познакомить его 1, съ логикой; 2, съ опытной физикой; 3, съ элементарной химіей; 4, съ философіей и натуральной исторіей; 5, съ естественными публичными, универсальными и частными правами, и съ общенароднымъ правомъ Европы; 6, съ этикой и 7, съ политикой.

Эти науки онъ долженъ пройдти въ два съ половиною года, или въ пять университетскихъ семестровъ.

1й Семестръ. Языки, реторика, литература, государственныя учрежденія, исторія, математика и логика.

2й Семестръ. Языки, исторія, государственныя учрежденія, математика, логика, опытная физика, рисованіе и фортификиція.

3й Семестръ. Языки и литература, исторія и государственныя учрежденія, фортификація и естественное право; публичное, универсальное и политическое; физіологія и естественная исторія, рисованіе и математика.

4й Семестръ. Эѳика, математика, фортификація, права народовъ, универсальное и положительное; общія начала положительной юриспруденціи и гражданская архитектура.

5й Семестръ. Эѳика, повтореніе физики, элементарная химія и послѣ общее повтореніе всѣхъ предметовъ.

Вотъ, м. г., планъ ученія, который я предназначила для моего сына и который онъ способенъ выполнить; и сколько я понимаю, назначеннаго времени будетъ достаточно для осуществленія его, въ сферѣ образованія, какъ теоретическаго, такъ и практическаго, не имѣющаго вовсе или очень малое отношеніе къ его военно-служебной карьерѣ; эта служба у насъ считается самой почетной, и въ которую онъ уже, нѣкоторымъ образомъ вступилъ.

Прошу васъ подвергнуть этотъ очеркъ своему суду и освѣтить его вашимъ собственнымъ взглядомъ, чѣмъ премного обяжите меня, высоко-уважающую васъ и проч.

2.

Сыну князю Дашкову.

Милый сынъ, твои успѣхи въ наукахъ уполномочиваютъ меня, безъ всякой лести и справедливо сказать, что во многихъ

знаніяхъ тебѣ остается только закрѣпить размышленіемъ въ памяти собранныя сокровища; во всемъ остальномъ ты знаешь довольно, чтобъ стремиться къ большему совершенству. Я увѣрена, что съ твоимъ благороднымъ самолюбіемъ, ты не остановишься на этомъ пути, но пожелаешь пріобрѣсти болѣе глубокія знанія, чѣмъ тѣ, которыя доставили тебѣ первоначальное воспитаніе. Теперь, когда предъ тобой открывается новая дорога, по моему мнѣнію, необходима и новая метода совершенства; она уже начата и такъ хорошо;—ты ребенкомъ путешествовалъ; по долгу матери, я должна ввести тебя въ кругъ нового міра понятій, раскрыть передъ тобой сцены, уже знакомы тебѣ и дать самыя вѣрныя средства извлечь изъ нихъ возможно большую пользу.

Тебѣ, конечно, извѣстно, что изъ безчисленнаго множества путешественниковъ, проходящихъ большими дорогами Европы, едва ли одинъ изъ тысячи путешествуетъ при тѣхъ выгодныхъ обстоятельствахъ, какими окруженъ ты. Умѣй же оцѣнить ихъ; поэтому особенно необходимо не терять изъ виду самого характера путешествія, какъ скоро ты пускаешься въ путь. Не забудь, что ты ѣдешь не для одного удовольствія, у тебя нѣтъ пустого времени, ты не избѣгаешь обязанностей общества, которое со временемъ потребуетъ твоихъ услугъ,— и къ которымъ теперь я хочу приготовить тебя заграничнымъ путешествіемъ, нѣтъ, ты ѣдешь искать и пользоваться наставленіемъ его; все, что ты вычиталъ о правахъ, характерахъ и образѣ правленія другихъ народовъ, теперь можешь повѣрить собственнымъ опытомъ и такимъ образомъ изъ юношескаго возраста вступить на поприще мужа, съ полнымъ достоинствомъ характера и заслуженнаго права на одобреніе и отличіе.

Первое средство умнаго путешествія постоянное вниманіе; ты долженъ пользоваться всякимъ источникомъ знаніи, въ какомъ бы положеніи и обстоятельствахъ ты ни былъ поставленъ; съ другой стороны избѣгать безполезной траты времени въ напрасныхъ изслѣдованіяхъ пустыхъ

или мелочныхъ предметовъ: очень важно избирать и находить только тѣ матеріалы для ризвитія мысли которые, дѣйствительно, заслуживаютъ вниманія. Въ выборѣ ихъ надобно сообразоваться съ мѣстомъ. Такъ, напримѣръ, не въ Ирландіи можно запастись лучшими свѣдѣніями объ Испаніи; также было бы странно въ Испаніи изучать Пруссію. Однимъ словомъ, каждое мѣсто должно быть предметомъ свойственныхъ ему наблюденій и знаній; надо прислушиваться вездѣ къ народнымъ мнѣніямъ, принадлежатъ ли они извѣстной партіи или нѣтъ; но вездѣ и во всякомъ случаѣ, надобно стараться говорить съ людьми образованными, и не столько самому толковать, сколько слушать и распрашивать другихъ. Путешественникъ шестнадцати или семнадцати лѣтъ не долженъ выказывать своихъ талантовъ. Все, что отъ него можно требовать,—вниманія и надежды на его будущее; лучшей рекомендаціей, въ этомъ отношеніи, можетъ служить неутомимое его усердіе въ изысканіи наблюденій предметовъ замѣчательныхъ и наставительныхъ: онъ дастъ этимъ знать о себѣ, какъ о юношѣ любознательномъ, желающемъ совершенства. Всякая другая претензія въ этомъ возрастѣ естъ чистая глупость, бросающая самый невыгодный свѣтъ на его репутацію и всего менѣе способная сообщить о немъ благопріятное мнѣніе.

Но возвращаюсь къ предметамъ, требующимъ особеннаго твоего вниманія. Главная вещь, какъ я ужъ сказала, состоитъ въ томъ, чтобъ не упускать ни одного удобнаго случая для пріобрѣтенія знанія и не забывать, что ты иноземецъ, мимоходомъ посѣщающій чужую страну. Поэтому ты не долженъ пренебрегать ни однимъ обстоятельствомъ, полезнымъ для твоего наставленія. У путешественника должны быть постоянно открыты и глаза и уши; потому что сцена измѣнилась и размышленіе, вызванное ею, изчезаетъ вмѣстѣ съ ней.

Предметы твоего наблюденія такъ разнообразны и

многочисленны что я укажу тебѣ только нѣкоторые главные. Сюда относятся свойство и форма правленія, законы, нравы, вліяніе, народонаселеніе, торговля; географическія и климатическія условія, иностранная и внутренняя политика, произведенія, религія, обычаи, источники богатства, дѣйствительные и мнимые средства общественнаго кредита, подати, пошлины и различныя условія различныхъ сословій. Эти изслѣдованія достойны вниманія философа и ни одинъ путешественникъ не долженъ пренебрегать ими, если только онъ не хочетъ остаться тупымъ и безсмысленнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ явленій, не способнымъ ни къ умственному, ни нравственному совершенству. Все это, по моему мнѣнію, займетъ твой умъ вездѣ, гдѣ ты будешь проѣзжать.

Воспитаніе, данное тебѣ, твои успѣхи въ наукахъ, не безъизвѣстые другимъ, преимущества званія, даже самая наружность, могутъ располагать самымъ благопріятнымъ образомъ въ твою пользу. Съ тобой будутъ обходиться, не какъ съ обыкновенными юношами твоихъ лѣтъ, но какъ съ молодымъ человѣкомъ уже довольно зрѣлаго пониманія, и слѣдовательно способнымъ серьезно обсуживать предметы.

Для тебя прошла пора отрочества; ты блистательно вступилъ въ періодъ юношеской жизни, самый интересный, но и самый критическій, когда всего больше надобно дорожить общественнымъ мнѣніемъ, то есть, внимательно слѣдить за своими поступками, словами и дѣйствіями, потому что чѣмъ дольше будешь жить, тѣмъ больше будетъ лежать на тебѣ нравственной отвѣтственности. Похвала или осужденіе твое отъ тебя самого зависятъ, и въ нихъ не могутъ участвовать ни родители, ни наставники, ни друзья. И чѣмъ независимость твоя отъ посторонняго вліянія свободнѣй, тѣмъ строже ты отвѣчаешь передъ судомъ другихъ за свои качества и дѣла. Если ты подашь поводъ дурно думать о себѣ, это мнѣніе

тѣмъ рѣзче поразитъ тебя теперь, чѣмъ лучше и чище была твоя дѣтская жизнь; послѣднюю припишутъ вліянію твоихъ руководителей; первое, самостоятельное поведеніе, вмѣнятъ тебѣ самому. Надѣюсь, что ты поймешь и взвѣсишь всю важность своего настоящаго положенія, сознаніе этого такта доведетъ тебя до спасительнаго недовѣрія самому себѣ, постояннаго наблюденія за собой и предохранитъ отъ тысячи ложныхъ стезей.

Это недовѣріе, обыкновенно, сопровождается скромностью, столь естественнымъ и привлекательнымъ достоинствомъ въ юношѣ, свойственнымъ даже величайшимъ талантамъ: она, въ какой ни было возрастъ, доказываетъ умственную и нравственную деликатность, погибающую только подъ вліяніемъ неправильнаго образа жизни, или лучше, среди пошлыхъ пороковъ. Скромность, особенно, если съ ней соединяется геній и ловкость можетъ сообщить достоинству такую прелесть, что нравственное превосходство становится выше зависти и, если оно признано, любовь и удивленіе къ нему возрастаютъ. Высокія дарованія часто дорого платятъ за свое отличіе; но скромность можетъ избавить ихъ отъ самыхъ злыхъ преслѣдованій. Съ другой стороны, отсутствіе этого качества соединяется со многими невыгодными обстоятельствами; не говоря уже о томъ, что самоувѣренность вредитъ прогрессу нашего совершенства; оно нерѣдко огорчаетъ самыхъ лучшихъ и доброжелательныхъ друзей, заставляя ихъ думать, что мы пренебрегаемъ ихъ наставленіемъ и опытностью.

Исполнивъ условія твоего путешествія, согласно съ этимъ планомъ, ты, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, запасешься всегда нужными и неоцѣненными сокровищами, которые пригодятся тебѣ въ кругу семейной жизни, въ уединеніи, на старости лѣтъ, на случай дряхлости: это будетъ личная твоя польза. Съ тѣмъ вмѣстѣ изъ тебя образуется полезный членъ общества; потому что сравнивая иностранную жизнь съ жизнью своего отечества,

стараясь исправить, что найдешь въ немъ дурнаго, учреждая, что сочтешь полезнымъ его благосостоянію, ты будешь другомъ и благодѣтелемъ своей страны.

Мнѣ остается прибавить одно важное предостереженіе; въ сношеніяхъ съ иностранными народами, ты долженъ, какъ можно больше, воздерживаться отъ оскорбительныхъ сравненій; если хвалить или осуждать отдѣльнаго человѣка на счетъ другого чрезвычайно обидно, то непростительно грубо и несправедливо судить объ одномъ народѣ по мѣркѣ другого. Поэтому я совѣтую тебѣ воздерживаться отъ слишкомъ рѣзкой критики чужихъ нравовъ, обычаевъ и въ особенности религій. Въ первыхъ двухъ случаяхъ ты можешь примѣняться къ условіямъ извѣстной страны, насколько это непротиворѣчитъ твоимъ кореннымъ убѣжденіямъ, и я увѣрена, что отъ тебя не потребуется ни малѣйшей жертвы или стѣсненія — тамъ, гдѣ замѣшивается обще-человѣческая нравственность; въ этомъ отношеніи правила долга выше всѣхъ условій и обстоятельствъ. Надобно стараться избѣгать всякого неумѣстнаго поступка и въ другихъ случаяхъ; но было бы крайне безразсудно жертвовать въ пользу этого примѣненія истиной и добродѣтелью, которыхъ права и вліяніе такъ ясны, какъ свѣтъ полуденнаго солнца.

Относительно религіозныхъ мнѣній, гдѣ бы ты не соприкасался съ ними, долженъ уважать ихъ. Серьезное или шуточное опроверженіе ихъ, каковы бы они ни были, оставляетъ по себѣ самое горькое и оскорбительное впечатлѣніе на человѣкѣ и никогда не забывается.

Въ заключеніе, мой милый сынъ, я должна сказать, что этотъ предметъ далеко мной не исчерпанъ; я буду довольна, если ты дополнишь его своими собственными понятіями или исправишь что нибудь въ моемъ очеркѣ; я буду рада признать превосходство твоего мнѣнія; но

увѣрена, что ты никогда не превзойдешь меня искреннимъ чувствомъ дружбы, которую питаетъ къ тебѣ,

преданная мать.

3.

*Письмо княгини Дашковой къ герцогинѣ Бёклей.**

Дублинъ.

Только вчера я имѣла удовольствіе получить любезное письмо, которымъ герцогиня Бёклей осчастливила меня; отъ всей души благодарю ее, хотя совершенно не знаю, куда адресовать мой настоящій и немедленный отвѣтъ. Я боюсь, что мое письмо не найдетъ васъ въ Англіи или слишкомъ долго пролежитъ въ Шотландіи; но больше всего опасаюсь, что вы сочтете меня невѣжливой или еще хуже, усумнитесь въ моихъ чувствахъ къ вамъ. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей я беру перо и бумагу. Можетъ, незапный геній освѣтитъ меня и вразумитъ, куда адресовать эти строчки; между тѣмъ, я пишу ихъ.

Вашъ табакъ, герцогиня, превосходный; и какъ видно, вы покушаетесь на всѣ мои чувства, поймавъ меня сначала за носъ; если бъ я не знала, что вы неспособны издѣваться надъ другими, я просила бы о помилованіи.

Ни отсутствіе, ни разстояніе не могутъ разлучать съ вами избранныхъ друзей, если бъ даже они того и хотѣли; что касается до меня, я охотно поддаюсь вашему очарованію и съ удовольствіемъ готова носить мои узы.

Что вы скажете о леди Фрэнсисъ, которая такъ нравится мнѣ; но я очень огорчена, слыша отъ васъ, какъ медленно выздоровливаетъ Мерчіонессъ Лотіанъ.‡ Это безподобная женщина, плѣнительная и вполнѣ достойная,

* Елисавета Беклей, дочь герцога Георга Монтэгъ.

‡ Леди Френсисъ Скоттъ сестра герцога Генриха Бёклей, впослѣдствіи жена Лорда Дугласа.

вашей дружбы и удивленія. При всей моей любви къ сыну, я не желала бы ему лучшей жены, во всемъ подобной ей. И если онъ въ этомъ не успѣетъ, не моя вина.

Мои дѣти просятъ меня поклониться вамъ. Они оба жалѣютъ, что мы не увидимъ васъ эту зиму въ Лондонѣ.

Что же до меня, я глубоко грущу о томъ, и это единственная строчка въ вашемъ письмѣ, которою я хотѣла бы выбросить, даже рискуя укоротить его. Впрочемъ, между Лондономъ и Дэлькейтомъ такъ много связей, что не смотря на всю твердость вашего рѣшенія и со всей сдержанности вашихъ чувствъ, вы не устоите противъ искушенія видѣть своего отца, если ему помѣшаетъ что нибудъ навѣстить васъ. Наконецъ, я такъ много испытала несчастій и лишеній, что моя философія заставляетъ меня вѣрить—для большаго спокойствія—что тому быть непремѣнно, чего я пожелаю. И такъ позвольте мнѣ надѣяться еще разъ видѣть васъ и увѣрить въ моей искренной преданности и любви.

Сюда ожидаютъ мистрисъ Весей; кромѣ удовольствія видѣть ее, я очень буду рада, что она возвратится на родину, особенно страдающую отсутствіемъ богатыхъ людей, которые растрачиваютъ свои доходы въ Англіи, между тѣмъ какъ здѣсь почти вовсе нѣтъ денегъ. Я не люблю моихъ друзей за то, что они заставляютъ жаловаться на себя своихъ соотечественниковъ. Какой чудной страной была бы Ирландія, еслибъ правители ея не были слишкомъ дальновидны, когда надо разсмотрѣть богатства, лежащія у нихъ подъ носомъ и слишкомъ близоруки, когда дѣло идетъ о томъ, что лежитъ отъ нихъ подальше. Но довольно объ этомъ. Политика не мой нервъ. За всѣмъ тѣмъ Англія такъ богата оптиками, что кто нибудь вѣрно изобрѣтетъ средство противъ дальнозорности и близорукости, и тогда все будетъ хорошо.

Ни сколько не удивляюсь счастію леди Элеоноры Г...., которая подъ вашимъ покровительствомъ ѣдетъ на свиданіе съ двоими любезными и уважаемыми родными; я буду рада,

когда кончится ея небольшое путешествіе. Думаю, что мое длинное письмо уже наскучило; одно извиненіе могу представить, — именно, то, "что у меня нѣтъ времени написать его короче." Я постоянно больна, и если мое здоровье окончательно не избавится отъ мигреней и головныхъ болей, я не знаю чѣмъ все это кончится.

Къ счастію, я скоро оставлю городъ и отправлюсь къ озерамъ Киларней.

Прощайте, не лишайте меня своего лестнаго уваженія столь драгоцѣннаго для меня; надѣюсь, что его заслуживаетъ полная любовь къ вамъ—вашей покорной слуги.

4.

Докторъ Блеръ къ княгинѣ Дашковой.

Эдинбургъ. авг. 5, 1780 года.

Докторъ Блеръ свидѣтельствуетъ полное свое уваженіе княгинѣ Дашковой. Какъ только изданіе втораго тома его проповѣдей пришло въ Эдинбургъ, онъ немедленно отправилъ одинъ экземпляръ ея сіятельству, а другой мистрисъ Гамильтонъ въ Дублинъ, вмѣстѣ съ двумя записками. Онѣ были вложены въ одинъ конвертъ, адрессованный княгинѣ, и вручены одной леди, ѣхавшей въ Дублинъ. Докторъ Блеръ сомнѣвается, чтобъ его посылка застала княгиню въ Дублинѣ; вѣроятно, она будетъ передана ей въ Басѣ, черезъ кого нибудь изъ ея Ирландскихъ друзей. Впрочемъ, на всякій случай, онъ написалъ своему Лондонскому издателю, мистеру Страгану, чтобъ онъ выслалъ княгинѣ отъ имени автора экземпляръ его сочиненія.

Онъ крайне сожалѣлъ бы, еслибъ княгиня упрекнула его въ невниманіи къ ней, которую онъ отъ всей души уважаетъ которой дружбу онъ считаетъ особенной честью и счастіемъ для себя.

Онъ будетъ радъ, если княгиня почтитъ второй томъ тѣмъ же одобреніемъ, какого удостоился съ ея стороны первый; онъ посылаетъ свой поклонъ князю и мадамъ Щербининой, и надѣется, что ея сіятельство попрежнему находитъ величайшее утѣшеніе въ своихъ дѣтяхъ; онъ вполнѣ увѣренъ, что ея сынъ оправдаетъ тѣ блистательныя надежды, которыя соединяютъ съ его будущей судьбой всѣ знающіе его въ Шотландіи.

5

Давидъ Гаррикъ къ княгинѣ Дашковой.

Мистлей, въ Эссексѣ. 3 Мая 1778 года.

Княгиня,—душевно благодарю васъ за честь, которой вы удостоили меня. Вчера, лучшій музыкантъ и превосходный композиторъ мастерски исполнилъ ваше произведеніе. Небольшое собраніе было въ восторгѣ; каждый чувствовалъ гармонію, прелесть и патетическую простоту вашихъ арій. Ни малѣйшаго пристрастія не было къ вашему званію, и хотя музыкальный джури критиковалъ васъ строго, за всѣмъ тѣмъ одобреніе было единодушное; я боюсь, чтобъ не сбылось пророчество одного изъ нашихъ поэтовъ, что "Россія будетъ наставницей въ искусствахъ для Британскаго острова."

Продолжайте, ваше сіятельство, служить честью вашей родины и украшеніемъ нашей; да послужитъ ваша чистая любовь къ природѣ и простотѣ примѣромъ нашей сценической музыкѣ, вокальной и инструментальной, поражающей слухъ, но не трогающей сердца. Послѣ этой офиціальной просьбы, мнѣ остается выразить личное желаніе—позволить пользоваться вашимъ снисходительнымъ расположеніемъ одному изъ самыхъ преданныхъ вашихъ слугъ.

ДАВИДЪ ГАРРИКЪ.

Еслибъ я былъ дома, я не замедлилъ бы раньше благодарить васъ.

6.

Леди Арабелла Денни къ княгинѣ Дашковой..

[Слѣдующія два письма писаны Арабеллой Денни,* той самой замѣчательной филантропкой, о которой Дашкова упоминаетъ въ своихъ запискахъ; она составила себѣ извѣстность многими благотворительными заведеніями, за что Ирландскій парламентъ выразилъ ей публичную благодарность.]

Пильдъ Клифъ, 14 Іюля, 1780 года.

Милая княгиня, простите за свободу письма; мое перо повинуется внушеніямъ сердца, безъ вѣдома разсудка. Но мнѣ не въ первой разъ надоѣдать вамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы покинули Ирландію, я совершенно не въ своей тарелкѣ. Я привыкла видѣть и бесѣдовать съ вами каждый день; я пользовалась вашими умными совѣтами и обязана улучшеніемъ своего сердца вашимъ чувствамъ; коротко, я почти не оставляла васъ, благодаря вашей добротѣ и моей любознательности. Миссъ К. Фитцморисъ и я условились ходить и поливать деревья, посаженныя княгиней Дашковой, и они обѣщаютъ ростъ. Моя рука, при всей ея слабости, носитъ водолейку; мы искренно желаемъ, чтобъ ваше сіятельство, какъ мать, наслаждалась полнымъ счастіемъ и надеждой въ виду тѣхъ двухъ нравственныхъ растѣній, которыя вы такъ горячо любите и которыя, конечно, принесутъ и прекрасный цвѣтъ и благіе плоды; они привлекаютъ взоры каждаго наблюдателя, и на нихъ покоятся наши лучшіе обѣты. Ваше письмо отъ 7 іюня я перечитывала нѣсколько разъ. Оно ставитъ меня гораздо выше дѣйствительныхъ заслугъ; я далеко не оправдываю его лестнаго мнѣнія о себѣ, за исключеніемъ одного достоинства—добрыхъ стремленій сердца, такъ вѣрно понятаго вами.

* Эта леди была дочь графа Керри, выданная за-мужъ за Артура Денни, по смерти котораго она осталась бездѣтной вдовой, Августа 8, 1742 года.

Безконечно благодарна вамъ, милая княгиня, за то, что вы нотрудились увѣдомить меня такъ скоро черезъ мистрисъ Морганъ о здоровьѣ леди Шельборнъ, и о прибыли въ ея семействѣ. Я очень боялась за нея, и вашему нѣжному чувству обязана настоящимъ утѣшеніемъ. Изъ письма лорда Фитцмориса я вижу другой примѣръ вашей доброты; потому что вы просили его писать ко мнѣ. Любезный маленькій человѣкъ сдѣлался постояннымъ моимъ кореспондентомъ; онъ пользуется превосходнымъ настроеніемъ духа, въ который, къ счастію, запали первыя сѣмена христіанства, и проводитъ свое время среди забавъ и развлеченій.

Колоколъчикъ прозвонилъ къ обѣду, и я надѣюсь видѣть сегодня вечеромъ ваши любимые дерева на улицѣ Лейнстеръ; это письмо я поручила вѣрной мистрисъ Морганъ. Мы думаемъ, что вы въ Басѣ. Если воды его будутъ полезны вашему здоровью, какъ воздухъ этого города былъ цѣлебенъ мистрисъ Тисдаль, мы не станемъ жалѣть о разлукѣ съ вами, потому что продолженіе вашей жизни будетъ источникомъ постояннаго добра для ближнихъ, какъ по вашему общественному положенію, такъ и по тѣмъ врожденнымъ и пріобрѣтеннымъ достоинствамъ, которыя не могутъ остаться безъ благотворнаго вліянія на людей.

Нынѣ 18 число; мои развлеченія и короткіе утренніе часы, наконецъ слабость зрѣнія не позволяютъ мнѣ почаще бесѣдовать съ вами. Но и помимо моихъ доброжелательныхъ писемъ, я увѣрена, что вамъ не измѣнитъ счастіе, столь заслуженное вашими превосходными качествами. Преданная и обязанная вамъ

АРАБЕЛЛА ДЕННИ.

Миссъ Фитцморисъ искренно благодаритъ васъ за воспоминаніе о ней. Я очень рада слышать, что вы поправились отъ недавняго недуга и что вы не пострадали отъ

послѣднихъ несчастныхъ произшествій въ Лондонѣ. Надѣюсь, что Богъ поможетъ и сохранитъ васъ, по своей милости.

Пифильдъ Клифъ. 23 дек. 1780 г.

Превосходнѣйшая княгиня, вы постоянно живете въ моей памяти; ваши добродѣтели глубоко напечатлѣлись въ моемъ сердцѣ и благодарность моя къ вамъ безконечна.

Ваше письмо отъ 9 октября, изъ улицы Дувръ, я постоянно ношу въ своей карманной книжкѣ и, перечитывая его на досугѣ, съ удовольствіемъ вспоминаю о васъ и горюю, что вы не съ нами. Но рядомъ съ горемъ нахожу и утѣшеніе, когда подумаю, что ваши материнскія неусыпныя заботы, столь необходимыя дѣтямъ, увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. Богъ поможетъ вашему доброму дѣлу; я же желаю, чтобъ вы долго и долго наслаждались счастіемъ своихъ дѣтей, на которое они имѣютъ полное право. Передайте имъ отъ меня слово любви и привѣта.

Нынѣшнее Рождество для меня будетъ не то, что прошлое, когда самые ненастные дни зимы озарялись вашимъ присутствіемъ въ моей маленькой фермѣ. И праздничный пирогъ на столѣ, но не видѣть ему чести своего предшественника! Такъ и малыя и большія вещи ежеминутно напоминаютъ о той, которой теплое сердце и образованный умъ разливаютъ счастіе вокругъ всѣхъ, кто имѣетъ счастіе знать княгиню Дашкову. Наша милая Морганъ часто извѣщаетъ меня о васъ, и извѣстія, слава Богу, вообще хороши; ожидаютъ морозовъ, но, я думаю, что баня будетъ полезна вашему здоровью. Я поручила Морганъ напомнить вамъ о томъ обществѣ, съ которымъ я недавно разсталась. Сестра моя Шельбёрнъ умерла 9 декабря, въ домѣ своего сына. Хотя послѣдняя жизнь ея походила на догарающую лампу, за всѣмъ тѣмъ потеря ея для меня прискорбное событіе.

Я перейду къ предмету, болѣе утѣшительному для вашего нѣжнаго сердца. Послѣдній король подарилъ настоящей леди Шельбёрнъ, еще въ дѣтствѣ, поземельную собственность, въ Ирландіи. Онъ пишетъ ко мнѣ, отъ 9 этого мѣсяца, чтобъ я приняла это имѣніе для благотворительнаго дѣла; она считаетъ это пожертвованіе лучшимъ способомъ возвратить королевскій подарокъ обществу,—поручая мнѣ раздѣлить его и въ очень лестныхъ выраженіяхъ прибавляетъ, что она ожидаетъ только моего согласія, чтобъ передать владѣніе. Я уполномочила мистера Бэйля составить списокъ всѣхъ общественныхъ богоугодныхъ заведеній, поддерживаемыхъ добровольными приношеніями, съ замѣчаніями о каждомъ изъ нихъ. Я также думаю упомянуть и о тѣхъ главныхъ учрежденіяхъ, которыя соревнованіемъ могутъ быть благотворны королевству; отъ нея будетъ зависѣть сдѣлать выборъ для своихъ человѣколюбивыхъ цѣлей. Я не знаю ея имѣнія, но предполагаю, что оно очень богато, по крайней мѣрѣ, съ него можно начать доброе дѣло. Есть поступки въ нашей жалкой земной юдоли не безотрадные; они облегчаютъ наше похоронное шествіе отъ этой быстролетной жизни къ вѣчности.

Я очень жалѣю, что не попросила у васъ сочиненіе, написанное вами о состояніи Ирландіи; мнѣ хотѣлось бы прочитать его, такъ какъ оно вышло изъ-подъ пера княгини Дашковой и я увѣрена, что она не откажетъ мнѣ въ этомъ. Если оно не велико, перешлите его въ письмѣ. Вѣрьте любви и уваженію къ вамъ вашей преданной и благодарной слуги.

АРАБЕЛЛЫ ДЕННИ.

У насъ такъ холодно, что я едва держу перо. Миссъ Фитцморисъ благодаритъ васъ за память о ней и проситъ принять увѣреніе въ ея искреннемъ расположеніи къ вамъ.

7.

*Рѣчь, произнесенная президентомъ княгиней Дашковой въ академіи наукъ.**

8.

Письмо княгини Дашковой къ мистрисъ Гамильтонъ.

Какую страшную работу, мой милый другъ, вы задали мнѣ! Вы непремѣнно желаете, чтобъ я представила вамъ различные портреты, снятые съ меня, и присоединила бы къ нимъ одинъ своей собственной кисти. Могу увѣрить васъ, что ихъ существуетъ болѣе двадцати (стоило ли труда такъ хлопотать?), и если девятнадцать слишкомъ польстили вашему другу, то нѣкоторые отвратительно—гадки.

Вы убѣждены, что я буду говорить о себѣ искренно, не скрывая ни добрыхъ, ни дурныхъ сторонъ; но замѣтьте, что не одна искренность, затрудняетъ меня на этотъ разъ. Подумайте только о томъ, что въ чертахъ моего образа есть краски и тѣни, падающія на сановитыхъ людей и великія событія.

Впрочемъ повинуюсь вамъ. И чтобъ начать, замѣчу, что есть одинъ очеркъ, нарисованный, какъ говорятъ, рукой самой императрицы; по восшествіи на престолъ, она писала Польскому королю и говоря объ этомъ событіи, увѣряла его, что мое участіе въ этомъ дѣлѣ было ничтожно, что я, на самомъ дѣлѣ, не больше, какъ че-

* Мы опускаемъ переводъ этой рѣчи, на томъ основаніи, что оригиналъ ея существуетъ на Русскомъ языкѣ. Не имѣя этого оригинала подъ рукой, мы измѣнили бы текстъ, передавая его съ англійскаго языка. Русскимъ читателямъ эта рѣчь хорошо извѣстна.

столюбивая дура. Я не вѣрю ни одному слову въ этомъ отзывѣ; завсѣмъ тѣмъ удивляюсь, какимъ образомъ умная Екатерина могла такъ говорить о бѣдной ея подданной, и говорить въ ту самую минуту, когда я засвидѣтельствовала ей безграничную преданность и ради ея рисковала головой передъ эшафотомъ. И такъ вотъ одинъ изъ двадцати портретовъ, который имѣю честь представить вамъ.

Говорятъ также, что императрица выставила меня Нѣмецкому императору, какъ самую *капризную* женщину. И этому не вѣрю, потому что Екатерина коротко знала меня и могла видѣть, что ничего не можетъ быть противоположнѣй этого свойства моему дѣйствительному характеру. Напрасно доказывать, что подтверждается всей моей жизнію: могъ ли управлять моей волей капризъ, когда я многіе годы твердо вынесла не только нападки клеветы, но всѣ лишенія бѣдности; кто знаетъ меня, того нѣтъ надобности увѣрять, что не смотря на толпу моихъ враговъ, окружавшихъ государыню, я безъ ропота и безъ уступки держалась одной, неизмѣнной стороны: едва ли эта черта согласна съ непостоянствомъ ума или характера!

Но чтобъ окончить начатый трудъ и не очень наскучить вамъ, я раздѣлю свою характеристику на два столбца; въ одномъ я поставлю чужія мнѣнія о себѣ, а въ другомъ — свои собственныя замѣчанія.

Умъ и проблески генія довольно многіе приписывали мнѣ.

Въ первомъ я не чувствовала недостатка, но на второй не обпаруживала ни малѣйшаго притязанія, развѣ только въ музыкальномъ искуствѣ; ибо не смотря на то, что у меня не было учителя, вокальнаго или инструментальнаго, я такъ блистательно понимала музыку, что могла судить о ея кра-

сотахъ, въ качествѣ истиннаго виртуоза. Мое сердце часто согрѣвало воображеніе, но воображеніе никогда не вдохновляло сердца.

Нѣкоторые изъ моихъ портретистовъ считали меня ученой и выставляли таковой.

Это совершенно ложная черта: я часто доказывала тѣмъ, кто хотѣлъ меня слушать, что вся моя ученость была дѣломъ вдохновенія. Мое воспитаніе, въ свое время признанное за самое лучшее, ограничивалось Нѣмецкимъ, Французскимъ и Италіянскимъ языками, исторіей, географіей, ариѳметикой, катехизисмомъ, рисованіемъ и танцами. Вотъ объемъ его. Правда, я страстно желала образовать себя; и едва ли была книга, попадавшая мнѣ въ руки, которую бы я не проглотила. На тринадцатомъ году, освободившись отъ гувернантки, я употребляла всѣ свои карманныя деньги на покупку книгъ; но перечитывая ихъ, безъ выбора и методы, едва ли могла сдѣлаться ученой. Въ пятнадцать лѣтъ я полюбила, и вышла за-мужъ. Потомъ началась семейная жизнь, дѣти, болѣзни и послѣ горе — обстоятельства,

Нѣкоторые изображали меня упорно преданной своимъ мнѣніямъ, и необыкновенно тщеславной.

какъ вы видите, вовсе неблагопріятныя кабинетнымъ трудамъ, которые я такъ любила.

Я, дѣйствительно, была добровольной рабой воли своего мужа, свекрови и потомъ дѣвицы Каменской и другихъ моихъ друзей; если только они хотѣли господствовать надо мной.

Что же касается до тщеславія, я никогда не подозрѣвала въ себѣ способности нравиться. Это недовѣріе къ себѣ если ни сколько не стѣсняло моего сердца, по крайней мѣрѣ выражалось на лицѣ; по этому въ моихъ манерахъ проглядывала какая-то неловкость, очень охотно перетолкованная въ заносчивость или раздражительность.

Застѣнчивость моя была такъ велика, что я, обыкновенно, въ кругу большаго общества сообщала именно то впечатлѣніе, котораго боялась,—ложное понятіе о томъ, что говорила и дѣлала. Отчасти этому содѣйствовала моя затворническая жизнь и друзья мои часто замѣчали, что я испытывала нер-

вическія пароксизмы, когда общее вниманіе обращалось на меня во время танцевъ или пѣнія, хотя на самомъ дѣлѣ, ничего неприличнаго не льзя было подмѣтить за мной.

Самолюбіе считали господствующей моей страстью; а тщеславію приписывали мое отвращеніе отъ втораго брака.

Одно самолюбіе одушевляло мое сердце,—желаніе безпредѣльной любви моего мужа. По смерти его необычайная тоска убила во мнѣ всякое другое чувство.

Бѣдность, если можно такъ сказать, въ которой я находилась съ дѣтьми послѣ кончины своего супруга, заставила меня уединяться, пріучить себя къ стѣсненіямъ и неусыпно хлопотать о ихъ здоровьѣ и потомъ о воспитаніи; далѣе я старалась выплатить мужнины долги, не касаясь наслѣдственнаго капитала. Ради всего этого я вела жизнь и одѣвалась ниже своего званія и измѣняла свое положеніе по обстоятельствамъ. И такъ меня страшила мысль оставить дѣтей двойными сиротами, что я старалась закрыть подъ маской холоднаго, безчувственнаго вида душевныя скорби о

потерѣ самого любезнаго мнѣ существа.

Меня также представляли жестокой, безпокойной и алчной.

Канва для этихъ портретовъ, нарочно изобрѣтенныхъ, была представлена публикѣ вслѣдъ за восшествіемъ императрицы на престолъ; не надо забывать, что мнѣ тогда было восьмнадцать лѣтъ отъ роду. Чтобы судить о моихъ дѣлахъ и побужденіяхъ въ эту эпоху, не должно терять изъ виду и того, что я дѣйствовала подъ вліяніемъ двухъ опрометчивыхъ обстоятельствъ: во-первыхъ, я лишена была всякой опытности; во-вторыхъ, я судила о другихъ по своимъ собственнымъ чувствамъ, думая о всемъ человѣчествѣ лучше, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ: эта ошибка остается доселѣ со мной, на перекоръ многимъ горькимъ опытамъ, убѣдившимъ меня въ противномъ мнѣніи.

Наконецъ вспомните, послѣ мужа земнымъ моимъ идеаломъ была Екатерина; я съ наслажденіемъ и пылкой любовью слѣдила за блистательными успѣхами ея славы, въ полномъ убѣжденіи, что съ ними неразрывно соединяется счастіе народа; тогда вы поймете, что я, дѣйствительно, увлекалась этимъ чувствомъ; считая себя главнымъ орудіемъ революціи, близкой участницей ея славы, я дѣйстви-

тельно, при одной мысли о безчестіи этого царствованія, раздражалась, испытывала волненіе и душевныя бури,— и никто не подозрѣвалъ въ этихъ чувствахъ ни энтузіазма, ни истиннаго побужденія. Вспомните также о лицахъ, окружавшихъ императрицу; это были мои враги съ перваго дня правленія ея, и враги всесильные. Послѣ этого легко понять, зачто и почему мои портретисты обезобразили вашего друга, исказили истинныя черты моего образа.

Мои знакомые и слуги, я увѣрена, отнюдь не могутъ обвинять меня въ жестокости. Я знаю только два предмета, которые были способны воспламенить мои бурные инстинкты, не чуждые моей природѣ: невѣрность мужа и грязныя пятна на свѣтлой коронѣ Екатерины II.

Что же касается до скупости, кажется нѣтъ надобности говорить, что этотъ порокъ свойственъ только низкому уму, пошлому сердцу. Въ этомъ отношеніи лучшимъ моимъ оправданіемъ служатъ денежныя пособія родственникамъ гораздо выше моихъ средствъ. Притомъ, я получила независимое состояніе и могла располагать собственнымъ доходомъ, въ 25,000 тысячь рублей ежегодной прибыли, не прежде, какъ передала сыну наслѣдственное имѣніе и послѣ 1782 года, когда императрица подарила мнѣ Могилевское помѣстье.

Прощайте: простите моимъ клеветникамъ, пожалѣйте или презирайте ихъ вмѣстѣ со мной.

ПИСЬМА ДИДРО КЪ КНЯГИНѢ ДАШКОВОЙ.

Къ этимъ письмамъ, переведеннымъ съ французскаго языка, прибавлена здѣсь записка графа Ростопчина, бывшаго Московскаго губернатора во время нашествія Французовъ; ему, между прочимъ, приписываютъ геройскій подвигъ созженія столицы, ускорившаго отступленіе и гибель непріятельскаго войска, и вслѣдъ за тѣмъ освобожденіе Европы. Княгиня, искренно уважавшая Ростопчина, послала ему письмо Дидро для снятія копіи; возвращая ихъ назадъ, онъ выразилъ свое мнѣніе о знаменитомъ энциклопедистѣ, можетъ быть, съ той цѣлію, чтобъ польстить самой Дашковой, какъ это видно изъ послѣднихъ строкъ этого письма. Какъ мнѣніе его о Французскомъ философѣ ни преувеличено, оно, кажется, было высказано отъ души. Оно совершенно согласно съ образомъ мыслей самой княгини, которая всегда говорила о Дидро не только съ величайшимъ удивленіемъ, но и глубокимъ почтеніемъ.

Записка Ростопчина переведена съ Русскаго; вотъ она:

"Всякій, кто читаетъ и умѣетъ понимать читанное, знаетъ геній Дидро, хотя многіе незнакомы съ его сердцемъ. Всѣ согласны съ тѣмъ, что это былъ одинъ изъ лучшихъ людей своего вѣка. Сочиненія его нажили ему славу, гоненія и зависть; но сердце его находило утѣшеніе въ любви его друзей. Превосходный философъ, могучій ора-

торъ; глубокій наблюдатель; природа была страстію его; пламенная душа его порывалась охватить великія произведенія Вѣчнаго. Отсюда выгекало уваженіе его къ княгинѣ Дашковой."

"ГРАФЪ РОСТОПЧИНЪ."

1.

Дидро къ княгинѣ Дашковой.

Парижъ. 3 Апр. 1771 года.

Княгиня, до неба доходятъ ваши упреки противъ меня. Я слышу, какъ вы жалуетесь: "Онъ не только обѣщалъ писать ко мнѣ, но, казалось, хотѣлъ занять не послѣднее мѣсто въ моей памяти; и вотъ уже три мѣсяца, какъ я не получаю отъ него ни одной строчки." Каменская, можетъ быть, и замолвила бы слово въ защиту мою, но, при всемъ ея пристрастіи къ моему отечеству, вѣроятно также обвинитъ его въ недостаткѣ, въ которомъ я одинъ виноватъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же надобно думать о другихъ, скажетъ она, если философъ Дидро такъ легкомысленъ, непостояненъ, щедръ на обѣщанія и скупъ на исполненія ихъ? Надо замѣтить, что это общій софизмъ людей, обманутыхъ въ любви или дружбѣ. Если насъ обманываетъ одинъ, мы теряемъ надежду и на другихъ друзей; если насъ дурачитъ одинъ, мы не довѣряемъ и остальнымъ. Положимъ, что все это такъ; но я, на-зло своему молчанію, все тотъ же Дидро,—всегда полный уваженія къ вамъ и, увы! самый лѣнивый изъ смертныхъ. Я поступилъ съ вами точно такъ, какъ поступалъ съ своимъ отцомъ, матерью, братомъ, сестрой, со всѣми, кого я любилъ

отъ всей души, и кому я не сообщалъ ни одного слова о себѣ; за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда былъ въ состояніи помочь имъ. Постарайтесь обратить меня на пользу себѣ, и тогда вы увидите не ослабную точность съ моей стороны.

Впрочемъ, независимо отъ добраго или дурнаго личнаго характера, я имѣю и другое извиненіе. Мы всѣ въ-троемъ, отецъ, мать, и дитя страдали въ это время. Около двухъ мѣсяцевъ, мы каждое утро купали въ горячей ваннѣ своего ребенка, котораго я безпредѣльно люблю. Я говорю вамъ объ этомъ семейномъ горѣ, въ той увѣренности, что вы сочувствуете всему, что глубоко занимаетъ меня.

Морисъ недавно извѣстилъ меня, что будто вы удостоили меня своимъ письмомъ. Честью увѣряю васъ, что я до сихъ поръ не получилъ вашего письма.

Если бъ я былъ убѣжденъ, что настоящее мое посланіе не попадетъ въ чужія руки и дойдетъ прямо по своему назначенію, я разсказалъ бы вамъ о ходѣ нашихъ общественныхъ дѣлъ. Вотъ, между прочимъ, интерестная новость; генеральный адвокатъ выгналъ іезуитовъ изъ Британіи. Эти безпокойные и мстительные люди склонили на свою сторону губернатора провинціи; этотъ губернаторъ человѣкъ великій, рѣшительный, горячій и деспотъ; этотъ великій человѣкъ бросаетъ генеральнаго адвоката въ тюрьму; провинціональный парламентъ вступается за своего чиновника, и переноситъ дѣло въ столичный парламентъ; столичный парламентъ грозитъ мщеніемъ представителю двора, а дворъ съ равной запальчивостью поддерживаетъ своего представителя. Среди этой потѣшной суматохи король беретъ себѣ любовницу; первый министръ смѣняетъ канцлера; канцлеръ старается повалить министра, и не безъ успѣха. Оный канцлеръ принимаетъ сторону придворнаго представителя, и такъ какъ онъ не имѣетъ никакихъ средствъ спасти своего клеврета отъ наказанія, за исключеніемъ одного средства—уничтоженія самого парламента, то онъ представляетъ ему эдиктъ,

который, разумѣется, будетъ отвергнутъ. Въ самомъ дѣлѣ эдиктъ отвергнутъ и Парижскій парламентъ распущенъ;, должностныя мѣста его уничтожены и на мѣстѣ стараго парламента теперь возникло нѣсколько небольшихъ судейскихъ палатъ.

Это произшествіе возбудило общій взрывъ между всѣми чинами государства. Принцы сердятся, другіе трибуналы сердятся, вся аристократія сердится. Умы волнуются, и волненіе распространяется; принципы свободы и независимости, прежде доступные только не многимъ мыслящимъ головамъ, теперь переходятъ въ массу и открыто исповѣдуются.

У каждаго вѣка есть свой отличительный духъ. Духъ нашего времени—духъ свободы. Первый походъ противъ суевѣрія былъ жестокій и запальчивый. Когда же люди осмѣлились одинъ разъ пойдти противъ религіознаго рожна, самого ужаснаго и самаго почтеннаго, остановить ихъ невозможно. Если одинъ разъ они гордо взглянули въ лицо небеснаго величества, вѣроятно скоро встанутъ и противъ земнаго. Веревка, стягивающая шею всего человѣчества, состоитъ изъ двухъ снурковъ, изъ которыхъ не льзя разорвать одного безъ разрыва другаго. Это наше настоящее положеніе, и кто знаетъ, къ чему оно поведетъ?

Если дворъ отступитъ назадъ, противники его сознаютъ свою силу, и это не минуетъ страшныхъ послѣдствій. Мы дошли до кризиса, который окончится или рабствомъ или свободой; если рабствомъ, то оно будетъ не легче Константинопольской или Морокской неволи. Если всѣ парламенты будутъ распущены и Францію наводнятъ мелкіе трибуналы, съ толпой безсовѣстныхъ и безсильныхъ чиновниковъ, удаляемыхъ по первому знаку ихъ *господина*, всѣ привилегіи различныхъ сословій, сдерживающихъ монархію отъ перерожденія ея въ деспотизмъ, пали. Если бъ настоящій ударъ, нанесенный конституціи, упалъ

до изгнанія іезуитовъ, дѣло могло бы кончиться; вся администрація перешла бы въ руки мошенниковъ, и мы надѣли бы на себя ярмо теократической власти; и отселѣ, менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ, очутились бы въ состояніи самого абсолютнаго варварства. Писать было бы окончательно запрещено; даже не позволялось бы мыслить; и вскорѣ за тѣмъ было бы невозможно читать; потому что книги, авторы и читатели состояли бы подъ запретомъ.

Есть обстоятельства выше всѣхъ нашихъ силъ; они развиваются по закону строгой логической необходимости. Я увѣренъ, что гораздо легче образованному народу отступить въ варварской бытъ, чѣмъ варварамъ сдѣлать шагъ впередъ къ цивилизаціи. Кажется, и добро и зло зрѣютъ постепенно. Когда благо достигаетъ полной зрѣлости, оно превращается во зло; напротивъ, когда зло созрѣетъ, оно переходитъ въ добро. Но позвольте, княгиня, замѣтить, къчему я толкую вамъ объ этихъ предметахъ, о которыхъ говорялось вокругъ васъ съ большой свободой и силой. И такъ я исполнилъ свое обѣщаніе; передайте мой поклонъ Каменской, и примите его отъ меня со всей искренностью и преданностью моего чувства.

2.

Мадамъ, ничего не можетъ быть справедливѣе; я, дѣйствительно, въ Петербургѣ. На шестидесятомъ году возраста, я проѣхалъ восемь или девять тысячь миль, покинулъ жену, дочь, родственниковъ, друзей, знакомыхъ, чтобъ видѣть великую государыню, мою благодѣтельницу. Что вы скажете обо мнѣ? Хорошо я поступилъ? Я увѣренъ, что вашъ отвѣтъ будетъ отвѣтомъ женщины съ душой, съ чувствомъ и сверхъ того, съ извѣстной дозой того качества, безъ которой не льзя стать выше посредственности, т. е. *энтузіазма*. За всѣмъ тѣмъ, я едва не погибъ во

время своего путешествія, хотя жизнь въ разлукѣ съ тѣми, кого мы любимъ и кто насъ любитъ, не много стоитъ. Можетъ быть, вернувшись домой, я перестану хвалиться своей неустрашимостью.

Я имѣлъ честь сходиться съ государыней безъ всякой церемоніи, гораздо чаще, чѣмъ смѣлъ надѣяться. Я нашелъ ее совершенно похожей на тотъ портретъ, въ которомъ вы представляли мнѣ ее въ Парижѣ;— въ ней душа Брута съ сердцемъ Клеопатры. Велика она на тронѣ, но какъ частное лицо, она вскружила бы головы тысячамъ. Никто не умѣетъ такъ ловко расположить къ себѣ народъ, какъ она. Извините, я забылъ, что въ этомъ отношеніи вы сами неподражаемый мастеръ. Самая ничтожная или мелочная вещь принимаетъ цѣну подъ рукой императрицы или вашей. Вы, конечно, помните, съ какой свободой вы позволяли мнѣ говорить въ улицѣ Гренвиль; той же свободой я пользуюсь и въ царскомъ дворцѣ;* я могу все говорить, что ни попадетъ въ голову;—умно, когда я считаю себя дуракомъ, и глупо, когда мнѣ кажется мудрымъ. Идеи, перенесенныя изъ Парижа въ Петербургъ, принимаютъ совершенно другой цвѣтъ.

Ваше имя часто произносилось въ нашихъ разговорахъ; и если я напоминалъ о немъ, меня всегда слушали

* Графъ Сегюръ (извѣстный историкъ,) разсказывая о пребываніи Дидро въ Петербургѣ и его свободныхъ бесѣдахъ съ Екатериной II, утверждаетъ, что она удивлялась живости и оригинальности этого геніальнаго человѣка, его пламенному краснорѣчію. За всѣмъ тѣмъ, изъ записокъ Сегюра видно, что императрица не безусловно вѣрила восторженной философіи энциклопедиста.

"Я долго и часто разговоривала съ нимъ, сказала мнѣ Екатерина, и его мнѣнія были болѣе любопытны для меня, чѣмъ полезны. Если бъ я послѣдовала совѣтамъ его, я перевернула бы всю имперію вверхъ дномъ; законодательство, администрацію, политику, финансы, все это пришлось бы опрокинуть и замѣнить теоретическими грезами.

Впрочемъ я слушала его больше, чѣмъ говорила и если бъ кто нибудь засталъ насъ въ эту минуту, то его приняли бы за педагога, а меня за ученицу. Вѣроятно, онъ и самъ думалъ такъ; ибо по прошествіи нѣ-

съ удовольствіемъ. Но сказать ли вамъ правду? Три очаровательныхъ часа черезъ каждые три дня, слишкомъ много даютъ мнѣ досуговъ, и я обязанъ спасеніемъ отъ скуки занятіямъ и попеременнымъ приливамъ здоровья и нерасположенія. Я долженъ постоянно занимать свою мысль, или находиться въ состояніи мученика; впрочемъ страдать лучше, чѣмъ зѣвать.

Но позвольте мнѣ спросить васъ, что вы дѣлаете? Надѣюсь, что Каменская попрежнему любима вами и равно горячо любитъ васъ. Если эта нѣжная связь не разорвана, вы счастливы. А ваши дѣти также утѣшаютъ васъ? Отвѣчаютъ ли они вашимъ материнскимъ заботамъ? Развлекаютъ ли они васъ? Будутъ ли они, со временемъ, достойны своей матери?

"Почему же вы не придете удостовѣриться во всемъ этомъ своими собственными глазами," скажите вы. Это было моимъ намѣреніемъ; но несчастная машина, разстроенная утомительнымъ путешествіемъ, окутанная отъ холода шубой въ пятдесятъ фунтовъ вѣса, иззябшая, истасканная и дрожащая, скорчившаяся въ половину своего размѣра — истинно-жалкая машина не позволяетъ мнѣ явиться къ вамъ. Пожалѣйте, но не браните меня. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи къ вамъ и передайте

котораго времени, когда онъ замѣтилъ, что въ моемъ царствѣ ничто не измѣняется по его мысли, онъ выразилъ мнѣ удивленіе съ какой то обиженной гордостью.

Тогда я откровенно сказала ему: "Г. Дидро, я слушала отъ васъ съ величайшимъ удовольствіемъ все, что вдохновляетъ вамъ блистательный умъ; но изъ всѣхъ вашихъ великихъ началъ, которые я понимаю очень хорошо, можно составлять прекрасныя книги, но не управлять государствомъ. Вы забываете въ вашихъ революціонныхъ планахъ различіе нашихъ положеній; вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ; она мягка, гладка и не останавливаетъ вашего пера, ни воображенія; а я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая раздражительна и щекотлива.

"Я увѣрена, что съ этой поры онъ началъ жалѣть меня, принимая за узкій и дѣтскій умъ. Отселѣ онъ говорилъ мнѣ только о литературѣ, о политикѣ же ни слова." Mémoires, par le Comte de Ségur т. III. стр. 34. и 35.

его Каменской. Я знаю, что вы не любите мое отечество, въ чемъ я изъ вѣжливости прощаю вамъ, и горжусь тѣмъ, что могу извинять такое совершенное существо, какъ вы; не смотря на ваше невыгодное мнѣніе о Франціи, если вы сдѣлаете мнѣ какое-нибудь порученіе я исполню его съ неподражаемой точностью.

Фалконетъ и я повременамъ говоримъ о васъ; и если бъ вы подслушали насъ, надѣюсь, не стали бы раскаяваться. Впрочемъ, позвольте сдѣлать исключеніе въ пользу кабинета императрицы. Положительно увѣряю васъ, что тамъ нѣтъ мѣста лжи, гдѣ присутствуетъ философъ.

Въ подателѣ этого письма вы найдете честнаго человѣка, съ которымъ вы можете говорить безопасно и свободно. Уваженіе его къ вамъ, основанное на справедливой оцѣнкѣ вашего характера, совершенно искренно. Вѣрьте всему, что я говорю о немъ, и не сомнѣвайтесь въ томъ, что онъ скажетъ вамъ о мнѣ. И такъ позвольте мнѣ пожать дружески вашу руку.

Если бъ я попросилъ васъ объ одолженіи, неужели вы откажете мнѣ въ немъ? Разумѣется, нѣтъ. И такъ, подкрѣпите своимъ ходатайствомъ просьбу Нарышкина, которому я поручилъ получить отъ извѣстнаго Демидова (онъ не лучше васъ думаетъ о Франціи, но дѣлаетъ исключеніе въ мою пользу, разумѣется изъ простаго приличія) нѣсколько образцевъ изъ натуральнаго его кабинета-ископаемыхъ, минераловъ, раковинъ и т. п. Этотъ Демидовъ, индивидуумъ желчный, недоступный, за всѣмъ тѣмъ человѣкъ достойный; ему нѣтъ надобности напоминать обѣщаніе, если онъ далъ его, тѣмъ болѣе, что онъ обязанъ лестнымъ пріемомъ Обертэну въ кабинетѣ естественной исторіи. Попросите, пожалуйста: и о томъ, чтобъ подаренныя имъ вещи были поименованы и уложены.

Я учусь здѣсь всему, чему могу учиться. И для этого есть два пути: — первый спрашивать другихъ, когда мы сами не знаемъ, и спрашивать тѣхъ, которые знаютъ дѣло;

такимъ образомъ мы попадаемъ на истину; второй путь— выбрасывать изъ мозга всякую ложь, занесенную туда; если вы одинъ разъ освободились отъ нея, она уже больше не зайдетъ къ вамъ. Я говорю съ вами, какъ будто бъ я, дѣйствительно, сидѣлъ около васъ,— какъ это обыкновенно бывало со мной, когда вы, облокотившись на каминъ, слѣдовали за выраженіемъ моей физіономіи, чтобъ угадать, въ какой мѣрѣ и когда я долженъ воспламениться. Если бъ вы были способны тогда прочитать все уваженіе, всю мою преданность вамъ, вы не стали бы искать ничего больше; но я ни въ чемъ не измѣнился; съ тѣми же чувствами, всегда неизмѣнными, съ тѣмъ же глубокимъ почтеніемъ остаюсь преданный вамъ

ДИДРО.

P. S. При этомъ письмѣ я посылаю вамъ каталогъ главныхъ образцовъ, которые я желалъ бы имѣть. Впрочемъ, если Демидовъ будетъ такъ добръ и увеличитъ число ихъ, я буду очень радъ. Кстати, вы пишите стихи; я также могу писать; но ваши всегда хороши, а мои только нѣкогда. Вы можете пѣть ихъ, и ваша голосовая музыка нѣжна, разнообразна, плѣнительна и, если угодно, сладострастна.

Все это я могу чувствовать, но не больше этого. Какъ вы счастливы княгиня съ вашей вдохновенной любовью къ музыкѣ. Вѣдъ это самое могущественное изъ изящныхъ искусствъ. Вліяніе его, подобно вліянію любви, доставляетъ одиноково—высокое удовольствіе, и, можетъ быть, гораздо больше утѣшенія. Извѣстная Бороздина поетъ хорошо; у нея славный голосъ и она обѣщала дать мнѣ нѣсколько народныхъ пѣсней; но я боюсь; она слишкомъ разсѣяна, слишкомъ окружена поклоненіемъ и ѳиміамомъ; трудно положиться на ея слово. Я не разсчитываю, мадамъ, въ этомъ обѣщаніи на извѣстныя ваши пѣсни,

популярныя и салонныя, съ Русскимъ текстомъ внизу и съ вашимъ граціознымъ аккомпаниментомъ, безъ чего, на разстояніи девяти сотъ миль, было бы трудно дать почувствовать всю ихъ красоту. Но за что я мучаю васъ своей болтовней?

3.

Петербургъ. января 23, 1774 года.

Мадамъ, охотно принимаю всѣ ваши любезные, прекрасные, нѣжные и ласковые комплименты, не разбирая того, заслуживаю ли я ихъ или нѣтъ; но въ лѣвомъ боку у насъ есть извѣстный органъ; — онъ завѣряетъ меня что вы говорите отъ сердца. Въ этомъ мірѣ есть только три вещи, достойные осужденія въ людяхъ — пристрастіе къ богатству, почестямъ и жизни. Что касается меня, мои потребности такъ не велики, что презирать богатства для меня ничего не стоитъ. Кусокъ хлѣба, бѣлаго или чернаго — все равно, кружка чистой воды, нѣсколько книгъ, другъ и, по временамъ, прелесть живой женской бесѣды,—вотъ все, что нужно мнѣ, съ чистою совѣстью. Почести, со всѣми ихъ бездѣлушками, я уступлю для забавы крикливыхъ дѣтей. Для меня прошелъ тотъ возрастъ, когда эти вещи нравятся; впрочемъ, припоминая прошлое, я право не знаю, когда онѣ особенно привлекали меня. Если съ ними соединяются важныя должности, — это другое дѣло. Ахъ, княгиня, какой славный малый этотъ святой угодникъ *Sacro Santo Far Niente*! Только стоитъ одинъ разъ отдаться ему, и вы будете совершенно довольны; иначе и быть не можетъ; потому что это самый пріятный спутникъ нашей жизни. Поэтому вы безъ упрека можете прибавить одинъ или два часа къ вашему сну, и счастію вашему никто въ мірѣ не помѣшаетъ. Теперь вопросъ о жизни; признаюсь вамъ, мнѣ такъ легко раздѣлаться

съ ней, какъ выпить рюмку шампанскаго. Между тѣмъ какъ я заключаю финалъ этого скучнаго фарса, который люди назвали жизнію, и спокойно ожидаю его послѣдняго слова, сохраните меня въ числѣ вашихъ преданныхъ слугъ.

Я собираюсь уѣхать изъ Петербурга. Если мои услуги на что нибудь годятся Парижу, и если вы не захотите воспользоваться ими, позвольте думать, что всѣ ваши выраженія въ лестномъ для меня уваженіи были пустыми звуками, въ которыхъ сердце нисколько не участвовало; въ такомъ случаѣ я жалѣю васъ вдойнѣ. Но вообразите, какъ я обставленъ въ эту минуту. Здѣсь есть одно праздное дитя Парижа, пріѣхавшее въ Петербургъ; онъ тащитъ меня назадъ къ женѣ, которая сведетъ меня съума, когда я увижу ее;—къ дѣтямъ, которыхъ шалости придется долго исправлять; къ друзьямъ, которые, десять на одного, за одинъ день удовольствія заплатятъ цѣлымъ мѣсяцомъ скуки; къ знакомымъ, которые будутъ пѣть, смѣяться и шумѣть отъ радости, какъ будто мое присутствіе крайне необходимо ихъ удовольствіямъ; къ моимъ соотечественникамъ, изъ которыхъ одна половина ложится спать ограбленная, а другая дрожитъ съ отчаянія, что бѣдняки проснутся и догадаются. Почему же вы не остаетесь тамъ, гдѣ вамъ теперь хорошо, скажите вы; или почему не ѣхать въ Москву, гдѣ я могу предложить вамъ отдыхъ, кругъ людей, съ которыми вы можете говорить откровенно и вашего любимаго святого Sacro Santo Far Niente, однимъ словомъ, полное счастіе, нарочно для васъ приготовленное? Потому, мадамъ, что я глупъ, и потому что ваша мудрость, моя и всего міра состоитъ въ неспособности управлять ходомъ обстоятельствъ, увлекаться ими и идти по волѣ судьбы.

Прощайте; мнѣ всегда пріятно сохранить ваше уваженіе. Я имѣлъ удовольствіе видѣть графа, вашего брата; теперь я ожидаю его къ себѣ, и мы потолкуемъ объ одномъ изъ вашихъ порученій, достойномъ особеннаго вниманія; будь-

те увѣрены, что оно будетъ исполнено, но не ручаюсь, съ какимъ успѣхомъ.

Прошу васъ подарить подателю этого письма нѣсколько свободныхъ минутъ изъ вашего досуга. Имя его Кребильонъ, и онъ достоенъ своего имени. Объ одномъ изъ его предковъ Генрихъ IV, другъ и государь его, сказалъ: "это самый честный человѣкъ въ моемъ королевствѣ." Онъ ѣдетъ въ Москву, чтобъ увидѣть княгиню Дашкову, но не забудетъ взглянуть и на самую Москву. Онъ также искренно расположенъ ко мнѣ, какъ и вы. Обласкайте его, княгиня. Онъ повѣритъ всему, что вы скажете, и, очарованный вашимъ любезнымъ гостепріимствомъ, передастъ мнѣ то величайшее удовольствіе, которымъ вы обяжите его лично. Я не стану говорить о просвѣщенномъ характерѣ графа Кребильона. Въ этомъ отношеніи вы сами скоро обсудите его и, надѣюсь, отдадите ему равную со мной справедливость, но съ большею для него честію. Современемъ вы полюбили и почтили бы его больше, чѣмъ того, кто рекомендуетъ его вамъ: но я надѣюсь только на то, что онъ не долго пробудетъ у васъ, чтобъ дать вамъ воспользоваться этимъ случаемъ. Съ глубокимъ уваженіемъ, преданный вамъ.

ДИДРО.

ХАРАКТЕРИСТИКА КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ ДИДРО.

Княгиня Дашкова жила въ Парижѣ двѣ недѣли; Я провелъ съ ней въ это время четыре вечера, отъ пяти часовъ до полночи, имѣлъ честь обѣдать и ужинать, и былъ почти единственнымъ Французомъ, котораго она принимала.

Дашкова—Русская *intus et in cute* полная удивленія къ императрицѣ, о которой она всегда говоритъ съ глубокимъ уваженіемъ. Она такъ любитъ Англичанъ, что я боюсь за ея пристрастіе къ этому антимонархическому народу въ ущербъ моей собственной націи. Не такова Каменская, другъ и спутникъ ея путешествій; она страстно любитъ Францію, откровенно хвалитъ хорошія стороны ея, и тѣмъ не совсѣмъ сходится съ образомъ мнѣній княгини.

Не смотря на погоду ноябрскую, Дашкова каждое утро выѣзжала около девяти часовъ и никогда не возвращалась домой раньше вечера, къ обѣду. Все это время она отдавала осмотру замѣчательныхъ вещей картинъ, статуй, зданій и мануфактуръ. Вечеромъ я приходилъ къ ней толковать о предметахъ, которыхъ глазъ ея не могъ понять и съ которыми она могла вполнѣ ознакомиться только съ помощію долгого опыта,—съ законами, обычаями, правленіемъ, финансами,

политикой, образомъ жизни, науками, литературой ; все это я объяснялъ ей, насколько самъ зналъ.

Я замѣтилъ, что она не искала у императрицы ни богацтвъ, ни знатности, она просто хотѣла сохранить ея уваженіе, на которое она считала себя въ правѣ, и дружбу, въ которой она была убѣждена. Между прочимъ, мы однажды коснулись революціи 1762 года, все, что можно было сказать въ пользу этого событія, она отвергала всякое притязаніе на него, какъ за себя, такъ и за другихъ. Это было дѣломъ, сказала она, непонятнаго порыва, которымъ всѣ мы безсознательно были увлечены; и если кто особенно содѣйствовалъ нашему успѣху,—это самъ Петръ III, своими глупостями, пороками, неспособностью, ропотомъ и неудовольствіемъ, возбужденнымъ въ народѣ его грязнымъ и развратнымъ образомъ жизни. Всѣ единодушно шли къ одной и той же цѣли ; въ заговорѣ было такъ мало единства, что наканунѣ самой развязки, ни я, ни императрица, ни кто другой и не подозрѣвалъ, ея близкаго результата. За три часа до переворота можно было подумать, что онъ отстоитъ отъ насъ нѣсколькими годами впереди. Казалось, не было и вопроса о томъ, чтобъ провозгласить Екатерину императрицей. Ее возвелъ на престолъ крикъ четырехъ гвардейскихъ офицеровъ, которые впослѣдствіи были заточены, и доселѣ остаются въ ссылкѣ. О причинѣ этой немилости я разскажу послѣ. Княгиня увѣряла, что въ Россіи никто, даже среди народа, не обвинялъ Екатерину за участіе ея въ смерти Петра III ; хотя, во всей Европѣ каждый былъ убѣжденъ въ его насильственной кончинѣ.

Послѣ революціи многіе, не принимавшіе ни малѣйшаго участія въ ней, старались выставить свои заслуги передъ императрицей. Между прочими, генералъ Бецкій. Черезъ нѣсколько дней послѣ восшествія на престолъ, онъ явился къ государынѣ, съ вопросомъ : "Кому бы вы думали, вы обязаны короной?" "Богу, нѣкоторымъ усерднымъ слугамъ и моему счастію", отвѣчала она. Бецкій возразилъ : "Нѣтъ, вы мнѣ обязаны престоломъ, мнѣ, который раздавалъ деньги солда-

тамъ, мнѣ который склонилъ ихъ на вашу сторону" и проч. и проч., и затѣмъ повалился къ ногамъ ея. Императрица сочла его съумасшедшимъ и сказала о томъ окружавшимъ ее придворнымъ. Впрочемъ, обративъ дѣло въ шутку, она вполнѣ признала его заслуги и, въ доказательство ихъ, поручила ему приготовить вѣнецъ для коронаціи.

Я передаю слово въ слово то, что слышалъ отъ Дашковой. Менѣе чѣмъ за два дня до смерти Елисаветы, дворъ раздѣлился на партіи, слѣдившія другъ за другомъ. Повсюду шныряли шпіоны, и всякое сообщеніе между партіями угрожало кинжаломъ. Дашковой въ это время было восьмнадцать лѣтъ; она встала съ постели, въ страшный холодъ явилась во дворецъ великой княгини, и провела съ ней нѣсколько часовъ на единѣ. Первымъ ея словомъ былъ вопросъ, какой планъ составила Екатерина? "Вы или ангелъ или демонъ," воскликнула послѣдняя. "Ни то, ни другое, сказала Дашкова; но Елисавета умираетъ, и вы должны на что нибудь согласиться." "Оставьте меня, отвѣчала Екатерина, на волю судьбы, если я не въ состояніи управлять ходомъ обстоятельствъ."

Каждая изъ партій предлагала Петру III свою собственную креатуру въ жены и совѣтовала заключить или начисто отдѣлаться отъ великой княгини; но дѣло приняло другой оборотъ.

Графъ Орловъ, любовникъ ея, статный, веселый и развязный малый, любившій вино и охоту, циническій развратникъ, совершенно чуждый государственнымъ дѣламъ, послѣ смерти Петра намѣревался раздѣлить престолъ съ императрицей. Извѣстный Бестужевъ открылъ эти замыслы канцлеру Воронцову. Канцлеръ не хотѣлъ слушать его и, прервавъ на половинѣ рѣчи, сказалъ: "Чѣмъ я заслужилъ такое унизительное довѣріе съ вашей стороны?" Вслѣдъ за тѣмъ онъ побѣжалъ къ императрицѣ и поставилъ ей на видъ неприличіе и опасность токого поступка, совѣтуя, если ей угодно, удержать Орлова, какъ

любовника, осыпать его богатствами и почестями, но отнюдь не думать о бракосочетаніи съ нимъ, столь вредномъ для нея самой и для народа. Отъ Екатерины онъ поспѣшилъ къ графу Панину, разсказалъ ему дѣло и умолялъ его помочь своимъ вліяніемъ. Между тѣмъ, тайна брака обнаружилась; негодующій народъ сорвалъ одинъ изъ портретовъ императрицы и, отстегавъ его плетью, разорвалъ въ клочки. По этому случаю четыре офицера, о которыхъ я сказалъ, были сосланы въ Сибирь; на княгиню Дашкову упало подозрѣніе въ соучастіи съ ея друзьями, и ее спасли отъ ареста только болѣзни родовъ.

Содѣйствіе Дашковой революціонному удару, поставило ее въ непріязненныя отношенія къ ея семейству; надежды его на любовь Петра III къ Елисаветѣ Воронцовой, женщинѣ веселой, пустой, не имѣвшей ни красоты, ни ума, совершенно рухнули. Отецъ и братъ ея не хотѣли видѣть княгиню впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Дашкова отнюдь не красавица. Небольшая ростомъ, съ открытымъ и высокимъ лбомъ; съ полными раздувшимися щеками, съ глазами средняго размѣра, нѣсколько заходившими подъ лобъ, черными бровями и волосами, немного плоскимъ носомъ, широкимъ ртомъ, толстыми губами, круглой и прямой шеей, національной формы, съ выпуклой грудью—она далеко не очаровательна; въ ея движеніяхъ много жизни, но не граціи; ея манеры симпатичныя. Общее выраженіе лица производитъ благопріятное впечатлѣніе. Характеръ ея серьезный, она говоритъ пофранцузски свободно; разговоръ ея сдержанный, рѣчь простая, сильная и убѣдительная. Сердце ея глубоко поражено несчастіями; и въ образѣ мыслей ея проявляется твердость, высота, смѣлость и гордость. Я убѣжденъ, что она любитъ справедливость и дорожитъ своимъ достоинствомъ.

Княгиня любитъ искусства, знаетъ людей и потребности своего отечества. Она искренно ненавидитъ деспотизмъ и всѣ проявленія тиранніи. Она коротко знакома съ настоя-

щимъ управленіемъ и откровенно говоритъ о добрыхъ качествалъ и недостаткахъ представителей его. Метко и справедливо раскрываетъ выгоды и пороки новыхъ учрежденій. Если дѣло само по себѣ великое, она терпѣть не можетъ, чтобъ унижали его какими нибудь мелкими политическими разсчетами. "Справедливо и хорошо, сказала она императрицѣ, молившейся за свои успѣхи на гробѣ Петра I, попросить архіепископа Платона сперва благодарить Бога, а потомъ царя; справедливо и хорошо это потому, что истинно; ибо за чѣмъ безъ особенной надобности льстить народу, который знаетъ, что принадлежитъ ему, и что нѣтъ."

Когда Екатерина задумала издать сводъ законовъ, она спросила совѣта у Дашковой, которая замѣтила: "Вы никогда не увидите окончанія его, и въ другое время я сказала бы вамъ причину; но и попытка великое дѣло; самый проэктъ составитъ эпоху." Съ тѣмъ же тономъ убѣжденія она говорила о добродѣтеляхъ и порокахъ своихъ друзей и враговъ.

Печальная жизнь ея отразилась въ ея внѣшнемъ видѣ, и сильно разстроила здоровье. Меня изумляла снисходительность ея къ дѣвицѣ Каменской, которой запальчивость, рѣзкость манеръ и противоположный образъ мыслей нисколько не сердилъ Дашкову. Въ декабрѣ 1770 года ей было только двадцать семь лѣтъ, но она казалась сорокалѣтной женщиной. Она продала все, что имѣла, чтобъ уплатить долги своего мужа, котораго она горячо любила и считала его смерть величайшимъ изъ своихъ несчастій.

Она великодушно выноситъ свою темную и бѣдную жизнь. Она могла бы удовлетворить самымъ высшимъ претензіямъ, если бъ хотѣла воспользоваться позволеніемъ государыни продать имѣніе дѣтей,—но она ни зачто не согласилась на эту жертву. Послѣ одного года искренней пріязни къ Екатеринѣ, она стала въ головѣ заговора или лучше великаго дѣла, исполнители котораго, по ея мнѣнію, не стоили

даже названія заговорщиковъ. Дашкова тверда и рѣшительна какъ въ ненависти, такъ и въ дружбѣ.

Въ Лондонѣ, она желала видѣть Паоли, который взаимно хотѣлъ познакомиться съ ней. Она замѣтила въ его разговорѣ и образѣ мыслей странную нерѣшительность, въ его умѣ ту "Италіянскую гримасу," которая обезображиваетъ великаго человѣка. Это были ея собственныя слова. Она никогда не могла простить ему, какъ нахлѣбнику и пансіонеру двора; отвѣчая на вопросъ мистера Вальполя, желавшаго знать причину этого мнѣнія, она выразилась: "бѣдность есть лучшій ньедесталъ подобнаго ему человѣка." Я вполнѣ понимаю ея мысль; но секретарь посольства не понялъ, и княгиня не сочла нужнымъ объясниться дальше.

Вальполь очень ѣдко выражался въ своихъ сужденіяхъ о Франціи,; я не считалъ себя въ правѣ опровергать его, но джентльменъ признался въ томъ, что онъ не зналъ, что говорилъ въ присутствіи Француза. На это извиненіе я замѣтилъ, что, кажется, нѣтъ необходимости имѣть два языка, одинъ для людей присутствующихъ а другой для отсутствующихъ; что касается до меня, прибавилъ я, мой отзывъ о немъ и за глаза и въ лицо былъ бы одинаковъ. Вальполь ушелъ, и княгиня осталась недовольна моей выходкой, прибавивъ впрочемъ, что она на моемъ мѣстѣ ничего не отвѣчала бы Англійскому секретарю, и просто отвернулась бы отъ него съ презрѣніемъ; Дашкова справедлива.

Она обладаетъ проницательностью, хладнокровіемъ и здравымъ умомъ. Она ясно смотритъ на лицевую сторону вещей, и никогда не думаетъ выставлять себя предметомъ удивленія, или по врожденной скромности, или потому, что она не придавала никакой важности своему положенію. Ей хотѣлось видѣть Рюльера и послушать разсказъ его о происшествіяхъ революціи: но я внушилъ ей, что всякое замѣчаніе или подтвержденіе ея будетъ свидѣтельствомъ, которое авторъ обратитъ въ свою пользу. Она обняла меня, и отказала Рюльеру.

Мадамъ Неккеръ хотѣла дать ужинъ княжнѣ вмѣстѣ съ Жофрэнъ; я отсовѣтовалъ ѣхать, предвидя, что Дашкову не поймутъ наши салонныя героини. Притомъ я зналъ что онѣ желали видѣть ее единственно за тѣмъ, чтобъ потомъ говорить о ней, и былъ увѣренъ, что она больше проиграетъ, чѣмъ выиграетъ во мнѣніи этихъ дамъ и котеріи ихъ. Вспомнивъ о сочиненіи Рюльера, замѣчу, что оно показалось мнѣ романтическимъ сплетеніемъ, лишеннымъ дѣйствительнаго знанія фактовъ и лицъ, но черезъ два столѣтія, конечно, его примутъ за историческій авторитетъ.

Княгиня рѣшительный врагъ личной свѣтской жеманности. Ее подозрѣвали въ тайныхъ связяхъ съ графомъ Панинымъ, чѣмъ она крайне обижалась. Замѣчательно, что императрица изъ уваженія къ ея характеру никогда не осмѣливалась сказать ей о своей любви къ Орлову, не смотря на всю свою фамиліарность съ Дашковой, фамиліарность, никогда не оскорблявшую царицу. Княгиня съ полной свободой навѣщаетъ Екатерину, когда ей угодно, садится, разговариваетъ и уходитъ безъ всякой церемоніи.

Если можно вполнѣ положится на ея безпристрастіе, то одинъ изъ Орловыхъ, прозванный *balafré*, одинъ изъ величайшихъ мерзавцевъ на землѣ. Она жалѣетъ, что успѣхъ настоящей войны далъ извѣстность его имени, которой онъ вовсе недостоенъ. Императрица, по ея словамъ, пользуется заслуженной репутаціей и общей любовью, такъ что престолъ ея твердъ и независитъ ни отъ какой партіи. "Она освободила себя, сказала Дашкова, отъ всякого посторонняго вліянія, убѣдивъ народъ, что счастіе его составляетъ постоянную цѣль всѣхъ ея мыслей, желаній и дѣйствій. Власть ея такъ самостоятельна, что завтра, еслибъ ей было угодно она можетъ отдѣлиться отъ графа Панина, самого сильнаго и уважаемаго человѣка въ государствѣ, и смерть или удаленіе его не произведутъ ни малѣйшаго впечатлѣнія."

Великій князь еще такъ малъ, что судить о характерѣ его трудно. Извѣстна ли ему несчастная участь его отца или

нѣтъ, Дашкова этого не знаетъ. Она также не могла отвѣчать, въ какой мѣрѣ пострадалъ бы народъ отъ пьянаго и глупаго государя, но она искренно признаетъ величіе и блескъ правленія Екатерины.

У княгини двое дѣтей,—сынъ и дочь, которыхъ она нѣжно любитъ. Она два года путешествовала и намѣрена еще полтора года пробыть за границей; потомъ возвратившись въ Петербургъ на самое короткое время, —удалиться въ Москву. Почему она не любитъ Петербурга, спросите вы? не знаю; можетъ быть она недовольна тѣмъ, что заслуги ея мало вознаграждены; или, возведя Екатерину на престолъ, она надѣялась управлять ею; можетъ быть, подозрѣніе по дѣлу высѣченнаго портрета охладило расположеніе къ ней императрицы; — или Екатирина опасается, что если Дашкова одинъ разъ подняла бунтъ за нея, не струситъ поднять его и противъ нея; или она добивалась мѣста министра и даже перваго министра, по крайней мѣрѣ чести государственнаго совѣта; или княгиня обидѣлась, что другъ ея, которому она надѣялась вручить регенство, захватилъ, безъ вѣдома и наперекоръ ея планамъ, царскую власть; или она не хочетъ толкаться въ стадѣ новыхъ придворныхъ выскочекъ, она, которая стояла въ головѣ этихъ людей и была укра ена самымъ почетнымъ орденомъ. Какъ бы то ни было, но между ними до пріѣзда въ Москву не было ни малѣйшаго разлада. Княгиня Дашкова доселѣ постоянно была съ Екатериной, а здѣсь безъ всякого объясненія разлучилась съ ней, чтобъ больше никогда ее не видѣть*.

Во время втораго посѣщенія Москвы, послучаю общаго собранія депутатовъ для разсужденія о сводѣ законовъ, Екатеринѣ угрожалъ мятежъ. Общее неудовольствіе дворянъ, (я позабылъ причину его, о которой упоминала Дашкова) готово была разразиться новой революціей. Это обстоятельство заставило ее поскорѣй уѣхать въ Петербургъ.

* Примѣчаніе Уильмотъ. Это несправедливо, какъ видно изъ самого разсказа записокъ.

Вслѣдъ за тѣмъ все затихло, и Екатерина попрежнему счастливо править народомъ.

Кажется, одинъ горькій урокъ вынесла Дашкова изъ ея сношеній съ дворомъ;—онъ охлодилъ въ ней пылкія желанія полезныхъ и благотворныхъ реформъ. "Дурно расположенные люди было послѣднемъ ея замѣчаніемъ, если бъ и одобряли ваши планы, постараются уронить ихъ, единственно потому, чтобъ не дать вамъ случая воспользоваться честью ихъ начинанія. Я часто оскорбляла своихъ друзей ревностью, съ которой старалась помочь имъ, и нѣкоторыя предпріятія не удались только потому, что я слишкомъ горячо принималась за нихъ. Холодныя и мелкія душонки обижались моимъ энтузіязмомъ, котораго они не понимали. Одни отступятся отъ васъ изъ трусости, другія по лѣности и нерасположенію; и дѣло проиграно."

Когда я прощался съ Дашковой, она обѣщала не забывать меня и просила вспомнить и о ней. Она величала меня самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, человѣкомъ вездѣ и всегда неизмѣннымъ въ своемъ характерѣ.

Письма Вольтера и Аббата Рейналя.

Ферней. 9 мая, 1771 года.

Фернейскій старикъ, почти посѣдѣвшій и дряхлый, былъ бы давно у ногъ княгини Дашковой, если бъ не удерживала его болѣзнь. Если бъ княгиня почтила насъ своимъ присутствіемъ завтра (въ пятницу) вечеромъ, около семи часовъ и отужинала вмѣстѣ съ своей компаніей, мадамъ Денисъ угостила бы насъ. и старый инвалидъ сочелъ бы это посѣщеніе однимъ изъ свѣтлыхъ дней своей жизни. Онъ проситъ позволенія остаться въ *халатѣ*, бу-

дучи не въ состояніи уже давно одѣваться иначе. Онъ свидѣтельствуетъ княгинѣ полное свое уваженіе.

ВОЛЬТЕРЪ.

Ферней. 12 мая, 1771 года.

Княгиня, старикъ, котораго вы помолодили, благодаритъ и жалѣетъ васъ. Я не премину похвалить императрицѣ проповѣдь, достойную самого Греческаго Платона,* представленную мнѣ не менѣе достойнымъ другомъ Томирисы. Счастливы тѣ, которые провожаютъ васъ въ Спа!—несчастны мы, которыхъ вы покидаете за собой, на берегахъ Женевскаго озера. Альпійскія горы долго будутъ гремѣть эхомъ вашего имени,—имени, которое на всегда останется въ моемъ сердцѣ, полномъ удивленія и почтенія къ вамъ.

СТАРЫЙ ИНВАЛИДЪ ФЕРНЕЯ

Аббатъ Рейналь къ княгинѣ Дашковой.

Берлинъ. Іюля 29, 1782 г.

Письмо, посланное вами изъ Вѣны, долго ходило по разнымъ почтамъ и наконецъ достигло меня. Оно полно той славы, прелести и чувства, которыя соединяются только въ васъ. И какъ оно утѣшило меня, доказавъ не только ваше вниманіе, но и уваженіе ко мнѣ. Я поспѣшилъ бы скорѣй отблагодарить васъ, если бъ не считалъ нужнымъ познакомить васъ съ моимъ настоящимъ положеніемъ. Я

* Здѣсь онъ разумѣетъ Платона, Московскаго архіепископа. Брадфордъ.

сдѣлался столбнякомъ въ Берлинѣ, и вы, конечно, угадаете почему? Здѣсь нѣтъ для меня того общества, которымъ я наслаждался въ вашемъ семействѣ, но и здѣсь есть люди, способные привлекать и нравиться,—есть свои удовольствія и ихъ гораздо больше, чѣмъ требуетъ мой возрастъ. Безпрерывныя мои занятія, можетъ быть, замѣнятъ въ нѣкоторой степени тѣ счастливыя связи, которыя образуются только въ молодости и въ отечествѣ. Я не сомнѣваюсь, что вашъ пріемъ, по возвращеніи въ Россію, будетъ такъ же лестенъ, какъ и во всѣхъ частяхъ Европы. Если усвоенные вами здѣсь принципы и понятія перейдутъ въ постоянныя ваши убѣжденія, государство извлечетъ изъ нихъ новую славу и пользу. Что же до насъ, намъ нечего больше желать, какъ счастія вашему отечеству, подъ вліяніемъ вашей счастливой звѣзды. Чѣмъ больше я читаю исторію, чѣмъ глубже всматриваюсь въ нашъ вѣкъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что вы выше его. Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ и преданнымъ слугой.

РЕЙНАЛЬ.

Письмо герцога Судерманскаго.

На адмиральскомъ кораблѣ

Густавъ III, 20 авг. 1788 г.

Княгиня, пакетъ адресованный на ваше имя изъ Филадельфіи, попалъ въ мои руки; считаю удовольствіемъ немедленно отправить его къ вамъ. При настоящихъ обстоятельствахъ, разорвавшихъ дружескія связи двухъ народовъ, я пользуюсь этимъ случаемъ облегчить общія наши бѣдствія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, очень радъ напомнить вамъ о

себѣ; я нѣкогда имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вами и на всегда останусь совершенно преданнымъ вамъ.

КАРЛЪ, ГЕРЦОГЪ СУДЕРМАНСКІИ.

Письмо Лаланда.

Парижъ. 30 Окт. 1789 г.

М-ая Г-ня, вы выразили желаніе, чтобъ иностранная кореспонденція не обременяла напрасно академію; поэтому я рѣшаюсь отправить мое письмо прямо къ вамъ, вмѣсто офиціальной передачи черезъ Эйлера. Съ тѣмъ вмѣстѣ позвольте засвидѣтельствовать вамъ чувство искренней благодарности и уваженія.

Ученыя свѣдѣнія, которыя вы поручили мнѣ сообщить, въ настоящее время очень бѣдны. Политика поглотила всѣ общественные интересы. Въ области литературы, со времени появленія "Путешествія Анахарсиса въ Греціи"—Бартелеми, ничего замѣчательнаго нѣтъ. Открытіе спутника Сатурна, сдѣланное Гершелемъ съ помощію его чудовищнаго телескопа въ сорокъ футовъ длины, единственное астрономическое явленіе въ настоящемъ году. Изданіе новой энциклопедіи — тридцать четвертое — главный результатъ нашихъ ученыхъ предпріятій; оно неизмѣримо превосходитъ всѣ прежнія изданія. Возрожденіе Франціи съ ея конституціей и финансами составляетъ для насъ величайшую эпоху, и я боюсь, за невыгодныя послѣдствія для наукъ, потому что начинаютъ уже поговаривать объ уменьшеніи пенсіоновъ ученаго сословія. Волненія Франціи немного затихли, но духъ ропота между народомъ и даже войскомъ грозитъ продолжительной тревогой. Поздравляю васъ съ завоеваніемъ Бѣлграда и Очакова; вы быстро идете

къ тому времени, когда Константинополь будетъ хвалиться своей обсерваторіей и академіей, въ чемъ отказываютъ доселѣ Риму. Ваше просвѣщенное участіе въ дѣлахъ правительства еще больше ручается за эти успѣхи. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и глубокой преданности вашего покорнаго слуги

ЛАЛАНДЪ.

Письмо герцога Ангальтскаго.

М-ая Г-ня, тяжело разставаться съ людьми, которыхъ мы уважаемъ, и я желалъ какъ можно дольше избѣжать минуты вашего отъѣзда. Но онъ рѣшенъ; и я руководимый чувствомъ благодарности, не могу проститься съ вами, не выразивъ вамъ признательности за ваши одолженія. Нѣтъ, княгиня, я никогда не забуду ни вашей доброты, ни вашей обязательной дружбы. Я искренно презиралъ бы себя, если бъ былъ способенъ забыть васъ. Теряя каждодневно уваженіе людей, близкихъ моему сердцу, неужели я долженъ скрывать и свое собственное,—единственное утѣшеніе для людей, которыхъ гонитъ клевета или близорукая подозрительность. Душевно желаю и надѣюсь видѣть васъ повсюду болѣе счастливой чѣмъ въ вашемъ собственномъ отечествѣ, подъ мерідіаномъ котораго ваши таланты не напрасны. Примите великодушно выраженіе искренней и глубокой преданности вашего покорнаго слуги

АНГАЛЬТА.

Письма императрицы Елисаветы къ княгинѣ Дашковой.

Петербургъ. 14 Апрѣля, 1801 г.

М-ая Г-ня! вниманіе такой достойной личности, какъ вы, для меня безконечно драгоцѣнно. Благодарю васъ за письмо и надѣюсь еще увидѣть васъ. Съ тѣхъ поръ какъ я научилась цѣнить ваши достоинства, чувство моего почтенія къ вамъ постепенно возрастало, но едва ли оно можетъ быть выше настоящаго моего уваженія, съ которымъ остаюсь истинно преданная вамъ

ЕЛИСАВЕТА.

* Вы однажды выразили желаніе видѣть меня; я была бы очень рада, если бъ вы навѣстили меня сегодня вечеромъ около семи часовъ, если только ничто не помѣшаетъ вамъ. Позвольте надѣяться на вашу дружбу, искреннюю и не обременительную для васъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Имѣю честь возвратить вамъ, княгиня, книгу, которую вы прислали мнѣ уже давно; прошу васъ великодушно извинить меня, что я долго продержала ее. Эта небрежность зависѣла отъ нѣкоторой ошибки. Надѣюсь, что ваше здоровье поправилось и вы вспомните истинно преданную вамъ

ЕЛИСАВЕТУ.

Княгиня, я сейчасъ получила ваше письмо. Благодарю васъ за щенковъ, которыхъ вы назначили мнѣ; въ тоже время надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ, около восьми часовъ вечера, если удобно вамъ. Душевно преданная вамъ

ЕЛИСАВЕТА.

* Брадфордъ. Эти и слѣдующія пять писемъ написаны императрицей во время пребыванія ея въ Москвѣ.

Я очень боялась, княгиня что не увижу васъ еще передъ отъѣздомъ; могу ли я ожидать васъ завтра, въ семь часовъ, если этотъ часъ не занятъ у васъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Повѣрьте, княгиня, что для меня такъ же пріятно видѣть васъ, какъ вамъ, если не ошибаюсь въ искренности вашего желанія, быть у меня. Я разсчитываю на это удовольствіе завтра въ часъ, если вы свободны. Совершенно преданная вамъ,

ЕЛИСАВЕТА.

Петербургъ. Іюня 27, 1802 г.

Княгиня, душевно благодарю васъ за вниманіе, и если я замедлила своимъ отвѣтомъ, то въ этомъ виновата отнюдь не чувство моей признательности къ вамъ. Я была нездорова вслѣдствіе удара, нанесеннаго моему сердцу послѣднимъ несчастіемъ*. Хотя серьезныхъ страданій не было, но я постоянно чувствовала себя дурно, такъ что не хотѣлось даже взяться за перо, чтобъ поблагодарить васъ за вниманіе.

Извините за откровенность; вы же, княгиня, избаловали меня; вы пріучили меня всегда обращаться къ вамъ съ полной довѣренностью. Если погода у васъ также хороша, какъ у насъ,—ваша жизнь на дачѣ должна быть очень пріятная, и вы, конечно, наслаждаетесь ею. Я увѣрена что эта спокойная жизнь благопріятствуетъ вашему здоровью. Вѣрьтѣ моей искренней любви къ вамъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Императоръ благодаритъ васъ за память и кланяется вамъ. Сестра моя также.

* Брадфордъ. Имсратрица говоритъ о смерти своего ребенка.

Апрѣля, 1807 г.

Графиня Протасова, пріѣхавшая сюда, передала мнѣ вашъ пакетъ; мнѣ очень лестно ваше воспоминаніе обо мнѣ и увѣренность въ моемъ уваженіи къ памяти Екатерины II; съ тѣмъ вмѣстѣ, мнѣ грустно было замѣтить по тону вашего письма, что портретъ составляетъ для васъ драгоцѣнное наслѣдство. Позвольте, поэтому, отказаться отъ этого подарка, и принять предложеніе его, какъ доказательство нашихъ одинаковыхъ чувствъ къ этой достойной императрицѣ и какъ свидѣтельство вашего добраго расположенія ко мнѣ.

Несчастіе ваше*, въ которомъ я принимаю искренное участіе, больше и больше разлучаетъ васъ съ этимъ міромъ. Ожиданіе другой и лучшей жизни составляетъ единственное утѣшеніе для души, много страдавшей здѣсь; но я надѣюсь, что эта минута еще не такъ близка, какъ вы, можетъ быть, думаете, поручая моимъ попеченіямъ вашего молодаго друга. Во всякомъ случаѣ миссъ Уильмотъ можетъ быть увѣрена, что я все, что могу, готова сдѣлать для нея, согласно съ вашимъ желаніемъ. Примите увѣреніе въ отличномъ уваженіи къ вамъ совершенно преданной.

ЕЛИСАВЕТЫ.

Письмо княгини Дашковой къ супругѣ императора Павла, вдовствующей императрицѣ Маріи

Троицкое. 13 Іюля, 1806 г.

М-ая Г-ня, добродѣтели и человѣколюбіе, столь свойственныя вашему сердцу, даютъ мнѣ смѣлость не только обратиться къ вамъ съ просьбой, но и надѣяться, что вы примите ее съ обычнымъ снисхожденіемъ. Благоволите, Государыня, утѣ-

* Смерть Князя Дашкова.

шить послѣдніе дни моей страдальческой жизни. Во время моего пребыванія въ Англіи, я познакомилась съ семействомъ Уильмотъ и его родственниками, людьми богатыми и уважаемыми, какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи. Одинъ изъ членовъ этого семейства, самый преданный мой другъ, мистрисъ Гамильтонъ убѣдила миссъ Уильмотъ посѣтить меня и раздѣлить на время мое уединеніе. Нравственность таланты, скромность, наконецъ дружба Уильмотъ, вотъ уже три года, какъ облегчаютъ мое печальное существованіе; и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, она не желаетъ отказать мнѣ въ своемъ утѣшеніи, рѣшившись не покидать меня въ эту весну вмѣстѣ съ своей старшей сестрой, которая имѣла честь въ прошлое лѣто, представиться вамъ. Никто лучше васъ не можетъ оцѣнить благотворнаго вліянія дружбы и ея долга я такъ много обязана этой прекрасной молодой дѣвушкѣ, что хотѣла бы съ своей стороны отплатить ей взаимнымъ одолженіемъ, — моей безпрерывной заботой о ея благополучіи. Вслѣдствіе этого повергаюсь къ вашимъ ногамъ и умоляю, на случай моей смерти, принять подъ свое покровительство Уильмотъ, пока она останется въ Россіи: съ этой надеждой я спокойно встрѣчу свою близкую смерть. Смѣю увѣрить васъ, Государыня, что мой юный другъ достоинъ вашей довѣренности, и еслибъ вы знали ее лично, я надѣюсь, оцѣнили бы ея качества. Если вы благоволите принять мою просьбу, послѣдніе дни мои будутъ отрадны и я буду спокойна, по крайней мѣрѣ, оттого что мой послѣдній долгъ исполненъ.

Могу ли еще обезпокоить васъ одной просьбой, которая требуетъ нѣкотораго объясненія.

Болѣе девяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлала завѣщаніе, признанное родственниками моими и моего мужа, между прочими, почтеннымъ Еропкинымъ и княземъ Репнинымъ. Я передала это завѣщаніе въ архивъ воспитательнаго дома, пожертвовавъ нѣкоторую долю въ пользу заведенія. Исполнителями моей послѣдней воли были назначены мной младшій братъ и князь Иванъ Гагаринъ.

Перваго я имѣла несчастіе потерять; а второй, легко можетъ случиться, умретъ прежде меня; поэтому я просила опекунскій совѣтъ принять на себя обязанность моихъ душеприкащиковъ. Желая доказать, какъ дорого для меня добросовѣстное исполненіе моего завѣщанія, я представила четыре тысячи рублей въ пользу воспитанниковъ этого благотворительнаго учрежденія, счастливыхъ подъ вашимъ особеннымъ попеченіемъ. Теперь же я хочу внести въ воспитательный домъ пять тысячь фунтовъ стерлинговъ*, въ пользу моего друга миссъ Уильмотъ, и просить вашего содѣйствія въ исполненіи моего желанія. Взносъ денегъ немедленно послѣдуетъ, какъ только я буду имѣть счастіе получить отвѣтъ на мою просьбу. Великодушное принятіе ея возбудить новыя пламенныя чувства благодарности и уваженія къ вамъ, въ вашей покорной и преданной слугѣ.

КНЯГИНЯ ДАШКОВА.

Отвѣтъ вдовствующей императрицы на письмо Дашковой.

Павловскъ. 24 Авг., 1806 г.

Я получила ваше письмо и считаю удовольствіемъ увѣрить васъ, что я совершенно цѣню ваше распоряженіе относительно миссъ Уильмотъ. Ваша привязанность къ ней служитъ лучшимъ доказательствомъ достоинствъ ея; и если она будетъ нуждаться въ моемъ покровительствѣ, я охотно предлагаю его. Касательно вашего завѣщанія, сдѣланнаго въ пользу Уильмотъ, и переданнаго въ воспитательный домъ, правила этого заведенія достаточно ру-

* Брадфордъ. Эта сумма не была внесена въ воспитательный домъ, а посла на въ Англію. Отдавая справедливотсь Дашковой, я считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что кромѣ этого подарка, я получила отъ княгини и другія очень щедрыя одолженія.

чаются за добросовѣстное исполненіе вашей воли Опекунскимъ совѣтомъ. Эти правила обязываютъ его исполнять послѣднюю волю завѣщателей, освященную закономъ, какъ самый святой долгъ, а заведеніе вѣрно хранить ввѣренныя ему суммы.

Если бъ нужно было мое личное содѣйствіе для вашего успокоенія въ этомъ дѣлѣ, примите, княгиня, полное увѣреніе, что законы Воспитательнаго дома будутъ свято выполнены. Съ тѣмъ вмѣстѣ, свидѣтельствую вамъ мое уваженіе, душевно преданная вамъ

МАРІЯ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЗАПИСКАМЪ ДАШКОВОЙ.

---

*Разсказъ издательницы ихъ * и письма сестры ея миссъ Уильмотъ.*

Лорду Гленберви.

Мой любезный лордъ Гленберви, я долго думала, какъ начать мнѣ исторію, которую вы требуете отъ меня; я нѣсколько разъ готова была бросить перо, и если бъ не было стыдно, я отказалась бы отъ этой очень скучной работы; но я дала обѣщаніе и вы были такъ добры, что сами помогли мнѣ въ этомъ дѣлѣ. И такъ примите мой разсказъ.

Чтобъ объяснить его лучше, я должна коснуться своего семейства, которое имѣло вліяніе на мой характеръ, и котораго чистая и рыцарски-честная жизнь могла бы представить содержаніе для нѣсколькихъ томовъ, если бъ я

* Уильмотъ. Причины напечатанія слѣдующаго разсказа достаточно объяснены выше. Онъ сначала былъ написанъ и представленъ, въ видѣ письма Лорду Гленберви, въ 1814 году; и хотя послѣ сдѣланы къ нему нѣкоторыя прибавленія, но первоначальная форма его сохранилась. Этой оговоркой я хотѣла оправдать необыкновенную длину самого разсказа, облеченнаго въ письменное посланіе.

стала подробно описывать ее. Смерть моего милаго брата, въ 1802, была первымъ тяжелымъ опытомъ на пути моей жизни. Она оставила глубокое впечатлѣніе на моей душѣ. Она, такъ сказать, прекратила на время пульсъ моего существованія; я сдѣлалась совершенно равнодушна ко всѣмъ интересамъ окружающаго міра, и, какъ будто, похоронила всѣ свои желанія въ его могилѣ

Единственное чувсто одушевляло меня, чувство скорби, при взглядѣ на любезнаго отца, одѣтаго въ глубокій трауръ по своемъ сынѣ и боровшагося съ сильнымъ горемъ, котораго онъ никогда не забылъ. Онъ сокрушался о юношѣ чсстномъ и прекрасномъ, рано выступившимъ на блистательную карьеру; въ девятнадцать лѣтъ отъ роду онъ былъ назначенъ командиромъ военной шлюбки. Шлюбка стояла въ Вестъ-Индіи, гдѣ онъ принялъ начальство надъ ней и тамъ же палъ жертвой желтой лихорадки, свирѣпствовавшей въ то время въ Ямайкѣ.

Трудно выразить всю тяжесть впечатлѣнія, произведеннаго на моего отца этимъ несчастіемъ. Печальное извѣстіе поразило его въ расплохъ: въ то время, когда онъ былъ полонъ самыхъ отрадныхъ надеждъ и мечтаній, столь свойственныхъ отцу, пламенно любившему своего сына, въ то время, когда онъ утѣшалъ мать, горевавшую о своемъ отсутствующемъ Чарльсѣ, когда каждый шорохъ зимней непогоды пробуждалъ въ немъ чуткое безпокойство, усиливалъ біеніе сердца, когда каждое письмо изъ Индіи было торжественнымъ днемъ въ нашемъ кругу,—и вдругъ является громовая вѣсть о его смерти. Теперь все смолкло; казалось всѣ чувства души его замерли, и только сдавленные вздохи или невольно катившіяся слезы напоминали о его глубоко-безутѣшномъ состояніи.

Я раздѣляла страданія своего отца; но далеко не въ той мѣрѣ, какъ онъ; я искала утѣшенія, желая развлечь себя и своего родителя новыми предметами жизни.

Чтобъ броситься въ міръ дѣятельности, я рѣшилась пу-

тешествовать. Увлекательныя письма моей сестры, которая въ это время была во Франціи, еще болѣе воспламенили мое желаніе посѣтить чужіе краи, которое, впрочемъ, всегда было любимой моей мечтой. Стеченіе обстоятельствъ, довершило мой планъ.

Княгиня Дашкова, находясь въ Ирландіи, познакомилась со многими изъ моихъ родственниковъ и потомъ часто, въ моемъ присутствіи, была предметомъ разговоровъ ихъ съ мистрисъ Гамильтонъ. Гамильтонъ была близкой родственницей моего отца, которую онъ съ юности привыкъ уважать и цѣнить.

Будучи дитей, я съ любопытствомъ прислушивалась къ ея разнообразнымъ анекдотамъ о княгинѣ, которую они любили съ энтузіазмомъ и въ нѣкоторой степени сообщила ею моему молодому и горячему воображенію. Я желала видѣть эту необыкновенную женщину, о характерѣ которой образовалось во мнѣ самое фантастическое понятіе. Но эти чудесные разсказы мало-по малу были забыты, когда Гамильтонъ напомнила мнѣ о своемъ другѣ. Она подала мысль посѣтить княгиню, если только согласятся мои родители, и провести съ ней годъ или два въ ея подмосковномъ имѣніи,—увѣривъ, что мое посѣщеніе осчастливитъ Дашкову и что я буду принята ею, какъ дочь матерью.

Эта мысль, такъ кстати поданная мнѣ, разбудила меня отъ апатической тоски. Я написала Гамильтонъ, нѣжно любившей меня, что мое путешествіе можетъ быть полезно отцу; оно займетъ его новыми думами, освѣжитъ его чувства. Она поняла меня и ревностно взялась за дѣло.

Когда отецъ услышалъ о моемъ намѣреніи, онъ рѣшительно отказалъ мнѣ; и я, конечно, разсталась бы съ своей мечтой, еслибъ Гамильтонъ не вмѣшалась въ дѣло и не подкрѣпила меня своимъ вліяніемъ. Она убѣдила моего отца отпустить меня, который съ своей стороны боялся поступить несправедливо относительно дочери, раз-

рушивъ одинъ изъ самыхъ восторженныхъ ея плановъ. Когда позволеніе было дано, я видѣла ясно, что онъ удивился моей рѣшимости. Между тѣмъ изъ Россіи пришло письмо; княгиня знавшая моего отца, писала ему о своемъ пламенномъ желаніи прижать меня къ своему сердцу. Такимъ образомъ весной, 1803 года, я оставила домъ.

Эту сцену я пройду молчаніемъ. Путешествіе отъ Корка (мѣсто моего рожденія) до Дублина не представляло ничего интереснаго. Здѣсь я провела нѣсколько недѣль съ Гамильтонъ, потомъ переплыла каналъ и прибыла въ Лондонъ, гдѣ встрѣтила самый дружескій и обязательный пріемъ въ семействѣ нашего родственника мистера Джона Уильмотъ.

Знакомство съ графомъ Воронцовымъ и его дочерью доставило мнѣ рекомендательныя письма къ ихъ Петербургскимъ друзьямъ. Мистеръ Уильмотъ приготовилъ мнѣ все для путешествія, поручивъ меня одной женщинѣ, которой родственники жили въ Петербургѣ; въ первыхъ числахъ Іюня, полная надеждъ и счастливыхъ предчувствій, я покинула Англію въ Гревзендѣ.

Съ этой минуты, какъ ни жалко было разставаться съ родиной и друзьями, но я жила болѣе отрадной мечтой путешествія, чѣмъ воспоминаніями.

Въ Ярмутѣ мы простояли на якорѣ двѣ недѣли, по случаю амбарго, наложеннаго на корабль. Наконецъ мы поплыли значительнымъ флотомъ; новость моего положенія и взглядъ на грозное величіе океана ужасомъ охватили мое воображеніе. Въ хорошую погоду, впродолженіе трехнедѣльнаго плаванія, я постоянно находилась на палубѣ. Путешествіе наше вообще было благопріятно; оно было однообразно, за исключеніемъ высадки на три или четыре часа на берегу въ Эльзенерѣ, гдѣ мы видѣли Кромбергскій замокъ и сады Гамлета,—чрезвычайно замѣчательные предметы.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мы пристали у береговъ

великолѣпной Невы, по сю сторону понтоннаго моста, прождавъ нѣсколько часовъ позволенія войдти въ самую пристань. Я не хотѣла сойдти съ корабля, безъ той леди, которая ѣхала со мной; дожидалась до вечера. Передъ нами, между прочимъ, рисовалась самая пестрая картина на мосту. Былъ блестящій Іюльскій день. Люди всѣхъ націи, различныхъ костюмовъ мелькали передъ нашими глазами, не воображая, какое драматическое дѣйствіе они производили на насъ-иностранокъ. Посланники различныхъ дворовъ драпировались съ царской пышностью, между тѣмъ, какъ соотечественники ихъ нисшихъ рядовъ выражали взорами и манерами различіе своихъ національностей.

Около палатокъ, гдѣ продавались фрукты и игрушки, толпились самыя противоположныя существа, Христіане и Жиды, Англичане и Французы, Шведы и Русскіе съ длинными бородами и бритыми подбородками, женщины, одѣтыя по модѣ прошлаго и настоящаго вѣка; наѣздники, барыни и служанки, Турки, Армяне, Казаки, Калмыки, музыканты и паяцы составляли фантасмогорическія группы, проходившія другъ за другомъ въ самомъ живописномъ разнообразіи. Все это обыкновенно потѣшало меня.

Вечеромъ я послала извѣстить Полянскую (племянницу Дашковой, ожидавшую моего пріѣзда), и доктора Роджерсона, съ которымъ Гамильтонъ была коротко знакома. Онъ пришелъ взять меня съ корабля и проводилъ въ домъ Полянской. Едва я ступила на берегъ какъ корабль отплылъ, раздѣливъ меня со всѣми друзьями и естественными покровителями на землѣ. Я осталась одна, на чужемъ берегу.

Контрастъ между открытымъ, задушевнымъ привѣтствіемъ и вѣжливымъ объятіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ иностранцевъ, охладилъ меня. Нѣсколько минутъ я пробыла въ полусонномъ состояніи, и когда Роджерсонъ ушелъ, вокругъ меня не было даже ни одного роднаго звука, чтобъ разсѣять грезы, къ счастію пакетъ писемъ изъ Англіи разбудилъ меня; слезы освѣжили мою голову, и я оправилась.

Теперь мнѣ надо было дѣйствовать самой, и я не могла оставаться равнодушной къ добротѣ и гостепріимству моей новой знакомой, женщины молодой, хорошенькой и ласковой. Мы скоро сдѣлались друзьями; она представила меня своей матери, сестрамъ и нѣкоторымъ родственникамъ княгини; я провела бы здѣсь время болѣе пріятно, еслибъ не осаждали меня на каждомъ шагу сплетнями, оскорбительными для той, которую я считала своей матерью. Дашкова была представлена мнѣ личностью жестокою и мстительною, необузданною по характеру и способною разрушить счастіе каждаго, кто сближался съ ней. Мнѣ говорили, что она живетъ въ замкѣ, удаленномъ отъ всякого живаго общества, среди угрюмаго уединенія, полновластная въ своихъ поступкахъ, лишенная всякой нравственности, что она станетъ распечатывать и читать письма, присылаемыя ко мнѣ и отправляемыя мной къ моимъ друзьямъ, стараясь уничтожать все, что будетъ ей не по нраву. Однимъ словомъ, новые мои знакомые создали цѣлый міръ тиранніи и зла, въ который я должна была бросится, очертя голову.

Эти слухи доходили до меня какъ со стороны Русскихъ, такъ и Англичанъ; я по лучшей мѣрѣ могла принять ихъ только за преувеличеніе истины, во всякомъ случаѣ скромной. Снова Дашкова явилась въ моей фантазіи феей, но далеко не такъ прекрасной, какъ я воображала ее прежде.

Подъ вліяніемъ этого предубѣжденія, я боялась свиданія съ ней и самыя письма ея, полныя материнской ласки, не могли успокоить моихъ сомнѣній; напротивъ, всякое любезное выраженіе казалось мнѣ тайнымъ жаломъ змѣи, и я уже рѣшилась была возвратиться въ Англію.

Наконецъ я разсудила, что такой поступокъ обидитъ княгиню, огорчитъ Гамильтонъ и одурачитъ меня въ глазахъ родныхъ, выгнанную изъ Россіи какимъ-то фантомомъ.

Я сообщила всѣ свои опасенія Англійскому посланнику, сёру Долону Уэррену; онъ ободрилъ меня, обѣщалъ не упускать изъ виду моего положенія и обезпечить мой отъѣздъ

на родину, если я пожелаю того. Съ этими надеждами я оставила Петербургъ съ однимъ Англійскимъ семействомъ, и на четвертой день, съ наболевшимъ сердцемъ, пріѣхала въ Москву.

Здѣсь я нашла письма отъ княгини. Она увѣдомляла, что ея здоровье не совсѣмъ хорошо и потому она не могла выѣхать ко мнѣ навстрѣчу; но предупредила, что Г-жа Мерлэнъ, племянница ея мужа проводитъ меня въ Троицкое и останется нѣсколько времени съ нами. Въ Москвѣ я познакомилась съ княземъ Дашковымъ, который немедленно сталъ со мной на дружескую ногу. Замѣтивъ, что я грустила, онъ очень откровенно говорилъ мнѣ о своей матери, предупредивъ, что у нея есть нѣкоторыя странности, что искренность надѣлала ей враговъ но вообще описалъ ея характеръ именно тѣми чертами, въ которыхъ я впослѣдствіи узнала княгиню. Онъ прибавилъ, что она полюбитъ меня какъ свою дочь, и что я могу всегда разсчитывать на него, какъ на своего брата.

Утѣшенная нѣсколько этимъ разговоромъ, я отправилась въ Троицкое съ большей отвагой, полупристыженная опасеніями и вполнѣ увѣренна, что я не понравлюсь княгинѣ.

Только къ вечеру на другой день мы пріѣхали, и я съ трепетомъ смотрѣла на уединенный домъ княгини, мою обыкновенную темницу. Двери и окна его были настежъ отворены; мы проходили рядомъ комнатъ, среди общаго любопытства прислуги, высматривавшей изъ боковыхъ дверей. Наконецъ явилась моя волшебница и если оригинальность ея одежды и физіономіи придавали ей странный видъ, то мягкость взора, отражавшаго благороднѣйшую думу и самое привѣтливое чувство, въ одинъ моментъ очаровали меня.

Дашкова была одѣта въ длинное, наглухо застегнутое платье, съ большой серебряной звѣздой на лѣвой сторонѣ; на головѣ ея былъ высокій колпакъ, а на шеѣ цвѣтной шелковой платокъ, который она въ воспоминаніе дружбы носила болѣе двадцати лѣтъ. Это былъ подарокъ Гамильтонъ, которая

предложила его княгинѣ, для предохраненія отъ вечерняго холода, и она никогда не надѣвала другаго во время своихъ вечернихъ прогулокъ.

Пріемъ ея былъ такъ ласковъ, искрененъ, теплъ и въ то же время важенъ, что я тотчасъ почувствовала самую горячую любовь къ ней. Въ сердцѣ моемъ отозвалось что-то родное. Въ самомъ дѣлѣ, между нами было много симпатическихъ струнъ. Мы знали и любили одинъ и тотъ же народъ; княгиня очень деликатно напомнила мнѣ о знакомыхъ людяхъ и обстоятельствахъ, перенесла на минуту въ Англію своимъ прекраснымъ разговоромъ на простомъ, но сильномъ Англійскомъ языкѣ. Туманъ грусти часто отѣнялъ лицо ея, внушая уваженіе къ ея пережитымъ несчастіямъ. Я стыдилась своего нелѣпаго мнѣнія о ней, и когда удалилась въ свою комнату и поразмыслила, я изумилась силѣ прелести, очаровавшей меня. За всѣмъ тѣмъ, я рѣшилась быть осторожной и не вдругъ поддаваться безусловной довѣрчивости; но когда на другой день, я увидѣла передъ собой то же откровенное лицо, озаренное лучемъ блистательной истины, послѣдняя тѣнь сомнѣнія изчезла.

Съ каждымъ днемъ любовь и доброта княгини возрастали ко мнѣ, и мое время проходило самымъ пріятнымъ образомъ въ обществѣ ея и дѣвицы Исленьевой, постоянно жившей съ княгиней. Я старалась изучить характеръ Дашковой, которой лицо было открытой книгой ея души. Время сгладило строгія черты его и смягчило то гордое выраженіе, которое всегда отличало княгиню.

Четыре недѣли прошло и я не получила ни одного письма изъ Англіи: было грустно. Между тѣмъ друзья и родственники Дашковой навѣщали Троицкое, дѣйствительно, походившее на монастырь среди пустынныхъ окрестностей. Она представила меня всѣмъ своимъ знакомымъ съ самой лестной рекомендаціей; я не понимала ни одного слова по Русски, но замѣтила по ласковымъ взглядамъ и вниманію, что мнѣ расточали похвалы.

Къ концу перваго мѣсяца пришли письма, и княгиня больше, чѣмъ я, обрадовалась имъ; она отдала мнѣ ихъ съ необыкновенной лаской.

Какъ только установился снѣжный путь, Дашкова приготовилась посѣтить Москву. Поутру все засуетилось и забѣгало; передъ самымъ отъѣздомъ, княгиня, вмѣстѣ съ своими слугами въ сопровожденіи многихъ крестьянъ, вошла въ церковь, поцѣловала образа и помолилась о благополучномъ путешествіи. Потомъ мы двинулись, въ такой сильной морозъ, что отъ нашего дыханія образовались сосульки по сторонамъ возска въ которомъ мы сидѣли.

Кибитки въ которыхъ ѣхала прислуга, походили на дѣтскія колыбели; тамъ были кравати и одѣяла и хотя онѣ были открыты, но теплѣй и удобнѣй нашей кареты. Березы, это непрѣменное украшеніе Русской флоры, уныло стояли по сторонамъ съ ихъ тонкими вѣтками, покрытыми снѣгомъ и сосульками; солнечные лучи играли на этомъ ледяномъ фонѣ тысячью разнообразныхъ цвѣтовъ, развлекали усталый взглядъ, передъ которымъ лежала безграничная скатерть снѣга; часто попадались лѣса, окаймленныя тѣми же березками; но эта необыкновенная сцена не спасала меня отъ холода. Новизна предметовъ и движеніе возка по снѣгу, подобно кораблю, плывшему въ морѣ, сокращали для меня дорожную скуку.

Первую ночь мы провели въ Серпуховѣ, гдѣ у княгини былъ собственный домъ, и гдѣ предварительно все было приготовлено къ нашему пріѣзду. Городскія власти немедленно пришли поздравить ее, и я доселѣ живо представляю Дашкову, бодрую, бѣгавшую взадъ и впередъ по лѣстницамъ, разговаривающую съ городничимъ и забывшую объ ужинѣ, между тѣмъ, какъ ея полусонныя и голодныя спутницы желали скорѣй выпроводить Серпуховскаго городничаго.

На другое утро мы прибыли въ Москву; на крышахъ, куполахъ и крестахъ догаралъ золотой лучь западающаго

солнца. Домъ княгини построенный по собственному ея плану, прекрасное зданіе, къ сожалѣнію, неоконченное. Мои комнаты были изящно убраны, теплыя, обставленныя цвѣтами, книгами, форте-піано, письменнымъ столомъ и картинами собственной кисти княгини. Задолго до отъѣзда изъ Троицкаго, она сказала мнѣ, что Французскій языкъ совершенно необходимъ въ Русскомъ обществѣ, что я должна познакомиться съ нимъ и сама взялась быть моимъ учителемъ. Она желала, чтобъ я каждое утро представляла ей письменныя упражненія, которыя она исправляла и отдавала мнѣ ихъ назадъ. Такимъ образомъ мы занимались нѣсколько мѣсяцевъ; я сохранила эти листки, съ отмѣтками княгини, въ воспоминаніе ея любви и истинноматеринскихъ заботъ.

Едва Дашкова явилась въ Москву, домъ ея былъ осажденъ посѣтителями. Она представляла меня имъ съ самой выгодной стороны. Все было для меня такъ ново—манеры, языкъ, одежда, обращеніе и каждый такъ былъ ласковъ ко мнѣ, что я была довольна къ высшей степени, тѣмъ больше, что всѣмъ этимъ была обязана доброй княгинѣ.

Мы обѣдали почти каждый день въ гостяхъ, бывали на балахъ, концертахъ и въ общественныхъ собраніяхъ почти каждый вечеръ. Я разскажу объ одномъ изъ этихъ вечеровъ, бросающемъ свѣтъ на характеръ княгини и устроенномъ въ національномъ видѣ.

Графъ Алексѣй Орловъ жилъ въ Москвѣ: единственная дочь его, замѣчательная по красотѣ, кроткому нраву и добродѣтелямъ, начала выѣзжать въ свѣтъ. Она обратила на себя общее удивленіе; отецъ хотѣлъ слышать мнѣніе княгини о своей любимой дочери, мнѣніе, *которымъ онъ особенно дорожилъ*. Дашкова наконецъ согласилась принять его.

Когда Орловъ пріѣхалъ, княгиня, встрѣтивъ его и давъ поцѣловать руку, сказала: "Такъ много утекло времени, графъ; міръ, въ которомъ мы жили, такъ перемѣнился, что настоящая наша встрѣча походитъ скорѣе на свиданіе

BIBLIOTHECA BODLEIANA OXON

на страшномъ судѣ, чѣмъ на возобновленіе знакомства; и этотъ кроткій ангелъ, (при чемъ она поцѣловала молодую Орлову), соединяющій насъ въ эту минуту, дополняетъ нашу мечту.'

Съ этого времени Орловъ пользовался всякимъ благопріятнымъ случаемъ, какой только представлялся его дочери, чтобъ находиться въ обществѣ княгини. Услышавъ, что княгиня рѣкомендовала мнѣ его балы, по которымъ можно было составить лучшее понятіе о народныхъ увеселеніяхъ, онъ попросилъ ее назначить время. И онъ далъ великолѣпный праздникъ.

Явившись на него я не могу не признаться, что по мнѣ пробѣжала невольная дрожь, когда я подала руку поцѣловать *слишкомъ знаменитому* Орлову; согласно съ Русскимъ обычаемъ, общимъ между Москвичами, я должна была коснуться губами его лба. Это былъ человѣкъ поразительной наружности; на груди его висѣлъ портретъ Екатерины, осыпанный брилліянтами, среди которыхъ горѣлъ алмазъ.

Дочь его была одѣта въ платье изъ англійскаго шертинга, что представляло комическій контрастъ съ ея пышной свитой; брилліантовый шиферъ императрицы Екатерины лежалъ на ея плечѣ, потому что она была фрейлиной.

За стуломъ графа служили два гайдука и карликъ: дуракъ его, не лишенный впрочемъ ни ума, ни сатиры, смѣшилъ или осмѣивалъ общество съ полной свободой шута. Но для отца постояннымъ предметомъ заботъ и самыхъ нѣжныхъ ласкъ была его ненаглядная дочь. Она превосходно танцовала; въ ея граціозныхъ движеніяхъ выражалась вся прелесть молодой души.

По желанію графа, она проплясала "танецъ съ шалью", цыганку, козачка и нѣкоторые другіе; двѣ служанки, поставленныя впереди выполняли тѣ фигуры, которыя не прилично было выполнить самой графинѣ. Въ концѣ каждой фигуры она подходила къ отцу, цѣловала у него и у Дашковой руку и онъ заботливо клалъ на ею плеча шаль. Кромѣ того, были общія танцы—вальсъ, кадрили и проч. По комнатамъ,

съ открытыми дверями, расхаживали рабы различныхъ націи, мальчики, одѣтые въ разнообразные костюмы: все это необыкновенно оживляло сцену. Угощеніямъ не было конца; ужинъ былъ восточной роскоши.

Когда, при звукахъ музыки, предложенъ былъ тостъ за здоровье княгини, всѣ встали; она попросила пропѣть нѣсколько народныхъ пѣсней, прерываемыхъ по-временамъ громомъ музыкальнаго оркестра. По окончаніи ужина, графъ всталъ, поблагодарилъ княгиню за посѣщаніе его бѣднаго домишка, провелъ ее подъ руку въ залу, въ сопровожденіи всего собранія, слѣдовавшаго попарно; потомъ проводилъ до передней, гдѣ я въ первый разъ слышала роговую музыку, о которой мнѣ разсказывала княгиня еще въ Троицкомъ.

Когда мы оставались дома, у княгини были свои собранія; здѣсь присутствовали знаменитости Екатерининскаго вѣка, осыпанныя брилліантами, звѣздами, полные былыхъ придворныхъ воспоминаній, говорившіе о своихъ похожденіяхъ и заслугахъ, и въ это время, казалось, они молодѣли. Я съ удовольствіемъ смотрѣла на княгиню, въ кругу ея современниковъ; простота ея одежды, свѣжесть лица, отмѣченнаго выраженіемъ истины, достоинства и самоуваженія, рѣзко отличали ее отъ этихъ красныхъ и бѣлыхъ фигуръ, покрытыхъ драгоцѣнными каменьями и украшеніями.

Кромѣ вечернихъ забавъ, мы предпринимали прогулки въ саняхъ и спускались съ горъ, такъ что зима была безпрерывнымъ рядомъ удовольствій; уже потомъ я узнала, что княгиня почти никогда не покидавшая дома, по вечерамъ, единственно для меня жертвовала и временемъ и разъѣздами. Это обстоятельство сообщилъ мнѣ князь Дашковъ, жившій въ Москвѣ въ своемъ собственномъ домѣ, независимо отъ матери; но онъ часто видѣлся съ ней и обращался съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которое такъ замѣчательно въ быту Русскаго семейства.

Князь, женившійся безъ позволенія матери, былъ не-

счастливъ своимъ выборомъ; жена его жила въ одномъ изъ мужниныхъ имѣній и, хотя они уже давно разлучились, но переписывались постоянно.

Среди безпрерывныхъ развлеченій, зима пролетѣла быстро, а весной мы возвратились въ Троицкое. Лѣтомъ мы отправились въ Польшу, гдѣ у княгини было помѣстье, близъ Могилева. Путешествіе не имѣло ничего замѣчательнаго, поэтому я пройду его молчаніемъ. Къ осени мы были опять въ Троицкомъ, и начали свой обычный образъ жизни.

Нѣкоторыя особенности характера Дашковой представляются моей памяти. Она страстно любила всякую бездѣлицу, цѣнную по воспоминанію, и хранила вмѣстѣ съ дрогоцѣнными вещами въ шкатулкѣ, всегда стоявшей въ ея спальнѣ. Собраніе было самое калейдоскопическое. Здѣсь были медали, дорогіе камни, антики, камеи, табакерки, пузырки съ духами, Англійскіе игральныя кости и сиксъ-пенсы, миніатюры и подарки отъ разныхъ королей. Она подарила мнѣ нѣсколько вещей, интересныхъ для меня по воспоминаніямъ-ихъ исторіи.

Однажды она дала мнѣ великолѣпный опалъ, принадлежавшій Шведской королевѣ Христинѣ, которая подарила его одному изъ своихъ министровъ, а сынъ этого министра мѣнялъ его у графа Панина на бриліантъ равной величины; Панинъ же отдалъ его княгинѣ къ дополненію ея коллекціи. Иногда я получала отъ нея Англійскій сиксъ-пенсъ, или Бирмингамскій алманахъ въ видѣ медали, съ бюстомъ Шекспира; иной разъ она давала мнѣ часы Петра великаго, или табатерку императрицы Елисаветы.

Послѣднимъ изъ ея подарковъ былъ старый вѣеръ. Этотъ вѣеръ былъ въ рукахъ Екатерины, въ тотъ самой вечеръ, когда Дашкова встрѣтила ее въ первый разъ. Великая княгиня, собираясь ѣхать домой, уронила этотъ вѣеръ, Дашкова подняла и подала его. Екатерина, обнявъ ее, просила принять его въ воспоминаніе перваго вечера ко-

торый онѣ провели вмѣстѣ и въ залогъ неизмѣнной дружбы. Эту ничтожную вещь княгиня цѣнила больше, чѣмъ всѣ другіе подарки, принятые впослѣдствіи отъ императрицы; она хотѣла положить его съ собой въ могилу. Отдавая мнѣ этотъ вѣеръ, она примолвила: "теперь вы поймете, какъ я люблю васъ: я даю вамъ такую вещь, съ которой я не желала разставаться даже въ гробу."

Религіозныя убѣжденія Дашковой также имѣли свой особенный характеръ. Она строго соблюдала, какъ за себя, такъ и за всѣхъ членовъ своего семейства, установленные обряды своей вѣры. Въ кругу людей близкихъ, она признавала многіе догматы греческой церкви чистой выдумкой людей, не образованное и безнравственное духовенство она считала вовсе неспособнымъ поддержать, высокій характеръ религіи; за всѣмъ тѣмъ, плакала во время церковной службы—и эта смѣсь суевѣрія съ свѣтлыми понятіями придавала ей поэтической характеръ; противорѣчія еще сильнѣй оттѣняли ея мощныя и разнообразныя силы.

Но не суевѣріе, а другое болѣе чистое начало руководило образомъ ея жизни. Она дѣйствовала подъ вліяніемъ надежды на будущую жизнь и смотрѣла на земное поприще, какъ на предварительное испытаніе.

Однажды поразили меня слова княгини. "Я слышала людей знаменитыхъ, знала многихъ строгихъ исполнителей внѣшнихъ условій религіи, но никогда не встрѣчала ни одного человѣка, который бы такъ высоко понималъ величіе Божества, какъ я его чувствую. Я не могу низводить его до земныхъ идей, какъ, обыкновенно, думаетъ большинство, дѣлая изъ своего творца твореніе, подобное себѣ. Я не предполагаю, чтобъ провидѣніе вмѣшивалось въ каждый актъ нашей жизни; сотворивъ и одаривъ насъ полнымъ сознаніемъ добра и зла, оно дало намъ безграничную свободу избирать тотъ или другой путь: иначе, что же такое была бы справедливость? Убѣжденная въ будущихъ наградахъ или наказаніяхъ, смотря по образу

дѣйствій, избранныхъ мной, я очень рано опредѣлила путь и обязанности своей жизни. Я старалась исполнить ихъ и, если не исполнила, то въ этомъ виновато заблужденіе разума. Идею правды я строго соблюдала, на перекоръ мірскимъ интересамъ; поэтому надежда на отчетъ въ день великаго суда поддерживаетъ меня въ печальные и томительные минуты.

Однажды, сказала она мнѣ; разговоривая съ философами и атеистами, я не могла не замѣтить имъ: "но кчему же все это приведетъ? Моего краснорѣчія не достанетъ на то, чтобъ доказать вамъ истину, но во мнѣ есть внутреннее сознаніе. Моя вѣра тверда, и ваши умствованія не одолѣютъ ее; но если бъ было и иначе, что я выиграю отъ вашихъ софизмовъ? Если ваши убѣжденія хороши, справедливы, то правила новаго завѣта также превосходны. И какъ много въ нихъ человѣческихъ началъ, благородныхъ истинъ! сколько утѣшенія для несчастныхъ!"

Слушая откровенный разсказъ княгини о происшествіяхъ ея юности, я иногда удивлялась, почему она не передаетъ ихъ потомству. Дашкова улыбалась, говоря, что ее часто просили объ этомъ, но она никогда не могла побѣдить отвращенія къ подобной работѣ. Въ первую осень моей жизни въ ея домѣ, я возобновила просьбу, убѣждая присѣсть за мемуары, что, по моему мнѣнію, могло занять и облегчить ее отъ домашняго горя Я была увѣрена, что этотъ трудъ доставитъ ей самой источникъ новаго отраднаго развлеченія, и дальше этого ничего не имѣла въ виду. Наконецъ княгиня согласилась и, къ крайному моему изумленію, объявила, что она посвятитъ эти мемуары мнѣ съ тѣмъ, чтобъ я вподлѣдствіи издала ихъ въ свѣтъ.

Такимъ образомъ она начала писать свои записки, съ обыкновенной поспѣшностью, въ тотъ же самый день, когда рѣшилась. Впрочемъ трудъ подвигался медленно и, повидимому такъ мало занималъ ее, что она не отдѣлила

для него ни одной свободной минуты отъ своихъ обычныхъ занятій.

Что сохранилось въ ея памяти, она излагала быстро и почти никогда не поправляла и не измѣняла написаннаго. По временамъ, сообразивъ обстоятельство, ускользнувшее отъ ея воспоминанія, она прибавляла его въ концѣ книги, въ видѣ замѣтокъ, означая страницу, къ которой оно относилось; такихъ замѣчаній, впрочемъ, было не болѣе семи или восьми. Этимъ, между прочимъ объясняется, нѣкоторая неточность въ числахъ. Простота и любовь къ истинѣ были въ ней такъ велики, что я не сомнѣвалась ни въ одномъ ея словѣ. Она слишкомъ свято уважала правду, чтобъ преувеличивать фактъ или допустить намѣренную ложь.

Она отнюдь не хотѣла представить эти записки оправданіемъ своего характера; и еслибъ кто нибудь заподозрилъ ее въ этомъ намѣреніи, я увѣрена, что она положила бы перо.

Когда нѣсколько листовъ, были готовы, я переписывала ихъ. Такимъ образомъ записки были окончены къ концу другого года.

Эту зиму мы провели почти также, какъ прежнюю. На слѣдующее лѣто случилось произшествіе, очень важное для меня.

Когда Англійскіе путешественники были арестованы во Франціи, я боялась за свою старшую сестру, находившуюся въ то время на континентѣ. Княгиня приняла это дѣло къ сердцу и старалась, съ помощію своихъ знакомыхъ въ Парижѣ, обезпечить ея безопасный проѣздъ въ Англію черезъ Россію. Съ этой цѣлью она немедленно написала своимъ друзьямъ; между тѣмъ мы строили воздушные замки о скоромъ свиданіи съ ней и крайне были разочарованы, когда услышали, что моя сестра уже была въ Англіи. Но княгиня утѣшила меня тѣмъ, что она можетъ изъ Лондона пріѣхать въ Петербургъ, что, поживъ съ годъ съ родственниками, ей очень полезно заключить свое путешествіе Сѣверомъ и посѣтить "Сѣверную медвѣдицу", какъ она часто называла себя.

Княгиня напиисала объ этомъ моему отцу и матери ; дѣло было такъ искусно уложено, сестра была такъ довольна этимъ предложеніемъ, что въ 1805 году, въ Іюлѣ она явилась въ Петербургѣ.

Дашкова хотѣла представить ее ко двору, прежде чѣмъ она отправится въ Москву, и очень жалѣла, что здоровье не позваляло ей самой съѣздить въ столицу и лично ввести ее къ императрицѣ. Поэтому, она написала государю и государынѣ, которые удостоили ее самыхъ лестныхъ отвѣтовъ, охотно принявъ ея просьбу. Эти письма доселѣ хранятся у меня. Въ то же время княгиня совѣтовала мнѣ обласкать сестру, показать ей лучшія стороны Россіи, какъ слѣдуетъ доброму патріоту.

Дѣвица Исленьева была послана на помощь моей сестрѣ, которую она пламенно полюбила. Зима наша прошла среди разнообразныхъ удовольствій, наставительныхъ и пріятныхъ ; и такъ какъ сестра моя любила гораздо больше свѣтскія развлеченія, чѣмъ я, то мы постоянно посѣщали народные праздники, старались увидѣть все что было замѣчательнаго въ Русской жизни, домашніе обычаи, цыганскую ворожбу, обращеніе съ рабами, пляску и пѣсни, при всей дикости ихъ, прекрасныя.

Однажды мы обѣдали въ гостинницѣ, гдѣ хозяйка, одѣтая очень странно, съ жемчужной перевязкой на головѣ и дорогими брилліантовыми кольцами на грязныхъ рукахъ, первенствовала за столомъ. Пища была Русская и все, окружавшее насъ, носило печать народнаго характера. Такъ какъ въ высшихъ кругахъ помѣшанныхъ на подражаніе иностранной жизни, ничего подобнаго встрѣтить не льзя ; то все это въ высшей степени занимало насъ.

Однажды мы пировали съ Татариномъ ; въ другой разъ съ Раскольникомъ, который не хотѣлъ ѣсть съ нами. Извѣстный славный козакъ Платовъ, по просьбѣ Дашковой, показалъ намъ примѣрное сраженіе, во всѣхъ его эволюціяхъ.

Лѣтомъ княгиня возила насъ по своимъ знакомымъ, въ окрестностяхъ Москвы. Между прочимъ, она представила

насъ графу Остерману, на великолѣпномъ и національномъ праздникѣ, данномъ въ день его рожденія. Потомъ мы отправились къ мощамъ Димитрія Ростовскаго, патрона фамиліи Воронцовыхъ; по дорогѣ заѣхали въ знаменитую Троицкую лавру, въ хорошенькій городъ Переяславль, лежащій на берегахъ озера того же имени, гдѣ Петъ I спустилъ на воды свой первый ботикъ, сбереженный, какъ величайшая рѣдкотсь; съ воспоминаніемъ этого ботика соединяется основаніе Петербурга и слава Русскаго флота.

Имя княгини пользовалось вездѣ такимъ высокимъ уваженіемъ, вездѣ встрѣчало ее городское начальство, съ предложеніемъ услугъ и выраженіемъ привѣтствія.

По пріѣздѣ въ Ростовъ, мы прямо отправились в каѳедральный соборъ, гдѣ происходила служба и стоялъ богатый гробъ изъ массивнаго серебра, съ мнимымы мощами угодника. Княгиня подошла къ чудотворной ракѣ, поцѣловала будто бы нетлѣнные остатки, между тѣмъ, какъ общее вниманіе слѣдило за ней. И неудивительно! Эта женщина такъ была привлекательно-оригинальна, въ чертахъ ея лица и манерахъ сохранились слѣды всей ея жизни, въ ней былъ видѣнъ школьникъ, любовникъ, солдатъ, государственный человѣкъ, ребенокъ и мужъ, въ одно и то же время.

Необыкновенная живость ума Дашковой напоминала эту черту въ Петрѣ I, который съ быстротой орлинаго взгляда различалъ предметы и налету схватывалъ великія познанія и идеи.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ княгини главной чертой была простота. О нарядахъ она вовсе не заботилась и въ дѣлѣ моды понимала едва ли больше, чѣмъ природная Камчадалка. И когда она дѣлала какія нибудь покупки, всякій бородатый воришка могъ обмануть ее, какъ малаго ребенка.

Но ничто княгиня такъ искренно не презирала, какъ желаніе щеголять въ чужомъ платьѣ; это дѣтское тщеславіе въ большомъ ходу въ Москвѣ, подобно тому, какъ многіе мужщины не считають здѣсь стыдомъ занимать деньги.

Иначе думала княгиня, она гордилась тѣмъ, что никому въ мірѣ не была должна, и потому одно присутствіе ея было наказаніемъ, жестокимъ укоромъ для всякаго должника. Я намѣрена, по этому случаю, разсказать одну исторію, хотя она и не стоитъ особеннаго вниманія читателя.

Г-жа Н..... однажды явилась въ собраніе въ чужомъ нарядѣ, которымъ ее снабдила княгиня Голицына. Свѣтская львица, одѣтая на чужой счетъ, несла на себѣ цѣлый магазинъ ювелира. На ней были брилліантовые перевязи, два брилліантовыхъ гребешка, родъ брилліантовой короны на головѣ; серьги съ великолѣпными брилліантами, на шеѣ брилліантовая цѣпочка и жемчужныя нитки; броши рубиновыя, яхонтовыя и брилліантовыя; одинъ солитеръ стоилъ двѣ тысячи рублей; въ брилліантовомъ поясѣ горѣлъ драгоцѣнный камень съ крупное яйцо, оправленный въ алмазы. На ея атласномъ бѣломъ платьѣ вились фестоны искуственныхъ цвѣтовъ.

Я хорошо помню появленіе этой брилліантовой госпожи. На ея лицѣ свѣтилась дѣтская радость, смѣшанная съ явнымъ страхомъ попасться на глаза княгини. При томъ она наряжалась такъ долго, что опоздала во-время явиться на балъ, чего также не любила Дашкова. Но на бѣду, едва вступила въ залу, какъ передъ ней остановилась княгиня съ предложеніемъ карты для игры въ бостонъ. Мадамъ Н..... поцѣловала у нея руку; три кавалера въ свою очередь приложились къ рукѣ Н..... и, хотя всякій зналъ, что всѣ украшенія на ней были чужія, но блескъ брилліантовъ очаровалъ ихъ; никогда, увѣряла она, пріемъ ея не былъ такъ благосклоненъ, какъ въ этотъ вечеръ; къ ней подошли даже знатные и богатые ея родственники, которые прежде не удостоивали ее взгляда.

Окончивъ первоначальную церемонію, она бросилась въ другую комнату, гдѣ я находилась съ молодыми дѣвицами; увидѣвъ меня, она съ дѣтской наивностью обняла и умоляла защитить ее отъ критики княгини, "мой добрый

другъ, сказала она мнѣ, моя милая *Марфа Романовна** я умру отъ стыда, если княгиня замѣтитъ мнѣ; вѣдь это не моя вина; княгиня Голицына навѣшала на меня всѣ эти вещи."

Между тѣмъ она, никогда не носившая брилліантовъ, всегда одѣтая просто, обратила на себя общее вниманіе, какъ новая комета, показавшаяся на горизонтѣ. Я обѣщала не оставлять ее впродолженіи вечера и, благодаря ей, провела его очень весело. Каждый подходилъ взглянуть на нее и она сама выставляла себя на показъ, какъ Мишинка ** показываетъ свои новые сапоги.

Все шло хорошо до ужина. Теперь она опять начала бояться княгини, особенно если геній зла посадитъ ее прямо противъ Дашковой.

Къ этому скоро присоединилось новое безпокойство; изъ головы выпала булавка, и она боялась уронить тіару и потерять нѣсколько брилліантовъ. Поэтому она держала голову, какъ мученица у позорнаго столба, не смѣя повернуть ее ни на-право, ни на-лѣво.

Когда былъ поданъ ужинъ, мы оставили залу; я завернулась въ шаль отъ холоду. Моя шаль была спасеніемъ для ея души. "Благодарю васъ, добрый другъ, сказала она, что вы подали мнѣ такую прекрасную мысль," при чемъ три раза перекрестилась. "Теперь я спасена; я завернусь въ широкую шаль, если мнѣ доведется сидѣть противъ моей милой тетки. Я не стану ничего ѣсть, чтобъ не показывать браслетъ и колецъ; если же случится сидѣть подальше отъ нея, я сниму шаль и покажусь."

За восторгомъ снова слѣдовало безпокойство; она то плакала, то крестилась; "но нѣтъ, сказала она, невозможно спрятать эту корону, эти перевязи; мнѣ остается одно— уѣхать домой; но вѣдь хочется поужинать и я не знаю, что дѣлать?"

Я успокоила ее, замѣтивъ, что мы можемъ сѣсть

* Мое Русское имя. Примѣч Уильмотъ.

** Прекрасный крѣпостный мальчикъ въ этомъ семействѣ.

на одной сторонѣ стола съ княгиней и тѣмъ избѣжать ея замѣчанія. Ужинъ былъ поданъ, и мы начали высматривать движенія Дашковой; но, увы! княгиня помѣстилась на первомъ мѣстѣ и такимъ образомъ могла видѣть все общество; и что хуже всего, отыскивая меня взглядомъ, она тѣмъ легче могла замѣтить мою блистательную сосѣдку. Когда разносили блюда, заслонявшія насъ, мадамъ Н..... свободнѣй дышала, сбрасывая съ себя шаль; но едва кончился ужинъ, какъ она изчезла.

Я ужъ сказала, что княгиня не любила поздно-пріѣзжающихъ гостей. Въ этомъ отношеніи она сама держалась другой крайности, являясь на балы почти всегда прежде, чѣмн зажигали свѣчи; и такъ какъ въ Москвѣ она была первымъ лицомъ, куда бы ни пріѣхала, то весь домъ суетился,—хозяинъ, хозяйка, дѣти слуги все это бѣжало сломя голову навстрѣчу ей.

Я разскажу одинъ анекдотъ, переданный мнѣ ея племянницей баронессой Гоггеръ, какъ однажды дѣвица Полянская была привезена княгиней на придворный балъ въ Петербургѣ. Дашкова приказала ей быть готовой въ назначенное время, но парикмахеръ задержалъ ее; княгиня кипѣла нетерпѣніемъ, племянница суетилась, хотя знала, что онѣ пріѣдутъ во дворецъ за часъ или за два до общаго собранія. Наконецъ собравшись кое-какъ, она сѣла въ карету, и княгиня приказала кучеру во всю прыть скакать въ лѣтній дворецъ. Явились; у подъѣзда не было ни одного экипажа; онѣ прошли по комнатамъ служители сметали пыль со стульевъ и столовъ. Недовольная княгиня пошла въ садъ освѣжиться. Полянская не смѣла противорѣчить и невольникомъ пошла за своей теткой, которая серьезно начала прогуливаться, между тѣмъ, какъ у племянницы блекла прическа, опадала пудра и она явилась на балъ вовсе не въ праздничномъ настроеніи духа.

Но пора возвратиться къ разсказу о нашемъ путешествіи и къ болѣе серьезнымъ событіямъ.

Это путешествіе было очень интересно для насъ, потому что на пути намъ встрѣтилось много новыхъ предметовъ, и мы совершенно довольные возвратились въ Москву.

Однажды посѣтила меня Англійская леди, мой другъ, и сообщила мнѣ, что я обратилась въ предметъ общихъ сплетней въ Москвѣ, что меня выставляютъ дѣвушкой лишенной всякаго чувства и правилъ и что будто я употребила всѣ средства овладѣть княгиней, бросивъ яблоко раздора между ней и ея дѣтьми, съ самой презрѣнной цѣлью. Словомъ, болѣе черной клеветы не льзя было придумать. Виновницей ея была.....которая хотѣла возбудить сочувствіе къ себѣ и отвращеніе къ моимъ мнимымъ порокамъ.

Когда я пришла въ себя, спросила своего друга, насколько вѣрятъ этимъ сплетнямъ. Она удивилась тому, что я до сихъ поръ не знала всего этого; оказалось, что извѣстная N.....еще въ прошлую зиму пустила въ люди эту ложную молву, чтобъ окружить меня врагами.

Любовь ко мнѣ Дашковой подала поводъ думать, что она дѣйствительно желѣетъ видѣть во мнѣ свою дочь и рѣшилась усыновить меня съ помощію развода своего сына, что я дѣйствую за - одно съ ней, угрожая опасностью несчастной и невинной жертвѣ—женѣ князя.

Дѣйствительно, уже давно говорили, что Дашковъ намѣренъ развестись съ своей женой, но время объяснило истину и всякая ложь подобнаго рода была очевидна; теперь снова подняли этотъ слухъ, чтобъ запятнать мой характеръ. Этого мало, меня ославили чародѣйкой способной на все.

Я совершенно не знала этихъ толковъ о себѣ; мой другъ даже раскаявался въ томъ, что возмутилъ мое невинное спокойствіе, считая, однакожъ, долгомъ дружбы предупредить меня и, если можно, общими силами заставить замолчать злонамѣренную ложь.

Однимъ словомъ, главное мое обвиненіе состояло въ томъ, что будто я поссорила сына съ матерью.

Все это я сообщила своей сестрѣ, которая видѣла въ этомъ тысячи опасностей для меня. Мой врагъ былъ страшный, и когда были открыты первые слѣды клеветника, обнаружилась цѣлая сѣть хитросплетеній и зла. Княгиня, не желая насъ безпокоить, запретила людямъ говорить намъ объ этомъ; тѣмъ легче было скрыть отъ насъ эту тайну, что сестра моя вовсе не знала Русскаго языка, а я очень худо.

Между прочимъ, врагъ нашъ зацѣпилъ насъ и съ той стороны, что мы опасныя личности для государства, и что правительству не мѣшаетъ сторожить насъ. Этотъ слухъ былъ пущенъ очень кстати: въ это самое время начались враждебныя отношенія между Англіей и Россіей и всѣмъ была извѣстна ненависть княгини къ Франціи и любовь къ Англіи. Мы хотѣли открыться нашему доброму другу - матери, и спросить ея совѣта въ этихъ непріятныхъ обстоятельствахъ: но уваженіе наше къ ней не позволяло признаться.

Наконецъ дѣло само собой разъяснилось; княгиня освѣдомилась о всемъ, и Москва раздѣлилась на двѣ партіи; въ головѣ одной стояла Дашкова и мои защитники, а другой руководила.....и ея кліенты.

Теперь все измѣнилось. Подозрѣніе въ такомъ грязномъ замыслѣ покрыло меня стыдомъ; я защищала себя смѣло, но не привычка оправдываться, сковывала мой языкъ. Наконецъ я объяснилась съ княгиней и умоляла ее отпустить меня домой. Положимъ, что для клеветы довольно было одного презрѣнія, но мнѣ совѣстно было оставаться тамъ, гдѣ огласили меня виновницей домашняго раздора.

На всѣ возраженія княгини, я отвѣчала, что есть только одно средство для моего оправданія—примиреніе ея съ дочерью и сыномъ. Она ни зачто не хотѣла согласиться. Много говорилось и писалось между нами объ этомъ предметѣ, и наконецъ она рѣшилась проводить меня въ Англію. Я знала рѣшительный характеръ княгини, и по-

тому не сомнѣвались въ искренности ея плана. Но когда разсудила, что княгиня ради меня должна оставить отечество, семейство, друзей и пуститься въ такой дальній и опасный путь, я не-медленно отступила отъ своего намѣренія, тѣмъ больше, что крайне тяжело было разставаться съ ней. Сестра моя, пробывшая въ Россіи около двухъ лѣтъ, непремѣнно хотѣла возвратиться домой на слѣдующее лѣто, надѣясь, что мнѣ позволятъ отправиться съ ней вмѣстѣ.

Я не могу здѣсь не засвидѣтельствовать моей признательности многимъ изъ друзей Дашковой, и въ особенности племянницѣ ея Бутурлиной, прекрасной и необычайно симпатичной личности. Мужъ ея былъ человѣкъ очень образованный, даровитый и краснорѣчивый; призванные оба служить украшеніемъ общества, они посвятили себя воспитанію дѣтей — сына и дочери, и жили, не въ примѣръ другимъ Московичамъ среди роскошнаго и изящнаго уединенія. Они часто приглашали меня къ себѣ, и я изрѣдка бывала. Моя исторія была предлогомъ ихъ частаго разговора; они отдавали справедливость и моей нравственности и поведенію и вообще принимали самое искренное участіе въ моемъ положеніи. Я всегда выходила отъ нихъ, очарованная добротой этого семейства.

Теперь мы возвратились въ Троицкое; но и здѣсь преслѣдовала меня тревожная мысль, порожденная клеветой. Я опять и опять напоминала княгинѣ о примиреніи; наконецъ убѣдилась, что никакая сила не заставитъ ее поступить противъ правилъ и убѣжденій, которымъ она никогда не измѣняла.

Наступила новая зима, и мы переѣхали въ Москву. ..... была уже тамъ; партія ея опять высунула жало, и дѣла пошли вовсе немиролюбиво. Княгиня жила въ одномъ городѣ съ сыномъ и дочерью, и никогда не видѣлась съ ними.

Такой порядокъ вещеи продолжился до слѣдующаго Января, когда Дашкова услышала, что ея сынъ при смерти болѣнъ. Вслѣдъ за тѣмъ, она узнала, что онъ отдалъ послѣдній вздохъ.

Трудно описать сцены, послѣдовавшія за этимъ ужаснымъ событіемъ. Я не стану пересказывать страданій моего добраго друга, пораженнаго двойнымъ ударомъ....

Начались обычные похороны. Молчаніе или шопотъ господствовать въ домѣ; толпа родственниковъ и друзей явилась къ гробу покойника въ глубокомъ траурѣ. Комнаты княгини были наполнены нотаріусами, довѣрителями, свидѣтелями; и все вокругъ ея приняло мрачный и безнадежный видъ; она казалось, дѣлала послѣдніе разсчеты съ жизнію. Спокойная за мою безопасность, подъ покровительствомъ императрицы, она прежде всего занялась обезпеченіемъ состоянія вдовы своего сына, имѣвшей право на самую скудную долю.

Когда княгиня рѣшилась взять ее подъ свое покровительство, она послала двухъ своихъ родственницъ (графиню Воронцову и Норову) привести ее изъ деревни въ Москву. Первое свиданіе матери съ несчастной золовкой было освящено таинственнымъ вліяніемъ того, кого онѣ обѣ горячо любили при жизни и кто теперь соединилъ ихъ на своей могилѣ.

Княгиня Анна (жена Дашкова) была предметомъ величайшаго вниманія для насъ; ея положеніе возбудило въ насъ самое теплое расположеніе къ ней; каждый старался окружить ее своими услугами, я скоро пріобрѣла полную ея довѣренность. Она слышала о клеветѣ, распространенной на мой счетъ и знала, изъ какаго источника она вытекала; ибо тому же змѣиному жалу она была обязана своимъ собственнымъ, раннимъ горемъ въ жизни..... была уже давно ея смертельнымъ врагомъ, разлучила ее съ мужемъ и одна разрушила все ея счастіе.

Мое горячее участіе въ ея положеніи и благодарность за ея довѣренность были взаимными нашими узами; покинувъ Россію, я получили отъ нея письмо, полное сожаленія о моемъ отъѣздѣ и увѣреній, что она потеряла во мнѣ искренняго друга и лучшаго посредника между ею и свекровью.

Ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ обстоятельства, въ которыхъ находилась княгиня Анна; и за всѣмъ тѣмъ никто въ такомъ состояніи не могъ быть менѣе интереснымъ. Ея характеръ вполнѣ созрѣлъ въ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ; и когда первый цвѣтъ юности увялъ, она потеряла всю свою прелесть; невинность ея и желаніе нравиться въ особенности княгинѣ были часто назойливы и неудачны.

Поведеніе Дашковой въ отношеніи къ своей золовкѣ было безразлично добрымъ; между тѣмъ какъ дѣло по наслѣдству тянулось медленно, она купила ей очень хорошенькій домъ, и обезпечила всѣ ея расходы. Эти хлопоты такъ заняли Дашкову, что она не могла переѣхать въ Троицкое въ обыкновенное время, и прежде, чѣмъ положеніе Анны было устроено, моя сестра была готова отправиться въ Ирландію.

Сначала княгиня хотѣла сама сопутствовать ей до города Риги; но разстроенное здоровьѣ остановило ее; за всѣмъ тѣмъ, она рѣшилась проводить ее по дорогѣ въ Петербургъ; 4 іюля 1807 года мы всей компаніей двинулись въ путь, провели одинъ день въ подмосковскомъ монастырѣ и потомъ поѣхали въ Клинъ. Іюля 7 мы разстались съ сестрой, и тихо и печально возвратились въ Москву. Княгиня находилась въ самомъ тревожномъ состояніи духа; она видимо безпокоилась за меня, особенно когда былъ объявленъ миръ между Россіей и Франціей, служившій предвѣстникомъ войны между Англіей и Россіей; Дашкова; предвидѣла, что эта война затруднитъ мое возвращеніе въ отечество и прекратитъ правильную съ нимъ переписку.

Моя сестра плыла среди Британскаго флота наканунѣ самого бомбардированія Копенгагена, и скоро доѣхала до Англіи. Мы остались въ Москвѣ нѣсколькими недѣлями дольше, по дѣламъ вдовы Анны; потомъ отправились въ Троицое, гдѣ здоровьѣ княгини скоро поправилось.

Объявленіе войны между Англіей и Россіей нарушило наше домашнее спокойствіе; изъ писемъ моей сестры я видѣла страшное безпокойство относительно меня.

Предчувствія тюрьмы или изгнанія постоянно тревожили ее. Англичане спѣшили брать паспорты и выѣзжали изъ Россіи; я ожидала къ себѣ брата, который могъ проводить меня домой; теперь ему было невозможно явиться за мной. Все это сильно тревожило меня, и я не разъ разскаявалась, что не уѣхала съ сестрой; опасность пребыванія въ непріятельской странѣ и безпокойство моихъ домашнихъ мучили меня. Я не смѣла объясниться съ княгиней о моихъ опасеніяхъ; но отъѣздъ мистрисъ Поленъ, съ которой я была хорошо знакома, одушевилъ меня смѣлостью; княгиня, не смотря на свою отчаянную оску, признала необходимость нашей разлуки; я утѣшила ее торжественнымъ обѣщаніемъ возвратиться къ ней, какъ только будетъ заключенъ миръ между враждующими государствами.

Не стану говорить о послѣдующихъ сценахъ невыразимо—грустныхъ. Написавъ къ мистрисъ Полепъ, я съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта; наконецъ назначила день своего отъѣзда, воспользовавшись покровительствомъ полковника Лаптева, одного изъ благородныхъ друзей княгини, который ѣхалъ въ Петербургъ съ своей невѣстой. Дашкова была рада этому случаю. Съ дѣвицей Исленьевой я по секрету договорилась переписываться и, еслибъ княгинѣ не было лучше, я обѣщала, не смотря ни на что, возвратиться назадъ. Не желая тревожить ее грустными проводами, я съ надорваннымъ сердцемъ тихонько оставила домъ моего милаго несравненнаго друга, въ конецъ октября, 1807 года. Не далеко отъ дома стояла карета; я сѣла въ нее въ то время, когда княгиня спала, и такимъ образомъ разсталась съ ней. Еще и еще я просила Исленьеву писать мнѣ, потомъ простилась со всѣми друзьями, провожавшими меня; тяжело было на душѣ, и я едва помню, что вокругъ меня происходило, когда карета понеслась впередъ отъ дружескаго крова.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я остановилась въ домѣ графини Воронцовой, близкой родственницы княгини; здѣсь я узнала, что полковникъ и мистрисъ Поленъ, вмѣстѣ съ лордомъ

Ройстономъ и другими Англичанами, отправились утромъ въ Ревель, что мистрисъ Поленъ не получила моего письма и что выдача паспорта для проѣзда въ Англію задержитъ меня гораздо дальше, чѣмъ я думала.

Приготовленія немедленно. начались; ими озаботился одинъ Англійскій купецъ, мистеръ Кавана, искренній другъ мой. Я сообщила ему свое безпокойство о княгинѣ и желаніе возвратиться въ Москву. За всѣмъ тѣмъ, онъ, и докторъ Роджерсонъ и всѣ мои друзья совѣтовали мнѣ во всякомъ случаѣ взять паспортъ; я начала хлопотать. За отсутствіемъ мистрисъ Поленъ я надѣялась отправиться подъ покровительствомъ Шведскаго посланника, который оставался въ Петербургѣ до весны.

По письму княгини, просившей графа Воронцова помочь мнѣ, я имѣла съ нимъ свиданіе въ его домѣ. Меня приняла его сестра, очень вѣжливая старушка, уважавшая княгиню. Вскорѣ за тѣмъ явился братъ ея, министръ, самый утонченный куртизанъ, дотого приторно-добрый, что какъ будто мое дѣло было главнымъ занятіемъ его жизни. Когда я сказала ему объ отъѣздѣ мистрисъ Поленъ, онъ предложилъ мнѣ услуги Шведскаго посланника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я спросила его, не можетъ ли онъ исходатайствовать мнѣ позволеніе проститься съ государемъ и государыней, не какъ Британской подданой, а какъ обязанной лично ихъ добротѣ. Подумавъ, онъ обѣщалъ доложить о моемъ желаніи и сообщить о результатѣ. Наконецъ онъ просилъ, во всякомъ затруднительномъ случаѣ, обратиться къ нему, какъ къ самому близкому родственнику, прибавивъ, что онъ считаетъ за честь быть полезнымъ княгинѣ.

Обѣщавъ послать мой паспортъ и немедленно передать императору о моемъ желаніи, онъ проводилъ меня длиннымъ рядомъ великолѣпныхъ комнатъ, между безконечными вереницами слугъ, до самой кареты; я была очарована его мягкими манерами, хотя и желала бы ему побольше ума.

Я слышала, что Румянцова прозвали въ Россіи *сахарнымъ*;

но только послѣ моего визита, я познакомилась съ его фальшивымъ характеромъ; къ крайнему моему удивленію, онъ не исполнилъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, и потомъ я узнала, что было давно извѣстно всѣмъ, кромѣ меня, что Румянцевъ былъ преданъ интересамъ Французскаго двора и что его словамъ отнюдь не надобно вѣрить.

Этотъ *сахарный* министръ дотого былъ преданъ Франціи, что всѣ официальныя приказы писалъ на Французскомъ языкѣ, а секретари его переводили ихъ на Русскій. Вслѣдствіе этого произошла одна не маловажная ошибка: когда наложили первое амборго на Англійское судоходство, слова "*на* четыре дня" были переведены "въ четыре дня". Англичане, услышавъ объ этомъ нелѣпомъ распоряженіи, переполошились, подняли якоря и, избѣгая притѣсненія, отплыли въ море; графъ Румянцевъ, въ первый разъ въ жизни, написалъ на отечественномъ языкѣ указъ о задержаніи Англійскихъ кораблей военно-плѣнными. Я слышала этотъ анекдотъ именно отъ того лица, которое было послано въ Кронштадтъ предупредить Англичанъ о предстоящей участи ихъ; дѣйствительно, два или три корабля, которыхъ капитаны не хотѣли выйдти изъ порта безъ груза, были задержаны.

Княгиня писала мнѣ каждый день, а Исленьева не прислала ни одного письма. Между тѣмъ, Голландскій министръ Баггеръ ввелъ меня къ своему другу, барону Стедингу, Шведскому посланнику. Въ этомъ превосходномъ старикѣ я нашла человѣка совершенно не похожаго на Румянцева. Стединтъ занималъ небольшой домъ, не роскошный, но чистый, и жилъ уединенно; не смотря на то, что Стокгольмскій кабинетъ далекъ былъ отъ дружественныхъ связей съ Петербургскимъ, императоръ лично уважалъ барона Стединга. Кроткій, любезный и внушающій къ себѣ уваженіе онъ былъ вѣжливъ не на словахъ, но на дѣлѣ. Онъ глубоко почиталъ Дашкову, и изъявилъ полную готовность помочь мнѣ; въ искренности его обѣщанія не льзя было сомнѣваться. Въ ожиданіи его дальнѣйшихъ распоряженій, я рѣшилась возвратиться въ Москву.

Послѣднія письма княгини окончательно убѣдили меня въ этомъ намѣреніи. Она надѣялась, на скорый миръ, въ чемъ была увѣрена вся Россія, и весной хотѣла сама проводить меня. Такимъ образомъ я поспѣшила опять соединиться съ своимъ добрымъ другомъ въ Москвѣ. Дашкова встрѣтила меня съ необыкновеннымъ восторгомъ, и доказала его на дѣлѣ. На радости отъ моего пріѣзда, она освободила должниковъ изъ Московскаго острога, обязавъ каждаго отслужить молебенъ за мое здоровье.

"Этотъ праздникъ, дитя мое, достоенъ васъ и вашей Русской матери, сказала она, въ честь вашего пріѣзда я не хотѣла давать ни бала, ни концерта, потому что знаю, какъ лучше угодить вамъ." Мало этого; она сдѣлала великолѣпные подарки Залиѣкѣ и Исленьевой, и раздала деньги домашней прислугѣ. За тѣмъ послѣдовала ея оригинальная черта: она ввела меня въ свою спальню, открыла комодъ и показала мнѣ пару перчатокъ, на которыхъ остались слѣды рукъ моихъ. Я случайно забыла эти перчатки на ея туалетномъ столикѣ, не задолго до моего отъѣзда изъ Москвы; княгиня сохранила ихъ на память.

Ея нѣжная любовь и привязанность ко мнѣ были безграничны, и я часто упрекала себя въ неблагодарности, думая когда либо покинуть княгиню. За всѣмъ тѣмъ, на мнѣ лежалъ другой долгъ въ отношеніи къ роднымъ, и я считала свое послѣднѣе путешествіе въ Москву романической глупостью.

Время наше проходило здѣсь безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Дѣла вдовы Дашковой понемногу подвигались впередъ, но безконечные споры еще были далеки отъ развязки. Въ домѣ Дашковой поселились еще двѣ молодыя дѣвушки, родственницы ея, не задолго до моего отъѣзда въ Петербургъ. Это были круглыя сироты, почти безпріютныя, которыя могли надѣяться на одну Дашкову, и она охотно приняла ихъ подъ свое покровительство. Такимъ образомъ нашъ семейный кругъ былъ веселъ, и мы больше сидѣли дома, чѣмъ прежде.

1808 года, весной, во время кораблекрушенія погибли лордъ Ройстонъ и полковникъ Поленъ; когда это извѣстіе дошло до насъ, всѣ радовались, что я миновала той же участи. Особенно было жалко лорда Ройстона, только что вступившаго на поприще дѣятельной жизни, при самыхъ лучшихъ надеждахъ на будущее. Во всякомъ положеніи онъ могъ служить честію своего отечества; Англія потеряла въ немъ превосходнаго человѣка, одного изъ лучшихъ своихъ сыновей. Даже въ непріятельской странѣ оплакивали его съ чувствомъ глубокаго и искренняго сожалѣнія.

Переписка моя съ Англіей теперь совершенно прекратилась; и хотя я пользовалась всякимъ случаемъ, чтобъ увѣдомить своихъ родныхъ, но отвѣта не было. Я въ двойнѣ раскаявилась, что оставила Петербургъ, потому что новая разлука съ княгиней была для нея новымъ источникомъ безпокойства.

Надежда на миръ становилась больше и больше невѣроятной, и я на цѣлые годы могла остаться добровольной плѣнницей, разставшись навсегда съ своими родителями, которыхъ здоровье уже клонилась къ упадку. Мое отсутствіе могло тѣмъ больше огорчить послѣдніе дни ихъ жизни. Эта мысль не покидала меня; съ другой стороны мнѣ было горько разлучиться съ княгиней. Вслѣдствіе этого неопредѣленнаго и тоскливаго положенія, здоровье мое слабѣло. Дашкова замѣтила это, предприняла поѣздку въ Калугу для моего развлеченія; наконецъ мы поняли другъ друга, не имѣя надобности объясняться о разлукѣ. Между тѣмъ, въ августѣ я получила письмо отъ одного изъ Петербургскихъ друзей; онъ совѣтоваль мнѣ немедленно оставить Москву, чтобъ отправиться на послѣднемъ кораблѣ въ Англію съ знакомымъ семействомъ. Я показала письмо Дашковой, и она съ слезами на глазахъ признала необходимость моего отъѣзда.

Я взяла съ собой Русскую горничную, клюшника кня-

гини и разсыльнаго мальчика. Минута прощанія и притомъ послѣдняго прощанія съ княгиней была трагической минутой.

Черезъ часъ послѣ того, какъ я приняла прощальный ея поцѣлуй и благословеніе, я тихонько прокралась въ ея комнату; она спала съ яснымъ, юношескимъ выраженіемъ на лицѣ. Я долго смотрѣла на нее, пока не залилась слезами, и покинула ее,—покинула навсегда.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я опять поселилась въ домѣ графини Воронцовой, которой я обязана теперь и тогда очаровательнымъ гостепріимствомъ.

Между тѣмъ судьба, кажется, преслѣдовала меня нарочно. То семейство, съ которымъ я надѣялась уѣхать въ Англію, принуждено было остаться въ Россіи, по причинѣ болѣзни одного изъ своихъ членовъ. Теперь я серьезно начала безпокоиться. Возвратиться въ Москву было болѣе, чѣмъ неблагоразумно; ѣхать въ Англію было невозможно; и я не могла выхлопотать паспорта для моей бѣдной Русской горничной, которая могла бы проводить меня. Корабль, готовый отплыть, былъ Американскій, и послѣ него не было никакой надежды дождаться другого.

Наконецъ, благодаря доктору Роджерсону и мистеру Кавана я была принята подъ покровительство Джономъ Голидэ, однимъ изъ старыхъ знакомыхъ. Онъ охотно предложилъ мнѣ свои услуги.

Голидэ былъ въ числѣ пассажировъ того корабля, на которомъ погибли Поленъ и Ройстонъ, и онъ спасся съ немногими.

Я рада была его предложенію; оставалось выручить паспортъ, который съ каждымъ днемъ проходилъ новое чиновничье мытарство: наконецъ я получила его. Во все это время, мистеръ Кавана неутомимо и великодушно хлопоталъ по моимъ дѣламъ; 19 октября я была готова выѣхать изъ Петербурга въ Кронштадтъ, гдѣ стоялъ нашъ корабль; наканунѣ самого отъѣзда вечеромъ, Кавана зашелъ

ко мнѣ и совѣтовалъ вооружиться терпѣніемъ въ ожиданіи одного самого непріятнаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ друзей его, офиціальное лицо, предупредилъ, чтобъ онъ остерегался меня, что правительство хотя и выдало мнѣ паспортъ, но вслѣдствіе доноса приказало схватить мои бумаги; поэтому оно отрядило трехъ офицеровъ, одного въ Кронштадскій портъ, другого въ Нарву и третьяго въ Ригу съ тѣмъ, чтобъ они слѣдили за мной и на границѣ осмотрѣли мои вещи; въ заключеніе онъ совѣтовалъ Кавана не принимать во мнѣ ни малѣйшаго участія, не провожать меня, чтобъ не навлечь тѣмъ подозрѣнія со стороны полиціи.

Я, дѣйствительно, имѣла съ собой бумаги-записки Дашковой въ манускриптѣ, копію съ переписки Екатерины II и княгини, класныя тетрадки и нѣсколько писемъ отъ разныхъ лицъ изъ Россіи въ Англію.

Услышавъ объ этомъ, я раскрыла чемоданъ; Кавана уложилъ эти бумаги въ особенный пакетъ, послалъ ихъ на корабль, съ тѣмъ, чтобъ спрятали ихъ въ сундукъ какого нибудь матроса.

Остальныя бумаги я оставила въ чемоданѣ, предоставивъ ихъ на волю судьбы; въ невинности ихъ я была увѣрена. Между ними было собраніе Французскихъ упражненій, исправленныхъ княгиней и между прочимъ одно, въ которомъ, за неимѣніемъ болѣе серьезнаго предмета, я разсказала о мышкѣ, напугавшей меня; эта мышка забралась въ рукавъ моего платья, я поймала ее за хвостъ и выбросила. Въ концѣ этого упражненія княгиня похвалила меня за отписаніе, но замѣтила, что я напрасно пощадила мышку потому ихъ развелось слишкомъ много и онѣ современемъ сдѣлаются очень вредны. Послѣ увидимъ, почему я упоминаю объ этой мелочи.

Устроивъ все, я послала свой чемоданъ водой, и за тѣмъ не опасаясь ничего, возвратилась къ Воронцовой. На слѣдующій день, я простилась съ ней и переночевала въ Ораніенбаумѣ.

Рано на другое утро, мы приготовились переправиться въ Кронштадъ; когда я смотрѣла на дворецъ, горничная замѣтила одного молодаго человѣка, слѣдившаго за нашими движеніями; мы сѣли въ лодку, и онъ очутился съ нами.

Во время переправы, онъ заговоривалъ со мной по Французски, Италіянски и Англійски, то побранивая войну, то похваливая мое отечество, но у меня кружилась голова и я неспособна была слушать его.

Высадившись въ Кронштадтѣ, я потеряла изъ виду своего спутника; и пошла завтракать къ мистеру Голидэ. Между тѣмъ, поутру пришелъ Кавана; мы начали думать, что вся наша тревога была попусту; вещи мои прошли таможню и запечатаны казенными печатями Но не тутъ-то было; вечеромъ явился Англійскій агентъ, блѣдный, испуганный и отъ имени статскаго совѣтника Кайсарова попросилъ выдать небольшой, красный чемоданъ. Я отдала его терпѣливо и ожидала послѣдствій. Черезъ три часа мнѣ возвратили его, и потомъ снова потребовали.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней мои вещи постоянно переходили изъ рукъ въ руки; бумаги мои, письма, ноты, упражненія все было перечитано подъ клятвой. Маленькимъ тираномъ, мучившимъ меня, былъ тотъ молодой человѣкъ, который провожалъ насъ изъ Ораніенбарма въ Кронштадтъ. Не подавая ему вида, что меня сильно огорчало это дѣло я, просила его навѣстить меня и потомъ отобѣдать въ одной Англійской отели. Онъ не замедлилъ явиться; я разсказала ему весь ходъ моего преслѣдованія, назвавъ его "Confident malgré moi." Вслѣдъ за тѣмъ, онъ упрашивалъ иностранныхъ капитановъ не принимать меня на свои корабли. Теперь не только моимъ бумагамъ, но и мнѣ самой угрожалъ арестъ. Впрочемъ, благовоспитанный и добрый капитанъ, съ которымъ я и Голидэ условились отправиться, такъ близко принялъ къ сердцу участь молодой леди въ плѣну, что поклялся цѣной жизни защитить меня отъ безчеловѣчныхъ варварствъ.

Корабль осматривали нѣсколько разъ; мемуары Дашковой, которые были отданы подъ сохраненіе капитану, были спасены.

Между тѣмъ меня потребовали къ Кайсарову; на вопросъ мой онъ отвѣчалъ, что еще ничего серьезнаго не найдено, что правительство заподозрѣло меня въ вывозѣ важныхъ секретныхъ бумагъ въ Англіи, что мои политическія связи довольно хорошо извѣстны, что изъ моихъ бумагъ онъ отобралъ ноты, не зная хорошенько, ноты ли это или тайная рукопись цифрами, и что наконецъ одну бумагу онъ повергнетъ къ стопамъ государя, на собственное его усмотрѣніе.

Какую бумагу и кто въ ней замѣшанъ, спросила я. Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ, княгиня Дашкова, руководившая васъ во всемъ этомъ, но онъ не предвидѣлъ никакихъ дурныхъ послѣдствій и совѣтовалъ мнѣ не бояться. Я непремѣнно хотѣла знать, какую бумагу онъ нашелъ особенно подозрительной; я опасалась ввести въ бѣду княгиню, что осталось бы горькимъ упрекомъ на цѣлую мою жизнь. И что же наконецъ? мое сочиненіе о мышкѣ обратилось подъ рукой Кайсарова въ уголовное преступленіе.

Я разразилась смѣхомъ, и сказала, что если онъ представитъ этотъ листокъ въ сенатъ, его осмѣетъ весь Петербургъ. Потомъ я разсказала ему, въ чемъ дѣло; кажется сомнѣнія не могло быть, за всѣмъ тѣмъ статскій совѣтникъ хранилъ серьезный и важный видъ, хотя и убѣдился въ томъ, что, въ самомъ дѣлѣ, можно сдѣлаться посмѣшищемъ всего города. Онъ обѣщалъ прочитать эту бумагу въ четвертый разъ, поразсмѣшить насъ ею и потомъ покончить слѣдствіе. Кромѣ того, онъ нашелъ одно безъименное письмо и также придалъ ему какое-то политическое значеніе.

Я объяснила и эту загадку; но трудно было увѣрить человѣка, извращавшаго смыслъ самыхъ простыхъ вещей и видѣвшаго преступленіе во всякомъ, самомъ невинномъ дѣлѣ, толкуя предметы на свой ладъ; все это въ высшей степени оскорбляло и тяготило меня. Я сказала Кайсарову, что я

жалѣю его, какъ слѣпое орудіе шпіонства, за которое честный и не лишенный чувства человѣкъ никогда не возмется.

Съ тѣмъ вмѣстѣ за мной подсматривалъ другой сыщикъ, утромъ днемъ и ночью постоянно сидѣвшій противъ моей спальни; я видѣла его но необращала вниманія; горничная, недовольная присутствіемъ этого шпіона, сказала мнѣ, что онъ поставленъ наблюдать за мной и за всѣми моими посѣтителями. Впрочемъ онъ напрасно хлопоталъ, потому что у меня, ни вокругъ меня ему нечего было подсторожить.

Кайсаровъ, открывъ между моими бумагами письма княгини Анны Дашковой (съ которой онъ былъ хорошо знакомъ), почувствовалъ уваженіе ко мнѣ; эти письма показали ему въ истинномъ свѣтѣ мой характеръ и подтвердили выгодное мнѣніе его. Онъ замѣтилъ, что у меня долженъ быть какой нибудь врагъ; исторію..... онъ зналъ и обратилъ мое подозрѣніе на человѣка, котораго я доселѣ считала своимъ другомъ; эта личность..... занимала очень выгодное мѣсто въ Россіи и пользовалась безусловной довѣренностью Дашковой; онъ читалъ ея мемуары и посвященіе ихъ; ему было извѣстно и то, что они переданы мнѣ.

Все это я узнала отъ Кайсарова; онъ не сталъ преслѣдовать дальше, но предупредилъ, что его обязываетъ присяга не допускать вывоза мемуаровъ, равно и другихъ бумагъ, относящихся до Россіи. По чувству уваженія и дружбы, онъ предувѣдомилъ меня и о томъ, что если ничего запрещеннаго не найдется въ моихъ чемоданахъ, я буду подвергнута личному обыску, прежде чѣмъ оставлю Россію; и такъ какъ мои слуги также будутъ обысканы, передъ отъѣздомъ ихъ въ Москву, то онъ совѣтовалъ быть осторожной въ письмахъ, которыя я вручу имъ.

Признаюсь, теперь мое негодованіе превышало мѣру; но Кайсаровъ сообщилъ все это дружески, и потому я поблагодарила и простилась съ нимъ.

Особенно грустно было за княгиню; я желала лучше уничтожить ея записки, чѣмъ допустить схватить ихъ и

потомъ перетолковать. Богъ знаетъ, какъ. Вслѣдствіе этого я сожгла ихъ, зная, что копія, переписанная мной, была перевезена сестрой въ Англію. Послѣ этого я рѣшилась возвратиться въ Москву и, если княгиня хоть нѣсколько пострадаетъ въ этомъ дѣлѣ, раздѣлить ея горе пополамъ до конца жизни. Я написала ей подробно о всемъ, что происходило со мной въ Кронштадтѣ и послала письмо секретно. Въ ожиданіи результата, я отправляла открытыя письма графу Воронцову, леди Пемброкъ, сестрѣ Чичагова и другимъ, считая себя болѣе снисходительнымъ судьей, чѣмъ Кайсарова. Одно письмо я отослала назадъ автору его; другія получала распечатанными; одного не рискнула прочитать—это было любовное письмо отъ княжны Щербатовой къ мистеру Портеру; думая, что огонь всего лучше идетъ къ нему, я бросила его въ печку и, въ присутствіи нѣкоторыхъ свидѣтелей, оно улетучилось въ чистое пламя. Впослѣдствіи любовники вступили въ бракъ.

Черезъ пять дней, по пріѣздѣ моемъ въ Кронштадтъ, Кайсаровъ потребовалъ меня для новаго допроса, и наконецъ поздравилъ меня съ полнымъ оправданіемъ. И ноты и мыши—все было признано невиноватымъ; это значило буквально "толочь воду въ ступѣ." Прощаясь съ своимъ инквизиторомъ, я дала ему почувствовать смыслъ этой пословицы; онъ, въ свою очередь, вѣроятно въ силу своей вѣжливости и предупредительности, просилъ меня написать княгинѣ Аннѣ объ этомъ дѣлѣ, что я не преминула исполнить.

Корабль готовъ былъ выйдти въ море; мы не хотѣли терять времени и немедленно перебрались на бортъ. Впрочемъ личный обыскъ еще висѣлъ у меня на плечахъ. Мы пригласили Кайсарова отобѣдать съ нами. Онъ былъ занятъ, но надѣялся придти проститься. Мы отобѣдали и, не дождавшись Кайсарова въ назначенное время, отправились къ кораблю, гдѣ я простилась съ доброй и неизмѣнной графиней Воронцовой, и съ слугами, которые разставались не безъ слезъ. Октября 26, въ прекрасный осенній вечеръ мы сѣли

на корабль. Я каждую минуту ожидала Кайсарова; впрочемъ якорь былъ поднятъ и намъ оставалось миновать единственное препятствіе—пройдти сторожевой корабль.

За нами слѣдовала не большая бригантинна. Корабль и бригантинна были купеческіе, нагруженные пенькой. На послѣдней находился, нѣкто мистеръ Донованъ, мужчина высокій, съ виду важный, съ подагрой въ ногахъ и въ желтыхъ сапогахъ, необыкновенно нервный, раздражительный и большюй охотникъ до всякого рода шутокъ. Все это относится къ его наружности; настоящія же его качества скрывались глубже.

По пріѣздѣ въ Россію офицеры сторожеваго корабля купили у него бочку вина и остались ему должны пятдесять фунтовъ. Когда мы проходили мимо карауля, намъ подали знакъ остановиться: офицеры должны были помѣтить наши бумаги и отпустить насъ. Эта церемонія кончилась очень скоро и, черезъ нѣсколько минутъ мы были въ открытомъ морѣ.

Я изумлялась, что личный мой обыскъ былъ забытъ и Кайсаровъ не явился; но чудо объяснилось очень просто. На бригантинѣ мистеръ Донованъ мучился ужасной болью, бѣсновался и кричалъ. Между тѣмъ одинъ офицеръ, желая отвлечь его вниманіе и дать время своимъ товарищамъ спуститься въ лодку, душилъ его въ своихъ объятіяхъ; наконецъ, пожелавъ ему счастливаго путешествія, онъ безжалостно наступивъ ему на ногу, спрыгнулъ къ своимъ друзьямъ, оставивъ Доновина охать и сердиться: такимъ образомъ это пріятельское "прости" стоило ему пятдесять фунтовъ, потому что долгъ въ суматохѣ не былъ заплаченъ.

Я отъ души смѣялась, хотя мнѣ и жалко было бѣднаго Донована. Ему же впрочемъ мы были обязаны немедленнымъ выходомъ изъ Кронштадскаго порта.

Послѣ всѣхъ непріятныхъ исторій въ послѣднее время, я съ восторгомъ ожидала минуты отплытія; но когда мы были уже далеко отъ Русскаго берега, я спокойно сѣла на палубѣ и стала смотрѣть на великолѣпный закатъ солнца, въ послѣдній

разъ свѣтившаго для меня на горизонтѣ страны, гдѣ я такъ долго пробыла, какъ дома, и гдѣ остались за мной самыя живыя воспоминанія любви и гостепріимства. Я чувствовала какую-то тихую грусть, и душой играла глубокая мечта о моей "Русской матери." Но матросъ запѣлъ Англійскую пѣсню и звуки родной пѣсни, не слышанной мной впродолженіе пяти лѣтъ, сладко разбудили меня отъ мечты. Въ сердцѣ проснулись отрадныя воспоминанія о родинѣ, семействѣ и друзьяхъ, къ которымъ я неслась по волнамъ.

Надъ нами уже раскинулась чудная звѣздная ночь; я не хотѣла сходить въ свою тѣсную каюту. До часу я гуляла на палубѣ; добрый нашъ капитанъ вынесъ мою постель наверхъ, устроилъ ее на сверткѣ новыхъ конатовъ и я, завернувшись въ матросское одѣяло, легла и скоро заснула глубокимъ сномъ.

Три часа я спала; меня разбудилъ страшный толчекъ и трескъ, такъ что я въ просонкахъ приняла его за разрушеніе вселенной. Немедленно вскочивъ, я увидѣла, что мы столкнулись съ другимъ судномъ; паруса, мачты, снасти—все перепуталось. Я остолбенѣла отъ страха, ожидая, что будетъ говориться. Среди перебранокъ проклятій и приказаній я одно поняла, что бригантина сбилась съ настоящаго пути въ темнотѣ и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, налетѣла на насъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что отбросилъ бригантину на значительное разстояніе въ сторону, гдѣ она бросила якорь. Вслѣдъ за тѣмъ, мы ударились о скалу; отъ втораго толчка корабль остановился, съ отбитыми носомъ и кормой.

Бѣдный мистеръ Голидэ, почивавшій въ своей колыбели, очень неохотно проснулся и вышелъ на палубу, ожидая повторенія новаго толчка. Что касается до меня, сначала я струсила, а потомъ равнодушно смотрѣла на все, что бы ни случилось.

Къ нашему счастію ночь была прекрасная, вѣтеръ умѣренный и корабль хорошо обитъ и построенъ. Капитанъ

велъ себя очень смѣло, расторопно, и одушевлялъ насъ довѣренностью. Лодки были отвязаны и приготовлены въ случаѣ необходимости; но капитанъ просилъ насъ остаться на палубѣ до разсвѣта, изъ опасенія потонуть между льдинами, потому что онъ потерялъ направленіе вслѣдствіе потухшаго маяка. Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ ружей; такъ какъ онъ былъ очень любимъ своей прислугой, то по совѣту его она меньше пила, чѣмъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ.

Онъ вынесъ изъ каюты всѣ мои вещи, все, что принадлежало другимъ, за исключеніемъ своихъ собственныхъ пожитковъ; и это онъ сдѣлалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ не упрекали его въ безпечности о кораблѣ и о спасеніи собственности своихъ пассажеровъ.

Въ такомъ положеніи мы находились отъ четырехъ часовъ до восьми, когда ясно разсвѣло и мистеръ Донованъ могъ явиться къ намъ на помощь. Угрюмо посматривалъ онъ; потому что рисковалъ всѣмъ своимъ состояніемъ въ настоящемъ случаѣ. И когда онъ увидѣлъ свою бѣдную "Марію," такъ давно служившую ему на моряхъ, съ обломанными мачтами, съ отбитыми бортами, совершенно искалеченную, то сказалъ, что это зрѣлище для него также плачевно, какъ присутствіе у постели умирающаго друга.

Когда мы осмотрѣлись утромъ, положеніе наше было гораздо опоснѣе, чѣмъ мы думали. Мы находились среди скалъ; вѣтеръ свѣжѣлъ, ледяныя глыбы и морской приливъ были ужасны. То, что ночью показалось намъ берегомъ, было сплошной массой подводныхъ камней, и еслибъ мы въ первыя минуты испуга бросились въ лодки, то навѣрное погибли бы. По всѣмъ признакамъ надобно было ожидать дурной погоды; ружейные выстрѣлы напоминали о кораблекрушеніи и, когда мы озирались кругомъ, все сливалось въ одну грозную картину; надежды на спасеніе не было никакой. Одна бригантина, виновница нашего несчастія, могла служить намъ. Мы оставили "Марію" и перешли на палубу

другого судна, рѣшившись извѣстить о своемъ положеніи въ Петербургъ и, возвратиться, если можно черезъ Финляндію.

Между тѣмъ ружейная пальба была услышана на берегу и, къ величайшему нашему удовольствію, мы увидѣли двѣ лодки, плывшія по на правленію къ намъ. Было два часа, когда онѣ подошли. Отъ нихъ мы узнали, что они Финны, обитатели небольшаго острова, Сталію, лежащаго въ двадцати верстахъ отъ Фридрихсгама.

Голидэ и я тотчасъ же перешли къ нимъ въ лодку и, прежде чѣмъ мы достигли острова, вѣтеръ такъ усилился, что мы сомнѣвались въ благополучіи корабля; мы обѣщали немедленно выслать моряковъ на помощь погибающей бригантинѣ, но никакія обѣщанія наградъ, никакія увѣренія не могли склонить островитянъ пуститься въ бурное море. Я никогда въ жизни такъ много не страдала. Съ одного конца острова, мы могли различить корабль и бригантину; страшно было смотрѣть на нихъ, ежеминутно готовыхъ опуститься на дно вмѣстѣ съ бѣдными пассажирами. Но Финны, хорошо знакомые съ ихъ заливомъ, лучше насъ понимали дѣло; въ самомъ дѣлѣ, ихъ утлыя ладьи не могли держаться въ бурномъ морѣ; на слѣдующее утро я выбѣжала посмотрѣть на корабль: его едва можно было замѣтить, а бригантина спокойно держалась на якорѣ.

Въ тотъ же день, капитанъ, въ сопровожденіи шести храбрыхъ моряковъ, вышелъ на берегъ и, ознакомившись съ ужасами, какіе совершаются здѣсь во время кораблекрушеній, вооружилъ своихъ матросовъ и поклялся не оставить въ живыхъ ни одного жителя на островѣ, въ случаѣ, если бъ не нашелъ насъ благополучными.

Первые два человѣка, встрѣтившіеся капитану, не могли удовлетворительно отвѣчать на его вопросы, выраженные мимикой; онъ началъ шумѣть; и я не знаю, чѣмъ бы кончилось, если бъ, къ счастію, мы не встрѣтились съ нимъ.

Увидѣвъ насъ, онъ такъ обрадовался, что началъ пла-

кать. Если бъ онъ исполнилъ свои угрозы, онъ былъ бы крайне несправедливъ; потому что я никогда не встрѣчала такой милой наивности, доброты и гостепріимства среди сельскихъ жителей.

Румяная молодая женщина, управлявшая челнокомъ, на которомъ мы переправились на островъ, привела насъ въ хижину своей матери, одну изъ лучшихъ во всей деревнѣ. Мы вошли въ просторную избу, очень живописно обставленную всевозможными рыбачьими снарядами и сѣтями, навѣшанными въ комнатѣ въ видѣ фестоновъ. Одно окно выходило къ суровому морю, другое къ небольшому заливу, гдѣ бригантина скоро стала на якорь. Въ хижинѣ жила старушка "Мамма," какъ ее называли, окруженная многочисленной семьей и въ нѣкоторомъ смыслѣ, королева острова.

Она приняла насъ очень ласково, затопила большую печку, чтобъ обсушить и отогрѣть насъ, предложила молока и масла съ чернымъ хлѣбомъ, мы вынули своего чаю и составили ужинъ. "Мамма" приготовила мнѣ лучшую постель; я удивилась мягкости перинъ и подушекъ, обшитыхъ кружевами. Здѣсь были еще двѣ, также хорошія постели и, когда вся семья разсыпалась по разнымъ угламъ, мы были совершенно спокойны.

Въ четыре часа утра, сынъ ея "Туома" возвратился на своей лодкѣ съ сосѣдняго острова; пріѣздъ его поднялъ на ноги всю семью. Поднялась Мамма и сестра ея, старуха; а съ ней вскочили четверо ея сыновей; поднялась дочь Маммы съ своимъ плаксивымъ ребенкомъ; потомъ явились Марья и Сара, незамужнія дочери хозяйки, словомъ вся изба засуетилась. Они окружили Туома, слушали его разсказы, подали ему завтракъ изъ вяленой соленой рыбы, чернаго хлѣба и кислаго молока; за тѣмъ начали прясть, коротая время разсказами, шутками и смѣхомъ. Я рѣдко видѣла такое трудолюбивое семейство, совершенно довольное своей скромной долей.

"Мамма" понимала по-русски; поутру, когда было свѣтло, я, вставала и, съ помощію ея, одѣвалась; потомъ выходила гулять; въ это время убирали комнату, открывали окна и ставили на столъ нашъ деревенскій завтракъ. По возвращеніи, я заставала всю семью за разными работами, при чемъ каждый имѣлъ свое собственное дѣло.

Мамма была моей отрадой. Я хотѣла разузнать отъ нея о всемъ, что было любопытнаго въ этой деревнѣ. Она разсказывала мнѣ о жителяхъ, которыхъ было здѣсь—и мужчинъ и женщинъ—пятдесятъ двѣ души. Всѣ ихъ обычаи, нравы, религія, остались въ прежнемъ видѣ, когда они принадлежали Швеціи; теперь же они были Русскіе подданные.

У Маммы былъ другой сынъ, кажется въ Фридрихсгамѣ, гдѣ онъ учился читать; замѣчательно, что всѣ члены семейства были грамотные. Пасторъ пріѣзжалъ на островъ два раза въ годъ, поучать ихъ вѣрѣ, которая была, если не ошибаюсь, лютеранская. Въ хижинѣ была огромная библія, очень стараго изданія, на Финскомъ языкѣ, и когда мистеръ Голидэ прочиталъ нѣсколько словъ, не понимая впрочемъ значенія ихъ, всѣ съ изумленіемъ на него взглянули.

Меня поразила простота въ ихъ образѣ мыслей, руководившая всѣми ихъ поступками. Когда я открыла свои чемоданы, чтобы просушить платье, нѣкоторыя вещи сильно возбудили ихъ любопытство. Я отобрала нѣсколько предметовъ и предложила въ подарокъ доброму семейству. Мамма за всѣхъ отвѣчала слѣдующими словами.

"Дитя мое, вы очень добры, и мы благодаримъ васъ; но вѣдь эти наряды не годятся намъ; вы ѣдете въ далекій путь у васъ есть друзья; имъ будетъ любо видѣть васъ въ этихъ украшеніяхъ."

Я долго доказывала, что это предложеніе съ моей стороны есть долгъ за ихъ гостепріимство и ласки. Мамма улыбнулась и примолвила, что, конечно, есть злые остро-

витяне, варварски поступающіе съ людьми, застигнутыми кораблекрушеніемъ; они же всегда считали ихъ злосчастными, посланными подъ ихъ кровъ самимъ Богемъ;" и еслибъ, прибавила она, я была выброшена бурей тамъ, гдѣ вы живете, вы не оставили бы меня."

Когда "Мамма" рѣшительно отказалась отъ моихъ подарковъ, я замаскировала ихъ въ сувениры, но она настояла, чтобъ я взаимно приняла отъ нея что нибудь на память.

Природа щедрая для этихъ бѣдныхъ жетелей, одарила ихъ силой и безъискусственной красотой. Женщины въ особенности хороши и благодаря ихъ трудолюбію, прекрасно одѣты.

Костюмъ они сохранили Шведскій. Онѣ править лодками также хорошо, кокъ мужчины. Я видѣла, какъ онѣ ловко, неустрашимо плаваютъ въ морѣ, потомъ притягиваютъ къ берегу и, возвращаясь домой, послѣ легкаго отдыха, обычнымъ порядкомъ принимаются за работу, какъ будто ничего не бывало; между тѣмъ, для меня онѣ казались героинями.

Островъ состоитъ изъ плошныхъ гранитныхъ скалъ, осѣненныхъ соснами, изрѣзанныхъ ручьями, пещерами, небольшмми бухтами и заливами, со всѣмъ разнообразіемъ живописно-раскидывающагося берега, такъ что въ ясную погоду онъ походитъ на алмазъ, оправленный моремъ; но здѣсь нѣтъ пастбищь ни для одной коровы, и жители не имѣютъ никакого понятія о земледѣльческихъ работахъ.

Впродолженіи восьми дней, проведенныхъ нами въ этомъ патріархальномъ быту, насъ часто посѣщали друзья съ бригантины; снабженная новымъ способнымъ экипажемъ, теперь она могла безопасно плыть въ Швецію; я еще разъ согласилась войдти на корабль, когдо подуетъ благопріятный вѣтеръ. Между тѣмъ мы написали своимъ знакомымъ въ Россію; къ счастію не могли послать писемъ прежде, чѣмъ пустились въ новый путь.

На восьмой день, по прибытіи нашемъ въ Стаміо,

вѣтеръ перемѣнился; мы были готовы отплыть, не безъ сожалѣнія разставаясь съ своими добрыми островитянами. Я сказала "Маммѣ," что мнѣ бы хотѣлось взять ее съ собой; "и безъ старой Маммы, отвѣчала она, есть кому любить васъ тамъ, куда вы плывете; да если бъ я и поѣхала съ вами, кромѣ васъ меня никто не приголубилъ бы; да и то сказать, мнѣ жалко дѣтей и острова; да и вамъ будетъ горько видѣть меня на чужой сторонѣ, не умѣющую ни слова сказать на вашемъ языкѣ."

На прощанье она дружеско поцѣловала меня; я возвратила ей поцѣлуй и она, заплакавъ, сказала: "да сохранитъ васъ Богъ, мое милое дитя, и да сопувствуетъ вамъ на великой водѣ; пожалѣйте меня, я никогда не увижу ее."

Едва мы подняли якорь, какъ навстрѣчу намъ выѣхалъ ботикъ; это была моя старая мамма, которая нашла мой носовой платокъ и немедленно рѣшилась возвратить его; съ помощію одной изъ своихъ дочерей, она отчалила лодку и пристала къ нашему кораблю; я рада, сказала она, еще разъ взглянуть на васъ и пожелать вамъ счастія. Она слѣдовала за нами долго, какъ только было возможно, но мы скоро потеряли изъ виду и добрую мамму и гостепріимный островъ.

Мы взяли въ Стояміо лоцмана, но онъ могъ вести насъ только на нѣкоторое разстояніе, потому что не зналъ всѣхъ частей залива, очень опаснаго для мореплавителей; на островѣ Аспо онъ совѣтовалъ подать сигналъ и вызвать на смѣну другого моряка.

Около четырехъ часовъ, пополудни мы увидѣли островъ Аспо и подали сигналъ. Къ сожалѣнію, отвѣта не было никакого. Между тѣмъ нашъ лацманъ объявилъ, что онъ дальше не можетъ править; съ корабля раздался ружейный выстрѣлъ, чтобъ привлечь вниманіе Финновъ; но напрасно. Наконецъ мы такъ близко подошли къ скаламъ, охранявшимъ этотъ пустынный берегъ, что принуждены были бросить якорь, иначе намъ угрожала неизбѣжная гибель.

Якорь, отскочивъ отъ скалы, ударился въ корабль; капитанъ немедленно спустилъ лодку, присталъ къ берегу и принудилъ лоцмана, подъ угрозой отвѣтственности за благополучіе экипажа, помочь кораблю; Финнъ волей не волей принялся за работу, и въ нѣсколько минутъ съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, вывелъ насъ на безопасное мѣсто. Тогда мы переѣхали на берегъ, увидѣли передъ собой что-то въ родѣ города, который послѣ покинутой нами кучи лачугъ, показался великолѣпнымъ и многолюднымъ.

Насъ хорошо приняли и показали одну изъ лучшихъ избъ, которая была построена изящнѣй, но не такъ была чиста и удобна, какъ хижина Маммы.

Мистеръ Голидэ приготовилъ намъ ужинъ, состоявшій изъ миски супа; и когда хозяинъ подалъ его на столъ, къ крайнему удивленію, сервисъ нашъ былъ серебряный— большая серебряная ложка, и нѣсколько обыкновенныхъ, серебряный подсвѣчникъ, очень затѣйливой работы и, очевидно, служившій путешественникамъ, любившимъ роскошь. Онъ былъ признакомъ вовсе неутѣшительной репутаціи острова, напомнившаго мнѣ разсказъ Маммы.

Я не отправила своихъ чемодановъ; мы рѣшились выѣхать, при первой возможности; но вѣтеръ дулъ совершенно-противный; и надобно было посидѣть у моря въ ожиданіи лучшей погоды.

На островѣ Аспо у меня была своя особенная комната; я спала на соломѣ, пока не принесли мнѣ постель съ корабля. Старушка служила мнѣ, но бѣдная Ева была менѣе ласкова, чѣмъ Мамма. Аспо совершенно походилъ на Стэміо, но только былъ обширнѣе и разнообразнѣе. Гранитныя массы были изумительной красоты; обломки ихъ разбрасывались по землѣ мелкимъ щебнемъ. Здѣсь была гранитная набережная, длиной въ четыреста моихъ шаговъ. Съ этой платформы открывался величественный видъ на окрестности острова, и море. Однажды мы прошли весь островъ поперекъ, и я ничего не видала болѣе романическаго.

На той сторонѣ, гдѣ нашъ корабль стоялъ на якорѣ, море

бушевало и пѣнилось; на противъ, на другой сторонѣ были двѣ тихія пристани, осѣненныя деревьями и повидимому совершенно безопасныя для кораблей; на самомъ же дѣлѣ, усѣянныя подводными скалами, онѣ служатъ вѣроломной западней для мореплавателей; и мы скоро убѣдились, что добыча отъ кораблекрушеній составляетъ родъ пропитанія для жителей Аспо, или одно изъ удовольствій ихъ жизни.

На другой день вѣтеръ также былъ противный; наконецъ измѣнился, но принесъ съ собой холодную и сырую погоду: выпалъ снѣгъ. И когда мы увидѣли свой корабль, покрытый инеемъ, намъ взгрустнулось: зимовать на островѣ Аспо, безъ провизіи, было бы самой печальной перспективой.

Черезъ два дня морозъ кончился, но попутнаго вѣтра все еще не было. Однажды, прогуливаясь по острову, мы увидѣли четыре корабля, крейсировавшихъ въ открытомъ морѣ,, среди величайшей опасности; на нихъ постоянно показывались сигналы, призывавшіе на помощь. Каждый Финнъ на Аспо былъ морякъ, но никто не хотѣлъ выѣхать на помощь погибавшимъ кораблямъ; ни денежныя награды, ни просьбы—ничто не убѣждало островитянъ. Они отговаривались тѣмъ, что Русскій императоръ запретилъ имъ впускать корабли въ порты во время войны,—они представили въ свое оправданіе много другихъ равно ложныхъ и безчеловѣчныхъ предлоговъ.

Толпа собралась на набережной и съ любопытствомъ, нечуждымъ своекорыстныхъ цѣлей посматривала на затруднительное положеніе кораблей; нѣкоторыя изъ Финновъ едва сдерживали восторгъ, когда гибель судовъ была очевидной. Къ счастію, первый корабль миновалъ опасность, вошелъ въ каналъ и счастливо поплылъ.

Теперь мы, въ свою очередь, торжествовали. Три другіе корабля могли благополучно слѣдовать за первымъ, и они начали пробираться. Теперь императорскій приказъ, страхъ наказанія, опасность государства — все въ минуту было забыто; не видя болѣе надежды на грабежъ, три Финна

тотчасъ же спустились въ море, разумѣется, съ тѣмъ, чтобъ не потерять награды, если не удалось выиграть хищной добычи. Это было въ воскресенье; вечеромъ, по обыкновенію, они собрались слушать мессу и пѣть псальмы, съ совершенно спокойной совѣстью.

Такъ мы провели три недѣли; наша самая свѣжая пища лежала шесть недѣль; двѣ коровы, единственныя на островѣ, перестали снабжать насъ молокомъ, и мы обречены были на великій постъ; между тѣмъ благодаря морскому воздуху и нашему здоровью, апетитъ былъ не обыкновенно алчный. Положеніе наше съ каждымъ днемъ стоновилось хуже; наступила глубокая осень, и плаваніе по заливу было въ высшей степени опасно. Наконецъ 26 Ноября вѣтеръ и погода благопріятствовали, и на другой день мы вышли въ море. На пути въ Карлскрону, Шведскій городъ, мы провели пять дней и ночей; путешествіе было страннымъ, и капитанъ постоянно стоялъ на палубѣ, не ослабно наблюдая за ходомъ корабля. Не разъ мы воображали себя узниками Французской или Датской тюрьмы, часто встрѣчаясь съ крейсировавшими лодками.

Послѣднее несчастіе застигло насъ близь самой Карлскроны, 2 декабря, когда, въ восемь часовъ утра, въ нашемъ виду показались три непріятельскихъ корабля. Мы поспѣшили какъ можно скорѣй подойдти къ порту. Въ одинадцать часовъ миновалась опасность и мы благополучно вышли на берегъ.

Въ Карлскронѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ капитановъ тѣхъ кораблей, которые послѣ насъ отплыли изъ Кронштадта; отъ нихъ мы узнали, что Кайсаровъ черезъ день спокойно уѣхалъ изъ города, оставилъ всѣхъ въ покоѣ, но что на слѣдующій пришло приказаніе арестовать нашего бѣднаго капитана, вслѣдствіе подозрѣнія на его пассажировъ.

Мы недолго пробыли въ Карлскронѣ, откуда отправившись въ Готенбургъ. Два дня мы провели въ Гелсинбургѣ, очень интереснымъ по своему военному положенію; онъ лежалъ прямо противъ Элсипера и постоянно сносился съ нимъ посредствомъ переговорныхъ флаговъ.

Англійскія корабли сторожили проливъ Зундъ. Передъ нами была самая одушевленная сцена; потому что скоро ожидали прибытія большаго флота и за тѣмъ битвы.

Впрочемъ мы не дождались ничего серьезнаго, и продолжали путь въ Готенбургъ, куда пріѣхали 16 декабря. 18 мы опять вышли въ море и наконецъ, послѣ довольносноснаго плаванія, если принять во вниманіе время года и военную тревогу, пристали къ Англійскому берегу, въ Гарвичѣ, 26 декабря, 1808 года.

ПИСЬМА ИЗЪ РОССІИ.

1805—1807.

Изъ переписки миссъ Уильмотъ, старшей сестры издателя этихъ мемуаровъ, мы намѣрены были сдѣлать только нѣкоторыя извлеченія, чтобъ передать понятіе о послѣднихъ годахъ жизни Дашковой; но когда мы взглянули на собраніе писемъ, досаавленныхъ намъ въ копіяхъ друзьями и родственниками Уильмотъ, мы сочели несправедливымъ подвергать ихъ произвольному сокращенію. Вслѣдствіе этого мы издаемъ ихъ вполнѣ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ отрывковъ, нисколько не интересныхъ для посторонняго читателя. Эти письма представляютъ сжатую, но одушевленную картину разнообразныхъ сценъ, видѣнныхъ авторомъ ихъ во время восьмнадцатимѣсячнаго пребыванія его въ Москвѣ и Троицкомъ; княгиня Дашкова стоитъ въ нимъ на первомъ планѣ. Предметы новаго міра обрисованы такъ, какъ они отразились въ живомъ воображеніи молодой дѣвушки; изложеніе ихъ запѣчатлѣно

духомъ и оригинальностію мысли и слога, способныхъ обратить вниманіе обыкновеннаго читателя. Для друзей Уильмотъ, знавшихъ ее лично, онѣ напомнятъ силу выраженія и блескъ фантазіи, которыя отличали ея изустную бесѣду.

Само собой разумѣется, что миссъ Уильмотъ не могла предполагать, что ея письма явятся нѣкогда въ свѣтъ; она писала ихъ своимъ искреннымъ друзьямъ, и потому не льзя требовать отъ нихъ ни общаго интереса, ни литературнаго достоинства. Сестра ея, собравъ эти матеріалы, рѣшилась напечатать ихъ вмѣстѣ съ разсказомъ княгини Дашковой, какъ свидѣтельство уваженія къ ней и какъ дополнительное поясненіе самихъ мемуаровъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о миссъ Уильмотъ. Всегда слабая здоровьемъ, она скоро, по возвращеніи изъ Россіи, начала испытывать сильные припадки одымки, на что она жалуется въ одномъ изъ своихъ писемъ. Туманный и сырой воздухъ Англіи былъ въ высшей степени вреденъ ея грудной болѣзни; поэтому она принуждена была искать благопріятнаго климата въ южной Франціи. Поселившись въ Мулэнѣ, она пробыла здѣсь три или четыре года, за исключеніемъ нѣсколькихъ посѣщеній ея друзьямъ въ Англіи и Ирландіи; но здоровье ея не поправилось. Возраставшая болѣзнь заставила ее переѣхать въ Парижъ; здѣсь, послѣ нѣсколькихъ дней мучительной агоніи, она встрѣтилась съ своей могилой, 20 марта, 1824 года.

---

4 августа, 1805 года, на кораблѣ
передъ Кронштадтомъ.

Три недѣли ровно, какъ мы оставили Лондонъ, и сегодня утромъ, въ шесть часовъ бросили якоръ у Кронштадскаго мола. Теперь моя милая А.....и именно теперь я

могу написать тебѣ; потому что сижу на кораблѣ плѣнницей и смотрю на Россію сквозь телескопъ на палубѣ. Все, что могу сообщить тебѣ,—постройка фортовъ и батарей, которыя вижу, красивая и прочная; военныхъ людей, съ виду прекрасныхъ, множество; на молѣ толпятся купцы, и я боюсь, чтобъ намъ не пришлось простоять здѣсь долго. Заливъ покрытъ небольшими лодками, которыя возвращаются изъ Петербурга, гдѣ въ прошлую ночь праздновали день рожденія вдовствующей императрицы.

На противоположномъ берегу, покрытомъ лѣсами, стоитъ загородный дворецъ, Ораніенбаумъ. Вотъ все, что я вижу изъ Россіи, если исключить ея жителей, двухъ таможенныхъ офицеровъ; они пришли на корабль, запечатали наши чемоданы и поставили солдата на часахъ, смотрѣть, за контрабандой. Капитанъ нашъ, добрый человѣкъ, отправился на берегъ, поглядѣть, что тамъ дѣлается; но сегодня воскресенье, и я думаю, что онъ ничего дѣльнаго не добьется. Странно; но именно такъ: первая вещь, на которую я могу пожаловаться въ Россіи—жаръ,—и притомъ не выносимый жаръ.

26 іюля мы прошли Элсинеромъ, который я представляла городишкомъ сквернымъ, обирающимъ всякого путешественника въ пользу короля. Но положеніе его превосходное, и если бъ мы простояли въ немъ дальше, я непременно съѣздила бы въ Гельсинбургъ, въ Швецію, гдѣ теперь живетъ королевское семейство; Гельсинбургъ можно видѣть съ терасы Гамлетова сада. Но мы скоро отплыли, разставшись съ двумя пассажирами, изъ которыхъ одинъ былъ отвратительный вестъ-Индеецъ, а другой Русской офицеръ, баронъ Бай, необыкновенный оригиналъ. Ему только двадцать семь лѣтъ, но онъ знаетъ все. Первые два дня онъ постоянно шагалъ на палубѣ, и днемъ и ночью посмѣиваясь, сердясь и бормоча самъ съ собою. По наружности его можно было принять за бродягу, и трудно было рѣшить, въ своемъ ли онъ умѣ, или просто

спитъ, прогуливаясь. Первый день я не обѣдала, и потому не могла судить ни о манерахъ, ни о разговорѣ его. На другой день я удивилась, какъ онъ ловко разсуждалъ съ двумя пассажирами,—моимъ покровителемъ мистеромъ Чайтлокомъ, Англійскимъ купцомъ и ненавистнымъ вестъ-Индейцемъ. Здѣсь присутствовали и другіе, и онъ къ каждому обращался на его собственномъ языкѣ. Такъ, прежде чѣмъ онъ вышелъ изъ-за стола, я слышала его говорящимъ порусски, понѣмецки, пофранцузски, пожидовски, поиталіански, и поанглійски. Онъ служилъ при Суворовѣ, котораго боготворитъ. Воспитаніе онъ получилъ классическое и не только знакомъ съ литературой и политикой Европы, но всѣхъ поэтовъ считаетъ по пальцамъ. Его отвращеніе къ Французамъ доходитъ до раздражительнаго комизма, до болѣзненныхъ спасмовъ; недовольный злоупотребленіями, ихъ революціи, онъ впалъ въ обыкновенную крайность—возненавидѣлъ цивилизацію. Краснорѣчиво, увлекательно и учено онъ защищалъ варварство, противуполагая его существующему порядку образованныхъ обществъ, при чемъ цитировалъ древнихъ писателей также ловко, какъ наша.....басни Езопа. Онъ очень занимателенъ по энтузіазму, разнообразію и одушевленію своихъ дѣйствій и, я думаю, Элеонора приняла его за обезьяну, особенно когда онъ такъ часто болталъ пофранцузски; но она скоро открыла въ немъ "истиннаго джентльмена, потому что руки у него были бѣлы какъ лилія.

И такъ компанія наша въ Элсинерѣ разстроилась—и опошлѣла, сдѣлалась голодной, алчной, ѣла и пила такъ, какъ будто насъ откармливали для звѣрей "Новой Земли". Когда мы вышли изъ Элсинера, движеніе корабля едва было замѣтно; вечеромъ мы оставили его, съ быстротой молніи приставъ къ Копенгагену, — который омываютъ морскія волны; онъ показался намъ магическимъ фонаремъ, съ его плавающими батареями, оставшимися въ прежнемъ видѣ, послѣ побѣды лорда Нельсона.

Девять дней мы плыли въ этомъ опасномъ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ. Я рѣшительно не знала, какъ распорядиться временемъ. Иногда я развлекала себя чтеніемъ "Мадамъ de la Valière"; иногда заглядывала въ морскую библіотеку нашего капитана; иногда читала "Les mères rivales", иногда усовѣщевала шалуна мальчишку, каютнаго слугу, которому не миновать галеръ; иногда посматривала на лошадей или слушала военные разсказы моряковъ. Такимъ образомъ, читая, слушая и, подобно кроту засыпая, я пріѣхала къ Кронштадту.

Воскресенье вечеромъ. Капитанъ обрадовалъ меня письмомъ отъ М....., писаннымъ уже два мѣсяца изъ Троицкаго; оно залежалось у мистера Букера, Англійскаго агента въ Кронштадтѣ. Княгиня запечатала его рѣзной печатью, съ слѣдующей надписью: на одной сторонѣ "Welcome", (добро пожаловать) и на другой: "My sentiments you can discover in that word on the seal". (Мои чувства вы прочитаете въ надписи на этой печати). Мистеръ Букеръ прислалъ мнѣ очень любезное письмо съ своимъ братомъ; онъ приглашаетъ меня обѣдать и предлагаетъ свои услуги. Я отвѣчала ему, отказавшись отъ обѣда но поручивъ послать въ Москву приложенныя письма. Добрая княгиня писала генералу Коровкѣ и адмиралу Генникову,—которые живутъ въ Кронштадтѣ; она просила ихъ помочь мнѣ; но я думаю, что не обращусь ни къ тому, ни другому. По крайней мѣрѣ, теперь я намѣрена сидѣть на кораблѣ, какъ крыса, до самого пріѣзда въ Петербургъ. М..... сказала мнѣ, что княгиня написала мнѣ самое любезное письмо, отославъ его къ Полянской, въ домѣ которой я остановлюсь; она также приготовила мнѣ рекомендательныя письма къ Чичаговой, вдовѣ адмирала и морскаго министра и къ Кочетовой, племянницѣ Дашковой и Фрейлинѣ.

Но довольно; письмо мое и безъ того тяжело, какъ будто я вложила внего статую Петра Великаго; иначе, вы не донесете его съ почты. И такъ пойду гулять на палубу и любоваться крѣпостью.

Середа, въ Петербургѣ, у мистера Рекса. Въ прошлую ночь я пріѣхала въ этотъ городъ, великолѣпной наружности. Въ понедѣльникъ утромъ, Букеръ прислалъ свою карету къ пристани, и Уайтлокъ проводилъ меня и Елену въ Кронштадтъ, гдѣ хозяинъ принялъ насъ очень ласково и въ той же каретѣ послалъ осматривать адмиралтейство. Букеръ просилъ насъ остаться у него на время нашего пребыванія въ Кронштадтѣ.

Я никогда въ Италіи не чувствовала такого жара, какъ здѣсь, и мухи очень больно кусаютъ.

Вчера поутру, мистеръ Рексъ посадилъ насъ въ шлюпку и, подъ надзоромъ вѣрнаго проводника, послалъ на другую сторону въ Ораніенбаумъ; восемъ верстъ мы плыли водой; на пристани ожидала насъ карета и приглашеніе отъ леди Рексъ, которая предлагала поселиться въ ея домѣ, въ Петербургѣ. Ораніенбаумъ—царская дача, которую я немедленно осмотрѣла. Почва похожа на окрестности Воксгола, только въ колоссальномъ размѣрѣ; въ дворцѣ много замѣчательныхъ предметовъ, о которыхъ я не имѣю времени разсказывать тебѣ; меня торопитъ почта. Потомъ мы отправились въ Петербургъ, который въ тридцати верстахъ отъ Ораніенбаума и, признаюсь, лучшей прогулки я не видѣла. Я бы сравнивала ее съ поѣздомъ отъ Парижа въ Версаль; но нѣтъ, здѣсь лучше. По обѣимъ сторонамъ дороги красуются высокіе домы, отѣненные лѣсами, украшенные лужейками, садиками, и все это удивительно изящно устроено. Два или три дома принадлежатъ императору; широкая и отличная дорога оживлена всевозможными экипажами, заложенными въ четыре лошади, цугомъ, или по двѣ въ пристяжку, молочнаго цвѣта, подобно нашей королевской Гановерской породѣ, съ длинными гривами и хвостами. Желтый мѣсяцъ всталъ и золотомъ горѣлъ надъ темными дубравами; онъ освѣщалъ насъ до самого Петербурга, куда мы пріѣхали въ одинадцать часовъ ночи. Я совершенно очарована всѣмъ, что видѣла. Семейство Рекса стояло на балконѣ, оно вышло къ намъ навстрѣчу. Потомъ повели насъ на тотъ же балконъ; послѣ

размѣна обычныхъ привѣтствій, я стала смотрѣть на богатую, лучшую улицу и на прекрасную рѣку, какой я никогда не видѣла.

Я забыла сказать тебѣ; ко мнѣ пришло второе письмо отъ М..... полное самыхъ лестныхъ выраженій княгини, которая хлопочетъ о моемъ представленіи во дворецъ. Я извѣстила Полянскую о своемъ пріѣздѣ, потому что Дашкова приказала мнѣ остановиться въ ея домѣ. Полянская отвѣчала мнѣ любезнымъ приглашеніемъ. Такъ мнѣ придется недѣли двѣ прожить въ Петербургѣ, и потомъ въ Москву. Слуги, кареты и все необходимое приготовленіе для дороги; словомъ, я иду цвѣтистой дорогой; любовь и вліяніе княгини все претворяетъ въ мое удовольствіе; но какъ мнѣ благодарить ее? Я писала ей письмо, умоляя не ѣздить въ Москву въ въ такую сырую погоду; меня увѣряютъ, что она хочетъ встрѣтить меня съ безпримѣрнымъ гостепріимствомъ. У меня уже есть отъ нея чудесная лисья шуба, разныя атласные наряды, съ тафтяными платьями для моего "тѣлохранителя" Елеоноры. Я ожидаю въ этомъ году бласнословнаго счастія; но клопы и комары казнятъ насъ нестерпимо. Эти двѣ ночи я спала на стульяхъ, подъ самымъ легкимъ одѣяломъ.

Въ то время, какъ я пишу эти строки, взоръ мой покоится на дворцахъ, академіяхъ, корабляхъ снующихъ по великолѣпной Невѣ. Наружность слугъ ужасно смѣшитъ меня: они смотрятъ, какъ будто отецъ у нихъ былъ Турокъ, а мать Квакеръ;—не умѣю сказать лучше. Звуки Русскаго языка пріятны и нѣжны. За тѣмъ прощай.

Петербургъ 26 августа.
Въ домѣ Полянской.

Не думайте, чтобъ я стала подробно описывать всѣ свои произшествія, и не смѣйте требовать отъ меня этого; когда передъ вами лежитъ книга М....., описаніе лицъ и мѣстъ было бы совершенно лишнее дѣло. Я въ томъ же домѣ даже въ той же комнатѣ, въ то же время года, и съ той же служанкой, которая провожала мою сестру въ Москву. Кромѣ того княгиня прислала мнѣ Еркова, своего любимаго управляющаго домомъ, который безотлучно со мной. Дашкова непременно хочетъ ввести меня во дворецъ; племянница ея озаботилась этимъ порученіемъ; но дворъ былъ въ Петергофѣ, и я рада была отклонить отъ себя эту честь. Но не тутъ то было: государь и государыня возвратились въ Петербургъ, а я не успѣла уѣхать въ Москву, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ; которыя скучно объяснять. Итакъ извиненія больше нѣтъ, и мое имя было передано статсъ-дамѣ, графинѣ Протасовой, для представленія. Эта церемонія отняла у меня восемь дней и еще доселѣ не кончена.

Но вотъ я и справила свой придворный визитъ. Разодѣтая въ пухъ, я явилась къ графинѣ Протасовой, которая должна была представить меня. Вчера, вы можете вообразить, шестерка лошадей во всю прыть понесла меня въ Таврическій дворецъ; я вошла въ блистательную мраморную залу, обставленную статуями и колоннами. Изъ этой залы провели меня въ роскошную пріемную, полную офицеровъ, осыпанныхъ орденами; отсюда я прошла въ другую комнату, пустую и примыкавшую къ главной пріемной. Вы удивитесь, что я шла одна; но таковъ этикетъ. Здѣсь я встрѣтила двухъ сановниковъ, привставшихъ со стульевъ; они очень вѣжливо заговорили со мной пофранцузски. Прежде меня также пришла одна

дама; сюда же скоро явился генералъ Кутузовъ, дядя Полянской, назначенный главнокомандующимъ войскъ, готовыхъ выступить противъ Французовъ. Онъ очень почтенный старикъ, и я ободрилась въ его присутствіи. Потомъ показалась какая-то барыня, поклонившаяся мужщиной, на старый Русскій ладъ; на лѣвомъ плечѣ у нея былъ брилліантовый шифръ; черезъ нѣсколько минутъ вошла за ней молодая хорошенькая дѣвушка, скромная до раболѣпной покорности. Мы начали разговоривать, ходить по комнатѣ и посматривать въ прекрасный садъ, среди котораго стоитъ дворецъ.

Не раньше какъ черезъ три четверти часа отворилась противоположная дверь и передъ нами стояла императрица Елисавета, а по зади ея жирная графиня Протасова. Императрица—созданіе милое. Въ ея лицѣ есть что-то такое, что напомнило мнѣ фигуры Анджелика Кауфманъ и Корделію, дочь короля Лира. При появленіи ея дамы встали, а мужщины вышли вонъ. На императрицѣ было бѣлое кружевное платье, и въ каштановыхъ прекрасныхъ волосахъ блестѣлъ очень крупный жемчугъ. Въ обхожденіи этой очаровательной женщины соединялась скромность съ нѣжною кротостью; и когда насъ подвели къ ней, какъ ни пріятно было поцѣловать ея руку, но она какъ будто совѣстилась, и каждой изъ насъ возвратила поцѣлуй въ щеку. Она со всѣми говорила пофранцузски, за исключеніемъ одной дамы, съ которой объяснилась порусски. Голосъ ея очень тихій и пріятный, и она говоритъ необыкновенно скоро. Выраженія ея были обще-принятыми придворныя фразы. Она спросила меня, какъ понравился мнѣ Петербургъ и замѣтила, что онъ произведетъ на меня пріятное впечатлѣніе. Я отвѣчала: точно такъ. Неужели это не умно? Далѣе она прибавила, что слышала о моей сестрѣ въ Москвѣ и что я предприняла такое дальше путешествіе ради удовольствія видѣть ее. Я отвѣчала: да, и потомъ прибавила что въ Петербургѣ я

остановилась единственно ради чести быть представленной государынѣ. За-тѣмъ она поклонилась и, пробывъ съ четверть часа, стоя въ полукругѣ сопровождавшихъ ее дамъ, возвратилась къ себѣ, потянувъ за собой свою длинную свиту.

Воскресенье, 27 августа Я очень сержусь, что доселѣ не могу оставить Петербурга. Послѣ представленія молодой императрицѣ, я по долгу неизбѣжнаго приличія должна была явиться съ той же церемоніи и къ вдовствующей государынѣ. Съ этой цѣлью Полянская ввела меня къ княгинѣ Прозоровской, которая обѣщала доложить императрицѣ и назначить день, когда я могу быть принята. Въ числѣ моихъ Русскихъ знакомыхъ есть графиня Воронцова, на дачѣ которой я провела очень пріятный день. Вы можете догадаться по имени, что она близкая родственница княгини Дашковой. Она знаетъ всѣ тѣ лица, съ которыми я познакомилась въ Италіи, и посѣтила почти тѣ же мѣста, которыми я проѣзжала. Ея сестра, красавица княжна Голицына, говорятъ, выходитъ замужъ за нашего посланника, который, кстати, былъ очень внимателенъ ко мнѣ вслѣдствіе письма лорда Гарроубисъ. Онъ прислалъ мнѣ очень вѣжливое письмо, предлагая свои услуги и потомъ заѣхалъ ко мнѣ съ своимъ секретаремъ, Стюартомъ. Когда онъ былъ у насъ, меня не было дома; я отвѣтила ему, попросивъ похлопотать о моемъ новомъ визитѣ императрицѣ; въ слѣдъ за тѣмъ онъ опять посѣтилъ меня, и опять напрасно. Только въ третій разъ, я увидѣла его за ужиномъ у княгини Волконской, гдѣ было все Англійское посольство.

Англичане здѣсь живутъ сами по себѣ, своей собственной жизнію. Домъ Рекса для меня совершенно мой домъ; доброта ихъ ко мнѣ безгранична. Но предметомъ моего удивленія въ этомъ семействѣ служитъ братъ Рекса, мистеръ Кавана, замѣчательно образованный молодой человѣкъ, съ капитальной головой. Я предупредила его, что мнѣ предлагаются услуги со всѣхъ сторонъ, но чтобъ не смѣшаться въ нихъ, я избираю его

моимъ церемоніймейстеромъ и главнымъ руководителемъ, пока остаюсь въ Петербургѣ. Въ силу этого назначенія, онъ приходитъ ко мнѣ каждое утро для полученія, какъ онъ говоритъ, моихъ приказаній и надобно отдать справедливость его любезному вниманію, каждое мое порученіе онъ исполняетъ съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и очаровательной готовностію.

Нисшіе классы народа удивляютъ меня своей странной наружностію—и патріархальной длинnотой бородъ; трудно повѣрить, чтобъ они родились послѣ потопа. При восходѣ и закатѣ солнца и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ они со всего размаха крестятся, и эта операція продолжается, по крайней мѣрѣ, четверть часа. Они кланяются чуть не до земли. Я часто вижу изъ оконъ мужиковъ, работающихъ на рѣкѣ, съ ихъ длинными бородами, придающими имъ видъ сказочныхъ богатырей. Четвергъ, 29 Августа. Мнѣ нечего писать, да и времени мало. Представте, что я купила единственную книгу — придворный альманахъ; я совершенно терялась въ именахъ, которыя неизбѣжно знать. Въ слѣдующій понедѣльникъ, т. е. 1 Сентября я выѣзжаю.

31 *Августа*. Странная участь этого письма; вотъ уже вечеръ воскресенья, а оно еще не отдано на почту. Впрочемъ эта мѣшкотность дала мнѣ случай исполнить другую церемонію—представиться вдовствующей императрицѣ. Подробности тѣ же. Она очень видная женщина, высокая, хорошо - сложенная и хотя ей между сорока и пятидесятью годами, но она кажется еще молодой. Теперь ничто не задерживаетъ меня въ Петербургѣ. Дорожная моя карета превосходная и, подъ покровительствомъ двухъ проводниковъ Фридриха и Еркова, мнѣ нечего бояться. И такъ, покойной ночи; погода холодитъ, но за то свѣтлая луна будетъ моей спутницей.

Петербургъ. Авг. 20, 1805 г.

Миссъ Генріета,* въ одну безсонную ночь, проведенную на кораблѣ, я смѣялась сама съ собой, вспомнивъ о томъ, что вы просили меня въ деревнѣ постоянно увѣдомлять васъ изъ Россіи, во время моего путешествія; будьте увѣрены, я думала объ этомъ часто и на морѣ и на сушѣ. Вѣроятно, вы получаете мои поклоны изъ писемъ моей госпожи; мнѣ стыдно было выражать ихъ вамъ своими собственными словами. Вы спрашиваете, какъ мнѣ нравится Россія послѣ Ирландіи—читайте это письмо, которое будетъ распечатано вами въ Гленморѣ. Не знаю, какъ сказать вамъ; но я видѣла много смѣшныхъ вещей. Я люблю Лондонъ, но еще больше Коркъ. Въ Лондонѣ я видѣла прекрасную піесу; горничная и слуга капитана Уильмотъ были присланы ко мнѣ на помощь. Но что за наѣздникъ! Прекрасные золотые галуны вьются на его курткѣ, и истинные джентльмены и леди танцуютъ на сценѣ! Я много видѣла здѣсь занимательныхъ вещей, также и въ паркѣ; мода во всемъ и вездѣ; Лондонскія краснощекія леди, я увѣряю васъ (отчего избави насъ Богъ,) румянятся и носятъ самыя безстыдныя шляпы, наялобученныя на лобъ. Я вовсе не думала такъ дурно о путешествіи; потому что я никогда не была такъ больна, какъ во время плаванія изъ Ирландіи. Мы высадились на берегъ въ Даніи, гдѣ гавань была покрыта мачтами, какъ лѣсомъ. Это очень весело; и во всемъ нашемъ путешествіи было только два бурныхъ дня. Между тѣмъ, я выходила на палубу и шила платье, когда корабль бѣжалъ своимъ путемъ. У насъ все было хорошо; капитанъ былъ славный; куры несли намъ свѣжія яицы, и въ каютѣ было двѣ постели для насъ. Мы все могли получать отъ управляющаго Джемса сквозь маленькое наружное окно. По правдѣ, капитанъ, потомъ одинъ ста-

* Это письмо отъ горничной миссъ Уйльмотъ.

рый джентльменъ и слуга, замѣнявшій отца семейства (онъ же озаботился нами изъ Лондона) всѣ были добрые люди. Мнѣ казалось, что я вовсе не на морѣ, хотя они и говорятъ, что мы проплыли уже полторы тысячи миль. Какъ удивила меня карета мистера Букерса, въ Кронштадтѣ, гдѣ мы пристали къ Русскому берегу, карета, присланная за нами. И что за кучеръ правилъ ею! Широкій кушакъ, черная борода и длинный кафтанъ его, чтобъ мнѣ съ мѣста не сойдти, походилъ на юбку. Благодаря Бога, мы встрѣтили здѣсь Англійскую прислугу, и она была очень вѣжлива; въ домѣ, гдѣ насъ приняли, мы нашли кучу прекрасныхъ дѣтей.

Ухъ! миссъ Генріета, какъ странно видѣть Русскихъ женщинъ! Что бы имъ не одѣваться по-человѣчески? Вовсе не весело смотрѣть на ихъ голубые, желтые, и зеленые сарафаны, вышитые золотыми позументами съ болтающимися шишками на сережкахъ и съ рукавами точно у мужчинъ. Стыдно подумать, какими обезьянами онѣ ведутъ себя въ обществѣ. Лучше бы имъ умывать свое лицо, чѣмъ дозволять такому содому блохъ прыгать по нимъ.

На третій день мы оставили Букера и переѣхали на другой берегъ залива въ Ораніенбаумъ, гдѣ мы посѣтили великолѣпный дворецъ,—котораго имени не знаю; здѣсь приняла насъ другая карета и двое слугъ съ страшными бородами; одинъ изъ нихъ, красный, какъ роза, провожалъ насъ до Петербурга. Какъ, вы думаете, мы ѣхали? Четырехъ длиннохвостыхъ коней заложили намъ въ корень и двухъ впереди; гривы у лошадей здѣсь рѣдко стригутъ; длинныя пряди волосъ спускаются почти до земли; за-тѣмъ раздался свистъ и крикъ кучеровъ, и какъ они скачутъ!—быстрѣе вѣтра. Тогда-то я подумала, что мы, дѣйствительно, далеко отъ Ирландіи.

Въ Гленморѣ я не видѣла ничего подобнаго этому ряду дворцовъ и густыхъ лѣсовъ, которые возвышаются по обѣимъ

сторонамъ дороги къ Петербургу. На крышахъ виднѣлись изображенія, съ крыльями, подобно птицамъ. Я устала смотрѣть на нихъ. Хороши также загородныя дачи, съ ихъ земными садиками, съ клумбами розъ и геранiй, выставленныхъ на балконахъ. Мы ѣхали вечеромъ, потому что днемъ невыносимо жарко. И солнце здѣсь больше и горячѣе, чѣмъ въ Италiи.

Никогда не забуду, какъ хорошъ показался мнѣ Петербургъ въ первый день. Коркъ негодится ему въ подметки; и рѣка здѣсь въ пять разъ шире, чѣмъ Ли; не думаю, чтобъ она звалась тѣмъ же именемъ. Первую ночь мы спали въ просторной домовой церквѣ мистера Рикса, это люди очень милые, подобно Реду и Андерсону въ Фермоѣ. Завтракъ нашъ состоялъ изъ чаю и превосходныхъ сливокъ. Служанка миссъ Риксъ дала мнѣ славный кружевный чепчикъ, а миссъ Уильмотъ бѣлый вуаль и въ этомъ видѣ я пошла съ слугами смотрѣть дворецъ. Ужасный шумъ раздавался вокругъ меня; когда я повернула голову назадъ то увидѣла настоящую скалу съ гигантомъ—всадникомъ на ней. Остановите его, сказала я; увѣряю тебя, Генрiета, я приняла этого страшнаго урода за живаго человѣка. И что же оказалось? это бронзовый императоръ, называемый Петромъ или Петромъ великимъ или чѣмъ то въ родѣ этого.

На другой день, Полянская, прекрасная, черноглазая, пріятная молодая женщина прислала за нами карету. Ночью мы переѣхали въ ея домъ; и я испугалась проходя длиннымъ рядомъ комнатъ; черный Негръ, въ желтой курткѣ, съ тюрбаномъ и двумя свѣчами въ рукахъ провожалъ насъ. Много бы платьевъ надѣлала себѣ нянька Конель изъ этого краснаго дамаска, которымъ обиты стѣны дома. Но, увы! какъ кусали насъ мухи цѣлую ночь. И какое зрѣлище представилось мнѣ поутру. Кругомъ меня собрались настоящiе тузы, съ золотыми аксельбантами, съ звѣздами на груди и съ коронами на головѣ. Одинъ портретъ уставилъ глаза прямо на меня и куда бы я ни поворотилась, онъ преслѣдовалъ

меня. Это Русская императрица, повѣшенная въ золотой рамѣ и точно живая.

Едва, сказала я своей миссъ, завтрикаютъ ли здѣсь? какъ стукъ стукъ! и въ дверяхъ явился гренадеръ, съ серебрянымъ подносомъ съ кофейникомъ, двумя чашками, сливочниками и ворохомъ разныхъ бисквитовъ; по пятамъ за нимъ юркнула къ намъ дѣвчонка съ вопросомъ къ миссъ Уильмотъ, не угодно ли ей дыни? послушай-ка, сказала я ей. Еслибъ мы были въ Коркѣ, намъ теперь подали бы свѣжыхъ яицъ. Но дѣвушка, озадаченная моимъ требованіемъ, понуривъ голову, вышла изъ комнаты и яицъ намъ не подали. На слѣдующій день, я отправилась въ домъ Рикса, гдѣ было забыто нами ночное платье; въ коридорѣ меня оставили одну, молодая Англичанка съ ея братомъ; они пошли за шляпами, а ко мнѣ явился Русскій, съ чорной бородой, подобно лошадиному хвосту, сталъ къ стѣнѣ совершеннымъ столбнякомъ и ничего не говорилъ. Я отъ глубины души скорбѣла при взглядѣ на него; а онъ стоялъ такъ важно, какъ нищій, получившій два пенса. "Стыдно, сказала я ему что, вы не обрѣжите этотъ конёвый хвостъ, который виситъ на вашемъ подбородкѣ; вѣдь вы пугаете имъ добрыхъ людей". За-тѣмъ я взглянула на него горькой рѣдькой Они всѣ смѣялись надо мной; по приходѣ домой, я разсказала о всемъ этомъ моей госпожѣ.

Но какія здѣсь великолѣпныя спальни. У насъ три комнаты, обставленныя зеркалами, золотомъ, бѣлыми мраморными столами, арфами и клавесинами, печами до потолка, вызолоченными статуетками, часами съ музыкой и паркстами изъ акажу или что-то въ родѣ этого. Каждый день за обѣдомъ я чуть не помираю со-смѣху, когда черный негръ подаетъ мнѣ кушанья. Дайте мнѣ кусокъ bread, "говорю я." Glep, повторяетъ онъ; потому что не умѣетъ сказать правильно. "Ну хорошо, дайте мнѣ *glep*, если вамъ угодно," говорю я, и онъ подаетъ мнѣ точно такой же bread, какъ и въ Ирландіи, хотя и называетъ его *glep*.

У насъ здѣсь много музыки; восемь лакеевъ играютъ на флейтахъ и скрипкахъ. Этихъ людей называютъ рабами, хотя я вовсе не вижу на нихъ цѣпей. Не угодно ли вамъ взглянуть на прекрасное новое шелковое платье, которое мнѣ подарила сестра моей госпожи, также серебрянный крестикъ и зеленый шолковый чепчикъ, который я сама купила. Я очень счастлива, и люблю свое мѣсто. Генріета, если вы будете въ деревнѣ, скажите моему батюшкѣ и матушкѣ, что я часто вспоминаю о ихъ совѣтѣ и слѣдую ему; напомните обо мнѣ также мистрисъ Маннъ. Когда я смотрю изъ оконъ и вижу передъ собой Россію, иногда думаю, да что же? Стоитъ только надѣть шляпу и салопъ, и я могу побывать въ деревнѣ.

Я посѣтила три здѣшнія церкви, и онѣ такія же, какъ и у насъ; но одна совершенно наша, и миссъ Уильмотъ знаетъ одного католика, у котораго я могу исповѣдаться. Надо вамъ сказать, что я никогда не выхожу здѣсь со двора безъ *позволенія*. Прошлое воскресенье я весь день провела съ однимъ добрымъ Англійскимъ семействомъ; да не забудьте, Генріета, сказать моимъ знакомымъ, что я здѣсь ни съ кѣмъ не позволяю вести себя свободно, да и не имѣю надобности въ этомъ. Люди здѣсь, какъ столбы, стоятъ до тѣхъ поръ, пока вы громко не позовете ихъ; "поди сюда," скажешь имъ, и они скачутъ и мечутся, какъ угорѣлые. Но ѣдятъ здѣсь хорошо и вдоволь, и фрукты всѣхъ родовъ. Мнѣ приносятъ на подносѣ льду, который я кладу въ стаканъ вина или воды.

Передай отъ меня поклонъ мистеру Гейсу и леди, а главнѣе всего, Эдуарду и мистрисъ Кэнальи. Мнѣ жалко будетъ разставаться съ этимъ мѣстомъ, хотя я и часто раздумываю объ Ирландіи, когда сижу за работой. "Моя милая, говоритъ мнѣ однажды хозяйка дома, какъ вы поживаете?" По ея выговору, я увѣрена, что она родилась въ Ирландіи. Она призываетъ маленькихъ *козачковъ*, мальчиковъ восьми или девяти лѣтъ прекрасно одѣтыхъ

играть на балалайкѣ и тѣмъ забавлять мою госпожу. Они скачутъ, пляшутъ и вѣчно съ музыкой въ рукахъ. Эта балалайка родъ гитары. Но насъ часто навѣщаютъ здѣсь Англичане.

Прощайте. Генріета. Я часто думаю о васъ, прошу и меня не забывать. Преданная тебѣ слуга

ЕЛЕОНОРА КАВАНА.

Троицкое. Сент. 24.

Недавно я писала вамъ и, въ концѣ письма, прибавила обѣщаніе увидѣть васъ опять въ Филиппи. Но осенній холодный день заставляетъ измѣнить слову; холодъ страшный и я трясусь и сержусь на то, что не топятъ печей. Но это еще цвѣтики, плоды въ переди.

Есть и еще на что пожаловаться, ничто въ мірѣ мнѣ такъ не удается, какъ хорошее распредѣленіе времени. Въ девять часовъ утра мы собираемся пить кофэ; потомъ разговоръ, музыка или прогулка и часто два часа, Богъ знаетъ, какъ проходятъ; потомъ около двухъ часовъ раздается громовой колокольчикъ и мы являемся отправлять длинный обѣдъ, который безжалостно заставляютъ ѣсть. Княгиня особенно любитъ похвалиться столомъ, произведеніями ея фермы теплицъ и проч. Въ 6 часовъ подается чай, а въ половинѣ десятаго или равно въ десять мы ужинаемъ. Такимъ образомъ цѣлый день истрачивается на обѣды.

Россія еще довольно варварская страна, и она можетъ отличаться добродѣтелью гостепріимства. У ней много другихъ національныхъ достоинствъ, но я успѣла замѣтить ихъ только среди нисшихъ сословій народа; что же касается до высшихъ, они во всемъ подражаютъ Французамъ; положимъ, что Французскія манеры къ нимъ идутъ, но все же это

обезьянство. Такъ, напримѣръ, вмѣсто стараго обычая кланяться при встрѣчѣ, васъ цѣлуютъ въ обѣ щеки съ видимымъ восторгомъ и потомъ механически бормочутъ, какъ имъ пріятно познакомиться съ вами. Одежда также чужая и по всюду слышится Французскій говоръ. Въ Петербургѣ—въ этомъ сумбурѣ всего иностраннаго — онъ необходимъ въ коммерческихъ дѣлахъ, а въ Москвѣ онъ принятъ изъ моды. И какъ странно видѣть, что среди этихъ Французскихъ манеръ, языка и нравовъ, Русскіе кричатъ противъ Бонапарта, когда не могутъ съѣсть обѣда безъ Французскаго повара, когда не могутъ воспитать дѣтей безъ Парижскихъ бродягъ, принимающихъ здѣсь обязанности наставниковъ и гувернантокъ, словомъ когда, весь внѣшній лоскъ взятъ изъ Франціи. Но такова глупость человѣческая. За всѣмъ тѣмъ, я, какъ лицо постороннее лучше согласилась бы находиться въ Французской гостинной, чѣмъ во всякой другой; потому что хотя Русскіе и рѣдко безобразятъ свое тѣло толстотой, но умъ они посылаютъ во Францію, нисколько не подозрѣвая униженія ни для себя ни для своего отечества. Національная музыка, пляска, одежда и языкъ—все пренебрежено и оставлено для обиходнаго употребленія рабовъ.

Но я заговорилась не кстати; гораздо лучше обратиться къ самой Дашковой. Характеръ ея діаметрально противоположенъ всякому обезьянству; едва ли есть существо болѣе оригинальное, чѣмъ она. За всѣмъ тѣмъ, духъ оппозиціи тянетъ меня отъ нея и Троицкихъ лѣсовъ въ Москву, гдѣ я только провела три дня; признаюсь, мнѣ очень хочется возвратиться сюда еще разъ. Между тѣмъ я познакомлю васъ съ гостиной Небольсиной.

Небольсина очень церемонно извинялась, что она не позвала меня на балъ, который была намѣрена дать по случаю моего пріѣзда. "Мавра Романовна (имя М...) сказала она, совершенный ангелъ, и я люблю и почитаю ее отъ всей души. Быть ея сестрой—значитъ имѣть полное право на мою любовь и дружбу." Потомъ она обняла своими

полнокровными руками М... и поздравила ее съ моимъ пріѣздомъ; причѣмъ обѣщала мнѣ и безконечную дружбу и наградила такими сладкими поцѣлуями, отъ какихъ я охотно отказалась бы. Но не безпокойтесь, не смотря на эту цыганскую вѣжливость, я вела себя очень прилично.

Княгиня—превосходная странность! Она расточаетъ мнѣ необыкновенныя похвалы на Русскомъ языкѣ; М...понимаетъ ихъ и передаетъ мнѣ послѣ.

За ужиномъ Дашкова часто говоритъ со мной поанглійски, и потомъ переводитъ порусски своей заловкѣ, украшая все чрезъ мѣру. Вообще княгиня обращается съ нами съ какимъ-то особеннымъ предпочтеніемъ, первый разъ очень удивившимъ меня. Такъ, наприм. никто, какой бы ни былъ его чинъ, не смѣетъ сѣсть въ присутствіи ея, если она не попроситъ; и не рѣдко случается, что она не позволяетъ; я видѣла однажды съ полдюжины князей, простоявшихъ впродолженіи всего визита.

Дашковой, кажется, никогда не приходило въ голову притворяться въ своихъ чувствахъ; и вы можете вообразить, въ какомъ привилигированномъ положеніи она находится. Она рѣжетъ правду, какъ хлѣбъ, нравится ли это другимъ или нѣтъ—для нея все равно; къ счастію природа дала ей чувствительное и доброе сердце, иначе она была бы общественнымъ бичомъ. Первая по званію, уму, образу жизни, она вездѣ занимаетъ первое мѣсто и что бы ни сдѣлала, все кажется необыкновеннымъ. Для примѣра я раскажу одинъ случай : однажды она обратила гостиную графа.....въ спальню для моего удобства. Въ другой разъ за ужиномъ, она приказала подать корзинку, стоявшую на этажеркѣ, наполнила ее ананасами, персиками виноградомъ и проч., и велѣла поставить на своемъ туалетномъ столикѣ. Отгадайте за-чѣмъ? Ради моего же удовольствія, потому что я однажды сказала ей, что люблю ѣсть фрукты только передъ завтракомъ. Послѣ этого она каждое утро присылаетъ мнѣ ихъ съ горничной. Я про-

сила ее отмѣнить эту любезность, но она всегда отвѣчала: "Будьте покойны, мой дружокъ; это маленькія требованія моего сердца; иначе ваша младшая сестра разсердится и выбранитъ меня за неисполненіе моихъ обязанностей."

1 *окт.* Слава Богу, печки начали топить и наши комнаты теплы и удобны.

Ну, а еще что сказать? Кажется я никогда не говорила о Троицкомъ, любимомъ мѣстопребываніи Дашковой. Оно, дѣйствительно, очень хорошо и совершенно устроено по ея плану, окруженное шестнадцатью деревнями, принадлежащими ей. Три тысячи крестьянъ или какъ она называетъ ихъ "ее подданныхъ" живутъ очень счастливо подъ ея безусловной властью; и едва ли кто такъ кротко и заботливо управляетъ своими крѣпостными. Слугъ у нея, включая сюда всевозможныя ихъ подраздѣленія, насчитывается до двухъ сотъ, сто лошадей, двѣсти коровъ и все прочее, въ томъ же размѣрѣ, служитъ на пользу ея семейства: можете вообразить о громадныхъ ея расходахъ. У нея есть своя церковь, построенная за домомъ. Лѣсъ, принадлежащій имѣнію, простирается на девять миль длины, и на четыре въ ширину; онъ примыкаетъ къ одной сторонѣ дома; въ окрестности его иногда заходятъ волки; и въ этомъ-то лѣсу я и княгиня блуждали вчера болѣе часу. Множество земли занято огородами и садиками въ англійскомъ вкусѣ; черезъ все помѣстье струится прекрасная рѣчка. Впрочемъ Троицкое мертвая равнина, и только съ помощію обработки и искуственныхъ украшеній превратилась въ восхитительну дачу. Домъ просторной, съ окнами по обѣимъ сторонамъ, съ балконами восходящими до втораго этажа.

Среди этого огромнаго имѣнія, среди богатства и почестей, я желала бы, чтобъ вы взглянули на княгиню, идущую гулять или лучше смотрѣть за работами своихъ крестьянъ. Она, обыкновенно, носитъ темное платье, шелковый платокъ вокругъ шеи, совершенную тряпку:—да

какъ и не обратиться ему въ тряпье, когда она не снимаетъ его едва ли не восьмнадцать лѣтъ? Это подарокъ ея друга мистрисъ Гамильтонъ. Въ ея лицѣ, манерахъ, языкѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ есть какая-то оригинальность, только ей одной свойственная. Она помогаетъ каменьщикамъ лѣпить стѣны, сама проводитъ дороги, кормитъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя піесы и пишетъ для печати; она громко говоритъ въ церкви, поправляетъ попа если онъ ошибается, въ театрѣ перерываетъ актерамъ и учитъ ихъ, какъ надо выполнить роль; она докторъ, аптекарь, лекарь, кузнецъ, плотникъ, чиновникъ, адвокатъ; словомъ, въ ней соединяются всѣ крайности; она переписывается съ братомъ, съ философами, съ поэтами, съ Евреями, съ сыномъ и съ другими родственниками, и за всѣмъ тѣмъ, кажется, у нея очень много лишняго времени. Она постоянно представляется мнѣ сказочной героиней и это впечатлѣніе, которое я составила о ней заочно, не покидаетъ меня ни на одну минуту. Странная смѣсь въ ея говорѣ; она, кажется, не замѣчаетъ, говоритъ ли она по-французски, по-англійски или по русски. Одинаково хорошо она знаетъ Нѣмецкій и Италіянскій языкъ; но произношеніе ея не совсѣмъ ясно, и я черезъ то лишаюсь удовольствія бесѣдовать съ ней.

Она обѣщала показать мнѣ письма императрицы Екатерины, и я читала нѣсколько главъ собственныхъ мемуаровъ Дашковой. Надобно знать царствованіе Екатерины II, чтобъ понимать характеры и предметы этого времени; княгиня живетъ воспоминаніями, она подробно говоритъ о всемъ, что видѣла и слышала и я начинаю воображать себя участницей революціи. Кстати, въ залѣ виситъ огромный портретъ Екатерины, одѣтой въ мундиръ и верхомъ на лошади; кромѣ того, портреты ея развѣшаны по всѣмъ комнатамъ.

Вчера утромъ я сошла завтракать и видѣла, что княгиня каптила селедку для меня, потому что я какъ-то прого-

ворилась о разстройствѣ желудка. Княгиня, по какому-то вдохновенію, отгадала средство противъ моей болѣзни.

Октября 2. Прощайте и надолго. Послѣ этихъ отрывистыхъ, безсвязныхъ посланій я не буду писать вамъ, пока остаюсь въ Троицкомъ, развѣ только придется увѣдомить о моемъ "окамененіи." Окамененіе сильно занимаетъ меня, и напоминаетъ о здѣшней банѣ, отлично устроенной. Двѣ женщины ничего другаго не дѣлаютъ, какъ топятъ печки и убираютъ ее. Вы знаете, что баня для Русскихъ, какъ и для Турокъ, религіозный обрядъ; никто изъ нихъ не пойдетъ въ церковь, изъ опасенія осквернить ее, если не вымыется на-канунѣ въ банѣ. Это омовеніе совершается каждую суботу. Въ нашей банѣ три комнаты; въ одной изъ нихъ устроенъ полокъ, на который поднимаются для пара. Здѣсь есть также большая ванна, въ которой вы можете купаться и тереться мыломъ. Я прошла всѣ степени Русской бани. Княгиня, выходя изъ нея, ложится въ постель, въ особенно для того приготовленной комнатѣ. Но это слишкомъ для меня.

Княгиня—милая женщина; не смотря на строгую точность своихъ расположеній, она обѣщала, выѣхать въ Москву двумя днями раньше за тѣмъ чтобъ показать намъ львовъ ея. Она говоритъ "графъ Алексѣй Орловъ дастъ балъ." Потомъ посылаетъ свое приказаніе, и балъ данъ, какъ будто такъ и должно быть. Она также обѣщаетъ показать мнѣ Кремль и я пошлю сказать, прибавила она, чтобъ Архіепископъ Георгійскій служилъ обѣдню. Едва ли кто изъ иностранцевъ пользовался такими средствами видѣть Россію, какъ мы, благодаря доброй княгинѣ.

Между другими планами, Дашкова хочетъ свозить меня весной въ Польшу; но мнѣ очень не хотѣлось бы. Я знаю, что далекое путешествіе утомляетъ и разстроиваетъ ея здоровье. Но если она разъ задумала, трудно разубѣдить ее. Съ чего вы взяли думать, что я начинаю *говорить* по Русски. Нисколько! и отложите всякое попеченіе. Я чувствую, что тупѣю каждый день; моя лѣность и апатія растутъ нѣпо-

мѣрно. Не такова М....; она говоритъ и пишетъ по Русски чудесно. Княгиня учитъ ее и онѣ почти каждый день переписываются по Русски. За-тѣмъ прощайте.

Троицкое. 2 Дек. 1805 г.

Молчи Алиса; я знаю, что я въ Россіи..... Каково бы ни было однообразіе нашей Аркадской жизни въ этомъ очарованномъ замкѣ, но оно рѣшительно не возбуждаетъ охоты писать; потому что для воображенія нѣтъ ни одного вершка живой почвы; передъ нами, на широкомъ горизонтѣ стелется безпрерывная равнина снѣга; ей придаютъ разнообразіе однѣ темныя ночи и безжизненные дни. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ эта картина, можетъ быть, не такъ ужасна. Хотя я живу въ пустынномъ домѣ, на послѣднемъ краю Европы, среди безпощадныхъ морозовъ и потому совершенно неспособна писать письма; но я въ состояніи чудесно исполнить самые необходимые дневные труды и раздѣлять участь моихъ сожителей. Положимъ, что вокругъ меня повсюду сугробы снѣга, за всѣмъ тѣмъ я любуюсь прекрасными цвѣтами, которые современемъ распустятся и зацвѣтутъ...

Неугодно ли тебѣ прогуляться въ моемъ цвѣтникѣ? Подними повыше подолъ платья и обойди со мной этотъ домъ, посмотри на его комнаты; или, если угодно, садь на диванъ, подожми подъ себя ноги, подобно Русскимъ дамамъ и погадай на картахъ—это самое любимое занятіе между просвѣщенными людьми этой блистательной aurora borealis.

Природа здѣсь походитъ на тонкій очеркъ, проведенный перомъ на листѣ бѣлой бумаги; каждый предметъ такъ тощь и холоденъ, такъ незамѣтенъ на этой однообразной бѣлизнѣ. Не смотря на то, каждый день въ три часа ожидаетъ насъ у подъѣзда кибитка или сани. Первый экипажъ походитъ на дѣтскую колыбель, съ медвежей полостью и съ кожаннымъ верхомъ. Сюдя вы можете погрузиться между М..... и Анной Петровной или, точнѣе говоря, вы усадитесь тремя страшными кучами, потому что завернувшись

въ эти шали, шубы и мѣха, вы теряете всякій человѣческій видъ. Да взгляните и на одѣяніе нашихъ слугъ, Гаврилы, Петруши, Ѳедора и Ивана. Кафтаны ихъ опоясаны цвѣтными кушаками; на головахъ ихъ торчатъ высокія. черныя, гренадерскія шапки. И эти чудовищныя шапки они ежеминутно снимаютъ по долгу покорности, и часто по колѣна въ снѣгу, съ открытой головой выслушиваютъ всякое слово, сказанное имъ; и если снѣгъ облѣпитъ ихъ лобъ, они спокойно сбрасываютъ его и опять надѣваютъ шапку.

Я, кажется, писала тебѣ, что Троицкое, какъ лилія въ долинѣ, то есть, бѣлый ощекотуренный домъ отѣненъ мрачными лѣсами. Передняя часть лѣса походитъ на кладбище природы; *каждое дерево* поднимается бѣлымъ скелетомъ, —печальнымъ, жалкимъ и дикимъ; но эти видѣнія изчезаютъ, и мы ѣдимъ среди высокихъ сосенъ, которыхъ стрѣлки представляются въ видѣ снѣжныхъ колоннъ, и отражаются тысячами мраморныхъ полосъ въ нашемъ влажномъ взорѣ. И на этомъ печальномъ фонѣ зима рисуетъ самыя блистательныя краски и тѣни.

Закатъ солнца даетъ не менѣе очаровательный видъ; когда горизонтальный лучь пройдетъ по снѣжной скатерти, онъ, кажется, мгновенно открываетъ всѣ сокровища Голконды: земля начинаетъ блестѣть сафирами, изумрудами, аметистами, опалами и брилліантами.

Безмолвное уединеніе дубравы, когда мы проѣзжаемъ по ней, - рѣдко нарушается; развѣ попадется дровосѣкъ, похожій больше на Сатира, чѣмъ на человѣка; безконечная его борода, залѣпленная снѣгомъ и сосульками, мѣрно отвѣчаетъ поклономъ каждому удару топора. Впрочемъ появленіе госпожи остановливаетъ всякій трудъ; пока не изчезнутъ изъ виду сани, эти бѣдные Сатиры, становятся въ рядъ и кланяются до земли.

Но я надоѣла тебѣ своей дубравой; и по дѣломъ, не любопытствуй. А видишь ли ты этотъ дымъ, вьющійся надъ снѣжной кровлей? Это баня, которую топятъ каждую субботу. Если ты повернешь къ задней сторонѣ дома,

замѣтишь длинный рядъ зданій и среди ихъ церковь. Всѣ эти угодья и пристройки можно, по ошибкѣ, принять за маленькій городъ. Здѣсь есть театръ, манежъ, больница, конюшни, домъ управляющаго, пріемная горница, покои служителей и такъ дальше.....

И какой здѣсь нѣтъ прислуги! Одинъ снимаетъ сапоги, другой отворяетъ дверь въ столовую, третій въ гостиную и все это безпрерывно бѣгаетъ и суетится. Но вотъ на первомъ планѣ виситъ портретъ князя Дашкова, красавца въ свое время; онъ умеръ на двадцать шестомъ году возраста. А вотъ эта женщина, съ повелительнымъ взглядомъ. съ орлами, вышитыми на хвостѣ горностаевой порфиры—Екатерина II; противъ нея внукъ ея императоръ Александръ. Но довольно о картинахъ. На переднемъ мѣстѣ комнаты, въ большихъ креслахъ, за маленькимъ столомъ, въ пурпуровомъ шелковомъ платье, въ бѣломъ мужскомъ колпакѣ, съ собачкой Фиделью, спящей на подушкѣ у ея ногъ, пестрая, какъ лавошникъ, сидитъ княгиня. Она поджидаетъ насъ домой, потому что нынѣшній вечеръ начнется чтеніе писемъ Екатерины II къ Дашковой. Эти предметы, напоминающіе ей былое время, печально одушевляютъ ея лицо.

Воскресенье. 7 декабря. Пять дней прошло, какъ я отправила мое послѣднее письмо; въ это время св. Екатерина, патронесса княгини Дашковой, благоволила собрать свою духовную и земную подать. Княгиня и я были именинницы, она рѣшилась отпраздновать этотъ день вдвойнѣ. Наканунѣ собрались попы въ столовую комнату и отслужили торжественный молебенъ. "Богъ" блистательно освѣщенъ въ своемъ углу; серебряный образъ Екатерины, отражавшійся въ большомъ зеркалѣ горѣлъ въ всемъ блескѣ умилостивительныхъ лампадъ. Когда религіозный обрядъ кончился, каждый подходилъ къ княгинѣ съ поздравленіемъ и подарками. Крестьяне собрались въ залу, всякій съ хлѣбомъ, посыпаннаго солью, что они подносятъ въ знакъ уваженія, а нѣкоторые прибавили тарелку яблокъ

для прикрасы приношенія. Княгиня и я обмѣнялись взаимными подарками, и обѣ приняли ихъ отъ М...и Анны Петровны. Ночью пришли поздравительныя письма изъ Москвы отъ всѣхъ родственниковъ Дашковой. Но довольно для кануна св. Екатерины.

На другой день мы отправились въ церковь и слушали обѣдню. Собраніе наше увеличилось пріѣздомъ князя Дашкова, Постникова, генерала Елагина съ семействомъ, графа Санти и множества другихъ сосѣдей. Ты можешь представить, сколько насъ присутствовало за обѣдомъ; княгиня сидѣла на первомъ мѣстѣ, я по правую руку. Насъ поздравляли вмѣстѣ, на Русскомъ, Французскомъ, и Англійскомъ языкѣ; каждый вставалъ съ бокаломъ шампанскаго и пилъ за здоровье наше. Вечеръ прошелъ за музыкой и картами. Въ пятницу мы ѣдимъ въ Москву; но до-того вѣрно ты не соскучишься погостить въ нашемъ Троицкомъ.

Понѣдѣльникъ. 8 декабря. Если обѣдъ, описанный мной, возбудилъ въ тебѣ особенный апетитъ, тебѣ стоитъ только сойдти внизъ и сѣсть за большимъ квадратнымъ столомъ. Во-первыхъ поѣсть, если угодно, яичныхъ пирожковъ съ супомъ, потомъ запей ихъ медомъ или квасомъ. Но попробуй пожалуйста, икры, осетрины. Можетъ быть, ты любишь уху; котлеты, солонина и дичь—все къ твоимъ услугамъ; да не забудь съѣсть соленой огурецъ съ жаркимъ. А что ты думаешь о поросенкѣ и кисломъ молокѣ? Потомъ возьми пастилы или крымскихъ яблокъ, или Кіевскаго варенья или сотоваго меда или розоваго цвѣта или моченыхъ грушъ.

Но во имя неба, не ѣшь больше; потому что въ семь или восемь часовъ ты сядешь за такой же обѣдъ, подъ названіемъ ужина. Прежде чѣмъ ты пойдешь къ себѣ, пока окуриваютъ комнаты, отъ чего я задыхаюсь, зайди въ кабинетъ княгини, доброй, тихой старушки. Она очень любитъ и ласкаетъ меня, называя своей избранной сестрой; она во всемъ старается похвалить меня, мое семейство и

отечество. Часто, смотря на меня, она восклицаетъ: "это лучшее доказательство любви провиденія ко мнѣ: милое дитя довѣрилось одному моему имени и одна, издалека, посѣтила меня, положившись на честное слово. Теперь скажи мнѣ, сестра Кети, чѣмъ я могу доказать ей свою любовь и признательность... Однажды я зашла въ ея кабинетъ прочитать посвященіе ея мемуаровъ М..... Оно написано превосходно; въ немъ дышетъ любовь, удивленіе благодарность и энтузіязмъ къ ея другу.

Я часто думала попробовать обрисовать характеръ княгини Дашковой; но это рѣшительно невозможно. Черты его такъ разнообразны, такъ оригинальны, что все это, подъ моимъ перомъ, вышло бы хаосомъ человѣческихъ противурѣчій. Въ ея душѣ собраны всевозможные элементы, всѣхъ возрастовъ и состояній; мнѣ кажется, она была рождена стоять въ головѣ народнаго правленія, быть главнокомандующимъ арміи или диктаторомъ имперіи. Въ самомъ дѣлѣ она призвана для дѣятельности на высокомъ поприщѣ, которая такъ шла женщинѣ, въ восьмнадцать лѣтъ руководившей революціей и потомъ двѣнадцать лѣтъ управлявшей двумя академіями.

Суббота, вечеромъ, Москва 15 декабря. Мы только-что пріѣхали, послѣ самого грустнаго путешествія; но наше пребываніе въ Москвѣ отравлено печальнымъ извѣстіемъ о скорой и неизбѣжной кончинѣ брата Дашковой. Сынъ его находится при немъ; и если не дойдутъ до насъ болѣе благопріятные слухи, думаю что мы отправимся въ Андреевское, гдѣ онъ теперь находится. Это страшный ударъ! Но я должна идти въ постель—поправлять свои разбитыя кости на ухабистой дорогѣ.

Москва. 18 февр. 1806.

Конечно, я недовольна тѣмъ, что пишу рѣдко и далеко не отвѣчаю твоимъ ожиданіямъ и заботамъ о моемъ дра-

гоцѣнномъ здоровьѣ въ этой бѣлой странѣ, среди дѣтей зимы, гдѣ я мерзну въ сугробахъ снѣга. Но твои упреки не совсѣмъ справедливы; вспомни, что моя прощальная рѣчь была яснымъ предсказаніемъ моего будущаго поведенія; я оправдала его и буду оправдывать, пока съ весеннимъ солнцемъ не возвращусь къ вамъ—окончить дни свои на родной землѣ.

Но довольно о прошедшемъ и будущемъ; за настоящее же благодарю тебя. Третьяго дня я получила послѣднее твое письмо, писанное въ Удъ - Гилѣ, отъ 28 декабря, вмѣстѣ съ другими, которыя хотя и замедлили, но достигли своего назначенія. Когда мнѣ подали эти письма, мы торопились надѣвать перчатки и салопы, готовясь отправиться на обѣдъ къ генералу Тутолмину, одному изъ губернаторовъ Польши; поэтому мы сунули ихъ въ карманы. Я хотѣла прочитать ихъ дорогой, такъ какъ намъ приходилось проѣхать шесть верстъ; но сани прыгали по ухабамъ какъ корабль по волнамъ бурнаго моря. Пріѣхавъ, я удалилась въ крайнюю комнату, гдѣ уже были разложены карточные столы, и принялась за чтеніе вашихъ давно-вожделѣнныхъ писемъ.

Я была на половинѣ вашего письма, когда князь Юсуповъ взялъ меня подъ руку и повелъ обѣдать. Я шла рядомъ комнатъ, среди цвѣтовъ, подъ звуками музыки, съ кавалеромъ, увѣшаннымъ всевозможными орденами, осыпаннымъ всевозможными почестями, и въ это время пережовывала твое письмо. Но позволь мнѣ теперь поговорить объ обѣдѣ, а не о твоемъ письмѣ.

Мнѣ ужъ наскучили эти обѣды. Роскошь и великолѣпіе, которое окружаетъ насъ, скоро теряетъ свой эффектъ и потомъ наступаютъ утомительные будни. Что было особенно новаго для меня на этомъ обѣдѣ, это то, что я находилась въ кругу гостей—героевъ Екатерининскаго двора. Москва —императорскій капитолій Россіи. Всѣ сановники прошлой эпохи, удаленные или обойденные благоволеніемъ Але-

ксандра, живутъ въ этомъ лѣнивомъ, полусонномъ и великолѣпномъ городѣ; они наслаждаются идеальнымъ величіемъ, уступивъ своимъ преемникамъ дѣйствительную власть при Петербургскомъ дворѣ. За всѣмъ тѣмъ, разукрашенное привидѣніе князя Голицина, главнаго камергера Екатерины II, является во всемъ блескѣ своихъ звѣздъ и лентъ, которыя подъ тяжестію девяностолѣтней старости, вдвойнѣ пригибаютъ его къ землѣ. На этомъ жалкомъ скелетѣ висятъ бриллiантовый ключь, и другія нарядныя бездѣлушки.

Другой изъ этихъ росписанныхъ выходцевъ съ того свѣта — графъ Остерманъ, бывшій государственный канцлеръ. На немъ висятъ ордена св. Георгія, Александра Невскаго, Владиміра и проч. въ красныхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ бантахъ, и восемьдесять три года висятъ за его плечами.—

Графъ Алексѣй Орловъ, адмиралъ Екатерининскихъ временъ, первый богачъ христіанскаго міра, окруженный Азіятской роскошью. Рука, задушившая Петра III, унизана алмазами, среди которыхъ блеститъ портретъ Екатерины, съ ея признательной улыбкой. Къ числу нашихъ Московскихъ гостей принадлежитъ также Корсаковъ, переживщій любовникъ; не смотря на свои морщины, онъ доселѣ утѣшается воспоминаніями былаго счастія. Словомъ, величіе, окружающее насъ, другого міра; при всемъ томъ этими стариками правитъ та же придворная сплетня и глупость, то же тщеславіе, та же надутая гордость, то же чванство, составляющія источникъ ихъ счастія или горя; какъ будто могила, надъ которой они стоятъ, не страшна имъ.

Признаюсь, я отъ всей души презираю названіе Екатерины *Великой*, на языкѣ этихъ сѣдыхъ болтуновъ; потому что они превозносятъ ее въ пользу отличія своихъ заслугъ.

Эти Московскіе и все столбовые сановники окружены женами, дочерями, внучками, нарядно одѣтыми сидящими въ раззолоченныхъ будуарахъ; передъ ними курится ѳиміанъ, пляшутъ бѣдные рабы и разносятъ конфекты посѣтителямъ.

Здѣсь вездѣ Французская одежда, повсюду молодыя питомцы Французскихъ дѣвчонокъ и аббатовъ; и за всѣмъ тѣмъ онѣ воспитаны большею частію худо, въ рабскомъ подражаніи, занятыя одной наружностью, не имѣя даже пріятныхъ манеръ, столь свойственныхъ Французской гостиной. Когда Московская барыня осмотритъ васъ съ ногъ до головы, измучитъ своими поцѣлуями, наговоритъ вамъ тысячи увѣреній въ вѣчной дружбѣ, безъ церемоніи разхвалитъ васъ, спроситъ о цѣнѣ вашего платья, перечтетъ всѣ ордена на своихъ сосѣдахъ —за-тѣмъ отъ нея больше ничего не ожидайте. Едва ли она имѣетъ какое нибудь понятіе выше этой болтовни, за исключеніемъ похвалъ Французскимъ ювелирамъ на счетъ Русскихъ брилліантщиковъ.

Я замѣтила, въ числѣ Московскихъ предразсудковъ, предпочтеніе Французовъ Англичанамъ, хотя Бонапартъ для нихъ какое-то чудовище, а Нельсонъ герой, достойный сожаленія. Англичанъ здѣсь уважаютъ издали; ихъ жизнь, языкъ почти вовсе неизвѣстны; ихъ манеры нелюбимы; вообще ихъ судятъ здѣсь на свой ладъ, не такъ какъ другихъ иностранцевъ. Молодые Англійскіе путешественники обращаютъ на себя вниманіе и удивленіе тѣмъ, за что никто не станетъ превозносить въ нашемъ отечествѣ — за хорошій вальсъ, за умѣнье говорить по Нѣмецки и по Русски, за постоянныя повторенія "ваше сіятельство, ваше превосходительство," за безпощадные комплименты всякому Русскому, не смотря на то, что имъ явно предпочитаютъ Французовъ.

Я разскажу два примѣра, какъ всякая новизна увлекаетъ этихъ гордыхъ медвѣдей. Одна княжна убѣжала съ Италіянскимъ Синьоромъ —, живописцемъ. Племянникъ Дашковой..... женился на дочери Французскаго учителя. Образованіе здѣсь не имѣетъ никакаго значенія, особенно между женщинами; какимъ нибудь нелѣпымъ софизмомъ изъ черной магіи ихъ можно сбить съ толку. Такъ это и случилось съ синьоромъ....., человѣкомъ шестидесяти лѣтъ, вскружившимъ голову двадцати-девятилѣтней княжнѣ, при-

кинувшись атеистомъ и поклонникомъ ясновидѣнія Берклея. Онъ прослылъ за вдохновеннаго генія, и передъ нимъ отворились всѣ двери аристократическихъ домовъ. Я видѣла его одинъ разъ и приняла за доктора шарлатана. Черезъ три недѣли послѣ онъ пришелъ къ Московскому митрополиту просить позволенія вступить въ бракъ: на вопросъ: "какой онъ религіи," Синьоръ съ хохотомъ отвѣчалъ: "всѣхъ или никакой." Поднялся шумъ,—но онъ обратился въ греческое вѣроисповѣданіе и былъ обвѣнчанъ. Вотъ одно изъ девяти Московскихъ чудесъ.

Образованіе нашего вѣка очень замѣтно выражается въ различіи молодаго Московскаго поколенія и ихъ матерей. Послѣдніе плохо знаютъ иностранные языки, но почти всега кокетки.

Я не знаю, можно ли сравнивать это общество съ Англійскимъ. Въ Москвѣ мы знакомы только съ аристократами, каковы въ Лондонѣ герцогиня Гордонъ, Девонширъ и проч. Такія же скромныя, невинныя, розовыя, нимфы, какъ ты, Л...и П...здѣсь живутъ внѣ всякого общества и слѣдовательно ихъ нѣтъ. Послѣ этого я не удивляюсь если наши юноши, возвращаясь изъ путешествія спѣшатъ женится, и понимаю княгиню Дашкову, которая выражается такъ: "я думаю, что самъ Богъ гордится созданіемъ Англійской женщины." Впрочемъ Англичане и въ половину не такъ думаютъ о ней.

Дома здѣсь превосходно устроены; на столахъ является непомѣрная роскошь; музыкальные оркестры великолепные. Чтобъ дать тебѣ понятіе, какъ живутъ здѣсь, я укажу на генерала Кнорринга. Онъ двадцать лѣтъ служилъ на границѣ Россіи въ Грузіи и Персіи, а чтобы *служить* въ Россіи надо имѣть покровительство и право рожденія.

Пріѣхавъ къ этому Кнорингу, мы вошли въ переднюю, гдѣ тридцать или сорокъ слугъ въ богатыхъ ливреяхъ бросились снимать наши ботинки и салопы. Генералъ, хозяинъ дома, съ манерами стараго куртизана, виднѣлся

на концѣ цѣлаго ряда живописныхъ и зеркальныхъ комнатъ, со всѣхъ сторонъ отражаясь на полированномъ стеклѣ. Онъ подбѣжалъ къ намъ, раскланиваясь на каждомъ шагу. Поцѣловавъ у насъ руки, а мы его въ лобъ, онъ привелъ насъ въ столовую, гдѣ былъ поданъ завтракъ, состоявшій изъ ликеровъ, икры, редисокъ, сыру, копченыхъ сельдей; кругомъ стола стояли гости, которые послѣ закуски усѣлись за карточные столы и, какъ обыкновенно, играли отъ двухъ до трехъ часовъ. Потомъ каждый гость взявъ подъ руку даму, ставился въ рядъ двадцати или тридцати паръ и всѣ шли церемоніальнымъ маршемъ, подъ звуками музыки, къ обѣденному столу. Горничныя группой стояли у дверей, напѣвая народныя пѣсни, съ акомпаниментомъ музыки. Маленькій Китаецъ, Негръ, Черкешенка, Калмычка, всѣ одѣтыя въ національное платье, присутствовали за обѣдомъ и вмѣстѣ съ другими рабами забавляли собраніе, то пѣснями, то гримасами; ихъ ласкали или бросали имъ конфекты.

Когда мы, отобѣдавъ, той же процессіей двинулись въ гостиную, передъ нами танцовали крестьянскія дѣвушки, а мы сидѣли на диванахъ, попивая кофэ. Все это, какъ вы видите, совершенно въ Англійскомъ вкусѣ. Но день кончился, поданы свѣчи, зажжены лампы, вмѣсто сторъ опущены транспаранты и гости стали разъѣзжаться. Около половины седьмого мы были дома.

Въ Москвѣ теплѣй, чѣмъ въ Троицкомъ; я и М..... почти каждый день, около часу бродимъ вокругъ дома по снѣгу, на удивленіе Русскихъ, которые зимой никогда не гуляютъ пѣшкомъ.

Не льзя не разсказать тебѣ очень забавнаго угощенія, на которомъ мы недавно присутствовали. Я жаловалась княгинѣ, что обращаясь въ одномъ высшемъ кругу, мы не имѣемъ случая познакомиться съ народной жизнію, съ обычаями купцовъ, мѣщанъ и т. п. Дашкова немедленно удовлетворила моему любопытству; назначенъ былъ день

и мы всей семьей, человѣкъ шестнадцать или семнадцать, отправились обѣдать въ лучшую гостинницу въ Москвѣ. Намъ подали Русскій обѣдъ, состоявшій, смѣю увѣрить тебя, не менѣе, какъ изъ ста блюдъ, приготовленныхъ совершенно въ народномъ вкусѣ. За обѣдомъ сидѣла сама хозяйка отели, одѣтая въ платье, шитое золотомъ, и украшенная брилліантами; лицо, руки и шея были у ней нарумянины, какъ у куклы: обычай—румяниться очень старинный въ Россіи. Намъ прислуживали человѣкъ сорокъ, съ длинными бородами, въ красныхъ или разноцвѣтныхъ рубашкахъ, съ засученными рукавами, безъ жилетокъ и кафтановъ. Мальчикъ игралъ на органѣ и за позволеніе играть въ этомъ трактирѣ онъ платитъ нѣсколько сотъ рублей каждый годъ; это, между прочимъ, показываетъ, какъ многолюдна гостинница и какъ любятъ здѣсь музыку. Послѣ кофэ явились въ залу цыганки, съ вышитыми шалями черезъ плечо, съ сережками въ ушахъ, сдѣланными изъ различныхъ монетъ. Какъ восхитительно они плясали свои народные танцы! Когда надо было выразить страхъ, ихъ живость переходила въ бѣшеный экстазъ; движенія ихъ, сопровождаемыя рѣзкимъ крикомъ, были такъ дики и необузданны, что страшно было смотрѣть на нихъ.

Подчиненіе въ высшей степени господствуетъ въ Москвѣ. Здѣсь собственно нѣтъ того, что называютъ *джентльменомъ*; каждый измѣряетъ свое достоинство мѣрой царской милости. Поэтому старые идіоты и женщины, выжившія изъ ума, всемогущи, это естественно, имѣя на себѣ болѣе лентъ и чиновъ, чѣмъ люди молодые. Что касается до молодыхъ людей свѣтскаго тона, ихъ очень мало, потому что большая часть гоняется за счастіемъ при Петербургскомъ дворѣ или служитъ въ арміи. Мѣсто ихъ заступила толпа молокососовъ напудренныхъ, напомаженныхъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, съ Французскими гувернерами, посвящающими ихъ въ тайны свѣтскаго общества Помилуй господи глу-

ность этого юнаго поколѣнія и меня въ кругу его, какъ лягушку на камнѣ.

Но пора кончить и поблагодарить тебя за всѣ твои новости. Да взгляни на печать этого письма; вчера княгиня подарила ее мнѣ: семь звѣздъ или сѣверная медвѣдица—это она сама; пламя на алтарѣ—это чувство зажженное ею во мнѣ. Хорошенькая печать, вырѣзанная на драгоцѣнномъ камнѣ. Прощай.

Его Священству Ж. С.*

..... Въ замѣнъ тѣхъ свѣдѣній, которыя вы сообщили мнѣ, я могу побесѣдовать съ вами о подобныхъ же предметахъ, замѣченныхъ мной въ Россіи — о свадьбахъ и погребеніяхъ. Простите, начинаю съ классической древности. Кажется, съ восьмаго или девятаго вѣка, не раньше, бракъ освященъ церковью. Сначала онъ имѣлъ три различныхъ степени, нынѣ свѣденныя въ одинъ обрядъ; во-первыхъ, обрученіе кольцами или договоръ, во-вторыхъ матримоніальное вѣнчаніе, и въ третьихъ снятіе вѣнцовъ на восьмой день. Вы помните, что Римскіе поэты воспѣваютъ—факелъ Гименея, договоръ, покровъ и гирланду цвѣтовъ.

Теперь прошу васъ представить церковь, окруженную бородатыми мужиками, одѣтыми въ тулупы, обутыми въ лапти съ рукавицами на рукахъ. Въ ожиданіи жениха и невѣсты они обмѣниваются поздравленіями обнимаясь другъ съ другомъ, борода въ бороду, каждый цѣлуя своего сосѣда полюбовно. Такъ какъ все это происходитъ на на снѣгу и на холодѣ, то они постоянно потираютъ руки и носы о кожаные тулупы, и въ тоже время безпощадно крестятся, потому что стоятъ передъ церковью. Дюжина саней подкатываетъ къ папертямъ, гдѣ принимаетъ брач-

* Reverend.

ную чету священникъ, въ епитрахили; женихъ и невѣста вылезаютъ изъ саней, запинаясь подъ тяжестью своей одежды идутъ въ церковь, въ сопровожденіи всѣхъ возможныхъ своихъ родственниковъ, за исключеніемъ отца и матери, которые остаются дома. Теперь вы можете представить Русскую мятель въ лѣсу: крестьяне, съ замерзлыми бородами, кланяясь и крестясь, поднимая и опуская руки, снуютъ взадъ и впередъ, стекаясь со всѣхъ концевъ деревни къ паперти. Попъ становитъ молодыхъ передъ налоемъ, благословляетъ и креститъ ихъ, даетъ имъ зажженныя свѣчи, потомъ подводитъ ихъ къ амвону, опять благословляетъ, покрывая ихъ облакомъ курящагося ладона.

Далѣе начинается молитва, произносимая дьякономъ; подаются кольца, которыми обмѣниваются женихъ и невѣста, не снимая ихъ никогда. Когда они наклоняютъ головы, попъ читаетъ имъ молитву*.

Послѣ этого съ первой невѣсты снимается покрывало, торжественно возлагаются вѣнцы и чету три раза обводятъ кругомъ налоя; при этомъ попъ держитъ ихъ за руки, и за нимъ идутъ дьячки и дружки, всѣ съ горящими свѣчками, распѣвая гимны, оглащающіе церковь. Какъ символъ счастливой будущей жизни, молодымъ подается чаша съ краснымъ виномъ, изъ которой они, по перемѣнно пять разъ, прихлебываютъ до тѣхъ поръ, пока не осушатъ совершенно; наконецъ, они смотрятся въ зеркало, которое подаетъ имъ священникъ(?). Потомъ вѣнцы снимаются, невѣста опускаетъ свое бѣлое покрывало и произносится окончательное благословеніе.

Теперь намъ надобно протолкаться въ самую кучу родственниковъ, чтобъ видѣть, какъ они отводятъ невѣсту въ отдаленный уголъ церкви, гдѣ старыя бабы снимаютъ съ нея покрывало, чешутъ ей волоса передъ сборищемъ, и когда

* Примѣчаніе перев. Здѣсь и еще въ двухъ или трехъ мѣстахъ мы выпустили молитвы, извѣстныя каждому Русскому читателю, но которыхъ текста у насъ не было.

заплетаютъ ей косу, подходитъ женихъ и садится рядомъ съ молодой, держа свѣчный въ рукѣ, и, повидимому, глубоко призадумавшись; потомъ надѣваютъ на нее кокошникъ, знакъ женщины, и съ торжествомъ ведутъ въ домъ ея мужа. Здѣсь она садится въ передній уголъ; все начинаетъ веселиться, за исключеніемъ самой невѣсты, и ея молодыхъ подругъ, которыя оплакиваютъ ея бракъ или поютъ ей похвалы.

Вы догадаетесь, что я описываю вамъ крестьянскую свадьбу; чтобы видѣть ея національный характеръ, надобно сойти по общественной лѣстницѣ въ самые нисшіе ряды Русской жизни. Но позвольте перемѣнить сцену и повести васъ на кладбище. Хотя описаніе смерти — предметъ моего пира, но вы не бойтесь моей печальной картины; потому что аристократъ, котораго я провожала до могилы, возбуждаетъ по себѣ размышленіе, но не стоитъ искренней слезы. Это былъ отставной куртизанъ, безъ характера, безъ уваженія, безъ друзей; ничего не зная изъ природы, кромѣ вышитыхъ цвѣтовъ на его мундирѣ, не имѣя ни одного высокаго порыва души и не думая ни о чемъ, какъ о снисканіи чиновъ, онъ не оставилъ по себѣ въ мірѣ другого слѣда, кромѣ пыли внѣшнихъ почестей.

Я не стану разсказывать вамъ, что происходило надъ его прахомъ въ домѣ; это значило бы повторять себя. Перейдемъ въ церковь. Здѣсь гробъ его поставленъ среди собранія, окруженный множествомъ церковниковъ съ горящими факелами. Тропари, эктеньи, молитвы, поминанія, куреніе ладономъ, благословенія занимаютъ время между появленіемъ гроба и началомъ большой панихиды. По окончаніи ея, попы выходятъ изъ алтаря, становятся вокругъ и поютъ очень грустную церковную пѣснь.....

Это пѣніе и кажденіе ладаномъ продолжается около часу; но самая торжественная молитва за упокой души поется въ то время, когда прощаются близкіе родственники съ своимъ покойникомъ. Потомъ священникъ произноситъ слова отпу-

щенія и кладетъ въ руки усопшаго листъ бумаги, называемый паспортомъ; въ этомъ паспортѣ означается вѣроисповѣданіе умершаго и просьба о прощеніи его грѣховъ. Наконецъ закрывается гробъ и опускается въ могилу.

Никогда я не забуду однихъ похоронъ, которыя я видѣла въ ясный летній день въ Петербургѣ, случайно вошедъ въ церковь въ ту самую минуту — когда бѣдное семейство, собравшись около гроба, отдавало послѣдній поцѣлуй покойнику. Эта печальная картина глубоко запала въ мою душу. Но пора кончить письмо; иначе оно своимъ похоронным шагомъ не поспѣетъ на почту. Притомъ, я слишкомъ ужъ росписалась. Прощайте.

Троицкое. 21 марта. 1806 г.

Этотъ листокъ лежитъ передо мной со вчерашняго дня; я хотѣла отвѣчать на ваше письмо, любезный А....., полученное мной въ Москвѣ и которое выбило изъ моего сердца радость, подобно жезлу Моисея, ударившему въ пустынную скалу; но помѣрѣ того, какъ я писала, тонъ его становился болѣе и болѣе угрюмымъ, такъ-что зимняя буря, завывающая реквіемъ надъ кораблекрушеніемъ, не такъ печальна, пасмурна и безотрадна, какъ было настроеніе моего письма; я вскочила со стула, позвала Элеонору и попросила открыть мой чемоданъ, разложить вещи по своимъ мѣстамъ и привести все въ порядокъ по возвращеніи изъ Москвы.

Вы не можете вообразить, какъ утомительны Русскія дороги. Отъ частой ѣзды, онѣ обращаются въ какія-то безобразныя кучи льда и снѣга, изрытыя ухабами, по которымъ вы не ѣдете, а прыгаете. Въ иной ямѣ вы остаетесь минутъ двадцать, откуда лошади не въ состояніи вытащить васъ и имъ помогаетъ прислуга, подхватывая возокъ съ обѣихъ сторонъ. Притомъ возокъ, въ которомъ

ѣхала я съ Анной Петровной, * былъ натыканъ подушками, письменными ящиками, одной собакой и другими дорожными надобностями; такъ что когда весь этотъ грузъ, подъ луннымъ свѣтомъ, остановился у подъѣзда въ Москвѣ, намъ недоставало только нѣсколькихъ слоновъ, чтобъ представить Индійскую армію. Но кромѣ толчковъ, отморозовъ и невыносимой усталости, мы еще сердились на то, что такъ рано оставили Москву.

Сердилась Анна Петрова, М...и я; что же до княгини, —милая женщина! она едва скрывала свой восторгъ, возвращаясь въ Троицкое, изъ котораго она сама никогда не выѣхала бы, и жертвовала каждогоднымъ визитомъ Москвѣ единственно ради другихъ.

Между тѣмъ, какъ мы ворчали, сердились и грустили, кучеръ, торжественно выѣзжая изъ Москвы, погрузилъ насъ въ ухабъ на всемъ лету, такъ что гримасы и слезы, кресты и ликеры, неудовольствія и мѣшечки, подушки и образа, изрѣзанный на куски языкъ, пирошки, оленій рогъ и болонка—все перемѣшалось въ нашей каретѣ.

Наконецъ общее молчаніе было прервано вопросомъ: "Eh bien, ma chère amie, pour l'amour de Dieu, êtes-vous en vie?"—сказала моя спутница, какъ только опомнилась отъ испуга. "Non, отвѣчала я; je meurs tout-à-l'heure, et toutes mes jouissances en ce moment ressemblent peu aux plaisirs terrestres que nous regrettons là-bas, à Moscou."

Повтореніе подобныхъ приключеній было единственнымъ разнообразіемъ нашего пути, на разстояніи двадцати часовъ; Русскіе путешествуютъ и днемъ и ночью, за неимѣніемъ хорошихъ станціонныхъ домовъ. Впрочемъ погода была теплая, что защитило насъ отъ ночныхъ морозовъ, а сѣверная аврора, съ помощію снѣжныхъ отблесковъ, вела насъ въ темную пору до самого Серпухова. Здѣсь

* Имя родственницы Дашковой, дѣвицы Исленьевой. Прим. Брадфордъ.

мы расположились отдыхать въ собственномъ домѣ княгини и пробыли до вечера середы; на дворѣ была изморозь.

Пустынныя, плоскія, покрытыя безпредѣльными снѣгами окрестности тонули въ туманныхъ облакахъ надъ широкимъ горизонтомъ. Какъ печальна зима, не одушевленная человѣческой жизнію. Природа, казалось, навсегда замерла. Черныя полосы угрюмыхъ, безшественныхъ, холодныхъ лѣсовъ означали намъ приближеніе къ Троицкому, которое наконецъ показалось изъ за темной дубравы; изъ церкви пахнуло запахомъ ладона и раздались звуки благодарственнаго молебна, который служили по случаю нашего благополучнаго пріѣзда.

Мы вошли въ комнаты и застали М... лежащей на софѣ; она прежде насъ пріѣхала съ княгиней, совершенно измученная; притомъ она простудила горло и слегла въ постель; но теперь здорова. Добрая княгиня постоянно сидѣла у постели ея....

Въ лицѣ, поступкахъ и словахъ Дашковой выражается какая-то живость, которая вмѣстѣ съ ея разноязычнымъ говоромъ сообщаетъ наивность ея характеру и необыкновенно потѣшаетъ меня. Сегодня утромъ говоря мнѣ о прелести Троицкаго и, прочистивъ замерзшія окна, она воскликнула: "Now, I pray you, dear sister Kaitia, admire with me my beautiful Troitskoe. Look, have you seen or in Italy, or in France (mais c'est un vilain pays) même en Angleterre, a *ting* so perfect as cette superbe prairie à l'autre cotè de la riviere? Tell me out true, is it not un vrai paradis?"

—"Но я, княгиня, ничего не вижу, кромѣ снѣгу; прошлый октябрь былъ очень зеленъ и хорошъ; но теперь я ничего, равно ничего не понимаю, о чемъ вы говорите."...

25 Марта, третьяго дня она забрела въ мою комнату, съ апельсинной коркой въ рукѣ и прекраснѣйшимъ ожерельемъ, состоящимъ изъ четырехъ нитей отличнаго жемчуга; она просила меня сказать М...., что аптекарь прислалъ ей этотъ подарокъ для ея горла. Эта выдумка такъ потѣшала Дашкову, что она, расхаживая по комнатѣ и смѣясь надъ

всевозможными докторами въ мірѣ, которые посылаютъ жемчугъ вмѣсто пилюль. Въ этихъ мелочахъ видѣнъ характеръ княгини.

Но поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Мнѣ хочется отослать васъ назадъ въ Москву и повести на самую вѣжу одной колокольни, съ которой открывается великолѣпный, поразительный видъ; вы увидите грандіозную сцену, которой мы наслаждались недѣли двѣ тому назадъ. Эта колокольня, называется Иваномъ Великимъ, самая замѣчательная рѣдкость Кремля, возвышающаяся надъ Москвой, въ самомъ центрѣ города. Военные доспѣхи висятъ по стѣнамъ церкви и императорскій орелъ распустилъ свои золотыя крылья. Рѣка серебрянымъ кольцомъ вьется по городу и представляетъ самую свѣтлую линію среди окружающихъ ее предметовъ. На ея ледянемъ покровѣ замѣчается необыкновенная жизнь,— тамъ наѣздники на лошадяхъ различныхъ породъ, тамъ катанье на санкахъ, дальше ледянныя горы, съ которыхъ молніей спускаются на салазскахъ. Отдаленная часть рѣки изрѣзана прорубями, гдѣ прачки моютъ бѣлье, не чувствуя холода; тамъ огромныя корзинки съ рыбой, опущенныя подъ ледъ и т. д.

Физіономія Москвы попреимуществу Татарская. На нѣкоторыхъ колокольняхъ кресты возвышаются надъ луной,— какъ символъ побѣды христіанства; вызолоченые куполы чудесно горятъ подъ лучами солнца. Блестящіе шпицы, металическія крыши, громадные дома, съ чудовищными подъѣздами, окруженные полисадами; арки, театръ, госпитали, монастыри, сады и площади все это сливается въ самую разнообразную и самую безхарактерную массу, свойственную одной Москвѣ.

Но нѣтъ ничего интереснѣе, какъ видъ церквей, которыхъ внѣшнія стѣны иногда покрыты образами святыхъ гигантскаго размѣра. Передъ ними толпится множество народа, молящагося и падающаго низъ съ усердіемъ, болѣе похожимъ на идолопоклонство, чѣмъ на истинную религію.

И такъ я сводила васъ на Ивана Великаго, теперь попрошу воротиться въ Троицкое отдохнуть съ нами среди нашей феудальной лѣни; потому что, если вамъ угодно знать мое мнѣніе о Россіи, она еще находится въ четырнадцатомъ или пятнадцатомъ вѣкѣ. Ну да, я знаю хорошо роскошь Москвы и цивилизацію Петербурга. Но развѣ вы никогда не видѣли деревенскую, грубую, невѣжественную дѣвушку двѣнадцати лѣтъ съ Парижской шляпой на головѣ? Въ такомъ видѣ представляется мнѣ это императорское правительство. Въ нѣсколько столѣтій, нѣтъ сомнѣнія, Россія войдетъ въ общую систему Европейскихъ народовъ; время должно разорвать обручи, которые связываютъ дерево, прежде чѣмъ оно окрѣпнетъ и утвердится на своемъ собственномъ корню; слишкомъ поспѣшныя мѣры лишили бы его послѣдней жизни: то же можно сказать о Русской политической свободѣ и цивилизаціи. Впрочемъ это не мое дѣло.

Я хочу ввести въ залу, гдѣ дюжина рабовъ, съ хлѣбомъ и солью, ожидаетъ княгиню. Когда она покажется, они падаютъ ницъ и цѣлуютъ землю, съ тѣмъ пассивнымъ повиновеніемъ, которое выражаетъ самоуничтоженіе передъ лицомъ высшей власти. Кроткость Дашковой ставитъ ихъ въ лучшее положеніе, чѣмъ, обыкновенно, они пользуются. Каждый помѣщикъ маленькій царь своихъ крестьянъ; онъ можетъ быть для нихъ и ангеломъ и чертомъ. Послѣдняя сторона перевѣшиваетъ первую; потому что трудно быть ангеломъ тому, у кого въ рукахъ находится самодержавная власть. Я смотрю на каждаго Русскаго плантатора, какъ на желѣзное звѣно въ огромной цѣпи, оковывающей это царство; и когда я встрѣчаюсь съ ними въ обществѣ, невольно думаю, что они сами крѣпостные люди деспота. По мнѣнію большинства — *порокъ и добродѣтель* здѣсь служатъ синонимами *милости* или *немилости*. Личный характеръ замѣняется *службой*; уваженіе опредѣляется придворнымъ календаремъ; но не оцѣнкой заслугъ. Если бъ мнѣ нужно было знать добродѣтели Русскаго куртизана,

мнѣ стоитъ только взглянуть на его мундиръ, счесть эти четыре главныя и неопровержимыя добродѣтели, т. е. красную Александровскую ленту, голубую Андреевскую, орденъ св. Георгія, св. Владиміра. Неусыпное соисканіе *милости*, истекающей отъ лучезарнаго трона, приближаетъ каждаго чиновника къ принятію императорскаго знака, на чемъ бы онъ ни положилъ свой оттискъ — на ослѣ или змѣѣ.

Вслѣдствіе всего этого на самыхъ манерахъ лежитъ соотвѣтственная печать; люди вообще алчны до пріобрѣтеній даровыхъ, тѣмъ болѣе Московскіе дворяне, которыхъ блескъ уменьшается по мѣрѣ разстоянія отъ Петербурга и императорскаго двора.

Но довольно и объ этомъ. Поговоримъ о чемъ нибудь пріятномъ. Я слышу вашъ вопросъ: "но почему же она не оставляетъ Москву?" Не смотря на все, что я сказала, здѣсь тысячи удовольствій, вознаграждающихъ недостатокъ привлекательности или очевидную неискренность этого общества Въ развлеченіяхъ его, напримѣръ, есть чудесное катанье съ ледяныхъ горъ, прогулка въ саняхъ, живописный и оригинальный костюмъ, зимнія собранія и вечера, сухость климата и эластичность воздуха, печки, бани— все это очень нравиться мнѣ. Я не часто спускаюсь съ ледяныхъ горъ, но гуляю около нихъ почти каждый день передъ завтракомъ.

Понедѣльникъ. 24 марта, 9 часовъ. Я только что была въ саду, который кажется осыпанъ брилліантами: такъ красивъ морозъ, озаренный утреннимъ солнцемъ. Я посѣтила оранжерей, гдѣ цвѣтутъ розы, геранiи, лимоны, гвоздика и фруктовыя деревья; я перемолвила нѣсколько словъ по-русски съ Ѳедоромъ садовникомъ; но въ этомъ отношеніи я теряю всякую надежду.

Вчера во время обѣда, пріѣхалъ изъ Москвы курьеръ, и привезъ мнѣ письма. Теперъ я не буду душить васъ своими посланіями; но пріятно слышать, когда говорятъ,

что для васъ есть письма, особенно когда отвѣтъ можно получить только черезъ три мѣсяца. Но письмо мое, милая А, кончено.

Троицкое. 26 іюня. 1806 г.

Какъ, неужели вы забыли, что я не въ Италіи или Франціи и что единственнымъ разнообразіемъ въ этомъ году были для меня три окаменѣлыхъ мѣсяца, проведенныхъ въ Москвѣ. Но будьте увѣрены, что я провела Русскую весну не безъ знакомства съ тѣмъ баснословнымъ міромъ, который воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ и носитъ отпѣчатокъ языческаго суевѣрія съ христіанскими понятіями. Но какъ я смѣю касаться обрядовъ великаго чернаго духа, —который нѣкогда скрывался въ священныхъ лѣсахъ, потрясалъ землю бурями, говорилъ громомъ и требовалъ человѣческихъ жертвъ. Нѣтъ, яліяніе этого чудовища еще присутствуетъ повсюду—на поляхъ, въ ручьяхъ, въ дубровахъ и потому я не дерзаю сказать ни слова. Чтобъ укротить его гнѣвъ, ему доселѣ деревенскіе жители приносятъ пищу и вѣнки, которые я видѣла на мощахъ умершихъ.

Есть и женскій духъ, который менѣе страшенъ по причинѣ своего очаровательнаго голоса и зеленыхъ кудрей. Эта богиня, господствующая въ умахъ всѣхъ поселянъ, называется *Русалкой*. Она чешетъ свои длинные локоны, сплетаетъ вѣнки изъ прекраснѣйшихъ весеннихъ цвѣтовъ, вѣшая ихъ между тростникомъ; и въ эти минуты она вздыхаетъ, когда приближается къ ней смертный. Нимфы ея блуждаютъ по лѣсамъ и рѣкамъ, очаровывая ихъ своими чарами.

Однажды я встрѣтилась съ группой молодыхъ дѣвушекъ, бродившись на берегу рѣки и тихо посматривавшихъ на ея воды. Подошедъ ближе, я увидѣла, что онѣ бросали

въ нихъ гирланды васильковъ; смотря потому какъ уносилъ ихъ рѣчной потокъ, онѣ гадали о своей судьбѣ въ наступающемъ году.

Остановливаясь на предметѣ Русскаго народнаго чародѣйства, я не могу не разсказать вамъ одного приключенія со мной. Замѣтьте, что каждое новорожденное дитя, по повѣрью, окружается чарами злыхъ и завистливыхъ духовъ; которые съ ненавистью стерегутъ каждый шагъ его радостной и счастливой жизни. Прогуливаясь недавно въ саду, я съ удивленіемъ остановилась передъ хорошенькимъ малюткой, лежавшимъ въ корзинкѣ за спиной матери. Я истощила все знаніе Русскаго языка называя его красавцемъ, ненаглядным, добренькимъ и проч. но, къ крайнему моему изумленію, мать съ тревожнымъ взглядомъ, раскрыла дитя и начала облизовать его съ ногъ до головы. Я подумала, что она приняла меня за чорта, и поскорѣй скрылась въ кустахъ. Встрѣтивъ княгиню, я разсказала ей это произшествіе, которое она обьяснила мнѣ. Дѣло въ томъ, что бѣдная женщина боялась что я *сглазила* ее ребенка, т. е. она вѣритъ, что враждебныя феи, ухаживающія за нимъ, накажутъ его за эти похвалы и, потому облизавъ его, она хотѣла тѣмъ очистить свое дитя отъ моихъ ласковыхъ словъ и отвѣсти месть адскаго духа.

Эта недѣля была самая веселая для насъ; домъ былъ полонъ гостей и между нами избраннымъ гостемъ былъ племянникъ Дашковой, съ женой и маленькой дочерью. Ради развлеченія, мы по одному вечеру отправились въ имѣніе княгини, которое она не видѣла восемь лѣтъ. Такъ какъ ея не было въ нашей компаніи, то племянникъ предложилъ подарить ее нечаяннымъ сельскимъ праздникомъ въ этой дикоромантической деревнѣ. Надобно было разчистить ее и привести все въ порядокъ. Крестьяне этого села, (Ерлова) вмѣстѣ съ другими слугами, должны были все приготовить; въ четыре дня наша работа была окончена.

Впродолженіе этого времени мы исподтишка наблюдали за приготовленіями, поочередно отлучаясь изъ дому. Я бывала тамъ каждое утро; отсутствія моего не замѣчали. Такимъ образомъ мы устроили изъ ручья каскадъ, падающій на скалу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовали гроты, зеленую лужайку и разставили стулья.

Наконецъ, когда все было готово, явилась княгиня; она изумилась, когда ее начали угощать фруктами, сливками и проч., крестьяне въ праздническихъ платьяхъ, съ цвѣтами, окружили ее и начали пѣть и плясать передъ ней.

Это Ертово — крошечная Швейцарія, представляющая въ миніатюрѣ тотъ же живописный характеръ. Послѣ этого праздника мы всѣ упрашивали княгиню соединить Ертово съ Троицкимъ алеями, устроить и украсить этотъ милый уголокъ земли; но Дашкова приросла къ Троицкому, какъ къ раковинѣ и находитъ его земнымъ раемъ. Впрочемъ М.... одержала побѣду и, кажется, княгиня сдается на все.

31 Іюня. О! какъ весело получать письма. Не менѣе трехъ я получила изъ двухъ домовъ; они послужили мнѣ ужиномъ. Прощайте.

Его Священству Дж. С.

Троицкое, 14 окт. 1806 г.

Мы отправляемся къ св. гробу Димитрія Ростовскаго, патрона семейства Воронцовыхъ. Но я намѣрена остановиться не надолго въ Москвѣ и познакомить васъ съ ея лѣтней жизнію. Она вовсе не походитъ на зимнюю; городъ совершенно перемѣняется.—Звонъ колоколовъ, на ея безчисленныхъ колокольняхъ, невыносимая мука для моихъ нервовъ. Что же касается до мухъ и комаровъ, ни въ одной южной странѣ нѣтъ такихъ злыхъ насѣкомыхъ. Впрочемъ, я должна отдать справедливость Москвѣ въ другихъ отношеніяхъ. Ея

бульвары и общественныя гулянья въ лѣтніе вечера — восхитительны; и вы можете составить о нихъ нѣкоторое понятіе, если я скажу вамъ, что кромѣ обширныхъ садовъ, окружающихъ домы частныхъ лицъ, здѣсъ есть одинъ, состоящій не менѣе, какъ изъ четырнадцати Англійскихъ десятинъ, принадлежащихъ дворцу графа Остермана, въ самомъ центрѣ города.

Цвѣточный рынокъ, по богатству своихъ произведеній, можетъ спорить съ Лондонскимъ или Парижскимъ. Фрукты въ необыкновенномъ изобиліи; потому оранжеріи считаются здѣсь почти необходимой принадлежностью жизни и устроены на широкую руку. Арбузы славятся своей величиной и отличнымъ вкусомъ; или, обыкновенно, утоляютъ жажду въ лѣтнее время.

Говоря о фруктахъ, я не могу не похвалить Сибирскихъ яблокъ, совершенно прозрачныхъ и такой величины и вкуса, какихъ я еще не ѣла.

И такъ мы оставили Москву 11 августа, вечеромъ, въ сопровожденіе двухъ кавалеровъ, родственниковъ княгини. На разстояніи сорока трехъ верстъ мы ѣхали восхитительной дорогой, обставленной прекрасными дачами купцовъ, хорошо расположенныхъ помѣщичихъ домовъ; одинъ изъ нихъ принадлежитъ графу Разумовскому, окруженный лѣсомъ и омываемый рѣкой; потомъ мы проѣхали имѣніями Муромцова и князя Голицына, съ превосходными мѣстностями. Наконецъ мы прибыли къ Небольсиной, гдѣ насъ упросили остановиться прежде чѣмъ мы отправились въ Троицкую лавру, —это Русское Лоретто. У Небольсиной мы нашли большое собраніе окружныхъ помѣщиковъ, и насъ встрѣтили музыкой, баломъ и другими увеселеніями. Эта женщина очень, даже очень веселая вдова, живущая, подобно королевѣ, въ ея богатомъ имѣніи, среди садовъ, устроенныхъ въ Англійскомъ вкусѣ.

На другое утро мы занялись осмотромъ бань, теплицъ, Англійской фермы, конскихъ заводовъ и другихъ заведеній, перенесенныхъ изъ иностранныхъ земель.

Послѣ обѣда мы сѣли въ открытыя коляски и отправились въ сосѣднее село князя Юсупова посмотрѣть на его мануфактуру; здѣсь дѣлаются шали и шелковыя матеріи отличной работы, едва ли уступающей Ліонскимъ фабрикамъ. Князь содержитъ это заведеніе на извѣстныхъ условіяхъ отъ правительства. У него работаетъ семь сотъ человѣкъ, и они отвѣчаютъ за всякое поврежденіе зданій или машинъ. Но его безмѣрное состояніе, впрочемъ, состоитъ не въ одной этой мануфактурѣ; онъ держитъ бумажную и, кажется, часовую фабрику.

На слѣдующій день мнѣ случилось видѣть водоосвященіе; сцена самая театральная. Попы вооруженные золотыми крестами, хоругвями, иконами, сопровождаемые всей деревней, одѣтой въ лучшее праздничное платье, подошли къ рѣкѣ, и освятили ее воду съ разными религіозными обрядами.

До Троицкаго монастыря еще оставалось пятьдесятъ восемь верстъ; къ счастію, большая часть пути промигала подъ тѣнью лѣсовъ и оживлялась многими прекрасными селами, съ непремѣнной церковью и высокимъ теремомъ надъ темными группами деревьевъ, отражая лучи солнца вызолоченными куполами, крестами и главами.

Перспективы окружавшихъ насъ лѣсовъ перерѣзывались желтыми пажитями, между тѣмъ какъ по сторонамъ дороги волновалось море полевыхъ цвѣтовъ, необыкновенно одушевляющихъ сцену.

Мы ѣхали и днемъ и ночью и только на слѣдующій въ четыре часа достигли Троицы. Здѣсь намъ приготовили небольшой деревянный домикъ, но мы заблагоразсудили спать въ своихъ каретахъ и спали подъ защитой огромнаго сарая, гдѣ стояли экипажи путешественниковъ всѣхъ родовъ, кормились, ржали, фыркали и лягали лошади, на всей своей свободѣ.

Поутру, когда мы открыли глаза на своихъ четвероногихъ друзей, ихъ скоро поворотили къ монастырю, который

показался передъ нами во всемъ его готическомъ величіи, окруженный стѣнами, защитившими нѣкогда Петра I.

Хотя Екатерина II обрѣзала земныя стяженія этого духовнаго учрежденія, отобравъ у него семьдесятъ тысячъ крестьянъ, за что было назначено отъ казны самое ничтожное вознагражденіе, за всѣмъ тѣмъ доходы его, собираемые съ богомольцовъ, огромные. Когда Дашкова посѣтила гробницу св. Сергія, рака была открыта двумя священниками; они отслужили надъ ней панихиду, давъ ей поцѣловать крестъ и за тѣмъ тощій, изможденный и черный палецъ святаго. Что же касается до самого тѣла, ничего не льзя было видѣть кромѣ краснаго шитаго покрова и деревянной головы, на которую былъ надѣтъ вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней. И чего не было внутри самой раки! золотомъ вышитая риза, осыпанная перлами; кругомъ висѣли ордена и портреты, въ брилліантовыхъ оправахъ, императорскіе гербы и прочія шалости человѣческой суеты.

Архіепископъ Платонъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей въ Россіи, настоятелемъ этого монастыря. Онъ-смѣсь всего противоположнаго религіозному характеру и политическому состоянію страны; но въ первомъ отношеніи онъ такъ искусно разыгрываетъ свою роль, исполняя всѣ внѣшнія формы, что народъ глубоко почитаетъ его; въ послѣднемъ случаѣ его вліяніе и тонкій взглядъ на вещи внушаютъ къ нему уваженіе двора; вообще онъ признается однимъ изъ первыхъ колесъ въ государственной машинѣ.

Нанюхавшись ладону у гроба св. Сергія, гдѣ говорятъ, каждый день, совершаются чудеса, мы пошли, подъ прикрытіемъ монаховъ, осматривать монастырскія сокровища. Они выставлены, какъ рѣдкости музеума, въ нѣсколькихъ комнатахъ, по стѣнамъ которыхъ развѣшаны стеклянныя ящики, а въ нихъ хранятся, по крайней мѣрѣ, до пяти сотъ ризъ, сосудовъ, покрововъ и всѣвозможныя приношенія каявшихся грѣшниковъ,—и все это Азіятски-роскошно и богато. Здѣсь есть, между прочимъ, чаши, подаренныя

Екатериной II, изъ превосходнаго матеріала и изящной отдѣлки; одна чаша, напримѣръ, изъ оникса, оправленная алмазами; другая изъ цѣльнаго "кровавика" съ опаловой ручкой и пьедесталомъ; нѣкоторые литого золота, оправленные перлами. На ризахъ поповъ я замѣтила билеты, съ надписью, сколько фунтовъ вѣсятъ дрогоцѣнные камни и шитье,—иногда восемь, иногда десять и даже двѣнадцать.

Чтобъ отвести нашъ взоръ отъ всей этой блистательной маски идолопоклонства, мы взобрались на высокую каланчу, откуда разбрасывается прекрасный видъ на окрестности; между живописными предметами этой сцены самая привлекательная вещь—кельи архіепископа Платона. Но возвращаюсь къ разсказу о нашемъ путешествіи. На другое утро мы поднялись вмѣстѣ съ пѣтухами и, проѣхавъ тридцать верстъ, укрылись отъ дневнаго жара въ Кирибировѣ, Владимірской губерніи, гдѣ наши сіятельства провели часа четыре на чердакѣ; между тѣмъ какъ возлѣ лѣса былъ разведенъ огонь и, подъ голубымъ сводомъ неба, готовился обѣдъ. Иногда мы спали на сѣнѣ, а наши горничныя, вооруженныя зелеными вѣтвями, отгоняли отъ насъ мухъ. Когда жаръ умѣрился, мы подвинулись впередъ еще на тридцать верстъ и провели эту ночь на берегахъ знаменитаго Переяславскаго озера. На этомъ-то лоскуткѣ воды, Петръ I испыталъ въ первый разъ свою юношескую руку въ томъ искусствѣ, которое выдвинуло его страну, можетъ быть, преждевременно на путь цивилизаціи

Въ слѣдующій день мы проѣхали шестьдесятъ верстъ и ночью прибыли въ святой Ростовъ, гдѣ, по обыкновенію, главные его чиновники, одѣтые въ полные мундиры, встрѣтили княгиню въ воротахъ и проводили ее до собора; здѣсь мы вылезли и сквозь густую толпу прошли къ серебряному гробу св. Димитрія. Послѣ обычныхъ поклоненій, княгиня заказала церковникамъ служить обѣдню на другой день, въ десять часовъ, причемъ она приложилась къ мощамъ и отправила другія церемоніи.

Если вамъ надоѣли эти старые нетлѣнные джентльмены, какъ они надоѣли мнѣ, то нѣтъ надобности повторять о тѣхъ обрядахъ, которые выполнила Дашкова: они всегда одни и тѣже. Я увѣрена, что вамъ интереснѣе видѣть массивныя двери собора затворенными и пройдти вмѣстѣ съ княгиней къ архимандриту, который предложилъ ей свой гостепріимый домъ. Этотъ почтенный игуменъ, съ длинными волосами, раскинутыми по плечамъ, съ сѣдой бородой, въ длинополой рясѣ, провелъ насъ въ свою келью. Эта келья состояла изъ нѣсколькихъ великолѣпно-обставленныхъ комнатъ, украшенныхъ италіянскими фресками и императорскими портретами на стѣнахъ; передъ краснымъ диваномъ, на которомъ усѣлась княгиня, стоялъ столъ, покрытый разнообразными яствами; хозяинъ пригласилъ насъ откушать его трапезы, между тѣмъ, служки разносили чай, кофэ, шоколадъ, пирожки, путаясь въ своихъ келейныхъ болохонахъ и раздувая воздухъ длинными хвостами.

Теперь, закусивъ въ кельѣ Ростовскаго архимандрита, вы можете воротиться со мной въ Москву и послѣ девятидневнаго путешествія, отправитесь въ нашъ замокъ и, разумѣется, пріѣдите сюда въ пыли, утомленными, голодными и съ разстроеннымъ мозгомъ.

Черезъ нѣсколько нѣдель мы опять двинемся въ Москву; но пока прощайте.

Троицкое. 21 окт. 1806 г.

Я ужъ говорила о своихъ лѣтнихъ приключеніяхъ; и за тѣмъ что же разсказывать, если только воображеніе не поможетъ раскрасить происшествія нашей обыденной жизни. Но фантазія сильно работаетъ на сѣверѣ; и если это замѣчаніе справедливо относительно лицъ, то оно не менѣе справедливо

и относительно книгъ. Со временъ Тома Сёмба никогда здѣсь не было такого наводненія романовъ, какъ въ послѣднее время. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, мнѣ хотѣлось имѣть нѣкоторыя Русскія книги и одна мнѣ была дана, столь знаменитая, что будто бы переведена на всѣ языки ; но увы! по переводу я увидѣла, что безжалостно - приторная Англійская повѣсть, умиляющая сердце модистокъ, покажется Шекспиромъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ предложили. Но что же дѣлать? Бесѣдовать съ молодыми медвѣжатами,— это значитъ вѣчно говорить о ихъ домашнихъ дѣлахъ и расходахъ. Конечно, вы знаете, что каждая здѣсь женщина имѣетъ свое состояніе, независимо отъ мужа. Поэтому бракъ нисколько не соединяетъ матеріальныхъ интересовъ; если богатая невѣста выходитъ за бѣднаго мужа, онъ не смѣетъ распорядиться ни одной копѣйкой изъ ея состоянія. Эта черта кладетъ особенный оттѣнокъ на разговоръ Русскихъ барынь, который Англичанкѣ можетъ показаться удивительно - свободнымъ среди деспотическаго правленія.

Бѣдные мужья ! когда приходятъ ихъ имянины, жены дарятъ имъ зубочистки, табатерки ; а они, въ этомъ случаѣ, дарятъ своихъ женъ Турецкими шалями, вышитыми ридикулями, сережками и браслетами. — Собравшись въ кучку, Русскія матроны поютъ одну пѣсню о житейскихъ хлопотахъ, развѣ влетитъ въ общество самая нецеремонная кокетка и обратитъ на себя общее вниманіе выставкой брилліантовой короны или ожерелья, и затѣмъ вы немедленно услышите сколькихъ крѣпостныхъ людей оно стоило.

Это письмо пролежало нѣсколько дней у меня въ столѣ, и я забыла, на чемъ остановилась. Но съ чего бы не начать— все равно. Я разскажу вамъ объ одномъ Грузинскомъ князѣ, котораго я видѣла въ Москвѣ прошлаго августа, по возвращеніи изъ Ростова, на большомъ придворномъ вечерѣ, данномъ императоромъ въ Кремлѣ.

Праздникъ былъ данъ по случаю заложенія перваго камня въ основаніе какой-то академіи генералъ-губернаторомъ

Беклешевымъ, при его отставкѣ; эту честь оказалъ ему преемникъ его по должности генералъ Тутолминъ. Валуевъ, директоръ общественныхъ работъ, устроилъ для этого торжества палатки, подъ которыми собрались всѣ главные сановники, съ митрополитомъ и духовенствомъ и освятили заложеніе религіознымъ обрядомъ; въ заключеніе загремѣла многочисленная полковая музыка и пушечная стрѣльба съ крѣпости.

Среди этого собранія, меня поразила наружность Грузинскихъ фигуръ, одѣтыхъ въ ихъ живописный костюмъ, опоясанныхъ Турецкими шалями, въ желтыхъ сапогахъ и съ бриліантовыми перетнями на рукахъ. Они были представлены княгинѣ. Нѣкоторые изъ этихъ князей только—что были привезены въ Москву на—слово. Отечество ихъ уже было давно подъ императорскимъ игомъ; но главный изъ нихъ вождь, надменный, безпокойный, съ дерзкимъ взглядомъ, съ дикими большими усами, руководилъ бунтомъ, соединившись съ Персами, и былъ взятъ въ плѣнъ среди самого сраженія. Сынъ его прекрасный семнадцатилѣтній юноша, отличался чрезвычайно-грустнымъ выраженіемъ лица; между тѣмъ, какъ отецъ, казалось, съ удовольствіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на окружающую его сцену, распрашивая своего толмача о значеніи всего, что видѣлъ; въ то же время не льзя было не замѣтить въ немъ внутренняго сознанія своего мнимаго превосходства. Мнѣ было интересно видѣть этого плѣннаго полудикаря, съ его Азіятской свитой; я сидѣла противъ нихъ за великолѣпнымъ ужиномъ, которымъ окончилось торжество этого дня, поглядывая на нихъ сквозь вѣтки плодовыхъ деревьевъ, отѣнявшихъ столь свѣжей зеленью.

Есть еще исторія для васъ, и опять исторія пира, даннаго Дурасовымъ въ честь княгини, въ семнадцати верстахъ отъ Москвы на его чудесной дачѣ. Дурасовъ наслѣдовалъ огромное состояніе отъ своего отца, владѣвшаго въ Сибири золотыми пріисками; загородный домъ его истинный земной рай....

Я не стану остановливаться на роскоши стола, хотя все это было, какъ въ волшебномъ дворцѣ. Послѣ обѣда мы отправились гулять по саду, а вечеромъ собрались въ театръ. Не менѣе ста собственныхъ рабовъ Дурасова находились на сценѣ и составляли оркестръ; между антрактами исполнялся балетъ, все шло превосходно. и за всѣмъ тѣмъ тысячи извиненій были представлены хозяиномъ за недостатокъ игры, потому что полевыя работы лишили театръ почти всѣхъ актеровъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли. Но театръ и вся обстановка сцены были чрезвычайно изящны. Между тѣмъ, посѣтителямъ разносили фрукты, конфекты, чай, лимонадъ, мороженое, ликеры и зала окуривалась ароматическимъ порошкомъ.

Итакъ, если вы еще не заснули; то желаю вамъ доброй ночи, любезный Г.....Теперь я намѣрена пополнить мое прежнее письмо о крестьянскихъ свадьбахъ. Я не разсказала вамъ о приготовленіяхъ наканунѣ вѣнчанія; о нихъ прошу послушать меня. Вы найдете ихъ необычайно интересными обычаями, сохранившими характеръ отдаленной древности. Во многихъ Русскихъ народныхъ обычаяхъ, въ ихъ сельскихъ увеселеніяхъ, суевѣріяхъ и чародѣйствѣ есть большое сходство съ Греческой жизнію, что указываетъ происхожденіе ихъ цивилизаціи. Трудно не замѣтить этого сходства; и это одно обстоятельство представляетъ особенный интересъ путешественнику, который можетъ наблюдать въ Русскомъ народѣ живую картину давно минувшихъ вѣковъ, столь тѣсно связанныхъ съ нашими первоначальными нравами.

Я разсказываю вамъ свадьбу Софьи, бывшей горничной М ..; эту свадьбу мы отпраздновали на-славу.

Хотя я видѣла нѣсколько подобныхъ церемоній въ церкви, но никогда не рѣшалась участвовать въ самомъ дѣлѣ, боясь задохнуться отъ пара, потому что баня играетъ здѣсь главную роль. Не смотря на то, я рѣшилась до отъѣзда

изъ Россіи познакомиться съ нимъ, и потому слушайте отъ начала до конца всю операцію.

Невѣста, заливаясь горькими слезами, садится въ передній уголъ за столомъ, покрытымъ плодами и пр.; женихъ подходитъ къ ней и, подаривъ ее разными нарядами, быстро изчезаетъ, сопровождаемый своими товарищами въ баню. Тогда хороводъ дѣвушекъ начинаетъ пѣть своего рода реквіемъ—свадебныя пѣсни.

Послѣ этого отводятъ въ баню невѣсту, окруженную ея молодыми подругами, которыхъ собирается отъ тридцати до сорока, онѣ раздѣваютъ ее въ передней комнатѣ и потомъ все еще плачущую и голую вводятъ въ самую баню. Раздѣвшись сами, они моютъ, вытираютъ ее, потомъ начинаютъ танцовать, бить въ ладоши, пить вино, которое раздаетъ одна Ева, сидящая съ бутылкой и стаканомъ въ рукѣ,—а невѣста все плачетъ. За тѣмъ раздается круговая пѣсня, которой поттягиваютъ всѣ за исключеніемъ самой "*суженой.*"

Эта сцена продолжается съ часъ, и подъ конецъ принимаетъ видъ необузданнаго пира. Подружки разгоряченные виномъ и паромъ, поютъ и пляшутъ подобно Вакханкамъ, между тѣмъ, невѣста угрюмо молчитъ или плачетъ.

Отведенная домой, она опять садиться за столомъ и снова поются пѣсни. Послѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ варіацій, пирушка заключается сытнымъ ужиномъ, а на другой день молодыхъ вѣнчаютъ. И за-тѣмъ конецъ моему письму и бумагѣ.

Москва. 2 февр. 1807 г.

У насъ все покрылось самымъ печальнымъ, безутѣшнымъ трауромъ. Смерть князя Дашкова обратила нашъ домъ въ кладбище. Я не стану описывать всѣхъ грустныхъ и тягостныхъ послѣдствій этого событія, и пройду молча-

ніемъ мрачныя сцены, вызванныя этой непредвидѣнной смертью.

Чтобы удалиться на время отъ печальнаго пепелища, мы проводили княгиню въ одинъ монастырь, называемый новымъ Іерусалимомъ, въ пятидесяти или шестидесяти миляхъ отъ Москвы. Между тѣмъ и приготовила посылку, чтобъ отправить ее изъ Петербурга моремъ. Возвращаясь домой, я боюсь Ирландскаго холода и сырости послѣ искуственной атмосферы Русскихъ печей, въ высшей степени удобныхъ. Здѣсь въ домахъ почти не знаютъ что такое холодъ; и когда выходятъ на улицу, одѣтые въ мѣховыя шубы, морозъ имѣетъ свою прелесть. Вы едва ли повѣрите, если я скажу вамъ, что Италіянская зима безпокоила меня больше, чѣмъ Русская.

Кажется я никогда не отрицала, что въ Россіи есть дерева, трава, вода и земля, кромѣ снѣгу. Но растительное царство здѣсь идетъ объ руку съ деспотической политикой; береза поэтическое произведеніе этой почвы, подобно тому, какъ тростникъ въ Ирландіи и виноградъ во Франціи; не даромъ березу называютъ Русскимъ виноградомъ. Лѣса замѣчательные по красотѣ, и славятся великолѣпными соснами и другимъ строевымъ лѣсомъ; но я нигдѣ не встрѣчала такого изобилія и разнообразія ягодъ, какъ въ Русскихъ лѣсахъ. Но обращаюсь къ березѣ, и желаю, чтобы геній примѣнилъ ее только къ порокамъ, но не къ порабощенію ея обитателей. Но и тогда какъ грустно становится при взглядѣ на нее.

Говоря о Русскихъ народныхъ увеселеніяхъ, я хочу познакомить васъ съ святочными или рождественскими забавами въ крестьянскомъ быту. Представьте ссбѣ хороводъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя становятся кругомъ стола, подобно вѣдьмамъ Макбета. На столѣ помѣщается большой сосудъ, куда кладется не много хлѣба, воды, соли, и уголь; этотъ сосудъ покрывается другой чашкой, въ которую бросаются залоги гадальщиковъ—кольца, серьги,

цѣпи и все это таинственно перемѣшивается вмѣстѣ. Гаданье начинается пляской и пѣснями. За-тѣмъ вынимаютъ жребіи, что совершается въ слѣдующемъ видѣ: сначала одинъ запѣваетъ аллегорическую пѣсню, потомъ подхватываетъ цѣлый хоръ; пѣсни полны желаніемъ счастія, любви и надежды. Во всемъ этомъ мечтательномъ и суевѣрномъ мірѣ много сходства съ Ирландіей. Я знаю одну очень милую дѣвушку, аристократическаго сословія, которая приходитъ въ необыкновенный восторгъ, когда прачкѣ случится завернуть блоху въ ея чистое бѣлье.

Относительно этихъ народныхъ игръ, теперь выгнанныхъ изъ высшихъ слоевъ общества, княгиня разсказывала намъ, что въ былое время она участвовала въ нихъ съ императрицей. Вѣроятно, Екатерина была тогда еще великой княгиней и, какъ иностранка, хотѣла понравиться народу, не только примѣняясь къ обычаямъ, но и раздѣляя его суевѣрія.

..... Нашъ Польскій вопросъ вѣроятно осуществится осенью, и я надѣюсь скоро увидѣть васъ и своихъ сестеръ, которыхъ мнѣ ничто не могло замѣшать въ моемъ путешествіи.

Да благословитъ васъ Богъ. Скажите друзьямъ Елены, что она страшно здорова и говоритъ по Русски съ ужаснымъ аксентомъ.

Мы въ Москвѣ ничего не знаемъ изъ современной политики и повторяемъ однѣ сплетни противъ Петербурга. Княгиня писала молодой императрицѣ, рекомендуя ей съ самой лестной стороны М. . . .

. . . . Сжальтесь надомной и пишите; я отупѣла и облѣнилась;—за всѣмъ тѣмъ преданная вамъ навсегда.

БРЮЭНЪ.

Москва, мая 15, 1807 г.

Смерть князя Дашкова была сокрушительнымъ ударомъ для его семейства ; нашъ домъ обратился въ молчаливый, мрачный монастырь. Но вотъ засвѣтило одно обстоятельство и, кажется, послужитъ утѣшеніемъ княгини. Къ намъ явилась новая личность, молодая княгиня Дашкова. Назадъ тому двадцать лѣтъ, она — пятнадцатилѣтняя дѣвушка блистательно начала обманчивую жизнь замужествомъ съ Дашковымъ, которое скоро обратилось въ источникъ горя, перенесеннаго ею безмолвно среди безвыходнаго уединенія. Я не стану говорить о тѣхъ обстоятельствахъ, которые послужили поводомъ ихъ разлуки ; но жена осталась вѣрна сердцемъ своему мужу ; она продолжала любить его неизмѣнно. Послѣднимъ распоряженіемъ умирающаго князя было обезпеченіе состоянія его супруги, женщины бѣдной. Въ припадкѣ скорби о его смерти, она, говорятъ, разорвала актъ по которому мужъ передалъ ей часть своего имѣнія, по— наслѣдству принадлежащаго его сестрѣ, какъ законной наслѣдницѣ.

Княгиня въ первый разъ написала ей письмо, вручивъ его Норовой и графинѣ Воронцовой, которые взялись лично передать его ; по снѣгу и холоду онѣ отправились въ пустынную деревню вдовы и полуживую привезли ее въ Москву.

Вообразите встрѣчу двухъ княгинь, въ первый разъ въ жизни ; симпатическая струна въ ихъ сердцѣ была за тронута общей потерей. Но я не буду говорить подробно объ эчой сценѣ. Достаточно сказать, что молодая княгиня тихаго нрава, добраго поведенія и всѣми силами старается заслужить любовь Дашковой, которая отвѣчаетъ ей самымъ нѣжнымъ сочувствіемъ ; кажется, этотъ союзъ доставитъ имъ взаимное утѣшеніе и, можетъ быть, счастіе. Княгиня Анна живетъ вмѣстѣ съ нами и не оставитъ насъ до октября, когда она

переѣдетъ въ свой собственный прекрасный домъ, купленный ей Дашковой.

Все это хорошо. Но когда же мы возвратимся въ Англію? я за себя не горюю; меня безпокоитъ отъѣздъ М..... Смерть Дашкова перепутала всѣ наши планы, перевернула весь домъ. При такомъ несчастіи, М.... не хочетъ и думать о разлукѣ съ своимъ другомъ; княгиня явно протестуетъ мнѣ, какъ и всему семейству, съ слезами на глазахъ, говоря, что она не переживетъ разлуки съ той, которую она любитъ, какъ свое собственное дитя.

Въ такомъ положеніи остается вопросъ, и М...., какъ романическая героиня, хочетъ доказать всю свою любовь и преданность княгинѣ въ эту минуту. Иначе чувствую я, и вы скоро увидите меня и Элеонору возвращающимися подобно Гюдибрасу и Ралефу, послѣ ихъ приключенія съ мѣдвѣдями.

На перекоръ всѣмъ обѣтамъ, любезная княгиня участвовала съ нами во всѣхъ праздникахъ, которыми здѣсь встрѣчаютъ начало весны, составляющей предметъ религіознаго сбоготворенія. Остатки языческихъ обрядовъ, какъ мнѣ кажется, соединяются съ богослуженіемъ Греческой церкви, такъ что я боюсь, не присутствовали ли мы на сатурналіяхъ Майскаго дня, которыя за двѣ тысячи лѣтъ сердили стараго Катона.

Впрочемъ не безпокойтесь; какого бы ни было происхожденіе этихъ церемоній, мы вмѣстѣ съ другими участниками ихъ, не трогались изъ кареты, проѣзжая въ длинномъ ряду экипажей, между полицейскими чиновниками, сопровождавшими насъ съ обѣихъ сторонъ.

Но что за нелѣпость во всемъ этомъ! Если бъ вы нечаянно упали съ другой планеты во время пасхи и взглянули на городъ, загроможденный экипажами, набитыми людомъ въ самыхъ нарядныхъ костюмахъ, вы подумали бы, что вся Москва сошла съ ума. И если бъ вы спросили, что все это значитъ, я думаю, что ни одинъ Москвичь не

могъ бы дать вамъ удовлетворительнаго отвѣта. Поэтому я не стану осаждать васъ описаніемъ нашихъ прогулокъ, которыя при всей ихъ пустотѣ продолжались цѣлые часы, между тѣмъ княгиня, оставаясь дома устроивала свой естественный кабинетъ; она лѣтъ тридцать не дотрогивалась до чемодановъ, а теперь открыла ихъ, чтобъ подарить нѣкоторыя замѣчатетьныя вещи Московскому университету. Музеумъ его очень бѣденъ тѣми предметами, которые предлагаетъ ему Дашкова, какъ плодъ своихъ путешествій по Европѣ.

Княгиня во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ начинаетъ дѣйствовать такъ какъ будто съ этимъ міромъ разсчетъ ея кончился. Такъ она уже разослала нѣкоторыя вещи въ воспоминаніе своего имени;—между прочимъ, она послала императору, молодой и вдовствующей императрицѣ, которые отвѣчали ей прекраснѣйшими письмами.

Изъ этого вы можете понять нравственное состояніе Дашковой; и хотя ни я, ни прочіе друзья не имѣютъ никакого повода ожидать скорой кончины ея, за всѣмъ тѣмъ грустно смотрѣть на ея печальные сборы. Мы ждемъ къ себѣ молодаго графа Воронцова, прекраснаго юношу по шестнадцатому году, котораго княгиня вмѣстѣ съ сыномъ своего брата, посланникомъ въ Лондонѣ, назначила наслѣдникомъ; графъ Воронцовъ, если позволитъ государь, соединитъ фамилію Дашкова съ своей собственной. Какъ только кончится его визитъ, мы оставимъ Москву и я буду собираться въ путь.

Сейчасъ я возвратилась съ обѣда, гдѣ присутствовалъ Молдавскій господарь, женившійся на племянницѣ княгини: длинная его борода, поясъ изъ шали, желтые сапоги, вообще турецкое платье напомнило мнѣ нѣкоторыя восточныя картины мад. Котэнъ, въ ея очаровательномъ романѣ "Матильда." Если я не ошибаюсь, это одна изъ самыхъ лучшихъ Французскихъ повѣстей. Изъ уваженія къ репутаціи автора, я также прочитала "Клэръ д'Аибъ" и

"Елисавету." Послѣдняя основана на истинномъ фактѣ, и слѣдовательно интересна; но первая представляетъ родъ женскаго Вертера, и потому невыносимо мечтательна.

17 мая... Почта такъ плутуетъ съ моими письмами, которыя получаю и посылаю, что я начинаю терять всякую вѣру и надежду. Послѣ такого откровенія, я считаю не—лишнимъ благоразумiемъ изчезнуть на время изъ вашего вида.

Москва. 16 іюня, 1807 г.

.....Меня провожаютъ изъ Россіи торжественно. Каждый вечеръ мы посѣщаемъ окрестности Москвы, гуляемъ въ "Нескучномъ," Астанковѣ, Царицынѣ и другихъ превосходныхъ мѣстностяхъ; кромѣ того, мы навѣщаемъ монастыри.

Одинъ знаменитой изъ нихъ Донской, гордо возвышающійся надъ городомъ, мы посѣтили въ послѣдній разъ. Здѣсь мы пили лимонадъ подъ тѣнью березы, любуясь сквозь ея вѣтви желтыми куполами и вызолоченными крестами Кремля, который лежалъ подъ нами во всемъ его величіи.

На склонѣ этой горы раскидывается садъ Орлова, изрѣзанный разнообразными алеями, холмами, пропастями, лужайками, съ непременной баней и церковью.

Березовая кора часто употребляется въ постройкѣ загородныхъ домовъ и даетъ очень интересный видъ зданіямъ, какъ будто построенныхъ рукой самой природы. Благодаря Англійскимъ садовникамъ, Нѣмецкій вкусъ здѣсь уничтожается; и я могу прибавить, что въ Россіи все что есть хорошаго тѣмъ обязаны, они Англичанамъ, Нѣмцамъ. Французамъ или Шведамъ.

Княгиня очень охотно помогаетъ намъ изучать Россію

въ ея древней столицѣ; такъ - какъ купцы и крестьяне держутся старинныхъ обычаевъ, то она приказала дать намъ вечеръ въ домѣ Ильи Алексѣевича, извѣстнаго купца и патріарха раскольнической секты. Этотъ восьмидесятилѣтній старикъ представляетъ очень интересный типъ Русской породы: простой, привѣтливый, трудолюбивый и благосклонный, съ большимъ лъснящимся лбомъ, прекрасными чертами и длинной серебряной бородой, высокаго роста. Онъ родился крѣпостнымъ человѣкомъ Долгорукихъ, но откупивъ свою свободу, онъ нажилъ огромное состояніе.

Не смотря на богатство его дома и нескончаемый обѣдъ, за которымъ онъ самъ присутствовалъ, я гораздо болѣе удивлялась его собственной патріархальной личности. Онъ провелъ насъ по своимъ церквамъ, монастырямъ, госпиталямъ, образующимъ цѣлый поселъ вокругъ его дома, и объяснилъ нѣкоторыя особенности своей религіозной секты. Главное различіе между расколомъ и господствующей церковью, кажется, состоитъ не въ основныхъ догматахъ, а въ томъ что раскольники не признаютъ церковныхъ книгъ и нѣкоторыхъ обрядовъ, введенныхъ въ позднѣйшее время.

Впрочемъ подъ словомъ "Раскольникъ" въ Россіи означаются различныя секты, отступившія отъ основнаго вѣроисповѣданія.

Заключаю мое письмо полнымъ негодованіемъ противъ васъ; съ чего вы взяли упрекать меня, что я никогда не упоминаю вамъ о войскѣ и политическомъ состояніи Россіи. Чему тутъ удивляться? Послѣ того вы станете требовать отъ меня свѣдѣній о Китаѣ или Аравіи. Здѣсь нѣтъ ни одного существа, отъ котораго вы узнали бы что нибудь въ этомъ отношеніи, за то ужъ никто и не спрашиваетъ васъ: здѣсь все болѣе важное дѣлается исподтишка и украдкой.

BIBLIOTHECA BODLEIANA

Петербургъ, 15 іюля.

Посмотрите на число и вы увидите, что уже мѣсяцъ прошелъ, какъ я покинула—Москву. Опишу вамъ мои проводы.

Княгиня, М... и я помѣстились въ одной каретѣ, княгиня Анна и Исленьева въ другой, горничныя въ кибиткахъ, Элеонора ѣхала въ моей каретѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Александровичемъ, вѣрнымъ стражемъ Дашковой, другіе слуги и козаки, провожавшіе насъ, занимали свои повозки. Въ такомъ видѣ мы двинулись къ Воскресенскому монастырю, гдѣ Мельхиседекъ, любезный игуменъ, принялъ насъ съ обычнымъ гостепріимствомъ и провелъ въ домъ, нѣкогда устроенный для Екатерины II. Замѣтьте, что эту привиллегію можетъ имѣть только статсъ-дама, съ императорскимъ портретомъ; ее допускаютъ во время путешествія въ царскіе покои. Почтенный архимандритъ угостилъ насъ чаемъ, приказалъ послать намъ сѣна на кожаныхъ кроватяхъ, благословилъ и оставилъ насъ въ покоѣ.

На слѣдующій день мы посѣтили прекрасныя окрестности монастыря; насъ провожалъ настоятель въ своихъ дрожкахъ. Послѣ обѣда мы отправились въ Клинъ, гдѣ ночевали.

Княгиня, не смотря на всѣ мои просьбы, рѣшилась было проводить меня до Петербургскаго или Рижскаго порта; но плохое состояніе ея здоровья принудило отмѣнить этотъ планъ. Такимъ образомъ четвергъ былъ днемъ нашей разлуки въ Клинѣ; я пишу постоянно и княгинѣ и М....

Простившись съ Дашковой, я сѣла въ свою карету съ Элеонорой; двое слугъ, Кузьма и Антонъ, помѣстились на козлахъ; за нами слѣдовалъ Иванъ Александровичъ въ своей кибиткѣ, со всей дорожной провизіей. Четверка бодрыхъ коней понесла насъ лѣсистыми дорогами.

Въ воскресенье утромъ, 11 іюля, мы остановились не-

далеко отъ Петербурга, въ Царскомъ селѣ, которое я имѣла время осмотрѣть. Въ Петербургъ мы прибыли послѣ обѣда въ домъ барона Огье, бывшаго Голландскимъ посланникомъ при Екатеринѣ II. Баронесса племянница Дашковой и старый другъ ея. Я прежде мало знала ея мужа, но сквозь его суровую наружность видимо проглядывала доброта и достоинство. Онъ мужщина коренастый, съ крупными чертами, пріятнымъ лицемъ и очень умный.

Вотъ уже четвертой день, какъ я живу здѣсь среди такого множества разныхъ хлопотъ, что это письмо, давно начатое и неоконченное, вѣроятное будетъ вѣстникомъ моего пріѣзда. Я сажусь въ лодку, у самаго подъѣзда (домъ стоитъ на берегу Невы), въ пятницу, 23 этого мѣсяца и отправляюсь въ Кронштадтъ, гдѣ ожидаетъ меня тотъ же самый корабль, на которомъ пріѣхала М.... и я въ Россію.

И такъ я здѣсь. Какихъ хлопотъ, писемъ, визитовъ и мученій стоило мнѣ разстаться съ Петербургомъ.

Я встрѣтила моего друга, мистера Кавана; онъ помогъ мнѣ устроить всѣ мои дѣла.

Прошлую ночь мы провели на дачѣ, въ четырнадцати верстахъ отсюда, у герцога Капріоло, Неаполитанскаго министра. Здѣсь было все лучшее общество Петербурга; вечеръ былъ очень веселый. За день передъ тѣмъ мы были у графини Воронцовой, и цѣлое утро провели въ прогулкахъ.

Нѣсколько часовъ мы ходили по Эрмитажу, который такъ любила Екатерина II; картинная галерея его—превосходная; ложи Рафаела такъ прекрасно скопированы, что многіе считаютъ ихъ лучше оригинальныхъ фресковъ Ватикана.

Петербургъ—городъ великолѣпный. Со времени моего послѣдняго пребыванія здѣсь, желѣзный мостъ изъ одной арки перекинули черезъ Неву, новый манежъ построили, теперь строятъ новую биржу и планируютъ гранитную набережную.

Вчера объявленъ миръ между Бонапартомъ и Александромъ.

Съ крѣпости весь день раздавалась пушечная пальба; вечеромъ весь городъ былъ освѣщенъ. Не знаю, можно ли все это принять за выраженіе дѣйствительной радости; если это такъ, то остается думать, что старый Брюэнъ обратился въ осла. Впрочемъ не мѣшаетъ придержать языкъ, а то прикуютъ къ кибиткѣ и отправятъ въ Сибирь. Поэтому поговоримъ лучше о моемъ возвращеніи.

Если мое настоящее плаваніе будетъ также хорошо, какъ прежде, то я 20 августа надѣюсь быть въ Лондонѣ; но письмо, полученное отъ капитана Кларка, извѣщаетъ меня, что корабль шесть недѣль простоитъ въ Зундѣ. Если это правда, я поплыву въ Копенгагенъ; будучи обстрѣленнымъ солдатомъ, я уже запаслась и письмами въ этотъ городъ, чтобъ избѣжать приключеній.

Княгиня и М.... часто пишутъ мнѣ и я устала отвѣчать имъ. Баронъ и баронесса Огье проводили меня до Кронштадта и посадили на корабль. Не достаетъ одной М...., впрочемъ весной она непремѣнно оставитъ Москву.

Здѣсь вообще думаютъ, что прошлая иллюминація въ честь мира съ Франціей была демонстраціей народнаго чувства. Если такъ, то нечего ожидать добра, потому что она была чрезвычайно дурна. Когда мы бродили по улицамъ, я вспомнила "Смерть" Мильтона, "съ ее ужасной гримасой сквозъ блѣдную улыбку". Но Россія отважный школьникъ; чтобъ выиграть праздникъ, она готова лечь подъ розги. Этотъ миръ по моему мнѣнію, маленькая ея шалость, а въ рукахъ Бонапарта розга.

Здѣсь всѣ кричатъ противъ Англичанъ, за отлагательство союза. Невѣжественное большинство къ образованному кругу, здѣсь относится какъ 999 къ одному; и это большинство шумитъ противъ Англіи, и только не многіе видятъ дальше. Вообразите мое невѣжество въ политическихъ дѣлахъ! Я никогда не читаю газетъ; онѣ запрещены здѣсь, и ничего не слышу, кромѣ дневныхъ сплетней. Любящая васъ.

K. W.

Петербургъ, въ домѣ барона
Огье, 28 іюля, 1807 года.

Любезный батюшка, вотъ ужъ семнадцатый день, какъ я живу въ Петербургѣ; планы мои относительно возвращенія въ Англію съ первымъ попутнымъ вѣтромъ такъ перепутались, что я рѣшилась не писать больше домой, въ той увѣренности, что извѣстіе, посланное съ этой почтой непремѣнно будетъ противорѣчить слѣдующей. Причина моей остановки и безпокойства въ томъ, что я оставила Москву безъ паспорта. Княгиня увѣрила меня, что достаточно имѣть одну подорожную, подписанную начальствомъ и предъявленную въ Московскихъ газетахъ.

Вамъ писала уже М... о моимъ отъѣздѣ, а я увѣдомила А..., поэтому нѣтъ надобности возвращаться къ прошлому; я лучше разскажу вамъ о своихъ послѣднихъ похожденіяхъ, въ которыхъ приняли участіе какъ наши, такъ и Русскіе мои друзья. Баронъ Огье три раза видѣлся съ Петербургскимъ генералъ губернаторомъ, а Англійскій банкиръ и превосходный нашъ Кавана истощили всѣ усилія по моему дѣлу, и все напрасно. Строгость современнаго правительства въ выдачѣ паспортовъ безпощадная. Вслѣдствіе этого старый мой пріятель, корабль "Good Intent," прождавъ меня въ Кронштадтѣ довольно долго, наконецъ вышелъ въ море. Такимъ образомъ я должна пробыть здѣсь, пока, во первыхъ, въ Московскихъ газетахъ не объявятъ три раза о моемъ отъѣздѣ; во вторыхъ, пока мой паспортъ не пройдетъ по разнымъ чиновничьимъ мѣстамъ и наконецъ не пролежитъ трехъ дней въ канцеляріи графа Румянцева; послѣ этого, говорятъ, я могу на другой день выѣхать.

Я очень обязана гостепріимству тѣхъ друзей, въ домѣ которыхъ живу; мое время проходитъ очень весело. Я часто посѣщаю дворцовый Эрмитажъ и разъѣжаю по великолѣпной Невѣ въ общественные сады, учрежденія и

проч. Ничего не можетъ быть лучше этого города въ лѣтнюю пору, днемъ и ночью, если только можно назвать ночью здѣшнія ясные сумерки, при свѣтѣ которыхъ можно шить и читать. Все это очень хорошо; но эти удовольствія отравляются моимъ неопредѣленнымъ положеніемъ.

Впрочемъ я утѣшаюсь тѣмъ, что мой опытъ покажетъ дорогу М..., на слѣдующую весну; я отстраню всѣ препятствія которыя бы помѣшали ея возвращенію.

Мои письма постоянно посылаются въ Москву; и княгиня и ея семейство съ каждой почтой увѣдомляютъ меня, такъ что можно думать, что мы еще не разстались. По желанію Дашковой, я просила княгиню Прозоровскую и графиню Протасову дозволить мнѣ проститься письменно съ молодой и старой императрицей, если только не буду имѣть чести представиться имъ лично.

Мой добрый другъ, мистеръ Кавана, сейчасъ отправился въ Кронштадтъ пріискать мнѣ лучшій корабль и окончательно устроить дѣло моего отъѣзда.

Прощайте, мой любезный батюшка.

КОНЕЦЪ.

507

ОГЛАВЛЕНІЕ

Отъ Издателя.	Стр. V
Письмо Княгини Дашковой посвященное Мись Уильмотъ.. ...	1
Записки Княгини Дашковой. Гл. I—XXIX.	5–292
Заключеніе.	293
Письма Императрицы Екатерины II.	329
Четыре письма Екатерины II къ дѣвицѣ Левшиной. ...	299
Письма Княгини Дашковой.	335
Письма Дидро къ Княгинѣ Дашковой.	360
Характеристика Княгини Дашковой Дидро.	372
Письма Вольтера и Аббата Рейналя.	380
Письмо Герцога Судермандскаго.	382
Письмо Лаланда.	383
Письмо Герцога Ангальтскаго.	384
Письмо Императрицы Елисаветы къ Княгинѣ Дашковой. ...	385
Письмо Княгини Дашковой къ вдовствующей Императрицѣ Маріи.	387
Отвѣтъ вдовствующей Императрицы, на письмо Дашковой. ...	389
Дополненіе къ Запискамъ Дашковой, разсказъ издательницы ихъ.	391
Письмо изъ Россіи.	440

PRINTED PAR ZENO SWIĘTOSŁAWSKI.
178-179, High Holborn.

509

ERRATA.

Стран.	Напечатано.	Читай.
3	—расположеніямъ	расположеніемъ
5	—ласкавыя	ласковыя
6	—однаковыя	одинаковыя
8	—пѣмки	Нѣмки
	—мрочнымъ	мрачнымъ
	—предварителкно	предварительно
14	—строч. II. и	а
16	—много мужа	моего мужа
27	—строч. 18 ( )	и
33	—не замѣтивъ общаго изумленія	не замѣтивъ общаго изумленія, съ
	—и съ гордостью.....	гордостью.....
36	—объ этомъ происшествій	объ этомъ происшествіи
39	—дряку	драку
40	—далека	далеко
	—хорошаго-организованнаго	хорошо-организованнаго
	—опасности	опасность
43	—отдухнуть	отдохнуть
46	—предоставъ	предоставивъ
	—расходовлъ	расходовъ
48	—прошедшихъ	пришедшихъ
57	—отъ всюду	отвсюду
	—вслѣдствіе сего	вслѣдствіе своего
67	—Елисаветы Дашковой	Елисаветы Воронцовой
70	—восшеотьемъ	восшествіемъ
76	—слѣдовало, бы	слѣдовало бы
82	—мы, остановившись	мы остановились.
88	—высыпалась	высыпала
93	—замѣтилъ онъ,	онъ замѣтилъ.
98	—постояннымъ надзоромъ	постояннаго надзора
104	—и желанности	и жеманности
113	—привязала	привязали

Стран.	Напечатано.	Читай.
117	—и бѣжала	и пробѣжала
123	—Съ.	Св.
129	—съ дравымъ	съ здравымъ
130	—за его выздоровленіи	за его выздоровленіе
140	—разсказъ путешествія	разсказъ о путешествіи
141	—и не смотря на престарѣлый	и не смотря на престарѣлый возрастъ,
	—возрастъ, съ неослабнымъ.....	она съ неослабнымъ.....
143	—въ Лей-денѣ,	въ Лейденѣ,
145	—сказалъ Орловъ	сказалъ Орловъ;
147	—благотворить	боготворить
150	—обратилась къ нему,	я обратилась къ нему,
151	—какъ мнѣ разсказывили	какъ мнѣ разсказывали,
	—верховныя власть	верховную власть
173	—строны ;	страны ;
174	—проезвели	произвели
182	—и проводя	и проходя
183	—сознала меня	остапавливала меня
187	—поздною	позднюю
195	—чернило	чернила
197	—дежурнему	дежурному
205	—великаго князя	великолѣпнаго князя
208	—писавшій стихи и прозу,	писавшій стихи и прозу;
212	—изъ экономическаго комитета	изъ экономическаго капитала.
213	—притой согласно...	принятой согласно..,
223	—своей дочери ;	моей дочери ;
225	—снова навѣяло	снова навѣялъ
231	—рябита	работа
261	—Одна	Она
268	—въ Корогеву,	въ Коротову,
270	—выходъ окрестной черты	выходъ изъ окрестной черты
	—брзпрерывно	безпрерывно
Я71	—юности	въ юности
274	—буквальный переводъ	буквальный смыслъ
286	—къ сѣбѣ	къ себѣ
300	—напекоръ	наперекоръ
303	—сасается	касается
311	—за земельную лужѣйку.	за зеленую лужайку.
330	—ваше прекрасное письмо,	твое прекрасное письмо,
	—мадамъ Лажонъ,	мадамъ Лафонъ,
337	—мистера Робинсона,	мистера Робертсона,
340	—доставили	доставило
	—знакомы	знакомыя
	—знаніи,	знанія,

Стран.	Напечатано.	Читай.
346	—со всей сдерженности съ двоими	со всей сдержанностью съ своими
360	—письмо Дидро	письма Дидро
393	—которую они любили	которую она любила
	—сообщила ею	сообщила его
395	—обыкновенно потѣшало	необыкновенно потѣшало
396	—скромной.	страшной.
	—Долону	Донону
397	—увѣренна,	увѣренная,
	—думу	душу
401	—выпополнить	выполнить
407	—уложено,	улажено,
409	—бронли	брошки
	—съ купное яйцо,	съ куриное яйцо,
415	—господствовать	господствовалъ
	—Змѣнному жалу	Змѣиному жалу
420	—Заливкѣ	Заловкѣ
425	—поразсмѣшить	поразмыслить
431	—Сталію,	Стаміо,
434	—притягиваютъ	причаливаютъ
435	—Стоямio	Стаміо
438	—Эльсипера	Эльсинера
440	—досаавленыхъ	доставленныхъ
441	—одымки,	одышки,
443	—пожидовски	пошведски

BIBLIOTHECA·BODLEIANA·